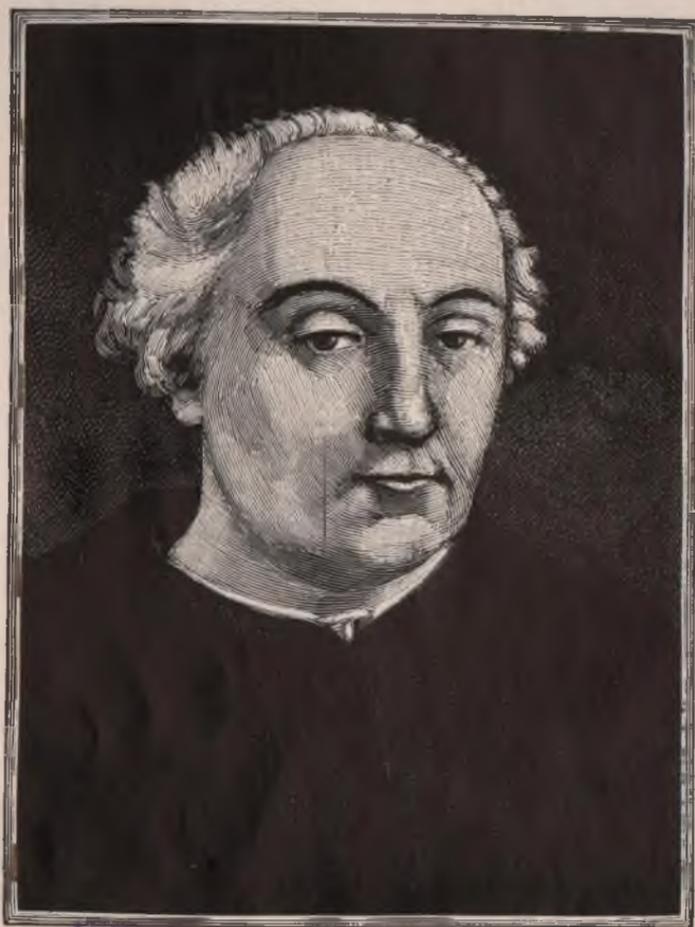

Путешествия
Христофора
Колумба

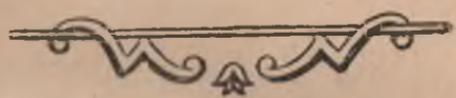
Христофор Колумб

9

216.81

П 90

Путешествия Христофора Колумба

Дневники
Письма
Документы

~~0054~~
~~6667~~
14
+
235

297.85

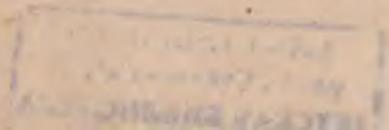
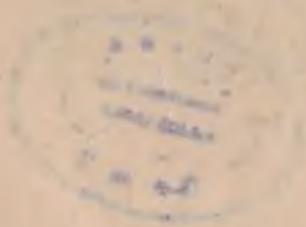

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1956

6441-1 г. Спек-171
ул. С. Стальской, 7
ДЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА

Перевод с испанского и комментарии
Я. М. СВЕТА
Под редакцией и со вступительной статьей
И. П. МАГИДОВИЧА

ТРЕТЬЕ ИЗДАНИЕ

КОЛУМБ И ЕГО ОТКРЫТИЯ

I

Со второй половины XV века в ряде приморских западноевропейских стран появилось стремление к дальним плаваниям, целью которых было открытие прямого морского пути к «Индиям», т. е. к странам Южной и Восточной Азии, которые считались «родиной пряностей» и якобы изобиловали золотом. Феодализм в Западной Европе в это время находился в стадии разложения, вырастали крупные города, развивалась торговля как между европейскими странами, так и с рядом внеевропейских стран.

Всеобщим средством обмена стали деньги, потребность в которых резко увеличилась, поэтому в Европе сильно возрос спрос на золото, что еще более усилило стремление к «Индиям». Но в то же время для западноевропейцев в результате турецких завоеваний в Аравии и Малой Азии становилось все труднее пользоваться старыми, восточными, комбинированными сухопутными и морскими путями, ведущими к Южной и Восточной Азии. Начались поиски других путей — южных, вокруг Африки, и западных — через Атлантический океан. Поисками южных морских путей к «Индиям» занималась только Португалия. Для прочих атлантических стран к концу XV века оставался открытым только морской путь к странам Востока — путь на запад, через неведомый океан. Мысль о таком пути появилась в Европе эпохи Возрождения благодаря распространению античного учения о шарообразности Земли, а дальние плавания стали возможными благодаря достигнутым во второй половине XV века успехам в кораблестроении и кораблевождении.

Таковы были общие предпосылки заокеанской экспансии западноевропейских стран. То обстоятельство, что именно Испания первая выслала в 1492 г. в западном направлении маленькую флотилию Христофора Колумба, объясняется теми

условиями, которые исторически сложились в этой стране к концу XV века.

Одним из этих условий было усиление в последней четверти XV века испанской королевской власти, ранее ограниченной.

«В формировании испанского королевства,— говорит Маркс,— имелись условия, исключительно благоприятные для ограничения королевской власти. С одной стороны, отдельные участки территории были отвоеваны и превращены в особые королевства в течение долгих войн с арабами. В этих войнах возникли народные законы и обычаи. Постепенное завоевание, совершенное главным образом знатью, чрезвычайно усилило ее могущество и в то же время уменьшило власть короля. С другой стороны, населенные пункты и города внутри страны достигли крупного значения, ибо жители вынуждены были селиться вместе в укрепленных местах и искать безопасности от непрерывных вторжений мавров; в то же время полуостровная форма Испании и постоянные сношения с Провансом и Италией создали первоклассные торговые приморские города на побережье»*.

Перелом в сторону усиления королевской власти наметился в конце 60-х годов XV века. В 1469 г. королева кастильская Изабелла вышла замуж за наследника арагонского престола Фердинанда, который через десять лет стал королем Арагона. Так произошло объединение двух самых крупных государств Пиренейского полуострова — Кастилии и Арагона — и возникла испанская монархия.

Недолго могло устоять последнее мусульманское государство в Испании — Гранадский эмират — перед натиском соединенных кастильских и арагонских сил, которым содействовал также мощный каталонский флот. Через несколько лет после взятия испанцами Малаги и Альмерии — последних мусульманских портовых городов — испанские войска в начале 1492 г. вступили в Гранаду. Закончился восьмивековой процесс реконкисты — обратного завоевания христианскими государствами пиренейских стран, завоеванных в 711 г. мусульманами-маврами.

Объединение Кастилии с Арагоном и искусная политика усилили королевскую власть в обеих странах. Чтобы обуздать испанское дворянство, не желавшее им подчиниться, короли организовали союз городов «Святое братство» (Санта эрмандад), которое выставило несколько тысяч человек для полицейской службы и в несколько лет очистило страну от разбойничьих шаек разорившихся дворян.

«...со времени Фердинанда Католика Святое братство (Santa Hermandad) оказалось в руках городов мощным ору-

* Маркс и Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 719.

дием против кастильского дворянства, обвинявшего их в нарушении своих древних привилегий и юрисдикции» (Маркс) *.

Католические короли разрушили несколько десятков феодальных замков и запретили строить новые. Они использовали огромные средства трех рыцарских духовных орденов, владевших в Кастилии большими территориями и миллионами голов овец. Для достижения этой цели Изабелла добилась того, чтобы главой всех трех могущественных орденов был ее муж. Наконец, короли создали в 1483 г. для борьбы с «еретиками» жестокий церковный суд — инквизицию: «...благодаря инквизиции церковь превратилась в самое страшное орудие абсолютизма» (Маркс) **.

Усилившаяся в ходе реконквисты и еще более после ее окончания и ставшая самым могущественным западноевропейским государством, объединенная Испания вышла на мировую арену. В 1492 г., через несколько месяцев после падения последнего испано-мусульманского государства — Гранады, первая эскадра Колумба отплыла из андалузского атлантического порта Палоса на запад, за океан, «для открытия и приобретения некоторых островов и материка в море-океане» — как глухо было сказано в дошедшем до нас официальном документе (см. ниже, стр. 60).

Заокеанская экспансия была в интересах как самой королевской власти, так и ее могущественных союзников в борьбе против феодальной знати — городской буржуазии и католической церкви. Молодая испанская буржуазия стремилась к расширению источников первоначального накопления и завидовала успехам заморской экспансии соседней Португалии, столичный город которой (Лиссабон) стал к этому времени крупнейшим в мире рынком рабов. Католическая («вселенская») церковь стремилась распространить свое влияние на «языческие» страны Южной и Восточной Азии, которые в средние века объединяли под общим названием «Индий».

Военную силу для завоевания новых «языческих» стран должно было дать испанское дворянство. Это было и в его интересах и в интересах его основных противников — абсолютской королевской власти и городской буржуазии.

До 1492 г. испанское дворянство еще было занято войной с «неверными» — маврами. Завоевание Гранады положило конец этой, почти непрерывной, войне в самой Испании, войне, бывшей ремеслом для тысяч мелкопоместных дворян — «идалго». Теперь они были без дела и стали еще более опасны для монархии и развивающихся испанских городов, чем в последние годы реконквисты, когда королям в союзе с городами пришлось вести упорную борьбу против разбойничьих дворянских шаек.

* Маркс и Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 720.

** Там же, стр. 720.

Королям нужно было избавиться от беспокойных элементов. Выходом, выгодным для королей и городов, для духовенства и дворянства, была заокеанская экспансия. Но для того чтобы можно было приступить к заокеанской экспансии, нужна была разведывательная заокеанская экспедиция. Проект такой экспедиции уже много лет предлагал Колумб. Королевская казна, особенно кастильская, постоянно пустовала. Если заморские африканские экспедиции приносили португальским королям огромные барыши, то заокеанские экспедиции, которые могли привести и к открытию новых, еще неизвестных земель, и к старым богатейшим восточноазиатским странам, сулили испанским государям и их союзникам еще большие доходы.

Испанское дворянство, в свою очередь, мечтало о приобретении земельных владений за океаном и еще больше — о золоте и драгоценностях «Катая» и «Индий», так как большинство дворян было в неоплатном долгу у ростовщиков.

В XV веке в Испании, как и в других странах Европы, по словам Энгельса, «...деньги снова стали всеобщим средством обмена, и в силу этого масса их значительно увеличилась. И дворянство тоже уже не могло обходиться без них. А так как у него очень мало было или даже вовсе ничего не было такого, что можно было бы продавать, — грабить же теперь стало также не так-то уж легко, — ему пришлось решиться прибегать к займам у городского ростовщика»*.

«До какой степени в конце XV столетия, — продолжает Энгельс, — деньги подкопали и разъели изнутри феодализм, ясно видно по той жажде золота, которая в эту эпоху овладела Западной Европой; золота искали португальцы на африканском берегу, в Индии, на всем дальнем Востоке; *золото* было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег. Но эта тяга к далеким путешествиям, приключениям в поисках золота хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полufeодальных формах, все же была в корне несовместима с феодализмом; основой последнего было земледелие, и завоевательные походы его по существу дела имели целью *приобретение земель*. К тому же мореплавание было определено буржуазным *промыслом*, который наложил печать своего антифеодального характера также и на все современные военные флоты»**.

Стремление к наживе сочеталось на Пиренейском полуострове с религиозным фанатизмом — результатом многовековой борьбы христиан против мусульман, — постоянно подогре-

* Энгельс. О разложении феодализма и развитии буржуазии. Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, стр. 441—442.

** Там же.

вавшимся духовенством, которое мечтало о распространении католической веры среди миллионов «язычников», живущих в Южной и Восточной Азии. Не следует, однако, преувеличивать значение религиозного фанатизма в испанской заокеанской экспансии. Им заражены были только часть духовенства и некоторые второстепенные конкистадоры (завоеватели). Для инициаторов и организаторов заокеанской экспансии Испании, для прославленных вождей конкисты религиозное рвение было привычной и удобной маской, под которой скрывались стремления к власти или к личной наживе, очень часто — к тому и другому вместе. С потрясающей силой охарактеризовал конкистадоров Лас Касас, автор «Кратчайшей истории разрушения Индий», своей знаменитой лаконической фразой: «они шли с крестом в руке и с ненасытной жадностью золота в сердце». Для «католических» королей религиозное рвение также служило только маской.

«Ханжой-фанатичкой» назвал Маркс королеву кастильскую Изабеллу, лицемерную покровительницу Колумба. Но среди буржуазных историков было и есть у нее много верных льстецов, и среди них такие известные авторы XIX века, как американский писатель Ирвинг и американский историк Прескотт. Повидимому, Изабелла была очень искусной лицемеркой: лишь в конце XIX века «ученые историки узнали из архивных документов самые тайные ее помыслы и взвесили самые сокровенные ее желания, которые тщательно были скрыты от современников, и они отразились в тысяче разоблачающих ее линз». И только тогда известный американский историк открытия Америки, один из крупнейших колумбианцев, не пощадивший и Колумба, с полным правом написал об Изабелле и ее муже, короле арагонском Фердинанде: «Историк, изучающий их характеры по документам того времени, не может не признать, что они отличались свойствами, мало согласовавшимися с требованиями благородства и благочестия... Можно утверждать, что часто эти испанские монархи проявляли гораздо больше вероломства и обмана, чем оно допускалось учениями их времени... и в этом отношении королева была виновнее короля» (Уинсор).

Несомненно, что «католические короли», как их называют испанские историки, ревностно защищали интересы церкви лишь в том случае, когда они совпадали с их личными интересами. «Недостаток благочестия», т. е. ханжеское лицемерие Изабеллы, разгадали только потомки, рывшиеся в исторических архивах; но Фердинанд, повидимому, был менее искусным актером, чем его супруга: его лицемерие было очевидно и для его современников, по крайней мере таких проникательных, как Макиавелли. Вот что писал Макиавелли в своем знаменитом трактате «Князь», где в одном месте он недвусмысленно намекает на Фердинанда, а ниже — прямо называет его:

«Князь должен особенно заботиться... чтобы, слушая и глядя на него, казалось, что князь — весь благочестие, верность, человечность, искренность, религия. Всего же важнее видимость этой последней добродетели... Есть в наше время один князь — не надо его называть, — который никогда ничего, кроме мира и верности, не проповедует, на деле же он и тому и другому великий враг...» (глава XVIII).

«Феррандо Арагонского, теперешнего короля Испании, почти можно назвать новым князем, потому что из слабого короля он стал... первым государем христианского мира... В начале своего царствования он напал на Гранаду, и это предприятие стало основой его мощи... Он мог на средства церкви и народа содержать войска и положить, благодаря этой долгой войне, начало собственной военной силе... Чтобы получить возможность отважиться на еще более крупные предприятия, он, действуя всегда во имя веры, предался благочестивой жестокости, изгоняя из своего королевства марранов и разоряя их... Прикрываясь той же религией, он захватил Африку, потом двинулся в Италию и напал, наконец, на Францию» (гл. XXI).

Что Колумб в этом отношении не отличался от королей, на службе которых совершил свои великие открытия, особенно отчетливо видно из тех, данных нами в переводе, документов, которые лично написаны или продиктованы им. Его подлинные дневники, к сожалению, дошли до нас лишь в обработке Лас Касаса; но этот пламенный обличитель жестоких и жадных конкистадоров из личных симпатий к Колумбу сделал для него исключение: он старался изобразить его подлинным «ревнителем веры». Только сделал он это неумело, и у его Колумба из-под маски рыцаря креста постоянно выглядывает облик рыцаря наживы.

II

Биографические сведения о Колумбе до организации его первой экспедиции крайне скудны, а поэтому ряд существенных моментов в истории его жизни и деятельности до сих пор вызывает сомнения и споры. Нет точных документальных данных, которые позволили бы восстановить шаг за шагом весь жизненный путь знаменитого мореплавателя; отсутствие таких данных открывает буржуазным историкам широкие возможности для построения легковесных гипотез, которые не только не разрешают спорных и неясных вопросов, но еще более запутывают «колумбианскую проблему».

Положение осложняется еще и тем, что первые биографы Колумба — его сын Фернандо* и Лас Касас, руководствуясь

* Или лицо, которое под именем Фернандо Колумба (Коломбо) выпустило в свет в 1571 г. на итальянском языке в Венеции «Историю жизни и дел адмирала Христофора Колумба».

личными мотивами, создали ложные версии биографии «адмирала моря-океана», сознательно исказив факты. При этом, как предполагают, они подвергли основательной ревизии материалы семейного архива дома Колумбов и изъяли множество документов, которые либо могли повредить репутации Колумба, либо опровергнуть их фальсификаторские построения.

В той или иной мере спорны почти все факты из жизни Колумба, относящиеся к его юности и периоду долголетнего пребывания в Португалии. Неясна история борьбы Колумба за осуществление проекта, да и о самом этом проекте придется судить, главным образом, по материалам, относящимся к тому времени, когда предприятие Колумба было уже осуществлено. О зарождении же у Колумба замысла дальнего заокеанского плавания приходится только высказывать предположения, пока еще не подтвержденные документальными данными.

Разумеется, много споров возбуждает и последний этап жизни Колумба, когда с именем его было уже связано открытие «островов и материка в море-океане». Но здесь, однако, исследователь сталкивается с огромным документальным материалом, который позволяет выйти из сферы догадок и беспочвенных предположений.

Могут считаться, наконец, установленными место и — с некоторыми сомнениями — дата рождения Колумба и его происхождение (прежде различные историки устанавливали дату его рождения от 1435 до 1456 гг.). Путем сопоставления нотариальных записей генуэзских архивов с различными документами, относящимися к деятельности Колумба в Португалии и Кастилии, недавно, как будто окончательно, установлено, что Христофор Колумб родился в Генуе в конце октября 1451 г.*. Его отцом был шерстяник Доминико Коломбо, матью — Сусанна Фонтанароза. Дед Христофора Колумба, Джованни, жил в пригороде Генуи — Кинто. В генуэзских архивах сохранилась запись акта о передаче Джованни Коломбо своего сына Доминико в обучение ткачу Гильермо (Вильгельму) Брабанте, сроком на семь лет. Нотариальные записи 1440—1455 гг. свидетельствуют, что Доминико Коломбо был человеком очень небогатым. Он не имел собственного дома и арендовал жилье у генуэзского монастыря Санто-Стефано. Не только Доминико Коломбо, но и сын его Христофор был ремесленником и состоял в генуэзском шерстяном цехе (*lancigo de Lanina*), как то подтверждает документ, датированный 1472 годом.

Генуэзское происхождение Колумба доказано опублико-

* И все же этому противоречат некоторые высказывания самого Колумба и его современников, лично его знавших, в частности Бернальдеса.

ванными в 1931 г. нотариальными актами XV века, собранными в архивах Генуи*.

Тем самым отпали основанные на прямой фальсификации источников версии о каталонском, галисийском, португальском, провансальском и британском [!] происхождении Колумба, создаваемые на протяжении последнего столетия «учеными» шовинистами.

Неизвестно, где именно учился Христофор Колумб, учился ли вообще или был гениальным самоучкой. Все сведения, какие приводят его биографы, сопровождаются таким количеством сомнений и оговорок, что самый факт остается неразъясненным. Но несомненно, что Колумб читал по крайней мере на четырех языках (итальянском, испанском, португальском и латинском), читал немало и притом очень внимательно. Сохранился между прочим экземпляр латинской книги с его личными заметками на полях. Это была книга Аллиака (кардинала Пьера д'Альи) «Имаго Мунди», под влиянием которой в значительной мере сложились географические представления Колумба. (Пьер д'Альи учил о шарообразности Земли, опираясь на сочинения Роджера Бекона.)

Не без труда удастся установить биографическую канву жизни Колумба для времени от 1472 до 1485 г., когда он, покинув Португалию, прибыл в Кастилию.

Прежде всего возникает вопрос, когда и при каких обстоятельствах потомственный шерстяник Христофор Колумб стал мореплавателем. Сам Колумб в «Дневнике первого путешествия» указывает, что он уже в течение 23 лет плавает по морям. Запись эта датирована 21 декабря 1492 г. Следовательно, если основываться на этом заявлении адмирала, необходимо отнести начало его морской карьеры к 1469 г. Между тем в 1469 г. Колумб еще не покидал Генуи. Впрочем, в одном из писем испанской королевской чете от 1501 г. он заявляет, что уже в течение сорока лет ему приходится заниматься навигационным искусством. Однако 1461 год как дата начала деятельности Колумба-моряка еще менее приемлем.

По всей вероятности первое дальнейшее плавание Колумба относится к 1473 или к 1474 гг. В документах имеются косвенные указания на его участие в генуэзских торговых экспедициях, побывавших в 1474 и 1475 гг. в водах Моря-Архипелага (Эгейского моря). В эти годы остров Хиос посетили корабль Джофредо Спинолы и флотилия, снаряженная купцом и банкиром Паоло Негро, с которым Колумб был тесно связан в последующие годы. То были предприятия, которые осуществля-

* Сборник документов *Città di Genova, Commissione Colombiano, Cristoforo Colombo*, Bergamo, 1931. Экземпляр этого сборника, врученный в 1946 г. делегации советской молодежи, посетившей Геную, хранится во Всесоюзной публичной библиотеке им. В. И. Ленина.

лись генуэзцами, вывозившими из Хиоса благовонную смолу для продажи ее на европейских рынках.

Видимо, в мае 1476 г. Колумб на корабле того же Negro попадает в Португалию, скорее в качестве комиссионера торгового дома Паоло Negro и Лодовико Чентурионе, чем моряка-профессионала.

Нет оснований сомневаться в том, что, живя в течение девяти лет в Португалии, Колумб не раз принимал участие в дальних плаваниях. Вполне вероятно, что он побывал и на севере — в Англии и Ирландии, и на юге — в Гвинее. Но мы не знаем, совершал ли он эти плавания в качестве представителя генуэзских и португальских торговых домов или исполнял обязанности, связанные с вождением кораблей.

Предполагается, что ложны версии о посещении Колумбом Исландии или об его участии в каких-либо известных авантюрных экспедициях в период между 1470 и 1473 гг. Вообще следует иметь в виду, что Колумб в молодые годы вряд ли был моряком-предпринимателем или удальцом, участвовавшим в корсарских предприятиях и морских сражениях, столь частых в истории средиземноморских стран. Во всяком случае, еще в 1479 г. он был комиссионером указанного выше генуэзского торгового дома Negro и Чентурионе и как его представитель закупал на острове Мадейре сахар.

В генуэзских архивах имеется запись от 25 августа 1479 г., которая свидетельствует, что генуэзский гражданин Христофоро Коломбо, возрастом 27 лет, или около того, в ближайший понедельник отбывающий в Лиссабон, требует с Лодовико Чентурионе 100 флоринов долга. В Геную Колумб приехал на короткое время: жил он в ту пору в Португалии — то в Лиссабоне, то на островах Мадейре и Порту Санту (к северо-востоку от Мадейры).

Имеются предположения, что в Лиссабоне же обосновался брат Христофора Колумба — Бартоломе, который занимался вычерчиванием морских карт.

К 1479 г. Христофор Колумб женился на Филиппе Монишди Перестреллу, дочери португальского правителя острова Порту Санту. От этого брака родился в 1480 г. старший сын Колумба, Диего, впоследствии унаследовавший титул адмирала и вице-короля Индий. Колумб некоторое время прожил с Филиппой Перестреллу на Порту Санту, куда правителем в 80-х годах XV века был назначен брат его жены, Бартоломе Перестреллу. Остров этот, расположенный в 50 км к северо-востоку от Мадейры, нередко посещался тогда португальскими мореплавателями, которые совершали рейды в Атлантику. Бесспорно, их рассказы о действительных и вымышленных путешествиях Колумбу приходилось здесь слышать много раз.

С вступлением на португальский престол короля Жуана II (1481 г.) возобновилась активная деятельность португальских

мореплавателей — искателей путей в Индию. В 1482 г. Диогу Азамбужа по распоряжению короля предпринял морской поход в Гвинею и основал на северном берегу Гвинейского залива (на Золотом Берегу) Сан Жоржи да Мина — промежуточную базу на пути в Южную Африку. Колумб на полях двух принадлежащих ему книг отметил, что лично побывал в Мине и что ему часто приходилось совершать плавания к берегам Гвинеи. Трудно сказать, насколько эти отметки Колумба, подлинность которых к тому же оспаривается, соответствуют истине. Во всяком случае, если он посетил Мину, то мог сделать это в 1482—1485 гг. Ряд указаний в письмах Колумба, особенно в письме, где излагаются результаты его третьего путешествия, свидетельствуют, что он действительно посещал ранее Гвинею.

Итак, нет никаких прямых документальных доказательств, кроме заявлений самого Колумба, что он совершал какие-либо дальние плавания до первого перехода через Атлантический океан. И тем не менее, уже во время своего первого плавания Христофор Колумб, — несмотря на неизбежные при новизне предприятия промахи и неудачи, — проявил себя как очень опытный моряк, в котором счастливо сочетались качества капитана, астронома и пилота (лоцмана). Он не только вполне освоил искусство кораблевождения своего времени, но и поднял его на более высокую ступень.

Крайне неясна история возникновения знаменитого проекта Колумба. Большинство современных нам историков эпохи великих открытий сомневается в том, что флорентийский ученый Тосканелли посылал лично Колумбу письмо, в котором указывалось, что Чипангу и Катай (Япония и Китай) лежат всего лишь в 5 000 морских миль от Лиссабона. Нельзя поэтому утверждать, что именно Тосканелли дал Колумбу указания, которые легли в основу его замысла. Несомненно одно, что Колумб, обратившись к некоторым из наиболее распространенных трудов по космографии того времени (а эти труды в XV столетии основывались на представлениях античных географов и на данных, приводимых арабскими географами и другими путешественниками, посетившими Индию и Китай), мог найти там указания, подобные тем, которые якобы были им непосредственно получены от Тосканелли. Но скептические историки все же не могут объяснить, для чего нужно было биографам Колумба, лично знавшим его, выдумывать о его переписке с флорентийским ученым. Ведь такая ложь ничего не прибавляла и не убавляла в славе Колумба.

В 1484 г. король Жуан II создал «Совет математиков», который должен был рассматривать все дела, связанные с утверждением проектов заморских предприятий. Португальский историк XVI столетия Жуан Барруш указывает, что этот Совет рассмотрел и отклонил проект генуэзца Христофора Ко-

тельным францисканцем, Хуаном Пересом, настоятелем Рабиды, оказал Колумбу поддержку в его хлопотах при дворе.

По совету Морачены Колумб сперва предложил свой проект богатейшему гранду Кастилии Энрике Гусману, герцогу Медина Сидония. Герцог заинтересовался предложением Колумба, но переговоры вскоре прервались. Медина Сидония, смутьян и ярый противник жесткой политики кастильской короны, направленной против крупных феодалов, навлек на себя гнев королевы Изабеллы и вынужден был покинуть Севилью.

Тогда Колумб обратился к другому кастильскому гранду, герцогу Мединасели, у которого он просил сумму, необходимую для снаряжения трех или четырех каравел. Герцог, желая получить от короны разрешение на организацию экспедиции, обратился к королеве Изабелле, которая вызвала Колумба ко двору и, выслушав его предложения, приказала передать их на рассмотрение особой комиссии.

Прямо не отказывая герцогу Мединасели в его просьбе, королева стремилась затянуть разрешение вопросов, связанных с намечаемой экспедицией. Изабелла не была заинтересована в таких заморских предприятиях, доходы от которых поступали не в ее казну, а в пользу ее политических противников — крупных испанских феодалов.

Пока шли эти переговоры, Колумб жил на содержании герцога Мединасели.

Первая аудиенция у Изабеллы состоялась в мае 1486 г., в Кордове. Здесь же произошла встреча Колумба с Алонсо Кинтанильей, начальником кастильской счетной палаты, который ввел его в дом кардинала Испании и первого советника короля и королевы, архиепископа толедского Педро Мендосы.

Комиссия, которая должна была рассмотреть предложения Колумба, была создана в том же 1486 г. Главой ее был назначен Эрнандо Талавера, настоятель монастыря Прадо близ Вальядолида, а одним из ее членов был доминиканец Диего Деса, впоследствии великий инквизитор, прославившийся своими массовыми расправами с маврами и «еретиками». Заседания комиссии проводились с начала лета 1486 г. в Кордове, а затем продолжались в коллегии св. Стефана, в Саламанкском университете. Необходимо заметить, что вымышленной от начала до конца является версия о торжественном заседании совета Саламанкского университета, на котором якобы был отвергнут проект Колумба на том основании, что ученые мужи были возмущены соображениями Колумба о шарообразности Земли.

Никакого торжественного заседания не было, и комиссия Талаверы разрешала вопрос в келейной обстановке; притом заключение ее последовало лишь спустя четыре года после того как она начала свою работу. Следует отметить, кстати, что к концу XV столетия доказательства шарообразности

Земли были настолько убедительны, что оспаривать их вряд ли решился бы какой-либо церковник, претендующий на ученость. Напротив, церковь старалась в то время примирить данные, подтверждающие шарообразную форму Земли, с библейскими концепциями, ибо прямое отрицание истины, которая стала уже общеизвестной, могло повредить ее авторитету, и без того уже пошатнувшемуся.

В 1487 и 1488 гг. Колумб получал от короны довольно значительные денежные суммы. С мая 1487 по июнь 1488 г. ему было выплачено 12 000 мараведи, и за счет казны он в августе 1487 г. отправился в только что взятую у гранадских мавров Малагу, где находились тогда король и королева. Однако успеха он здесь не добился.

В 1488 г. Колумб посетил Португалию, где его предложения были снова отвергнуты.

Между тем в Кастилии обстановка сложилась неблагоприятно для Колумба. Пока шла война с Гранадой, нельзя было надеяться на то, что корона всерьез заинтересуется проектом и возьмет на себя его осуществление. Поэтому, оставаясь в Кастилии, Колумб посылал своего брата Бартоломе в Англию и во Францию. В Англии Бартоломе ждала неудача, но зато во Франции ему удалось заинтересовать проектом Христофора Колумба старшую сестру короля Карла VIII, Анну Боже.

В 1491 г., в момент, когда переговоры с кастильским двором зашли в тупик, Колумб собирался отправиться во Францию. Бартоломе оставался в Фонтенбло, резиденции Анны Боже, вплоть до середины 1493 г.

Известно, что делал Христофор Колумб в 1488—1491 гг. Вероятнее всего, он жил в это время в Кордове. Здесь он еще в 1486 г. сблизился с Анной Нуньес Арана, дочерью зажиточного крестьянина, от которой у него был сын Фернандо — предполагаемый автор «Истории жизни и дел адмирала Христофора Колумба» и выдающийся космограф (связь Колумба с Анной не была закреплена церковным браком, и в своих письмах он никогда не называл ее своей женой). Известно, что в мае 1489 г. Колумб по приглашению короля и королевы посетил их лагерь под стенами мавританской крепости Басы. Но вплоть до того момента, когда Колумб снова появляется в монастыре Рабида, данные о нем крайне скудны.

Вероятно, только в 1490 г. комиссия, председателем которой был Талавера, вынесла свое окончательное решение; решение это было отрицательным. Лас Касас отмечает, что комиссия признала доводы Колумба слабыми и неубедительными «для любого образованного человека, как бы мало он ни был сведущ».

По словам Лас Касаса и Фернандо Колумба, комиссия отвергла проект по следующим соображениям: 1) путешествие

в Азию потребует три года; 2) Западный океан беспределен и, возможно, недоступен для плавания; 3) в том случае, если Колумб достигнет антиподов, он не сможет вернуться обратно; 4) на стороне земного шара, противоположной Европе, нет суши, ибо таково мнение блаженного Августина; 5) из пяти зон земного шара только три обитаемы; 6) немыслимо, чтобы, спустя столько веков после сотворения мира, могли бы быть найдены сколько-нибудь значительные и доселе еще неведомые земли.

Свидетельства Лас Касаса и Фернандо Колумба внушают очень большие сомнения; но, к сожалению, это единственные сохранившиеся источники относительно решения комиссии Талаверы. Для Колумба заключение комиссии было тяжелым ударом. Однако король и королева еще не высказали своего окончательного мнения и, не проявляя желаний удовлетворить просьбы Колумба, не давали ему и отрицательного ответа.

В 1491 г. Колумб снова появляется в монастыре Рабида. Настоятель монастыря, Хуан Перес, духовник королевы, человек, у которого были прочные деловые связи и с королевским двором и с андалузскими купцами и судовладельцами, оказал Колумбу помощь в его хлопотах. Через Хуана Переса и Антонио Морачену Колумб знакомится с Мартином Пинсоном, опытным моряком и влиятельным палосским корабельщиком. Одновременно и, вероятно, не без посредства Переса и Морачены укрепляются связи Колумба с высшими чиновниками кастильской и арагонской счетных палат и с севильскими купцами и банкирами.

В ноябре или в декабре 1491 г. Колумб получает новую аудиенцию у королевы и появляется в лагере Санта Фе — военном городке у стен осажденной Гранады. Здесь снова его проект рассматривается собранием экспертов, причем в этой комиссии, наряду с богословами и космографами, принимают участие видные юристы. Лас Касас указывает, что и на этот раз проект был отвергнут, ибо предьявленные Колумбом требования — о даровании ему за осуществление предприятия титулов адмирала и вице-короля — сочтены были чрезмерными.

Традиционная версия, восходящая к тому же Лас Касасу и к Фернандо Колумбу, гласит, будто королева и король решительно отвергли проект, и Колумб, вскоре после падения Гранады, — вероятно, в январе 1492 г., — совершенно обескураженный, покинул двор и направился во Францию. В тот момент, когда Колумб выезжал из Гранады, к королеве явился высший чиновник счетной палаты арагонского королевства Луис Сантанхель и убедил ее принять предложение Колумба, обещая ссудить Изабелле деньги, необходимые для снаряжения экспедиции. За Колумбом послан был альгвасил, который догнал будущего адмирала на мосту Пинос, в двух лигах от Гранады, и препроводил его ко двору. 17 апреля

1492 г. король и королева утвердили проект договора с Колумбом, а через две недели Колумбу обещали высокие титулы в случае удачи его предприятия. Переводом этих двух документов открывается наша публикация.

В XVII веке возникла новая легенда, будто королева для снаряжения кораблей Колумба заложила свои фамильные драгоценности. Несомненно, все эти эффектные сцены придают истории мытарств Колумба остро драматический характер. На самом же деле все, видимо, обстояло гораздо проще и прозаичнее.

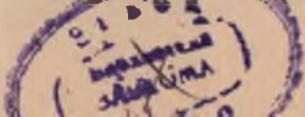
Заокеанская экспедиция, план которой предложен был Колумбом, рассматривалась короной как сопряженное с риском торговое предприятие. Быть может, доводы Колумба о возможности достичь Азии западным путем звучали и убедительно, но Изабелле нужны были не ссылки на древних авторов и средневековых путешественников, а более осязаемые гарантии. Луис Сантанхель, глава крупнейшего арагонского торгового дома и ближайший финансовый советник Фердинанда и Изабеллы, в компании с представителем севильского купечества Франсиско Пинело ссудили кастильской короне один миллион сто сорок тысяч мараведи из сумм, взятых ими у городских союзов Кастилии и Галисии.

Поддержка таких особ, как Сантанхель, Пинело, Кинтавилья — видных представителей класса, на который королевская власть опиралась в борьбе с крупными феодалами, заранее предопределила успех хлопот Колумба. На заключительном этапе его переговоров с короной крупные церковные деятели и финансовые воротилы действуют сообща, в ожидании выгод от заокеанского предприятия, и добиваются поддержки короны, заинтересованной в приобретении новых источников дохода.

Щедрое на титулы и обещания кастильское правительство решило свести до минимума затраты на экспедицию. В распоряжение Колумба были предоставлены два корабля. Экипаж — по традиционной версии — был принудительно набран из числа жителей Палоса (андалузского портового города на Атлантическом океане), приговоренных к годичным каторжным работам за оскорбление королевского величества, и пополнен уголовными преступниками. Колумб снарядил третье судно. Собрать необходимые для этого средства ему помогли братья Пинсоны, искусные моряки, родом из Палоса.

Колумб назвал свой корабль «Святой Марией». Это было, по его словам, «плохое судно, непригодное для открытий», водоизмещением около 100 тонн*. Значительно меньших раз-

* Впрочем, в конце XIX в. и особенно в XX в. нашлось немало авторов, защищавших достоинства «Святой Марии» вопреки заявлению самого Колумба. Так или иначе, этот корабль пересек Атлантический океан в са-

меров был другой корабль — «Пинта», капитаном которого был Мартин Пинсон (старший брат). Очень маленьким судном была и «Нинья» («Детка»), поставленная под команду Висенте Пинсона (младшего брата).

III

По вопросу о том, какую ближайшую цель преследовала первая экспедиция Колумба, существует обширная литература. Среди историков эпохи великих открытий имелась группа скептиков, которая отрицала, что Колумб ставил себе в 1492 г. цель достигнуть Азии. Этот скептицизм основан на юридическом, чисто казуистическом толковании двух документов, исходивших от «католических королей» и согласованных с Колумбом, — договора в Санта-Фе и «свидетельства о пожаловании титула». Дело в том, что в этих документах не упоминаются ни Азия, ни какая-либо из азиатских стран, ни какой-либо из азиатских архипелагов или островов; там вообще нет ни одного географического названия (кроме тех, которые повторяются в титулах испанских королей). Напротив, цель экспедиции формулируется в нарочито туманных, крайне неопределенных выражениях: «Поскольку вы, Христофор Колумб, отправляетесь по нашему повелению для открытия и приобретения некоторых островов и материка в море-океане...». Но такая неопределенная формулировка вполне объяснима именно тем, что в этих официальных документах, исходящих от испанских (в данном конкретном случае от кастильских) королей, нельзя было упоминать о Южной или Восточной Азии, которые в средние века объединялись общим названием «Индий»: ведь предшествующими папскими пожалованиями, подтвержденными в 1479 г. Кастилией (по договору ее с Португалией), открытие новых земель к югу от Канарских островов и «вплоть до Индий» было предоставлено Португалии. Ценой такой уступки Кастилии — слабой в то время морской державе — удалось оставить за собой Канарские острова. Поэтому Колумб за Канарскими островами взял курс прямо на запад от острова Иерро, а не на юг.

Если пользоваться официальными документами для определения ближайшей цели первой экспедиции Колумба, то нужно, в первую очередь, подчеркнуть, что глухое упоминание о материке все же могло относиться только к Азии: никакого другого материка, кроме Азии, — по древним и средневековым представлениям — не могло быть в северном полушарии к западу от Европы, за океаном (новые материка могли быть только в южном полушарии). Далее, следует опираться на третий абзац договора, где дается вероятный перечень

мой широкой его части, и на нем были совершены первые великие географические открытия за океаном.

Глобус Мартина Бехайма (1492 г.).

товаров, которые короли (и сам Колумб) надеялись найти за океаном: «жемчуг или драгоценные камни, золото или серебро, пряности и другие вещи...». Все эти товары средневековой географической традицией приписывались «Индиям», а к Индиям, повторяем, относились и восточноазиатские страны, в том числе и «Катай» и «Чипангу», или в испанском мягком произношении «Сипанго» (Япония).

Вряд ли непосредственной задачей было и открытие легендарных «блуждающих» островов средневековья — Бразилия и Антилия. Название острова Бразиль в средние века связывали с одноименным ценным «бразильским» деревом, а об этом дереве как раз ничего не говорится в официальных документах. Остров Антилия был связан с легендой о семи христианских епископах, которые якобы бежали с Пиренейского полуострова от завоевателей-мусульман и основали за океаном «Семь городов».

Если Антилия существовала, то это была христианская страна, управляемая христианами государями; испанские короли юридически не могли предоставить кому-либо (в данном случае Колумбу и его наследникам) право «приобрести» эту страну для Кастилии и закрепить за Колумбом и его наследниками «навечно» управление этой страной. По католической средневековой традиции такие пожалования могли относиться только к «языческим» (нехристианским) странам.

Несомненно также, что состав экипажа первой флотилии Колумба был подобран только с целью завязать торговые сношения с какой-то нехристианской (возможно, мусульманской) страной, а не для завоевания значительной страны; не исключалась, однако, возможность «приобретения» отдельных островов. Для крупных завоевательных операций флотилия, очевидно, не предназначалась: слишком она слабо была вооружена, слишком малочислен был ее экипаж и не было среди людей Колумба профессиональных военных. Не была целью данной экспедиции и пропаганда христианской (католической) веры, несмотря на позднейшие утверждения Колумба. Напротив, среди участников экспедиции не было ни одного священника или монаха — необычайный в то время факт, отмечавшийся всеми историками, изучавшими личный состав экспедиции. Но между людьми Колумба был крещеный еврей — переводчик, знавший немного арабский язык, т. е. культовый язык мусульман; знание его не нужно было на островах Бразиль, Антилия и т. п., но очень могло пригодиться в «Индиях», ведших оживленную торговлю с мусульманскими странами.

Таким образом, и короли, и Колумб стремились наладить торговую связь с «Индиями» и всего правдоподобнее, что именно «Индии» были основной целью первой экспедиции. То, что Колумб по возвращении в Испанию сообщил, что открыл

на западе «Индии» и привез оттуда *indios* (индейцев), было не позднейшим измышлением. Колумб, по его мнению, побывал там, куда его направляли и куда он сам хотел попасть, сделал то, что ему следовало сделать. Это мнение разделяло и подавляющее большинство инициаторов, организаторов и участников первой экспедиции. Этим объясняется немедленная организация новой, сравнительно большой, второй экспедиции. Скептиков в Испании почти не было; они появились впоследствии.

Первая экспедиция Колумба описана в наиболее обширном из публикуемых нами документов — в так называемом «Дневнике первого путешествия», составленном Лас Касасом, в основном по личным записям и рассказам самого Христофора Колумба. Ниже отмечаются лишь важнейшие этапы и достижения этой экспедиции.

3 августа 1492 г. на рассвете Колумб приказал сняться с якоря, поднял паруса и вывел свои корабли из гавани Палоса. Он взял курс на Канарские острова и достиг их без всяких приключений (если не считать двукратной поломки руля на «Пинте»). У острова Гран Канария обнаружилось, что «Пинта» давала течь. Ремонт ее отнял столько времени, что только 6 сентября 1492 г. корабли Колумба покинули Канарские острова и двинулись прямо на запад.

В течение первых трех дней был почти полный штиль, и корабли подвигались вперед очень медленно. Затем попутный ветер повлек флотилию на запад с такой быстротой, что моряки вскоре потеряли из виду остров Иерро (Ферро), самый западный из Канарских островов. Тогда, повидимому, многие из экипажа пали духом, и Колумб решил, что их тревога будет усиливаться по мере удаления от родины. По крайней мере на 9 сентября падает известная запись в дневнике: «Адмирал принял решение отсчитывать доли пути меньшие, чем проходили в действительности, в том случае, если плавание окажется бы длительным, чтобы людьми не овладели бы страх и растерянность». И уже на следующий день (10 сентября) в дневнике отмечено, что за сутки пройдено 60 лиг, а исчислено — 48 лиг, «чтобы не вводить на людей страх». Подобными записями пестрят и дальнейшие страницы дневника.

С 15 сентября начали замечать множество пучков «очень, очень зеленой травы и, казалось, трава эта лишь недавно была оторвана от земли». Однако флотилия три недели продолжала идти на запад в этом странном море водорослей. Несколько раз бросали лот, но он не достигал дна.

Это было «Саргассово море», покрытое пловучими водорослями, — гигантское (несколько млн. кв. км) водное пространство, расположенное в западной части Атлантического океана у тропика Рака, внутри кольца, образуемого океаническими течениями.

В первые дни суда, увлекаемые попутными ветрами, легко скользили среди водорослей, но затем, в течение нескольких дней затишья, флотилия почти не продвигалась вперед.

По традиционной версии, которая не подтверждается, но и не опровергается дневником, в начале октября матросы и офицеры все настойчивее требовали от Колумба, чтобы он переменял курс: до этого времени он неуклонно стремился прямо на запад. Наконец (7 октября) Колумб сдался,— вероятно опасаясь мятежа. В дневнике же есть только глухая запись, что «адмирал решил оставить путь к западу и направился на юго-запад», вслед за стаей птиц, проносившейся над его судном*.

Прошло еще три дня, и экипаж начал терять терпение («Люди теперь уже не могли больше терпеть, жалуясь на долгое плавание»). Адмиралу удалось немного успокоить матросов, убедив их, что они очень близки от цели, и напомнив, как далеки они от родины. Он уговаривал одних и обещал награды другим.

11 октября все свидетельствовало о несомненной близости земли. Сильное возбуждение охватило моряков. Тогда Колумб объявил о награде (ежегодной пенсии), обещанной испанскими государями тому, кто первый увидит землю.

В 2 часа пополудни 12 октября 1492 г. Родриго Триана, матрос «Пинты», шедшей впереди флотилии, закричал, что вдали видна земля. С «Пинты» подали сигнал выстрелами. На всех кораблях убрали паруса и нетерпеливо стали ждать рассвета.

Утром открылась земля, которую Колумб в записи от 13 октября характеризует так: «Этот остров очень большой и очень ровный, и здесь много зеленых деревьев и воды, а посередине расположено очень большое озеро. Гор же никаких нет». 33 дня длилось плавание в Атлантическом океане от Канарских островов к этому западному острову, Гуавахани, одному из Лукайских (т. е. Багамских) островов.

С кораблей спустили лодки. Колумб с обоими капитанами Пинсонами, с нотариусом и королевским контролером причалил к берегу — теперь уже в качестве адмирала моря-океана и вице-короля — и водрузил на берегу кастильское знамя. Затем он формально вступил во владение островом и составил об этом нотариальный акт. Тогда же он заявил, что первый заметил новую землю, так как видел поздно вечером 11 октября на западе движущийся свет, и потому королевская награда принадлежит ему, а не матросу с «Пинты».

Спор между простым матросом и адмиралом разрешился, конечно, в пользу адмирала, и последний — сверх прочих до-

* В записи своего дневника от 7 октября он отмечает, что португальцы открыли ряд островов, следя за полетом птиц.

ходов — получал до самой смерти небольшую ежегодную пенсию за то, что первый увидел на западе новую землю.

На острове испанцы встретили людей, которые «все... ходят нагие, в чем мать родила,— и женщины тоже... а волосы грубые, совсем как конские, и короткие... только небольшая часть волос и притом длинных, никогда не подстригаемых, забрасывается назад... А кожа у них такого цвета, как у жителей Канарских островов, которые не черны и не белы... Никакого железа у них нет».

Колумб приказал раздать островитянам головные уборы и разные безделушки. Убедившись, что чужестранцы пришли с мирными намерениями, туземцы на своих челноках (каное) последовали за их лодками. Они подплывали к кораблям и предлагали испанцам «клубки хлопковой пряжи и полугаев, дробки и другие вещички, и все давали за любой предмет, какой бы ни предлагался». Тогда же, как Колумб указывал даже в записи от 15 октября, ему предложили в подарок «сухие листья, которые особенно ценились жителями»: первое указание на табак.

Туземцы называли свой остров, если их правильно поняли, Гуанахани. Колумб, конечно, дал ему христианское имя — Сан Сальвадор («спаситель»). Несомненно, что Гуанахани принадлежит к группе Багамских островов, но нельзя с полной уверенностью отождествлять его с каким-либо определенным островом: Багамский архипелаг растянулся на огромном протяжении — на 1 200 км — от полуострова Флориды до Гаити, и в нем насчитывают около трех тысяч небольших островов и островков. И к многим из них подходит лаконичное описание, данное Колумбом (приведено выше).

Большинство историков и географов считает, что Колумб высадился впервые на острове Ватлинг (Уотлинг). Однако называют еще по меньшей мере пять других мест первой высадки Колумба; все они расположены по внешней, обращенной к Атлантическому океану, восточной цепи Багамских островов. Самый северный из островов, где мог высадиться Колумб (Кэт), расположен у 24° с. ш., самый южный — у 22°; и в зависимости от места первой высадки, конечно, меняется предполагаемый путь Колумба от Сан Сальвадора (Гуанахани) к Кубе и Гаити.

Колумб обратил внимание на «кусочки золота, воткнутые в отверстия, которые они [островитяне] для этой цели продемывают в носу». Насколько можно было их понять, золото доставлялось на остров откуда-то с юга. С этого момента адмирал не устает повторять в своем дневнике, что он «с помощью господ нашего найдет золото там, где оно рождается».

Испанцы обогнули на лодках остров Гуанахани и нашли там несколько жалких селений. Вдали виднелись другие остро-

ва, и Колумб убедился, что открыл не одинокую землю, заброшенную в океане, а целый архипелаг.

Чтобы найти дорогу к южным островам, где «родится золото», Колумб приказал захватить несколько туземцев, взбравшихся на испанские корабли. Пользуясь указаниями пленников, он начал плавание среди островов архипелага, постепенно продвигаясь на юг.

Небольшой остров, открытый им, Колумб назвал Санта Мария де Консепсьон. А затем первый, сравнительно большой остров, открытый к югу от Гуанакани, был назван Фернандиной — в честь короля Фердинанда Католика. Туземцы, помогавшие испанцам наполнить бочки водой, показали Колумбу культурнее жителей Гуанакани. «Я даже, — записывает он, — видел у них одежды, сотканые из хлопковой пряжи наподобие плаща, и они любят наряжаться, а женщины носят спереди клочок ткани, который скупно прикрывает их стыд». В другом месте он отмечает, что здесь он «наблюдал, что замужние женщины носят шаровары из хлопчатой ткани». Моряки, посетившие дома островитян, видели там висячие плетеные постели, привязанные к столбам. «Ложа и подстилки, на которых индейцы спят, похожи на сети и сплетены из хлопковой пряжи» *. Но испанцы не нашли на острове и признаков месторождений золота, хотя продолжали встречать индейцев, носивших куски золота в виде украшений.

Две недели испанская флотилия плавала среди Багамских островов. Когда Колумб высаживался на берег, он видел много незнакомых растений со странными цветами и плодами. В записи от 15—16 октября он дает восторженное описание природы открытого им архипелага, подчеркивает разнообразие форм и видов. Но среди них не было знакомых ему ценных красильных, лекарственных или пряных растений, образцы которых он взял с собой. Его поражало и то, что он не видел «ни овец, ни коз, ни других [домашних] животных». «Я делаю все возможное, чтобы попасть туда, где мне удастся найти золото и пряности», — пишет Колумб 19 октября. Но он нигде пока не находил ни золота, ни пряностей.

Последний из Багамских островов, где высадились испанцы, был назван Изабеллой в честь кастильской королевы. От туземцев они услышали о расположенном к югу от Изабеллы «острове Кубе, который, по словам индейцев, очень велик и ведет большую торговлю». На этот остров Колумб взял курс и, открыв ряд мелких островов, 28 октября «вступил в устье одной очень красивой реки» (близ восточной оконечности Кубы).

По жестам туземцев Колумб понял, что Куба так велика, что ее нельзя обойти на судне даже в двадцать дней. Тогда

* Туземцы называли их гамаками, и это название затем распространилось по всему миру.

он решил, что высадился у берегов Китая. Но там, к удивлению его, не было ни богатых городов, ни королей, ни золота, ни приностей.

Флотилия медленно продвигалась на северо-запад, вдоль берега Кубы. Среди незнакомой пышной тропической растительности иногда виднелись селения.

В одном месте адмирал высадил двух послов, приказав им разведать внутри страны туземного короля и завязать с ним сношения. Один из послов (еврей Луис Торрес), «как говорят, знал... даже немного арабский язык». Но в этой удивительной стране никто не понимал «даже» арабского языка.

Удалившись несколько от берега, послы нашли селения с большими домами*, окруженные возделанными полями, открытыми неизвестными европейцам растениями. Только одно растение им было знакомо — хлопчатник. В домах они видели земляные хлопья; женщины ткали из него грубые ткани или скручивали из пряжи сети. Мужчины и женщины, встречавшие их, шли с головными в руках и с травой, употребляемой для курения. Так европейцы впервые увидели, как употребляют табак, а незнакомые культурные растения оказались маисом (кукурузой), картофелем и табаком, которые позднее распространились по всем обитаемым материкам.

После полуторамесячного плавания (считая от Канарских островов) ветхие корабли Колумба снова нуждались в ремонте; из-за этого флотилия простояла у северо-восточного берега Кубы около двух недель.

Закончив ремонт, Колумб прошел вдоль берега Кубы немного дальше на северо-запад, пока не достиг прибрежных островов, которые он называл «Садами короля». На многих страницах дневника он «расточает похвалы изобилию и красоте» Кубы и этих островов.

Дальнейшее плавание в северо-западном направлении вдоль «китайского» берега казалось Колумбу бессмысленным. Возможно, он думал, что случайно достиг самой бедной части Китая. Зато на восток от него должен был лежать «богатейший остров Сяпанго» (Япония). Колумб повернул обратно и двинулся вдоль берега Кубы в юго-восточном направлении.

В это время (21 ноября) Мартин Пинсон скрылся со своей «Пинтой». Колумб подозревал измену: он предполагал, что старший Пинсон хотел лично для себя открыть золотые россыпи, о которых сообщали пленные туземцы.

Еще две недели после бегства «Пинты» Колумб медленно шел в восточном направлении, пока не достиг восточной оконечности Кубы.

Дойдя до пункта, где берег Кубы, «отклонившись на юг, принял направление на юго-запад» (т. е. до восточной оконеч-

* Жилища туземцев острова Кубы строились из ветвей и тростника. Часто они были очень большого размера, и в них помещались сотни людей.

ности Кубы), 6 декабря Колумб, после некоторых колебаний, двинулся на юго-восток: там он увидел землю — богатый остров, о котором он уже имел сведения от кубинских индейцев, назвавших этот населенный остров «Бохио». Это, действительно, был большой остров, который местные жители называли Гаити, а Колумб назвал Эспаньолой, так как там вдоль берега (по записи 9 декабря) «тянутся прекраснейшие в свете долины, весьма похожие на земли Кастилии, но во многом превосходящие последние». С 7 октября Колумб стал продвигаться вдоль северного берега Гаити и по пути открыл остров Тортуга, но не высаживался там.

На Эспаньоле уже было больше золота, чем на других островах: моряки видели тонкие золотые пластинки и небольшие слитки (см., например, запись от 17 декабря). Среди экипажа усиливалась «золотая лихорадка». В дневнике Колумба появляются первые записи о грабежах и о «жадности и ненасытности испанцев» (см. запись от 22 декабря).

Впрочем, самого генуэзца тоже «лихорадило». Он верит слухам о том, что недалеко от Эспаньолы лежит «самый источник золота». В своем дневнике он пишет: «небесный владыка укажет ему, где это золото родится». А на следующий день Колумб записывает слова старика-индейца об одном острове, «сплошь золотом», и о других островах, где «золото собирают и просеивают через сито, а затем плавят и выделывают из него разные другие вещицы».

К несчастью, 25 декабря, в день рождества, из-за небрежности вахтенного офицера, корабль Колумба «Святая Мария» наткнулся не на золотой остров, а на мель. Экипажу удалось с помощью туземцев снять с «Марии» весь ценный груз, пушки и припасы. В распоряжении Колумба оставалась только маленькая «Нинья». На ней нельзя было поместить экипаж двух кораблей, и Колумб решил часть людей оставить на Эспаньоле, а на «Нинье» спешно вернуться в Испанию.

39 испанцев добровольно остались на Эспаньоле, так как жизнь на острове казалась им привольной, и они надеялись найти много золота. Колумб приказал из обломков разбитого корабля построить форт, вооружил его пушками, снятыми с погибшей «Святой Марии», и снабдил припасами на год. Этот первый европейский поселок в Новом Свете, возникший в результате рождественской катастрофы, был назван «Навидад» («Рождество»).

4 января 1493 г. Колумб вышел из «Рождественской гавани» и через два дня встретил у северного берега Эспаньолы «Пинту». Мартин Пинсон уверял адмирала, что «покинул флотилию против своей воли». Колумб вынужден был притвориться, что верит Мартину, так как все равно не мог наказать его: экипаж «Пинты» был на стороне своего капитана, а «Ниньей» командовал его родной брат — Висенте Пинсон.

Адмирал подозревал, что на «Пинте» накопилось много золота. По его словам, «Пинсон (Мартин) брал себе половину всего приобретенного золота, а другую половину делил между своими людьми». А позднее он записывает, что братья Пинсоны «и другие, следовавшие их примеру... не желали подчиняться распоряжениям адмирала...». И он вынужден был скрывать свои чувства: «не время было карать виновных».

Оба корабля давали течь. Все моряки стремились поскорее вернуться на родину. 16 января «Нинья» и «Пинта» вышли в открытый океан, по направлению к Испании.

Первые четыре недели плавания прошли благополучно. Но 12 февраля поднялась буря. Через два дня на «Нинье» потеряли из виду «Пинту», и обоим кораблям больше не удалось соединиться.

Буря продолжалась четыре дня. На рассвете пятого дня, когда ветер немного стих, моряки увидели землю, и Колумб впервые правильно определил, что корабль находится у Азорских островов, принадлежащих Португалии. Однако прошло еще три дня, пока «Нинье» удалось причалить к одному из этих островов — Санта-Мария.

Через несколько дней после того, как «Нинья» оставила Азорские острова, началась вторая буря. Она пригнала одинокий корабль к португальскому берегу — недалеко от устья реки Тежу (Тахо), где лежит Лиссабон. Оттуда адмирал поехал гоним к испанским государям — с вестью о своем возвращении.

15 марта 1493 г. Колумб привел «Нинью» в Палос. В тот же день туда прибыла «Пинта», отнесенная бурей к берегам северной Испании. Капитан «Пинты» Мартин Пинсон умер через несколько дней после возвращения на родину.

Колумб привез в Испанию счастливую весть об открытых им на западе землях. Он привез немного золота и несколько невиданных еще в Европе островитян, которых с того времени в Испании стали называть *indios* (индейцами). Были привезены страшные растения и плоды, а также перья диковинных птиц.

Чтобы сохранить за собой монополию открытия, генуэзец и на обратном пути вносил в корабельный журнал неверные данные. В его дневнике записано (18 февраля), что он «умышленно показывал более длинные дистанции пройденного пути, чтобы ввести в заблуждение пилотов и моряков, пролагающих путь на карте, и самому остаться господином дороги в Индии, алым он в действительности и остается. И он желал, чтобы никто из них не знал верного пути и чтобы никто не мог быть уверенным, что маршрут, которым он следует, приведет его в Индию».

15 марта 1493 г., в день возвращения Колумба в Палос, встречаются записи Колумба, частью подлинные, частью в пере-

сказе Лас Касаса. Краткое сообщение о результате первой экспедиции — первая весть о великом открытии, распространившаяся затем по всей Европе в десятках переводов, — было, повидимому, продиктовано Колумбом секретарю в виде письма к покровителям, финансировавшим экспедицию, — Сантанхелю и Санчесу (или к одному из них; см. комментарий к этому письму).

IV

Весть об открытии испанской экспедицией Колумба каких-то островов или материка на западе, за океаном, не могла не встревожить португальцев. По их мнению, были нарушены права, предоставленные португальским королям римскими папами (Николаем V и Каликстом III) в 1452—1456 гг. — права, признанные самой Кастилией Алькасовасским соглашением в 1479 г. и закрепленные еще раз папой Сикстом IV в 1481 г. (булла «Aeterni regis»), — владеть землями, открытыми к югу и востоку от западно-африканского мыса Боядор «вплоть до Индий». Но в результате колумбовой экспедиции, если не в самих «Индиях», то, возможно, на близких подходах к ним оказались испанцы.

Есть исторические свидетельства (впрочем, не вполне достоверные), что Португалия готовилась к военной экспедиции для захвата земель, открытых Колумбом. Два «христианнейших» государя — кастильская королева и португальский король — отстаивали свои права на земли за океаном: Кастилия опиралась на право первого открытия, Португалия — на предшествующие папские пожалования. Единственным судьей, который мог разрешить спор между королями мирным путем, был высший католический авторитет — сам римский папа. Первым обратилось к папскому престолу кастильское правительство.

Папой тогда был Александр VI Борджиа — одна из самых мрачных фигур на папском престоле, многократный убийца и развратник, по иронической характеристике Стендаля — «самое совершенное воплощение дьявола на земле». Это о нем сложилась в XVI веке поговорка: «Папа никогда не делает того, что говорит». Это о нем его современник Макиавелли писал: «Александр VI никогда ничего другого не делал, как только обманывал людей; никогда ни о чем другом не думал... Никогда не было человека, который убеждал бы с большей силой, утверждал бы что-нибудь с большими клятвами и меньше соблюдал...» (Макиавелли, «Князь», глава XVIII). Вряд ли португальцы считали этого Борджиа, испанца по происхождению (до избрания в папы он назывался Родриго Борха и был епископом Картахены), беспристрастным судьей в этом деле. Но они не могли не считаться с его решениями.

«Чистыми» руками Александра VI, «раба рабов божьих», и был произведен в 1493 г. так называемый «первый раздел мира».

3 мая 1493 г., через два месяца после возвращения Колумба, папа Александр VI буллой «*Inter caetera*» («Между прочим») * предоставил кастильской короне права на земли, которые она открыла или откроет в будущем, — «земли, лежащие против западных частей и на океане», и не принадлежащие какому-либо христианскому государю. Иными словами, этот папа предоставил Кастилии на западе такие же права, какие один из его предшественников предоставил Португалии на юге и востоке.

Следующим же днем, 4 мая 1493 г., официально датирована новая папская булла (вторая «*Inter caetera*»), фактически составленная позднее (повидимому, в июне 1493 г.). В этой булле папа пытался более точно определить права Кастилии. Он даровал в вечное владение, уступал и предоставлял кастильским королям и их потомкам «все острова и материки, найденные и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты к западу и югу от линии, проведенной и установленной от арктического полюса... до антарктического полюса... Названная линия должна отстоять на расстоянии ста лиг к западу и к югу от любого из островов, обычно называемых Азорскими и Зеленого мыса».

Совершенно очевидно, что границу, установленную второй буллой «*Inter caetera*», ни на карте, ни на глобусе невозможно провести. Уже тогда твердо знали, что Азорские острова лежат гораздо западнее островов Зеленого мыса. Что же касается выражения «к югу от линии, проведенной от полюса... до полюса», т. е. к югу от меридиана, то оно — просто нелепо **.

Тем не менее, папское решение позднее легло в основу испано-португальских дипломатических переговоров, которые закончились договором в Тордесильясе от 7 июня 1494 г.

Португальцы уже тогда сомневались в том, что Колумб достиг Азии ***, и поэтому уже не настаивали на том, чтобы

* Папские буллы (торжественные акты) составляются, как и все прочие документы, исходящие от верховной римско-католической власти, на латинском языке. Обозначается булла двумя ее начальными словами.

** Подробнее о булле папы Александра VI см. комментарий.

*** Сомневающиеся одиночки были и в Испании. Так, до нас дошло письмо из Барселоны от 1493 г. летописца того времени Педро Мартира. В этом письме есть следующие скептические фразы: «Некто Колон доплыл до западных антиподов, до индийского берега, как он сам верит. Он открыл много островов; полагают, что именно те острова, о которых у космографов высказано меньше, что они расположены у Индии, за Восточным океаном. Я этого не могу оспаривать, хотя кажется, что величина земного шара приводит к другому выводу».

испанцы совсем отказались от заокеанских плаваний, но добивались лишь того, чтобы демаркационная линия (так называемый «папский меридиан») была перенесена дальше к западу. После долгих споров обе стороны пришли к соглашению, чтобы линия была проведена в 370 лигах западнее островов Зеленого мыса. Так как Бразилия открыта была португальцами через шесть лет, в 1500 г., а огромное значение этого открытия выяснилось гораздо позднее, то никто еще не мог тогда думать, что Португалия из-за этого переноса демаркационной линии на запад получила от Кастилии формальное согласие на захват большей части заокеанского материка.

Вполне правдоподобно следующее предположение известного географа конца XIX — начала XX века, Александра Супана: «Вероятно, Португалия стремилась лишь к тому, чтобы обеспечить свои африканские морские пути. Прибрежное плавание было уже пройденным этапом открытий: должно быть, тогда уже знали, что при плавании в Южную Африку следует уклоняться к западу, чтобы избежать противного ветра — южного пассата (впрочем, впервые такой крюк сделал лишь Васко да Гама в 1498 г.). Португальцы не хотели, чтобы на этом пути они подвергались опасности перейти за демаркационную линию. Поэтому пограничный меридиан между португальской сферой интересов — как мы теперь выражаемся — на востоке и испанской на западе был установлен в 370 лигах западнее островов Зеленого мыса...»

При составлении договора в Тордесильясе была повторена прежняя ошибка: забыли указать, от которого из островов Зеленого мыса следовало считать указанные 370 лиг.

Кроме того, хоть расстояние в лигах и было точно указано (370), но до сих пор не выяснено, о каких лигах шла речь. Можно лишь предполагать, что расчет следовало производить в римских лигах*, так как впервые эта мера упоминалась во второй булле «*Inter caetera*» римского папы.

Кроме того, для космографов эпохи великих открытий перевод 370 лиг в градусы долготы был очень затруднителен, так как в то время не было ясного представления о величине земного шара.

Но как ни велики были сами по себе расхождения по этим причинам (до $5\frac{1}{2}^\circ$), они ничтожны по сравнению с теми ошибками, какие происходили из-за того, что в то время не умели хотя бы с приблизительной точностью определять долготу. Например, даже в XVI веке при определении долготы места бывали ошибки более чем на 45° .

По мнению многих историков, в 1493—1494 гг. Португалия и Кастилия ставили перед собой ясную цель — действительно разделить между собой земной шар, несмотря на то, что в

* Одна римская лига равна 5920 м.

булле «Inter caetera» и в испано-португальском договоре 1494 г. указывалась только одна атлантическая демаркационная линия. Но уже в 1495 г. португалец Феррер высказывал противоположное мнение, вероятно более соответствующее подлинным намерениям «высоких договаривающихся сторон»: он считал, что демаркационная линия устанавливается лишь для того, чтобы кастильские суда имели право совершать открытия в западном направлении, а португальские — в восточном от «папского меридиана». В самом деле, вряд ли кто-либо из составителей папских булл или из экспертов, собравшихся в 1494 г. в Тордесильясе, могли предполагать до плавания Васко да Гамы и до первой кругосветной экспедиции Магеллана, что испанцы и португальцы, двигаясь в противоположных направлениях, действительно встретятся у «антиподов». Ведь наличие объедающего всю сушу единого Мирового океана было доказано только магеллановым кругосветным плаванием. Целью демаркации было лишь — указать соперничающим морским державам различные пути открытий различных новых земель.

V

Фердинанд и Изабелла торжественно подтвердили все права и преимущества, обещанные Колумбу в 1492 г. В королевской инструкции от 29 мая 1493 г. дон Кристобаль Колон (так во всех документах называется Колумб) величается адмиралом, вице-королем и правителем открытых островов и материка.

Немедленно была снаряжена новая флотилия из 17 судов. Расходы на экспедицию были в значительной мере покрыты деньгами, конфискованными у изгнанных из Испании евреев.

Так как Колумб совсем не видел у «индейцев» ни скота, ни европейских культурных растений, а на Эспаньоле предполагалось организовать испанскую колонию, то на корабли были погружены лошади и ослы, крупный рогатый скот и свиньи — прародители тех десятков миллионов голов скота, которые пасутся в настоящее время в Центральной и Южной Америке. Кроме того, адмирал приказал взять на корабли виноградные лозы разных сортов, семена различных европейских сельскохозяйственных культур, а с Канарских островов — сахарный тростник.

С Колумбом отправились искать счастья в новых местах небольшая группа придворных, сотни нищих, но гордых дворян (идальго), оставшихся без дела после завоевания Гранады, десятки королевских чиновников, монахов и попов, которые должны были обращать заокеанских «язычников» в христианство. Платежные списки экспедиции не дошли до нашего

времени. Известно, что всего набралось свыше 1½ тысяч человек (по некоторым источникам — даже до 2½ тысяч).

25 сентября 1493 г. вторая экспедиция Колумба вышла из Кадиса. На Канарских островах взяли дополнительных «пассажиров» — огромных собак, специально приученных к охоте на людей. Этот способ распространять христианскую культуру не был изобретен Колумбом: португальские работорговцы уже полвека пользовались собаками для охоты на негров в Западной Африке.

Ко второй экспедиции Колумба относятся (кроме королевской инструкции) три публикуемые здесь в переводе документа: письмо участника экспедиции доктора Чанки, мемориал, посланный королям через Антонио Торреса, и инструкция Колумба Маргариту. Так как письмо Чанки освещает только первый этап экспедиции, то дополнительно даются извлечения из «Истории» Бернальдеса, современника Колумба, лично знавшего его. Параллельно дается подробное описание второго путешествия, составленное Лас Касасом.

От Канарских островов Колумб взял курс на юго-запад, так как индейцы с Гаити указывали, что к юго-востоку от их острова есть несколько других островов. Поэтому путь кораблей Колумба пролегал южнее, чем во время первого плавания. Благодаря постоянному попутному северо-восточному пассатному ветру Колумб на переход через Атлантический океан потратил всего 20 дней, т. е. на две недели меньше, чем в первый раз. 3 ноября 1493 г. показался гористый остров. Открытие было сделано в воскресенье, по-испански воскресенье — доминика. И Колумб так и назвал новый остров.

На Доминике не видно было удобной гавани, и адмирал повернул на север, где увидел другой, меньший по размерам, остров. Он назвал его в честь своего корабля — Маригаланте. Он высадился на берег, водрузил там кастильские знамя и торжественно вступил во владение новыми островами.

Остров оказался необитаемым. С вершины горы Колумб видел еще шесть других островов. На следующий день он отправился к наибольшему. из них, расположенному к северо-западу от Маригаланте. Этот остров он назвал Гвадалупой — в честь известного испанского монастыря.

Испанцы высадились на Гвадалупе и зашли там в селение, покинутое туземцами. Внутри жилища среди различной утвари и продуктов они нашли кое-где кости, которые приняли за человеческие. Капитан одной из каравел «принес на корабль четыре или пять костей человеческих рук и ног».

На следующий день морякам удалось захватить двух мальчиков и несколько женщин. По их жестам испанцы заключили, что Гвадалупа заселена людоедами, только что покинувшими остров для очередного набега. Островитяне назывались карибами (караибями), это слово — в искаженном виде — «кан-

нибал» — вскоре стало обозначать «людоед». Чанка сообщает, что в жилищах нашли множество человеческих костей и черепов, развешанных в домах наподобие посуды*.

Являлись к морякам и мальчики-рабы с отрубленными конечностями.

От Гвадалупы Колумб взял курс на Эспаньолу и двинулся в северо-западном направлении, открывая один остров за другим.

У острова Санта Крус произошла первая встреча испанцев с караибскими индейцами. Вот, возвращавшийся с острова, отрезал от берега лодку с шестью караибскими индейцами. Экипаж пытался захватить их в плен. Тогда островитяне, несмотря на огромное численное превосходство испанцев (их было 25 человек), взялись за свои луки и ранили стрелами двоих испанцев — одного смертельно. Вот потопил индейскую лодку, но караибские индейцы спаслись вплавь. Только один, да и то тяжело раненный островитянин был взят в плен и доставлен на корабль.

Это был, как видно, народ, умевший сражаться и защищать свою свободу.

К северу от Санта Круса эскадра вступила в море, усеянное множеством маленьких островов и скал. Колумб назвал этот архипелаг островами Тринадцати тысяч дев. По-испански дева — вирхен. С того времени они и называются Виргинскими.

Западнее архипелага открылся большой остров «Борикен». Эскадра прошла вдоль северного берега этого острова, позднее прозванного Пуэрто Рико (Богатая гавань), и через неделю была уже у восточного полуострова Эспаньолы.

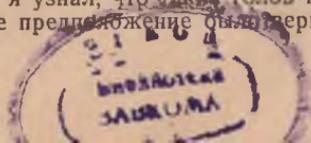
Не доходя Навидада, матросы высадились на берег, чтобы набрать воды и нашли там четыре разложившихся трупа с веревками на шее и на ногах. Один из мертвецов был бородач, следовательно, был европейцем.

Флот подошел к крепости Навидад ночью. Дали сигнал двумя пушечными выстрелами. Ответа не было.

На рассвете Колумб сам вышел на берег в том месте, где заложил крепость. Но там не было уже ни крепости, ни людей. «Укрепленные постройки с палисадом, где жили христиане, сожжены и разрушены, и само селение подверглось той же участи».

Обстоятельства гибели испанского гарнизона нельзя было выяснить. Но несомненно, что оставленные испанцы были виновны в грабежах и насилиях. Прибрежные жители жалова-

* Позднее Чанка указывает, что обычай сохранять человеческие черепа в жилищах еще не свидетельствует о людоедстве: «Мы в корзинке, сплетенной очень красиво и тщательно, нашли хорошо сохранившуюся человеческую голову. Мы тогда решили, что это голова отца или матери, или особы, чья память очень дорога. После я узнал, что таких голов находили множество, и поэтому считаю, что мое предположение было верным».

лись, что «один из христиан взял себе трех жен, другой четырех». Затем начались взаимные раздоры. Большая часть гарнизона ушла во внутреннюю часть острова и была перебита местным «касиком» — вождем племени, который затем разрушил и сжег крепость Навидад. Защитники крепости, спасаясь бегством на лодке, утонули.

Через несколько дней по прибытии к острову, адмирал решил построить город на другом месте и выбрал для этой цели хорошо защищенный пункт на том же северном побережье Эспаньолы. Город был назван «Изабелла» — в честь королевы Кастилии. Там появился новый враг, еще неизвестный испанцам и, как оказалось, самый опасный — желтая лихорадка: «большая часть людей была поражена недугом».

На разведку внутрь страны из Изабеллы был отправлен большой отряд под командой Охеды, который вернулся через несколько дней с известием, что внутренние части острова густо населены мирными индейцами и что там есть золотые россыпи.

Большая часть съестных припасов, привезенных из Испании, испортилась. Надвигался голод, нужно было сократить количество едоков. Адмирал решил оставить на Эспаньоле только пять кораблей и около 500 человек. Остальных людей на 12 кораблях он в начале 1494 г. отправил обратно в Испанию.

Колумб доносил королям, что нашел месторождения золота, причем сильно преувеличивал их богатство и утверждал, что нашел «признаки и следы всевозможных пряностей». Он просил выслать из Испании корабли со скотом, припасами, вином и земледельческими орудиями. А так как он понимал, что за эти товары нельзя платить одними только надеждами на золото, то предлагал покрывать расходы рабами, которых брался ловить в большом количестве.

«Памятная записка» Антонио Торресу, составленная Колумбом для передачи королям, — тяжелый обвинительный документ против великого мореплавателя, характеризующий его с самой отрицательной стороны, как инициатора массового обращения в рабство коренных жителей острова, как ханжу и лицемера:

«Далее передайте их высочествам, что забота о благе для душ каннибалов и жителей Эспаньолы привела к мысли, что чем больше их доставят в Кастилию, тем лучше будет для них... их высочества соблаговолят дать разрешение и право достаточному числу каравел приходить сюда ежегодно и привозить скот, продовольствие и все прочее, необходимое для заселения края и обработки полей... Оплату же всего этого можно производить рабами из числа каннибалов, людей жестоких и вполне подходящих для этой цели, хорошо сложенных и весьма смысленых. Мы уверены, что стоит только вывести

их из этого состояния бесчеловечности, и они могут стать наилучшими рабами, перестанут же они быть бесчеловечными, как только окажутся вне пределов своей страны».

По этому поводу Маркс замечает: «[Разбой и грабеж — единственная цель испанских искателей приключений в Америке, как это показывают также донесения Колумба испанскому двору]. [Донесения Колумба характеризуют его самого как пирата]; ...[Работоторговля как базис!]*».

Оставив значительный гарнизон в Изабелле под начальством своего брата Диего, Колумб в апреле 1494 г. вышел в море на трех кораблях, двинулся на запад и достиг юго-восточного берега Кубы. Туземцы сообщили ему о существовании большого острова Ямайка (Сантьяго). Затем Колумб возвратился к южному берегу Кубы и продолжал плавание в западном направлении.

Проходили дни за днями и, казалось, не было конца этой странной земле. Ни на одной карте Азии, которой пользовался Колумб, не были нанесены такие береговые линии. После семинедельного плавания (считая со дня отплытия от Эспаньолы), когда берег начал поворачивать к юго-западу**, Колумб приказал всем офицерам и матросам присягнуть и скрепить своей подписью, что перед ними азиатский материк, а не остров. Если же они когда-либо откажутся от этого показания, то их ждет суровое наказание. Затем адмирал повернул обратно и после исключительно тяжелого, более чем трехмесячного, плавания вернулся в Изабеллу. При этом он обогнул с юга Ямайку и Эспаньолу (см. карту «Плавание Колумба к берегам Кубы и Ямайки в 1494 г.») и окончательно убедился, что эти земли — только острова, хотя и очень большие.

Во время отсутствия адмирала в Эспаньолу прибыли из Испании, под начальством Бартоломе (брата Колумба), три корабля с воинскими отрядами и припасами. Отряды вновь прибывших солдат разбрелись по острову, грабили и насиловали. Часть грабителей была перебита индейцами.

Тогда Колумб предпринял в 1495 г. «покорение» Эспаньолы. Колумб действовал отрядами, выбирая для сражения только такую местность, где можно было развернуться коннице. Всадники топтали несчастных индейцев копытами своих лошадей и травили их собаками. Так началось массовое истребление жителей Антильских островов. Эспаньола — первая испанская колония — была почти вся покорена. Индейцы, которые не в состоянии были платить непомерную дань золотом или хлопком, наложенную на них Колумбом, уходили вглубь острова,

* Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 100, 1940 г.

** Т. е. не далее чем в 100—150 км от западной оконечности Кубы.

в горы, где массами гибли от голода. На острове распространились эпидемии, в частности оспа, которую завоеватели привезли с собой. Те индейцы, которым не удалось скрыться от испанцев, были превращены в рабов, которых морили голодом, так как они ничего не стоили их хозяевам; рабы гибли на плантациях и золотых приисках.

Когда в крепости Изабелла началась эпидемия желтой лихорадки, колонистам пришлось бросить северный, атлантический, берег Эспаньолы и перейти на южный более здоровый берег, обращенный к Караибскому морю. Здесь в 1496 г. Бартоломе Колумб заложил город Санто Доминго, который стал политическим и экономическим центром Эспаньолы. Этот город,— теперь столица Доминиканской республики (недавно переименованная в Сьюдад Трухильо),— является старейшим из сохранившихся европейских поселений в Америке.

Королевский доход от Эспаньолы был незначителен по сравнению с издержками экспедиции Колумба, поэтому король и королева нарушили договор с Колумбом. В 1495 г. был издан указ, разрешающий всем желающим из кастильских подданных переселяться в новые земли, если они будут вносить в королевскую казну две трети добытого золота; правительство же обязывалось только снабдить переселенцев съестными припасами на год, но не должно было платить им жалованья. Тем же указом разрешалось любому предпринимателю снаряжать корабли для новых открытий на западе и для добычи золота (за исключением Эспаньолы).

Встревоженный Колумб в 1496 г. вернулся в Испанию, чтобы лично отстаивать свои монопольные права на открытие новых земель на западе.

А так как вольные поселенцы стоили казне очень дорого, то Колумб предложил ради дешевизны населить свой «земной рай» уголовными преступниками; и по королевскому указу испанские суды начали ссылать преступников на Эспаньолу, сокращая им наполовину срок ссылки.

VI

Основным первоисточником для истории третьей экспедиции Христофора Колумба является письмо Колумба к Фердинанду и Изабелле о результатах этой экспедиции. Как первоисточник можно рассматривать и ту часть «Истории Индий» Лас Касаса, которая относится к третьему путешествию Колумба; в этой части он, как и в рассказе о предшествующих экспедициях, пользовался записями в дневниках Колумба (до нас не дошедшими) и устными сообщениями великого мореплавателя.

С величайшим трудом Колумбу удалось добыть средства на снаряжение третьей экспедиции. Флотилия адмирала состояла

на этот раз из шести небольших кораблей и трехсот человек экипажа. Мало нашлось в Испании охотников добровольно отправиться в Западную Индию с адмиралом-«неудачником». Колумбу пришлось просить королей открыть двери тюрем, чтобы нанять среди преступников недостающих матросов.

В конце мая 1498 г. флотилия Колумба вышла из порта Сан Лукар (в устье Гвадалкивира).

У острова Иерро адмирал разделил свою флотилию. Три корабля он послал прямо к Эспаньоле. Во главе остальных трех судов он двинулся к островам Зеленого мыса, а оттуда взял курс на юго-запад, «намереваясь достичь линии экватора и далее следовать к западу до тех пор, пока остров Эспаньола не останется к северу». Повидимому, Колумб на этот раз имел серьезное намерение обогнуть юго-восточный выступ Азии и достичь Индии.

В середине июля испанцы достигли 5° северной широты. Страшная жара томила моряков. «Здесь ветер стих и начался такой великий зной, что казалось, что им будут спалены и корабли и люди». Через восемь дней, когда задул «добрый восточный ветер», адмирал решил повернуть на северо-запад и «следовать все время прямо на запад на линии Сьерра Леоне, намереваясь не менять избранного направления до тех мест, где, как я думал, будет обнаружена земля».

Через три недели после того как острова Зеленого мыса скрылись из виду, матросы с верхушки мачты заметили три плоские вершины, четко выступавшие из воды.

Это был остров, которому Колумб дал имя Тринидад (по-испански «Троица»). Этот остров, действительно, находится на линии (т. е. широте) Сьерра-Леоне, конечно, приблизительно, — близ 10-й параллели с. ш.

Первого августа 1498 г. флотилия бросила якорь у южного берега острова, чтобы застаться водой. «Вдали, на юге, замечен был другой остров... Этот остров адмирал назвал «Святым», — пишет Лас Касас. Колумб не подозревал, что этот дальний «Святой остров» (Исла Санта) был материком, но только не Азией, к которой он стремился, а новым материком, еще неизвестным европейцам, позднее названным Южной Америкой.

На следующий день адмирал приблизился к узкому проливу, где юго-западный берег Тринидада близко подходит к матерiku, и бросил здесь якорь.

Колумбу не удалось еще найти безопасной гавани; течение в проливе оказалось таким стремительным, что его охватили недоумение и тревога. Так Колумб впервые встретился с той ветвью экваториального течения, которая входит из океана в Караибское море через пролив между Тринидадом и материком.

Колумб назвал этот пролив «Змеиной пастью» («Бока дель Сьерпе»). За проливом открылся широкий залив, куда, восполь-

зовавшись попутным ветром, адмирал провел свои корабли. Вода в заливе оказалась пресной. Это открытие было для Колумба новой неожиданностью.

У северо-западной оконечности Тринидада он открыл второй, еще более опасный, пролив, окаймленный скалами, и дал ему название «Пасти Дракона» («Бока дель Драго»).

5 августа флотилия подошла к противоположному, западному берегу залива. По мере продвижения на запад вода становилась все более пресной.

Корабли вошли в устье какой-то реки и стали там на якорь. Здесь европейцы впервые высадились на материк Южной Америки. Колумб также принял эту землю за остров, и притом отличный от «Святого» и назвал его «Грасиа» (прелесть).

Испанцы слышали от местных жителей слово «пария», и Колумб решил, что это — название открытой им страны. До настоящего времени это название — залив Пария — сохранилось за водным пространством между Тринидадом и Южноамериканским материком.

Страна казалось густо населенной. Колумб сообщает о «бесчисленных каное», подходивших к кораблям. «И у многих [туземцев] висели на груди большие куски золота, а у некоторых к рукам были привязаны жемчужины. Я очень обрадовался, увидав эти предметы».

Корабли снова вошли в залив. Недалеко от «Пасти Дракона» Колумб заметил, что двумя островками течение в проливе разделялось, и пенящиеся волны с силой врывались в узкие проходы. И он пришел к правильному заключению, что водоворот в проливе происходил от встречи морского течения с потоками пресной воды, стремившимися в открытое море.

Воспользовавшись попутным ветром, адмирал вошел в опасный пролив, а когда ветер стих, предоставил свои корабли на волю быстрого течения. Оно благополучно вынесло всю флотилию в открытое море.

На севере и востоке были видны два острова (вероятно, острова Тобаго и Гранада). По выходе из «Пасти Дракона» Колумб повернул на запад. Двигаясь вдоль берега материка, корабли подошли к островам, у которых индейцы занимались ловлей жемчуга. По словам Колумба, матросы набрали у них в обмен на безделушки много жемчуга. Крупнейший из новых островов получил название Маргарита, что по-испански означает жемчужина.

Однако нельзя было медлить у этого «Жемчужного берега». Запасы провизии портились, здоровье самого адмирала становилось все хуже. Он обследовал все же более чем на триста километров береговую линию этой новой, странной для него земли и открыл ряд новых небольших островов, затем повернул свои корабли на север, к Эспаньоле. Лежа на койке, обессиленный недугом, полуслепший Колумб продолжал обдумывать

значение своих новых открытий. Из письма, которое он несколько недель составлял для Фердинанда и Изабеллы, можно видеть, как замечательные догадки смешивались в его уме с болезненной и религиозной фантастикой.

Огромная масса пресной воды в заливе «Пария» доказывала существование мощного водного потока, впадающего в залив, потока, который мог образоваться только на обширной «твердой земле», т. е. на каком-то материке. «...Думаю, что эта земля величайших размеров и есть еще много иных земель к югу, о которых пока не имеется никаких сведений». Но что это был за материк?

И тут с совершенно верным выводом переплетался бред; болезненный бред — по мнению одних биографов Колумба, или шарлатанство — по мнению других: Колумб утверждал, что он подошел к земному раю. Он утверждал, что то земное полушарие, куда он проник, «представляет собою половинку круглой груши, у черенка которой имеется возвышение, подобное соску женской груди, наложенному на поверхность мяча», что «места эти наиболее высокие в мире и наиболее близкие к небу», и что здесь именно лежит земной рай: «оттуда, вероятно, исходят воды, которые... текут в места, где я нахожусь».

Но среди длинных бредовых рассуждений и ссылок на авторитеты древних авторов и «отцов» церкви, снова проскальзывает трезвая фраза: «если река эта не вытекает из земного рая, то я утверждаю, что она исходит из обширной земли, расположенной на юге и оставшейся до сих пор никому не известной», т. е. течет по неизвестному матерiku.

20 августа 1498 г. показался южный берег Эспаньолы. Бартоломе Колумб сейчас же вышел из Санто Доминго в море навстречу адмиралу и сообщил ему о мятеже среди колонистов; вожаком мятежников был Ролдан, главный судья Эспаньолы.

Адмирал застал на Эспаньоле полный развал. «Благородные» идальго отказывались признавать власть начальников, назначенных Колумбом. Они восстали с оружием в руках против его брата Бартоломе. Идальго для потехи превращали несчастных индейцев в мишени для стрел и не только изнуряли своих новых «подданных» работой на плантациях, но держали десятки рабов для рыбной ловли и охоты, для переноски себя в гамаках по всему краю, а рабынь «для домашних услуг». Они жили с захваченными ими насильно индианками «в наглом многобрачии», как выражается один испанский летописец.

Мятеж закончился унижительным соглашением для Колумба, получившего в это время дурные вести из Испании. Главарь мятежа Ролдан был восстановлен в звании главного судьи. Мятежникам была гарантирована уплата жалованья за все время восстания. Каждому мятежнику был отведен большой участок земли, к которому для обработки было прикреплено определенное число туземцев, превращенных в рабов. Так

Колумб санкционировал широкое распространение той характерной для испанской колониальной империи системы закрепощения, которая получила название репартимьенто (буквально — распределение, раздел). Подробнее об этом см. в после­словии «Открытие Америки и зарождение системы эксплуата­ции ее коренного населения».

Королевская казна продолжала получать от новой колонии ничтожные доходы. А в это время португалец Васко да Гама обогнул с юга Африку, открыл морской путь в подлинную Индию (1498 г.), завязал с ней торговлю и вернулся на родину с богатейшим грузом (1499 г.).

Земли, открытые Колумбом,— теперь уже это было оче­вид­но,— ничего не имели общего с богатой Индией. Сам Ко­лумб казался болтуном и обманщиком. Возможно, что и сами «католические короли» расценивали как неискusный обман его сообщения об открытых им подступах к земному раю. Из Эспаньолы поступали сведения о мятежах и казнях дворян. На Колумба посыпались новые доносы, и самыми тяжелыми из них были обвинения в утайке королевских доходов. Испанские дворяне, вернувшиеся ни с чем на родину из колумбовой «Индии», всенародно обвиняли адмирала, «открывшего страну обмана и несчастий, кладбище кастильских дворян».

Испанское правительство, в первую очередь, в 1499 г. отме­нило монополию Колумба на открытия новых земель, чем воспользовались некоторые из его прежних спутников. А в 1500 г. на Эспаньолу был отправлен (с неопределенными, но, повиди­мому, неограниченными полномочиями) новый наместник, Бо­бадилья. Когда Бобадилья прибыл в Санто Доминго, в городе не было ни Христофора Колумба, ни его брата Бартоломе. Замещал их младший брат Диего Колумб. Бобадилья аресто­вал и заковал его в кандалы. Узнав об этом, Христофор Ко­лумб объявил ко всеобщему сведению, что его полномочия сохраняют силу и что вряд ли кто вправе даже в будущем их отменить. Силе он хотел противопоставить право. Но когда ему передали королевское письмо, приказывающее подчи­ниться распоряжениям нового наместника, он без свиты вер­нулся в Санто Доминго.

Бобадилья приказал немедленно засадить Колумба в тюрь­му и также заковать его в кандалы. По приказу Бобадильи, Колумб послал письмо своему брату Бартоломе с советом доб­ровольно сдаться. Тот повиновался, также был арестован и закован в кандалы.

После двухмесячного следствия Бобадилья пришел к за­ключению, что Христофор Колумб был «человек жестокосерд­ный и неспособный управлять страной» и решил в кандалах отправить его с братьями в Испанию. Адмирал, вероятно, ожи­дал, что его будут судить и казнят на Эспаньоле, и поэтому обрадовался, когда его посадили на корабль.

Хозяин судна и капитан предложили Колумбу снять с него кандалы, но адмирал отказался. Его сын Фернандо (или автор приписываемой ему биографии Христофора Колумба) передает его фразу: «Короли приказали мне повиноваться, и Бобадилья заковал меня в кандалы; я останусь в них до тех пор, пока короли не позволят снять их, и я сохраню эти цепи на память о своих заслугах».

В октябре 1500 г. корабли с тремя братьями в кандалах вошли в гавань Кадиса. Лас Касас сообщает, что лично видел в Севилье Христофора Колумба в цепях.

Повидимому, уже в самой Испании Колумб написал известное письмо влиятельной придворной даме, Хуане Торрес, кормилице инфанта (наследного принца) Хуана. Брат ее участвовал во второй экспедиции Колумба, сама она близка была к королеве. Письмо это представляет важный психологический документ, характеризующий Колумба. Оно написано было, несомненно, с целью растрогать Изабеллу, так как Колумб знал, что Хуана обязательно прочтает его королеве и будет комментировать в благоприятном для него духе. Оно полно жалоб; но много и довольно недвусмысленных упреков по адресу королевской четы. Вряд ли, впрочем, эти жалобы и упреки и христианское смирение в сочетании с библейским пафосом повлияли бы на таких людей, как «католические короли», если бы в судьбе самого Колумба не были заинтересованы очень влиятельные лица, финансировавшие его экспедиции. Они сумели «мобилизовать общественное мнение» в пользу разжалованного, уничтоженного и закованного в кандалы «адмирала моря-океана». Повидимому, до королевы дошли слухи о негодованиях в андалузских городах по поводу того, что человек, открывший Западную Индию, вернулся в Испанию в кандалах. Король и королева приказали немедленно освободить Колумба, письменно выразили ему свое сочувствие, лицемерно извинялись против недостойного обращения с ним, приказали выдать ему две тысячи золотых, чтобы он мог явиться ко двору ~~в приличном виде».~~

Словом, королевская чета поспешила оправдать себя, взвалив всю ответственность за обращение с великим мореплавателем на Бобадилью, который от нее же получил тайные инструкции.

Произошла мелодраматическая сцена, когда Колумб — уже без оков — снова явился перед обоими монархами и упал к ногам королевы. Изабелла, по сообщению историка Эрреры, даже разрыдалась, а Фердинанд казался потрясенным. Короли надавали Колумбу много обещаний — осыпать его милостями, восстановить его в правах, — но так и не выполнили их. Королевским наместником назначен был Овандо: Бобадилья, повидимому, рассматривался только как временный исполнитель королевских поручений. Овандо получил приказание взыска-

вать с золотоискателей одну треть в пользу королевской казны. Вся торговля колонии должна была стать монополией кастильской короны.

Новые отряды францисканских монахов, сопровождавших Овандо, должны были более энергично обращать «дикарей» в христианскую веру. Индейцы должны были работать в казенных рудниках на определенном жалованье. А так как смертность между ними все увеличивалась, то был издан специальный королевский указ о перевозке на Эспаньолу черных рабов, рожденных в Испании.

Между тем в Испанию начали прибывать значительные количества золота, добытого на Эспаньоле, и жемчуга, собранного на Жемчужном берегу. Поэтому тысячи новых искателей приключений и легкой наживы устремились в Западную Индию.

Около трех тысяч человек изъявили желание отправиться вместе с новым наместником Овандо. 23 корабля понадобилось для того, чтобы перевезти через океан новых колонистов, среди которых было много переселявшихся со своими семьями «почтенных людей». С этого времени началось массовое заселение Больших Антильских островов испанцами. А в то же время коренное население архипелага и, в первую очередь, Эспаньолы усиленно истреблялось. Мирных индейцев изнуряли непосильным трудом и морили голодом на плантациях и в рудниках, повстанцев и «заговорщиков» резали, топтали копытами лошадей, травили собаками, вешали или сжигали на кострах.

Коренное население Эспаньолы исчезло с беспрецедентной в истории человечества быстротой. Писатели XIX—XX веков часто подвергали сомнению показание Лас Касаса, что на Эспаньоле во время ее открытия было три-четыре миллиона жителей. Но если эти цифры сильно преувеличены, то нельзя опровергнуть показание того же Лас Касаса, что Колумб обложил в 1495 г. поголовной податью один миллион сто тысяч туземцев. Через 20 лет (в 1515 г.) там было менее 15 тысяч человек, а к середине XVI века коренное население Эспаньолы совершенно вымерло.

На Эспаньолу начали ввозить в качестве рабов «людоедов» с Малых Антильских островов (в первую очередь — с Багамских), а также с Кубы, Ямайки и Пуэрто Рико, где первые постоянные испанские поселения возникли только в 1508 г. Вскоре коренное население стало исчезать и на этих островах. Тогда началась массовая охота на людей в Южной Америке — у берегов Караибского моря. Позднее на Эспаньолу стали ввозить — по инициативе Лас Касаса — африканских негров. Их потомки, частью смешавшиеся с испанскими колонистами, заселили весь остров Гаити. Из потомков европейских колонистов и африканских негров-рабов сложилось и основное современное население других Антильских островов.

Колумб все еще надеялся через «Западный океан» достигнуть Индии. Он хотел открыть новый путь — через Караибское море — к «стране пряностей и благовоний». Он был уверен, что такой путь существует. В самом деле, он лично наблюдал — во время своего второго плавания у берегов Кубы — сильные морские течения, которые идут дальше на запад через Караибское море. Он надеялся, что это течение вынесет его в море, омывающее берега «Золотого Херсонеса» (полуостров Малакка), а оттуда он достигнет устья Ганга или какой-либо другой части «полуденной Индии».

Колумб стал просить у короля позволения организовать новую западную экспедицию. Фердинанд рад был избавиться от назойливого просителя. Осенью 1501 г. приступили к снаряжению небольшой флотилии. А так как Колумб по разным причинам откладывал свою экспедицию, то весной 1502 г. ему приказали немедленно отплыть на запад (см. королевскую инструкцию от 14 марта 1502 г.)*.

К адмиралу был приставлен королевский финансовый контролер. Колумбу запрещено было обращаться в рабство индейцев. Вежливо и осторожно короли рекомендовали ему не приставать к Эспаньоле, разве только в случае крайней необходимости и только на обратном пути. Новая флотилия Колумба состояла из четырех судов, каждое вместимостью в 50—70 тонн. Экипажа было всего около 150 человек. Колумб взял с собою брата Бартоломе и сына Фернандо, еще мальчика.

Несмотря на запрещение, Колумб направил свои корабли через дугу Малых Антильских островов к Эспаньоле.

В конце июня 1502 г. маленький флот подошел к порту Санто Доминго. Новый наместник, Овандо, не разрешил экспедиции укрыться в гавани и переменить одно судно, которое, по заявлению Колумба, «не может противостоять надвигающейся буре и не выдержит далекого плавания». Буря, действительно, разразилась. Три корабля Колумба были сорваны с якорей и разбросаны в разные стороны. Но когда буря стихла, вся маленькая флотилия благополучно соединилась у западной оконечности острова. Колумб оставался там некоторое время для ремонта судов.

В середине июля Колумб двинулся прямо на запад вдоль южных берегов Эспаньолы и Ямайки. Дул очень слабый ветер, и течением относило флотилию на северо-запад. Через четыре

* Следует подчеркнуть, что в этом документе, в отличие от королевской инструкции от 29 мая 1493 г., Колумб величается только «адмиралом островов и материков», но не вице-королем и правителем. Колумб считал, что этим нарушены его договорные права; но только через много лет, после процесса с испанской короной, его наследнику удалось восстановить эти права.

дня показался архипелаг — «Сады королевы» около Кубы. Тогда адмирал переменял курс на юго-западный, чтобы достигнуть широты южной Эспаььолы и Ямайки.

Вряд ли здесь, у 18-й параллели северной широты, Колумб рассчитывал открыть желанный проход к «Золотому Херсонесу» (Малакке), который, как и тогда правильно предполагали, находится где-то близ экватора, т. е. примерно на две тысячи километров южнее 18-й параллели. Колумб, очевидно, стремился вначале, не сворачивая с прямого пути, достигнуть на западе материка, а затем отыскать и пролив, следуя вдоль берега, по возможности, в южном направлении. В дальнейшем он так и поступил.

30 июля испанцы открыли небольшой островок Гуанаха, лежащий против северного берега Гондураса (самый восточный остров из цепи Ислас де Баия — островов Гондурасского залива). Перед ними вдали, на юге, показались горы. Адмирал решил, что там, на юге, был материк, и на этот раз не ошибся.

У островка испанцы встретили пирогу с 25-ю гребцами, груженную металлическими и деревянными изделиями и бобами, к которым индейцы относились очень бережно. Повидимому, это была первая встреча европейцев с одним из цивилизованных народов Центральной Америки, вероятнее всего — с майя (индейцы в пироге произносили это слово); а бобы были какао: в Мексике и на Юкатане они заменяли монету.

Колумб не придавал большого значения этой встрече, которая на самом деле была вестью о еще неизвестной европейцам культурной стране народа майя, живущего на полуострове Юкатан. Но при индейцах не было золота и драгоценностей, а когда им показывали золотые предметы, они протягивали руки на юго-восток, в сторону материка. Туда же мечты влекли и Колумба: именно там, в южном направлении, он рассчитывал открыть проход в моря, омывающие «полуденную Индию». Между индейцами был старик, умевший начертить подобие карты. Колумб взял его в проводники, а остальных отпустил.

Испанская флотилия с большим трудом, борясь с противным ветром и течением, подошла в середине августа к материку близ мыса Гондурас*, а затем повернула на юго-восток. Мореплаватели высадились на берег в ста километрах к востоку от мыса Гондурас. Они водрузили там знамя Кастилии и формально завладели страной. Название Гондурас сохранилось за ней до настоящего времени.

Туземцы встречали испанцев дружелюбно, снабжали их плодами и птицей. Некоторые из них носили короткую одежду из бумажной ткани, вдевали в уши массивные серьги. Этого

* В переводе с испанского honduras означает «глубины». Однако здесь, повидимому, имеет место случайное совпадение слова с туземным названием местности — Хандурас. Так по крайней мере говорит Лас Касас.

испанцы не видели у других индейцев, которых встречали раньше.

Колумб все шел вдоль берега к востоку, — против сильного ветра и течения, мечтая найти пролив в «Южное море», которое приведет его к «Золотому Херсонесу». Корабли давали течь, экипаж выбился из сил. Сам Колумб и его сын были больны.

Но адмирал продолжал управлять и своим кораблем и всей флотилией, зорко наблюдая за всем, что происходило вокруг. Позднее, в письме с Ямайки, он писал: «В течение 88 дней не прекращалась ужасная буря — такой силы, что от взора были скрыты солнце и звезды... Люди поражены были недугами и удручены, многие обратились к религии... Им нередко приходилось видеть бури, но не столь затяжные и жестокие... Болезнь сына, который находился со мной, — терзала мою душу и тем горше было мне сознавать, что в нежном тринадцатилетнем возрасте ему пришлось претерпеть в течение столь долгого времени большие невзгоды... Я тяжело захворал и не раз был близок к смерти... Брат мой (Бартоломе) находился на корабле, которому угрожала большая опасность...».

В течение мучительных сорока дней суда продвинулись от мыса Гондурас всего лишь на 350 километров, в юго-восточном направлении. Наконец, 12 сентября за одним мысом берег круто повернул прямо на юг. Ветер подул благоприятный, течение стало попутным. И Колумб назвал этот мыс Грасиас а Дьос «Слава богу».

Перед испанцами, казалось, без конца тянулся на юг плоский и низменный берег с широкими речными устьями и большими прибрежными лагунами (теперь он называется «берегом Москитов» и составляет восточную приморскую часть страны Никарагуа).

От мыса «Слава богу» испанцы шли вдоль восточного берега страны, которая позднее была названа Никарагуа. Теперь они продвигались вперед на юг почти в пять раз быстрее, чем шли ранее в восточном направлении, и за две недели они прошли около 500 километров. В том месте, где берег переменял направление на юго-восточное, Колумб приказал бросить якорь. Это было, вероятно, в устье реки Сан Хуан, на границе между нынешними республиками Никарагуа и Коста Рика.

В начале октября Колумб двинулся дальше в юго-восточном направлении. Туземцы часто подходили к кораблям на легких пирогах. Испанцы видели у них золотые пластинки и другие украшения из золота и получали иногда золото в обмен на безделушки. Колумб назвал этот берег Золотым. Отсюда — более позднее испанское название этой страны — Коста Рика (Богатый берег).

Когда флотилия продвинулась на юго-восток, приблизительно на 300 километров, берег начал отклоняться к северо-

востоку. Испанцы достигли страны Верагуа (теперь Панама), где им удалось «обменять» три бубенчика на 17 золотых кружков. Индейцы открыто выражали свое неудовольствие таким обменом, и Колумб приказал «успокоить» их несколькими выстрелами.

Индейцы, захваченные в Коста Рике, игравшие роль переводчиков, стали убеждать Колумба, будто он находится недалеко от золотой страны, которая лежит в девяти днях пешего пути к западу, у другого моря. По словам Колумба, ему наговорили столько, что он был бы удовлетворен десятой долей рассказанного ими. Из жестов и слов индейцев он вывел заключение, что обитатели «золотой страны» хорошо одеты и вооружены, живут в хороших домах и т. д. Возможно, что это были верные слухи о народах сравнительно высокой культуры, живущих в северных андских областях Южной Америки. «...Говорили также, — писал позднее (с Ямайки) Колумб, — что море омывает (эту богатую) страну и что в десяти днях пути от нее течет река Ганг...».

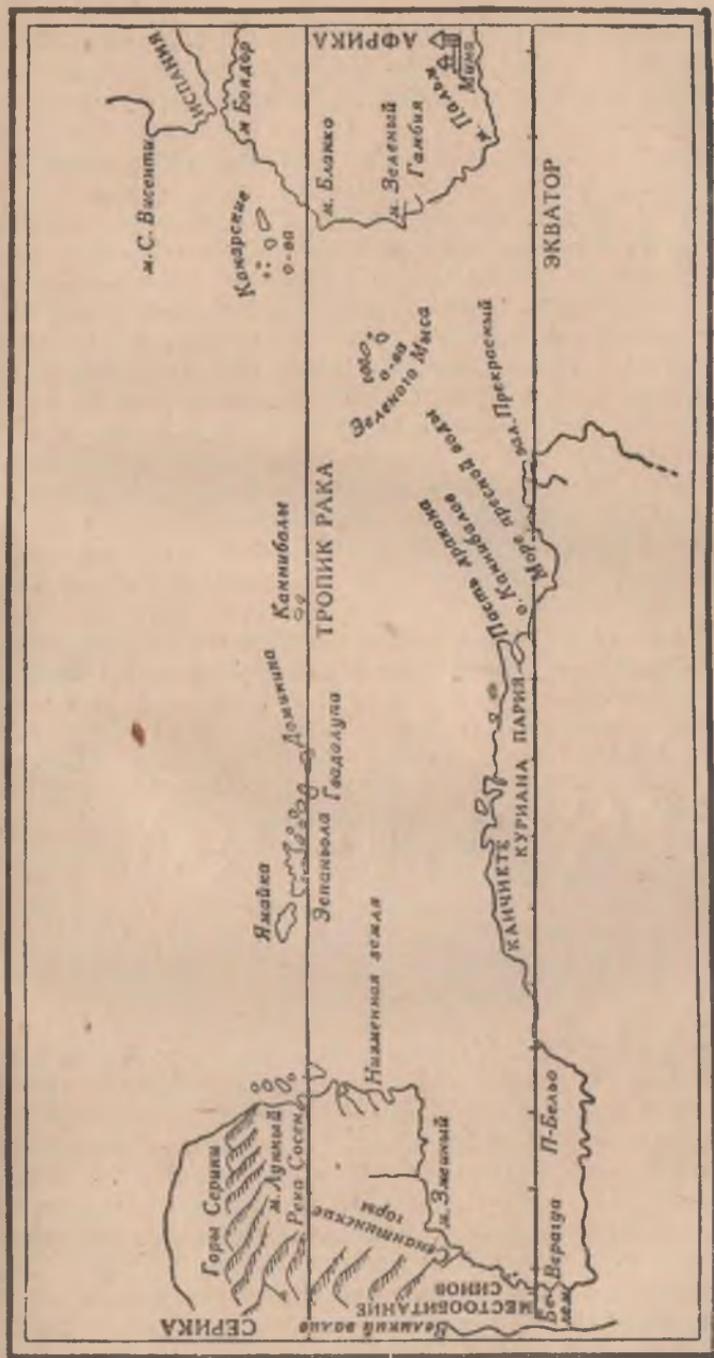
В начале ноября корабли Колумба стали на якорь в обширной гавани, названной им Пуэрто Бельо («Прекрасная гавань»). Это имя удержалось за новооткрытой гаванью до настоящего времени.

Из-за проливных дождей и непогоды испанцы на много дней задержались у этих берегов. В гавани, названной испанцами «Ретрете», грабежи и «ночные визиты» моряков в прибрежные селения так возмутили индейцев, что они напали на корабль Колумба, но были легко отбиты, так как имели плохое вооружение.

За Пуэрто Бельо берег снова отклонился к юго-востоку. Мощное встречное течение сильно замедлило движение судов вперед.

В конце 1502 г. корабли Колумба пришли с запада к Дарьенскому заливу, куда в 1501 г. с востока доходил испанский искатель наживы Бастидас.

Колумб, вероятно, слышал от туземцев, что недавно у берегов залива появились странные люди на «крылатых» кораблях. Люди Колумба могли знать об этом и от самого Бастидаса, так как тот сидел под арестом на одном из кораблей Бобадильи, когда флотилия Колумба подходила к берегам Эспаньолы. Знал он об экспедициях Охеды и Висенте Пинсона, открывших в 1498—1500 гг. берег материка (Южной Америки) на огромном протяжении от Дарьена к востоку до «Пресного моря» (устья Амазонки). Во всяком случае Колумбу стало ясно, когда он проник в Дарьенский залив, что дальше на востоке нет никакого прохода в «Южное море». Королевский чиновник, сопровождавший его, показывал позднее, что местные индейцы были похожи на жителей Жемчужного берега и

Карта «Западных Индий» Бартоломе Колумба (Кубы нет; вновь открытые континентальные берега рассматриваются как часть Азии).

что, судя по картам, этот край был именно той страной, куда доходили Охеда и Бастидас.

Корабли Колумба шли вдоль берегов Верагуа (триста километров) целых полтора месяца. От непрерывных дождей суда начали гнить. Они были попорчены червоточинной и сильно потрепаны бурями.

5 декабря 1502 г. у мыса Сан Блас Колумб повернул обратно.

Восточный ветер, мешавший до этого флотилии продвигаться вперед, теперь, когда она повернула обратно, неожиданно сменился противным, очень сильным западным ветром, который вскоре достиг силы урагана. Страшная буря свирепствовала в течение девяти дней. Ветер постоянно менял направление, и Колумб назвал это место «берегом Контрастов».

Целый месяц обветшалые корабли продвигались обратно в юго-западном направлении и прошли за это время только двести километров. Для отдыха мореплавателей и для ремонта судов Колумб выбрал новую местность и вошел в устье реки в гавань, которую назвал Белен (Вифлеем).

В Белене, близ золотоносной реки Верагуа, Колумб хотел основать испанскую колонию и оставить там гарнизон во главе с Бартоломе. Это была первая попытка основания европейского поселения на западном материке. Но восставшие индейцы перебили часть гарнизона, остальные солдаты с Бартоломе вернулись на корабли.

В конце апреля 1503 г. Колумб двинулся в обратный путь с измученным экипажем, на трех полуразвалившихся судах.

А три месяца спустя, в том же письме с Ямайки, в котором адмирал сообщал королям о событиях в Верагуа, он так характеризовал жителей этой страны: «не может быть... людей более робких, чем местные жители...».

Колумб взял курс на восток. Экипаж думал, что он, несмотря на жалкое состояние его кораблей, решил плыть прямо в Испанию. Однако у генуэзца была иная цель, и он в письме с Ямайки достаточно откровенно писал об этом испанским королям:

«Никто не мог бы составить себе объективное представление об этом пути, потому что я шел, придерживаясь течения, не видя земли много дней. Затем я следовал вдоль берега материка, пользуясь компасом и применяя правила мореходного искусства. Не было на кораблях никого, кто мог бы сказать, под какой частью неба мы находились... Пусть ответят они (пилоты), известно ли им, где находится Верагуа... Они только и могут сказать о ней, что это земля, где много золота... Но им неведом путь [туда]... Чтобы снова достичь Верагуа, необходимо вторично открыть эту землю...».

Чтобы сохранить секрет, Колумб отобрал у моряков карты, составленные ими во время плавания. Позднее королевский

чиновник, сопровождавший его, показывал: «Моряки не привезли с собой навигационных карт, так как адмирал отобрал их у всех».

В Пуэрто Бельо пришлось бросить еще один, совсем проточенный червями корабль. Экипаж судна разместился на двух оставшихся кораблях.

Дойдя до Дарьенского залива, Колумб переменял курс и пошел прямо на север к Ямайке. Однако течения относили суда к западу. Через десять дней показалась группа небольших, безлюдных островов, которые теперь называются Малыми Кайманами (к северо-западу от Ямайки).

А еще через 20 дней, в конце мая, после упорной борьбы с противными ветрами и течениями, адмирал обнаружил, что находится посреди островов, ранее названных им же «Садами королевы», т. е. у южных берегов Кубы. (Пилоты же думали, что они находятся у Пуэрто Рико.)

11500
После очередной шестидневной бури Колумб, набрав на берегу воды и провизии, пытался повести корабли вдоль берега на восток. Однако суда были в таком жалком состоянии, что невозможно было бороться с противными ветрами и течениями, и Колумб повернул на юго-восток к Ямайке и после многодневного плавания 24 июня 1503 г. нашел на северном берегу Ямайки гавань, названную впоследствии «убежищем дон Кристобалья». Свои тонущие корабли адмирал посадил рядом на мель и связал их вместе. Трюмы сейчас же наполнились водой. Жилые помещения моряки устроили на палубе; вдоль бортов поставили ограждения для защиты от возможных нападений индейцев. Адмирал с большой осторожностью отпускал своих людей на берег, боясь, что своими поступками они вызовут ненависть местных жителей. Благодаря таким мерам индейцы были мирно настроены и доставляли испанцам в обмен на безделушки съестные припасы.

Адмирал решил отправить письмо на Эспаньолу к королевскому наместнику Овандо, чтобы тот прислал судно за его, Колумба, счет и выручил из беды потерпевших крушение.

От восточной оконечности Ямайки нужно было пройти открытым морем почти 200 километров на индейских пирогах. Под начальством Мендеса на двух больших пирогах с индейскими гребцами послано было несколько испанцев. С Мендесом адмирал отправил также большое письмо к испанским королям. Это письмо — один из наиболее замечательных документов эпохи великих открытий, в котором с исключительной силой раскрываются основные черты характера великого мореплавателя (см. письмо и комментарии к нему).

Прошло много месяцев, а с Эспаньолы не приходила ни помощь, ни даже весть о судьбе Мендеса и посланных с ним людей. Потерпевшие крушение у берегов Ямайки испанцы, томимые неизвестностью, полным бездействием и тоской по

родине, постепенно падали духом. Все растущее недовольство перешло, наконец, в открытый мятеж против Колумба. Восстали против него почти все здоровые люди экипажа, офицеры и солдаты, всего около 50 человек. Мятежники самочинно взяли десять пирог, которые адмирал выменял у индейцев, почти все запасы, какие были в то время на кораблях, насильно захватили несколько десятков индейцев-гребцов и отправились на Эспаньолу. В открытом море дважды они были отброшены назад штормами, после чего разбрелись по Ямайке, грабя индейские деревни и насилюя женщин.

Почти все люди, оставшиеся с Колумбом, были истощены болезнями и лишениями. Они сознавали свое отчаянное положение, старались помогать друг другу и тесно сплотились в одну дружную семью. Так как они были бессильны против индейцев, то старались мягко обращаться со своими соседями, чтобы те в обмен на различные вещи продолжали доставлять им продукты. Но индейцев уже не привлекали испанские безделушки, и кучке людей, оставшихся с Колумбом, грозил голод. Тогда генуэзец — по рассказам его биографов — прибег к маленькой хитрости, которая спасла от голода его людей на все время, пока они оставались на Ямайке. Из астрономических таблиц адмирал узнал, что 29 февраля 1504 г. должно наступить затмение луны. За несколько дней до затмения он созвал местных касиков и объявил им, что испанский бог в наказание за то, что индейцы не хотят кормить его народ, отнимает у них луну. Когда действительно началось затмение, перепуганные касики бросились к ногам Колумба, прося вернуть им луну. Колумб обещал им и, конечно, «выполнил» свое обещание. С той поры его люди никогда не страдали от недостатка продуктов.

Между тем Мендес выполнил данное ему поручение. Расстояние, отделяющее Ямайку от Гаити, он прошел в пироге на веслах, с помощью индейцев-гребцов, в четыре дня. Овандо принял его с обаятельной вежливостью, но выразил сожаление, что в настоящее время не может оказать помощи Колумбу, даже за его счет. Вежливый вельможа боялся, что прибытие адмирала на Эспаньолу может вызвать восстание его приверженцев.

Только через семь месяцев Овандо «милостиво» разрешил Мендесу отправиться в Санто Доминго для снаряжения корабля. Но прошло еще несколько месяцев, пока поверенный Колумба мог снарядить и послать судно на Ямайку. Сам же наместник на восьмой месяц послал на Ямайку своего верного человека, но смертельного врага Колумба, чтобы тот, не высаживаясь на берег, узнал о положении адмирала. С этим человеком Овандо прислал бочку солины и обещание помочь.

Наконец, в июне 1504 г. против гавани остановились два корабля. Один из них был куплен и снаряжен Мендесом за

счет адмирала, другой корабль был прислан Овандо под давлением некоторых влиятельных людей, ранее заинтересованных или заинтересовавшихся позже судьбой Колумба благодаря рассказам Мендеса о несчастиях адмирала (или, вернее, об открытой им «золотой стране»).

28 июня 1504 г., ровно через год после прибытия на Ямайку, Колумб навсегда оставил этот остров. На то, чтобы преодолеть небольшое расстояние, отделяющее Ямайку от Эспаньолы, кораблю Колумба пришлось потратить из-за противных ветров более полутора месяцев. Только в середине августа корабль вошел в гавань Санто Доминго.

Овандо встретил Колумба с внешними признаками почтения и поместил у себя в доме. Но Колумб жаловался, что Овандо мешал его доверенному собирать на Эспаньоле доходы, следуемые ему по договору с кастильской короной.

В сентябре 1504 г. два судна под командой Христофора Колумба и его брата Бартоломе оставили Эспаньолу и вышли в открытое море; но из-за аварии во время начавшегося сильного шторма адмирал с частью своих людей должен был перейти на корабль Бартоломе, а поврежденное судно отправить обратно в Санто Доминго.

Одиноким корабль пересекал океан в восточном направлении. Буря за бурей преследовали его, и только 7 ноября 1504 г. Колумб вошел в андалузский порт Сан Лукар.

Великий мореплаватель был в отсутствии два с половиной года, из которых больше года провел на Ямайке.

VIII

Тяжело больной Колумб был перевезен из Сан Лукара в Севилью. Он был в очень мрачном настроении, но все еще не терял надежды вернуть себе прежнее высокое положение и доходы, связанные с этим положением. Надо отдать ему должное; он не забывал о тех, кто делил с ним несчастья на Ямайке, он настаивал на уплате жалованья его людям, вернувшимся из последней экспедиции на родину, потому что «они испытали невероятные опасности и лишения... и они бедны...».

Но со смертью Изабеллы (она умерла в конце ноября 1504 г.) Колумб потерял всякую надежду на восстановление своих прав. По крайней мере его сыновья, Диего и Фернандо, были убеждены (вероятно, с его слов), что он всегда пользовался милостивым расположением и покровительством королевы, тогда как король Фердинанд был постоянно равнодушен и даже враждебен к нему (на последние письма Колумба он даже не отвечал).

В конце 1504 г. Колумб написал своему сыну Диего о тяжелой болезни, мешающей ему отправиться к королевскому двору, чтобы добиться свидания с королем, и о нужде в деньгах, так

как он истратил все доходы, полученные им в Эспаньоле, на перевозку на родину товарищей по экспедиции.

В феврале 1505 г. на Экспаньолу был послан приказ — продать все движимое имущество Колумба. В апреле наложили запрещение и на другое имущество, чтобы удовлетворить его кредиторов.

Только в середине 1505 г. Колумб с помощью своего брата Бартоломе отправился в Сеговию (город в Старой Кастилии), где тогда находился королевский двор.

Фердинанд вежливо принял Колумба, но ровно ничего не обещал и предложил ему третейский суд для разбора взаимных претензий. Однако Колумб соглашался на третейский суд только для определения размера доходов, причитающихся ему; что же касается его прав и привилегий, то они, по мнению Колумба, не подлежали ни обсуждению, ни изменению.

Король, конечно, смотрел на это дело иначе. Лас Касас говорит, что только приличие удерживало Фердинанда от публичного отказа от всех обязательств по отношению к Колумбу.

Прошел год. Дело Колумба было в том же положении. В мае 1506 г., съездив в город Вальядолид, Колумб утвердил свое завещание, написанное им за год раньше. Через несколько дней после этого, 20 мая 1506 г., великий мореплаватель умер. Его смерть прошла незамеченной его современниками. Только 27 лет спустя после смерти Колумба в официальном органе города Вальядолида была помещена коротенькая заметка о том, что «названный адмирал умер».

Подведем теперь краткий итог непосредственным географическим результатам четырех путешествий Христофора Колумба. Он первый пересек Атлантический океан в субтропической и тропической полосе северного полушария и первый из европейцев плывал в Американском Средиземном (Карибском) море. Он положил начало открытию материка Южной Америки и перешейков Центральной Америки. Он открыл все Большие Антильские острова — Кубу, Гаити, Ямайку и Пуэрто Рико, центральную часть Багамского архипелага, большинство Малых Антильских островов от Доминики до Виргинских включительно, а также Тринидад и ряд мелких островов в Карибском море.

Иными словами, Колумб открыл все важнейшие острова Американского Средиземного моря и положил начало открытию двойного западного континента, который позднее получил название Америки. Открытие всей континентальной Америки было очень длительным процессом, затянувшимся на несколько столетий. Начатое Колумбом, оно было завершено в общих чертах великими русскими мореплавателями Чириковым и Берингом.

Но огромное значение открытий Колумба для Испании стало ясно людям XVI века и получило общее признание только

после открытия Мексики, Перу и северных андских стран, когда груды награбленного золота и целые «серебряные флотилии» стали поступать в Европу.

Открытие Америки было одним из важнейших условий, подготовивших всемирный рынок, позднее созданный крупной промышленностью. В этом историческое и притом революционное значение дела Колумба, впервые оцененное авторами «Манифеста Коммунистической партии».

«Открытие Америки и морского пути вокруг Африки создало для поднимающейся буржуазии новое поле деятельности. Ост-индский и китайский рынки, колонизация Америки, обмен с колониями, увеличение количества средств обмена и товаров вообще дали неслыханный до тех пор толчок торговле, мореплаванию, промышленности и тем самым вызвали в распадавшемся феодальном обществе быстрое развитие революционного элемента» *.

И. Магидович

* Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест. Госполитиздат, 1939 г., стр. 28—29.

ДОГОВОР В САНТА-ФЕ

(Capitulación)

словия, просимые, и которые их высочества* предоставили дону Христофору Колумбу в вознаграждение за то, что было открыто (ha descubierto) в морях-океанах и в плавании, каковое ныне предстоит ему с помощью божьей совершить на службе их высочеств.

Условия эти таковы: Во-первых. — Ваши высочества, как сеньоры названных морей-океанов, жалуют отныне названного дона Христофора Колумба в свои адмиралы всех островов и материков, которые он лично и благодаря своему искусству откроет или приобретет в этих морях-океанах, а после его смерти [жалуют] его наследникам и потомкам навечно этот титул со всеми привилегиями и прерогативами, относящимися к нему на условиях, в свое время предоставленных Алонсо Энрикесу, главному адмиралу Кастилии и другим предшественникам его в названной должности, в пределах их округов (distritos).

*Угодно их высочествам,
Хуан де Колома.*

Далее. — Ваши высочества назначают названного дона Христофора Колумба своим вице-королем и главным правителем на всех названных островах и материках, которые он, как уже упоминалось откроет или приобретет в названных

* Короли Кастилии и Арагона носили титул «высочество» (alteza). Только со времени вступления внука Изабеллы и Фердинанда, Карла I (V), на императорский престол (Священной Римской империи), королям Испании присвоен был титул «величеств» (majestad). — *Прим. перев.*

морях, и для управления каждым из них и любым из их числа да изберет он трех лиц для отправления каждой должности: и ваши высочества должны будут избрать [из числа представленных кандидатур] того, кто наиболее подходит для данной службы. И так будут лучше управляться земли, которые наш владыка поможет найти и приобрести на благо их высочеств.

*Угодно их высочествам.
Хуан де Колома.*

Д а л е е. — Со всех и со всяческих товаров, будь то жемчуг или драгоценные камни, золото или серебро, пряности и другие вещи и товары любого рода, вида и наименования, которые будут куплены, обменены, найдены или приобретены в пределах названного адмиральства (almirantazgo), пожалованного отныне вашими высочествами упомянутому дону Христофору, да будет он иметь и да оставит он за собой десятую часть всего приобретенного, приняв в расчет все произведенные издержки таким образом, что из всего оставшегося чистым и свободным сможет он удержать названную десятую часть для самого себя и распорядиться ею по своему желанию, предоставив остальные девять частей вашим высочествам.

*Угодно их высочествам.
Хуан де Колома.*

Д а л е е. — И в случае, если из-за товаров, которые он доставит из названных островов и земель, каковые, как упоминалось ранее, будут приобретены или открыты, или из-за тех товаров, которые в обмен на вышеуказанные будут получены от здешних купцов, возникнет какая-либо тяжба, в месте, где будет производиться указанная торговля или обмен, да будет адмиралу принадлежать по его должностному положению право разбора тяжбы. И просит он ваши высочества, чтобы он или его заместитель (teniente), а не другой судья, разбирали бы такого рода тяжбу и чтобы так было определено отныне.

Угодно будет и признается справедливым их высочествами, если право это действительно относится к названной должности адмирала и его имели упомянутый адмирал Алонсо Энрикес и другие его предшественники в своих округах.

Хуан де Колома.

Д а л е е. — Чтобы на всех кораблях, каковые ни снаряжались бы для названной торговли, всякий раз, когда бы они ни снаряжались, смог бы названный дон Христофор Колумб, если

он того пожелает, оплатив восьмую часть всех издержек по снаряжению этих кораблей, получить и оставить себе восьмую долю вырученной прибыли.

*Угодно их высочествам.
Хуан де Колома.*

Составлены [главы] договора, с ответами ваших высочеств в конце каждого раздела, в селении Санта-Фе, в долине Гранады, 17-го апреля года от рождения нашего спасителя Иисуса Христа 1492.

*Я — король.
Я — королева.*

*По повелению короля и королевы.
Хуан де Колома.*

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного у М. F. Navarrete, в Coleccion de los viajes y descubrimientos, t. II, стр. 10—13, Madrid, 1859.]

КОММЕНТАРИИ

К ДОГОВОРУ ОТ 17 АПРЕЛЯ 1492 г.

Договор [капитуляция], заключенный 17 апреля 1492 г. в военном лагере Санта-Фе, у стен только что взятой Гранады, был не соглашением, скрепленным подписями королевской четы и Колумба, а перечнем требований Колумба Фердинанду и Изабелле. Эти требования были фиксированы представителем Колумба, Хуаном Пёресом и доложены королю и королеве их секретарем Хуаном де Колóма. Против каждого испрашиваемого требования Колóма отмечал, согласны ли король и королева удовлетворить то, о чем просил Колумб.

Документ этот известен в копиях, причем во вступлении к нему имеется одно загадочное место: требования, условно испрашиваемые Колумбом, предоставляются ему «за то, что было открыто (*ha descubierto*) в морях-океанах». Правда, весь последующий текст документа свидетельствует о том, что речь идет о будущих открытиях. Но, тем не менее, слова «было открыто» явились для многих исследователей основанием для построения всевозможных гипотез о путешествиях Колумба к берегам заморских земель, совершенных им до 1492 г. Испанский историк М. Ф. Наваррете, в 20-х годах XIX столетия впервые опубликовавший договор от 17 апреля 1492 г. по копии, хранящейся в архиве герцога Верагуа (потомков Колумба), заменил слова «было открыто» (*ha descubierto*) оборотом будущего времени — «долженствующим быть открытым» (*ha de descubrir*). Вероятно, именно так и следует читать это место, допуская, что оригинальный текст был искажен переписчиком.

Договор сам по себе не предоставлял еще Колумбу реальных прав вице-короля, адмирала и правителя земель, которые предстояло открыть. Указанные титулы были условно пожалованы Колумбу 30 апреля 1492 г. (см. свидетельство о пожаловании титула), а утверждение его в правах вице-короля и адмирала последовало лишь в марте 1493 г., после того, как успешно завершено было первое путешествие. Титул главного адмирала Кастилии и «адмирала моря» впервые был пожалован в 1405 г. королем Энрике III принцу крови Алонсо Энрикесу, причем Колумб настаивал на том, чтобы ему были предоставлены все права, которыми пользовался этот первый главный адмирал. Энрикес был «адмиралом моря», а не «моря-океана». Различие весьма существенное, поскольку под «морем» подразумевались воды Средиземного моря, тогда как с понятием

«моря-океана» связывались представления о водном пространстве, омывающем западные берега Европы и Африки. Приставка «дон» жаловалась лицам, возведенным в дворянское достоинство.

Крайне показательно, что королевская чета, удовлетворив все просьбы Колумба фискального характера, в весьма уклончивых тонах изъявила свою готовность предоставить Колумбу право разбора судебных дел, не желая, чтобы будущий правитель вновь обретаемых земель пользовался прерогативами феодального сеньора. Ведь как раз в это время Фердинанд и Изабелла вели борьбу с своевольной испанской знатью, утверждая свое единодержавие.

Характерной особенностью договора является отсутствие в нем каких бы то ни было упоминаний об «Индиях», «Катае», «Сипанго» и других азиатских землях. В договоре идет речь об «анонимных» островах и об «анонимном» материке. В связи с этим американец Виньо предположил, что целью Колумба в первом путешествии были не земли Азии и что версия о том, что он шел в страну великого хана, возникла не до, а во время путешествия. Предположения Виньо носят чисто умозрительный характер и не основываются на сколько-нибудь проверенном анализе всех источников, относящихся к периоду подготовки первого путешествия. Отсутствие в договоре ссылок на азиатские земли может найти иное объяснение, если принять во внимание, что любое упоминание об этих землях могло явиться поводом к португало-испанскому конфликту. (См. комментарий к булле *Inter caetera*, № 2.)

При переводе документов кастильская форма имени и фамилии адмирала — Кристоваль Колон везде заменена утвердившейся в русской литературе формой Христофор Колумб.

СВИДЕТЕЛЬСТВО О ПОЖАЛОВАНИИ ТИТУЛА ХРИСТОФОРУ КОЛУМБУ

от 30 апреля 1492 г.¹

он Фернандо и донья Изабелла, божьей милостью король и королева Кастилии, Леона, Арагона, Сицилии, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Мальорки, Севильи, Сардинии, Кордова, Корсики, Мурсии, Хаена, Алгарве, Алхесираса, Гибралтара и Канарских островов, графы Барселоны, сеньоры Бискайи и Молины, герцоги Афин и Неопатрии, графы Руссильона и Серданыи, маркизы Ористана и Гасиана: — Поскольку вы, Христофор Колумб, отправляетесь по нашему повелению для открытия и приобретения некоторых островов и материка в море-океане на наших кораблях и с нашими людьми и поскольку мы надеемся, что с помощью божьей лично вами и благодаря вашей предприимчивости будут открыты и приобретены некоторые из этих островов и материк в упомянутом море-океане, мы считаем справедливым и разумным вознаградить вас за труды, которые вы несете на нашей службе. И желая оказать вам надлежащие почести и милость за все вышеупомянутое, изъявляем мы свою волю и милость следующим образом:

После того как вы, упомянутый Христофор Колумб, откроете и обретете указанные острова и материк в море-океане или любите иную землю из их числа, да будете вы нашим *адмиралом островов и материка*, которые будут открыты и приобретены вами. И да будете вы нашим *адмиралом и вице-королем* и правителем в этих землях, которые вы таким образом откроете и приобретете. И отныне и впредь можете вы именовать и титуловать себя *дон Христофор Колумб*, а ваши сыновья и потомки, исполняя эти должности и службу, могут также носить имя, титул и звание *дона и адмирала, и вице-*

короля, и правителя (don é almirante é visorey è gobernador) этих земель. И вы можете отправлять и исполнять (usar é egercer) указанные должности адмирала, вице-короля и правителя упомянутых островов и материка, открытых и приобретенных вами или вашими заместителями (lugarestenientes), и вести и разрешать тяжбы и дела (pleitos é causas) уголовные и гражданские, имеющие касательство к вышеупомянутой адмиральской должности и к должностям вице-короля и губернатора [правителя], согласно тому, как вы сочтете сие законным, и согласно тому, как то обычно было принято и исполнялось адмиралами наших королевств. И можете вы карать и наказывать (punir é castigar) преступников. И да будете отправлять вы и ваши заместители должности адмирала, вице-короля и правителя и пользоваться всеми прерогативами и привилегиями, которые относятся к этим должностям или присваиваются каждой из них в отдельности. И да будете вы иметь и получать доходы и жалованье (derechos é salarios) со всех упомянутых должностей и с каждой из них порознь, так же и таким же способом, как обычно получал и получает эти доходы и жалованье наш главный адмирал королевств Кастилии и вице-короли и губернаторы наших королевств.

И этим письмом или копией его, скрепленной подписью нотариуса, повелеваем мы наследному принцу дону Хуану, нашему дражайшему и любимейшему сыну и всем принцам (infantes), герцогам, прелатам, маркизам, графам, магистрам орденов (maestres de las ordenes), приорам, камандорам, членам нашего Совета, аудиторам нашей Аудиенсии, алькальдам и иным должностным лицам нашего двора, дома и канцелярии и субкомандорам, алькальдам замков и укрепленных и неукрепленных мест и всем советам, ассистентам, коррехидорам, алькальдам, альгвасилам, мэринам, двадцатичетвертникам (veinticuatro), кавалерам, городским старшинам, оруженосцам, должностным и благородным людям всех городов, селений и местечек всех наших королевств и сеньорий и земель, которые вы откроете и приобретете, и всем капитанам, маэстре, контрамаэстре, должностным лицам и матросам и морякам, нашим подданным и уроженцам наших королевств, как нынешним так и будущим, и каждому и любому из них:

Считать и полагать вас (que vos hagan y tengan) отныне и далее в течение всей вашей жизни, а после вас в течение жизни вашего сына и наследника и так от наследника к наследнику навсегда и навечно, нашим адмиралом упомянутого моря-океана и вице-королем и правителем упомянутых островов и материка, которые будут вами открыты и приобретены в море-океане и закреплены за вашей подписью или подписью лица, на то вами уполномоченного и торжественно утвержденного под присягой, как в таких случаях требуется, и полагать, что вы и ваши заместители, назначенные на указан-

ные должности адмирала, вице-короля и губернатора, будут использованы при отправлении этих должностей во всем, что относится к ним. И да будет выплачиваться вам рента и доходы и все иное, что вам причитается от должностей, относящихся и входящих в круг вашей деятельности. И надлежит вам хранить и да будут хранимы вами все почести, пожалования, милости, вольности, преимущества, прерогативы, изъятия, иммунитеты и все иное и каждое из перечисленного в отдельности, которые вы в силу отправления указанных должностей адмирала, вице-короля и правителя должны иметь, и вы должны ими пользоваться, и это надлежит вам оберегать. Все это должно строго выполняться, и так, чтобы достоинство ваше не умалялось ни в чем и чтобы ни в большом, ни в малом никто не смел чинить вам препятствий и противодействия (*embargo ni contrario*) и на то не отважился бы: Ибо этой нашей грамотой отныне и навсегда жалуем мы вам должность адмирала, вице-короля и правителя с передачей по праву наследства на веки вечные и вам даем во владение или почти во владение эти должности, все вместе взятые и каждую из них порознь, и право и полномочия отправлять их и получать доходы и жалованье со всех этих должностей, вместе взятых и с каждой [в отдельности] и со всего, что к ним относится и принадлежит согласно того, как здесь об этом сказано. И если в том явится у вас необходимость, или то вы испросите у нас, мы отдадим повеление нашему хранителю печати (*capceller*) и нотариусам и другим должностным лицам, ведающим нашими печатями, чтобы они дали и заверили и скрепили печатью Круглую Привилегию², самую верную и крепкую грамоту, которая вполне будет соответствовать просимому вами и тому, в чем явится у вас нужда.

И пусть ни те и ни другие [нотариусы и должностные лица] не изменяют ни в чем текста грамоты под страхом нашего гнева и штрафа в 10 000 мараведи в пользу нашей Палаты, который заплатит всякий, нарушивший это повеление. И кроме того, приказываем человеку, который [должностным лицам и нотариусам] предъявит эту грамоту, передать им, чтобы они [с Круглой Привилегией] явились к нашему двору, где бы мы ни находились не позже как через 15 дней под страхом той же кары и чтобы для этого призван был публичный нотариус, каковой заверил бы своей подписью свидетельство, ибо мы желаем знать, как исполняется то, что мы повелели.

Дано в нашем городе Гранаде, в тридцатый день апреля, года от рождества спасителя нашего Иисуса Христа 1492.

Я — король. Я — королева.

Хуан де Колома — секретарь.

[Перевод выполнен по тексту документа, приведенного у М. F. Navarrete в *ero Coleccion de los viajes y descubrimientos*, t. II, стр. 13—16, Madrid, 1859.]

КОММЕНТАРИИ
К «СВИДЕТЕЛЬСТВУ О ПОЖАЛОВАНИИ ТИТУЛА
ХРИСТОФОРУ КОЛУМБУ
30 АПРЕЛЯ 1492 г.»

1. Титулы адмирала, вице-короля и губернатора [правителя] морей и земель, которые предстояло открыть Колумбу, жаловались ему этим свидетельством условно, т. е. он их получал только после открытия этих земель и морей. Привилегии и права, которые жаловались Колумбу, были весьма значительны. Помимо права получения доходов в вновь открытых землях, жалованья, причитающегося вице-королю и адмиралу, Колумбу предоставлялось право разбора судебных дел. Ниже даются объяснения некоторых титулов, упоминающихся в документе:

альгвасил — полицейский комиссар; алькальд — 1) коронный судья, 2) глава городского управления; алькальд замка — комендант; двадцатичетвертник — лицо, избранное гражданами для отправления различных административных обязанностей в пределах квартала; дон — титул кастильских и арагонских дворян; коррехидор (буквально исправник) — лицо, назначенное короной для наблюдения за порядком в городе или сельском округе; маэстре — штурман корабля, часто так назывались владельцы кораблей; контрамаэстре — корабельный мастер; мэрин — стражник, полицейский чин; приор — настоятель монастыря; рехидор — выборный член городского самоуправления (ayuntamiento).

2. Круглая Привилегия — коронная грамота, в которой ниже королевской подписи на нижнем краю листа очерчивался круг. В центре круга ставилась королевская печать, а по окружности подписи должностных лиц и свидетелей — прелатов и знатных рыцарей.

ПИСЬМО САНТАНХЕЛЮ И САНЧЕСУ¹

е н ь о р, зная, что вас обрадует весть о великой победе, дарованной мне господом нашим на пути моих странствий, пишу вам это письмо и из него вам станет известно, что за тридцать три дня² я прошел от Канарских островов к Индиям³ с флотилией, предоставленной мне нашими государями, светлейшими королем и королевой, и там я открыл много островов и людей на них без счету. И все эти острова я принял во владение их высочеств с публичным провозглашением и под развернутым королевским стягом и при этом не было мне оказано сопротивления.

Первому из них я дал имя Сан-Сальвадор в память всевышнего⁴, чудесным образом все это даровавшего; индейцы же называют этот остров Гуанаханí.

Второй остров я назвал Санта Мария де Консепсьон, третий — Фернандина, четвертый Изабелла, пятый Хуана, и так я каждому из них присвоил новое имя⁵.

Когда я достиг [острова] Хуаны⁶, я проследовал вдоль его берега на запад, и он оказался столь обширным, что я подумал, не есть ли это материковая земля, не провинция ли это Катая. Но не обнаружив на побережье городов и местечек, кроме небольших поселений, с жителями которых я не мог сговориться, ибо все они сразу же обращались в бегство, я двинулся вперед тем же путем, заботясь о том, чтобы не пропустить большие города и селения.

И пройдя много лиг и не замечая никаких перемен, а между тем берег отводил меня к северу, что противоречило моему намерению, поскольку зима уже начиналась, я же собирался продвигаться на юг, тем более, что ветер увлекал меня вперед,

решил я не дожидаться перемены погоды и возвратился назад в одну из уже известных мне гаваней, откуда я послал двух человек на землю, чтобы дознаться, есть ли там король и большие города ⁷.

Они совершили трехдневный переход и нашли множество мелких поселений и людей без счета, но ничего достойного внимания не встретили и поэтому вернулись.

Я достаточно наслышался от других, ранее захваченных мною индейцев, что земля эта не что иное, как остров. Поэтому я проследовал вдоль его берега на 107 лиг к востоку до места, где был острову предел. С этого пункта я увидел на востоке другой остров на расстоянии 18 лиг [от Хуаны], и тому острову я тотчас же дал имя Эспаньола ⁸. Я направился к нему, следуя северным его берегом (так же, как шел я у Хуаны) к востоку, и прошел 188 больших лиг по прямой линии.

Остров этот, как и все другие, отличается чрезвычайным изобилием, а Эспаньола в особенности. На ее берегу есть много гаваней, равных которым я не знал в христианских странах, множество больших, хороших рек, прямо чудо какое-то.

Земли здесь высокие, и на них множество высочайших гор. Даже остров Тенериф не может сравниться с Эспаньолой ⁹.

Все эти горы необыкновенно красивы, формы их бесконечно разнообразны, все они проходимы, все заросли деревьями бесчисленных пород и такой высоты, что кажется будто они достигают неба. Мне уже говорили, что они никогда не теряют свою листву, и я сам мог в этом удостовериться, ибо я видел их такими же зелеными и прекрасными, какими они бывают в мае в Испании. Некоторые были в цвету, другие с плодами, прочие в ином состоянии, сообразно их природе. И когда я там проходил в ноябре месяце, пел соловей и другие птицы разнообразнейших видов ¹⁰.

Есть здесь пальмы шести или восьми видов, и любо глядеть на них: столь многообразна их красота, как, впрочем, и иных деревьев, плодов и трав. На острове есть сосновые чащи на диво, и там имеются обширнейшие поля, годные для посевов, а также мед и множество разных птиц и всевозможные плоды, и в земле немало металлов и людей там без счета ¹¹.

Эспаньола — чудо: тут цепи горные и кручи, и долины, и земли тучные, пригодные для обработки и засева, для разведения скота любого рода, для городских и сельских построек.

Морские гавани здесь такие, что, не видя их, нельзя и поверить, что подобные могут существовать, равным образом как и реки — многочисленные и широкие, с вкусной водой, причем большая часть этих рек несет золото ¹².

Деревья, плоды и травы отличаются от тех, что имеются на острове Хуане. На этом острове много пряностей, а также залежи золота и других металлов.

Жители этого и всех других островов, которые я открыл или о которых получил сведения, все как мужчины, так и женщины ходят нагишом, в чем мать родила; впрочем, некоторые женщины прикрывают одно место листом или сеткой из хлопчатника, которую для этой цели они делают. У них нет ни железа, ни стали, ни [железного] оружия, да и не привыкли они пользоваться им и не потому, что они недостаточно умелы или не обладали бы красивым телом (*fermosa estatura*), а потому, что они на удивление робки.

Нет у них иного оружия, кроме сделанного из тростинок, которые срезают в пору созревания семян; к концам тростинок прикрепляют заостренные колышки. Но и этим оружием они не отваживаются пользоваться.

Не раз мне случилось направлять на берег двух или трех человек в какое-нибудь селение, чтобы завязать переговоры с жителями, и последние выходили навстречу неисчислимыми толпами, но как только они замечали, что [мои люди] приближаются, они обращались в бегство так, что даже отцы не дожидались детей своих. А происходило это не потому, что кому-либо причинялось зло; напротив, везде, где я бывал и мог вступить в переговоры, я давал жителям все, что у меня было с собою, как-то: платье и другие вещи, ничего не получая взамен. Но по природе своей они таковы, что нет средств побороть их боязливость.

Правда, после того как они успокаивались и страх исчезал, они становились столь доверчивыми и с такой щедростью отдавали все им принадлежащее, что, кто этого не видел сам, вряд ли тому поверит.

Если у них попросить какую-нибудь вещь, они никогда не откажутся ее отдать. Напротив, они сами предлагают ее и притом с таким радушием, что кажется, будто они дарят свои сердца. И будь то ценная или ничтожная вещь, они остаются довольны любой мелочью и любым способом, которым ее им дали.

Я запретил давать им такие бесполезные вещи, как осколки битой посуды или стекла, или [металлические] наконечники от агухет *, хотя, если им и удавалось получать эти вещи, они казались им наилучшими драгоценностями на свете.

Так, однажды одному матросу удалось получить за агухету золота на два с половиной кастельяно **, а другие за предметы, еще менее ценные, получали взамен куда больше.

За новую мелкую разменную монетку отдавали они все, что имели, будь то золото весом два-три, кастельяно или одна-две арробы хлопковой пряжи ¹³. Даже за обломки лоп-

* Агухета — пояс-ремешок с бронзовыми или медными наконечниками, напоминающий кавказские пояса.— *Прим. перев.*

** Кастельяно — золотая монета весом в 4,6 грамма, содержащая 540 мараведи.— *Прим. перев.*

нувших обручей от винных бочек, они, как дикари (como bestias), отдавали, что у них было.

Так как я считал все это неправильным, я запретил подобный [обмен]. Я дал им тысячи хороших и красивых вещей, которые у меня были, желая добиться их расположения и более того, чтобы обратить их в христианство и склонить их к любви и к служению их высочествам и всей кастильской нации, дабы они оказывали нам помощь и давали нам все, что сами в изобилии имеют и в чем мы испытываем нужду: ибо они не ведали ни ереси, ни идолопоклонства, а верили, что имеются на небесах силы и благо и твердо стояли на том, что я и мои корабли и мои люди явились с неба; и они укреплялись в этом убеждении, как только исчезал у них страх перед нами.

Эта вера проистекала у них не от невежества — напротив, у них очень острый ум: они плавают по всем этим морям и приходится удивляться тому, как отлично они рассказывают обо всем виденном; дело лишь в том, что они никогда еще не видели ни людей, одетых в платье, ни кораблей, подобных нашим.

Как только я прибыл в Индию, на первом же открытом мною острове я взял силой несколько человек, чтобы, обучившись, они могли бы давать сведения о том, что имеется в этих краях.

Так оно и было: вскоре они стали понимать нас, а мы их, и объяснялись мы то словами, то знаками, и польза от этих людей была нам немалая. Я теперь их вожу с собой и постоянно веду с ними беседы, они же уверены, что я явился к ним с неба. Где бы я ни появлялся, эти люди первые провозглашали это, а другие, перебегая из дома в дом и из селения в селение, громко возглашали: «идите, идите смотреть на небесных людей!»

И так все как мужчины, так и женщины, после того как в сердцах их укреплялась уверенность в нас, сбегались [к нам], так что на месте не оставался ни стар ни млад, и они приносили с собой пищу и питье, предлагая нам то и другое с удивительным радушием.

Есть у них на всех островах множество каное, сходных с гребными фустами¹⁴. Некоторые из них велики, иные же поменьше; есть и такие, что размерами превосходят фусту с десятью или восемью скамьями, хоть они и не так широки, потому что изготовлены из одного ствола. Но ни одна фуста не угонится за ними на веслах, ибо ходят каное со скоростью, просто невероятной.

И на этих каное они плавают вдоль всех этих островов, которым нет счету, и ведут торговлю своими товарами. Я видел на одном каное от 70 до 80 человек, и каждый имел свое весло.

На всех этих островах я не замечал большого разнообразия ни в облике людей, ни в их обычаях и языке. Напротив того — все они понимают друг друга, что весьма важно, если иметь в виду, как я надеюсь, намерение их высочеств обратиться к нашей святой вере, к чему они очень расположены¹⁵.

Я уже говорил, что прошел 107 лиг прямой линии вдоль берега острова Хуаны, с запада на восток, и поэтому я могу сказать, что остров этот больше Англии и Шотландии, вместе взятых¹⁶, ибо помимо этого пространства на западной стороне острова еще остались две области, в которых я не был; одну из них называют «Аван», и там водятся хвостатые люди. Эти области не могут не иметь в длину меньше чем 50 или 60 лиг, насколько я мог понять со слов индейцев, которые находятся при мне и которым известны эти острова.

Другой остров, Эспаньола, в окружности больше, чем вся Испания, от Коливре по морскому берегу до Фуентеррабы в Бискайе, судя по тому, что я прошел 188 больших лиг по прямой линии с запада на восток вдоль одной только стороны острова¹⁷.

Край этот поистине желанный и, раз увидев его, покинуть его невозможно уже никогда. Этот остров, равно как и все [другие], находится во владении их высочеств; и все они богаты еще в большей степени, чем о том я знаю и чем о том я могу сказать. Всеми этими островами я овладел в пользу их высочеств, и они могут распоряжаться ими так же повелевающе, как и королевствами Кастилии.

На Эспаньоле в самом выгодном пункте и в наилучшем для добычи золота месте, где всего удобнее вести торговлю как с этой материковой землей, так и с той, что лежит по ту сторону, землей Великого Хана, сулящей великий торг и наживу, я принял во владение одно большое поселение, которому дал имя «Навидад» («Рождество»). В нем я заложил укрепления и форт, которые ныне должны быть уже закончены постройкой, и того ради оставил в нем достаточно людей с оружием, артиллерией и провиантом на год с лишним, а также и фусту и корабельного мастера, искусного во всех ремеслах, чтобы строить другие [фусты]. У меня с королем той земли была столь большая дружба, что он считал честью для себя называть меня своим братом и обращаться со мною, как со своим братом¹⁸.

Если даже его отношение изменилось и стало враждебным к оставленным мною людям, ни он, ни его люди не знают, что такое оружие, и ходят нагишом, как я уже говорил раньше, и нет на свете людей более боязливых, чем они, так что оставленных мною людей достаточно, чтобы уничтожить всю страну; но те, что умеют управлять собою, могут чувствовать себя тут в полной безопасности.

На всех этих островах, как мне кажется, мужчины довольствуются одной женой, но своему старейшине или королю они дают до двадцати жен. Женщины, повидимому, работают больше, чем мужчины. Я не мог узнать, имеют ли они собственность (*bienes propios*). Мне, однако, приходилось замечать, что то, чем владел один, делили между собой все остальные. Особенно это относится к пище.

На этих островах я до сих пор не встречал людей-чудовищ, как многие того ожидали. Напротив, все люди тут очень хорошо сложены, они не черны, как жители Гвинеи, и волосы у них гладкие, они не родятся там, где в солнечных лучах большая сила. Правда, солнце тут греет очень сильно, хотя отсюда до линии экватора насчитывается двадцать шесть градусов. На тех островах, где много больших гор, нынешней зимой была суровая стужа. Но жители привычны к холоду; к тому же они потребляют много мяса, которое они едят в чрезвычайно горячем виде с большим количеством пряностей.

Итак, я не встретил здесь людей-чудовищ и не получил о них никаких сведений, если не считать [вестей] об острове Куарис, втором по счету при вступлении в Индии, населенном людьми, которых считают на всех других островах очень свирепыми, и едят эти люди человеческое мясо.

У них много каное, на которых они обходят все острова Индии и грабят и хватают, что только могут. Они не уродливее всех других [индейцев], разве что только они обычно носят длинные, как у женщин, волосы и употребляют луки и стрелы в виде тростинок с колышками на концах по причине отсутствия у них железа. По сравнению с другими здешними народами они чрезвычайно трусливы и свирепы, но для меня они имеют не больше значения, чем все остальные. Эти люди вступают в общение с женщинами на Матинино, первом острове на пути из Испании в Индии, на котором нет ни одного мужчины¹⁹. Его обитательницы не выполняют обычных женских работ, зато имеют луки и стрелы, такие же, как и упомянутые выше, из тростника, и защищают в бою свое тело пластинами из бронзы, которой у них много.

На другом острове, который, как меня уверяли, еще больше Эспаньолы, живут безволосые люди. На острове том золота без счета, и с него и с других островов я везу индейцев в качестве свидетелей.

Таким образом, из одного лишь того, что было выполнено во время этого столь недолгого путешествия, их высочества могут убедиться, что я дам им столько золота, сколько им нужно, если их высочества окажут мне самую малую помощь; кроме того, пряностей и хлопка — сколько соизволят их высочества повелеть, равно, как благовонную смолу, сколько они прикажут отправить, а ведь до сей поры ее находили только в Греции, на острове Хиосе, и сеньория сможет прода-

вать ее, как ей заблагорассудится; я дам также алоэ и рабов, сколько будет угодно и сколько мне повелят отправить, и будут эти рабы из числа язычников²⁰.

Я уверен, что нашел также ремень и корицу и тысячи других ценных предметов, которые откроют люди, оставленные мною там [на Эспаньоле], я же не мог задерживаться ни в одном месте, поскольку ветер не способствовал дальнейшему плаванию; я задержался только в поселении Навидад, ради того, чтобы укрепить и благоустроить его.

Поистине я сделал бы гораздо больше, если бы корабли служили мне так, как этого требовал разум.

Это достаточно... [пропуск в тексте письма]. . . . и предвечный господь бог наш, который дарует всем шествующим по завещанному им пути победу в таких делах, что могут казаться не осуществимыми. Эта же победа была особенно примечательна; ибо хотя о землях этих говорили или писали, но заключали о них по догадкам, воочию их не видя, и все это сводилось к тому, что слушавшие эти рассказы относились к ним, как к сказке, в которой нет и следа истины. А так как наш искупитель ниспослал эту победу нашим светлейшим королю и королеве и их прославленным королевствам, должно всему христианскому миру проникнуться радостью и справить великие торжества и торжественно вознести благодарственное моление святой троице за то великое ликование, которое будет испытано по случаю обращения стольких народов в нашу святую веру, равно как и за блага мирские, ибо не только Испания, но и все христиане найдут в них подкрепление и выгоду.

*На каравеле у Канарских островов 15 февраля 1493 года²¹
В ожидании ваших повелений*

Адмирал

После того, как это было написано и я уже находился в кастильском море, задул такой сильный южный и юго-восточный ветер, что я вынужден был облегчить корабли. А сегодня я вошел в гавань Лиссабона, и это было величайшим на свете чудом; здесь я решил написать их высочествам.

Во всех Индиях всегда стояла погода, какая бывает в мае. Туда я плыл 33 дня, а возвратился в 28, не считая того, что бури задержали меня на 14 дней, в течение которых я блуждал в море. Тут все моряки говорят, что никогда еще не было такой плохой зимы и не погибало столько судов.

Писано в четвертый день марта.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, p. I, v. I, p. 120—135, Roma, 1894, и сверен с текстом, приведенным в Select documents illustrating the four voyages of C. Columbus, v. I, 1929, p. 2—19.]

КОММЕНТАРИИ К «ПИСЬМУ САНТАНХЕЛЮ И САНЧЕСУ»

1. Оригинал письма Сантанхелю и Санчесу неизвестен. Имеются многочисленные копии этого документа, причем многие из них восходят к 1493 г. Из множества копий этого письма выделяются десять, наиболее ранних, которым даны условные индексы — А, В, С, D, E, F, G, H, I, K. Учитывая исключительное значение этого документа — бесспорно наиболее раннего письменного свидетельства об открытии Нового Света, мы даем здесь краткий обзор основной группы копий письма.

А) Издание in folio 1493 г., на испанском языке, с единственного сохранившегося экземпляра которого было выпущено в свет в 1889 г. Мезонвилем в Париже и в 1891 г. Кваричем в Лондоне новое издание, ставшее ныне библиографической редкостью. Год издания не указан на титуле книги, но устанавливается точно палеографами. Этот экземпляр в настоящее время хранится в Ньюйоркской Публичной библиотеке.

В) Издание in quarto, на испанском языке, относимое к 1493 г., хранящееся в Амвросиевской библиотеке в Милане. Вновь переиздано в 1866 г. Версии А и В весьма сходны между собой.

С) Рукописная испанская копия из государственного испанского архива в Симанке. Найдена в 1818 г. и издана испанским историком Наваррете в его *Colección de los viajes y descubrimientos*, т. I.

Д) Рукописная испанская копия из архива монастырской коллегии в Куэнке. Она была приобретена в Валенсии Варнхагеном и дважды издана им (в 1858 и 1869 гг.). Копия эта ныне утеряна.

Е) Версия, данная Андресом Бернальдесом в его «Истории католических королей». Эта версия интересна потому, что Бернальдес — современник Колумба и человек, лично хорошо знавший его — вводит в текст подробности, отсутствующие в вариантах А, В, С и D.

Ф) Неполная копия начала XVI столетия, содержащая примерно половину текста письма. Эта итальянская рукопись хранится в Амвросиевской библиотеке в Милане.

Н) Неполная итальянская копия (рукописная), хранящаяся в Национальной библиотеке во Флоренции.

1) Латинская версия, обошедшая многие европейские страны, являющаяся переводом, выполненным с оригинала арагонцем Леонардо Коско. Первое издание появилось в апреле 1493 г., а на протяжении 1493 и 1494 гг.

в Италии, Базеле и Париже вышло девять изданий письма в переводе Коско. Этот вариант неоднократно переиздавался.

К) Латинская поэтическая версия Джулиано Дати, восходящая к неизвестному источнику. Напечатана во Флоренции в июле 1493 г. и является, видимо, вольным рифмованным переложением оригинала.

Все эти версии имеют свои специфические особенности и отличаются одна от другой в деталях, порой существенных. Прежде всего возникнет вопрос об адресате письма. В вариантах А, В, С адресатом является Луис де Сантанхель — *escribano de gasión* — дьяк дворцовой палаты королевства Арагонского, оказавший большую помощь Колумбу в период утверждения его проекта и обеспечивший необходимыми средствами экспедицию. В версиях D, F, G, I письмо адресуется Габриелю Санчесу * — *tesorero* — казначею арагонской короны, также принимавшему активное участие в организации первой экспедиции Колумба.

В настоящее время признается возможным, что письмо было адресовано и тому и другому лицу, но в различных вариантах-копиях сохранились разночтения.

Далее возникают сомнения относительно языка оригинала письма. Колумб или лицо, которому он мог продиктовать текст письма, не обязательно должны были прибегать к испанскому языку. Было предположение, что оригинал писался на каталонском языке, что, вообще говоря, допустимо, если учесть всеобщее распространение каталонского языка (в той или иной степени известного морякам всех южноевропейских стран) и то обстоятельство, что Сантанхель и Санчес отлично владели им.

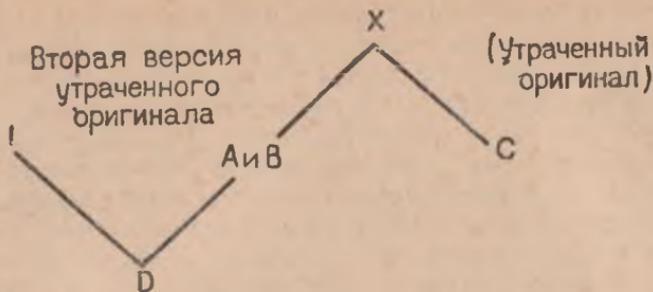
Предположения эти основывались на якобы значительном числе каталонизмов в вариантах А и В и на том, что немецкий перевод 1497 г. сделан был с каталонского языка.

Но большинство «каталонизмов» в этих двух вариантах с таким же успехом могут быть признаны итальянизмами, да и трудно определить, вызваны ли и те и другие влиянием оригинала или прихотью наборщиков, для которых, — если, как это предполагается, документ в версиях А и В печатался в Барселоне, — родным языком был каталонский. Скорее всего, оригинал написан был на испанском языке, а затем уже переводился на другие языки.

Не менее существенные вопросы возникают в связи с необходимостью установить преемственные соотношения между различными версиями и их относительную близость к оригиналу. Для группы испанских копий, т. е. для документов А, В, С, устанавливаются следующие соотношения (стр. 73).

Таким образом, наиболее близкими к оригиналу и «древними» его копиями признаются варианты А, В и С, которые обычно, наравне с латинским переводом Коско (вариант I), принимаются в качестве основных версий документа в современных изданиях. Отсутствие оригинала письма не позволяет выяснить: 1) время его написания и 2) «руку» лица, написавшего это письмо на обратном пути из «Индий» в Испанию.

* Следует отметить, что в версиях F и I адресат именуется Рафаелем Санчесом. Настоящее имя Санчеса было Габриель. В варианте G указывается, что документ в итальянском переводе — копия письма, «прибывшего из Испании».

Если первый пункт представляется относительно менее важным, то второй имеет исключительное значение.

В самом деле,— письмо, которое по праву считается первой весточкой о великом открытии, может рассматриваться как исторический источник чрезвычайной важности; а в связи с этим имеет значение вопрос о том, кто был автором документа,— Колумб или неизвестное лицо, которое, со слов участника первого плавания, используя имя адмирала, написало это письмо. У исследователей уже издавна возникали сомнения в авторстве Колумба. Эти сомнения основывались на том, что документ написан на кастильском языке, которым Колумб далеко не свободно владел не только в 1493 г., но и много лет спустя. Лас Касас в одной из глав «Истории Индии», где описывается третье путешествие Колумба, говорит, что адмирал плохо писал по-кастильски. Ряд других документов, принадлежащих перу Колумба, подтверждают это мнение. Таким образом, письмо Сантанхелю и Санчесу, судя по стилю и языку, скорее может быть приписано человеку, обработавшему текст, написанный Колумбом. Возможно, что Колумб диктовал письмо своему секретарю, который литературно его обработал. Принадлежность письма Колумбу оспаривается еще и потому, что в трех испанских вариантах его — А, В, С — оно скреплено подписью «Адмирал». Между тем известно, что Колумб никогда не подписывался таким образом и что официально он стал адмиралом лишь после того как Фердинанд и Изабелла в письме от 30 марта 1493 г. (т. е. спустя 26 дней после того как был подписан этот документ) подтвердили пожалование адмиральского титула. Как бы то ни было, но письмо, излагающее результаты путешествия в Индии, произвело потрясающий эффект в странах Южной Европы. Его переводы на каталонский, латинский, французский, немецкий языки на протяжении первых нескольких лет (с 1493 по 1500 г.) исчисляются десятками. Именно это письмо явилось источником первых сведений о новооткрытых землях и пробудило в Европе огромный интерес к дальним заморским плаваниям и открытиям.

2. Тридцать три дня — время с 8 сентября по 11 октября, т. е. период, который прошел с того момента, когда корабль, переждав двухпедельный штиль у берегов Гомеры, вышли в море, и до открытия острова Гуанаханí.

3. Как известно, многие исследователи полагают, что Индия не являлась целью, которую ставил перед собой Колумб, предпринимая свое первое плавание. Поэтому слова «я прошел от Канарских островов к Индиям»

в тексте письма Сантанхелю и Санчесу имеют существенное значение для уяснения некоторых сторон спорного и запутанного вопроса о подлинных целях предприятия Колумба. Однако это место письма, взятое само по себе, еще не свидетельствует о том, что, отправляясь в путь, Колумб имел в виду доплыть до Индии. Письмо написано после возвращения Колумба из путешествия, и есть предположение, что лишь в ходе открытия новых земель у адмирала появилась мысль, что эти страны являются частью «Индий». О целях, которые ставил перед собой Колумб в период подготовки к первому плаванию, см. вводную статью.

4. Остров Сан-Сальвадор (Святой спаситель) назван был в честь Христа. Колумб, утверждая впоследствии, что он совершил открытия «по внушению бога» как вестник неба, пытался дать мистическое истолкование своего имени Христофор («Христоносец»), полагая, что на его долю выпала миссия перенести Христа через моря в новооткрытые земли.

Относительно географического положения этого острова в группе Багамских долгое время велся спор, который породил целый поток исследований. В настоящее время принято считать, что имя Сан-Сальвадор дано было Колумбом острову Ватлинг (в 1927 г. этому острову присвоено наименование Ватлинг-Сан-Сальвадор).

5. Вероятно острова Рам-Кей (Ram Cay), Лонг-Айленд и Крукед-Айленд в группе Багамских.

6. Остров Хуана — Куба.

7. Посланы были Родриго де Херес и Луис де Торрес. Луис де Торрес был толмачом Колумба, так как он знал еврейский, «халдейский» и арабский языки. Впрочем, его лингвистические познания, которые действительно могли бы найти себе применение в Индии, оказались бесполезными в новооткрытых землях.

8. Эспаньола была открыта 5 декабря 1492 г. «Большие лиги», вероятно, содержали 4 итальянские мили и, следовательно, равны были 5924 м. Таким образом, 188 больших лиг составляют 1137 км. Между тем остров имеет максимальную протяженность 660 км.

9. Пик Тенериф на 630 м выше самых высоких гор Эспаньолы.

10. Испанский хронист Овьедо, посетивший «Индии» спустя 30 лет, утверждал, что в новооткрытых землях только три или четыре вида деревьев теряют осенью листву. Очевидно, описания Овьедо отражают реальные естественно-исторические условия, существовавшие в то время на Антильских островах. Овьедо считает вечнозеленую растительность наиболее характерной особенностью пейзажа «Индий».

11. Современники великих открытий различным образом оценивали численность населения Эспаньолы. Лас Касас определял ее цифрой в три-четыре миллиона. Напротив, некоторые историки XIX—XX вв. считали и считают, что население Эспаньолы не превышало 300—400 тысяч.

12. Колумба впоследствии постигло горькое разочарование, так как оказалось, что лишь немногие реки несут золото, при этом золота было найдено весьма немного.

13. Арроба — старинная испанская мера веса, равная 11,5 кг (величина арробы варьировала в значительных пределах в различных областях Кастилии и Арагона; 11,5 кг — среднее значение этой величины).

14. Фуста — легкий гребной корабль, водоизмещением не более 300 т. Иногда фусты оснащались парусами (латинскими).

15. Колумб, говоря о языках индейцев Эспаньолы и Кубы, часто впадает в противоречия. В «Дневнике первого путешествия» он указывает, что у индейцев этих земель языки были разные.

16. Площадь Кубы (с прилегающими мелкими островами) — 114 000 кв. км, а в одной только Англии без Шотландии — 151 000 кв. км.

17. Общая протяженность берегов Эспаньолы гораздо меньше, чем Испании и Португалии. Коливре (точнее, Кольюре — Colioure) — селение в Руссильоне, на северном склоне Пиренейских гор у самого берега Средиземного моря. Фуентеррабья — город на берегу Бискайского залива, расположенный на франко-испанской границе.

18. Колумб оставил в Навидаде 39 человек. О людях, оставленных в этой крепости, см. «Дневник первого путешествия» и материалы второго путешествия.

19. Вероятно имеется в виду остров Мартиника. Разумеется, земли, населенной «безмужними» женщинами, в «Индиях» не было. Сведения о странах, которые населены одними только женщинами, Колумб мог почерпнуть из трудов Энея Сильвия Пикколомини или из древних легенд об амазонках. Землю амазонок испанцы искали в середине XVI столетия в джунглях южноамериканского материка и, в частности, там, где протекает река, названная ими Амазонкой.

20. Здесь в общей и пока еще неопределенной форме изложена мысль о возможности превращения новооткрытых земель в заповедное поле для работорговли, которую Колумб развивает более подробно в своих последующих письмах (см. «Мемориал», посланный Колумбом через Торреса, и послесловие).

21. Ошибка в тексте письма. Колумб находился 15 февраля у берегов Азорских островов (см. запись в «Дневнике первого путешествия» от 15 февраля 1493 г.).

ДНЕВНИК ПЕРВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ¹ ПРОЛОГ

то первое путешествие — и путь и дорога, что прошел Христофор Колумб, когда открыл Индии, — изложено в сжатой форме, если не считать пролога, написанного для королей, который здесь приводится

слово в слово и начинается так:

«In nomine domini nostri Ihesu Christi» (во имя господина нашего Иисуса Христа).

После того как ваши высочества, христианнейшие, высочайшие, светлейшие и всемогущие государи — король и королева Испании и островов моря, наши повелители в нынешнем 1492 году положили конец войне с маврами, которые царствовали в Европе, и завершили войну в великом городе Гранаде, где в этом же году, во второй день января, я видел сам, как силой оружия водружены были королевские стяги ваших высочеств на башнях Альхамбры², цитадели Гранады, и как король мавров вышел из городских ворот, дабы поцеловать царственные длани ваших высочеств и государя, моего повелителя³, в этом же месяце, я осведомил ваши высочества о землях Индий и об одном государе, который зовется «великий хан», что означает на нашем языке «царь царей»⁴. Этот государь и предки его много раз отправляли послов в Рим с просьбой направить к ним людей, сведующих в делах веры (*doctores en nuestra sancta fé*), дабы они наставляли в ней; святой же отец [папа] никогда не удовлетворял [эти просьбы] и много народов [поэтому] впало в ничтожество и приобщилось к гибельным верованиям и обратилось к идолопоклонству. И поэтому ваши высочества, как католики-христиане и государи, почитающие святую христианскую веру и споспешествующие

ее распространению и как враги секты Магомета и всяческого идолопоклонства и ересей, решили отправить меня, Христофора Колумба, в указанные земли Индий, с тем, чтобы повидать я этих государей и эти народы и дознался бы о состоянии этих земель и также о том, каким образом окажется возможным обратить их в нашу веру. И повелели [ваши высочества], чтобы я направился туда не сушей, следуя на восток, как обычно ходят в ту сторону, но западным путем, каковым, насколько мы это достоверно знаем, не проходил еще никто.

И таким образом, после того как были изгнаны все евреи из ваших королевств и сеньорий, в том же месяце январе⁵, ваши высочества повелели мне отправиться с достаточной флотилией в упомянутые части Индий. Ради того даровали они мне великие милости, возвысив мой род (у me enoblescieron) и позволив отныне и впредь именоваться «доном» и быть главным адмиралом моря-океана, а также бессменным вице-королем и правителем всех островов и материковых земель, которые я открою и обрету и которые отныне и впредь будут открыты и обретены в море-океане, и положили, что преемником моим будет мой старший сын, и так из поколения в поколение во веки веков*.

И я отправился из города Гранады в субботу 12 мая того же 1492 года и прибыл в город Палос**, морской порт, где я снарядил три весьма подходящих для подобного предприятия корабля. Я вышел из этой гавани хорошо снабженный всякого рода припасами и с большим количеством моряков в пятницу, в третий день августа того же года, за полчаса до восхода солнца и взял путь на принадлежащие вашим высочествам Канарские острова⁶, что лежат в том же море-океане, чтобы оттуда идти моим направлением и плыть до тех пор, пока не прибуду я в Индии. А прибыв на место, отправить от имени ваших высочеств послов к тем государям и выполнить все, что мне было велено.

Того ради вознамерился я описать это путешествие самым подробным образом, изо дня в день, отмечая все, что бы я ни совершил и что бы со мной ни происходило, как то видно будет из дальнейшего.

Равным образом, я решил, государи-повелители, каждую ночь описывать то, что случилось за день, а днем отмечать случившееся при плаваньи ночью, имея в виду составить новую морскую карту, на которой, на надлежащих местах, были бы показаны под их ветром все моря и земли моря-океана, и еще завести книгу и в ней помещать все подобным же обра-

* О титулах Колумба см. комментарий к Договору от 17 апреля 1492 г.— *Прим. перев.*

** См. комментарий «Корабли первой флотилии Колумба». — *Прим. перев.*

зом в рисунках с пометками экваториальной широты и западной долготы. И настолько обременил я себя всем этим, что позабыл о сне; и многое испытал я в плаваньи, выполняя предначертанное, и совершение всего потребовало великих трудов».

[ПУТЬ К КАНАРСКИМ ОСТРОВАМ]

Пятница, 3 августа. «Мы отправились в пятницу, 3 августа, от отмели Сальтес * в 8 часов утра и до захода солнца прошли 60 миль, или 15 лиг, в южном направлении при сильном бризе (virazon). Затем взяли курс на юго-восток и на юг, четверть к юго-западу, т. е. по направлению к Канарским островам †.

Суббота, 4 августа. Шли на юго-восток, четверть к югу.

Воскресенье, 5 августа. За день и ночь прошли, продолжая путь, свыше 40 лиг.

Понедельник, 6 августа. Сломался или сорвался с крепления руль на каравеле «Пинта», которой командует Мартин Алонсо Пинсон, и полагают и подозревают, что все это случилось из-за козней Гомеса Раскона и Кристоваля Кинтеро **, которым принадлежала каравела, потому что они не желали выйти в это плаванье. И адмирал говорит, что перед выходом в море было замечено, что эти люди строят козни и ковы.

Видя это, адмирал был крайне встревожен, по той причине, что он не мог оказать этой каравеле помощь, не подвергая себя опасности. Но он говорит, что успокоился совсем, сознавая, что Мартин Алонсо Пинсон был человек сильный духом и разумом. За день и ночь прошли 29 лиг.

Вторник, 7 августа. Снова сломался руль на «Пинте». Исправив повреждение, двинулись по направлению к острову Лансароте, одному из Канарских островов, и за день и ночь прошли 25 лиг.

Среда, 8 августа. Пилоты всех трех каравел высказывали различные мнения относительно местонахождения флотилии. Но суждение адмирала оказалось наиболее верным. Он намерен был итти к острову Гран-Канария, дабы там оставить каравелу «Пинта»; она плохо слушалась руля и давала течь. Адмирал имел в виду взять на острове Гран-Канария другой корабль, если только таковой там найдется. В этот день не удалось это сделать.

Четверг, 9 августа ***. Адмиралу удалось прибыть на Гомеру только лишь в ночь на воскресенье, Мартин Алонсо

** См. комментарий «Корабли первой флотилии Колумба». — *Прим. перев.*

* См. комментарий «Экипаж Санта Марии, Ниньи и Пинты». — *Прим. перев.*

*** Запись, датированная этим днем, охватывает период времени с 9 августа по 6 сентября. На Гомеру Колумб прибыл в ночь на 12 августа. — *Прим. перев.*

[Пинсон], по его распоряжению, остался на берегу Гран-Канарии, потому что не мог продолжать плавание.

Затем адмирал вернулся на Канарию. Там трудами и усердием адмирала, Мартина Алонсо и всех прочих починили «Пинту» и в конце концов пришли на Гóмеру. На острове Тенериф, над цепью гор, видели дым и огонь. Горы же эти были чрезвычайно высоки*. Сменили парусное вооружение на «Иинье» — вместо латинских парусов поставили прямые**. На Гóмеру прибыли в воскресенье 2 сентября с уже исправленной «Пинтой».

Адмирал говорит, что многие почтенные испанцы, жители острова Иерро, находившиеся на Гóмере с доньей Инесой Перáса, матерью Гильёма Перáса, который был затем первым графом Гóмеры, клятвенно утверждали, что из года в год они видели к западу от Канарских островов землю и лежала, следовательно, эта земля в направлении солнечного заката. Другие жители Гóмеры также подтверждали это клятвенно.

Адмирал припоминает, что в 1484 г. в то время, когда он находился в Португалии, к королю явился некто с острова Мадейры и просил короля дать ему каравелу, чтобы отправиться к этой земле. Он клятвенно заверял, что эту землю замечают из года в год и вид ее остается всякий раз одним и тем же⁸.

Адмирал также вспоминает, что то же самое говорят на Азорских островах, причем все одинаковым образом отмечают направление, в котором лежит земля, ее местоположение и размеры.

В четверг, на шестой день сентября, запасшись водой, дровами, мясом и всем остальным, что заготовили люди, оставленные для этой цели адмиралом на Гóмере на то время, пока он был на острове Канарии, и отремонтировав «Пинту», пустились все три каравелы в путь, покинув Гóмеру.

Четверг, 6 сентября. В этот день, утром, вышли из гавани Гóмеры в путь, чтобы следовать своим направлением. Адмирал узнал от людей с одной каравелы, которая прибыла с острова Иерро, что к Канарским островам вышли три португальские каравелы, желая его [адмирала] захватить. Это, должно быть, объясняется завистью, которую испытывает король Португалии при мысли, что адмирал ушел [от него] в Кастилию⁹.

Шли весь день и ночь при тихой погоде и утром находились между Гóмерой и Тенерифом.

Пятница, 7 сентября. В пятницу и до трех часов ночи субботнего дня удерживалось безветрие.

* Высота пика Тенериф 3716 м.— *Прим. перев.*

** См. комментарий «Корабли первой флотилии Колумба». — *Прим. перев.*

[ПЕРВЫЙ ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН]

Суббота, 8 сентября. В субботу, в три часа ночи, подул ветер с северо-востока. Адмирал пошел своим путем на запад. На море было волнение от носа, что препятствовало ходу, и поэтому за день и за ночь прошли только 9 лиг.

Воскресенье, 9 сентября. Прошли за день 15 лиг. Адмирал принял решение отсчитывать доли пути меньшие, чем проходили в действительности, в том случае, если плавание оказалось бы длительным, чтобы людьми не овладели бы страх и растерянность.

Ночью прошли 120 миль, или 30 лиг, делая по 10 миль в час. Матросы плохо управляли рулем и отклонились более чем на четверть к северо-востоку. Отошли от курса почти на полветра. За это адмирал многократно выговаривал им.

Понедельник, 10 сентября. За день и ночь пройдено было 60 лиг — по 10 миль, или $2\frac{1}{2}$ лиги в час, но чтобы в случае долгого пути не наводить на людей страх, если путь окажется долгим, исчислили пройденное расстояние в 48 лиг.

Вторник, 11 сентября. Плыли весь день своим путем, т. е. на запад и прошли более 20 лиг. Видели обломок мачты с 120-бочечного корабля, но не смогли выловить его*.

Ночью прошли около 20 лиг, но по указанной уже причине отмечено было только 16.

Среда, 12 сентября. Продолжая идти тем же путем, прошли за день и ночь 33 лиги, засчитав по той же причине меньшее число лиг.

Четверг, 13 сентября. За день и ночь прошли тем же путем на запад 33 лиги, исчислили тремя или четырьмя лигами меньше. Течения были противные. В этот день игла компаса отклонилась к северо-западу¹⁰, и то же повторилось на следующее утро.

Пятница, 14 сентября. Плыли день и ночь своим путем на запад и прошли 20 лиг, исчислив несколько меньше. Люди с каравелы «Нинья» говорили, что видели чайку (gaghao) и рабо де хунко**. Птицы же эти никогда не удаляются от земли более чем на 25 лиг.

Суббота, 15 сентября. За ночь и день прошли 27 лиг и даже более тем же путем на запад.

Ночью, в ее начале, видно было, как с неба упала в море в 4—5 лигах от корабля дивная огненная ветвь.

* Бочка — tonelada — мера объема для жидкостей и сыпучих тел, равная примерно $\frac{5}{6}$ метрической тонны. В бочках измерялось в Кастилии водоизмещение кораблей. 120-бочечный корабль имел, таким образом, около 100 т водоизмещения. С «тонеладой» не следует смешивать бискайскую меру емкости — «тонель», равный $\frac{5}{6}$ тонеладой или $\frac{2}{3}$ метр. тонны.— *Прим. перев.*

** Трудно определим вид птицы, которая обозначается под этим именем в «Дневнике». — *Прим. перев.*

Воскресенье, 16 сентября. Днем и ночью плыли тем же путем на запад. Прошли 39 лиг, отметили только 36. Днем было облачно, моросило.

Адмирал здесь отмечает, что в этот день на всем пути удерживалась такая удивительно мягкая погода, что прелесть утренних часов доставляла огромное наслаждение, и казалось, что нехватает лишь соловьиного пения. Он говорит: «погода была, как в Андалусии в апреле».

Здесь начали замечать множество пучков зеленой травы¹¹, и, как можно было судить по ее виду, трава эта лишь недавно была оторвана от земли. Поэтому все полагали, что корабли находятся вблизи какого-то острова, и, по мнению адмирала, это был именно остров, а не материк. Он говорит: «самый материк лежит еще дальше».

Понедельник, 17 сентября. Адмирал плыл своим путем на запад и прошел за день и ночь более 50 лиг. Отмечено, однако, было всего лишь 47. Помогало течение. Видели часто траву, и ее было очень много. Это была та трава, что растет на скалах, и приносилась она с запада. Моряки рассудили, что находятся вблизи земли. Пилоты взяли север* и обнаружили, что иглы [компасов] отклоняются к северо-востоку на большую четверть. Моряков охватили страх и печаль, и нельзя было узнать точно причину.

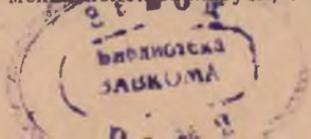
Когда адмирал узнал обо всем этом, он велел поутру снова взять север; выяснилось, что стрелки показывали верно. Причина же заключалась в том, что казалось, будто движется сама звезда, а не иглы [компаса].

После того как рассвело, в тот же понедельник, увидели еще больше травы, и оказалась она речной. Среди трав нашли живого рака, которого адмирал сохранил. Адмирал отмечает, что все это были верные признаки земли и что корабли находятся от нее не далее чем в 80 лигах. Обнаружено было, что со времени отплытия от Канарских островов не было еще столь малосоленой воды в море и столь тихой погоды. Все повеселели, и каждый корабль ускорял ход насколько возможно, чтобы первым увидеть землю. Видели много дельфинов, а люди с «Ниньи» одного убили.

Адмирал отмечает при этом, что все это — признаки западной стороны.— «Уповаю на всевышнего, от коего зависит все, и надеюсь, что очень скоро даст он нам узреть землю».

Утром, как он отмечает, видели белую птицу, которая называется «рабо де хунко». Птица эта не спит над морем.

* «Взять север» — «tomar el norte» — морской испанский термин, которым обозначался особый способ проверки северного положения магнитной стрелки по Полярной звезде: пилот помещал поставленную ребром ладонь между глазами, на линии носа и переносицы, наводил ладонь на Полярную звезду, а затем, не меняя положения руки, опускал ее на картушку компаса.— *Прим. перев.*

Вторник, 18 сентября. Шли день и ночь, пройдя более 55 лиг, но показали только 48. Море все эти дни было очень спокойное, совсем как река в Севилье. Мартин Алонсо (Pinson) на «Пинте», корабле весьма быстроходном, пошел вперед, не дожидаясь остальных каравел. Он сообщил со своей каравелы адмиралу, что видел множество птиц, летящих к западу, почему и надеялся этой же ночью увидеть землю; по этой причине он шел так быстро.

На севере показалась большая туча — верный признак близости земли¹².

Среда, 19 сентября. Плыли своим путем, и так как погода была тихая, за день и ночь прошли 25 лиг, записали же 22. В этот день, в 10 часов, на корабль залетел глупыш, вечером видели еще одного. Птицы же эти обычно не удаляются более чем на 20 лиг от земли. Порой шел дождь, но ветра не было — верный признак земли.

Адмирал не хотел задерживаться, плавая против ветра (barloventeando), чтобы удостовериться, есть ли близко земля, хотя он считал, что и к северу и к югу обязательно должны быть какие-то острова, как в действительности и было, и он шел между ними, потому что его желанием было следовать дальше до самых Индий; «...И погода благоприятная, поэтому, уповая на господу, на обратном пути все это смогу я осмотреть...» — таковы его слова.

Здесь пилоты показали свои морские карты. По исчислениям пилота «Ниньи», флотилия оказалась в 440 лигах от Канарских островов, пилота «Пинты» — в 420 и пилота адмиральского корабля — точно в 400 лигах от этих островов¹³.

Четверг, 20 сентября. Плыли в этот день на запад, четверть к северо-западу, так как ветры неоднократно сменялись затишьем. Прошли 7 или 8 лиг. На корабль прилетело два глупыша, а затем еще один — верный признак близости земли. Видели много травы, хотя минувшим днем ее не было заметно. Поймали руками птицу, похожую на чайку. То была речная, а не морская птица, и лапки у нее такие, как у чайки.

Незадолго до восхода солнца с пением залетели на корабль две или три птицы из тех, что водятся на земле, но они исчезли, как только солнце взошло. Затем прилетел с западо-северо-запада глупыш, а летел он к юго-востоку — признак того, что он оставил за собой землю к западо-северо-западу, потому что спят эти птицы на суше, а по утрам вылетают в море в поисках пищи и от земли они не удаляются более чем на 20 лиг.

Пятница, 21 сентября. Большую часть дня было затишье, затем подул несильный ветер. За день и ночь, продвигаясь вперед то в своем направлении, то другим курсом, прошли около 13 лиг. На рассвете увидели столько травы, что, казалось, все море кишело ею, и шла она с запада. Видели глу-

пыша; море было гладко, как река, погода же, какой лучше и быть не может. Видели кита — признак близости земли, — потому что киты плавают неподалеку от берега.

Суббота, 22 сентября. Плыли к западо-северо-западу, порой несколько отклонялись то в ту, то в иную сторону, и прошли 30 лиг. Трава почти не попадалась. Видели несколько «pârdelas» * и других птиц.

Адмирал при этом пишет: «Мне пришлось кстати этот противный ветер, потому что мои люди очень тревожатся, решив, что в этих морях не дуют ветры [благоприятные] для возвращения в Испанию».

Некоторое время трава не попадалась, а затем появилась — и очень густая.

Воскресенье, 23 сентября. Плыли к северо-западу, порой отклоняясь на четверть к северу, а иногда и своим путем, т. е. на запад. Прошли 22 лиги. Видели голубя, глушца, еще одну речную птицу и белых птиц. Травы попадалось много, и в ней найдены были раки. Так как море было тихое и гладкое, люди стали роптать, говоря, что море тут странное и никогда не подуют ветры, которые помогли бы им возвратиться в Испанию¹⁴.

Но вскоре началось сильное волнение при безветрии, что всех немало удивило. Адмирал же по этому поводу отмечал: «Большую пользу принесло мне это бурное море и подобного, пожалуй, не случалось со времен иудейских, когда евреи роптали на Моисея за то, что он освободил их из плена».

Понедельник, 24 сентября. Плыли своим путем на запад, днем и ночью и прошли 14½ лиг. На корабль залетел один глуш. Видели много «pârdelas».

Вторник, 25 сентября. Большую часть дня стояло затишье, затем подул ветер, и до ночи шли своим путем на запад.

Адмирал имел беседу с Мартином Алонсо Пинсоном, капитаном каравелы «Пинга», относительно одной карты, которую три дня назад [адмирал] отослал на каравелу и на которую, как оказалось потом, адмирал нанес некоторые острова в этом море, а Мартин Алонсо сказал, что находятся они не в этих местах. Адмирал ответил, что и ему тоже так кажется, а если им не встретились острова, то это объясняется действием течений, которые постоянно относили корабли к северо-востоку. Поэтому пройденное на самом деле расстояние должно быть меньше указанного пилотами. Держась этого убеждения, адмирал заявил, чтобы ему переслали упомянутую карту, и, когда ее передали, адмирал начал прокладывать на карте курс совместно со своим пилотом и моряками.

На заходе солнца Мартин Алонсо Пинсон показался на корме своего корабля и с радостным видом вызвал адмирала,

* Маленькая морская птица, вид чайки. Водится у берегов Пиренейского полуострова.— *Прим. перев.*

поздравляя его, ибо увидел он землю. Услыхав столь твердое заявление Пинсона, он, по его словам, бросился на колени и возблагодарил господ нашего, а Мартин Алонсо и люди его возгласили: «Слава в вышних богу» (Gloria in excelsis Deo); также поступил и экипаж его, а те, что находились на «Нинье», взобрались на мачты и на снасти и все в один голос утверждали, что [видна] земля. Так казалось и адмиралу, который считал, что он находится в 25 лигах от нее. До ночи все были убеждены, что земля лежит где-то поблизости. Адмирал приказал всем кораблям отклониться от обычного пути на запад и итти всем кораблям к юго-западу, в том направлении, где показалась земля.

Днем проплыли на запад 4½ лиги, ночью на юго-запад 17 лиг, людям же сказано было, что пройдено 13 лиг, потому что постоянно притворно им заявляли, будто прошли меньший путь, чтобы [истинный] путь не показался им длинным. Таким образом, велись два счета расстояния, пройденного в этом плавании: меньший счет был ложный, больший же — истинный. Шли по тихому морю, и поэтому многие бросались в воду и купались [у кораблей]. Видели много «дорадос» * и других рыб.

Среда, 26 сентября. Адмирал плыл своим путем на запад до полудня, затем направился на юго-запад до тех пор, пока не убедился, что то, что вчера все принимали за землю, было небом. За день и ночь прошли 31 лигу, людям же сказали, что проплыли только 24 лиги. Море было словно река, погода приятная и мягкая.

Четверг, 27 сентября. Плыли своим путем на запад. За день и ночь прошли 24 лиги, людям же насчитали только 20 лиг. Видели много «дорадос», одну убили. Заметили рабо де хунко.

Пятница, 28 сентября. Плыли своим путем на запад. При затишье за день и ночь прошли 14 лиг, объявили же людям, что проплыли 13 лиг.

Встретили немного травы, поймали двух «дорадос». На других кораблях выловили больше.

Суббота, 29 сентября. Плыли своим путем на запад. Прошли 24 лиги, людям же насчитали 21 лигу. Было затишье, поэтому за день и ночь прошли немного. Видели птицу вилхвостку (gabiforcado)¹⁵. Эти птицы вынуждают глупышей извергать проглоченную рыбу, а затем съедают ее и только этим и кормятся. Вилхвостка — птица морская. Но она не живет над морем и не удаляется от земли больше чем на 20 лиг. Их очень много на островах Зеленого мыса. Затем видели двух глупышей. Погода была мягкая и приятная, именно такая, о которой говорят, что нехватает только соловьиного пения,

* Трудно установить вид этой рыбы.— Прим. перев.

море же было гладкое, как река. Трижды появлялись глупыши и один раз вилохвостка. Видели много травы.

Воскресенье, 30 сентября. Плыли своим путем на запад, прошли за день и ночь, при затишьи, 14 лиг, показали же только 11. На корабль залетали четыре рабо де хунко — важный признак близости земли, потому что, когда появляются вместе несколько птиц одной породы, можно с уверенностью сказать, что то не отбившиеся от стаи и не потерявшие свой путь птицы. Дважды видели четырех глупышей и много травы.

Отмечено было, что звезды, которые зовут «Стражницами» (Guardas), вечером были у правой руки, с западной стороны, а на рассвете — на одну линию ниже левой руки, к северо-востоку. Таким образом, за ночь они прошли не более трех линий, что соответствует девяти часам¹⁶. И так, говорит адмирал, бывает каждую ночь. Также было замечено, что, когда стемнело, иглы [компаса] отклонились на четверть к северо-западу, а на рассвете они показали точно в направлении Звезды [Полярной]. Поэтому возможно, что Звезда, как и прочие звезды, движется, тогда как иглы [компаса] всегда показывают верно.

Понедельник, 1 октября. Плыли своим путем на запад. Прошли 25 лиг. Людям объявили 20. Был великий ливень.

Пилот адмирала сегодня на рассвете отметил, что от острова Иерро до этого места пройдено 578 лиг на запад. Согласно же меньшему счету расстояний, который адмирал показывал людям, — отмечено только 584 лиги*. Но по правде, так как о том судит и полагает адмирал, пройдено уже 707 лиг.

Вторник, 2 октября. Плыли своим путем на запад, за день и ночь прошли 39 лиг — людям сообщено было, что сделано 30 лиг. Море неизменно спокойное и доброе. Господу должно вознести много благодарений, говорит здесь адмирал. Трава вопреки обыкновению шла с востока на запад. Появилось много рыб. Поймали одну. Видели белую птицу, возможно то была чайка.

Среда, 3 октября. Плыли обычным путем. Прошли 47 лиг. Людям насчитали 40 лиг. Появились «pãrdelas» и много трав, некоторые увядшие, иные же свежие и с чем-то похожим на плоды. Не видели никаких птиц, и адмирал полагает, что острова, которые отмечены на его карте, остались позади.

Адмирал говорит, что он не желал на прошлой неделе и на этих днях идти против ветра, видя столько признаков земли и имея сведения об определенных островах в этой стране, чтобы не задерживаться, так как цель его — пройти к Индиям, и что поэтому, как говорит он, неразумно было бы, если бы такая задержка была допущена.

* Описка в тексте дневника. Разумеется расстояние, исчисленное по «большому счету», превышало 578 лиг.— *Прим. перев.*

Четверг, 4 октября. Плыли своим путем на запад, прошли за день и ночь 63 лиги, людям насчитали 46 лиг. Видели у корабля стаю более чем в 50 «pãrdelas» и двух глупышей, и в одного из них угодил камнем корабельный мальчик (moço de la carabela). На корабль залетела белая птица, похожая на чайку.

Пятница, 5 октября. Плыли своим путем. Шли 11 миль в час, за день и ночь проделали 57 лиг, потому что ночью ветер немного ослаб. Насчитали людям 45 лиг. Море спокойное и тихое. Адмирал говорит: «Господу надо воздать великую хвалу». Травы нет никакой, много птиц, особенно «pãrdelas» и рыб-жаворонков (golondrinas). Летающие рыбы во множестве проносились над кораблем.

Суббота, 6 октября. Плыли своим путем, на запад. Прошли 40 лиг за день и ночь. Людям насчитали 33 лиги. Этой ночью Мартин Алонсо сказал, что лучше было бы плыть на запад, четверть к юго-западу. Адмиралу показалось, что Мартин Алонсо, говоря это, имеет в виду не остров Сипанго¹⁷. И адмирал рассудил, что, если этот остров пропустили, то не смогут достаточно скоро достичь земли и что поэтому лучше сперва итти к материковой земле, а затем к островам.

Воскресенье, 7 октября. Плыли своим путем к западу. Сперва проходили по 12 миль, а затем по 8 миль в час. Прошли до захода солнца 23 лиги, людям насчитали 18 лиг.

Днем, на восходе солнца, каравела «Нинья», которая шла впереди, так как она ходкая (и кроме того все стараются итти возможно быстрее, чтобы первыми увидеть землю и воспользоваться наградой, которую обещали тому, кто первый увидит землю), подняла на вершине мачты знамя и разрядила ломбарду*, что было условным сигналом [который должен даваться] при виде земли, согласно распоряжению адмирала. Было приказано также, чтобы на восходе и на заходе солнца все корабли присоединялись к адмиральскому, так как в эти часы воздух особенно чист, и можно обозреть все на значительном расстоянии.

Вечером не нашли земли, которую будто бы видели люди на «Нинье». Пролетело великое множество птиц с северной стороны к юго-западу: судя по этому, можно было полагать, что они летят, чтобы ночевать на суше, или же, быть может, бегут от зимы, которая в тех землях, откуда они вылетели, должна была уже наступить (адмирал знал, что большинство островов, которыми владеют португальцы, были открыты благодаря птицам). Поэтому адмирал решил оставить путь к западу и направился на западо-юго-запад с тем, чтобы в течение двух дней итти этим путем. Это случилось за час до захода солнца.

* Ломбарда — старинная пушка, стреляющая каменными ядрами.—
Прим. перев.

За ночь прошли 5 лиг и за день 23 лиги. Всего же прошли 28 лиг за ночь и день.

Понедельник, 8 октября. Плыли к западо-юго-западу и прошли за день и ночь 11¹/₂ или 12 лиг, и порой казалось, что ночью делали по 15 миль в час, если только запись эта не ошибочна. Море же было, как река в Севилье.

«Благодарение господу,— говорит адмирал,— воздух очень мягкий, как в апреле в Севилье, и одно наслаждение дышать им. Такой он душистый». Появилась очень свежая трава, и показалось много полевых птиц (одну из них поймали). Летели же они на юго-запад. То были чайки и утки. Видели одного глупыша.

Вторник, 9 октября. Плыли к юго-западу. Прошли 5 лиг. Ветер переменился, и [корабли] приняли направление на запад, четверть к северо-западу и так прошли еще четыре лиги. Всего же за день сделали 11 лиг, а за ночь 20¹/₂. Людям насчитали 17. Всю ночь слышали, как пели птицы.

Среда, 10 октября. Плыли к западо-юго-западу, шли по 10, а порой по 12 и по 7 миль в час, и за день и ночь прошли 59 лиг. Насчитали людям не более 44 лиг. Люди теперь уже не могли больше терпеть, жалуясь на долгое плавание. Но адмирал ободрял их как нельзя лучше, вселив в них добрые надежды на большие выгоды в будущем. Он добавил, что тщетно было бы жаловаться, так как он уже прибыл к Индиям и следует продолжать путь до тех пор, пока Индии не будут, с помощью господ нашего, найдены.

[ПЕРВЫЕ ОТКРЫТИЯ НОВЫХ ОСТРОВОВ]

Четверг, 11 октября. Плыли на запад-юго-запад. За все время плаванья еще не было такого волнения на море. Видели «*ragdelas*» и зеленый камыш у самого корабля. Люди с каравелы «Пинта» заметили тростинку и сук и выловили обтесанную, возможно железом, палочку и обломок тростинки и прочие травы, что родятся на земле, и одну дощечку. Люди на каравеле «Нинья» видели другие приметы земли и веточку, усеянную ягодами шиповника.

Все воодушевились и обрадовались, видя эти приметы.

До захода солнца прошли в этот день 27 лиг. После захода солнца плыли своим путем на запад со скоростью 12 миль в час и к двум часам пополудни прошли 90 миль, или 22¹/₂ лиги. И так как каравела «Пинта» была более быстроходной и шла впереди адмирала, то нашла она землю и дала сигналы, предписанные адмиралом. Эту землю увидел первым матрос, которого звали Родриго де Триана.

Также и адмирал, находясь на кормовой площадке (*castillo de popa*), видел в 10 часов вечера свет, но свет был так неясен, что, не желая утверждать, что [впереди] земля,

адмирал вызвал Перо Гутьереса, королевского постельничего (*repostrero d'estrados del rey*), и сказал ему, что он видел свет и попросил его всмотреться [вдаль]. Тот, исполнив просьбу, также увидел свет. Сообщил об этом адмирал Родриго Санчес де Сеговия, которого король и королева отправили с флотилией в качестве контролера (*veedor*). Родриго Санчес до этого не видел света, потому что находился в таком месте, откуда нельзя было ничего приметить, но после того как адмирал сказал ему о свете, они стали всматриваться вдвоем и разглядели нечто подобное огоньку восковой свечи, который то поднимался, то опускался.

Немногие сочли это признаком земли, адмирал же считал несомненной ее близость. И поэтому, когда призвали к «*Salve*» * (а молитву эту все моряки приучились повторять и петь на свой манер), и все собрались, адмирал попросил и предупредил, чтобы хорошо отправляли вахту на носу (*castillo del proa*) и пристально следили за землей, и обещал тому, кто первый объявит, что видит землю, тотчас же дать шелковый камзол, не говоря уже о других милостях, обещанных королями, — т. е. 10 000 мараведи годовой ренты первому, увидевшему землю **.

В два часа пополудни показалась земля, в двух лигах [от кораблей]. Убавили паруса и оставили парус «трео» ***, т. е. большой парус без боннет ****, и легли в дрейф до следующего дня.

* Т. е. когда наступил час вечерней молитвы.— *Прим. перев.*

** Лас Касас в «Истории Индии» так пишет о наградах, обещанных за открытие земли:

[Адмирал] обратился ко всем морякам и ко всему люду с речью, исполненной великой радостью, и призвал их воздать должное господу, который ниспослал и ему и всем милости в плавании, и дал им такое тихое море, такие добрые и приятные ветры, такую спокойную погоду — без бурь и волнений — и избавил от всего, что обычно выпадает на долю тех, кто плавают по морям.

И так как он надеялся на благость господню, которая даст им до срока землю, то убедительно просил он своих людей, чтобы этой ночью отправляли зорко вахту на баке и чтобы были они настороже и высматривали землю тщательней, чем ранее это делалось. Сказано было в первом разделе инструкции, которая была получена каждым капитаном каждого корабля при выходе от Канарских островов, что в том случае, если будет пройдено 700 лиг и земля открыта не будет, должны будут [в дальнейшем] продвигаться морем лишь до полуночи, а это правило до сих пор не соблюдалось, но адмирал скрывал свое неудовольствие, чтобы не печалить людей, жаждавших увидеть землю. Поэтому он, вполне полагаясь на господу, был уверен, что этой ночью они находятся очень близко от земли и, быть может, даже увидят ее. И каждый был должен приложить все старания в бдении, чтобы увидеть землю первым, ибо этому человеку, помимо королевской награды в 10 000 мараведи, обещал он дать шелковый камзол.

*** Трео (*treo*) — прямой парус, который на кораблях с латинским парусным вооружением ставился на корме под ветер, дующий в лоб.

**** Боннеты, или лисселя, — добавочные паруса, которые прищуровываются к основным парусам.— *Прим. перев.*

Пятница, 12 октября. В пятницу достигли одного островка из [группы] Лукайских, который на языке индейцев назывался Гуанакань. Тут же увидели нагих людей, и адмирал и Мартин Алонсо Пинсон и Висенте Яньес [Пинсон], его брат, капитан «Нинья», с оружием съехали на берег на лодке. Адмирал захватил с собой королевский стяг, капитаны — два знамени с зелеными крестами. (А знамена эти адмирал держал как вымпел на всех кораблях, и на них были буквы «F» и «Y»*, и под каждой буквой помещены были короны, одна слева, другая справа от креста.)

Высадившись на землю, они увидели очень зеленые деревья и много воды и различные плоды. Адмирал призвал обоих капитанов и всех прочих, кто сошел на землю, в том числе Родриго д'Эсковедо, эскривано¹⁸ всей флотилии, и Родриго Санчеса де Сеговия и сказал им, чтобы они под присягой засвидетельствовали, что он [адмирал] первый вступил, как оно воистину и было, во владение этим островом от имени короля и королевы, его государей, свершив при этом все формальности, какие требовались; более подробно это отмечено в актах, которые здесь же были составлены в письменном виде. Вскоре на берег пришло множество жителей острова.

То, что следует далее — подлинные слова адмирала в его книге о первом плавании и открытии:

«Поскольку они держали себя дружественно по отношению к нам и поскольку я сознавал, что лучше обратить их в нашу святую веру любовью, а не силой, я дал им красные колпаки и стеклянные четки, что вешают на шею, и много других малозначительных предметов, которые доставили им большое удовольствие. И они так хорошо отнеслись к нам, что это казалось чудом. Они вплавь переправлялись к лодкам, где мы находились, и приносили нам попугаев и хлопковую пряжу в мотках и дротики и много других вещей и обменивали все это на другие предметы, которые мы им давали, как, например, на маленькие стеклянные четки и погремушки. С большой охотой отдавали они все, чем владели.

Но мне показалось, что эти люди бедны [и нуждаются] во всем. Все они ходят нагие, в чем мать родила, и женщины тоже, хотя я видел только одну из них, да и та была еще девочкой. И все люди, которых я видел, были еще молоды, никто из них не имел более 30 лет, и сложены они были хорошо, и тела и лица у них были очень красивые, а волосы грубые, совсем как конские, и короткие. Волосы зачесывают они вниз, на брови, и только небольшая часть волос и притом длинных, никогда не подстригаемых, забрасывается назад. Некоторые разрисовывают себя черной краской (а кожа у них такого

* Буквы «F» и «I» — инициалы короля (Fernando) и королевы (Isabela). В XV веке имя Isabela часто писалось через «Y». — *Прим. перев.*

цвета, как у жителей Канарских островов, которые не черны и не белы¹⁹), другие красной краской; иные тем, что попадает под руку, и одни из них разрисовывают лицо, другие же все тело, а есть и такие, у которых разрисованы только глаза или нос. Они не носят и не знают [железного] оружия: когда я показывал им шпаги, они хватались за лезвия и по неведенью обрезали себе пальцы. Никакого железа у них нет. Их дротики — это палицы без железа. Некоторые дротики имеют на конце рыбы зубы, у других же наконечники из иного материала.

Они все, без исключения, рослые и хорошо сложенные люди. Черты лица у них правильные, выражение приветливое. У многих я видел рубцы на теле, объясняясь знаками, я спросил их, отчего у них эти рубцы, и они таким же образом растолковали мне, что сюда приходили люди с других, лежащих рядом островов, и хотели эти люди захватить их всех, они же оборонялись. И я думаю, и иные думают, что сюда те люди пришли с материковой земли, чтобы захватить всех живущих здесь в плен.

Они должны быть хорошими и толковыми и сметливыми слугами (*servidores*) — я заметил, что они очень быстро научились повторять то, что им говорилось; и я полагаю, что они легко станут христианами, так как мне показалось, что нет у них никаких верований (*que ningun secta tenían*). И, с божьей помощью, я привезу отсюда для ваших высочеств шесть человек, которых возьму при отправлении [в обратный путь], чтобы научились они говорить [по-испански]. Тварей никаких, кроме попугаев, я на острове не видел».

Все это — слова адмирала.

Суббота, 13 октября. Как только рассвело, на берег вышло много этих людей — мужчин, и все они, как я уже о том говорил, были рослые и очень красивые. Волосы же у них были не курчавые, но волнистые и грубые, словно конские. И у всех лбы и лица широкие в большей степени, чем у индейцев, которых я встречал раньше. Глаза же у них были красивые и отнюдь не маленькие. Цветом эти люди были не черные, а такие, как жители Канарских островов, и можно ли ожидать иного? Ведь остров этот находится к западу от Иерро, в Канарии, и на одной линии с ним. Ноги у них очень прямые, и все эти люди как будто сотворены одной рукой, не тучны, живот же у них хорошо скроен.

К кораблю они приплыли на челноках, изготовленных из древесных стволов и подобных длинной лодке, и каждый челнок сооружен из цельного куска дерева, и отделаны они были на диво по вкусам той земли, и среди них были большие — в одном из таких каное прибыло 40—45 человек — были и маленькие, даже такие, в которых помещался лишь один человек.

Они продвигались на лодках с помощью весла, похожего на лопату (которую употребляют пекари, когда сажают в печь хлеб), и шли с большой скоростью; когда же лодка опрокидывалась, все бросались в воду и переворачивали ее, а воду выпивали полыми тыквами, которые возили с собой.

Они приносили клубки хлопковой пряжи, попугаев, дротики и другие вещички, которые было бы утомительно описывать, и все давали за любой предмет, какой бы им ни предлагался. Я же был внимателен к ним и упорно дознавался, имеют ли эти люди золото. Я видел, что у некоторых кусочки золота воткнуты в отверстия, которые они для этой цели проделывают в носу. И, объясняясь знаками, я дознался, что, пlying на юг или возвращаясь на этот остров с юга, я встречу в тех местах одного короля, у которого есть большие золотые сосуды, и король этот имеет очень много золота. Я попытался узнать, как пройти туда, но вскоре понял, что они не знают пути в те края.

Я решил остаться здесь до завтрашнего вечера, а затем отправиться на юго-запад, так как из объяснений многих из этих людей выходило, что и на юге и юго-западе и северо-западе есть земля и что люди с северо-запада много раз нападали на местных жителей. Поэтому и решил я идти к юго-западу, в поисках золота и драгоценных камней.

Этот остров (Гуанахани) * очень большой и очень ровный, и здесь много зеленых деревьев и воды, а посередине расположено очень большое озеро. Гор же никаких нет. Весь остров так зелен, что приятно глядеть на него, люди же покорного нрава, и охота к приобретению наших вещей у них большая. Имея в виду, что им ничего не дадут без того, чтобы и сами они чего-нибудь не предложили, они, в случае, когда в обмен дать им нечего, хватают все, что плохо лежит и мгновенно бросаются в воду. Но все то, что у них есть они отдают за любую вещь, которую им предлагают, даже за осколки битой посуды и стекла. Я видел, как за три португальских мелких монеты, равных по цене одной кастильской бланке (blanca) **, они дали 16 мотков хлопковой пряжи. Подобную мену я запретил и не разрешил что бы то ни было отбирать у них, за исключением предметов, которые предназначались их высочествам, и то, если подлежащее отправке имелось в достаточном количестве. Остров плодороден, но за недостатком времени я не мог обо всем узнать. Есть здесь золото, которое носят жители подвешенным к носу.

Однако, чтобы не терять времени, я желал двинуться дальше в поисках острова Сипанго. С наступлением ночи все индейцы отправились на берег со своими челноками.

* О Гуанахани см. комментарии к письму Колумба Сантанхело и Санчесу.— *Прим. перев.*

** Монета, равная $\frac{1}{2}$ мараведи.— *Прим. перев.*

Воскресенье, 14 октября. На рассвете я велел приготовить лодки на своем корабле и на каравелах и отправился, вдоль острова, в северо-северо-восточном направлении, чтобы осмотреть другую его часть, восточную, а также обследовать селения.

Я видел два или три селения, а также людей, которые выходили на берег, взывая к нам и вознося хвалу богу. Одни приносили нам воду, другие пищу, иные же, заметив, что я не собираюсь выйти на берег, бросались в море и добирались до нас вплавь; и мы поняли, что они спрашивают, не явились ли мы с неба.

И один старик вошел в нашу лодку, все же другие — мужчины и женщины — громко возглашали «идите, смотрите — вот люди, явившиеся с неба, несите им пищу и питье». Пришли многие, и среди них было немало женщин, и все что-нибудь приносили, благодаря бога; бросаясь на землю, они поднимали руки к небу, а затем громкими криками призывали нас на берег.

Но я не решился высадиться: весь остров окружен подводными камнями, и хотя за ними есть глубокие места и гавань, способная вместить корабли всех христианских стран, но вход в нее очень узкий. Правда, за этим поясом [камней] есть отмели, но вода там так же спокойна, как в глубине колодца. Чтобы все это осмотреть, я отправился утром на берег, желая дать обо всем отчет вашим высочествам и выбрать место для сооружения крепости. Я приметил клочок земли, похожий на остров, хотя то и не был остров; и на нем шесть хижин; за два дня можно отгородить его от [большого] острова, хотя я в том и не вижу нужды: люди здешние очень уж простоваты и не искушены в ратном деле, как в том убедятся их высочества по тем семи индейцам, которых я приказал взять и отправить обучаться нашему языку, с тем, чтобы потом они сюда вернулись. Впрочем, вашим высочествам, быть может, угодно будет повелеть отправить всех индейцев в Кастилию или оставить их на этом острове пленниками, ибо достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать все, что угодно.

Затем, на этом острове есть сады с деревьями, самыми прекрасными из тех, какие я только видел на своем веку, и листья у них столь же зелены, как в апреле и мае в Кастилии. И на острове есть также много воды.

Я осмотрел всю гавань, а затем вернулся на корабль, поднял паруса и отправился в путь и видел столько островов, что я не мог даже решить, к какому из них пристать раньше. Люди, захваченные мной, знаками объясняли мне, что этих островов такое множество, что их и счесть невозможно; при этом они называли более сотни островов, и каждый был под своим именем. Поэтому я решил пойти к самому большому из них. Так я и поступил. Остров этот лежит на расстоянии 5 лиг от ост-

рова Сан-Сальвадор, другие же расположены либо ближе, либо дальше. Все они очень ровные, без гор и очень плодородные и населенные, и все воюют друг с другом, хотя жители их очень простодушны и обладают красивым телосложением.

Понедельник, 15 октября. Этой ночью лежали в дрейфе (*avia temporejeado*), остерегаясь приблизиться к берегу раньше наступления утра, так как неизвестно было, свободно ли от мелей море у берега, и лишь на рассвете пошли под парусами. И так как остров оказался более чем в 5 лигах [от Сан-Сальвадора], ибо лежит на расстоянии 7 лиг, и волнение меня задерживало, то только к полудню я прибыл к нему и обнаружил, что течение идет со стороны острова Сан-Сальвадор с севера на юг, на протяжении 5 лиг. Другое течение, которому я следовал, имеет направление с востока на запад и простирается на 10 лиг.

Так как с этого острова я увидел к западу еще бóльший, я пошел к нему на всех парусах и плыл весь день до ночи, но до западной оконечности этого острова я дойти не смог. Острову этому я дал имя Санта Мария де Консепсьон; а почти на закате я высадился близ западного мыса, чтобы узнать, есть ли здесь золото, потому что люди, взятые на острове Сан-Сальвадор, говорили мне, что жители этого острова на руках и на ногах носят очень большие золотые браслеты. Я убежден, что все, что они говорили мне, было ложью — и так поступали они потому, что хотели убежать.

При всем этом моим желанием было не пропустить ни одного острова, не вступив во владение им, так как то, что полагается для этого сделать на одном из них, следует совершать на всех. И сбросив якорь, я оставался здесь вплоть до сего дня, вторника, а утром на рассвете высадился на берег, на лодках. Когда я сошел на берег, жители, а их было много и таких же нагих и такого же вида, как на острове Сан-Сальвадор, пропустили нас вглубь острова и давали нам все, что мы у них просили.

Но так как ветер был благоприятен для плавания, я не пожелал здесь задерживаться и вернулся на корабль. К борту каравелы «Ниньи» пристал большой челнок, и один из людей с острова Сан-Сальвадор, что были на «Нинье», кинулся в море и взобрался на этот челнок. Накануне же ночью едва не сбежал другой пленник. Челнок пустился к берегу и с такой скоростью, что на лодке его догнать было невозможно, несмотря на то, что мы имели пред ним преимущество. Беглец и люди, бывшие с ним, вышли на берег, челнок же остался в море. Некоторые матросы, сопровождавшие меня, высадились и пустились вдогонку за беглецом, но настичь его не смогли.

Челнок, что оставили беглецы, мы доставили на борт «Ниньи», а к каравеле, на этот раз с другой стороны, подошел маленький челнок; в нем находился только один человек, который подплыл, желая на что-нибудь променять моток хлопко-

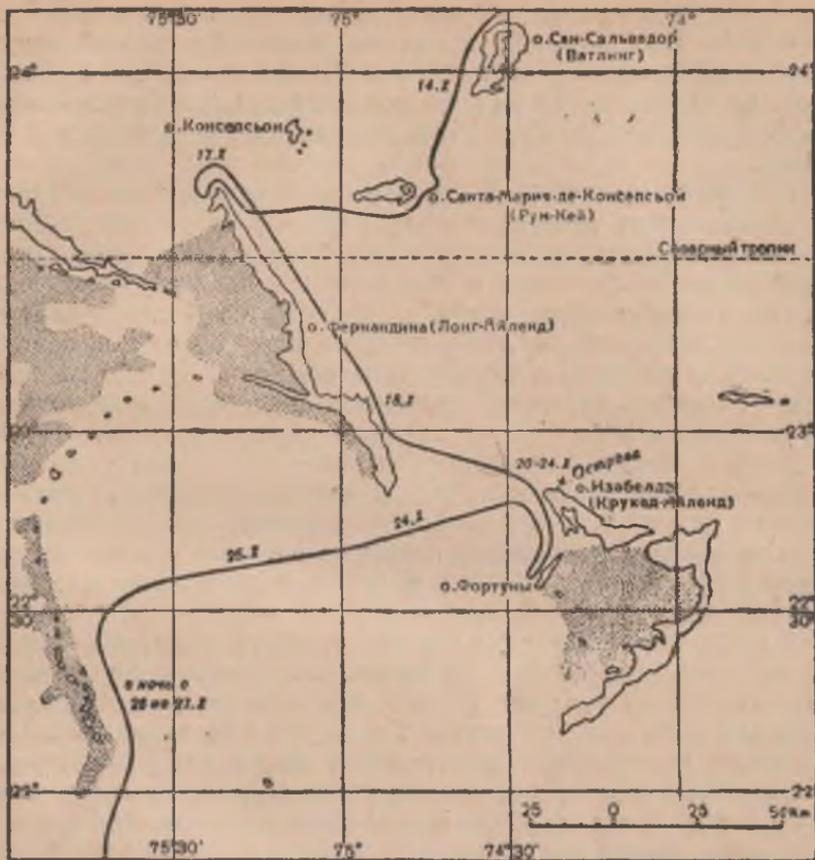
вой пряжи. Несколько матросов бросились в море, так как [гость] не хотел подняться на каравелу, и поймали его. Я был в это время на корме корабля, и все видел, и приказал прислать мне пленника, и дал ему красный колпак и несколько маленьких зеленых четок, которые он надел на руку, и две погремушки, которые он нацепил на уши, и велел вернуть ему его челнок, и отослал его на берег.

Затем я приказал поставить паруса, чтобы итти к другому большому острову, который я видел на западе. Я велел отвязать челнок, что влекла за своей кормой «Нинья», и видел, как пристал к берегу челнок другого индейца, того самого, которому я дал все уже упомянутые вещи и у кого я не захотел взять моток пряжи, хоть он и желал мне его дать. К нему сбежались другие люди и считали большим чудом, что он вернулся; ему казалось, что мы были добрые люди и что тот, кто сбежал от нас, причинил, верно, нам какое-нибудь зло и что поэтому мы забрали его с собой. И именно по этой причине я и велел отпустить челнок и дал [индейцу] указанные вещи. Пусть поддерживается в них уважение к нам, чтобы, когда ваши высочества другой раз сюда отправят [своих людей], не были они дурно встречены.

Те вещи, что я дал им, не стоят и четырех мараведи.

Итак, я отплыл в 10 часов при юго-восточном ветре и взял на юг, чтобы пройти к другому огромному острову, где, судя по указаниям людей, увезенных мной с Сан-Сальвадора, есть много золота. Золото же жители употребляют на браслеты, которые они носят на ногах и руках, и в носу, и в ушах, и на шее. От острова Санта Мария до этого нового острова 9 лиг на востоко-юго-восток, а берег его в этой части тянется с северо-востока на юго-запад, и, как кажется, будет добрых 20 лиг на этой стороне острова. Точно так же, как Сан-Сальвадор и Санта Мария, он очень ровный, без единой горы. У его берегов нет скал, имеются лишь отдельные подводные камни, близ берега, под водой, и надо смотреть в оба, когда бросаешь якорь, и не становиться на якорь очень близко от земли, хотя вода здесь всегда прозрачна и видно дно. А отойдя от берега на расстояние двух выстрелов из ломбарды, можно найти такое глубокое место, где нельзя достать дна.

Эти острова очень зеленые и плодородные, воздух здесь приятен. Можно тут приобрести много вещей, но что на острове этом имеется, я не знаю, ибо у берегов его не задерживался. Желая продолжать путь и обойти эти земли и проникнуть на многие острова, чтобы найти золото. И так как [пленники] знаками объяснили, что тут носят золотые браслеты на руках и ногах (именно золотые, потому что перед этим разговором я показал им несколько кусочков золота), то я уверен, что с помощью господ нашего найду золото там, где оно родится.

Путь Колумба от острова Гуанахани к берегам Кубы.

Находясь посередине между этими двумя островами, т. е. между Санта Марией и новым большим островом, которому я дал имя Фернандина²⁰, я увидел челнок и в нем человека, который шел от острова Санта Мария к Фернандине и вез немного хлеба; хлеб же этот был величиной с кулак; и была у него полая тыква с водой и немного красной земли, растертой в порошок и подобной мастике, и сухие листья, которые особенно ценились жителями²¹, потому что мне предложили их в подарок на Сан-Сальвадоре. У него была маленькая корзинка, и в ней он хранил обрывок стеклянных четок и две монетки (blancas); из этого я заключил, что он прибыл с острова Сан-Сальвадор, посетил по дороге остров Санта Марию и, направляясь сейчас на Фернандину, подошел к кораблю. Я заставил его подняться на борт, о чем, впрочем, он и сам просил, поднял на корабль его челнок, сохранил все то, что в челноке имелось, и велел дать ему хлеба и меда, напоил

его, а затем отпустил его на Фернандину, и вернул все его достояние. Так поступил я, желая, чтобы он распространил о нас добрые вести. Тогда, если с божьей помощью ваши высочества отправят сюда снова своих людей, вновь прибывшие будут встречены с почетом, и отдадут им [индейцы] все, что имеют.

Вторник, 16 октября. Я отправился от острова Санта Мария де Консепсьон, отстоящего на полдня пути от острова Фернандины, который, как кажется, простирается к западу на огромное расстояние, и плыл весь день при безветренной погоде. Мне выдалось время, чтобы осмотреть дно и выбрать место для удобной якорной стоянки. При подобном осмотре необходимо проявлять особое усердие, иначе можно потерять якоря. Поэтому пришлось пролежать в дрейфе всю ночь до наступления дня.

Днем я подошел к одному селению и бросил близ него якорь. Из этого селения явился к нам тот самый человек, которого я встретил вчера на полпути [между Санта Марией и Фернандиной]. Он сообщил столько хорошего о нас, что всю ночь не отходили от корабля челноки, привозившие нам воду и все, что имели эти люди.

Я приказал каждому из них кое-что дать, а именно четки — десять или двенадцать стекляшек, нанизанных на ниточку, и бронзовые погремушки из тех, что ценятся в Кастилии по мараведи за штуку, и агухеты *, и все это они принимали с величайшим восторгом. Также я велел давать им патоку, когда они поднимались на борт. Затем, в час заутрени я отправил на берег лодку за водой. И жители с величайшей охотой показывали моим людям места, где есть вода, и сами они приносили в лодку полные бочки и всячески старались сделать нам приятное.

Остров этот очень велик, и я принял решение обойти его вокруг, потому что, насколько я могу понять [местных жителей], на нем или близ него имеется золотой рудник. Этот остров расположен к западу от острова Санта Мария, на расстоянии 8 лиг от последнего. И мыс, к которому я подошел, и весь этот берег простираются с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Я хорошо мог обозреть берег лиг на двадцать и конца ему не видел. В момент, когда я это пишу, я приказал поднять паруса, при южном ветре, чтобы попытаться обойти кругом остров и плыть до тех пор, пока не отыщу я Самоат ** — остров или город, где есть золото; потому что об этом говорят все индейцы, посетившие ныне корабль, и то же говорили нам и жители Сан-Сальвадора и Санта Марии.

* Пояса с медными или бронзовыми пряжками и металлическими украшениями.

** Самоат, или Изабелла, — Крукед-Айленд (Кривой остров) в группе Багамских островов.

Люди же здесь похожи на жителей соседних островов и говорят на одном с ними языке, да и обычаи у них одинаковые. Разве что обитатели Фернандины показались мне более домовитыми, обходительными и рассудительными, потому что наблюдал я, что, когда они приносят хлопковую пряжу и другие вещички, то расценивают все это более умело, чем жители других островов. Я видел у них даже одежды, сотканые из хлопковой пряжи наподобие плаща, и они любят наряжаться, а женщины носят спереди клочок ткани, который скупно прикрывает их стыд.

Остров этот очень зеленый, ровный и изобильный, и я не сомневаюсь, что жители круглый год сеют и собирают просо (*paniza*) и многие другие культуры. Видел я много деревьев, которые весьма отличаются от наших, и среди них есть множество, имеющих ветви различного вида, которые отходят от одного ствола, причем каждая веточка бывает особой формы, и так все это необычно, что кажется величайшим на свете дивом.

И каково же разнообразие этих форм и видов! Например: на одной ветке листья подобны камышинкам, на другой же листья такого вида, как у мастичного дерева (*lantisco*). И бывает, что на одном и том же дереве растут листья пяти или шести совсем между собой несхожих видов. И это отнюдь не результат прививки. Можно сказать, что прививку эту делают сами леса, люди же о деревьях совершенно не заботятся. Не усмотрел я у местных жителей никаких признаков сект, а потому полагаю, что очень скоро они станут христианами, тем более, что люди они весьма понятливые.

Рыбы здесь настолько отличаются от наших рыб, что кажется это чудом. Иные похожи на петухов и имеют тончайшую расцветку — тут и синие, и желтые, и красные, и все иные тона; другие же расцветены на много ладов. И так тонки эти краски, что не найдется на свете человека, который не подивился бы им и не обрел бы величайший покой (*descanso*), глядя на этих рыб.

Есть также киты. Тварей я не видел здесь никаких, если не считать попугаев и ящериц. Корабельный мальчик говорил мне, будто он видел большую змею. Ни овец, ни коз, ни других животных я не видел, хотя, впрочем, и находился я здесь очень недолго, всего полдня. Вряд ли, однако, я мог их просмотреть, если они здесь действительно имеются. Все окружающее этот остров я опишу после того, как его обойду.

Среда, 17 октября. В полдень я вышел из селения, где был брошен якорь и взята вода, чтобы обойти остров Фернандину. Ветер был юго-западный и южный. Между тем я желал следовать вдоль берега к юго-востоку и югу по следующим причинам: сам берег уходит на юго-восток и, кроме того, мне надлежало взять этот курс и идти на юг еще и потому, что, как

объясняли индейцы, которых я с собой вез, и местные жители, именно в южной стороне должен был находиться остров Самоат, где есть золото.

Однако Мартин Алонсо Пинсон, капитан каравелы «Пинта», которому я отослал трех индейцев, явился ко мне и сообщил, что один из этих индейцев весьма убедительно дал ему понять, что, следуя на северо-северо-запад, можно очень скоро обойти остров. Поэтому, видя, что ветер не помогает мне на пути, которым я намерен был следовать, я счел за благо выбрать другой путь и направился на северо-северо-запад.

И когда я был в двух лигах от оконечности острова, я открыл чудеснейшую бухту с одним входом. Точнее говоря, в нее вели даже два прохода, потому что в горле бухты, как раз посередине, находился маленький островок. Оба эти прохода были очень узки, но внутри бухта казалась такой широкой, что там могли бы поместиться сто кораблей, если бы только глубина ее оказалась для этого достаточной, дно лишено подводных камней, и проходы глубоки.

Я счел за благо хорошо осмотреть эту бухту и измерить ее глубину. Для этого я бросил якорь вне бухты и вошел в нее со всеми лодками, что были на кораблях. Мы убедились, что бухта не глубока.

Так как, завидев бухту, я предположил, что она может быть устьем какой-нибудь реки, то я велел захватить с собой бочки, чтобы набрать воды. На берегу я нашел 8—10 человек, которые сразу же пошли к нам и указали на селение, находящееся неподалеку, куда я направил людей за водой, причем одни несли бочки, другие же шли с оружием. Воду брали в довольно отдаленном месте, и поэтому я должен был задержаться на берегу в течение двух часов.

За это время я обошел лес, где росли уже упомянутые деревья. Ничего прекраснее мне не доводилось доньше видеть, и так много было кругом зелени, и такая густая она была, как будто все это происходило в Андалусии в мае месяце. И как день от ночи отличались эти деревья от растущих в нашей стороне; иными были плоды, травы, камни и все прочее.

Правда, некоторые деревья были здесь той же породы, что и кастильские, но и они отличались от наших; других, не похожих на кастильские, было столько, что не найдется на свете человека, который мог бы дать им всем имена и сравнить с деревьями Кастилии*.

Люди же были подобны тем, которых мы встречали прежде, и так же они были наги, и такого же роста; и все, чем вла-

* Колумб, описывая леса Фернандины, допускает преувеличения. Во всем Багамском архипелаге нет острова, растительность которого была бы беднее, чем на Фернандине. На том выжженном солнцем, узком, как лезвие шпаги, острове в настоящее время ничего, кроме тощих кустарников, не растет.— *Прим. перев.*

дели, они отдавали нам за любую вещь, какая бы им ни предлагалась. Здесь я увидел, как корабельные мальчишки выменивали у них дротики на осколки стекла и битой посуды. Люди, ходившие за водой, рассказали мне, что заходили в дома индейцев и обратили внимание, что внутри эти дома старательно подметены и чисты, а ложе и подстилки, на которых индейцы спят, похожи на сети и сплетены из хлопковой пряжи ²².

Они строят дома на манер боевого шатра (alfaneque), и в каждом доме есть высокие и хорошие очаги; но я не видел среди всех селений, что мне пришлось осмотреть, ни одного, в котором было бы больше 12 или 15 домов. Здесь я наблюдал, что замужние женщины носят шаровары из хлопчатой ткани. Девочки же ходили без шаровар, исключая тех, которым было уже более 18 лет.

Были здесь собаки — дворняжки и легавые. Мои люди встретили индейца, у которого в носу был продет кусок золота величиной с половину кастельяно, и на поверхности этого обломка они заметили буквы.

Я разобрал их за то, что они не приобрели это золото у индейца за ту цену, которую он просил, чтобы затем посмотреть, какова и чья была эта монета. Но они на это мне ответили, что индеец никогда не решился бы ее обменять.

После того как взята была вода, я вернулся на корабль и, подняв паруса, пошел к северо-западу и открыл всю часть острова, вдоль берега, что идет с востока на запад *. Но затем все индейцы, [которые были на корабле], стали повторять, что остров этот вовсе не Самоат, что он много меньше последнего и что лучше вернуться назад, чтобы скорее прибыть на Самоат.

Ветер стих, а затем подул с западо-северо-запада и стал противным для нас, учитывая направление, в котором мы шли. И я повернул обратно и плыл всю минувшую ночь к востоко-юго-востоку, иногда принимая на восток, иногда на юг, чтобы как можно дальше держаться от берега, так как надвинулись густые тучи и наступило ненастье. Из-за дурной погоды я не мог пристать к берегу и бросить якорь. Ночью лил сильный дождь, и продолжался он от полуночи до наступления дня; и после того как дождь прекратился, небо было облачным, предвещая дождливую погоду.

Мы дошли до оконечности юго-восточной части острова, где я решил стать на якорь и выждать, пока не прояснится настолько, чтобы я мог увидеть остров, к которому должен был идти. Все дни, с того времени, как я нахожусь в Индиях, шли дожди малые и большие. Да поверят ваши высочества, что

* В данном случае идет речь о плавании вдоль восточного берега крайней северной оконечности Долгого острова (Фернандины). Колумб, дойдя до этого места, где берег круто поворачивает к юго-западу, не обогнув острова, повернул назад.— *Прим. перев.*

земля эта самая лучшая и изобильная, ровная и благодатная из всех земель, что есть на свете.

Четверг, 18 октября. После того как прояснилось, я шел с попутным ветром и, наилучшим образом обогнув остров, бросил якорь, когда погода стала неблагоприятной для плавания, но я не высаживался на берег и с рассветом поднял паруса.

Пятница, 19 октября. На рассвете я приказал поднять якоря и, послав каравелу «Пинту» на восток-юго-восток, а «Нинью» к юго-юго-востоку, на своем корабле пошел к юго-востоку.

Я отдал приказ, чтобы обе каравелы шли в указанных направлениях до полудня, а затем, переменяв маршрут, соединились бы со мной.

Не прошло и трех часов, как мы увидели на востоке остров, к которому и направились, и еще до полудня все три корабля дошли до его северной оконечности, у которой лежал островок, к северу от которого тянулась цепь подводных камней; другая гряда отделяла его от большого острова. Люди с острова Сан-Сальвадор, которых я беру с собой, называли большой остров Самоат, я же дал ему имя Изабелла. Ветер дул с севера, и упомянутый островок оставался на линии моего пути от острова Фернандины; я пошел в направлении восток — запад и так следовал вдоль берега [острова Изабеллы] 12 лиг до мыса, который я назвал Прекрасным (Hermoso). Мыс этот — западная оконечность острова [Изабеллы]. Он очень красив, очертания его плавные, море у его берегов глубоко, без отмелей, вдоль внешнего края берега камни, дальше же вглубь идут пески и почти весь берег мыса песчаный. И здесь, этой ночью в пятницу, я приказал бросить якорь и простоял до утра.

Берег острова и вся та часть острова, что я осмотрел, почти везде кажется песчаным пляжем, остров же прекраснее всего, что я видел. И если красивы другие острова, то этот особенно красив. Здесь много зеленых деревьев. Остров этот выше всех, ранее открытых. На нем есть один холм, — трудно назвать это возвышение горой, — украшающий всю местность. И кажется, есть много источников в глубине острова.

С этой, северо-восточной, стороны берег образует большой выступ, и там есть много очень больших и густых лесов. Я хотел отплыть в том направлении, а затем бросить якорь, высадиться на берег и своими глазами подивиться на его красоты. Но море там мелкое, и поэтому нельзя в той стороне стать на якорь, разве что зайдя вдоль берега очень далеко. Ветер же позволил мне дойти к тому месту, у которого я ныне стал на якорь. Мыс этот я назвал «Прекрасным», и он действительно таков...

И таким образом я не стал на якорь близ упомянутого выступа берега, хоть и обратил внимание на то, что местность у этого выступа была красива и зелена. Впрочем, так все пре-

красно вокруг, что я не знаю, куда мне следует направиться в первую очередь, и мои глаза устают созерцать столь роскошную растительность, которая при этом необыкновенно разнообразна и во всем отлична от нашей, кастильской. Я полагаю, что здесь имеется немало трав и деревьев, высоко ценимых в Испании, ибо из них изготовляются краски и лекарства. Но на горе свое, я не могу распознать эти травы и деревья. А когда я прибыл сюда, к этому мысу, до меня донесся такой нежный и тонкий аромат цветов и деревьев, что, казалось мне, будто на свете ничего не может быть приятней.

Утром, накануне отплытия, я высадился на берег, желая осмотреть земли у Прекрасного мыса. На самом берегу селений нет — они расположены дальше в глубине страны, и там, судя по словам моих индейцев, находится король здешней земли, у которого есть много золота. Я хотел этим утром отправиться на поиски поселения, желая вступить в переговоры с королем. Король же, судя по объяснениям индейцев, которых я везу с собой, управляет всеми ближними островами и ходит одетый и носит на себе много золота. Но я не очень доверяю их рассказам, и потому, что я не очень хорошо их понимаю, а также потому, что, как мне кажется, они уж очень бедны золотом, если то ничтожное количество его, которое этот король, как говорят, носит на себе, кажется им чем-то значительным.

Я полагаю, что этот выступ, который я назвал Прекрасным мысом, — остров, отделенный от острова Самоат*. Быть может, между этими двумя островами имеются более мелкие островки. Этого я не знаю и не могу узнать во всех подробностях — ведь для того, чтобы все здесь осмотреть, понадобилось бы добрых пятьдесят лет, я же желаю открыть и увидеть елико возможно больше [земель], чтобы, с божией помощью, возвратиться к вашим высочествам в апреле. Правда, если я найду [места], где окажется достаточно золота и пряностей, я задержусь там до тех пор, пока не наберу [и того и другого] столько, сколько смогу. И потому-то я делаю все возможное, чтобы попасть туда, где мне удастся найти золото и пряности.

Суббота, 20 октября. Сегодня, когда взошло солнце, я поднял якоря в том месте, где вчера остановился (т. е. у острова Самоат, близ его юго-восточной оконечности, которой я дал имя «Мыс Лагуны», Cabo de la Laguna, остров же назвал Изабеллой), чтобы плыть к северо-востоку и к востоку от юго-востока и юга, так как от людей, которых я везу, узнал я, что в той стороне есть поселение и король. Но море оказалось настолько мелким, что ни вступить в эти воды, ни плыть ими,

* Прекрасный мыс (ныне называется островом Фортуны), действительно, остров, и отделяется он от более значительного острова (Самоат, или Изабелла, — у Колумба; современное название — Кривой остров) узким проливом. — *Прим. перев.*

я не мог, и видя, что, следуя от юго-запада, придется совершить большой обход, я решил вновь направиться тем путем, которым я уже шел, т. е. от северо-северо-востока, и идти на запад, чтобы обойти остров [Изабеллу]. Ветер был так слаб, что я никак не мог следовать вдоль берега на близком расстоянии от него, разве что только ночью. И так как было опасно остановиться на якорь у этих островов не в дневное время, когда глазу видно, куда бросаешь якорь, а шел я узкими проходами, иногда лишенными мелей, а иногда мелководными, то я пролежал в дрейфе всю ночь на воскресенье. Каравелы бросили якоря, потому что нашли удобные для стоянок места, и давали мне обычные сигналы, чтобы я шел к ним, но я не пожелал.

Воскресенье, 21 октября. В десять часов я подошел к «Мысу островка» (Cabo del Isleo) и бросил якорь. Так же поступили и капитаны каравел. После обеда я высадился на берег, где не было никаких поселений, если не считать одинокого дома, в котором я никого не застал. Думаю, что [обитатели этого дома] сбежали, ибо вся утварь осталась на своих местах.

Я не разрешил ни к чему прикасаться и с капитанами и группой людей отправился осматривать остров. И если все другие острова, которые я уже видел раньше, были красивы, зелены и изобильны, то этот во всех отношениях их превосходил, и особенно хороши были его огромные, зеленые леса. Тут много озер, и вокруг них чудесные рощи. И как все другие острова, этот остров весь зеленый, и травы здесь, как в Андалусии в апреле, и поют в лесах птицы, и человеку, который сюда попал, не захочется уж покинуть эти места. Затмевая солнце, летали здесь стаи попугаев, и было, кроме того, на диво много других птиц, самых разнообразных и во всем отличных от наших.

Росли на острове деревья бесчисленных пород, и у каждого плоды были на свой лад, и все они на диво благоухали. И я себя чувствовал самым обездоленным человеком на свете, потому что не мог определить пород этих деревьев и плодов, а я уверен, что все они весьма ценны. Я везу с собой образцы плодов и трав, отобранных здесь.

Проходя берегом одного озера, я увидел змею, которую убили мои спутники. Кожу ее я везу вашим высочествам. Змея эта, когда заметила нас, бросилась в воду, и мы последовали за ней в озеро, благо оно было мелким, и гнались за ней до тех пор, пока пиками не убили ее. В длину она имеет 7 пядей. Думаю, что подобные змеи водятся в здешних озерах во множестве.

Здесь я нашел алоэ и решил завтра погрузить на корабль десять кинталов * этого дерева, потому что мне сказали, будто оно весьма высоко ценится.

* Кинтал — 46 кг.

Блуждая в поисках хорошей воды по острову, мы наткнулись на одно селение, лежащее всего лишь в полулиге от нашей якорной стоянки. Жители этого селения, как только проведали про нас, сразу же пустились в бегство и бросили свои дома и спрятали одежду и все свое достояние в лесу. Я приказал ничего не брать в домах, даже если вещь была бы ценой в булавку.

Вскоре к нам присоединились некоторые из [бежавших] жителей, и один из них отнесся к нам с особенным доверием. Я дал ему погремушки и стеклянные четки, чему он был несказанно обрадован.

Желая теснее скрепить нашу дружбу и потребовать что-нибудь [у индейцев], я попросил его принести воды, и индейцы, прежде чем я отправился на корабль, явились на берег с полными флягами-тыквинами и искренне радовались, предлагая нам воду. Я велел дать им одну связку стеклянных четок; они заверили нас, что завтра снова придут на берег.

Я намеревался наполнить водой всю порожнюю посуду, которая имелаась на кораблях, а затем, если только погода будет благоприятна для этой цели, отправиться вглубь острова и до тех пор продолжать поход, пока не удастся вступить в переговоры с его королем. Я желал знать, смогу ли я получить от него золото, которое, как я слышал, он носит на себе.

Затем я имел намеренье двинуться в путь к другому большому острову; и как я полагаю, остров этот должен быть Сипанго, судя по разъяснениям индейцев, которых я с собой везу. Они называют его «Кольба» и говорят, что на нем есть корабли, очень быстроходные и очень большие; за этим островом лежит другой, который именуется у них «Бофио», причем индейцы говорят, что этот остров весьма велик. Другие же, промежуточные, острова я осмотрю мимоходом, а в дальнейшем буду поступать сообразно с тем, найду или не найду достаточно золота или пряностей на этом пути. Но, как бы то ни было, я твердо решил идти к материковой земле и к городу Кисаю *, чтобы передать письма ваших высочеств великому хану, испросить у него ответ и с ответным письмом прибыть [в Кастилию].

Понедельник, 22 октября. Всю ночь и весь день пробыл я здесь, ожидая, не принесут ли король этих мест либо другие особы золото или что-нибудь иное и ценное. Явилось много людей, и были они похожи на индейцев — жителей других островов, и все они были также наги, и у некоторых тело было разрисовано белой краской, у других красной или черной, у прочих иными цветами.

* Искаженное название одного из китайских городов, упоминаемых Марко Поло.— *Прим. перев.*

Они приносили на обмен дровишки и мотки хлопковой пряжи и меняли их на осколки стекла от разбитых чашек и на обломки плошек из обожженной глины. У некоторых к носу были подвешены кусочки золота, и они с величайшей охотой отдавали это золото за погремушки и стеклянные четки. Но золота было так мало, что казалось, будто то, что принесено,— ничто; хотя, по правде говоря, и им было дано не много в обмен.

Они также считали наше появление величайшим чудом и верили, что мы пришли с неба. Мы взяли для кораблей воду в одном озере близ мыса, который был назван «Мысом острова». Мартин Алонсо Пинсон, капитан «Пинты», убил в этом озере еще одну змею, и так же, как и первая, она была семи пядей длины. Я приказал взять здесь столько алоэ, сколько его найдется.

Вторник, 23 октября. Я хотел уже сегодня отплыть на остров Кубу, который, как я полагал, должен быть [ничем иным] как Сипанго, если судить по тому, что говорят индейцы о его величине и богатстве, и [поэтому] я не намерен был задерживаться больше здесь,... * ...этот остров вокруг, чтобы пройти в селение для переговоров с здешним королем или сеньором, как я то решил прежде. И все это потому, что я не желаю задерживаться — ведь я вижу, что здесь нет золота, да и для того, чтобы обойти эти острова, нужны ветры разных направлений, а ветер никогда не дует в ту сторону, куда желают люди. Поэтому необходимо идти в сторону, которая сулит большую выгоду.

Повторяю, нет смысла задерживаться здесь — надо отправляться в путь и обойти много земель и плыть до тех пор, пока мы не натолкнемся на доходную землю, хотя, на мой взгляд, и эти острова очень богаты пряностями. Но на мое величайшее горе, я не разбираюсь в породах трав и деревьев, а между тем я видел тысячи разнообразнейших деревьев, и у каждого из них плоды были на свой лад, и земля была покрыта зеленью, как то бывает в Испании в мае или июне, и я видел множество разных трав и цветов. Все эти растения, кроме алоэ, мне неизвестны. А алоэ я велел погрузить на корабль и отправить в большом количестве вашим высочествам.

Не мог и не могу сейчас поднять паруса, чтобы выйти к острову Кубе, так как нет ветра; затишье мертвое и льет сильный дождь, и дождь был и вчера, но холода он не принес. Днем удерживается жара, ночи же прохладные, как в Испании, в Андалусии в мае месяце.

Среда, 24 октября. В полночь я поднял якоря и от Мыса островка, расположенного в северной части острова Изабеллы, где я находился, отправился к острову Кубе; от индей-

* Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*

цев же я слышал, что он очень велик, ведет большую торговлю и на нем есть золото, пряности, большие корабли и купцы.

Индейцы указали мне путь к Кубе. Туда нужно идти к западо-юго-западу, и я считаю, что так это и есть в действительности. Мне знаками объясняли все индейцы на этих островах и люди, которых я взял на Сан-Сальвадоре (языка я их не понимаю), что Куба — это остров Сипанго, о котором рассказывают чудеса. И на глобусе и на карте мира (*mapa mundo*), которые я видел, остров Сипанго показан в этой стороне*.

До наступления дня я плыл к западо-юго-западу. На рассвете ветер стих, и пошел дождь. Так случилось, впрочем, каждую ночь. Безветрие продолжалось до полудня, а затем поднялся слабый ветер, и я поставил все паруса на корабле: грот с двумя бинетами, марсель, фок, бизань и блинд**.

Так шел я до тех пор, пока не стемнело, и в это время Зеленый мыс острова Фернандины — крайний южный пункт западной части острова — оставался в 7 лигах к северо-западу от корабля. Так как ветер усилился, я же не знал, каким путем следует идти к упомянутому острову Кубе, а море у этих островов у берега все усеяно подводными камнями и мелями (хотя далее оно становится глубоким, и на расстоянии двух выстрелов из ломбарды уже нельзя достичь дна, и чтобы бросить якорь наверняка, нужно видеть место, ночью же плавать не следует), то я решил убрать все паруса, кроме фока (*trinquete*), и идти на нем.

Вскоре ветер снова усилился и гнал корабль вперед, что было небезопасно, тучи же сгустились, и пошел дождь. Поэтому я приказал убрать и фок, и за ночь мы прошли всего две лиги.

Четверг, 25 октября. После восхода солнца адмирал плыл к западо-юго-западу до 9 часов. Прошли 5 лиг и, переменяв направление, взяли курс на запад. До часа дня шли со скоростью 8 миль в час и к трем часам покрыли 44 мили. В три часа увидели землю — шесть или восемь островов, вытянутых по одной линии с севера на юг. От них корабли находились на расстоянии 5 лиг.

Пятница, 26 октября. Находились у этих островов, в южной части. Везде, на протяжении пяти-шести лиг, было очень мелко. Там бросили якорь. Индейцы, которых вез с собой адмирал, говорили, что от этих островов до Кубы полтора дня пути на челноках, — корабликах без парусов (*navetos*), изготовляемых из одного ствола. Называются они *каное*.

Адмирал от этих островов отправился к Кубе. По указа-

* См. комментарий 17.

** Здесь перечислены все паруса «Санта Марии». Парусное вооружение каравел Колумба описано в комментарии «Корабли первой флотилии Колумба». — *Прим. перев.*

ниям, которые индейцы давали о величине Кубы и о том, что на ней есть и золото и жемчуг, адмирал заключил, что Куба должна быть островом Сипанго.

Суббота, 27 октября. С восходом солнца подняты были якоря на стоянке близ упомянутых островов, которые адмирал назвал Песчаными (Islas de Arena); и так как с южной стороны море было очень мелкое, на протяжении шести лиг шли по 8 миль в час. До часа дня плыли к юго-юго-западу и прошли 40 миль, и к ночи, следуя этим направлением, сделали 28 миль.

Перед наступлением ночи увидели землю. Ночью простояли на месте. Всю ночь ливня лил дождь. За субботний день прошли до захода солнца 17 лиг к юго-юго-западу.

[ОТКРЫТИЕ КУБЫ]

Воскресенье, 28 день октября. Отсюда адмирал пошел, следуя на юго-юго-запад, к острову Куба,— к наиболее близкой земле и вступил в устье одной очень красивой реки, не встретив здесь ни мелей, ни других препятствий. Везде у берега были значительные глубины, и даже у самой земли дно было чисто. Ширина горловин у входа в устье реки 12 локтей — достаточная для прохода кораблей при противном ветре. Якоря, по словам адмирала, были брошены на расстоянии выстрела из ломбарды от места впадения реки в море.

Адмирал говорит, что он никогда еще не видел такой красивой земли. Вся местность, прилегающая к реке, заросла прекрасными зелеными деревьями, отличными от наших [кастильских], и у каждого плоды и цветы были на своей лад. Повсюду сладкозвучно пели птицы. Во множестве росли пальмы, непохожие ни на гвинейские, ни на кастильские, средней высоты, со стволом без чешуи и с очень большими листьями. Этими листьями здесь кроют крыши домов. Берег же был низкий и ровный.

Адмирал спустился в лодку и направился на берег. На берегу он посетил два дома, которые, как он полагал, принадлежали рыбакам, бежавшим от страха. В одном из домов он нашел собаку, но эта собака совсем не умела лаять. Он обнаружил также сети и веревки из пальмовых волокон, роговой рыболовный крючок, гарпун из кости и другие принадлежности для рыбной ловли, а внутри домов увидел он много очагов. Адмирал предположил, что в каждом из этих домов живет большое количество людей. Он приказал, чтобы никто не смел притрагиваться ни к одной из оставленных вещей, и так было сделано.

Трава здесь была очень высокая — такая, как в Андалусии в апреле и мае. Адмирал нашел среди трав портулак и латук. Он вернулся к лодке и прошел значительное расстояние вверх

по реке. По его словам, было таким наслаждением любоваться зеленью лесов и птицами, что трудно было покинуть эти места.

Адмирал говорит, что ничего прекраснее этого острова его глаза еще никогда не видели: много здесь хороших бухт и глубоких рек, и так спокойно море, что кажется будто никогда оно не волнуется у этих берегов; и действительно, трава на побережье росла почти до самой воды, чего не случается, если море бурное. Впрочем, до сих пор ничто еще не могло доказать, что у этих берегов море может быть бурным. Он говорит, что остров пересечен очень красивыми горными цепями: они не очень длинны, но высоки, а все прочие земли так же высоки, как Сицилия.

На острове, как это можно было понять из бесед с индейцами, которых адмирал взял на острове Гуанаханí, много источников и рек. Индейцы объяснили ему знаками, что здесь протекает десять больших рек и что обойти остров на каное нельзя и за двадцать дней.

Когда адмирал приближался на кораблях к земле, в открытое море вышли два челнока, или каное. Но эти каное пустились наутек, когда сидевшие в них индейцы заметили, что корабли входят в устье реки, чтобы обследовать дно и выбрать место якорной стоянки.

Индейцы, [взятые на Гуанаханí], говорили, что на острове [Кубе] есть золотые копи и жемчуг, и когда адмирал увидел место, подходящее для ловли жемчуга, и раковины, которые считаются приметой жемчуга, он [предположил], что сюда приходили корабли великого хана и при этом большие, и что от этого острова до материка должно быть 10 дней пути. Адмирал дал и бухте и реке имя Сан-Сальвадор.

Понедельник, 29 октября. Адмирал приказал поднять якоря и, выйдя из бухты, направился на запад, к тому городу, где, судя по словам индейцев, должен находиться король. Сперва он следовал вдоль берега одного мыса на северо-запад и, пройдя шесть лиг, увидел еще один мыс, вдоль побережья которого он направился к востоку, и в этом направлении прошел десять лиг. Продвинувшись вперед еще на одну лигу, адмирал увидел реку, не очень широкую в устье, и дал ей имя «Лунная река» (Rio de Luna). Он плыл до сумерек и дошел до другой, гораздо большей реки, чем все прочие. Индейцы подтвердили знаками, что эта река действительно очень большая. Адмирал назвал ее «Морской рекой» (Rio de Mares).

Он направил две лодки к селению, [что находилось на берегу], желая взять языка. В одной из лодок находился один из тех индейцев, которых адмирал вез с собой. Индейцы же эти уже немного понимали моряков и казались довольными общением с христианами, от которых в этом селении все муж-

чины, женщины и дети сбежали, оставляя без защиты свои дома со всем, что в них находилось. И адмирал приказал, чтобы не смели трогать ничего [в домах]. Он говорит, что эти дома были гораздо красивее тех, что ему доводилось видеть; и он полагал, что постройки будут становиться все лучше и лучше, по мере приближения к материку.

Дома сооружены были на манер больших боевых шатров (alfaqueque) и походили на палатки в военном лагере, располагаясь, однако, в беспорядке, не вдоль улиц, а как придется: один дом здесь, другой — там. Внутри же они были чисто подметены, и утварь в них была ладная: вся из очень красивых пальмовых веток. Найдены были здесь статуи — женские фигурки и головки наподобие масок, очень хорошо выделанные. Адмирал говорит, что он не знает, держат ли индейцы фигурки красоты ради или поклоняются им. Были тут собаки, не умеющие лаять, дикие птички, в домах имелись также удивительные приспособления для рыбной ловли — сети и крючки. Все это осталось нетронутым.

Адмирал полагает, что должно быть все жители побережья рыболовы и что рыбу они сбывают вглубь страны; этот остров очень велик и так красив, что невозможно вдосталь нахвалиться им. Адмирал говорит, что он встретил здесь деревья и плоды, чудеснейшие на вкус, и что на острове должны быть коровы и скот, потому что он видел черепа, которые показались ему коровьими. Адмирал видел птиц и мелких пташек и со всеми своими спутниками наслаждался пением сверчков (grillos) в ночную пору и ночным воздухом, нежным и сладостным, не жарким, но и не холодным. Он говорит, что на пути к этим островам выпадали жаркие дни, но что здесь всегда приятная прохлада, подобно тому, как это бывает в мае [в Испании].

На других островах, как полагает адмирал, жара вызвана тем, что они очень низки, а также и ветром. Ветер, на котором шли сюда корабли, восточный, а поэтому и знойный.

Вода в устьях рек соленая. Неизвестно, где берут воду индейцы, — в домах у них вода пресная.

Корабли могут свободно входить в эту реку и выходить из нее. Берега имеют отличительные приметы. Глубина реки в устье 7 или 8 локтей и выше по течению 5 локтей. Адмирал говорит, что, как ему кажется, море здесь всегда должно быть таким же спокойным, как река в Севилье, и вода в нем такова, что способствует росту жемчуга. Он нашел больших устриц, очень похожих на испанские, но безвкусных.

Адмирал отметил расположение реки и бухты и дал им имя Сан-Сальвадор, и он говорит, что горы у этой бухты так же красивы и высоки, как «Скала влюбленных» *. И на одной

* Peña de los enamorados — утес в Кордове.— *Прим. перев.*

из гор, на вершине, имеется холмик, похожий на красивую мечеть. С южной стороны бухты высятся две округлые горы, а с западо-северо-запада вдается в море красивый и низкий мыс.

Вторник, 30 октября. Адмирал отправился от Морской реки на северо-запад и, заметив мыс, на котором росло много пальм, назвал его «мысом Пальм» (Cabo de las Palmas). После того как было пройдено 15 лиг, индейцы, что плыли на каравеле «Пинта», сообщили, что за мысом Пальм есть река и от этой реки до Кубы четыре дня пути.

Капитан «Пинты» сказал, что он узнал, будто Куба город, и что эта земля — материк и очень большой и что он на значительное расстояние тянется к северу и что король этой земли ведет войну против «великого хана», которого индейцы называют «ками», землю же или город великого хана они именуют Саба и перечисляют при этом много иных имен.

Адмирал решил войти в ту реку, послать подарок королю здешней земли и направить ему письмо королей [Испании]; а для этого дела вполне пригодны были один моряк, который ходил в Гвинею, и некоторые индейцы с острова Гуанакани, которые желали его сопровождать с тем, чтобы затем вернуться в свою землю.

По мнению адмирала, [находился он] на расстоянии 42 градусов от экватора в северную сторону, если только не искажена запись, изложение которой дается. Адмирал говорит, что приложит все старания, чтобы дойти до великого хана, который должен находиться в тех местах в городе Катае, принадлежащем великому хану; а город этот, как он указывает, очень велик, судя по тому, что ему говорили о Катае в Испании, еще до выхода в плаванье. Он говорит, что вся здешняя земля низкая и красивая, а море у ее берегов глубокое.

Среда, 31 октября. Всю ночь, во вторник, шли против ветра. Замечена была река, но войти в нее нельзя было, так как устье ее оказалось мелким; индейцы же думали, что корабли могут подняться по течению этой реки подобно их каное.

Следуя дальше, адмирал дошел до мыса, который значительно вдавался в море и был окружен мелями. На берегу мыса видна была бухта или гавань, где могли бы найти пристанище небольшие корабли, но вступить в нее было невозможно, потому что ветер внезапно подул с севера, берег же шел на северо-северо-запад и юго-восток и, кроме того, за упомянутым мысом виднелся следующий, еще дальше вдающийся в море. Поэтому, а также и потому, что небо предвещало бурю, корабли вынуждены были возвратиться в Морскую реку.

Четверг, 1 ноября. На восходе адмирал отправил лодки на берег, к домам, которые там находились; и было обнаружено, что все местные жители сбежали. Только спустя много времени

показался один человек, но адмирал приказал оставить его в покое. Лодки вернулись к кораблям, и после обеда адмирал направил на берег одного из тех индейцев, которых он с собой вез. Еще издали этот индеец стал подавать голос, обращаясь к местным жителям. Он убеждал их не бояться пришельцев и говорил, что люди на кораблях добрые и что они вовсе не подданные великого хана; напротив, везде, где им пришлось побывать, они наделяли всех разными дарами. Затем, бросившись в воду, индеец доплыл до берега, где к нему подошли двое из местных жителей и, взяв его за руки, увели в один из домов, где от него и разузнали обо всем.

И когда местные жители убедились окончательно, что им не причинят зла, они успокоились, и вскоре к кораблям подошло более чем шестнадцать челноков, или каное, с хлопковой пряжей и прочими местными вещичками. Адмирал приказал ничего у них не брать, чтобы индейцы таким образом узнали, что он ищет только золота, которое здесь называют «*нукай*». И весь день приходили они с земли к кораблям, а христиане, вполне уверенные в своей безопасности, высадились на берег.

Ни у одного из индейцев адмирал не видел золота, но он говорит, что заметил человека, у которого к носу был подвешен кусок обработанного серебра, и расценил это, как указание на то, что здесь имеется этот металл. Индейцы объяснили знаками, что не пройдет и трех дней, как явится из глубины страны много купцов, и они приобретут то, что привезли с собой христиане, и сообщат новости о короле той земли (которая, если судить по их объяснениям, а объяснялись они знаками, находилась в 4 днях пути отсюда); а купцы, по словам индейцев, должны были притти непременно, потому что местные жители разослали во все стороны людей, извещая всех о прибытии адмирала.

«Эти люди,— говорит адмирал,— таких же статей и обычаев, как прочие, что встречались ранее, и они не исповедуют ни одну религию из тех, которые я знаю, потому что индейцы, которых я везу с собой, раньше не видели, как читается молитва, хотя сейчас они повторяют слова *Salve* и *Ave Maria*, подняв к небу руки, как им это было показано, и совершают крестное знамение.

У них у всех один язык и все они дружны между собой. Я полагаю, что все эти земли — острова и что жители этих стран ведут войну против великого хана, которого они называют «*кавила*», и с провинцией «*Басан*». Ходят же они нагие, как и прочие».

Адмирал говорит, что река очень глубока, и в устье ее могут входить корабли, приближаясь к самому берегу. Пресная вода только на одну лигу не доходит до устья реки. В устье вода соленая, но выше по течению она отличного качества.

«Несомненно,— говорит адмирал,— что если эта земля материк, то я нахожусь перед Саито и Кисаем (Zayto у Quisay) в ста лигах, быть может немного ближе, быть может немного дальше, от того и другого города, и это подтверждается состоянием моря, которое стало иным, чем было оно до сих пор; и вчера, когда я пошел на северо-запад, я обнаружил, что становится холоднее».

Пятница, 2 ноября. Адмирал решил отправить [вглубь страны] двух испанцев. Один из них прозывался Родриго де Херес и проживал [ранее] в Айамонте, другой же, Луис де Торрес, служил прежде у наместника Мурсии и был евреем и, как говорят, знал еврейский и халдейский языки и даже немного арабский. С ними он послал двух индейцев: один был из числа взятых на Гуанакань, другой жил в селении из нескольких домов, расположенном у протекающей здесь реки. Адмирал дал им связки четок, чтобы они могли купить себе еду, если ее им нехватит, и положил им шесть дней срока до возвращения. Он дал посланцам образцы пряностей, чтобы они сумели узнать эти ценные растения, если на них набредут, и снабдил их инструкцией; в ней отмечалось, каким образом должны они будут спрашивать короля той земли и что надлежит им говорить от имени королей Кастилии; а сказать им надо было, что адмирал послан дабы от лица королей вручить [королю] этой земли письма и подарок, установить с ним дружбу, ознакомиться с его страной и оказать поддержку, буде явится в ней необходимость, и разузнать о некоторых провинциях, гаванях и реках, о которых адмирал имеет сведения, расспросив, как далеко они отсюда.

Ночью адмирал с помощью квадранта определил высоту [положение Полярной звезды] и обнаружил, что он находится в 42 градусах от экваториальной линии *. Он говорит, что, по его расчетам, пройдено от острова Иеро 1 142 лиги. Адмирал также утверждает, что земля, на которой он находится, материк.

Суббота, 3 ноября. Утром адмирал взял лодку и направился к берегу; и так как река при впадении в море образует большое озеро — превосходную гавань, очень глубокую и лишенную подводных камней, а берега здесь настолько хороши, что можно подойти к ним и завести на сушу корабли для осмотра подводных частей, и на них много [строевого] леса, то адмирал прошел вверх по течению две лиги до места, где вода в реке стала пресной. Затем он поднялся на пригорок, чтобы лучше обозреть окружающее, но из-за густых лесов он не смог ничего увидеть. Воздух над лесом был свежий и

* Примечание Лас Касаса на полях рукописи дневника: «Это невозможно потому, что Куба находится всего лишь в..... градусах [от экватора] и либо произошла ошибка из-за неисправности квадранта, либо же запись была искажена по недосмотру переписчика, как обычно и многократно случается в делах большой важности». — *Прим. перев.*

благоуханный, и адмирал говорит, что здесь, несомненно, должны произрастать ароматические травы. Все, что он видел, было так прекрасно, что он готов был без устали любоваться подобным великолепием и внимать пению птиц.

Днем к кораблям во множестве приходили челноки, или каное, и индейцы привозили для меня изделия из хлопчатой пряжи и сети, в которых они спят, т. е. гамаки.

Воскресенье, 4 ноября. Как только рассвело, адмирал отправился на берег на охоту за птицами, которых он накануне видел. После того как он вернулся, явился к нему Мартин Алонсо Пинсон с двумя кусочками корицы. Пинсон рассказал, что один португалец с его корабля видел индейца, который нес две большие связки корицы; однако этот португалец не решился приобрести корицу, памятуя, что адмирал под страхом наказания запретил кому бы то ни было вступать в торг с индейцами. Он сказал также, что у этого индейца были с собой какие-то предметы рыжего цвета, подобные орехам.

Корабельный мастер (*contra maestre*) «Пинты» также говорил, что он нашел деревья, дающие корицу.

Адмирал отправился на берег, но там подобных деревьев не оказалось. Он показал индейцам корицу и перец (вероятно, образцы этих растений, привезенные из Кастилии). Они узнали и то, и другое и знаками дали понять, что неподалеку от этих мест, по дороге на юго-восток, имеется много подобных растений. Показал им также адмирал золото и жемчуг, и старики ответили ему, что в местности, которая называется Бохио (*Bohio*), золота не счесть; там золотые украшения носят в ушах, на ногах, на руках, на шее, и в той стороне есть и жемчуг. Он узнал также, что там имеются большие корабли и богатые товары, а земля эта лежит на юго-восток, а еще дальше живут одноглазые люди и люди с собачьими мордами, которые едят человеческое мясо; захватывая кого-нибудь в плен, они отрубают ему голову и детородные органы и высасывают из жил его кровь.

Адмирал решил вернуться на корабль и ждать возвращения двух послов, отправленных вглубь страны, а по прибытии их выйти на поиски тех земель, если только послы не принесут добрые и желанные вести.

Адмирал говорит далее: «Эти люди покорны и боязливы. Как я уже говорил, они нагие, без оружия и без закона. Земли эти весьма изобильны. Здесь во множестве растут «*tiames*» * — плоды, подобные моркови, имеющие вкус каштанов, есть фасоль и бобы, но значительно отличающиеся от наших кастильских, встречается много хлопка. Хлопок, однако, тут не сеют. Он растет в диком виде на пустырях и имеет высокие стебли.

* «Это ахе или бататы». — Прим. Лас Каса.

Путь Колумба у берегов острова Куба.

Я думаю, что собирать хлопок можно здесь в течение всего года, потому что на одном и том же стебле я видел цветы, а также закрытые и уже раскрывшиеся коробочки. Тут имеется такое множество разных плодов, что нет возможности описать их. И из всего этого можно извлечь пользу».

Понедельник, 5 ноября. На рассвете адмирал приказал завести на сушу свой корабль и другие каравелы, но не все сразу, а так, чтобы два корабля оставались все время на воде для охраны. Впрочем, адмирал отмечает, что здешние жители настолько мирны, что можно было бы совершенно безбоязненно завести на берег одновременно все три корабля.

В это время к адмиралу пришел корабельный мастер «Ниньи» и потребовал награду за открытие благовонной смолы. Но образец ее он с собой не принес, утверждая, что обронил его по дороге. Адмирал обещал ему награду и послал на берег Родриго Санчеса и маэстре Диего за этим деревом²³. Они принесли его немного, и адмирал сохранил образец, чтобы доставить его королям. Он подтвердил, что вещество, которое ему принесли, действительно благовонная смола, но заметил при этом, что собирать ее надо в определенное время года и что ее здесь столько, что ежегодно из этой округи можно будет получать тысячу кинталов. Он нашел также древесину, похожую, по его словам, на алоэ.

Адмирал далее говорит, что бухта Морской реки наилучшая из всех бухт на земле и что воздух ее благодатнейший в мире, а люди самые мирные на свете. И так как в бухте этой один из мысов венчается высокой скалой, то можно заложить здесь крепость; тогда, если земля эта станет богатой и приобретет большое значение, купцы будут здесь в безопасности от нападений любого врага, и он добавляет: «господь наш, в чьих руках все победы, да сотворит все, что будет ему на пользу».

Адмирал говорит, что один индеец знаками дал ему понять, будто благовонная смола помогает при болях в животе.

Вторник, 6 ноября. Вчера ночью, говорит адмирал, явились люди, посланные осмотреть земли в глубине страны; и они рассказывали, что, пройдя 12 лиг, встретили селение в 50 домов, в котором, по их словам, должно быть не менее тысячи жителей, потому что в каждом доме жило помногу индейцев. Дома эти сооружены на манер огромнейших шатров. [Послы] сообщили, что их встретили в селении весьма торжественно, как то принято по местным обычаям. Все, и мужчины и женщины, приходили посмотреть на них и поместили [гостей] в лучших домах.

Индейцы с удивлением ощупывали их, целовали им руки и ноги, думая, что [гости] пришли с неба, и давая им это таким способом понять. Они накормили послов всем, что у них было.

Когда послы вошли в селение, самые почтенные люди взяли их за руки, провели в главный дом и дали им два кресла, на которые [гости] уселись. Индейцы же уселись вокруг них на полу.

Индеец, который был отправлен с послами, рассказал всем, как живут христиане и какие они хорошие люди. Затем все мужчины вышли и вошли женщины. Они уселись таким же образом вокруг послов, ощупывая их, целуя им руки и ноги, желяя убедиться, что у гостей такая же плоть и такие же кости, как у них.

Индейцы просили послов остаться в селении хоть на пять дней. Местным жителям послы показали данные адмиралом образцы перца и других пряностей, и индейцы объяснили знаками, что много таких растений имеется неподалеку, к юго-востоку от селения, но что они не знают, есть ли что-нибудь подобное здесь, в этих местах.

Не получив никаких сведений о [искомом] городе, послы отправились обратно. Если бы только пожелали они удовлетворить просьбы всех, кто хотел их сопровождать, к ним присоединилось бы не менее пятисот мужчин и женщин, потому что индейцы думали, будто [их гости] возвращаются на небо.

С ними пришли к кораблям один из старейшин (principal) селения и его сын и один из его людей.

Адмирал принял их с почетом, переговорил с ними, узнал о многих землях и островах этой стороны и думал препроводить их к кордьям; и он говорит, что неведомо почему, быть

может испытывая страх, но вдруг среди темной ночи индейцы пожелали отправиться на берег. И так как корабль был заведен на берег, адмирал, не желая раздражать [старейшину], разрешил ему уйти. Индеец обещал на рассвете вернуться, но слова своего не сдержал.

Послы встретили на пути множество индейцев, возвращающихся в свои селения — мужчин и женщин. Они шли с головнями в руках и с травой, употребляемой для курений*.

Послы не обнаружили селений, в которых было бы более пяти домов. Везде их принимали с таким же почетом. Они видели много различных деревьев, трав, и благоуханных цветов, и разнообразных птиц, не похожих на испанские, куропаток, поющих соловьев и диких гусей; последних в большом количестве. Четвероногих тварей они не встретили, если не считать собак, не умеющих лаять.

Земля была плодородна и хорошо возделана под уже упомянутые «*mates*» (бататы), фасоль и бобы, отличные по виду от тех, что произрастают в Кастилии, и под просо (*paniza*). Собиралось тут много хлопка. Хлопок-сырец и хлопок обработанный, а также хлопчатые ткани встречались везде в большом количестве, а близ одного дома они заметили кучу, в которой было более чем 500 арроб хлопка, так что со всей этой земли можно, вероятно, собрать его за год до 4 000 кинталов.

По мнению адмирала, хлопок здесь не сеют, и он приносит плоды круглый год. Хлопок этот очень чистый, тонкий, с большими коробочками.

Все, что ни имели эти люди, они отдавали за совершенно ничтожную цену. За один наконечник от агухеты или за любую другую вещь они предлагали целую охапку хлопка.

«Они, — говорит адмирал, — люди бесхитростные и не воинственные, все нагие, и мужчины и женщины, как мать родила. Правда, женщины носят лоскут хлопчатой ткани, достаточный, чтобы прикрыть свой стыд, но не большой, и они очень обходительны и не слишком черны, даже менее черны, чем жители Канарских островов.

Я уже говорил, светлейшие повелители, что как только достойные духовные особы овладеют их языком, тотчас же все индейцы станут христианами. И молю бога, чтобы ваши высочества приложили старания, чтобы ввести в лоно церкви столь великие народы и обратить их в нашу веру, а также уничтожить всех, кто не пожелает поклоняться отцу, сыну и святому духу. И по окончании дней своих, ибо все мы смертны, оставят [ваши высочества] свои королевства в мире, очищенные от ереси и зла, и будут хорошо приняты у престола вечного творца, которого умоляю я дать вам долгую жизнь и великое приращение королевств и владений, и волю, и решимость для

* Еще одно указание на обычай курения табака. — *Прим. перев.*

укрепления святой христианской религии, подобно тому, как это до сих пор совершалось. Аминь.

Сегодня я свел корабль с суши и подготовился к тому, чтобы с богом отплыть в четверг и идти к юго-востоку на поиски золота и пряностей и для открытия [новых] земель».

Таковы слова адмирала, который думал отправиться в путь в четверг. Но противные ветры задержали его отправление до 12 ноября.

Понедельник, 12 ноября. Адмирал вышел из бухты и устья Морской реки на рассвете, в исходе четвертого часа, и направился к одному острову, о котором много говорили индейцы, бывшие с ним. Этот остров они называли «Банеке»*. Насколько можно было понять по их жестам, люди там собирают золото прямо по побережью, в ночное время при свечах, а затем молотами выковывают из него жезлы (vergas). Чтобы пройти к этому острову, необходимо было следовать на восток, четверть к юго-востоку.

Проплыв вдоль берега 8 лиг, адмирал открыл реку и, пройдя еще 4 лиги, подошел к устью второй реки, которая казалась очень полноводной и наибольшей из всех, которые до сих пор встречались.

По двум причинам он не желал ни задерживаться в этих местах, ни заходить в какую бы то ни было реку. Первая и главная причина состояла в том, что погода и ветер были благоприятны для плавания по пути к острову Банеке. Вторая же причина была такова: если бы близ моря располагался населенный или известный город, он был бы замечен с кораблей. Для того же, чтобы подниматься по рекам вглубь страны, необходимо было иметь малые суда, каковыми не были корабли флотилии. Таким образом, потеряно было бы много времени, да и все подобные реки все равно будут открыты сами собой.

Берег был населен главным образом близ реки, которую адмирал назвал рекой Солнца (Rio del Sol).

Адмирал говорит, что накануне, в воскресенье 11 ноября, ему пришло на ум, что было бы хорошо схватить несколько индейцев из числа проживающих на берегу этой реки, чтобы доставить их королям, обучить нашему языку — тогда они узнают, что имеется в [нашей] земле и усвоят [наши] обычаи и веру. Вернувшись, они станут устами христиан.

«Потому что я вижу и знаю, — говорит адмирал, — что нет никаких верований у этих людей и что они не идолопоклонники, а очень смиренные люди, не ведающие, что такое зло, убийство и кража, безоружные и такие боязливые, что любой из наших людей может обратить в бегство сотню индейцев, даже

* В тексте «Дневника» название это приводится в разночтениях: Бабеке, Бавеке, Банеке. — *Прим. перев.*

если он потешается над ними. Они способны верить и знают, что в небе есть бог, и твердо убеждены, что мы пришли с неба. Они легко усваивают любую молитву, повторяя ее за нами, и делают крестное знамение».

«Таким образом ваши высочества должны принять решение и сделать их христианами. Стоит только начать, и я убежден, что в короткое время можно будет завершить обращение в нашу святую веру многих народов, и тогда Испания приобретет великие владения и богатства, так как несомненно есть в этих землях огромное количество золота. Не без причины же говорят индейцы, которых я везу, что на этих островах имеются места, где добывают золото и где носят золотые изделия на шее, на ногах, на руках и в ушах, а изделия эти — очень массивные браслеты. И также есть на островах [драгоценные] камни и жемчуг и множество пряностей, а на Морской реке, откуда я вышел минувшей ночью, несомненно имеется огромное количество благовонной смолы, и можно получить еще больше, стоит только пожелать это — потому что мастичные деревья при посадках принимаются легко. А деревьев этих тут много, и они очень большие, и листья у них наподобие камышинок. Плоды их, и ствол, и листья такие же, как о том говорит Плиний²⁴ и какие я видел на острове Хиосе, в Архипелаге²⁵; разница лишь та, что у здешних деревьев плоды больше.

Я велел надрезать кору на многих деревьях, чтобы посмотреть, будет ли вытекать смола. Но в то время, когда я был на упомянутой реке, шли непрерывные дожди, и я не мог собрать много смолы и взял лишь малость ее, и везу эту смолу вашим высочествам. Очень может быть, что я выбрал неподходящее время, чтобы надрезать кору. Думаю, что надó это делать, когда для деревьев кончается зимняя пора и они готовы зацвести, ныне же у них почти созрели плоды.

Здесь также большое количество хлопка, и я полагаю, что можно будет с выгодой продавать его, не перевозя в Испанию, а сбывая его в больших городах во владениях великого хана, каковые, несомненно, будут открыты, так же, как и многие другие земли иных владетелей, которые почтут за счастье служить вашим высочествам. Им можно будет продавать товары — как испанские, так и земель востока, потому что земли, о которых идет речь, находятся по отношению к нам на западе.

И здесь есть множество алоэ, хотя оно и не может быть источником большой прибыли. Но благовонная смола заслуживает внимания, потому что нет ее нигде, кроме острова Хиоса. И думаю, что за нее можно будет выручать, если я только не ошибаюсь, добрых 50 000 дукатов.

В устье этой реки расположена наилучшая гавань из всех, которые я когда-нибудь видел, широкая, глубокая, свободная

от мелей, прекрасное место для постройки укрепленного города, причем любые корабли смогут подходить к самым его стенам. Земля же вокруг здоровая, высокая, вода очень хорошая.

Вчера к кораблю подошел челнок с шестью молодыми индейцами. Пятеро из них поднялись на борт, и я велел их задержать и сейчас везу с собой.

Затем я отправил моих людей к одному дому, что стоит на западном берегу реки, и оттуда мне привели семь женщин — юных и взрослых, и троих ребят. Я поступил так, зная, что индейцы будут лучше себя чувствовать в Испании, имея при себе женщин из своей земли, чем если бы они были лишены. Потому что уже неоднократно случилось, что негры из Гвинеи, после того как они возвращались из Португалии, куда увозили их, чтобы обучить языку, не оправдывали надежды португальцев, желавших использовать их в Гвинее, и это несмотря на то, что неграм давалось все, что им было необходимо, и с ними хорошо обращались. Впрочем, так поступали не все негры.

Имея же при себе женщин, индейцы скорее почувствуют охоту выполнять то, что от них потребуют; и, кроме того, эти женщины быстро научат испанцев своему языку, единому на всех островах Индии²⁶. Все они друг друга понимают, и все странствуют на своих челноках. Этого нет в Гвинее, где великое множество разных языков и где один другого понять не может.

Минувшей ночью к кораблю подошел на челноке муж одной из захваченных женщин и отец трех взятых вчера детей (одного мальчишка и двух девочек) и просил меня, чтобы я разрешил ему отправиться с женой и детьми, и так умолял меня об этом, что все были растроганы, потому что каждый из нас — отец. Ему от роду уже лет 45».

Все это доподлинные слова адмирала. Выше он говорит также, что стало холоднее и поэтому было бы, по его мнению, неблагоприятно плыть для совершения открытий к северу.

За понедельник, до захода солнца, пройдено было 18 лиг в направлении на восток, четверть к юго-востоку, до мыса, которому адмирал дал имя «Бочки» (Cabo de Cuba).

Вторник, 13 ноября. Минувшей ночью все время, как говорят моряки, «стояли на привязи» (estaban ala corda), а значит это — следовать против ветра и оставаться все время на месте*. Так решено было поступить потому, что на заходе солнца между горами показался просвет, и, возможно, то был проход между землей Кубой и Бохио. И это жестаами подтверждали индейцы, которых адмирал вез с собой.

* Т. е. лежать в дрейфе.— Прим. перев.

С наступлением дня направились к берегу и, пройдя мимо мыса, который, как показалось ночью адмиралу, был на расстоянии 2 лиг от корабля, вступили в большой залив, расположенный в 5 лигах к юго-западу от мыса. Оттуда не было и 5 лиг до другого мыса, где между двух уже упомянутых гор виднелся проход, и адмирал не мог установить, является этот проход бухтой или чем-нибудь иным.

Так как адмирал желал итти к острову Банеке, на котором, судя по словам индейцев, было много золота, а остров этот лежал на востоке, и так как он не видел ни одного убежища, где можно было бы укрыться от ярости ветра, который нарастал с небывалой еще силой, то он решил отойти дальше от берега и следовать к востоку при ветре, дувшем с севера. Корабль шел со скоростью 8 миль в час, и с десяти часов утра до захода солнца пройдено было 56 миль, или 14 лиг, к востоку от мыса Бочки.

По мнению адмирала, расстояние между уже упомянутым заливом и землей Бохио, лежащей под ветром, было 80 миль, или 20 лиг.

Берег, вдоль которого шел адмирал, тянулся в направлении с востока на запад и на западо-северо-запад.

Среда, 14 ноября. Минувшей ночью корабли лавировали (*andan al gergo y barloventeando*), так как, по словам адмирала, не было смысла плыть среди всех этих островов ночью, предварительно не осмотрев их. Индейцы, которых он вез с собой, говорили ему вчера, во вторник, что от Морской реки до острова Банеке три дня пути на челноках, которые передвигаются со скоростью 7 лиг [в день]. Ветер стих, и поскольку не было возможности итти непосредственно на восток, адмирал принял четверть к юго-востоку; но, по уже указанным причинам, он должен был задержаться [в том месте] до утра.

На восходе солнца адмирал решил итти на поиски удобной бухты-убежища, так как к этому времени северный ветер сменился северо-восточным, и в случае, если не удалось бы найти подходящую бухту, пришлось бы возвратиться назад в уже знакомые гавани острова Кубы.

Пройдя за ночь 24 мили по направлению на восток, четверть к юго-востоку, адмирал увидел землю и направился к ней, взяв к югу; проплыв...* миль до берега, он обнаружил на этом берегу много островков, бухт и проходов. Но так как дул сильный ветер и море было беспокойно, он не решился вступить в эти проходы и направился вдоль берега на северо-запад, четверть к юго-востоку, все время высматривая [удобную] бухту. Бухт же было много, но все они не внушали доверия.

* Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*

Пройдя таким образом 64 мили, он открыл очень глубокий проход, шириной в четверть мили, в удобную бухту и реку.

Войдя в этот проход, он сперва взял на юго-юго-запад, затем на юг и юго-восток, и везде глубина и ширина прохода были значительны.

У берегов адмирал видел столько островов, что не мог и счесть их, и все эти острова были довольно велики и высоки и на них росли самые разнообразные деревья и множество пальм.

Диву он дался при виде столь многочисленных и гористых островов, и он заверяет королей, что ни на этих берегах, ни на здешних островах никогда не видел он еще таких гор, и ему кажется, что во всем мире нет гор более высоких, красивых и ясных, без туманов и снегов. Море у их подножья величайшей глубины.

Адмирал говорит, что, как он полагает, именно эти бесчисленные острова показаны на картах мира в том месте, где показан предел востока, и думает он, что на них имеются величайшие богатства и драгоценные камни и пряности и что тянутся они далеко к югу полосой, расширяющейся во все стороны. Он дал [этим водам] имя — «Море нашей владычицы» (*Mar de Nuestra Señora*), а бухту близ прохода, ведущего к этим островам, назвал бухтой Наследного принца (*Puerto Principe*). Он не вошел в эту бухту и лишь осмотрел ее со стороны моря; ознакомился он с ней подробно при следующем посещении, в субботу 24 ноября, как о том и будет сказано в надлежащем месте.

Столько всяческих похвал расточает адмирал изобилию, красоте и горным высотам островов, у берегов которых он открыл эту бухту, что завершает их описание, призывая королей не удивляться подобным восхвалениям, потому что он убежден, что не сказал о них и сотой доли. Ему кажется, что одни острова вершинами гор, подобными граням алмаза, достигают неба, другие венчаются огромными горами с вершинами плоскими, как стол, и так глубоко море у этих берегов, что к ним свободно может подойти огромнейшая каррака*. Берега же богаты строевым лесом, а подводных камней близ них нет.

Четверг, 15 ноября. Адмирал решил обойти эти острова на лодках. Он рассказывает об этих островах чудеса и говорит, что нашел благовонную смолу и великое множество алоэ. На некоторых островах земля была возделана под коренья, из которых индейцы изготовляют хлеб²⁷. Кое-где адмирал видел

* Крупный венецианский и генуэзский корабль (до 300 т водоизмещением), по типу сходный с португальскими *navios redondos*. См. комментарий «Корабли первой флотилии Колумба». — *Прим. перев.*

горящие очаги. Пресной воды он не нашел. Люди, которые попадались ему на пути, сразу же обращались в бегство.

Море вдоль берега везде было не глубже 14—16 локтей, повсюду дно мелкое, песчаное, лишенное камней, желанное дно для моряка: ведь подводные камни перетирают якорные канаты.

Пятница, 16 ноября. Поскольку везде, в любой стороне, на всех островах и землях, куда вступал адмирал, он водружал кресты, то с этой же целью он направился на лодке ко входу в одну из бухт. На берегу он увидел два огромных бревна разной длины, и лежали они одно на другом, образуя крест, причем корабельный плотник заметил, что трудно было бы расположить эти бревна более удачно.

Поклонившись этому кресту, адмирал приказал изготовить из тех же бревен очень большой и очень высокий крест. На побережье нашел он сорванный тростник, неизвестно как сюда попавший. Адмирал предположил, что тростник этот был вынесен на берег водами какой-нибудь реки, и подобное мнение вполне справедливо.

Затем он направился к узкому и длинному заливу, расположенному в горле бухты, на ее юго-восточной стороне. Здесь возвышалась высокая скала, вдающаяся в море наподобие мыса, и у подножья ее море было настолько глубоко, что к скале могла вплотную пристать самая большая в мире каррака; и был здесь уголок или местечко, где шесть кораблей, не бросая якоря, могли разместиться, как в каком-нибудь зале. Адмирал заключил, что здесь можно было бы при весьма небольших затратах соорудить крепость, в предвидении того времени, когда в этом усеянном островами море будет идти великая торговля.

Вернувшись на корабль, адмирал увидел, как индейцы, которых он вез с собой, вылавливают в море огромных улиток. Он заставил их нырять в воду и отыскивать жемчужные раковины — створки устриц, в которых вырастает жемчуг. Они нашли много разных раковин, но жемчужных среди них не было. Адмирал предполагает, что, вероятно, в это время года жемчужных раковин не бывает и вылавливать их следует в мае или июне.

Моряки нашли зверька, похожего на барсука. Они забросили в море сети и выловили много рыбы. Они поймали одну рыбу, которая была, как настоящая свинья, и совсем не походила на тунца, — жесткая, с твердой чешуей. Только глаза и хвост ее не были покрыты чешуей. В теле этой рыбы было отверстие, через которое она выбрасывала свои испражнения. Адмирал велел ее просолить, чтобы, по возвращении, показать королям.

Суббота, 17 ноября. Утром адмирал на лодке отправился осматривать в юго-западной стороне острова, которых он еще

не видел. Он встретил множество плодородных и прелестных островов, проливы же между ними были везде большой глубины.

На некоторых островах текли ручейки пресной воды, берущие, как предположил адмирал, начало из ключей, расположенных у подножья гор. Следуя дальше, он встретил ручей с превосходной и очень холодной водой и видел чудесный луг и много высочайших пальм; таких высоких пальм ему раньше не приходилось встречать. Нашел он также, как о том он говорит, индийские орехи и заметил больших крыс из тех, что водятся в Индии, и огромнейших раков. Видел он много птиц и вдыхал одуряющий аромат мускуса. Он полагает, что мускус здесь должен быть.

В этот день из шести юношей, взятых на Морской реке и помещенных на каравеле «Нинья», сбежало двое, самых старших.

Воскресенье, 18 ноября. Адмирал еще раз высадился на том же берегу с большим количеством своих людей и отправился водружать крест, который он велел изготовить из двух найденных на берегу бревен. Крест был воздвигнут у входа в пролив, ведущий в бухту Наследного принца, на видном месте, лишенном деревьев. Морские приливы и отливы были в этой бухте значительно, чем в любых иных местах на берегах этих земель, что не удивительно, если принять во внимание, сколько здесь было островов. Приливы же и отливы обратны нашим, так как при отливах луна над этой бухтой бывает на юго-запад, четверть к югу.

Адмирал не отправился дальше, потому что день был воскресный.

Понедельник, 19 ноября. Адмирал вышел в море еще до восхода солнца. До полудня было затишье, затем с востока подул ветер, и он направился к северо-северо-востоку. На заходе солнца бухта Наследного принца оставалась в 7 лигах к юго-юго-западу. Показался, прямо на востоке, остров Банеке, и до него оставалось 60 миль. Всю ночь шли на северо-восток и едва сделали 60 миль, а к 10 часам утра 20 ноября прошли еще 12 миль. Всего было пройдено 18 лиг на северо-восток, четверть к северу.

Вторник, 20 ноября. Оставили Банеке, или остров Банеке, на востоко-юго-востоке, откуда дул противный ветер.

Поскольку ветер оставался неизменным, а море бурным, адмирал решил возвратиться к бухте Наследного принца, откуда корабли вышли. До бухты 25 лиг.

Он не желал идти к острову, названному им Изабеллой, от которого был в 12 лигах, и бросить там якорь по двум причинам. Во-первых, на юге виднелись два острова, и адмирал намерен был их осмотреть, и, во-вторых, потому, что он опасался, как бы не сбежали индейцы, взятые им на Гуанаканьи

или Сан-Сальвадоре, так как от этого острова до Изабеллы было всего лишь 8 лиг; в индейцах же он нуждался и должен был их привезти в Кастилию. Адмирал говорит, что индейцы воображали, будто их отпустят, если они найдут золото.

Прибыв к тем местам, где находилась бухта Наследного принца, адмирал, однако, не вошел в нее, потому что уже наступила ночь, а течения увлекали его к северо-западу. Повернув, адмирал направился к северо-востоку при сильном ветре.

В третьей четверти ночи ветер стих, и адмирал принял на восток, четверть к северо-востоку. Ветер — ночью юго-юго-восточный — к рассвету отклонился к югу и к юго-востоку. На восходе адмирал отметил, что бухта Наследного принца была от него на юго-западе, почти четверть к западу на расстоянии 48 миль, или 12 лиг.

Среда, 21 ноября. С восходом солнца адмирал пошел к востоку при южном ветре с небольшой скоростью из-за противного течения. В сумерках было пройдено 24 мили. Затем ветер сменился и подул с востока, и адмирал пошел к югу, четверть к юго-востоку. К закату прошли 12 миль [этим направлением]. Здесь адмирал определил, что он находится в 42 градусах от экваториальной линии²³, к северу от нее, как это он уже отметил в бухте Моря. Однако в этом месте он говорит, что не будет до тех пор пользоваться квадрантом, пока на берегу его не исправит, так как ему кажется, что он не может находиться на таком расстоянии [от экватора]. И это справедливо — подобное невозможно, потому что острова эти лежат всего лишь в... * от экватора. Адмиралу казалось, что квадрант верен, потому что и здесь и в Кастилии прибор показывал север на одинаковой высоте. Но если это было бы действительно так, адмирал был бы на широте и поблизости Флориды... Где же тогда находились острова, которые в этот момент он видел перед собой? Он добавляет, что зной, который все испытывали в этих местах, подкреплял его сомнения в определении широты.

И совершенно ясно, что если бы он действительно находился у берегов Флориды, то в это время года было бы не жарко, а холодно. Очевидно также, что нигде, ни в какой части земли на сорок втором градусе не бывает в ноябре зноя, а если и бывает, то по причинам случайным, хотя до сих пор я [Лас Касас] о подобных случаях ничего не знал. Упомянутая о жаре, которую он чувствовал, адмирал указывает, что это верная примета золота и что в этих Индиях и в краях, где он побывал, должно быть очень много золота.

В этот день отделился [от флотилии] Мартин Алонсо Пинсон с каравелой «Пинтой», без разрешения и вопреки воле

* Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*

адмирала, и, как говорит адмирал, из алчности, так как Пинсон полагал, что один индеец, из числа помещенных на «Пинту», обещал ему дать много золота. И все это случилось неожиданно и не по причине дурной погоды, а лишь потому, что ему (Пинсону) так хотелось. И адмирал говорит здесь: «Он (Пинсон) доставил мне и много иных забот и хлопот».

Четверг, 22 ноября. В среду ночью адмирал шел на юг, четверть к юго-востоку при восточном очень слабом ветре. В третьей четверти ночи подул северо-северо-восточный ветер. Адмирал все еще следовал на юг, чтобы по пути осматривать земли, мимо которых он проходил, но от берега находился на заходе солнца так же далеко, как и вчера, вследствие противных течений.

Земля оставалась в 40 милях. Минувшей ночью Мартин Алонсо Пинсон плыл на восток, к острову Банеке, на котором, как говорили индейцы, было много золота. Этот остров показался в виду адмиральского корабля, на расстоянии 16 миль от последнего.

Адмирал шел всю ночь по направлению к земле, приказав поднять некоторые паруса и держать сигнальный фонарь все время зажженным, потому что он надеялся, что Пинсон возвратится. Ночь была очень светлая, а ветерок, если бы Пинсон пожелал вернуться, был для него попутным.

Пятница, 23 ноября. При слабых ветрах адмирал всю ночь шел на юг, к земле, но течение все время не давало ему возможности к ней приблизиться. И он был на закате так же далеко от берега, как и утром. Ветер дул с востоко-северо-востока и был благоприятным для продвижения к югу, хоть и слабым. За одним из мысов показалась другая земля, или мыс, которая так же тянулась к востоку. Индейцы, которых вез с собой адмирал, называли эту землю «Бохио» и говорили, что она очень велика и на ней живут люди с одним глазом посреди лба и другие [люди], которые называются «каннибалами» (canibales). И индейцы проявляли страх перед ними. Адмирал отмечает, что, когда они увидели, куда ведет путь, которым следуют корабли, они лишились дара речи, опасаясь, что их съедят, и утверждая, что каннибалы — люди, хорошо вооруженные.

Адмирал предполагает, что во всем этом может быть и есть доля истины. Но уж по одному тому, что каннибалы вооружены, они должны быть людьми разумными, и он думает, что когда индейцы, попавшие к каннибалам в плен, не возвращаются обратно на родину, то там, не зная об их судьбе, говорят, что пленники были съедены. Ведь индейцы, когда впервые увидели христиан и адмирала, думали и о них то же, что о каннибалах²⁹.

Суббота, 24 ноября. Адмирал плыл всю ночь и в третьем часу дня подошел к земле — низкому острову, в том самом

месте, где он останавливался на прошлой неделе, когда направлялся к острову Банеке. Сперва он не решался подойти ближе к земле, потому что ему показалось, что море в проходе между гористыми островами очень беспокоит. Но в конце концов он вошел в Море нашей владычицы, где было множество островов, и вступил в бухту, что лежала у входа в этот архипелаг. Адмирал говорит, что если бы он ознакомился с этой бухтой раньше и осмотрел бы острова Моря нашей владычицы, то не было бы для него необходимости возвращаться назад, хотя, как он указывает, возвращение и принесет пользу — все эти острова он увидит еще раз.

Приблизившись к земле, адмирал на лодке вошел в бухту и обнаружил в ней участок, где глубина моря была от 6 до 20 локтей и дно чистое и песчаное. Сюда он завел корабль, пройдя на юго-запад, а затем отклонившись к западу и оставив низкий остров с севера.

Этот остров и смежный с ним замыкали большую морскую лагуну, в которой могли бы поместиться все корабли Испании и стоять там, не забрасывая якорей, при любых ветрах. Вход в нее находится с юго-восточной стороны, и корабли надо заводить на юго-юго-запад, а выход на западе — очень глубокий и широкий. Таким образом тот, кто придет с северной стороны от моря (а для этих берегов это обычный путь), может вступить в лагуну, следуя проходом, отделяющим один от другого два упомянутых острова.

Оба острова лежат у подошвы большого и длинного хребта, который тянется к востоку-юго-востоку. Хребет же этот самый высокий и самый длинный из всех, что поднимаются на этом берегу, где гор бесчисленное множество. Между ними и островами — цепь подводных камней и мелей, подобная банке (banco), и она почти достигает прохода, ведущего в лагуну с южной стороны.

Между низким островом и этой банкой протягивается вторая, меньшая, цепь мелей. Проход между ними глубокий и широкий. В бухту с юго-востока, с ее внутренней стороны, впадает большая и красивая река, и такая полноводная, как ни одна из встречавшихся прежде. Вода в ней пресная на всем протяжении до самого моря. У входа в бухту есть мель, но во внутренней части бухта очень глубока — до 8—9 локтей. На берегах ее много пальм и лесов, как и в других местах.

Воскресенье, 25 ноября. Перед восходом солнца адмирал взял лодку и отправился к мысу или выступу берега, к юго-востоку от низкого островка, на расстоянии $1\frac{1}{2}$ лиг от него, потому что ему казалось, что близ этого мыса должна протекать какая-нибудь хорошая река. Приблизившись к мысу на расстояние двух выстрелов из арбалета, адмирал увидел на его юго-восточной стороне большой ручей с очень приятной водой. Он с большим шумом низвергался с горы. Подойдя

к ручью, адмирал заметил в нем блестящие камни с пятнышками цвета золота. И он вспомнил, что в реке Тахо, близ впадения в море, есть золото, и предположил, что оно, вероятно, должно быть и в этом ручье. Адмирал приказал отобрать несколько таких камней, чтобы доставить их королям.

Он находился у ручья, когда корабельные мальчики закричали, что видят сосны. Взглянув на горы, адмирал увидел такие огромные и такие чудесные сосны, что не мог нахвалиться их высотой и мощностью. Были они стройные и прямые, как веретено, и он решил, что эти сосны могут пригодиться для постройки кораблей и что из них выйдут мачты и палубные доски для самых больших кораблей Испании.

Адмирал видел здесь дубы и падубы и нашел реку, на которой можно было без труда установить пилу, работающую от водяного колеса. Эта земля и климат ее были самыми здоровыми из всех, которые встречались раньше, благодаря высоте и прелести ее гор. На морском берегу адмирал видел много камней цвета железа и иных, о которых спутники его говорили, что были они из серебряных копей. Все эти камни выносил на берег ручей.

Здесь же адмирал взял лес для реи и бизань-мачты каравелы «Нинья». Вступив в устье реки, он очутился в бухте, расположенной под самым мысом; у его юго-восточной стороны она была так велика и глубока, что в ней могли бы свободно укрыться сто кораблей, не становясь при этом на якорь. Над бухтой — прекраснее ее ничего еще не видели человеческие глаза — вздымались высочайшие горные цепи, и по склонам их струились чудесные ручьи. Густой лес покрывал горы и, кроме сосен, были там деревья разнообразнейших пород.

Две или три другие реки адмирал оставил позади. Все это адмирал восхваляет перед королями в величественной манере, проявляя радость при мысли, что ему привелось подобное увидеть. И особенно сосны вызывают у него неизъяснимый восторг и упоение, потому что здесь можно соорудить столько кораблей, сколько короли пожелают, стоит только завезти сюда инструменты, — леса же и смолы тут вдоволь. И он утверждает, будто не восхвалил и в сотой доле того, что здесь есть, и молит господá нашего о даровании ему новых и еще больших успехов, хотя все идет как нельзя лучше. И открыты уже земли, леса, травы, плоды и цветы, и встретились люди, а подобные открытия случаются каждый раз и в каждом новом месте на разный лад.

И то же можно сказать о гаванях и реках. И в заключение адмирал говорит, что если у него, человека, который все это видел своими глазами, так велико удивление, то еще большим будет оно у всякого, кто об этом услышит, и что никто не сможет поверить подобному, пока сам не увидит всего.

Понедельник, 26 ноября. На восходе солнца подняли якорь и вышли из расположенной за низким островом бухты Св. Катерины. Следовали при малом ветре вдоль берега к юго-западу, по направлению к мысу Клюва (Cabo del Pico), что находился на юго-востоке.

К мысу адмирал подошел лишь вечером, потому что плыть пришлось при затишье. Прибыв к мысу Клюва, адмирал увидел на юго-востоке, четверть к востоку, другой мыс, до которого оставалось 60 миль, а за ним, милях в двадцати, еще один мыс, расположенный почти в том же направлении (юго-восток, четверть к югу), как ему казалось, милях в двадцати. Этому последнему адмирал дал имя «Колокольный мыс» (Cabo de Campana).

Адмирал, однако, не смог в течение дня дойти до этого мыса, так как ветер совершенно стих.

За день было пройдено 32 мили, или 8 лиг. По пути адмирал отметил девять новых и очень значительных бухт, причем все моряки признали их великолепными, и пять больших рек. Шел он вблизи берега, чтобы лучше все рассмотреть.

Эта земля состояла из одних только гор огромной высоты и очень красивых, и не была она ни пустынной, ни скалистой, потому что много было среди гор прелестнейших долин, да и сами горы были доступны и проходимы. И в долинах, и на горных скалах во множестве росли высокие и могучие деревья, своей красотой радующие взор. И, как кажется, среди них было много сосен. За мысом Клюва, к юго-востоку от него, расположены были два островка, протяженностью по две лиги каждый, а за этими островками скрывались три прекрасные бухты и две большие реки. Нигде на берегу не видно было человеческого жилья. Но, должно быть, люди обитали в этих местах и признаки их пребывания имелись, ибо везде, где бы ни выходили [моряки] на берег, они видели следы людей и погасшие костры. Адмирал полагал, что земля, которая сегодня показалась к юго-востоку от Колокольного мыса, была островом, что у индейцев зовется Бохио. Так думал он, потому что Колокольный мыс был отделен морем от виднеющейся вдаль земли.

Все индейцы, которых доньше встречал на своем пути адмирал, говорили ему, что они испытывают величайший страх перед каннибалами, или канибами. Люди эти, по словам индейцев, живут на острове Бохио, очень большом, как им кажется, и, нападая на индейцев, увозят их в плен и разоряют их дома и земли; индейцы же народ робкий и не знающий оружия.

Адмирал считает, что именно по этой причине индейцы на Гуанаканьи не селятся на побережье, чтобы не оказаться по соседству с землей каннибалов. Индейцы, которых он вез с собой, видя, что адмирал направляется к этой земле, поте-

ряли дар речи, опасаясь, что их съедят, и этот страх никак нельзя было рассеять. Они говорят, что у каннибалов собачьи морды и что люди эти одноглазы.

Адмирал полагает, что индейцы лгут, и подозревает, что, должно быть, каннибалы, уводящие в плен индейцев, люди из владений великого хана.

Вторник, 27 ноября. Вчера, на закате, адмирал подошел к мысу, который он назвал «Колокольным», и, хотя небо было ясное и ветер слабый и под ветром лежали пять или шесть превосходных гаваней, он не пожелал приблизиться к берегу и стать на якорь. И так поступил он потому, что хотел задержаться в открытом море и продлить наслаждение и восторг, которые он получал и испытывал, когда созерцал красоты и прелести этих земель,— а случалось это везде, куда бы ни попадал он,— и чтобы не замедлить [высадкой] выполнение всего, что он намерен был совершить.

Поэтому всю ночь, до рассвета, корабли лежали в дрейфе. За ночь течения отнесли корабли более чем на 5 или 6 лиг к юго-востоку от того места, где они находились, когда стемнело. Между тем адмирал [вчера] видел у Колокольного мыса большую бухту с островком посредине, которая, казалось, надвое разрывала линию берега. По этой причине он решил возвратиться обратно, воспользовавшись юго-западным ветром. Он направился к тому месту, где накануне приметил бухту, и установил, что бухта эта была не чем иным, как большим заливом, а у одной из оконечностей этого залива и расположен была в юго-восточной части его мыс, на котором имелась высокая, квадратная гора, казавшаяся островом. Ветер отклонился к северу, и адмирал направился на юго-восток, чтобы проследовать вдоль берега и осмотреть все, что там имелось.

У самого Колокольного мыса он увидел чудесную бухту и большую реку, и в четверти лиги от нее — вторую реку, и в полулиге от этой реки — третью, и на расстоянии лиги от третьей — четвертую, и в лиге от четвертой — пятую, и в четверти лиги от пятой — шестую и, наконец, на расстоянии одной лиги от этой последней, открыл он большую реку, от которой до Колокольного мыса было 20 миль, и от нее мыс оставался к юго-востоку.

Устья у большинства этих рек были широкие и свободные от мелей, с гаванями, великолепно приспособленными для входа самых больших кораблей и лишенными песчаных банок и подводных камней.

Приблизившись и следуя вдоль морского побережья к южному берегу самой последней из только что открытых рек, адмирал обнаружил там большое селение, самое крупное из всех, которые доводилось ему встречать до сих пор, и увидел, как бесчисленные толпы людей вышли на берег, испуская крики, и все были голые и держали в руках дротики.

Адмирал пожелал переговорить с ними и, отдав приказ спустить паруса и бросить якорь, отправил к берегу людей с корабля и с каравелы, внушив им, как это всегда обычно делалось, чтобы индейцам никто не причинял зла и чтобы от них ничего не смели принимать в дар. За приобретаемые же у индейцев вещи он велел давать в обмен различные безделушки.

Индейцы жестами дали понять, что они никому не позволят высадиться на берег и будут оказывать сопротивление. Но они отступили подалее, когда увидели, что лодки приближаются к берегу и те, кто были в них, не испытывают никакой робости. Люди в лодках полагали, что индейцы не испугаются, если на берег высадятся лишь два-три человека. Поэтому из лодок вышли только трое христиан. Они обратились к толпе на языке этих земель (испанцы уже знали его немного из бесед с своими пленниками), убеждая индейцев не страшиться [пришельцев]. Но те обратились в бегство, и ни стар, ни млад не остались на месте. Христиане зашли в их дома, которые делаются из соломы и сооружены так же, как и все прочие, что им встречались ранее, и не нашли там ни людей, ни утвари. Когда все возвратились, адмирал в полдень приказал поднять паруса и направился к одному красивому мысу, который расположен был в 8 лигах к востоку от места стоянки.

Пройдя по заливу с пол-лиги, адмирал заметил на юге превосходную бухту, а на юго-востоке — на диво прелестные земли и долину в горах. Казалось, что над этой долиной поднималось множество дымков и что там были большие селения и возделанные земли. Поэтому адмирал решил высадиться в этой бухте и попытаться завязать переговоры или сношения с жителями этих мест. Что же касается бухты, то адмирал говорит, что если восхвалял он ранее другие гавани и бухты, то эту со всеми ее землями, населением и климатом готов восхвалять еще больше.

Он рассказывает чудеса о прелести этой земли и о ее деревьях, среди которых есть пальмы и сосны, и о большой холмистой равнине, уходящей к юго-западу, прекраснейшей из всех равнин на земле. В лоне ее текут реки и ручьи, сбегаящие с окрестных гор.

После того как корабли стали на якорь, адмирал отправился на лодке измерить глубину бухты, которая подобна была чаше: у входа в бухту, на ее южном берегу, адмирал увидел горловину — устье реки — такую широкую, что в нее могла бы войти галера, причем эта горловина открывалась взору только на самом близком расстоянии. У самого входа ширина ее была такой же, как длина лодки — 5 локтей, а глубина — 8 локтей.

Продвигаясь вверх по течению, адмирал наслаждался видом лесов, зелени, светлых вод, птиц и приятным ощущением

прохлады и свежести. И он испытывал такое восхищение, что, говорит, будто ему не хотелось покидать эти места.

Он говорил своим спутникам, что нехватит и тысячи языков, чтобы дать отчет королям о всем, что они здесь видели, ни рук, чтобы подобное описать, и что, кажется ему, будто бродит он здесь словно очарованный.

Он пожелал, чтобы все это повидали многие другие люди, разумные и заслуживающие доверия, потому что, вне всякого сомнения, они не меньше его будут восхвалять эту землю.

И далее адмирал говорит: «Я не говорю о том, какую прибыль можно будет извлечь отсюда. Безусловно, государи-повелители, здесь есть земли, которые дадут бесчисленные статьи дохода. Но я не задерживаюсь ни в одной гавани, желая повидать возможно больше земель, чтобы дать о них отчет вашим высочествам. Я также не знаю [местного] языка, и меня не понимают люди этих земель, а я и мои спутники не можем понять их. И много раз, беседуя с индейцами, которых я везу с собой, я понимал совершенно превратно их слова, да к тому же я не слишком доверяю им, так как неоднократно они делали попытки сбежать от нас.

Ныне же, уповая на господя нашего, я постараюсь повидать все, что только возможно, и мало-помалу пойду дальше, разузнавая и прислушиваясь, и заставлю всех моих приближенных изучать этот язык, так как вижу, что он является единым для всех земель, до сих пор открытых.

А затем подытожатся доходы и приложатся труды, необходимые для обращения этих народов в христианскую веру, а свершится это легко, потому что никаких верований индейцы не имеют и, кроме того, они не идолопоклонники. А придет срок; и ваши высочества велят построить в этой стороне город и крепость, и обратятся в христианство все эти земли. И заверяю вас, что нет и, как мне кажется, не может быть под солнцем земель, более плодородных и более обильных водами чистыми и здоровыми, совсем не такими, как гвинейские реки, которые несут мор и недуги, и что нигде во всем мире не чередуются так благоприятно теплые и холодные времена года, ибо, хвала господу, до сих пор ни у одного из моих людей даже не болела голова, и никто из них еще не лежал по болезни в постели, если не считать одного старика, всю жизнь страдающего от камней, да и тот излечился здесь от этого недуга в течение двух дней.

И это я говорю о людях всех трех кораблей. Я молю бога, чтобы ваши высочества направили сюда ученых людей, и пусть убедятся они, что все, что я пишу, — правда.

Выше я уже говорил о месте для города и крепости на Морской реке, выгодном потому, что оно находится в удобной бухте и в хорошей округе. И, безусловно, все это правда, но место это не может сравниться ни с той бухтой, где я на-

хожусь сейчас, ни с Морем Владычицы. Потому что здесь в глубине страны должны быть большие поселения и бесчисленное множество людей и всяческие доходные статьи (cosas de gran provecho).

Потому-то и с этими землями, и со всеми землями, уже открытыми, и теми, что я надеюсь открыть до возвращения в Кастилию, завяжет сношения весь христианский мир и особенно Испания, так как ей будет все подвластно.

И я говорю, что ваши высочества не должны допускать, чтобы вели здесь торговлю чужестранцы; и пусть ноги их не будет на этой земле; пусть разрешен будет доступ сюда только католикам-христианам; ибо целью и основой моего замысла было ради славы христианской религии и ради успешного ее распространения не допускать в эти страны никого, кто не слыл бы добрым христианином». Все это слова адмирала.

Поднявшись вверх по течению, адмирал открыл несколько рукавов этой реки, а затем, следуя вдоль берегов бухты, видел в устье одной реки прелестную рощу, похожую на дивный сад. Тут же он нашел выдолбленный из целого древесного ствола индейский челнок, или каное, величиной с фусту о двенадцати скамьях. На этом челноке был устроен навес из пальмовых листьев, так что ни солнце, ни дождь не могли причинить сидящим в нем никакого вреда.

Адмирал говорит, что именно здесь самый удобный пункт для постройки города и крепости, охраняющей гавань. Здесь много леса, хорошая вода, плодородная земля и отличная местность.

Среда, 28 ноября. Адмирал пробыл весь день в бухте. Небо было покрыто тучами, и все время шел дождь. Дул юго-западный ветер, и, хотя при этом ветре можно было плыть вдоль берега дальше, адмирал остался на месте — опасно было, не видя и не зная берега, выходить в море.

Люди с кораблей отправились на берег стирать одежду. Некоторые из них отошли от побережья на незначительное расстояние вглубь страны и встретили там большие селения. Но дома были пусты, так как все индейцы обратились [при виде матросов] в бегство. Моряки вернулись к берегу, следуя течению одной реки, большей чем та, что впадала в бухту.

Четверг, 29 ноября. Весь день шел дождь, и небо оставалось облачным. Поэтому корабли не вышли в море. Несколько христиан посетило другое селение, близ северо-западной оконечности бухты. В домах они не нашли никого и ничего. По дороге они встретили одного старика, который не смог убежать от них. Схватив старика, они сказали ему, что не желают ему причинить зла, а затем вручили ему безделушки, предназначенные для меня, и отпустили с миром.

Адмирал желал увидеть старика-индейца, одеть его и спросить обо всем, потому что был он обольщен прелестью этой земли и ее расположением, удобным для заселения, и полагал, что здесь должны быть большие поселения.

Моряки нашли в одном доме кусок воска, который адмирал взял на сохранение, чтобы вручить впоследствии королям. И он говорит, что там, где есть воск, всегда имеются тысячи других превосходных вещей. Они нашли также человеческую голову, уложенную в корзинку и прикрытую другой корзинкой. Корзинки висели на одном из столбов [поддерживающих крышу]. Такую же голову они нашли в другом селении. Адмирал предположил, что это были головы родовых старейшин (*principales del linage*), потому что в каждом из этих домов помещалось много людей, которые, должно быть, являлись родичами, происходящими от одного предка³⁰.

Пятница, 30 ноября. Из-за восточного противного ветра адмирал не мог выйти в море. Он отправил на берег восемь хорошо вооруженных человек и с ними двух индейцев из числа тех, которых он с собой вез, чтобы они осмотрели селения в глубине страны и вступили с их жителями в переговоры. Посетив много домов, они не нашли в них никого, так как все индейцы сбежали.

Они увидели четырех молодых людей, которые что-то копали на своем поле. Но как только индейцы заметили христиан, они сразу же обратились в бегство, и догнать их было невозможно.

Путники много прошли, видели немало селений и плодороднейшие, сплошь возделанные земли и большие реки. На берегу одной из них стоял очень красивый деревянный челнок, или каное, длиной в 95 футов. Он мог вместить сто пятьдесят человек.

Суббота, 1 декабря. По той же причине, что и вчера, т. е. из-за сильного дождя, адмирал не вышел в море. Он водрузил на скалах у входа в бухту большой крест, а бухту назвал «Святой гаванью» (*Puerto Sancto*). Эти скалы расположены на юго-восточной стороне прохода, ведущего в бухту. Тот, кто пожелает войти в нее, должен держаться мыса, вдающегося в проход на ее северо-западной стороне, а не скал на ее противоположном берегу, потому что, хотя под этими скалами глубина моря 12 локтей и дно чистое, но чуть дальше к середине прохода есть непокрытая водой мель. Можно, впрочем, в случае необходимости пройти между скалами и этой мелью, так как и у мели и у скал везде глубина от 12 до 14 локтей. А при вступлении в проход нужно идти на юго-запад.

Воскресенье, 2 декабря. Все еще дул противный ветер, и адмирал не мог выйти из бухты.

Адмирал говорит, что ночью ветер здесь дует с берега и что корабли, которые вступят в бухту, могут не опасаться лю-

бых бурь, потому что мель у входа в нее защищает внутренние воды от волнения.

В устье реки, впадающей в бухту, корабельный мальчик нашел камни, которые, как кажется, содержат золото. Адмирал решил отвезти их королям. Он говорит также, что на расстоянии выстрела из ломбарды [от этой местности] имеются большие реки.

Понедельник, 3 декабря. Так как все время стояла неблагоприятная для плавания погода, адмирал не вышел в море и решил отправиться на осмотр одного очень красивого мыса, расположенного к юго-востоку от бухты на расстоянии в четверть лиги от нее.

Он вышел на лодках с отрядом вооруженных людей. У самого мыса, при впадении в море большой реки, имелась горловина, в которую можно было войти, взяв на юго-восток. Ширина ее была сто шагов, а глубина при самом входе или далее в устье — один локоть. Однако дальше вверх по течению глубина возрастала и доходила до четырех, пяти и даже двенадцати локтей. И здесь свободно могли бы поместиться все корабли, какие только есть в Испании. Оставив позади один из рукавов этой реки, адмирал направился на юго-восток и в одной бухточке увидел пять очень больших челноков, которые называются у индейцев каное. Были они похожи на фусты и так красивы и столь ладно сооружены, что любо было поглядеть на них.

У подножья гор вся земля была возделана, выше шли густые леса. Следуя дальше по дороге в горы, адмирал и его спутники наткнулись на хорошо покрытый и прочный навес, которому ни солнце, ни дождь не могли причинить вреда. Под ним нашли деревянное каное, подобное фусте о 17 скамьях. Они поднялись еще выше и вступили на плоскую поляну, всю сплошь занятую разными культурами и в том числе отличными тыквами. Посреди поляны было большое селение. Адмирал нагрюнул сюда неожиданно, и как только жители заметили его, тотчас же все они — мужчины и женщины — обратились в бегство. Индеец, которого адмирал взял с собой [с корабля], успокоил их и сказал, что пришельцы — хорошие люди.

Адмирал дал индейцам погремушки, бронзовые кольца и четки из зеленых и желтых стекляшек, и всем этим они были очень довольны. Адмирал убедился, что ни золота, ни других драгоценностей индейцы не имеют, и лучше поэтому оставить их в покое, и что округа была населена, хотя все остальные индейцы бежали от страха.

Он заверяет королей, что десять человек могут обратить в бегство десять тысяч индейцев — ведь они такие робкие и боязливые, что не носят даже оружия, кроме разве палиц, к концам которых прикреплены обожженные и заостренные

колышки. Эти палицы все они охотно меняли на безделушки. Адмирал решил вернуться обратно и тронулся в путь. По дороге, дойдя до того места, где были оставлены лодки, адмирал послал несколько человек в горы, где он только что побывал, потому что ему показалось, что там должна быть большая пасека. Прежде чем эти люди вернулись к месту, где остановился адмирал, сбежалось много индейцев. Один из них вошел в реку у самой кормы одной из лодок и произнес большую речь, которую адмирал не понял; другие же индейцы время от времени подымали руки к небу и выпускали громкие возгласы.

Адмиралу показалось, что индейцы заверяют его в своих мирных намерениях и радуются его приходу. Но тут он заметил, что один из его индейцев изменился в лице и стал желтым, как воск; дрожа всем телом, он знаками стал объяснять адмиралу, что необходимо немедленно бежать с берегов этой реки, так как индейцы хотят умертвить всех пришельцев.

Этот индеец подошел к одному христианину, вооруженному арбалетом, и показал его местным жителям. Адмирал понял, что индеец говорит им о действии арбалета, убивающего людей на далеком расстоянии. Индеец схватил также шпагу, обнажил ее и, показывая всем, сказал, что таким оружием легко перебить [нападающих].

Выслушав все это, местные индейцы бросились в бегство, а индеец адмирала все еще продолжал дрожать всем телом из-за малодушия и трусости; а он был человеком высокого роста и большой силы.

Адмирал не желал выходить на берег и приказал грести вверх по течению до места, где снова скопились индейцы. Было их там очень много, все раскрашенные в разные цвета и нагие, в чем мать родила. У некоторых на голове были султаны из перьев, и решительно все имели связки дровиков.

«Я приблизился к ним и дал им кусочки хлеба и попросил их дать мне дровтики. За дровтики я отдавал одним погремушки, другим бронзовые колечки или стеклянные четки. Они успокоились и подошли всем скопом к лодкам и давали нам за любую вещь все, что у них было.

Моряки незадолго до того убили черепаху, и ее разбитый панцырь лежал в одной из лодок. И корабельные мальчики меняли на связку дровиков обломки панцыря величиной с ноготь.

Они [индейцы] подобны прочим людям, которых я встречал на этих землях раньше. Они так же верят, что мы явились с неба и так же легко отдают все свое достояние за любую вещь, какую бы им ни предложили, не жалуясь на то, что дается в обмен мало. И я думаю, что таким же образом они будут отдавать нам золото и пряности, если только то и другое у них имеется.

Я видел красивый и не очень большой дом с двумя входами (так устроены и все прочие дома) и вошел в него. Внутри он был разделен удивительнейшим образом на нечто вроде горниц, устроенных настолько своеобразно, что я и объяснить не могу. К потолку были подвешены раковины и другие вещи. Мне показалось, что здание это — храм, и, кликнув индейцев, я спросил их, изъясняясь знаками, не молятся ли они здесь. Они ответили отрицательно. А один из них поднялся к потолку и охотно давал мне любое из того, что там было подвешено, и я взял кое-что из этих вещей».

Вторник, 4 декабря. Адмирал дал приказ распустить паруса и вышел из гавани, которая была названа им «Святой». В двух лигах [от гавани] он приметил ту самую реку, о которой он уже упоминал в записях от 3 декабря.

Он следовал вдоль берега до Прелестного мыса (Cabo Lindo), расположенного на восток, четверть к юго-востоку от Гористого мыса (Cabo del Monte). Расстояние между этими мысами 5 лиг. В $1\frac{1}{2}$ лигах от Гористого мыса есть большая река, вход в нее со стороны моря довольно узкий, хотя, как кажется, удобный и очень глубокий. В $\frac{3}{4}$ лиги от этой реки имеется другая, огромнейшая река, текущая, должно быть, издалека. Ширина реки в устье 100 шагов, глубина 8 локтей, мелей там нет и, как удалось установить после промеров дна, подходы к этому устью очень хороши.

Пресная вода в этой реке доходит до самого моря. Река эта одна из самых полноводных в здешних местах, и на берегах ее должны быть значительные поселения.

За Прелестным мысом есть большой залив, открытый к юго-востоку и востоко-северо-востоку*.

[ОТКРЫТИЕ ЭСПАҢЬОЛЫ]

Среда, 5 декабря. Всю ночь корабли лежали в дрейфе перед Прелестным мысом, так как в сумерках на востоке показалась земля. На восходе солнца адмирал увидел в $2\frac{1}{2}$ лигах к востоку от Прелестного мыса еще один мыс. Пройдя этот мыс, адмирал заметил, что берег, отклонившись на юг, принял направление на юго-запад и в этом направлении виден был красивый и высокий мыс, до которого было 7 лиг. Сперва адмирал собирался направиться к мысу, что открылся на юге, но затем оставил это намерение, желая в первую очередь осмотреть остров Банеке, расположенный, по словам индейцев, где-то к северо-востоку.

Однако противный ветер не позволил ему избрать путь на северо-восток; следуя прежним направлением, он, взглядев-

* Этот залив и был проходом, отделяющим Кубу от Эспаньолы (Бахио).— *Прим. перев.*

шись в юго-восточную сторону, увидел землю — большой остров, о котором он уже имел сведения от индейцев, называвших этот населенный остров «Бохио». Адмирал слышал от жителей Кубы, или Хуаны, и от индейцев других островов, что обитатели острова Бохио едят человеческое мясо³¹; но этому он не верил, полагая, что попросту жители Бохио более хитроумны, чем соседние индейцы, и наделены большей предприимчивостью в военных делах, благодаря чему и захватывают последних в плен. Кроме того, индейцы других островов весьма малодушны*.

Так как ветер дул с северо-востока, а затем с севера, адмирал решил покинуть Кубу, или Хуану, которую до сих пор считал из-за ее величины материком. И в самом деле, только лишь вдоль одного из берегов этой земли уже было пройдено 120 лиг.

Приняв это решение, адмирал пошел на юго-восток, четверть к востоку, так как земля показалась на юго-востоке, а ветер дул то с севера, то с северо-востока, порой отклоняясь к востоку и юго-востоку.

Ветер был попутным и надувал все паруса, ходу кораблей благоприятствовало также течение; поэтому с утра до часа дня, на протяжении шести часов (день начинался поздно, а ночи длились по 14 часов) шли со скоростью восемь миль в час, а затем стали делать по девяти миль и к закату проплыли 88 миль, или 22 лиги, по направлению на юго-восток.

Так как надвигалась ночь, адмирал приказал более быстроходной «Нинья» пройти вперед и пока еще было светло осмотреть на берегу ближайшую бухту. Сам же адмирал на своем корабле подошел к входу в бухту, которая по величине была такова, как залив в Кадисе, и послал на лодке людей, чтобы они промерили дно. Поскольку ночь уже наступила, он велел зажечь на лодке фонарь и этим фонарем подавать на корабль сигналы. Он шел к тому месту, где дрейфовала «Нинья», все время ожидая, что с лодки будут даны ему сигналы, которые позволят войти в бухту, но на лодке внезапно погас фонарь, и «Нинья» двинулась дальше вдоль берега, поскольку там не видели света. С «Ниньи» подали сигнал адмиралу. Адмирал взял курс на сигнальный огонь «Ниньи» и догнал ее. В этот момент на лодке зажгли снова фонарь, и «Нинья» пошла к входу в бухту, тогда как адмирал не мог за ней последовать, и всю ночь корабль его пролежал в дрейфе.

Четверг, 6 декабря. На рассвете адмирал находился в четырех лигах от бухты, которую он назвал «Бухтой Марии». В направлении на юг, четверть к юго-западу, виден был краси-

* Еще одно свидетельство, убеждающее нас, насколько вздорны были вымыслы о зверских наклонностях караибов.— *Прим. перев.*

вый мыс, который он назвал «мысом Звезды» (Cabo de Estrella). Адмирал предположил, что мыс этот был крайней южной оконечностью острова. До мыса Звезды оставалось 28 миль. На востоке, милях в 40, показалась другая земля — видимо, небольшой остров. В 54 милях на восток, четверть к юго-востоку, виднелся очень красивый мыс, названный адмиралом «Слоновым» (Cabo de Elefante). Еще один мыс, которому было присвоено наименование мыса Синкин, лежал на востоко-юго-востоке в 28 милях от кораблей.

На юго-востоке берег прерывался; возможно, то была река, и казалось, что в милях 20 от этого места, между мысами Слоновым и Синкин, открывался широчайший проход. Некоторые моряки различали на его противоположной стороне нечто вроде острова, который адмирал назвал «Тортуга» (Черепаша).

Большой остров казался очень высоким, но на нем не было гор, уходящих в облака. Скорее это была высокая равнина, либо вся, либо в своей большей части возделанная, и эти поля (возможно, росла на них пшеница) подобны были майским нивам Кордовы. Ночью видны были на берегу огни, а днем то тут, то там подымались, словно над дозорными башнями, бесчисленные дымки. Быть может, это были военные сигналы. Берег в этой части острова шел к востоку.

В час вечерни адмирал вошел в уже упомянутую бухту и назвал ее бухтой Св. Николая, так как 6 декабря был днем этого святого.

При входе в бухту он был очарован ее красотой и прелестью. И хотя восхвалял он бухты и гавани Кубы, но эта бухта была, по его мнению, ничуть не хуже кубинских, и даже превосходила их. Ни одна из ранее открытых гаваней не была подобна этой. У входа ширина ее была 1½ лиги, и лучше входить в нее, взяв на юго-восток, хотя при столь значительной ширине прохода корабли могли вступать в него, следуя любым направлением.

Пройдя на юго-юго-восток две лиги, адмирал дошел до выступа на южном берегу бухты и оттуда плыл тем же направлением до мыса с очень красивыми берегами. Здесь была роща, в которой росли разнообразнейшие деревья, обремененные плодами, и, как полагал адмирал, среди этих плодов были различные виды пряностей и мускатные орехи. Но плоды эти еще не созрели, и поэтому определить их адмирал не мог. В средней части берега протекала река.

Глубина бухты просто удивительная. До самого берега на протяжении... * везде свинчатка ** достигала дна лишь на

* Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*

** Свинчатка — plomada — веревка с грузом на конце — род лота.— *Прим. перев.*

глубине 40 локтей, и дно было чистое. У берега же глубина 15 локтей; в любом месте бухты глубина велика, и дно чистое, и у берегов не видно ни одной мели.

Измерив глубину бухты на всем ее протяжении в юго-восточном направлении, на участке, где могли бы свободно разместиться, лежа в дрейфе (*temporojeando*), тысяча каррак, адмирал приступил к подобным же измерениям в северо-восточном направлении, следуя на протяжении более чем полумили одним из рукавов бухты. Этот рукав повсюду был одинаковой ширины, словно проложили его по шнуру. Находясь в водах рукава, ширина которого была 25 шагов, нельзя было видеть вход в бухту, и поэтому казалось, что она замкнута. Глубина рукава повсюду была 11 локтей, дно песчаное и чистое. Даже в том месте, где лодка касалась бортом растущих на берегу трав, дно было на глубине 8 локтей.

Бухта эта очень оживленная и радостная, хотя берега ее безлесны.

Остров показался адмиралу более скалистым, чем ранее открытые земли. Деревья здесь были не такие крупные, и многие из них были испанских пород, как, например, каменные дубы, падубы и некоторые иные. То же самое можно было сказать и о травах. Остров горист, но на нем много равнинных мест, климат здесь прекрасный, но более холодный, чем на других островах. Хотя, строго говоря, то, что испытывают тут люди, холодом нельзя и назвать. Адмирал говорит о холоде, лишь сравнивая этот остров с другими землями.

Как раз против бухты лежит прекрасная долина, и в ней протекает река, впадающая в бухту. Адмирал предполагал, что в этой округе должны быть большие поселения, судя по тому, что уже видны были на море челноки и притом очень большие — подобные фусте о 15 скамьях. Индейцы при виде кораблей сразу же обращались в бегство.

Индейцы, которых адмирал вез с собой, очень стремились на родину, и адмирал говорит, что все время они думали, будто их в конце концов доставят домой. Теперь же они стали подозревать недоброе, потому что путь кораблей не лежал к их дому. И поэтому адмирал не верил их словам; впрочем, он и не понимал их, точно так же, как и они не понимали его. Адмирал говорит, что больше всего на свете они боялись людей, живущих на этом острове.

Для того чтобы вступить с местными жителями в переговоры, необходимо было на несколько дней задержаться в бухте Св. Николая. Но адмирал решил идти дальше, отчасти, чтобы осмотреть побольше земель, но также и потому, что сомневался в устойчивости благоприятной для плавания погоды.

Адмирал, уповая на господу нашего, надеялся, что индейцы, которые были на кораблях, изучат кастильский язык, а он их

собственный, так что со временем, по возвращении сюда, он сможет беседовать с здешними людьми. И обращаясь к богу, он просит ниспослать ему добрую толику золота, прежде чем он тронется в обратный путь.

Пятница, 7 декабря. В исходе предрассветной вахты адмирал приказал поставить паруса и вышел из бухты Св. Николая. Адмирал плыл при юго-западном ветре к северо-востоку и, пройдя две лиги, дошел до мыса, который образует нечто вроде заводи, оставив к юго-востоку один выступ берега, тогда как мыс Звезды был в 24 милях к юго-западу. Оттуда он направился к востоку и, пройдя 48 миль, достиг мыса Синкин. Истинная правда, что 20 [миль] он прошел к востоку, четверть к северо-востоку и что везде берег был высок и дно на значительной глубине: у самого берега до 20—30 локтей, а в открытом море глубина была равна выстрелу из ломбарды.

Все это адмирал, к своему великому удовольствию, установил, плывя вдоль берега при юго-западном ветре. Он говорит, что вышеупомянутый мыс удален от бухты Св. Николая всего лишь на расстояние выстрела из ломбарды и если в этом месте прорыть канал, то образуется остров в 3 или 4 мили в окружности.

Вся эта страна была очень гористая. Деревья были здесь не слишком высокие, такой же высоты, что и кастильские каменные дубы и падубы (*madronos*). В двух лигах от мыса Синкин адмирал заметил в разрыве линии гористого берега огромнейшую и сплошь возделанную долину, повидимому засеянную ячменем. Адмирал предположил, что в этой долине должны были располагаться значительные поселения.

За ней тянулась цепь очень высоких гор. Дойдя до мыса Синкин, он оказался в 32 милях от острова Тортуга, берега которого виднелись на северо-востоке. На расстоянии выстрела из ломбарды от мыса выдавался в открытое море высокий и хорошо заметный утес. На восток, четверть к юго-востоку от мыса Синкин, расположен был Слоновый мыс, до которого оставалось лишь миль 70, и берег между этими мысами казался очень высоким.

Следуя дальше, адмирал в шести лигах от мыса Синкин обогнул большой выступ берега. За этим выступом его взору открылись широкие долины и поля среди высочайших гор, и эта местность была во всем сходна с Кастилией.

В 8 милях далее он открыл очень глубокую реку, довольно узкую в устье, хотя туда могла бы войти одна каррака. При входе в устье не было ни мелей, ни подводных камней.

В 16 милях отсюда адмирал подошел к глубокой и широкой бухте. Ни у входа в нее, ни у берегов нельзя было достать дна, а в трех шагах от берега, на протяжении четверти лиги, глубина доходила до 15 локтей. Час был еще ранний — недавно

лишь миновал полдень — а небо было затянуто тучами и предвещало сильный дождь; непогода же опасна даже в хорошо знакомых местах, не говоря уже о незнакомых местах и водоемах. Поэтому, хотя ветер и был попутным, адмирал решил войти в бухту, которую он назвал гаванью Зачатия (Puerto de la Concepción), и бросил якорь в устье небольшой реки, впадающей в море у оконечности бухты. Эта река протекала через долины и поля, изумительные по красоте. Адмирал распорядился закинуть в море сети, а затем на лодке отправился к берегу. Когда он шел водами бухты, в лодку впрыгнула рыба — бычок (liza) (?). Между тем до сих пор в этих морях кастильские рыбы еще не встречались. Сегодня же моряки выловили много рыб кастильской породы. Адмирал совершил небольшую прогулку вглубь страны. Везде были возделанные земли, а из рощ доносилось пение соловьев и других птиц, подобных кастильским. Он заметил вдали группу в пять индейцев, но они не стали дожидаться его и сразу же обратились в бегство.

Адмирал видел здесь мирты и другие деревья и травы, подобные кастильским; и вся эта земля с ее горами и долинами была похожа на Кастилию.

Суббота, 8 декабря. Шел проливной дождь при сильном северном ветре. Эта бухта надежно защищена от всех ветров, кроме северного, но и этот ветер не может причинить вреда, потому что хотя волнение при северном ветре и значительно, но не настолько, чтобы сорвать с якоря корабль или сильно взмутить воды реки, впадающей в бухту.

После полуночи ветер отклонился к северо-востоку, а затем к востоку. От этих ветров бухта защищена островом Тортуга, который отстоит от нее на 36 миль.

Воскресенье, 9 декабря. Весь день шел дождь, погода была зимняя, как в Кастилии в октябре месяце. До сих пор еще не пришлось видеть людских поселений, если не считать дома в бухте Св. Николая, очень красивого и построенного лучше других жилищ, встречавшихся раньше.

Этот остров очень велик, и адмирал говорит, что вероятно, в окружности он имеет не менее 200 лиг. Адмирал заметил, что весь остров занят возделанными землями, и предположил, что селения здесь должны быть расположены далеко от моря. Оттуда с гор удобно наблюдать за морем, и когда местные жители видят, что кто-то приближается к берегу, они убегают, захватывая с собой все достояние, и подают сигналы, как это принято у военных людей, дымом.

Ширина бухты у входа тысяча шагов, или четверть лиги. В ней нет ни банок, ни мелей, глубина везде, даже у берега, значительна. Корабли могут проникнуть вглубь бухты на 3 000 шагов и без опасения становиться на якорь в любом

месте, так как на всем этом протяжении глубина достаточная, а дно чистое и песчаное.

В бухту впадают две мелководные реки. Вдоль внутреннего берега тянутся прекраснейшие в свете долины, весьма похожие на земли Кастилии, но во многом превосходящие последние. По этой причине адмирал назвал этот остров «Эспаньолой»*.

Понедельник, 10 декабря. Дул сильный северо-восточный ветер, едва не срывая с якорей корабли. Это крайне удивило адмирала, и он предположил, что так произошло потому, что корабли стали на якорь чересчур близко к берегу, от которого дул ветер.

Ветер был противным для плавания в избранном направлении, и поэтому адмирал остался в бухте и послал шесть вооруженных человек на берег. Он приказал им проникнуть на две-три лиги вглубь страны, чтобы разузнать, можно ли завязать какие-нибудь сношения с местными жителями. Они вернулись, не встретив ни людей, ни селений. По пути видели они хижины, широкие дороги и следы больших костров. Земли же, по которым они шли, показались им лучшими в свете. Они нашли много мастичных деревьев и принесли благовонную смолу, сообщив при этом, что смолы имеется немало, хотя время для сбора ее неподходящее, потому что осенью мастичные деревья не источают сока.

Вторник, 11 декабря. Адмирал не мог выйти из бухты, так как все еще удерживались северо-восточный и восточный ветры. Как раз против бухты, как уже говорилось, расположен был остров Тортуга. Он казался очень большим, почти таким же, как Эспаньола. Берег острова Тортуги шел почти в том же направлении, что и берег Эспаньолы, от одного до другого было, может быть, самое большее 10 лиг, считая от мыса Синкин до выступа острова Тортуги, лежащего к северу от Эспаньолы; затем берег ее отклонился к югу.

Адмирал говорит, что он желал осмотреть пролив между этими двумя островами, чтобы повидать Эспаньолу — наилучшую землю в мире — и потому что, судя по словам индейцев, которых он вез с собой, таким путем следует идти к очень большому острову Банеке, где, как они говорили, высятся крупные горные цепи и есть много рек и долин. Они также говорили, что остров Бохио (Эспаньола) больше Хуаны, Хуану же индейцы называли Кубой, и что остров Бохио не окружен со всех сторон морем. Судя по их словам, за этим островом лежит материковая земля бесконечной величины, которую они называют «Каритаба». И, вероятно, они имеют основание жаловаться, что их тревожат некие воинственные люди, потому

* По-кастильски Эспаньола значит «маленькая Испания». — Прим. перев.

Северный берег Эспаньолы по эскизу Колумба (вверху)
и по карте Хуана де ла Косы (внизу):

1. м. Св. Николая; 2. о. Тортуга; 3. г. Монте-Кристи; 4. Навидад; 5. Эспаньола; 6. м. Бочки; 7. о. Неба; 8. Святой мыс; 9. м. Звезды; 10. Вега Реаль; 11. город Изабелла.

что все эти острова живут в великом страхе перед «канибилами».

Адмирал по этому поводу говорит:

«И должен повторить снова, хоть я не раз уже о том упоминал, что эти канибы не кто иные, как люди великого хана, который должен быть где-то недалеко. Он имеет корабли и [совершая набеги] уводит в плен [индейцев, живущих на других островах]. Индейцы же эти, видя, что взятые в плен люди не возвращаются назад, думают, что канибы съедают пленников».

«С каждым днем мы все лучше и лучше понимаем индейцев, а они нас; так что случалось уже много раз, что нам ясен был смысл сказанного ими, а им были понятны наши слова».

Адмирал [снова] послал на берег людей. Они нашли много мастичных деревьев, не сочащих смолу. Должно быть, это объясняется, как он отмечает, дождливым временем. На острове

Хнос смолу собирают в марте, здесь же ее нужно брать в январе, потому что эти места более теплые.

Моряки выловили множество рыб таких же, какие водятся в Кастилии: лососей, плотву, мурен, форель, видели они также и сардинки. Нашли много алоэ.

Среда, 12 декабря. Противные ветры снова помешали адмиралу покинуть бухту. У входа в нее, на западном берегу, он выбрал высокое и видное издали место и здесь водрузил большой крест «в знак того, — как он говорит, — что ваши высочества приняли эти земли во владение и главным образом в честь Иисуса Христа, нашего господина и славы всего христианства».

Вскоре после водружения креста три моряка углубились в лес, желая поглядеть на здешние деревья и травы. Следуя своей дорогой, они увидели толпу индейцев, нагих, как и все обитатели этих островов. Окликнув их, моряки направились за ними вдогонку, но индейцы бросились бежать; в конце концов удалось захватить только одну женщину и на этом ограничиться.

«Я приказал, — говорит адмирал, — взять несколько индейцев, чтобы оказать им почетный прием и рассеять их страх. И принести, если окажется возможным, что-нибудь, имеющее ценность, потому что, судя по изобилию, какое было на этой земле, не могли не быть здесь полезные и ценные вещи».

Женщину, а была она очень юной и красивой, привели на корабль, и она беседовала с индейцами, взятыми адмиралом: язык у них всех единый. Адмирал приказал одеть ее и, подарив ей стеклянные четки, погремушки и бронзовые колечки, с почетом отправил обратно, ибо таков был заведенный им обычай. С ней он послал на берег нескольких моряков и троих индейцев.

Моряки же, которые сопровождали ее в лодке, говорили затем адмиралу, что эта женщина не хотела покидать корабль и желала остаться на нем вместе с другими индианками, которых адмирал захватил в устье Морской реки, на острове Куба.

По словам этой женщины, индейцы, с которыми она была в лесу в то время, когда ее поймали моряки, приплыли сегодня в эти места на каное — так называются их каравелы. Дойдя до входа в бухту, они увидели корабли, вернулись назад и, высадившись на берег, направились к своему селению, укрыв в надежном месте каное. Она показала место, где это селение расположено. У этой индианки в нос был вдет кусочек золота, признак того, что этот металл имеется на острове.

Четверг, 13 декабря. Трое моряков, посланных адмиралом сопровождать женщину-индианку, возвратились в три часа ночи. Они не дошли с ней до ее селения то ли потому, что им это селение показалось чересчур далеким, то ли из страха. Они

сказали, что завтра, вероятно, явится к кораблям много индейцев, так как местных жителей должны успокоить вести, которые им принесет индианка.

Адмирал, желая дознаться, есть ли на этой земле что-либо полезное, и намереваясь вступить в переговоры с ее жителями, ибо страна эта была прекрасна и плодородна и следовало приохотить ее жителей к служению королям, решил отправить своих людей в селение. Он возлагал надежды на то, что индианка уже успела представить христиан хорошими людьми, и отобрал девять человек из числа своих людей, ловко управлявших оружием и хорошо вооруженных, и с ними послал одного индейца из числа тех, кого он с собой вез.

Они побывали в селении, что находилось в 4½ лигах к юго-востоку от бухты, и нашли его в широчайшей долине, причем было оно совершенно безлюдно, так как индейцы, узнав, что к ним направляются чужестранцы, бежали вглубь страны, захватив с собой все свое достояние. В селении было до тысячи домов и 3 000 жителей.

Индеец, который сопровождал отряд, помчался за беглецами, громкими возгласами призывая их вернуться. Он кричал им, что христиане хорошие люди и не следует бояться их и что они явились с неба и всем, кого застанут на месте, они раздадут много чудеснейших вещей.

Это так подействовало на индейцев, что они обрели мужество и возвратились в селение толпой, в которой было более 2 000 человек. Они подошли к испанцам и возложили руки пришельцев на свои головы, что было знаком великого уважения и дружбы. При этом они дрожали от страха и только спустя некоторое время окончательно успокоились. Когда же страх индейцев рассеялся, они разошлись по своим домам и затем каждый из них явился с угощениями.

Они принесли хлеб из «ньямов» — корней, похожих на крупную редьку¹². «Ньям» сажается и собирается повсеместно на этой земле, и он для индейцев все равно, что жизнь. Они готовят из корней «ньяма» хлеб, пекут и жарят их. Вкусом «ньям» напоминает каштаны, и любой, кто отведал этот корень, убежден будет, что он ест каштаны. Приносили они также рыбу и все прочее, что только имели. Индейцы, которых адмирал вез с собой, знали, что он хотел приобрести попугая. Вероятно жителем селения сказал об этом индеец, сопровождавший отряд, так как они принесли множество попугаев и давали их всякому, кто просил, не желая ничего получать взамен. Индейцы просили гостей не уходить вечером на корабль и обещали им принести много других вещей, которые имеются у них в горах.

В то время, когда весь этот люд толпился возле гостей, появилась большая группа индейцев во главе с мужем вчерашней индианки. Эту женщину индейцы несли на плечах и при-

шли они, чтобы поблагодарить христиан за почетный прием, оказанный ей адмиралом, и за полученные от него дары.

Побывавшие в селении говорили адмиралу, что с этими людьми по красоте и учтивости не могут сравниться ранее встречавшиеся индейцы. Но адмирал отмечает, что подобное утверждение кажется ему странным, так как все индейцы, которых он видел на других островах, были отличнейшего поведения. По красоте же, как указывают все, посетившие селение, с этими индейцами — и тут речь идет и о мужчинах и о женщинах — никто не может сравниться. Они белее прочих индейцев, а среди девушек видели двух таких, которые так же белы, как испанки. Говоря о красоте земель, которые они видели, утверждали все, что даже лучшие и прекраснейшие земли Кастилии не могут выдержать никакого сравнения с этими землями. И, судя по тому, что адмирал уже видел раньше и что было перед его глазами сейчас, он вполне согласен был с мнением тех, кто говорил, что земли, которые встречались прежде, не могут сравниться с этой долиной. Даже нивы Кордовы по сравнению с ней — будто ночь перед светом яркого дня.

Все земли в этой долине были возделаны, а посредине ее протекала большая и широкая река, водами которой можно было оросить все поля. Плодами отягчены были зеленые деревья и благоухали высокие, цветущие травы, широки и хороши были дороги, а воздух был, как в апреле в Кастилии, и соловьи и другие птички пели так, как поют в этом месяце в лесах Испании, и говорит он, что здесь все было прелестнейшим на свете. Ночами нежно пели птицы и слышны были трели сверчков и лягушек.

Рыбная ловля здесь подобна испанской. Масличные деревья, алоэ и хлопковые поля встречались повсюду. Золото не было обнаружено, да и не удивительно, что за такой малый срок его не нашли. Адмирал вычислил, сколько длится в этих местах день и ночь. От восхода до захода солнца двадцать раз переставлялись рассчитанные на полчаса песчаные часы (ampolletas) ³³.

Впрочем, он говорит, что счет по песочным часам может быть и ошибочным — либо потому, что они не перевертывались во-время, либо же вследствие того, что песок проходил скорее, чем требуется.

Адмирал отмечает: по квадранту он установил, что находится в 34 градусах [к северу] от экваториальной линии *.

Пятница, 14 декабря. Под ветром, дующим с суши, адмирал вышел из бухты Зачатия, но вскоре ветер стих: подобное он испытывал в этих морях ежедневно. Через некоторое время

* В этом месте на полях рукописи справедливое замечание Лас Касаса — «это невозможно». Об исчислениях широты по квадранту см. комментарий 28.— *Прим. перев.*

подул восточный ветер, и адмирал пошел к северо-северо-востоку. Он приблизился к острову Тортуга и заметил мыс, названный им мысом Ноги (Punta Pierna) и расположенный в 12 милях к востоку-северо-востоку от западной оконечности острова. Отсюда он увидел другой мыс в том же направлении, на расстоянии 16 миль, которому он дал имя Острый мыс (Punta Aguda), и отсюда он увидел еще один мыс, который назвал мысом Копья (Punta Lançada).

От западной оконечности Тортуги до Острого мыса было 44 мили, или 11 лиг, и берег все время шел к востоку-северо-востоку. На пути встречались значительные песчаные пляжи. Тортуга высокий, но не гористый остров. Этот остров очень красив и населен точно так же густо, как Эспаньола. Земли везде на нем возделанные и напоминают они долину Кордовы.

Видя, что установился противный ветер и нельзя продолжать плавание в направлении острова Банеке, адмирал решил возвратиться в бухту Зачатия, откуда он накануне вышел, но за день он дошел лишь до устья реки, впадающей в море на расстоянии двух лиг от бухты, и войти в это устье не смог.

Суббота, 15 декабря. Адмирал снова вышел из бухты Зачатия, направившись по своему пути, но как только он проследовал в открытое море, сильно задуло с востока, и так как этот ветер был противным, он повернул назад по направлению к реке, в которую вчера он не смог войти. Но и на этот раз ему не удалось стать на якорь в ее устье, и он пошел к песчаному берегу, расположенному в полулиге под ветром — хорошей якорной стоянке с надежным дном.

Бросив якорь, адмирал на лодке отправился к реке и вошел в морской рукав, в полулиге от нее. Рукав этот оказался не связанным с устьем реки, и адмирал, выйдя из него, направился к реке, вступил в нее и обнаружил, что у входа глубина устья не превышала одного локтя и что скорость течения чрезвычайно велика. Он направился вверх по течению реки, чтобы дойти до селений, которые видели позавчера люди, посланные на берег. Адмирал приказал тянуть лодку на бечеве, и так удалось пройти на расстояние двух выстрелов из ломбарды. Однако идти дальше оказалось невозможным из-за сильного течения.

Адмирал видел индейские дома и большую долину, в которой находились селения. Долина же, в которой протекала эта река, по красоте превосходила все, что встречалось на пути раньше.

При входе в устье реки он заметил группу индейцев, но подойти к ним не удалось, так как все они сразу же обратились в бегство.

Адмирал говорит, что эти люди должны быть чрезвычайно осторожными потому, что живут они в постоянном страхе. По

мере того как испанцы передвигались из одного места в другое, везде подымались к небу сигнальные дымки. Так было и на Эспаньоле, и на Тортуге. Тортуга же также большой остров, больше всех, что встречались раньше³⁴.

Адмирал назвал эту реку Гвадалкивиром потому, что, по его словам, она такой же величины, как Гвадалкивир в Кордове, а долину, в которой она протекает, — «Райской» (Valle del Paraíso). Берега ее скалисты и везде проходимы.

Воскресенье, 16 декабря. В полночь с легким ветерком, подувшим с берега, адмирал вышел из залива и проследовал вдоль берега острова Эспаньолы, идя на булине (yendo á la bolina), так как в час заутрени сильный ветер подул с востока. В море он увидел каное и в нем одного лишь индейца. Адмирал поразился, не представляя себе, как могло держаться на воде угловое каное при таком сильном ветре. Адмирал заставил индейца подняться на борт и приказал взять на корабль его каное. Радушно встретив этого индейца, адмирал дал ему стеклянные четки, погремушки и бронзовые кольца и, пройдя 16 миль, доставил индейца в его селение, расположенное близ самого моря.

Здесь адмирал нашел у селения, под песчаным берегом, место, удобное для якорной стоянки. Само селение казалось недавно основанным, потому что все дома в нем были новые. Индеец тотчас же отправился на своем каное к берегу и сообщил, что испанцы хорошие люди; впрочем, как кажется, местные жители уже получили сведения о пришельцах из других мест, где побывали шесть христиан. Вскоре на берег вышло более пятисот человек, а спустя короткое время появился и их король. Толпа собралась на песчаном пляже, поблизости от кораблей, которые стали на якорь почти у берега. Затем мало-помалу они стали перебираться на корабли, но с собой не приносили решительно ничего, если не считать воткнутых в нос и в уши зерен чистейшего золота, причем золото это они отдавали морякам очень охотно.

Адмирал приказал принимать всех с почетом, «потому что, — как он говорит, — это самые наилучшие и самые смиренные люди на свете, и я, премного надеясь на нашего господина, полагаю, что ваши высочества сделают их всех христианами и своими верноподданными, каковыми я их и ныне считаю».

Адмирал заметил, что король этих индейцев остался на берегу, где все оказывали ему знаки уважения. Адмирал послал ему подарок, и тот принял его с большим достоинством. Король этот — юноша приблизительно 21 года, и при нем находились его советники и старый наставник. Они давали ему советы и отвечали на обращенные к королю вопросы, сам же король говорил очень мало. Один из индейцев, бывших с адмиралом, заговорил с королем и сказал ему, что пришельцы

явились с неба и что ищут они золота и намерены идти на остров Банеке. И на это король ответил, что все, что он слышал, ему нравится и что на острове Банеке действительно есть много золота и указал альгвасилу адмирала, вручившему ему подарок, дорогу, которой следует придерживаться. Он добавил, что отсюда до Банеке лишь два дня пути, и заявил, что если пришельцы нуждаются в чем-нибудь, что имеется на его земле, он охотно даст им все необходимое.

И король и все прочие были нагие, в чем мать родила. Женщины без всякого стыда тоже ходили обнаженные. Были они самыми красивыми людьми — как мужчины, так и женщины — из всех, что до сих пор встречались адмиралу в этих местах. Кожа у них была довольно белая, так что, если бы их одеть и предохранить от воздействия солнца и воздуха, они мало бы чем отличались от испанцев. Страна эта довольно прохладная и настолько хорошая, что нехватает слов для ее описания. Хоть она и гористая, но нет такой вершины, на которой нельзя было бы пахать с помощью быков и, кроме того, много тут есть террас и долин.

Во всей Кастилии не найдется такого уголка, который по красоте и приветливости мог бы сравниться с этой страной. И вся Эспаньола так же, как и остров Тортуга, сплошь возделана, как долина Кордовы.

Здесь сеют «ахе» — растение с корневищами, как у моркови. «Ахе» готовят, как хлеб: размалывают корни, а затем замешивают муку и выпекают ее. После сбора урожая веточки этого растения сажаются снова в другом месте, и оно дает четыре или пять корневищ, вкусом напоминающих каштаны. Адмирал говорит, что более крупных и вкусных корневищ он не встречал еще нигде, и добавляет, что это растение имеется также в Гвинее. Местные же корневища «ахе» достигали толщины человеческой ноги.

Эти люди на вид крепки и мужественны и не столь робкие, как другие индейцы. Они весьма учтивы и ни к какой секте не принадлежат.

И деревья здесь, как он отмечает, настолько полны сил, что даже листва их теряет зеленую окраску и становится черноватой.

Диву даешься при виде этих долин, рек, ключей, земель, пригодных для всего — для выращивания хлебов, разведения скота всевозможных пород (скота же в этих местах нет совершенно), для садов и огородов, для всего, что только может человеческая душа пожелать.

Затем, после полудня, король пришел на корабль. Адмирал оказал ему должные почести и велел объяснить, что он послан сюда королями Кастилии, самыми великими государями мира. Но ни индейцы, которые переводили слова адмирала, ни сам король ничего не поняли из этой речи. Они

думали, что пришельцы явились с неба и там на небе, а не на земле, находятся царства королей Кастилии. Королю предложили отведать кастильские кушанья. Он съел очень немного, остальное же дал своим советникам, наставнику и людям, что с ним пришли на корабль.

«Да поверят ваши высочества, что так изобильны, красивы и плодородны эти земли и особенно остров Эспаньола, что не найдется человека, который сумел бы рассказать об этом, и лишь тот поверил бы сказанному, кто воочию увидел бы вদেশнюю страну. И да поверят ваши высочества, что этот остров, так же как и все прочие, принадлежит вам и вы владеете им ныне, как Кастилией.

Тут следует лишь утвердиться и приказывать индейцам делать все то, чего ваши высочества желают. Потому что, как ни мало у меня людей, но я обошел все острова, и никто не оказал мне сопротивления; и достаточно было трем морякам высадиться на берег и встретиться с огромным скоплением индейцев, как все они обратились в бегство, не желая причинить моим людям зла. Нет у них оружия, и они наги и неизобретательны в военных делах и так трусливы, что тысяча индейцев не отваживается лицом к лицу встретиться с тремя испанцами. И они годны на то, чтобы над ними повелевать и принуждать их работать, сеять и делать все, что будет необходимо. И пусть они построят себе города, научатся ходить одетыми и усвоят наши обычаи».

Понедельник, 17 декабря. Всю ночь дул сильный восточно-северо-восточный ветер. На море, однако, не было значительного волнения, потому что с севера эти воды защищает и ограждает остров Тортуга и пролив между ними и Эспаньолой превращается в убежище.

Адмирал пробыл весь день на том же месте. Он приказал раскинуть сети для рыбной ловли.

Индейцы были очень довольны пребыванием испанцев и принесли в дар стрелы, которые употребляют обитатели Канибато, или каннибалы. Стрелы эти — очень длинные тростинки с заостренными и обожженными колышками на конце. Они привели двух человек, у которых вырваны были из тела куски мяса, и дали понять, что это сделали каннибалы. Адмирал этому не поверил.

Он послал в селение своих людей, и они на стеклянные четки выменяли там тонкие листочки золота. Видели они у одного индейца, — его адмирал счел правителем этой провинции, а другие индейцы называли его «касиком»³⁵, — лист золота величиной с руку. Золото он пожелал променять, но сперва ушел в свой дом, оставив всех окружавших его людей на площадке перед этим домом. Там он раздробил бывший у него кусок на мелкие осколки, а затем вышел с ними и принялся их обменивать. Когда же все запасы у него истощались, он зна-

ками объяснил, что пошлет за еще бóльшим количеством золота и что завтра ему принесут то, что он потребует.

Все эти приемы поведения, обычаи, их покорность и сплоченность показывали, что люди здесь более ловкие и смысленные, чем в других ранее открытых землях.

Адмирал говорит: «После полудня пришло сюда с острова Тортуга каное, и на нем было по крайней мере сорок человек. И когда каное приблизилось к берегу, все жители селения, собравшиеся в одном месте, подали знак мира. Почти все прибывшие в каное вышли на берег. К ним подошел один только касик и обратился к ним с речью, которая казалась угрожающей, и заставил всех, кто высадился, вернуться в каное. Затем он стал плескать в них водой и бросать в море камни, и, когда индейцы с острова Тортуга покорно сели в каное и отплыли прочь, касик взял камень, вложил его в руку моему альгвасилу и попросил его кинуть этот камень вслед уходящему каное (я послал альгвасила, а с ним эскривано и других людей перед тем на берег, желая удостовериться, принесли ли нам индейцы что-нибудь, из чего можно было бы извлечь пользу). Альгвасил не пожелал бросить камня».

Так касик хотел показать свое расположение к адмиралу. Каное тотчас же ушло, а затем индейцы рассказывали адмиралу, что на острове Тортуга больше золота, чем на Эспаньоле, потому что он ближе расположен к Банеке. Адмирал предположил, что ни на Эспаньоле, ни на Тортуге нет золотых рудников и что золото доставляется сюда, вероятно, с острова Банеке и притом в малых количествах. У местных жителей его так немного, что они не в состоянии даже дать его испанцам.

Земля же здесь весьма тучная, и индейцам нет необходимости много работать, чтобы прокормиться и одеться, так как ходят они нагие.

И адмирал полагает, что он находится вблизи самого источника [золота] и что небесный владыка укажет ему, где это золото родится.

Он узнал, что до острова Банеке отсюда четыре дня пути, т. е. 30 или 40 лиг — расстояние, которое при доброй погоде можно пройти за один день.

Вторник, 18 декабря. Корабли простояли весь день на якоре, так как не было ветра. Но, кроме того, адмирал знал, что касик обещал принести золото; правда, нельзя было надеяться, что золота будет принесено много, потому что здесь не было рудников, но адмирал желал лучше разузнать, откуда оно доставляется в эти места.

Сразу же, как только рассвело, адмирал приказал украсить корабль и каравелу и поднять флаги по случаю праздника: 18 декабря был днем Св. Марии из О³⁶ и одновременно днем возвещения (Anunciación). Дан был многократный залп из ломбард.

Адмирал говорит, что король острова Эспаньолы рано утром покинул свое обиталище, расположенное в пяти лигах от места стоянки кораблей, и в три часа дня прибыл в селение, где в это время находились люди с корабля, посланные адмиралом на берег, чтобы посмотреть, не принесли ли обещанного золота.

Они рассказали адмиралу, что с королем пришло более двухсот человек. Короля-юношу, о котором уже шла речь, несли на носилках четверо индейцев. Король со всеми своими людьми поднялся на корабль как раз в то время, когда адмирал обедал на носовой площадке.

Адмирал так пишет об этой встрече, обращаясь к королям [Испании]: «Несомненно вашим высочествам было бы приятно видеть, с каким достоинством держал себя король и с каким уважением относились к нему окружающие, хотя все они были голые.

Поднявшись на корабль, он увидел, что я обедаю на носовой площадке, и, направившись ко мне полной величия поступью, сел рядом со мной, не позволив мне не только выйти ему навстречу, но даже встать с места, и требуя, чтобы я продолжал свою трапезу. Я полагал, что он с удовольствием отведаст наши кастильские кушанья и велел принести ему угощение. Войдя под навес мостика, он знаком приказал всем сопровождающим его остаться на палубе, и они исполнили это повеление с поразительным послушанием, без малейшего промедления. Все его люди, исключая двух престарелых индейцев, которых я счел советниками короля, уселись на палубе, поджав под себя ноги. Когда королю и его советникам подносили угощение, они брали лишь самую малость, словно на пробу, а остальное передавали своим спутникам. Точно так же поступали они и с напитками, разрешая себе только слегка пригубить из чаш, а затем отсылали их своим людям. И все это делалось с поразительным достоинством, без единого лишнего слова. Насколько я могу судить, все, что говорил король, было хорошо обдуманно и дельно. Оба советника ловили каждое слово короля и говорили от его имени с величайшим почтением к [своему повелителю].

После трапезы один из оруженосцев короля принес ему пояс, выделкой напоминавший наши кастильские, но изготовленный из иного материала, и этот пояс он передал мне, подарив при этом два куска золота, но очень тонких, из чего я заключил, что здесь индейцы добывают его в небольшом количестве, хоть они и живут в ближайшем соседстве с теми местами, где золото имеется и притом в изобилии.

Я заметил, что королю очень понравилось покрывало на моем ложе, и подарил его своему гостю. Кроме того, я дал ему янтарные четки, которые носил на шее, красные башмаки и флакон с благовонной водой (*almatrxaxa de agua de azahar*),

и любо было смотреть, с каким удовлетворением он принял все эти подарки.

И он и его советники были крайне опечалены тем, что мы не понимаем друг друга. Все же я понял, что он заверил меня в том, что весь остров находится в моем распоряжении и поэтому я могу получить здесь все, что только пожелаю.

Я послал за своими четками, к которым, как памятный знак, была прикреплена золотая монета с выбитыми на ней изображениями ваших высочеств и, показав ее королю, повторил ему снова то, что я говорил вчера о силе и могуществе ваших высочеств, повелевающих и управляющих лучшими странами мира. Я сказал ему, что нет на всем свете более великих государей, чем вы, а затем повел его к королевским знаменам и стягам с знаками креста. Все это произвело на него сильное впечатление, и он сказал своим советникам, что, должно быть, и впрямь ваши высочества великие государи, если решились, не ведая страха, отправить меня из небесной дали в эти места. Говорил он и многое другое, но я не мог его понять, только ясно видел, что все окружающее кажется королю величайшим чудом».

Когда с наступлением вечера король пожелал отправиться на берег, адмирал, оказывая ему знаки величайшего внимания, велел подать королю лодку и дать залп из ломбард. На берегу король сел в носилки и удалился со всеми своими людьми. Один почтенный индеец нес на плечах королевского сына.

Индейцы всем морякам, где бы они ни встречали их, немедленно предлагали всевозможные угощения и относились к ним с величайшим почтением. Моряк, который встретил по дороге короля и сопровождавших его людей, рассказал адмиралу, что все подарки, полученные королем, нес перед ним один индеец, вероятно, из наиболее уважаемых. За королем, на некотором расстоянии, следовал его сын, и сопровождало его столько же людей, сколько было в свите отца. Затем, чуть позади, шел брат короля, окруженный близкими людьми, но, в отличие от короля, он был пеший и его поддерживали под руки два почтенных индейца.

Брат короля приходил на корабль и получил в обмен на принесенное им разные вещи, которые адмирал распорядился дать ему. Адмирал узнал, что короля индейцы на своем языке называют касиком. Золота в этот день было приобретено немало. Но один старик сказал адмиралу, что в ста или более лигах отсюда лежат острова, на которых великое множество золота.

Один остров даже сплошь золотой, а на других золота такое количество, что его собирают и просеивают через сито (чтобы отделить песок), а затем плавят и выделяют из него слитки и разные другие вещицы, формы которых он пытался изобразить жестами. Этот старик показал адмиралу путь

к островам, где есть золото, и объяснил, в каком месте они находятся.

Адмирал решил идти к этим островам. Он говорил, что, если бы старик не был важной и приближенной к королю особой, он бы его задержал и взял с собой. А если бы адмирал знал местный язык, он попросил бы старика провести к этим островам корабли. На это, как полагает адмирал, старый индеец охотно бы согласился, так как он тогда был бы уверен, что христиане не причинят ему зла.

Но адмирал уже имел индейцев, предназначенных в дар королям Кастилии, да и к тому же не было смысла обижать местных жителей. Поэтому он отказался от своего намерения.

Адмирал водрузил величественный крест посреди главной площади селения, причем в этом ему помогало множество индейцев. Затем совершено было у креста благодарственное молебствие. Адмирал, оценивая все добрые предзнаменования и надеясь на бога, выражает уверенность в том, что все эти острова должны стать христианскими.

Среда, 19 декабря. Ночью адмирал отправился в путь, чтобы выйти из пролива, разделяющего острова Эспаньолу и Тортугу.

С наступлением дня подул противный восточный ветер, и поэтому не было возможности выбраться из пролива и дойти до показавшейся у его выхода бухты.

Видны были четыре мыса, большой залив и река, а за ней, на большом мысе — селение. За селением, среди поросших лесом (и казалось, что лес этот был сосновый) высочайших гор, открывалась долина. Над скалой «Двух Братьев» (*Dos Hermanos*) возвышалась высокая и мощная горная цепь, которая шла с северо-востока к юго-западу. К востоко-юго-востоку от мыса Башен (*Cabo de Torres*) лежал маленький остров, которому адмирал присвоил имя Св. Фомы (*Sancto Tomás*), так как 19 декабря был днем этого святого.

Насколько можно было о том судить на большом расстоянии, на всем побережье островка имелись отличные гавани и очень красивые мысы. Перед островком, к юго-западу от него, виднелся далеко вдающийся в море мыс с горами неравной высоты. Адмирал назвал его мыс Высот и Низин (*Cabo Alto u Bajo*). От мыса Башен на восток, четверть к юго-востоку, расположена была на расстоянии 60 миль гора, а перед ней лежала более низкая и вдающаяся в море возвышенность. Она либо соединялась с землей узкой перемычкой, либо являлась островом. Адмирал назвал ее «горой «Карибата», потому что вся эта провинция носила наименование Карибата. Эта гора очень красива и сплошь поросла зеленым лесом, и не было на ее вершине ни снегов, ни туманов.

Воздух в этот день был совсем, как в мартовское время

в Кастилии, а деревья и травы были такими, как в мае. Продолжительность ночи была четырнадцать часов.

Четверг, 20 декабря. На восходе адмирал вошел в бухту между островом Св. Фомы и мысом Карибата и бросил здесь якорь. Бухта эта восхитительна, и в ней могут поместиться все корабли христианского мира. Сперва кажется, что вход в нее невозможен, так как от берега Эспаньолы почти до самого острова Св. Фомы протягивается цепь скал, рассеянных в совершенном беспорядке,— одна здесь, другая там, одна у берега, другая в открытом море. Но между ними есть глубокие и широкие проходы, так что входить в бухту можно безбоязненно, но, разумеется, с осторожностью. В проходах глубина — 7 локтей, а в самой бухте, пройдя гряды подводных камней, — 12 локтей. На любом канате корабль может здесь спокойно оставаться на якоре, независимо от силы и направления ветров. При входе в бухту имеется узкий канал, ведущий к песчаному, сплошь заросшему лесом острову. У берегов этого островка глубина моря 7 локтей. Везде в этих местах множество мелей, и поэтому, вступая в бухту, надо смотреть в оба; зато уж потом кораблям не страшны никакие бури на свете.

Из бухты открывается вид на огромнейшую и сплошь возделанную долину. Долина подходит к берегам бухты с юго-востока. Она сжата высочайшими и чудеснейшими горами, поросшими зелеными лесами. Так высоки эти горы, что кажется, будто достигают они неба, и, несомненно, они выше самых больших гор острова Тенерифа в Канарии, а тенерифские горы считаются самыми высокими из всех, какие существуют на земле.

У острова Св. Фомы расположены два более мелких островка на расстоянии лиги друг от друга, и на их берегах есть прекрасные гавани, но входить в эти гавани надо осторожно из-за мелей. Адмирал видел также селения и сигнальные дымки над ними.

Пятница, 21 декабря. Сегодня адмирал отправился осматривать бухту. И он нашел ее такой прекрасной, что утверждал, будто ни одна из бухт, когда бы то ни было посещенных им, не может с ней сравниться. Он винит себя за то, что так восхвалял другие бухты, потому что ныне не знает, какими словами описать эту, и боится, что его обвинят в склонности к чрезмерным преувеличениям, тогда как все, что он говорит, чистая правда.

И он пишет так: «Я хожу по морю 23 года и не покидал его никогда на срок, достойный упоминания, и видел весь восток и весь запад»³⁷, и он говорит, что ходил на север, т. е. к Англии, и «ходил я на юг в Гвинею, но нигде в этих странах не было такого совершенства гаваней... * найденных всегда

* Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*

это... * лучше другого, что я с большой щепетильностью оценивал мною написанное. И снова повторяю и утверждаю, что все это описано верно и что эта бухта превосходит все прочие и в ней поместились бы все существующие на свете корабли. И так защищена эта бухта, что корабли могут здесь держаться на якоре даже на старом канате».

От входа в бухту до ее внутренней части — 5 лиг. Адмирал видел много возделанных земель, и возможно, что весь остров распахан и засеян. Он послал двух человек на берег и велел им взобраться на холм и посмотреть, нет ли селений поблизости. У самого моря никаких признаков жилья не было видно, а между тем вчера вечером, часов около десяти, к кораблю подошли на каное несколько индейцев подивиться на адмирала и христиан. Адмирал дал им в обмен на разные вещи безделушки, и они были этим несказанно обрадованы.

Люди, посланные на берег, вернулись и сказали, что с холма они видели, чуть в стороне от моря, большое селение.

Адмирал велел грести в том направлении, где было это селение. Не доходя до берега, он увидел, что к морю спускаются индейцы и, казалось, они объяты страхом. Поэтому он приказал гребцам задержаться на месте, а своим индейцам велел вступить в переговоры с местными жителями, передав им, что не причинит никому зла. Тогда они подошли к берегу, и одновременно приблизился к суше адмирал.

И после того как рассеялся у них страх, столько их прибыло, что они заняли весь берег, оглашая воздух приветствиями. И так поступали и мужчины, и женщины, и дети. Они сбежались с разных сторон, и одни приносили хлеб, приготовляемый из «нъямов», очень вкусный и белый (они называют этот хлеб «ахе»), другие — воду в тыквенных флягах и в глиняных кувшинах, по форме очень похожих на кастильские. Они принесли все, что сами имели и что, как им казалось, мог пожелать адмирал, и угощали они моряков от всего сердца с таким удовольствием и радушием, что казалось все это дивом.

«И никак нельзя сказать,— пишет адмирал,— что щедры они были потому, что давали нам малоценное: так же они поступали и так же были щедры, когда дарили нам куски золота и притом дарили так, как будто то было не золото, а фляга воды. Ведь легко узнать, говорит адмирал, когда какая-нибудь вещь дается от всего сердца». И далее он добавляет: «ни палиц, ни дротиков, ни иного оружия эти люди не имели, точно так же, как не было оружия и у других индейцев этого острова, который, как я полагаю, огромен.

Они нагие, в чем мать родила — и мужчины и женщины. На других островах и на Хуане женщины прикрывают стыд

* Пропуск в тексте.— Прим. перев.

лоскутом хлопчатой ткани, подобным клапану на мужских панталонах, Особенно это относится к женщинам старше 12 лет. Но здесь нагими ходят и старые и молодые. Во всех других местах мужчины из ревности к христианам прячут женщин. Но здесь нет. И есть тут много женщин красивых телом, и они первые являлись к нам, чтобы возблагодарить небо [за наш приход] и чтобы предложить нам все, что у них имелось, и в первую очередь пищу: хлеб из «ахе», орехи, плоды пяти или шести видов».

Эти плоды адмирал велел замариновать и в таком виде доставить их королям.

Не меньше приносили женщины плодов и в других местах, если только не прятали их [женщин] мужчины.

Адмирал распорядился, чтобы везде и повсюду все его люди твердо помнили его приказ не посягать на какую бы то ни было вещь, принадлежащую любому индейцу, и ничего не брать у индейцев против их воли; и оплачивали [христиане] все, что у них получали.

В заключение адмирал говорит, что нельзя даже поверить, что человек может встретить людей с таким добрым сердцем, таких щедрых на дары и таких боязливых. Они готовы разорваться на части лишь бы дать христианам все, чем только они владеют, и как только появляются христиане, немедленно индейцы бегут к ним и приносят им все, чем владеют.

Адмирал отправил шесть человек осмотреть селение; этим людям оказаны были все почести, какие были им известны и какие они только могли оказать, и им дано было все, что только индейцы имели, ибо и тени сомнения не было у местных жителей в том, что адмирал и все его люди явились с неба. То же самое думали и индейцы, которых адмирал взял на других островах, хоть им уже говорилось, что должно полагать на этот счет.

После того как шесть человек, посланных адмиралом, отправились на берег, к кораблю подошли каное с индейцами, которые от имени одного местного вождя стали просить адмирала, чтобы он, после того как выйдет из бухты, посетил селение, где проживал этот вождь.

Адмирал, видя, что селение это лежит на пути, которым он собирался следовать, и что множество людей ждут его решения, отправился туда, но прежде чем он отошел от берега, на пляж сбегались несметные толпы индейцев. Пришли мужчины, женщины и дети, и все они кричали, чтобы адмирал не покидал их и остался здесь. Посланцы же вождя сторожили на своих каное адмирала, опасаясь, как бы он не ушел, не повидав их господина.

Адмирал тронулся в путь, и когда он подходил к месту, где ожидал его вождь, последний призвал всех своих людей и приказал, чтобы к лодке, в которой находился адмирал, при-

несли всевозможные угощения. И заметив, что адмирал принял то, что ему было принесено, все, или большая часть индейцев, до той поры толпившихся на берегу, бросились в ближайшее селение, чтобы принести еду, попугаев и все другое, что у них только было, и делали они это так радушно, что казалось все это чудом. Адмирал роздал индейцам стеклянные четки, погремушки и бронзовые кольца и не потому, что они его об этом просили, а поскольку он считал такой поступок разумным, полагая их в большей степени христианами, подданными королей Кастилии, чем самих кастильцев.

И добавляет он, — единственно, что ему нехватает, это знать их язык, чтобы повелевать ими, ибо он уверен — все, что бы он им ни приказал сделать, они выполнили бы без малейших возражений.

Адмирал вскоре направился к кораблям, а индейцы — как мужчины, так и женщины и дети — кричали, чтобы христиане не уезжали и остались с ними.

Уже после того как адмирал отправился в путь, за ним вслед пустились каное, перегруженные людьми. Всех индейцев, поднявшихся на борт, адмирал принял с честью, угостил и одарил различными вещами. Еще раньше прибыл на корабль другой вождь с западной стороны и, кроме того, на корабль взобралось множество индейцев, бросившихся вплавь догонять его, хотя корабль находился на расстоянии половины большой лиги от берега.

Сеньору, от которого я возвратился, я отправил несколько человек, дабы они повидались с ним и расспросили его об этих островах. Вождь отнесся к ним очень хорошо и повел их в свое селение, чтобы дать несколько кусков золота. По пути встретилась большая река, через которую индейцы переправились вплавь. Христиане не могли ее переплыть и поэтому вернулись.

Во всей этой округе огромнейшие горы, и кажется, будто достигают они неба, и с ними ни по высоте, ни по красоте не могут сравняться горы острова Тенерифа. Все горы зеленые, на склонах их много чудесных лесов, а между гор располагаются прелестные долины. У самой этой бухты, к югу от нее, есть такая большая долина, что не видно, где она кончается, и ее нигде не пересекают горы и кажется, что длиной она не менее 15—20 лиг. В этой долине протекает река. Вся долина заселена и возделана и так зелена ныне, как поля Кастилии в мае или июне; и это несмотря на то, что ночи длятся по 14 часов, и земля эта находится так далеко на севере.

Бухта же защищена от всех ветров, которые только могут дуть в этих краях. Она замкнута [цепью скал] и глубока, и берега ее заселены добрыми и смирными людьми, у которых нет никакого — ни хорошего, ни плохого оружия. А корабли

могут спокойно стоять в бухте, не опасаясь, что в эти воды ночью ворвутся другие суда, чтобы ограбить их, потому что хотя ширина бухты у входа две лиги, но для прохода кораблей остается лишь узкий, как будто сделанный человеческими руками, канал, пересекающий цепь скал и подводных камней.

Глубина бухты около песчаного лесистого островка, расположенного близ входа в нее,— 7 локтей. Вход в бухту лежит на западе, и корабль может идти здесь без опасений у самых скал. В северо-западной части бухты есть три острова, а в одной лиге от ее оконечности впадает в море большая река.

Бухта эта лучшая в мире. Адмирал дал ей имя «Гавань моря Св. Фомы» (Puerto de la mar de Sancto Tomás). Он называет ее «морем» из-за ее величины.

Суббота, 22 декабря. На рассвете адмирал вышел в море, чтобы следовать своим путем, в поисках островов, на которых, по словам индейцев, есть много золота, тех островов, где золота больше, чем земли. Но погода не благоприятствовала плаванию, и он вынужден был возвратиться и стать на якорь. Адмирал распорядился закинуть сети и послал для этого лодку.

Сеньор этой земли, селение которого лежало близ бухты, послал к адмиралу своих людей в большом каное*. Он поручил своему приближенному пригласить адмирала в его землю и сообщить, что он даст гостю все, что имеет. Этот сеньор отправил адмиралу пояс, на котором вместо пряжки была фигурка в виде маски с ушами, из кованого золота, с носом и языком. И так как они были люди с щедрым сердцем и очень охотно давали все, что у них просили,— ибо они думали, что просящий оказывает им великую милость, то, встретив лодку, где сидели моряки, они отдали этот пояс корабельному мальчику.

А затем уж посольство на своем каное прибыло к кораблю. Прежде чем удалось выяснить, чего желают послы, прошла значительная часть дня: индейцы, которых вез с собой адмирал, тоже не понимали этих людей, потому что местный язык отличался от их собственного в наименовании различных вещей. Наконец, объясняясь знаками, они поняли, что послы приглашают адмирала в свою землю. Адмирал решил отправиться туда в воскресенье, хоть он обычно не выходил из гаваней в этот день и не из суеверия, а потому, что был он человеком набожным. На этот раз он готов был выйти в море в воскресенье, в надежде, что народы на этом острове должны стать христианами, подданными королей Кастилии, судя по желаниям, которые они проявляют, и он считал индейцев сво-

* Это был Гуаканагарí, сеньор Марьена, области, где адмирал построил крепость и оставил 39 христиан.— *Прим. Лас Касаса.*

ими людьми и знал, что они ему служат с любовью. Поэтому и к ним он готов был относиться любовно и оказывать им знаки внимания.

Прежде чем выйти из бухты, адмирал отправил шесть человек в большое селение, расположенное на расстоянии трех лиг отсюда, по направлению на запад, потому что вчера явился к нему сеньор этого селения и сообщил, что у него есть несколько кусков золота. Когда христиане прибыли в селение, сеньор взял за руки секретаря адмирала и ввел его в свой дом, а сеньора сопровождали все жители селения, и было их немалое число.

Адмирал направил своего секретаря в индейское селение, желая, чтобы тот сдерживал других людей, посланных к сеньору, и не позволял им учинять по отношению к индейцам неблагоприятные поступки,— потому что индейцы были простодушны, а испанцы так жадны и ненасытны, что не удовлетворялись они, когда индейцы за наконецник агухеты, осколки стекла, черепок от разбитой чашки или иные ничемные вещи, давали им все, что только они желали; но, даже и не давая ничего, испанцы стремились взять и захватить все. Адмирал всегда запрещал подобное ³⁸.

Правда, если не считать золота, все прочее, что приносили индейцы, было не очень ценным. Но, понимая, как щедры сердцем индейцы, отдающие кусок золота за шесть стеклянных четок, он приказал, чтобы ничто не принималось у них без вручения какой-нибудь вещи для оплаты.

Итак, сеньор взял секретаря адмирала за руку и ввел его со всеми людьми своего селения, а селение это было велико, в свой дом, где им [гостям] выставили различные угощения, а индейцы принесли множество изделий из хлопка — ткани и пряжу в мотках. Вечером сеньор дал им трех очень жирных диких гусей и несколько кусочков золота. На обратном пути их сопровождало много индейцев. Они несли все, что приобрели гости в селении, и настойчиво предлагали на собственных плечах доставить самих испанцев к берегу. И действительно, при переходах через реки и заболоченные места они переносили испанцев на руках. Адмирал распорядился дать сеньору разные вещи и тот, так же как и все его люди, остался чрезвычайно доволен, должно быть, предполагая, что ему повезло увидеть людей, явившихся с неба.

К кораблям в течение дня прибыло более 120 каное, и все они были переполнены людьми, и каждый что-нибудь привозил с собой: хлеб, рыбу, воду в глиняных кувшинчиках и семена различных растений, причем некоторые из них, вероятно,— отменные пряности. Индейцы бросали зернышко такого семени в чашку с водой и затем пили эту воду. Индейцы, которых везет с собой адмирал, утверждали, что пить такую воду — одно наслаждение.

Воскресенье, 23 декабря. Из-за безветрия корабли не могли покинуть берега владений упомянутого сеньора, который прислал гонцов, приглашая к себе адмирала. Адмирал послал несколько лодок с моряками и своего секретаря, и они отплыли к берегу вместе с тремя посланцами-индейцами.

Вслед за этим адмирал отправил двух индейцев из числа тех, что он вез с собой, в прибрежные селения, расположенные близ того места, где стояли корабли. Они возвратились и привели с собой одного местного вождя и сообщили новости о том, что на острове Эспаньола есть много золота и что сюда приезжают за ним из других земель и что можно найти его здесь сколько угодно.

Другие индейцы, прибывшие на корабль позже, подтверждали это и знаками объясняли, как нужно собирать золото. Адмирал с трудом понимал их речи, но ему было ясно, что в этой стороне имеется огромное количество золота и, если только удастся найти место, откуда оно извлекается, можно будет добывать его с малыми издержками или, даже, как он воображал, без всяких затрат.

И снова он повторяет, что золота здесь должно быть много, потому что за три дня стоянки в этой бухте было приобретено немало добрых кусков золота. Трудно предполагать, что сюда привозят золото из другой земли. «Господь наш,— говорит адмирал,— который все держит в своих руках, да ниспошлет мне помощь и да воздаст мне заслуженное ему». Таковы слова адмирала.

Адмирал отмечает, что корабль посетило уже не менее тысячи индейцев и все они что-нибудь привозили с собой.

Прежде чем подойти на расстояние полувыстрела из ломбарды, они вставали во весь рост в своих каное, брали в руки то, что с ними было, и кричали: «возьмите, возьмите». Он думает также, что не менее пятисот индейцев добрались до корабля вплавь за неимением каное, хотя корабли стояли на якоре на расстоянии одной лиги от берега.

На корабле сегодня побывало, как полагает адмирал, пять сеньоров и сыновей сеньоров и каждый явился со всеми своими домочадцами, женами и детьми, чтобы посмотреть на христиан. Адмирал приказал всем раздать подарки, полагая, что дары эти окупятся сторицей.

«Владыка наш в своем милосердии пошлет мне удачу, и я найду золото или, точнее говоря, золотую копь, потому что сведущие люди подтверждают, что здесь таких рудников достаточное число». Таковы подлинные слова адмирала.

К ночи возвратились лодки, которые ушли утром. Моряки рассказывали, что до того места, куда они дошли — путь не малый. У горы Карибата они встретили флотилию каное, и в них сидело множество индейцев, которые направлялись к корабельной стоянке, чтобы посмотреть на адмирала и христиан.

И адмирал уверен, что, если бы мог он остаться на рождественские праздники в этой бухте, сюда явились бы к этому времени все обитатели Эспаньолы, чтобы поглядеть на пришельцев. А, по его мнению, остров Эспаньола больше Англии. Все эти люди проводили христиан до селения, к которому последние направлялись. Селение же это было и по величине и по расположению больше и лучше, чем все прочие, которые до сих пор были посещены и открыты. Оно находилось почти в трех лигах к юго-востоку от Святого мыса.

Многovesельные каное шли быстрее лодок, и поэтому индейцы, дойдя до берега раньше моряков, известили касика о приближении гостей. До сих пор адмирал еще не мог толком понять, называют ли индейцы касиками своих королей или правителей. Своих же грандов они называли «нитайно». Неизвестно, однако, относится ли этот титул также к идалго, правителям и судьям³⁹. В конце концов касик вышел навстречу морякам, и на чисто выметенной площади испанцев встретили все жители этого селения. Собралось же здесь более 2000 человек.

Этот король с почетом принял людей с кораблей, а жители селения наперебой угощали испанцев, и каждый индеец что-нибудь приносил им поесть или выпить. Затем король rozdal испанцам хлопчатые ткани, которые изготавливаются здесь женщинами, и передал для вручения адмиралу попугаев и несколько кусков золота.

За любую вещичку местные жители давали морякам хлопчатые ткани и другие изделия своих рук, причем то, что они получали взамен, каждый из них почитал как реликвию.

Вечером, когда испанцы пожелали возвратиться на корабли, король стал умолять их остаться в селении до следующего утра.

Когда же моряки отправились в путь, к ним присоединилось множество индейцев, которые на своих спинах до самых лодок, оставшихся в устье реки, несли все то, что гости получили в дар от короля или других индейцев.

Понедельник, 24 декабря. До восхода солнца адмирал снялся с якоря и вышел в море при ветре, дующем с суши. Среди индейцев, которые вчера во множестве приходили на корабль, сообщая, что на этом острове есть золото, и называя места, где оно добывается, был один, как кажется, более смысленный и более пылкий, и говорил он о золоте с большим жаром, чем остальные. Адмирал приветливо отнесся к нему и попросил его отправиться в плавание и указать места, где находится золото. Этот индеец привел с собой товарища или сородича. Оба они, называя места, в которых добывают золото, говорили о Сипанго, именуя эту страну «Сибоа». Там, по их утверждению, золота огромное количество, и у касика

той земли знамена из кованого золота; но страна Сибоа лежит далеко к востоку.

Адмирал говорит, обращаясь к королям:

«Да поверят ваши высочества, что на всем свете нельзя сыскать лучших и более мирных людей; ваши высочества должны проникнуться большой радостью, ибо вскоре обитатели этих земель станут христианами и их наставят в добрых обычаях ваших королевств».

«В мире не может быть ни лучших людей, ни лучшей земли, и трудно описать, в каком количестве имеется здесь и то и другое. Я постоянно употреблял превосходную степень, когда говорил о людях, живущих на земле Хуане, которая называется у них «Кубой». Но жители Эспаньолы отличаются от обитателей Кубы, как день от ночи. Думаю, что всякий кто увидел бы то, что пришлось повидать мне, рассказал бы обо всем не меньше, чем я уже говорил и говорю. Воистину чудесно все сущее в этой стороне и чудесны великие народы острова Эспаньолы (именем этим я ее назвал, индейцы же именуют этот остров Бохио) и совершенно исключительны их мягкие манеры и сладостная речь — совсем не такая, как у иных народов, которые говорят так, будто кому-то угрожают.

Все индейцы, и мужчины и женщины, рослые, и кожа у них не черная. Верно, что они раскрашивают тело — одни в черные, другие в иные цвета, большинство же предпочитает красный цвет (мне говорили, что они так поступают, чтобы предохранить себя от солнца, дабы не причинило оно им вреда). Их дома и селения очень красивы, и все состоит в чем-нибудь владении — и правят ими сеньоры или судьи, и все на удивление покорны им.

Все эти сеньоры немногословны и обхождение имеют мягкое. Выражают они свою волю движением руки, и знаки эти все понимают превосходно». Таковы подлинные слова адмирала.

Всякий, кто пожелает войти в море Св. Фомы, должен сперва взять курс на низкий островок, расположенный в самой середине прохода в бухту, на расстоянии лиги от входа в нее и названный адмиралом Подруга (Amiga); не доходя до островка на дистанцию брошенного камня, необходимо повернуть на запад, оставив островок к востоку, и следовать только в этом, а ни в каком-либо ином направлении, потому что с запада к Подруге подходит цепь мелей и подводных камней. Вне этой цепи также имеются три мели. Цепь мелей не доходит до островка на выстрел из ломбарды, но проход между островком и мелями достаточно глубок — глубина его не менее 7 локтей, дно каменистое. Пройдя же вглубь бухты, каждый обнаружит огромную гавань, в которой могут поместиться все корабли мира, не становясь на якорь. Другая цепь мелей протягивается к островку с востока. Мели эти

очень велики и далеко заходят в море. Но, как кажется, среди них имеется проход — на расстоянии двух выстрелов из ломбарды от островка Подруга.

У самой горы Карибата, с западной стороны ее, имеется очень большая и удобная бухта.

[ГИБЕЛЬ «САНТА МАРИИ»]

Вторник, 25 декабря. Рождество. Вчера адмирал плыл при малом ветре от моря Св. Фомы к Святому мысу, от которого в исходе первой четверти ночи корабли находились на расстоянии одной лиги. Именно в это время, т. е. в одиннадцать часов, адмирал решил лечь спать, так как накануне он провел два дня и ночь без сна.

Так как ветра не было, рулевой отправился спать, поручив руль корабельному мальчику. Адмирал постоянно запрещал это делать, вне зависимости от того, была ли погода ветреная или безветренная. Итак, никому не разрешалось передавать управление [кораблем] корабельным мальчикам. Адмирал не опасался банок и мелей, потому что в воскресенье моряки, посланные на лодках к уже упомянутому королю (или сеньору), прошли к востоку от Святого мыса добрых три лиги и обозрели они с упомянутого мыса весь берег и все мели, что находятся на целых три лиги к востоку от Святого мыса, и видели, в каких местах можно пройти кораблям.

Пожелал наш господь, чтобы в полночь, когда море было спокойно, как вода в чаше, моряки, убедившись, что адмирал спит, сами отправились на покой, оставив руль на попечение мальчишки. Корабль же, увлекаемый течением, шел к камням, которые, кстати сказать, несмотря на ночное время, были видны и слышны (потому что о них с шумом разбивался прибой) на расстоянии целой лиги. Мальчик, который почувствовал, что с рулем что-то происходит и услышал шум прибоя, поднял крик, на который вышел адмирал. Адмирал явился так скоро, что никто еще не успел понять, что корабль сел на мель. Затем вышел маэстре корабля, чья вахта была в это время, и адмирал приказал ему и другим морякам взять лодку, что хранилась на корме, захватить якорь и забросить его с кормы. Маэстре, а с ним и многие иные, вошли в лодку. Адмирал полагал, что они выполняют то, что им было приказано. Но эти люди только и думали о том, как бы сбежать на каравелу [«Нинью»], которая лавировала на расстоянии полулиги от корабля. На каравеле не пожелали принять беглецов, поступив весьма достойно, и поэтому последние возвратились к кораблю. Но прежде чем они добрались до корабля, туда уже прибыла лодка с каравелы.

Когда адмирал увидел, что посланные им люди сбежали, а вода [под кораблем] убывает, оставляя судно на мели, он,

понимая, что иного средства не было, приказал срубить мачту и насколько возможно облегчить судно, дабы убедиться, можно ли стащить его с мели. Но под днищем корабля становилось все мельче и мельче, и от ударов о камни расселись доски между шпангоутами, и вода затопила трюм*.

Адмирал направился на каравелу, чтобы подготовить переброску на «Нинью» людей, оставшихся на корабле. Но так как ветер подул с берега и неизвестно было, насколько далеко заходит в море мель, решено было, принимая во внимание, что большая часть ночи уже минула, оставить «Нинью» до утра лежать в дрейфе с тем, чтобы с наступлением дня она подошла с внутренней стороны этой цепи подводных камней или отмели.

На берег на лодке посланы были альгвасил флотилии Диего де Арана и постельничий короля Перо Гутьерес известить короля, пригласившего к себе в субботу адмирала, о том, что случилось с кораблями в этой бухте.

Селение, в котором пребывал этот король, находилось на берегу, в 1½ лигах от злосчастной мели. Когда король узнал, что произошло, он, по словам Гутьереса и Араны, заплакал и тут же послал всех жителей селения с каное (и было этих каное очень много и среди них весьма крупные) для разгрузки корабля, и за весьма короткое время все, что находилось на палубах, было разгружено.

Таковы были великое участие и рвение, проявленные этим королем. Он сам, его братья и родичи принимали участие как в разгрузке корабля, так и в охране того, что сносилось на берег, заботясь о наведении порядка и о сохранности корабельного имущества.

Время от времени король посылал к плачущему адмиралу своих родичей, и они, утешая его, заверяли, что король не причинит ему никаких огорчений, не обидит его и готов отдать ему все, что только имеет. Адмирал заверяет короля и королеву, что нигде в Кастилии имущество его не могло бы так хорошо охраняться, как здесь. Ничто, ни единая мелочь, ни одна агухета не пропали при разгрузке. Король велел перенести все вещи в свои собственные дома, хотя в селении пустовало много помещений, и там все было сложено и взято под охрану. Он выставил вооруженных людей, которые дежурили всю ночь напролет.

«Король и весь народ проливали слезы»,— говорит адмирал.— «Настолько бескорыстны и любвеобильны эти люди, и так сговорчивы они во всем, что заверяю ваши высочества, и твердо убежден в том сам,— в целом свете не найдется ни лучших людей, ни лучшей земли. Они любят своих ближних,

* Здесь текст поддается лишь приближенному переводу: Лас Касас указывает, что, переписывая эту запись дневника, он не всегда понимал некоторые обороты, употребляемые Колумбом.— *Прим. перев.*

как самих себя, и нет во всем мире языка более приятного и нежного, и когда они говорят, на устах у них всегда улыбка. Ходят они нагие, мужчины и женщины, в чем мать родила. Но да поверят ваши высочества, что есть у них добрые обычаи, а король держится с таким удивительным достоинством, и так величава его осанка, что любо поглядеть на все это. К тому же [индейцы] обладают хорошей памятью и все желают увидеть и узнать и обо всем расспрашивают, допытываясь, что собой представляет и для чего служит каждая вещь.

[ОСНОВАНИЕ ФОРТА НАВИДАДА]

Среда, 26 декабря. Сегодня, на восходе солнца, на «Нинью», где находился адмирал, пришел король этой земли и, едва сдерживая слезы, стал утешать адмирала, убеждая его не огорчаться. Он обещал дать испанцам все, что только у него имеется, и сказал, что уже выделил для моряков, находившихся на берегу, два очень больших дома и готов, если это окажется необходимым, предоставить еще больше домов и любое число каное для разгрузки корабля и разместить на своей земле столько испанцев, сколько пожелает оставить на ней адмирал. И при этом он сказал, что не примет от гостей ни крошки хлеба и ни какой-нибудь иной вещи. «Они люди преданные и не падкие на все чужое,— говорит адмирал,— и это в особенности относится к их достойному королю».

В то время, когда адмирал беседовал с королем, к «Нинье» подошло каное с индейцами из другого селения. Они привезли несколько кусков золота и попросили в обмен на золото дать им одну погремушку,— потому что ничто они так пламенно не желали иметь, как погремушки. Еще до того, как каное подошло к борту каравелы, индейцы стали показывать морякам куски золота, громко крича — «чуке, чуке». Так называли они погремушки, и страсть к этим безделкам сводила их с ума. Все это видели местные жители, и когда отплыло чужое каное, они позвали адмирала и попросили его приберечь для них до завтра одну погремушку, обещая взамен ее доставить четыре куска золота, каждый величиной с руку. Эта весть очень обрадовала адмирала.

Спустя некоторое время с берега явился один моряк и рассказал, что в селении христиане на никчемные вещи выменивают на диво большие куски золота: за одну агухету индейцы дают золота на целых два кастельяно, и перед всем приобретенным за день безделицей кажется все, что они приобрели за целый месяц.

Король очень обрадовался, когда увидел, как возликовал адмирал, и понял, что адмирал желает иметь много золота.

Знаками король объяснил, что он знает поблизости отсюда место, где есть великое множество золота, и что от чистого сердца он готов дать столько золота, сколько адмирал только пожелает. Адмирал говорит, что король подтвердил свое обещание, а также сообщил, что в Сипанго, — или как называют эту страну индейцы, в Сибао, — золота столько, что там его ни во что не ценят. Король сказал, что он может привезти золото оттуда, хотя здесь, на острове Эспаньоле, называемом индейцами Бохио, и непосредственно в этой провинции Карибате золота имеется даже больше, чем в Сибао.

Король пообедал на каравеле с адмиралом, а затем отправился вместе с ним на берег, где принял его у себя с большим почетом и дал ужин, на котором подавались два или три сорта «ахе», крабы, дичь, индейский хлеб, который носит название «касаби»*, и другие блюда.

После того как трапеза была окончена, король еще некоторое время оставался за столом. Ему принесли какую-то траву, и ею он старательно вытер руки. Адмирал предположил, что эта трава служит для смягчения кожи. Затем подали королю воду для омовения рук. Затем король повел адмирала в рошу близ селения, причем его сопровождала по крайней мере тысяча человек. Король уже носил рубашку и перчатки, подаренные адмиралом. Ни один подарок не доставил ему столько радости, как перчатки.

Его принадлежность к знатному роду проявлялась в том, как он держал себя за столом, и в его манерах, исполненных достоинства, скромности и благородной чистоты. После окончания трапезы король повел адмирала на берег. Адмирал приказал принести турецкий лук и стрелы и велел моряку, сведущему в стрельбе из лука, выстрелить в цель. Лук привел короля в изумление — ибо он ничего не знал об оружии — индейцы в этой местности не имеют и не употребляют оружия. Но король, говоря о людях из Канибы, или карибах**, уводящих в плен местных жителей, указывал, что карибы имеют луки и стрелы без железных наконечников, ибо в этих землях нет никаких признаков стали, железа, металлов, исключая только золото и медь. Но, как отмечает адмирал, меди он видел мало⁴⁰.

Адмирал сказал королю, что государи Кастилии дали ему повеление разгромить карибов и держать их в узде.

Адмирал приказал выстрелить из ломбарды и эспингарды⁴¹. Король был чрезвычайно удивлен, видя, сколь сильно действие этого рода оружия и как далеко оно стреляет. А люди его при звуках выстрелов все, как один, пали на землю.

* См. комментарий 32.— *Прим. перев.*

** В «Дневнике» встречаются многочисленные разночтения в наименовании племени канибалов (канибалы, канибы, обитатели стран канибата, карибы).— *Прим. перев.*

Индейцы принесли фигурку в виде маски с большими кусками золота в глазницах, в ушах и в других местах. Эту маску и другие драгоценные золотые вещи король преподнес адмиралу, возложив их ему на голову и повесив на шею. Много золотых вещей он роздал и другим испанцам, которые были с адмиралом.

Адмиралу доставило много радости и утешения все, что он видел, и умерились его горе и печаль, вызванные потерей корабля, и он решил, что бог посадил здесь на мель его корабль, желая, чтобы именно в этом месте было заложено христианское поселение.

«Столько всякого добра пришло в руки,—говорит он,—что воистину можно считать это кораблекрушение не бедствием, а крупной удачей. Ибо, если бы корабль не сел здесь на мель, я, несомненно, пошел бы вдоль берега дальше, не заходя в эту бухту (вход в нее затруднен цепями подводных камней и мелями), и не подумал бы оставить на этом берегу часть своих людей.

«А между тем нельзя пожелать лучшего места для сооружения крепости и для того, чтобы снабдить оставленных в ней людей необходимым продовольствием, боевыми припасами, материалами.

«И, по правде говоря, многие из моих людей просили и просят меня дать им разрешение остаться здесь.

«Ныне я уже приказал соорудить здесь башню и крепость и вырыть ров и не потому, что это необходимо для защиты от местных жителей, а поскольку, я уверен, что с моими людьми мне удастся подчинить весь этот остров. А я полагаю, что он по размерам превосходит Португалию и имеет, по крайней мере, вдвое больше жителей.

Но люди, живущие здесь — наги, безоружны и безмерно робки. Поэтому имеет смысл соорудить в этом месте башню, а ее должно возвести в краю, столь удаленном от владений ваших высочеств, чтобы индейцы познали изобретательность и ум подданных ваших высочеств и нашли бы применение своим силам, и с любовью и в страхе покорялись бы христианам.

«Оставляемые же здесь наши люди будут иметь лес для постройки крепости, годовой запас хлеба и вина, семена для посевов, лодку с корабля, конопатчика, плотника, пушкаря, бондаря и много иных мастеров, желающих потрудиться на службе ваших высочеств. Они доставят мне немалую радость, дознавшись, где есть в этом краю рудник, в котором добывается золото.

«Одним словом все, что случилось, случилось кстати и положило доброе начало [моему замыслу].

«Сел же на мель корабль так тихо, что почти ничего не чувствовалось и не было в это время ни волны, ни ветра».

Все это говорит адмирал и добавляет, желая показать, что корабль сел на мель в этих местах по предопределению божьему, что было это [т. е. катастрофа] большой удачей. И если бы не измена маэстре и его людей, бывших в большинстве своем земляками маэстре,— а измена эта проявилась в том, что они не хотели завести якорь с кормы, чтобы стащить с мели корабль, как то им приказывал адмирал,— корабль был бы спасен и нельзя было бы тогда ознакомиться с этой землей так хорошо, как удалось ее узнать за дни [вынужденного] пребывания в ней и как доведется ее узнать тем, кто останется здесь. Ведь адмирал всегда плыл с намерением открывать [новые страны] и нигде не задерживаться более, чем на один день, если только ветры позволяли ему идти дальше. Впрочем, это случалось не всегда, так как корабль, на котором он шел, был, по его словам, очень тяжелый и не приспособленный для дела открытий.

А корабль этот достался адмиралу по вине корабельщиков из Палоса, которые не исполнили своих обещаний королю и королеве, распорядившихся дать корабли, подходящие для подобного предприятия, и не сделали так, как им сделать надлежало.

Так говорит адмирал, отмечая, что из всего, что было на корабле, не потерялась ни одна агухета, ни одна доска, ни один гвоздь. Все находится в такой же сохранности, как в день отправления [из Кастилии], разве что только в корпусе корабля проделаны были отверстия, через которые вычерпывалась вода и разгружался трюм. Все же имущество находится на берегу под надежной охраной, как уже о том говорилось.

И он, полагаясь на бога, надеется, что, возвратившись сюда, сообразно своему намерению, из Кастилии, он найдет целую бочку золота. Золото же это приобретут оставленные здесь люди и, кроме того, эти люди откроют золотой рудник и выщут пряности и в таком количестве, что не пройдет и трех лет, как корабли Кастилии предпримут и снарядят поход для завоевания гроба господнего.

«И когда,— пишет он,— я объявил вашим высочествам, что вся выручка от моего предприятия должна быть истрачена на завоевание Иерусалима, ваши высочества улыбнулись и сказали, что им нравится мое решение и что подобное желание имелось у них, независимо от моего замысла». Таковы слова адмирала.

Четверг, 27 декабря. На восходе солнца явился король этой земли и сообщил адмиралу, что им уже посланы люди за золотом и что он хочет, прежде чем адмирал покинет берег, собрать все золото. И король просил адмирала не отплывать раньше, чем будет доставлено золото.

Адмирал разделил трапезу с королем, его братом и одним из родичей короля — особой, весьма близкой к последнему.

Оба спутника короля говорили адмиралу, что они желают отправиться с ним в Кастилию.

В то время когда адмирал угощал гостей, явилось несколько индейцев, которые принесли новость. По их словам, каравела «Пинта» стояла в устье одной из рек у оконечности острова. Касик тотчас же отправил в ту сторону каное, потому что он испытывал удивительную любовь к адмиралу.

Адмирал послал с этим каное одного из моряков *. Адмирал в это время уже принимал меры к тому, чтобы как можно скорее отправиться в обратный путь в Кастилию.

Пятница, 28 декабря. Чтобы отдать распоряжения, необходимые для скорейшей постройки крепости и для устройства остающихся в ней людей, адмирал направился на берег. Ему показалось, что, когда он плыл в лодке к берегу, король увидел его, но тут же с большой поспешностью вошел в свой дом, явно пытаясь остаться незамеченным.

Он направил к адмиралу одного из своих братьев, и тот провел гостя в один из домов, предоставленных для моряков. Дом же этот был самый лучший и самый большой в селении. Там был сооружен помост из пальмовых ветвей, на который и усадили адмирала. Затем брат короля отправил своего оруженосца к королю с вестью о том, что адмирал уже находится в селении, и было это сделано так, чтобы создать впечатление, будто король еще ничего не знает о прибытии гостя. Адмирал решил, что все это притворство понадобилось, чтобы оказать ему еще более почетный прием.

Вскоре после того, как оруженосец удалился, прибыл король и повесил адмиралу на шею большую золотую пластинку, которую он нес в руках. Адмирал был с королем до вечера на берегу, обсуждая со своими людьми, что необходимо выполнить для постройки крепости.

Суббота, 29 декабря. На восходе солнца на каравелу явился племянник короля, как говорит адмирал,— юноша смысленный и благонаравный.

Так как адмирал спрашивал у всех, где в этой земле добывается золото, и научился немного понимать язык жестов, то он не преминул задать такой же вопрос юному племяннику короля. Тот ответил, что к востоку от Эспаньолы, в четырехдневных переходах от нее есть острова Гуарионе и другие, которые носят названия: Марикорих, Майоник, Фума, Сибоа и Короай, и на них золота в несметных количествах ⁴². Адмирал записал названия этих островов; когда же об этой беседе узнал один из братьев короля, он, как показалось адмиралу, стал

* Лас Касас в «Истории Индий» пишет по этому поводу: «В нем [каное] адмирал послал одного моряка с дружеским письмом к Мартину Алонсо. В этом письме адмирал скрывал свое недовольство уходом [Пинсона] и огорчение, которое ему причинил этот уход, и убеждал Пинсона притти в то место, где он [Колумб] находился...».— *Прим. перев.*

бранить юношу. Адмирал убедился, что король старался [показать], что он не знает мест, где родится и добывается золото, чтобы он [адмирал] не ушел в другие места, дабы вести там меновой торг и закупать все необходимое; адмирал говорит, что «золота здесь столько и так много есть мест, где оно встречается и при этом на самом большом острове Эспаньоле, что это кажется чудом». Поздно вечером король послал адмиралу большую золотую маску и просил дать ему кувшин и таз для омовения рук.

Воскресенье, 30 декабря. Адмирал отправился на берег обе-
дать и высадился как раз в то время, когда к здешнему королю, который звался Гуаканагарí, явились пять подвластных ему королей, увенчанные коронами и полные такого достоинства, что, по словам адмирала, испанским королям доставило бы удовольствие поглядеть, как ведут себя эти люди.

Гуаканагарí встретил адмирала на берегу и, держа его за руку, проводил в дом, который адмирал уже посетил вчера и где ныне был помост из пальмовых ветвей и стулья (sillas). Когда адмирал сел, король снял со своей головы венцы и возложил его на голову гостя. В ответ адмирал снял висевшее у него на шее ожерелье из крупных агатов и великолепные четки очень красивой расцветки и дал их Гуаканагарí. Затем адмирал снял плащ с капюшоном — прекрасное одеяние из тонкого сукна и набросил его на плечи королю. И потом он послал на корабль человека за сапогами из цветной кожи и, когда эти сапоги принесли, заставил короля обуть их. И наконец надел ему на палец серебряное кольцо; такое кольцо король видел у одного моряка, и оно ему очень понравилось. Гуаканагарí остался в восторге от подарков. Два короля, из числа прибывших к Гуаканагарí, принесли адмиралу, каждый от себя, по большой золотой пластинке.

В то время, когда адмирал был на берегу, пришел к королю один индеец, который сообщил, что два дня тому назад он видел каравелу «Пинту», к востоку от этой бухты. Когда адмирал вернулся на каравелу, капитан Висенте Яньес [Пинсон] сказал ему, что на острове Амига, у входа в бухту Св. Фомы, в шести лигах отсюда, он видел ревеня. Это растение Висенте Яньес узнал по форме листьев и по корню. Корень ревеня напоминает большую грушу, стебель у основания имеет великолепную желтую окраску. Ревень легко узнать по широко разветвленным отросткам стебля и плодам, напоминающим зеленые и сухие тутовые ягоды.

Понедельник, 31 декабря. Весь этот день адмирал провел в хлопотах, распоряжаясь заготовкой дров и воды, необходимых для обратного плавания в Испанию.

Он желал как можно скорее осведомить королей [о результатах этого путешествия], с тем, чтобы они отправили на поиски еще не открытых земель корабли, потому что [начатое им]

предприятне казалось ему, как он говорит, на диво грандиозным и прибыльным.

Адмирал здесь отмечает, что он не отправится в Испанию до тех пор, пока не будет осмотрена вся эта земля, которая продолжается на восток. Он намерен обойти ее всю, вдоль берега, чтобы лучше уяснить себе, где удобнее всего можно будет разгружать корабли, которые будут приходить из Кастилии со скотом и иными товарами. Но ему не кажется разумным при одном оставшемся корабле подвергать себя опасностям, которые могут возникнуть в ходе новых открытий.

И он сетует на то, что все несчастья и неудачи произошли вследствие ухода каравелы «Пинты».

Вторник, 1 января 1493 г. В полночь адмирал отправил лодку на остров Амигу за ревенем. К вечеру моряки вернулись с корзинкой ревеня. Больше собрать они не могли, потому что не захватили с собой заступ. Этот ремень адмирал взял в качестве образца, предназначенного для королей. Король этой земли сообщил, что он отправил много каное за золотом. Возвратилось каное с моряком, посланным на поиски «Пинты». Моряк этот рассказывал, что «Пинту» ему найти не удалось. Он видел в двадцати лигах отсюда короля, у которого на голове были две большие золотые пластинки. Этот король исчез сразу же, после того как к нему обратились сидевшие в каное индейцы. Моряк сообщил также, что видел много золота и у других индейцев.

Адмирал предположил, что король Гуаканагарí запретил продовать золото христианам, желая, чтобы все оно проходило только через его руки, и что, по всей вероятности, Гуаканагарí знал места, где золота было столько, что оно не имело там никакой цены. Адмирал указывает, что здесь много съедобных пряностей, более ценных, чем перец и корица. Он препоручил сбор пряностей людям, которые пожелали остаться здесь с тем, чтобы они собрали их, сколько окажется возможным.

Среда, 2 января. Утром адмирал отправился на берег, чтобы проститься перед отплытием из этих мест с королем Гуаканагарí, и подарил ему свою рубашку. Затем адмирал показал королю, с какой силой стреляют ломбарды и каково разрушительное действие их ядер. Для этого он велел стрелять из ломбарды по сидящему на мели кораблю. Так поступил адмирал потому, что одной из причин его визита к Гуаканагарí была беседа о карибах, с которыми вели войну индейцы этой страны. Король увидел, как далеко стреляет ломбарда и во что превратился после этой стрельбы корпус корабля — мишени. Адмирал велел морякам разыграть примерную боевую схватку и заверил касика, что теперь ему уже нечего бояться карибов, даже если они снова нападут на его земли. Все это адмирал сказал Гуаканагарí, желая, чтобы король дружески относился к оставляемым здесь христианам и проникся к ним страхом.

Адмирал пригласил касика и сопровождающих его людей отобедать с ним в доме, где он расположился. Адмирал рекомендовал королю Диего де Арану, Перо Гутьереса и Родриго Эскуведу, людей, которых он оставлял здесь в качестве своих заместителей, чтобы они хорошо управляли и умело распоряжались, достойно служа богу и их высочествам.

Касик проявил большую любовь к адмиралу и очень сожалел об его отъезде. Особенно опечален был Гуаканагарй в момент, когда увидел, что адмирал отчаливает от берега.

Один из приближенных короля говорил адмиралу, будто Гуаканагарй приказал отлить из чистого золота статую адмирала в полный его рост. Эту статую должны были доставить королю через десять дней.

Адмирал возвратился на корабль, намереваясь сразу же выйти в море. Но ветер оказался непопутным.

На острове Эспаньола, что у индейцев называется Бохио, адмирал оставил в крепости 39 человек и среди них, по его словам, было много друзей короля Гуаканагарй.

Он назначил своим заместителем Диего де Арану, уроженца Кордовы, и Перо Гутьереса, постельничего короля и приближенного великого кравчего (*despenseiro mayor*), и Родриго де Эскуведу, уроженца Севильи, племянника брата Родриго Переса⁴³, со всеми полномочиями, которыми он пользовался сам от имени королей.

Он передал им все товары, которые в свое время короли вели закупать для менового торга — и было этих товаров немало, — и, кроме того, разрешил им менять на золото все, что осталось на корабле, выброшенном на мель.

Им даны были годовые запасы зерна и сухарей, вино, артиллерийское вооружение, лодка, чтобы они могли, будучи в своем большинстве моряками, совершать в благоприятное для плавания по морю время рейды в поисках золотого рудника: адмирал желал по возвращении обнаружить на этой земле много золота и найти место, где можно было бы заложить поселение. Дело в том, что эта гавань не удовлетворяла его главным образом потому, что, по слухам, золото доставлялось сюда с востока, а следовательно, и город надо было построить восточнее, тем более, что в этом случае он оказался бы ближе к Испании*.

Адмирал также оставил им семена и назначил должностных лиц — альгвасила и нотариуса. Среди прочих людей, что

* Любопытное противоречие в записях — 26 декабря отмечалось, что бухта Навидад идеальное место для сооружения крепости и что богу угодно было посадить «Санта Марию» на мель только для того, чтобы испанцы могли оценить выгоды злосчастной бухты. Неделю спустя в «Дневнике» отмечается, что бухта Навидад отнюдь не лучшее место для закладки города и крепости. А в записи от 6 января вновь отмечается, что для основания поселения нет места удобнее, чем Навидад. — *Прим. перев.*

остались на острове, были корабельный плотник, конопатчик, хороший пушкарь, знающий толк в фортификации, бондарь, портной, лекарь. Все остальные, говорит он, были моряками.

Четверг, 3 января. Адмирал не отправился сегодня в путь, так как ночью, как он говорит, пришли трое индейцев из числа взятых на Гуанакани и сообщили, что наутро явятся посмотреть на испанцев много индейцев и приведут с собой своих жен. Море было беспокойно, и поэтому нельзя было послать лодку на берег. Адмирал решил отправиться с божьей помощью в путь завтра. Он говорит, что будь с ним каравела «Пинта», без сомнения он привез бы в Кастилию целую бочку золота, потому что отважился бы продолжать путь, следуя вдоль берегов этих островов. Но имея один корабль, он не может решиться поступить таким образом во избежание помех, которые воспрепятствовали бы возвращению его в Кастилию. Между тем вернуться он должен обязательно, чтобы дать отчет королям о том, что было открыто.

Все подготовив настолько, что оставалось только отправиться в путь, адмирал созвал всех и обратился к тем, кто должен был остаться здесь, со следующей речью, содержащей указания, каковые давал он, будучи человеком разумным и христианином. В о-п е р в ы х,— помнить о великих милостях, которые бог оказывал ему и всем другим до сей поры, и о ниспосланном богом благах; за это богу должно постоянно воздавать благодарность и надо верить в его благостыне и милосердию, остерегаясь его обидеть, и уповать во всем на него, вознося к нему молитвы о возвращении адмирала, каковое, с помощью господ, адмирал обещает елико возможно ускорить; с поддержкой же божьей, все остающиеся должны пребывать здесь в великой радости. В о-в т о р ы х,— адмирал от имени их высочеств просит, поручает и повелевает, чтобы все подчинялись своему капитану, как ему адмиралу самому, ибо он, адмирал, верит в добрый нрав и преданность [этого капитана]. В-т р е т ь и х,— чтобы все почитали и премного уважали сеньора и короля Гуаканагарí и его касиков и старейшин, или «нитайно», и прочих сеньоров более низкого ранга, и избегали, как смерти, действий, обидных для этих особ, ибо все уже имели случай убедиться, чем обязаны [испанцы] Гуаканагарí и прочим, да и сама необходимость вынуждает к тому, чтобы король и люди его оставались довольны теми, кто остается на их земле и под их властью; и прежде всего надо стараться мягким и достойным обращением завоевать доверие короля так, чтобы сохранялись у него чувства любви и привязности, дабы, возвратившись, адмирал нашел Гуаканагарí еще более дружественно и благоприятно расположенным, чем ныне. В-ч е т в е р т ы х,— адмирал приказывает и горячо просит остающихся, чтобы ни одному индейцу и ни одной индианке

не причинялись обиды и утеснения и чтобы ничто не бралось у индейцев вопреки их желаниям. Особенно же следует остерегаться и избегать оскорблений и насилий по отношению к женщинам, ибо от этого возникают поводы для распрей и подается дурной пример индейцам и позорится имя христиан, а индейцы твердо убеждены, что мы все посланцы небесных сил и пришельцы с неба и таковыми нас считают. В-п я т ы х,— адмирал наказал остающимся не отделяться друг от друга, не ходить в одиночку и по-двое, не углубляться внутрь страны, если только подобное не будет совершено всей группой, и так вести себя впредь до его возвращения. И паче того, не покидать земли и владений этого короля и сеньора, который так любит их и таким добрым и отзывчивым проявил себя. В-ш е с т ы х,— адмирал призвал их воодушевиться, дабы претерпеть тяготы одиночества, каковы мало чем отличаются от изгнания, хотя остаться здесь люди согласились по своей воле; и быть мужественными, стойкими, готовыми взять на себя выполнение любого дела, и всегда иметь перед собой примера лишения мигувшего плавания и помнить, как утешал, в конце концов, их господь и как возрадовались они, сперва увидав землю, а затем и богатства: ибо с каждым днем открывалось все больше и больше золота. Великие результаты всегда достигаются трудом и никогда не даются даром. А когда таковые [результаты] уже достигнуты, тогда то, что достигается с трудом, кажется особенно ценным и чем больше трудностей и чем дороже обходится достижение цели, тем большим бывает удовлетворение. В-с е д ь м ы х,— адмирал поручил остающимся свершить следующее: когда выпадет благоприятное время, должны они будут попросить короля, чтобы тот отправил с ними на каное и на той лодке, что здесь остается, индейцев, каковые поведут их [испанцев] к востоку и там индейцы укажут, где родится золото. В тех местах надо будет всем сообща выбрать удобный участок для заложения поселения, ибо этой гаванью адмирал не удовлетворен; также следует набрать побольше золота, которое удастся обрести добром и честным торгом, дабы по возвращении адмирал нашел бы много собранного и добытого таким путем золота. В-в о с ь м ы х,— и это последний пункт — адмирал заверил остающихся, и обещал испросить для них у королей надлежащие милости и пожалования, ибо воистину их служба и все то, что препоручил он им свершить, заслуживают вознаграждения.

Остающиеся же убедятся, как тороваты на милости католические короли, и будут они, с божьей помощью, утешены по возвращении сюда адмирала. И пусть заранее будут уверены те, кто остается здесь, что отнюдь не безделицей считал адмирал их пребывание тут в качестве залога для своего возвращения, и поэтому память о них не оставит его ни днем, ни

ночью; и напротив, забота о тех, кто остался на острове, будет действенной причиной, каковая побудит его ускорить сборы, необходимые для возвращения⁴⁴.

Остающиеся с готовностью изъявили желание исполнить все, что им было поручено и приказано, и они возложили на адмирала все надежды на поддержку и милости, каковые должен он был привезти им от королей, дабы впредь покойна и тиха была их жизнь. Умоляли они адмирала всегда помнить о них и в возможно короткий срок доставить им радость, какую ую они все испытают при его возвращении.

Если бы адмирал знал наверняка, что каравела «Пинта» благополучно вернется в Испанию с таким капитаном, как этот Мартин Алонсо Пинсон, он не преминул бы свершить то, что входило в его намерения. Но он ничего не знал о Пинсоне и кроме того опасался, что Пинсон, возвратившись в Кастилию, может сообщить королям ложные вести, чтобы избегнуть заслуженной им кары. А такая кара должна быть уделом всякого, кто причинял и причиняет столько зла, покидая флотилию без разрешения и сводя, таким образом, на-нет выгоды, которые могли бы быть извлечены из этого плавания.

Так говорит адмирал, полагая, что бог даст ему добрый путь и поможет во всем.

[ВСТРЕЧА С ПИНСОНОМ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЭСПАҢЬОЛЫ]

Пятница, 4 января. На восходе солнца адмирал приказал поднять якоря и при слабом ветре направился на северо-запад, чтобы выйти из полосы мелей через канал более широкий, чем тот, которым пользовались при входе в бухту. Этот канал, так же как и другие, очень удобен для входа в бухту, у берега которой стоит селение, основанное ныне и названное Навидад [рождество].

Наименьшая глубина в нем от трех до девяти локтей. Проходы в бухту идут с северо-запада на юго-восток, следуя направлению больших банок, что протягиваются от Святого мыса до Змеиного мыса на расстоянии шести лиг и вдаются в море на добрых три лиги. У Святого мыса наибольшая глубина 8 локтей, и к востоку от него, со стороны берега, простирается пояс мелей, в котором есть, однако, проходы. Низкий песчаный берег идет с северо-северо-запада на юго-юго-восток. Он совершенно плоский, и горы отступают в этих местах от моря на расстояние в четыре лиги. Горные цепи в глубине страны очень высоки. Весь край густо населен. Имеется много больших селений, и в них проживают хорошие люди, как то показал пример общения их с христианами.

Адмирал, выйдя из бухты, направился на восток в сторону большой горы, которая издали казалась островом. На самом

же деле она соединяется с сушей узким и низким перешейком. Эту гору, имеющую форму боевого шатра, адмирал назвал горой Христа (Monte Christo). Она расположена прямо на восток от Святого мыса, на расстоянии 18 лиг от него.

В этот день из-за слабого ветра не удалось дойти до горы Христа: к ночи до нее оставалось еще шесть лиг. Адмирал открыл четыре песчаных островка, связанных с большой отмелью, вытянутой с северо-запада на юго-восток.

За этой отмелью располагался большой залив, который вдавался в берег к юго-востоку от горы Христа и в этом направлении протягивался на добрых двадцать лиг. Этот залив должен быть очень мелким. В него впадает немало рек, но все они не судоходны, хотя моряк, который был послан на поиски «Пинты», и говорил, будто видел реку, в которую могут входить корабли.

Корабль стал на якорь в шести лигах от горы Христа, в месте, где глубина моря была 19 локтей, и пробыл здесь всю ночь. Адмирал советует всем, кто направляется к селению Навидад, ознакомиться сперва с берегами у горы Христа и плыть от них на расстоянии более чем в две лиги. Он сам, однако, так не поступил, потому что все берега в этой стороне были ему известны.

Адмирал заключает, что страна Сипанго расположена на этом острове, и в ней есть много золота, пряностей, благовонной смолы и ревеня.

Суббота, 5 января. Перед тем как взошло солнце, адмирал отправился в путь при ветре, дующем с суши. Но затем подул восточный ветер, и он направился на востоко-юго-восток, а затем на юго-юго-восток, чтобы дойти до бухты, которая оказалась между горой Христа и одним островком, и там стать на якорь с наступлением ночи.

Он прошел шесть лиг, отделявших его от горы Христа, и везде глубина моря была не менее 17 локтей, а дно чистое, и проследовал еще на три лиги при таких же глубинах.

Затем глубина уменьшилась до 12 локтей и так было, пока он не дошел до впадающего в море выступа горы Христа. Дальше на протяжении лиги глубина была 9 локтей, дно чистое, усеянное тонким песком. У входа в бухту, между горой и островом, дно оказалось на глубине $3\frac{1}{2}$ локтей во время отлива. Адмирал вошел в бухту и стал в ней на якорь.

Он отправился на лодке на островок и нашел там золу и человеческие следы — признак пребывания здесь рыболовов.

На побережье он видел множество разноцветных камней — тут были целые россыпи прекрасных на вид камней, превосходно обработанных самой природой, и адмирал говорит, что эти камни, подобно найденным на островке Сан-Сальвадор, пригодны для постройки церквей и для сооружения красивых зданий.

Он нашел здесь, на этом островке, много мастичных деревьев. Гора Христа, по его словам, очень красива и высока, изящна по форме и окружена морем и низкой, приятной на вид равниной. Она так высока, что издали кажется островом. За этой горой, к востоку, на расстоянии в 24 мили от нее, адмирал видел мыс, который он назвал Телячьим (Cabo del Bezecco). От этого мыса к горе тянутся, по крайней мере на добрых две лиги, цепи мелей. Но адмиралу показалось, что среди отмелей были проходы, через которые можно было проникнуть к берегу. Необходимо только плыть в этих местах днем, выслав лодку вперед для промеров глубин. От горы до Телячьего мыса — четыре лиги, берег везде низкий и очень красивый, но вся прилегающая к берегу часть этой земли гориста, и склоны гор повсеместно возделаны и радуют взор своей прелестью.

В глубине страны с северо-востока на юго-запад идет горная цепь, красивейшая из всех, которые приходилось адмиралу видеть, и очень похожа она на кордовские горы.

Еще дальше видны на юге и юго-востоке высокие горы и широчайшие зеленые долины, в которых текут большие реки. Все это так умиротворяет взор и так прекрасно, что адмирал говорит, будто и в тысячной доле нельзя передать очарование этих мест. К востоку от горы Христа, за Телячьим мысом, видна земля, которая кажется горою. По величине и красоте эта гора не уступает горе Христа. На северо-востоке, четверть к востоку от этой горы, расположена не столь высокая земля, и до нее отсюда расстояние сто миль или около того.

Воскресенье, 6 января. Эта бухта защищена от всех ветров, кроме северного и северо-западного. Но ветры этих направлений дуют здесь редко, да к тому же от них можно укрыться за островком. Глубина бухты до четырех локтей.

На восходе солнца адмирал приказал поднять паруса, чтобы следовать дальше вдоль берега, который все время шел к востоку. Однако прямо на восток не всегда можно было держать курс, из-за многочисленных банок, мелей и подводных камней, часто встречающихся у побережья. Но за этими отмелями есть на берегу удобные бухты, куда ведут доступные для кораблей проходы.

После полудня подул сильный ветер. Адмирал приказал одному моряку подняться на вершину мачты, чтобы высмотреть, где есть проходы среди мелей. Моряк этот увидел вдали каравелу «Пинту», которая шла вдоль берега под ветром с кормы.

«Пинта» приблизилась к «Нинье», но ни тот, ни другой корабль не мог из-за мелей стать на якорь, и адмирал возвратился к горе Христа, на десять лиг к западу, а «Пинта» шла вместе с ним.

Мартин Алонсо Пинсон явился на «Нинью» к адмиралу, принес ему извинения и заявил, что он покинул флотилию против своей воли, и привел тому доказательства. Адмирал, однако,

говорит, что все эти доказательства были ложны и что из гордыни и жадности Пинсón ушел от него в ту ночь. И он добавляет, что не знает, откуда взялась у Пинсónа эта гордыня и чем объяснить бесстыдство, которое он проявлял на протяжении всего путешествия. Адмирал скрыл, однако, свои чувства, не желая потакать сатане, который стремился помешать ему в этом плавании и изрядно мешал до сих пор. От одного индейца, из числа переданных в свое время на «Пинту», Пинсón узнал, что на острове, который называется Банеке, есть много золота. У Пинсónа был легкий и ходкий корабль, и он решил поэтому отделиться от флотилии и итти дальше, ради своей собственной выгоды, бросив адмирала. Адмирал же желал задержаться [в открытых землях], плавая вдоль берегов Хуаны и Эспаньолы, так как то были дороги к востоку.

Затем, говорит адмирал, Мартин Алонсо направился к Эспаньоле, потому что от индейцев он получил сведения, что на этом острове, который называется у них Бохио, есть много золота и имеются золотые рудники. Поэтому-то он подошел к берегу Эспаньолы и пробыл более двадцати дней в одной бухте, расположенной в 15 лигах от Навидада.

Таким образом, оказались верными сообщения индейцев, побудившие короля Гуаканагарí отправить к «Пинте» каное, на котором адмирал послал своего человека. Но каное это явилось к тому месту, где находилась «Пинта», когда последняя уже вышла в море. Адмирал говорил, что на «Пинте» накопилось много золота, потому что за наконечник агухеты Пинсónу давали куски золота, толщиной в два пальца, а порой и в руку. Пинсón брал себе половину всего приобретенного золота, а другую половину делил между своими людьми. Адмирал добавляет, обращаясь к королям: «Итак, государи-повелители, я сознаю, что чудесным образом повелел господь оставить здесь тот корабль [«Санта-Марию»], потому что место это наилучшее на всем острове для основания поселения и лежит поблизости от золотых рудников».

Также говорит он, что узнал, будто за островом Хуаной, к югу от него, есть другой большой остров и на нем золота гораздо больше, чем на Эспаньоле, и столько его, что там собирают куски золота крупнее куриного яйца. На Эспаньоле добывают в рудниках золото в зернах не более пшеничных.

Тот остров называют индейцы «Ямайе».

Адмирал узнал также, что к востоку от Эспаньолы есть остров, на котором живут лишь одни женщины, и об этом говорили ему многие *. А остров Эспаньола и другой остров — Ямайе — лежат близ материковой земли, на расстоянии от нее в десять дневных переходов на каное, или в 60—70 лигах, и на материковой земле люди ходят в одежде.

* См. комментарий к письму Сантанхелю и Санчесу.— *Прим. перев.*

Понедельник, 7 января. В этот день брали воду для каравелы и конопатили ее; моряки, которые ходили на берег за дровами, нашли много мастичных деревьев и алоэ.

Вторник, 8 января. Дул сильный ветер с востока и юго-востока, и поэтому адмирал не вышел в море. Он приказал снабдить каравелу дровами, водой и всем необходимым на весь [обратный] путь. Он имел намеренье проследовать вдоль всего берега Эспаньолы, но не мог осуществить намеченного замысла, ибо люди, которых он назначил капитанами,— братья Мартин Алонсо и Висенте Яньес Пинсоны — и другие, следовавшие их примеру, невзирая на честь, оказанную им адмиралом, обуреваемые гордыней и жадностью, считали, что все должно принадлежать только им одним, и не подчинялись и не желали подчиняться распоряжениям адмирала и говорили о нем неподобающее и недостойное; а Мартин Алонсо бросил адмирала 21 ноября и был в отлучке до 6 января без оснований и без причин — только в силу своего непослушания. И все это адмирал должен был молча терпеть, чтобы довести до благополучного конца свое плавание. И он вынужден был скрывать свои чувства, потому что имел дело с людьми распущенными, и хотя, говорит он, были у него с собой надежные спутники, но не время было карать виновных. Вот почему адмирал решил возвратиться [в Кастилию] возможно скорее и не задерживаться в этих местах.

Адмирал отправился осматривать реку, которая впадала в море на расстоянии большой лиги к юго-юго-западу от горы Христа. Здесь моряки брали воду для пополнения корабельных запасов. Он обнаружил, что песок в устье реки (весьма большой и глубокой) содержит очень много золота, хотя и мелкого, и предположил, что золотые зерна дробятся по пути от верховьев к устью, и что выше по течению на небольшом расстоянии от моря можно будет найти куски золота величину с чечевицу. Но мелкого золота было здесь огромное количество⁴⁵.

Так как был час прилива и в устье пресная вода смешивалась с соленой, адмирал приказал подняться вверх по реке на расстояние брошенного камня. Моряки наполнили там два бочонка, опуская их в воду с лодки, а когда вернулись на корабль, увидели, что на обручах сверкают мелкие золотинки. Поэтому адмирал назвал эту реку Золотой (Rio del Oro). В месте впадения в море устье ее пересечено мелью, но выше по течению река эта очень глубока и широка. От нее до селения Навидад 17 лиг. На этом пространстве в море впадает много больших рек; из них особенно приметны три реки, в которых, как полагает адмирал, золота еще больше, чем в Золотой реке, потому что они больше ее, и по ширине почти такие же, как Гвадалкивир в Кордове. От них до золотых рудников нет и двадцати лиг. Адмирал говорит еще, что он не

пожелал взять песок, в котором было столько золота, потому что их высочества уже имеют золото у порога своего поселения Навидад.

Единственно, чего он желает, так это скорейшего возвращения, чтобы доставить обо всем вести [королям] и избавиться от дурной компании, в которой он находится: ведь он всегда говорил, что люди эти [Пинсоны] крайне распущенные.

Среда, 9 января. В полночь адмирал приказал поднять якорь и при юго-восточном ветре пошел на востоко-северо-восток. К вечеру он дошел до мыса, расположенного в шестидесяти милях к востоку от горы Христа.

За три часа до наступления ночи адмирал стал на якорь под прикрытием этого мыса, названного Красным (Punta Roxa).

Он не отважился выйти в море ночью, так как везде вдоль берегов было множество банок и мелей, которые казались опасными до тех пор, пока с ними не ознакомились. Впоследствии же выяснилось, что места эти проходимы, потому что между отмелями были глубокие каналы и удобные якорные стоянки, защищенные от любых ветров.

Везде вдоль берега, от горы Христа до места, где адмирал бросил якорь, за полосой низких равнин возвышались очень красивые горы, и цепи их тянулись с востока на запад. Любо было поглядеть на эти горы, сплошь возделанные и утопающие в зелени. Со склонов их текли многочисленные ручьи. На берегу имеется множество черепах. Моряки поймали несколько черепах на горе Христа, куда эти черепахи приползли откладывать яйца. Они огромны, величиной с большой щит.

Вчера, когда адмирал ходил к Золотой реке, он видел трех сирен (serenas), высунувшихся из воды; но они вовсе не были так красивы, как о них говорят, хотя морды их в самом деле чуть похожи на человеческие лица ⁴⁶.

Адмирал говорит, что раньше он видел этих животных в Гвинее, на берегу Манегеты.

Он отмечает, что в следующую ночь с богом отправится в [обратный] путь, нигде не задерживаясь, потому что уже нашел он то, что искал, и еще потому, что не хочет больше терпеть обид от этого Мартина Алонсо, до тех пор, пока их высочества не узнают всего, что случилось и что было сделано в этом путешествии. «А затем,— говорит он,— я уж больше не потерплю оскорблений со стороны дурных и недобросовестных людей, которые осмелились проявить свой нрав с таким неуважением к человеку, оказавшему им большую честь».

Четверг, 10 января. Адмирал покинул место якорной стоянки и к восходу солнца дошел до реки, расположенной в трех лигах к юго-востоку и названной им рекой Благодати (Rio de Graçia). В устье близ восточного берега ее он стал на якорь. У входа в эту реку расположена песчаная мель и очень узкий проход, которым можно проследовать вверх по течению; глу-

бина его не более двух локтей. Но внутренняя часть устья — хорошая, замкнутая гавань, к сожалению, с частыми туманами.

И здесь стояла проклятая каравела «Пинта», на которой шел Мартин Алонсо Пинсон. Адмирал говорит, что Пинсон пробыл здесь, торгуя с индейцами, 16 дней и приобрел много золота, а этого только Пинсон и желал. А затем, узнав от индейцев, что адмирал находится у берегов того же острова Эспаньолы, и понимая, что ему не миновать встречи с ним, Пинсон направился к адмиралу. Адмирал говорит также, что Пинсон хотел, чтобы люди на «Пинте» присягнули ему в том, что каравела пробыла на этой реке шесть дней, а не шестнадцать. Но так была явна подлость Пинсона, что невозможно было ее скрыть. У Пинсона, по словам адмирала, было правило — половина всего приобретенного золота доставалась ему. Кроме того, уходя отсюда, он силой захватил четырех индейцев — двух мужчин и двух девушек. Адмирал велел одеть их и высадить на берег, желая, чтобы они возвратились к себе домой.

«Подобный поступок, — пишет он, — направлен на благо ваших высочеств, потому что на этом острове все мужчины и женщины принадлежат вам, так же, как и на прочих островах. Но именно здесь, где ваши высочества имеют уже свою крепость, следует оказывать народам почет и покровительствовать им, тем более, что на Эспаньоле есть столько золота и пряностей, и плодородных земель».

Пятница, 11 января. В полночь при ветре, дующем с берега, адмирал вышел из устья реки Благодати и шел к востоку четыре лиги до мыса Красивого Луга (Bel Prado); к юго-востоку от мыса видна была лигах в восьми гора, которую он назвал Серебряной (Monte de la Plata). На восток, четверть к юго-востоку, от мыса Красивого Луга, лигах в восемнадцати от него находился мыс, названный адмиралом Ангельским мысом (Cabo del Angel).

Между Ангельским мысом и Серебряной горой в берег врезывался залив, вдоль которого видны были прелестнейшие земли на свете, высокие и прекрасные. В глубине страны с востока на запад протягивалась огромная и очень красивая горная цепь. У подошвы Серебряной горы расположена была удобная бухта. У входа в нее глубина была около 14 локтей. Гора же эта была очень высока и прелестна на вид. Вся же местность казалась густо населенной, и адмирал предположил, что здесь должно быть много больших рек и золота.

На восток, четверть к юго-востоку, от Ангельского мыса, в четырех лигах от него виднелся выступ берега, которому адмирал дал имя — мыс Железный (Cabo Hierro), и в том же направлении, но на четыре лиги дальше, лежала коса, названная им Сухой (Punta Seca), а еще дальше, на расстоянии шести лиг от Железного мыса, виден был мыс, который получил имя Круглый (Redondo), и к востоку от него лежал Фран-

Воскресенье, 13 января. Адмирал не мог выйти из этой бухты, потому что не было попутного ветра с суши. А он желал проследовать к другой, лучшей бухте, так как эта была несколько открыта, а также потому, что он намеревался наблюдать 17 января соединение Луны с Солнцем, противостояние Луны с Юпитером и соединение ее с Меркурием, и противостояние Солнца с Юпитером *. Все эти явления вызывают сильные ветры.

Адмирал послал людей на берег для сбора «ахе». Они встретили группу индейцев, вооруженных луками и стрелами, и вступили с ними в беседу.

Одного из индейцев удалось уговорить отправиться на каравелу, и адмирал видел его. Он говорит, что у этого индейца черты лица были менее правильны, чем у других местных жителей, которые встречались ему ранее. Лицо его было измазано сажей: таким образом, видимо, повсеместно индейцы имеют обычай раскрашивать себя в разные цвета.

У него были длинные, заброшенные назад и связанные пучком волосы, украшенные воткнутыми в них перьями попугая. Так же, как и прочие индейцы, они наги. Адмирал рассудил, что эти индейцы — карибы, т. е. пожиратели людей, и что большой залив, который вчера он видел, отделяет эту землю от Эспаньолы. Таким образом, земля эта должна быть островом.

Адмирал спросил явившегося на каравелу индейца о карибах, и тот знаками объяснил, что земля карибов находится поблизости отсюда, на востоке. Адмирал говорит, что эту землю он видел вчера, прежде чем вошел в бухту. Индеец сказал ему, что на земле карибов есть много золота, и, указав на корму каравелы, добавил, что там имеются куски золота такой величины.

Золото он называл «туоб» и не понимал слова «каона», которым обозначается этот металл у индейцев передней [западной] части острова. Ему неизвестно было и принятое у индейцев Сан-Сальвадора и других островов название «носай». Бронзу (медь) на Эспаньоле также называли «туоб».

Этот индеец рассказал, что на острове Матинино живут одни только женщины и что там много металла «туоб», т. е. золота или бронзы. Остров же этот расположен восточнее страны Кариб.

Индеец говорил также и об острове Гоанин, где есть много «туоб».

Адмирал указывает, что об этих островах он в минувшие дни много слышал уже от других индейцев и что везде, на

* Это место свидетельствует, что адмирал немного знал астрологию, хотя, как кажется, расположение планет указано здесь неправильно по вине дурного переписчика, который снимал копию [с дневника]. — *Прим. Лас Касаса.*

всех островах, которые он видел, индейцы жили в страхе перед карибами, или, как их некоторые называли, канибами. На Эспаньоле все называют этих людей карибами. Карибы должны быть, по мнению адмирала, людьми отчаянными, потому что бродят они по всем островам и поедают индейцев везде, где удастся им их захватить. Он говорит, что понял некоторые слова, произнесенные индейцем, и поэтому смог извлечь из этого пользу.

Индейцы же, которых он вез с собой, понимали речь этого человека гораздо лучше, чем адмирал, хотя и находили между языком своим и местным разницу, вызванную большим расстоянием, отделяющим их острова от этой земли.

Адмирал приказал накормить индейца и дал ему лоскутки зеленых и красных тканей и стеклянные четки, к которым все индейцы имеют большое пристрастие, а затем отправил его на берег и сказал, чтобы он принес золото, если только оно у него имеется: адмирал полагал, что у этого индейца есть золото, судя по некоторым безделушкам, которыми он себя украсил.

Приблизившись к берегу, моряки увидели, что за деревьями скрывается по крайней мере пятьдесят пять нагих индейцев с волосами столь же длинными, как у кастильских женщин. На затылке они носили султан из перьев попугая и других птиц; у каждого был свой лук.

Индеец, высадившись на берег, заставил всех этих людей положить луки и стрелы и кусок палки, который служит как... * очень тяжелый, который они носят вместо шпаги. Затем индейцы подошли к лодке, а моряки высадились на берег и принялись, выполняя приказ адмирала, скупать у индейцев их луки, стрелы и иные виды оружия. Но, продав два лука, индейцы не захотели больше ничего отдавать. Более того — они стали готовиться к нападению на христиан, желая захватить их в плен. Они бросились за своими луками и стрелами в то место, где было оставлено оружие, и вернулись, держа в руках веревки, предназначенные, как говорит адмирал, для того, чтобы связать христиан.

Видя, что индейцы бегут к ним, христиане, которые были настороже, потому что к этому их всегда призывал адмирал, кинулись навстречу нападающим и нанесли одному индейцу удар ножом в зад, а другого ранили в грудь стрелой.

Убедившись, что выиграть [в схватке] им придется немного, индейцы обратились в бегство, все как один, хотя христиан было только семь, а их более пятидесяти. При этом одни бросили стрелы, другие луки. Христиане, по словам адмирала, перебили бы много индейцев, если бы им в этом не помешал пилот, посланный на берег в качестве командира от-

* Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*

ряда. Христиане тотчас же вернулись на корабль. Адмирал, узнав о происшедшем, сказал, что, с одной стороны, все это его печалит, но в то же время он и рад случившемуся: теперь эти индейцы будут бояться христиан, а они люди, способные на недобрые дела, и, как он предполагает, относятся к племени карибов и едят людей. И если сюда придет лодка, которую он оставил тридцати девяти испанцам в крепости и селении Навидад, то местные жители побоятся причинять зло пришельцам.

Если же эти индейцы и не карибы, то, по меньшей мере, они соседи карибов, и обычаи у них такие же, и они люди без страха, совсем не похожие на обитателей других островов, безоружных и трусливых до безумия. Адмирал добавляет, что он хотел бы захватить в плен несколько этих индейцев, и говорит, что они давали множество дымовых сигналов, по обычаю жителей Эспаньолы.

Понедельник, 14 января. Адмирал не вышел в море, так как хотел послать своих людей на поиски жилищ этих индейцев, чтобы захватить пленных, полагая, что обитатели этой земли — карибы; кроме того, плаванью препятствовали сильные восточные и северо-восточные ветры и волнение на море. Но еще днем на берег вышло множество индейцев, и адмирал приказал отряду хорошо вооруженных людей отправиться на берег.

Индейцы сразу подошли к лодке. С ними был человек, посетивший вчера каравелу и получивший от адмирала разные безделушки. Явился также и король этих индейцев, который передал упомянутому индейцу четки, чтобы тот вручил их, как знак мира и безопасности, людям, что были в лодке. Король с тремя индейцами сел в лодку и был доставлен на каравелу. Адмирал приказал дать им сухари и мед и подарил королю красный колпак, четки и кусок красного сукна. Спутникам короля он также дал куски сукна. Король обещал завтра привезти золотую маску и утверждал, что золота очень много и здесь, и в Карибе, и на Матинино. Затем адмирал отправил их всех на берег, и они ушли довольные.

Адмирал говорит, что корпуса каравел у килей пропускают воду и виной тому конопатчики из Палоса, которые проконопатили корабли из рук вон плохо и скрылись, когда адмирал, обнаружив пороки в их работе, хотел заставить их кое-что переделать.

Тем не менее, несмотря на большую течь, адмирал надеялся, что бог, который привел его сюда, по благодати и милосердию своему, вернет его [в Кастилию]. Ведь его небесное величество знало, сколько препон встретил адмирал прежде, чем смог отправиться из Кастилии. И только он, адмирал, и никто иной был в милости у бога, потому что господь знал его сердце. И только богу и их высочествам ведомо было оно. Все же остальные без всякой причины были враждебны ему. И он

говорит дальше: «и по этой причине королевская корона ваших высочеств была лишена дополнительного дохода в сто куэнтос * в течение всего времени, прошедшего с тех пор, как я прибыл на королевскую службу, т. е. на протяжении семи лет (этот срок истечет в двадцатый день сего месяца января) ⁴⁷, а также и приращения этого дохода за все указанное время. Но всемогущий бог все возместит». Таковы его [адмирала] слова.

Вторник, 15 января. Адмирал говорит, что желает покинуть эти места,— не видит он никакой пользы в задержке, так как уже миновали былые нелады. Он имеет в виду возмущение, учиненное индейцами, и отмечает, что вся масса золота находится в округе селения Навидад, подвластной их высочествам, а бронзы много есть на острове Кариб и в Матинино. Но на острове Кариб добыть ее нелегко, потому что жители этого острова, как говорят, едят человеческое мясо.

Страна карибов кажется отсюда островом, и адмирал принял решение идти к ее берегам, ибо она лежит на его пути, точно так же, как и остров Матинино, который, по слухам, населен безмужними женщинами; он же желает осмотреть и тот и другой остров и взять [с собой в Кастилию] жителей этих земель.

Адмирал отправил на берег лодку. Его люди должны были встретить на берегу короля этой земли, но последний не пришел, потому что, как говорит адмирал, индейское селение находилось где-то далеко; но король, верный своему слову, прислал обещанную золотую корону. На берег пришло много индейцев с хлопчатой тканью, хлебом и «ахе», у всех были луки и стрелы. Уже после того, как на берегу закончился меновой торг, на каравелу явилось четверо юношей-индейцев, и адмиралу показалось, что они так толково и так ясно говорят об островах, лежащих к востоку, на пути кораблей, что он решил взять их с собой в Кастилию.

Люди здесь, по словам адмирала, не имеют железа, и не замечены были у них и другие металлы: впрочем, нельзя за короткое время узнать много о какой-либо стране. И кроме того, что-либо разузнать об этой земле нелегко еще и из-за трудности местного языка; адмирал понимал его только по догадкам, да и индейцы не могли за несколько дней уяснить себе, чего он от них хочет.

Луки у индейцев такой же величины, как английские и французские, а стрелы похожи на дротики, которыми вооружены были индейцы на других, ранее открытых островах. Эти стрелы делаются из отростков стеблей тростника. Они

* Куэнто (cuento; множ. число — cuentos) составляло миллион мараведи. Доход в сто куэнтос равен, следовательно, ста миллионам мараведи, или 375 000—400 000 кастельяно.— *Прим. перев.*

совершенно прямые и в длину имеют 1,5—2 вары *. К концам таких тростинок прикрепляются острые палочки длиной в 2½ пальмы **. В эти наконечники индейцы вставляют еще рыбы зубы или привязывают к ним пучки травы. Стреляют они из лука не так, как в других местах, а особым способом и не очень метко.

Здесь растет много хлопка, тонкого и длинного, и имеется немало мастичных деревьев. Адмирал полагает, что луки индейцы делают из тиса, и считает, что в их стране есть много золота и меди. В изобилии растет здесь «ахи», род пряности, который употребляется в пищу. Все его люди приправляют пищу ахи, и растение это крепче, чем наш перец, и очень полезно для здоровья. Можно ежегодно с одной только Эспаньолы отправлять пятьдесят каравел, груженных ахи.

Адмирал говорит, что в бухте он нашел много трав, подобных уже встречавшимся ему в море на пути к ныне открытым островам. Поэтому он полагал, что далее к востоку, вплоть до тех мест, откуда он начал открывать новые земли, должны находиться острова. Не подлежит, по его мнению, сомнению, что трава эта растет на небольшой глубине, близ берега, а если это так, то, следовательно, Индии находятся на очень небольшом расстоянии от Канарских островов, быть может менее, чем в 400 лигах.

[ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАСТИЛИЮ]

Среда, 16 января. Адмирал вышел из этого залива, названного им заливом Стрел (Golfo de las Flechas), за три часа до наступления дня при ветре, дующем с суши. Затем подул западный ветер, и адмирал взял курс на восток, четверть к северо-востоку, т. е. по направлению к острову Кариб, где живут люди, которых так боятся на этих островах и землях, потому что ходят они по всем морям на своих каное и, как говорят, пожирают всех, кого только удастся им захватить. Путь ему указали четыре индейца, взятые вчера в заливе Стрел. Когда, по расчетам адмирала, было уже пройдено 64 мили, эти индейцы стали объяснять ему, что теперь остров Кариб находится на юго-востоке. Адмирал решил направиться на юго-восток и приказал убавить паруса. Но не успел он пройти и двух лиг, как подул сильный ветер, весьма благоприятный для плавания в направлении Испании. А адмирал заметил, что люди его стали беспокоиться, когда он отклонился от прямого пути, так как у обеих каравел была течь, и в этом положении ни на кого, кроме бога, они не могли надеяться. Поэтому адмирал вынужден был отказаться от попытки достичь острова

* Вара — испанская мера длины, равна 835 мм.— *Прим. перев.*

** Пальма (пядь) — 270 мм.— *Прим. перев.*

Кариб и снова повернул на прямой путь в Испанию, взяв на северо-восток, четверть к востоку, и прошел по этому направлению до захода солнца 48 миль, или 12 лиг. Индейцы говорили ему, что на этом пути он встретит остров Матинино, населенный безмужними женщинами, а адмирал очень хотел побывать на этом острове, чтобы захватить, как он пишет, с собой для королей пять или шесть его обитательниц. Но он сомневался в том, что индейцы знают, как пройти к острову. А задерживаться [в поисках острова Матинино] он не мог, опасаясь, что вода прорвется в трюмы каравел. Но адмирал утверждает, что эти безмужние женщины действительно имеются и что к ним в определенное время года приходят мужчины с острова Кариб, расположенного, как он говорит, в 10 или в 12 лигах от Матинино. Если у этих женщин рождаются мальчики, их отправляют на остров мужчины, девочек же матери оставляют с собой.

Адмирал считает, что от залива Стрел до этих двух островов должно быть не более 15 или 20 лиг и что оба острова лежат к юго-востоку от залива; индейцы же не сумели указать ему путь туда.

После того как был потерян из вида мыс на берегу Эспаньолы, названный адмиралом Сан-Тельмо [Терамо] (а это произошло, когда мыс остался на 16 лиг к западу), адмирал прошел 12 лиг на восток, четверть к северо-востоку. Погода была прекрасная.

Четверг, 17 января. Вчера, на заходе солнца, ветер стих. До конца первой вахты песочные часы (ампольеты) были перевернуты четырнадцать раз, а они более или менее точно переворачивались через каждые полчаса. Корабли шли со скоростью четырех миль в час, а за семь часов пройдено было 28 миль.

Затем ветер усилился. Всю вторую вахту, длившуюся десять ампольет, скорость хода была такой же, а затем увеличилась сперва до шести, а затем до восьми миль в час. До восхода солнца пройдено было 84 мили, или 21 лига, на северо-восток, четверть к востоку, а за день, до захода солнца, сделано было еще 44 мили, или 11 лиг, к востоку. На каравелу один за другим залетели два глупыша. Адмирал видел много травы, такой же, что встречалась ему в море [на пути в эти земли].

Пятница, 18 января. При слабом ветре адмирал плыл всю ночь на восток, четверть к юго-востоку, и, пройдя 40 миль, или 10 лиг, взял на юго-восток, четверть к востоку и в этом направлении прошел до восхода солнца 30 миль, или 7,5 лиги.

Весь день он шел при слабых востоко-северо-восточных и северо-восточных и восточных ветрах, направляясь то на север, то на север, четверть к северо-востоку, то на четверть к северо-

северо-востоку и так, суммируя расстояния, пройденные в этих направлениях, проплыл он 60 миль, или 15 лиг. Травы в море было мало. Адмирал говорил, что и сегодня и вчера казалось, что море кишит тунцами, и адмирал полагал, что отсюда они, вероятно, косяками идут к ловлям герцога Кониль и герцога Кадисского.

Одна вилохвостка летала вокруг каравелы, а затем скрылась в юго-юго-восточном направлении. Поэтому адмирал заключил, что на юго-востоке должны быть какие-то острова.

Он полагал, что оставил к востоко-юго-востоку от Эспаньолы острова Кариб, Матинино и многие другие.

Суббота, 19 января. За ночь адмирал прошел 56 миль на север, четверть к северо-востоку и 64 мили на северо-восток, четверть к северу. После восхода солнца он плыл к северо-востоку при сильном восточно-юго-восточном ветре, а затем в том же направлении, но четвертью к северу. Всего он прошел за день 84 мили, или 21 лигу. Море кишело мелкими тунцами. Он видел глупышей, рабо де хунко и вилохвосток.

Воскресенье, 20 января. Ветер к ночи стих, но иногда дул порывами и в разных направлениях. За ночь пройдено было 20 миль к северо-востоку. После восхода солнца адмирал проплыл 11 миль к юго-востоку, а затем 36 миль, или 9 лиг, к северо-северо-востоку. В море снова были огромные косяки тунцов. Воздух, по словам адмирала, был мягким и сладостным, как в апреле или в мае в Севилье, а «море, говорит он, благодаря богу, все время оставалось спокойным».

Появлялись вилохвостки, чайки и множество других птиц.

Понедельник, 21 января. Вчера, после захода солнца, адмирал плыл на север, четверть к северо-востоку, при восточных и северо-восточных ветрах. До полуночи он шел с скоростью 8 миль в час и к этому времени покрыл 56 миль. Затем он плыл к северо-северо-востоку, проходя по 8 миль в час, и за ночь сделал 104 мили, или 26 лиг, и держал он курс на северо-восток, четверть к северу. После восхода солнца с тем же восточным ветром он шел к северо-северо-востоку, порой следуя на четверть к северо-востоку. И за одиннадцать часов, а именно столько длился день, он проплыл 84 мили, или 21 лигу, если сбросить одну лигу, которую он потерял, так как отошел назад, чтобы переговорить с «Пинтой».

Стало холоднее, и адмирал говорил, что по мере того, как он все дальше и дальше уходил на север, холода возрастали, а ночи, вследствие сужения земной сферы, становились все более и более длинными.

Появлялось много рабо де хунко, чаек и других птиц. Но рыб стало меньше, и адмирал говорит, что причиной тому охлаждение воды. Он видел много травы.

Вторник, 22 января. Вчера, после захода солнца, адмирал плыл на северо-северо-восток при восточном ветре, который порой дул с юго-востока.

В течение пяти ампольт он проходил 8 миль в час и с такой же скоростью шел и следующие три ампольты, предшествующие первой вахте. Итого за время восьми ампольт он проплыл 72 мили, или 18 лиг. Затем в течение шести ампольт он шел на север, четверть к северо-востоку и покрыл еще 18 миль.

За время второй вахты, что длилась четыре ампольты, он шел со скоростью 6 миль в час к северо-востоку и проплыл таким образом 3 лиги. До восхода солнца в течение 11 ампольт он проходил по шесть миль в час и покрыл семь лиг. Затем адмирал до 11 часов утра шел к востоко-северо-востоку и проплыл 32 мили.

В 11 часов ветер стих, и в этот день адмирал не продвигался дальше. Индейцы купались в море. Видали рабо де хунко и много травы.

Среда, 23 января. Ночью ветер часто менял направления. Отмечая все это и принимая все меры предосторожности, которые свойственно и должно принимать добрым морякам, адмирал прошел этой ночью 84 мили, или 21 лигу, на северо-восток, четверть к северу. Не раз приходилось ему поджидать «Пинту», потому что она медленно шла на булине; бизань помогала мало, так как бизань-мачта (*mezana*) была в плохом состоянии. Адмирал говорит, что если бы капитан «Пинты», т. е. Мартин Алонсо Пинсон, приложил бы столько стараний в поисках надежной мачты в Индии (где было так много мачтового леса), сколько проявил он, покидая его в надежде наполнить чрево корабля золотом, он несомненно смог бы установить на каравеле крепкую мачту.

Появились во множестве рабо де хунко и много трав. Небо в последние дни было хмурое, но дождей не было, а море оставалось спокойным, словно река, «за что богу должна быть принесена великая благодарность».

После восхода солнца адмирал шел часть дня без помех на северо-восток и проплыл 30 миль, или 7½ лиг. Затем, в течение остальной части дня он следовал к востоко-северо-востоку и прошел еще 30 миль.

Четверг, 24 января. За ночь адмирал прошел, приравливаясь к частым сменам ветра, 44 мили, или 11 лиг, к северо-востоку. За день, от восхода до захода солнца, он проплыл 14 лиг к востоко-северо-востоку.

Пятница, 25 января. За часть ночи, или за 13 ампольт, адмирал прошел к востоко-северо-востоку 9½ лиг. Затем он плыл к северо-северо-востоку на протяжении следующих шести миль. За день, с восхода солнца, он прошел только 28 миль, или 7 лиг, из-за безветрия.

Моряки выловили тунца и убили большущую акулу. Адмирал говорит, что случилось это весьма кстати, так как никакой другой пищи, кроме хлеба, вина и индейского «ахе», на корабле не было.

Суббота, 26 января. За ночь адмирал прошел 56 миль, или 14 лиг, на восток, четверть к юго-востоку. После восхода солнца он плыл то на востоко-юго-восток, то на юго-восток и до 11 часов утра прошел 40 миль, затем он шел против ветра на булине и до ночи прошел 24 мили, или 6 лиг, к северу.

Воскресенье, 27 января. Вчера, после захода солнца, адмирал плыл на северо-восток и на север, четверть к северо-востоку, проходя 5 миль в час, что за 13 часов составило 65 миль, или 16½ лиг. От восхода солнца до полудня он прошел на северо-восток 24 мили, или 6 лиг, а затем до захода солнца еще три лиги на востоко-северо-восток.

Понедельник, 28 января. Всю ночь адмирал плыл на востоко-северо-восток и прошел 36 миль, или 9 лиг. За день от восхода до захода солнца он проплыл на востоко-северо-восток 20 миль, или 5 лиг. Погода была теплая и приятная. Адмирал видел рабо де хунко, чаек и много травы.

Вторник, 29 января. Адмирал плыл на востоко-северо-восток и при южном и юго-восточном ветре прошел 39 миль, или 9½ лиг. За день он прошел 8 лиг. Погода была очень теплая, как в апреле в Кастилии, а море совершенно спокойное. Множество рыб, что зовутся «дорато», подплывали к самому борту каравелы.

Среда, 30 января. За ночь адмирал прошел 7 лиг к востоко-северо-востоку. В течение дня он плыл на юг, четверть к юго-востоку, и прошел 13½ лиг. Он видел рабо де хунко, много тунцов и травы.

Четверг, 31 января. В течение ночи адмирал прошел на север, четверть к северо-востоку, 30 миль. За день, с восхода солнца до наступления ночи, он проплыл на востоко-северо-восток 13½ лиг. Видели рабо де хунко и чаек.

Пятница, 1 февраля. Ночью адмирал прошел к востоко-северо-востоку 16½ лиг и этим же путем за день проплыл 29¼ лиг. Благодаря богу, море было очень спокойно.

Суббота, 2 февраля. За ночь адмирал прошел к востоко-северо-востоку 40 миль, или 10 лиг. Днем при ветре с кормы он плыл со скоростью 7 миль в час и за одиннадцать часов прошел 77 миль, или 19¼ лиг. Море, благодаря богу, было очень спокойно, а погода теплая. Так кишело море травой, что, если бы моряки уже не видели бы ее в таких количествах прежде, у них возникло бы опасение, что в этих местах много мелей. Видели чаек.

Воскресенье, 3 февраля. Этой ночью при ветре с кормы и спокойном, хвала богу, море прошли 29 лиг. Адмиралу показалось, что [Полярная] звезда стоит в небе здесь так же вы-

соко, как у мыса Сан Висенте. Высоту ее он не мог определить ни астролябией, ни квадрантом — мешало волнение. Днем адмирал плыл на востоко-северо-восток своим путем и прошел 27 лиг за одиннадцать часов.

Понедельник, 4 февраля. Ночью адмирал плыл на восток, четверть к северо-востоку, и порой проходил 12, порой 10 миль в час. Всего за ночь он проплыл 130 миль, или $32\frac{1}{2}$ лиги. Небо было хмурое и дождливое, погода стояла холодная, и поэтому адмирал заключил, что не вошел еще в воды Азорских островов. После восхода солнца он сменил курс, пошел на восток и сделал за день 77 миль, или $19\frac{1}{4}$ лиг.

Вторник, 5 февраля. Этой ночью адмирал плыл к востоку и прошел 54 мили, или 14 лиг без половины. За день, делая 10 миль в час, он прошел за одиннадцать часов 110 миль, или $27\frac{1}{2}$ лиг. Видели чаек и щепки — признак близости земли.

Среда, 6 февраля. Адмирал плыл всю ночь на восток по 11 миль в час и за 13 часов прошел 143 мили, или $35\frac{1}{4}$ лиг.

Видели много птиц, среди них были чайки. Днем адмирал проходил 14 миль в час и покрыл за день 154 мили, или $38\frac{1}{2}$ лиг. Таким образом, за ночь и день пройдено было около 74 лиг. Висенте Яньес [Пинсон] полагал, что сегодня утром остров Флорес остался к северу, а Мадейра к востоку. Ролдэн же ⁴⁸ находил, что остров Файял, или Св. Григория, остался к северо-северо-востоку, а Порто Санто к востоку. Показалось много травы.

Четверг, 7 февраля. Адмирал плыл к востоку по 10 миль в час и в течение ночи за 13 часов прошел 130 миль, или $32\frac{1}{2}$ лиги. Днем он проходил 8 миль в час и сделал за 11 часов 88 миль, или 22 лиги.

По расчетам адмирала, в это утро корабли должны были находиться в 75 лигах к югу от острова Флорес. Пилот Перо Алонсо [Ниньо] полагал, что корабли находятся на пересечении линий, что с севера проходят между Терсейрой и Санта Марией, а с востока следуют под ветром от острова Мадейры в 12 лигах от его северной оконечности. Моряки видели в изобилии растущую на Азорских островах траву, иную чем встречалась раньше. Но затем снова появилась трава прежнего вида.

Пятница, 8 февраля. Ночью адмирал в течение некоторого времени проходил 3 мили в час, следуя к востоку. Затем он отклонился на четверть к юго-востоку. За ночь пройдено было 12 лиг, а с восхода солнца до полудня еще 27 миль.

За остальную часть дня, до захода солнца, адмирал проплыл еще 27 миль и всего за день прошел на юго-юго-восток 13 лиг.

Суббота, 9 февраля. Часть ночи адмирал следовал к юго-юго-востоку и проплыл три лиги, а затем он взял на юг, чет-

верть к юго-востоку, а спустя некоторое время на северо-восток. До 10 часов утра пройдено было еще 5 лиг, а за остаток дня, до захода солнца, он сделал 9 лиг к востоку.

Воскресенье, 10 февраля. После захода солнца адмирал проплыл до наступления дня 130 миль, или $32\frac{1}{2}$ лиги. Днем проходил он по 9 миль в час и за 11 часов сделал 99 миль, или $24\frac{3}{4}$ лиги.

На каравеле адмирала пролагали по карте пройденный путь Висенте Яньес [Пинсон], оба пилота — Санчо Руис и Перо Алонсо Ниньо — и Ролдан. Все они считали, что корабли прошли далеко на восток от Азорских островов. Все считали, что пройден последний к востоку остров Азорского архипелага — Санта Мария, и что от этого острова корабли ушли уже на 5 лиг вперед, вступив в воды Мадейры или Порто Санто. Однако адмирал полагал, что очень отклонился от принятого пути и находится вовсе не так далеко к востоку, как то считают пилоты. По его расчетам, этой ночью остров Файял остался прямо к северу, и шел он сейчас по линии, идущей к Нафе, что в Африке, причем эта линия проходила на... * лиг к северу от расположенного под ветром острова Мадейры. Таким образом, пилоты утверждали, что находятся на 150 лиг ближе к Кастилии, чем это предполагал адмирал.

Адмирал говорит, что, когда с помощью божьей, увидят они землю, выяснится, чей расчет вернее. И он говорит еще, что на пути [в Индию] впервые заметили траву в море на расстоянии 263 лиг от острова Иерро ⁴⁹.

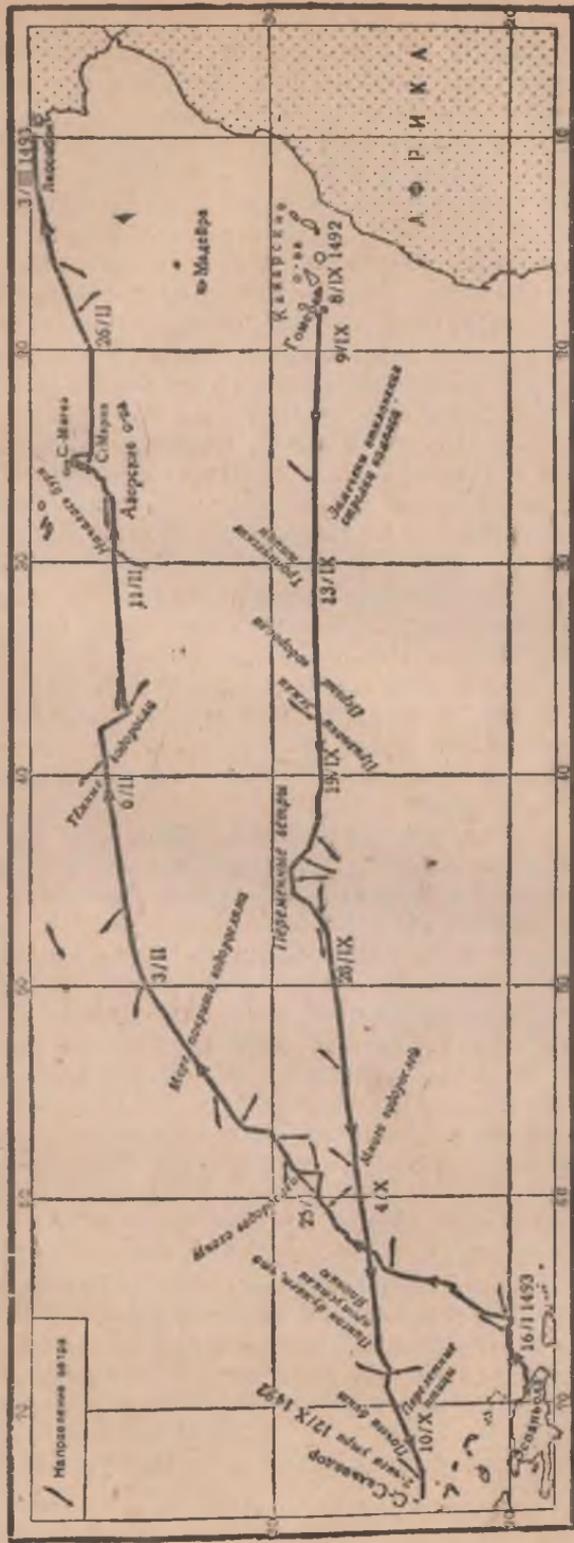
Понедельник, 11 февраля. Ночью адмирал шел своим путем, делал в час 12 миль и проплыл 39 лиг. За день пройдено было $16\frac{1}{2}$ лиг. Он видел много птиц и заключил поэтому, что находится близко от земли.

Вторник, 12 февраля. Ночью адмирал плыл со скоростью 6 миль в час и прошел до наступления дня 73 мили, или $18\frac{1}{4}$ лиг. Поднялась сильная буря, и море начало так волноваться, что, по словам адмирала, не будь «Нинья» такой прочной и столь хорошо приспособленной для плавания, он серьезно опасался бы за ее судьбу.

За день с большим трудом и риском пройдено было 11 или 12 лиг.

Среда, 13 февраля. От захода солнца до наступления дня адмирал провел в неустанных трудах из-за ветра, сильного волнения и бури. На северо-северо-востоке трижды сверкала молния — адмирал говорит, что это признак сильной бури, которая должна пройти или с той стороны, где видны были молнии, или с противоположной. Адмирал шел на спущенных парусах большую часть ночи. Затем поставил часть парусов и проплыл 52 мили, или 13 лиг. Днем ветер приутих, но затем

* Пропуск в тексте.— Прим. перев.

Первый переход Колумба через Атлантический океан.

налетел с новой силой, и море стало грозным, и на поверхности его вздымались волны, угрожавшие кораблям гибелью. Пройдено было 55 миль, или 13 $\frac{1}{2}$ лиг.

Четверг, 14 февраля. Ночью ветер усилился, волны же были ужасны. Они сталкивались друг с другом и сотрясали корабль, который не мог ни продвигаться вперед, ни вырваться на свободу. А затем, столкнувшись, волны разбивались о корпус корабля. «Нинья» шла только под одним малым нижним парусом — главное было хоть как-нибудь продержаться на волнах. Так проплыли 3 часа, и за это время пройдено было 20 миль. Ветер все время усиливался, и адмирал, видя, что корабль находится в опасности, вынужден был итти в том направлении, куда влек его ветер, потому что другого выхода не было.

То же произошло и на «Пинте», где был Мартин Алонсо [Пинсон], и она исчезла из вида, хотя всю ночь адмирал давал сигналы фонарем. Сперва на «Пинте» отвечали адмиралу, затем сигналы прекратились, вероятно, потому, что их нельзя было подавать из-за бури, или потому, что эта каравела оказалась на большом расстоянии от пути, которым шел адмирал.

Адмирал прошел за ночь на северо-восток, четверть к востоку, 54 мили, или 13 $\frac{1}{2}$ лиг. С восходом солнца ветер усилился, и волнение на море стало еще более грозным. Каравела шла только под одним малым нижним парусом, чтобы можно было итти между волнами, не зарываясь в воду.

Адмирал взял сперва на восток-северо-восток и затем отошел на четверть к северо-востоку.

За шесть часов пройдено было 7 $\frac{1}{2}$ лиг.

Адмирал приказал выбрать по жребию человека, который был бы обязан [по прибытии] в Кастилию совершить паломничество в храм Святой Марии Гвадалупской и поставить перед ее образом восковую свечу весом в пять фунтов, и он распорядился бросить жребий, для чего велел принести столько горошин, сколько было людей на корабле. На одной из горошин он ножом пометил знак креста, а затем взял колпак, высыпал в него все горошины и тщательно перетряхнул их. Первым, кто вложил руку в колпак, был сам адмирал. Он вытянул горошину с крестом, и таким образом на него пал жребий, и отныне он считал себя паломником, обязанным выполнить данный им обет.

Снова брошен был жребий, чтобы отправить второго паломника в монастырь Св. Марии Лоретской, в Лорето, городе Анконской мархии на папской земле. А монастырь этот считается домом, где наша владычица творила и творит великие чудеса. Жребий пал на моряка из порта Санта Мария Педро де Вилья, и адмирал обещал дать ему денег на дорогу.

Еще одного паломника адмирал решил отправить в монастырь Св. Клары Могерской, где должен был он отстоять всеобщую и заказать благодарственную мессу. Снова метали

жребий по горошинам, и та, что помечена была крестом, досталась адмиралу.

А затем адмирал и все его люди дали обет: по прибытии на первую же землю всем в одних рубахах направиться крестным ходом на благодарственную мессу в церковь, посвященную нашей владычице. Кроме общих для всех обетов, каждый принял на себя свой собственный, особый обет, потому что никто не думал, что удастся избежать неминуемой гибели во время этой страшной бури.

Опасность возрастала еще и потому, что на корабле было недостаточно балласта (*lastre*); груз его облегчился, так как съедены были уже запасы провизии и выпиты вода и вино. Адмирал, желая сберечь драгоценное время, не пополнил запасов на островах, имея в виду нагрузить корабль на острове Женщин, к берегам которого намерен он был идти. Он нашел, однако, средство, которое должно было применить в этом случае, и при первой же возможности наполнил порожние бочки из-под вина и воды морской водой. Таким образом, опасность, вызванная недогрузкой корабля, была устранена.

Адмирал указывает на некоторые приметы, которые внушали ему опасения, что господь наш пожелал погубить его здесь, и на другие приметы, позволившие ему надеяться, что [бог] доставит его в сохранности [в Кастилию], дабы не погубить напрасно вести, которые вез он королям.

Адмирал имел большое желание доставить столь великие вести и доказать тем самым, что он был прав, когда говорил о [будущих] открытиях и их предсказывал. Но величайший страх внушала ему мысль, что он не завершит [свое дело] и что любой комар, как он говорит, может ему повредить и помешать.

Страх этот адмирал приписывает своему маловерию и тому, что ослабла у него вера в божественное провидение. И этому противопоставляет он, с другой стороны, милости, ниспосланные ему богом, который даровал ему такую победу, какой были открытия, ныне совершенные; и бог удовлетворил желания адмирала, ибо после того как в Кастилии были преодолены многочисленные препоны и помехи в его делах и положен конец им и с помощью божьей наложено все это предприятие, и бог, вняв адмиралу, дал ему все, что тот у него просил, можно было надеяться, что дарует господь и сейчас завершение начатого и доставит адмирала в сохранности [в Кастилию]. И главное — однажды уже на пути [в Индии] бог избавил его от опасности, когда он имел веские основания трепетать перед ней: случилось это, когда все моряки и люди, бывшие с ним, приняли решение возвратиться [домой] и возмутиться против него, и предъявили ему свои требования *. Но бог, существующий извечно,

* См. комментарий 14.— *Прим. перев.*

дал ему силу и мужество, чтобы устоять против всех. Для него и в нем самом совершил господь еще многое иное и чудесное в этом путешествии, кроме того, о чем их высочества знают от особ, к ним приближенных. И он говорит, что не должен был опасаться бури, «но по слабости своей и вследствие усталости не мог я быть твердым духом».

Также он говорит, что его очень печалили мысли о двух сыновьях, оставленных в Кордове, в учении, потому что он покинул их сиротами, без отца и без матери, на чужой стороне⁵⁰. А короли не знают еще, какую службу он сослужил им в этом путешествии, и неведомы им счастливые вести, что везет он в Кастилию, а потому в помыслах своих не имеют его сыновей. И дабы знали их высочества, каким образом даровал адмиралу наш господь победу во всем, что желал он совершить ради открытия Индий, и дабы ведомо их высочествам было, что в тех землях никогда не бывает бурь (что, как указывает адмирал, можно распознать по травам и деревьям, которые растут и рождаются у самого моря), и чтобы в случае гибели его в эту бурю получили короли вести о его путешествии, он взял пергамент и написал все, что мог, о том, что было открыто, умоляя всякого, кто найдет этот пергамент, доставить его королям. Этот пергамент он обернул провощенной тканью, как следует перевязал, приказал принести большой деревянный бочонок и вложил в него сверток — так, чтобы ни одна живая душа не знала, что содержится в нем, и чтобы все думали, что адмирал выполняет какой-то обет, а затем велел бросить бочонок в море.

Вслед за тем, при сильном ливне и шквалах, ветер отошел к западу и стал дуть в корму, и каравела шла на одном только парусе пять часов по еще очень беспокойному морю. За эти пять часов пройдено было 2½ лиги к северо-востоку. Нижний малый парус был снят из опасения, чтобы волны не сорвали его совсем.

Пятница, 15 февраля. Вчера, после захода солнца, небо на западе начало проясняться и по всему было видно, что ожидается западный ветер. Адмирал приказал поднять бонету на главный парус. Море еще очень волновалось, хоть и начинало успокаиваться.

Адмирал шел к востоко-северо-востоку, делая 4 мили в час, и к трем часам ночи пройдено было 13 лиг. После восхода солнца показалась на востоко-северо-востоке земля. Некоторые говорили, что это остров Мадейра, другие же утверждали, будто земля эта — утес Синтра близ Лиссабона. Подул ветер с востоко-северо-востока, сильное волнение на море пошло с запада. Каравела находилась в 5 лигах от земли. По расчетам адмирала, корабль должен был находиться у Азорских островов, и он полагал, что эта земля один из островов этого архи-

пелага. Пилоты же и [многие] моряки считали, что они находятся уже в виду Кастилии.

Суббота, 16 февраля. Всю ночь каравела лавировала в открытом море близ берегов земли, которая признана была островом. Порой адмирал следовал к северо-востоку, порой к северо-северо-востоку, а на восходе солнца он пошел к югу, чтобы приблизиться к острову, берега которого были скрыты туманом. Вскоре адмирал увидел другой остров со стороны кормы, на расстоянии 8 лиг. От восхода солнца до наступления ночи адмирал шел, меняя курс, чтобы приблизиться к земле, при сильном ветре и волнении, относившем его в противоположную сторону.

После возгласения «*Salve*», т. е. в самом начале ночи, некоторые увидели свет под ветром и, как казалось, на том острове, что был замечен первым. Всю ночь лавировали против ветра, желая насколько возможно приблизиться к берегу, чтобы с восходом солнца увидеть острова. Этой ночью адмирал немного поспал — со среды он не сомкнул глаз и не мог заставить себя заснуть. Он чувствовал, что ноги у него отнимаются, вызвано было это тем, что постоянно он терпел холод и страдал от сырости, ел же он очень мало.

На восходе солнца адмирал взял на юго-юго-запад и ночью приблизился к острову, но из-за тумана не мог узнать, близ какого острова находится.

Понедельник, 18 февраля. Вчера, после захода солнца, адмирал направился в обход острова, чтобы отыскать место, где можно было бы бросить якорь: он желал также вступить в переговоры с местными жителями. В одном месте он стал на якорь, но тут же потерял его. Поэтому пришлось поднять паруса и всю ночь лавировать в открытом море.

После восхода солнца адмирал вторично приблизился к северному берегу острова, и в месте, которое показалось ему подходящим для якорной стоянки, стал на один якорь. Затем он отправил на берег лодку, и люди его встретились с местными жителями и узнали, что корабль находится у Санта Марии, одного из Азорских островов.

Жители острова указали, где расположена гавань, куда могла бы зайти каравела. Они говорили, что еще никогда не приходилось им видеть бурю сильнее, чем та, что свирепствовала последние пятнадцать дней, и удивлялись, каким образом адмиралу удалось избежать гибели. Они, говорит адмирал, благодарили бога и проявляли большую радость, когда узнали, что адмирал открыл Индии.

Адмирал отмечает, что в этом плавании его навигационные расчеты были очень точны, и путь, которым он шел, был верно проложен на карте (да будет за это принесена хвала господу нашему), и хотя курс на карте был показан с некоторым опережением (*aunque se hacia algo delantero*), но адмирал твердо был уверен, что он находится в водах Азорских островов и что

этот остров был одним из них. И он говорит, что умышленно показывал более длинные дистанции пройденного пути, чтобы ввести в заблуждение пилотов и моряков, пролагающих курс на карте, и самому остаться господином дороги в Индии, каким он в действительности и остается. И он желал, чтобы никто из них не знал верного пути, и чтобы никто не мог быть уверенным, что маршрут, которым он следует, приведет его в Индии⁵¹.

Вторник, 19 февраля. После захода солнца на берег явились три островитянина и окликнули адмирала. Адмирал послал лодку, и люди эти прибыли на корабль и привезли кур и свежий хлеб, и было это в день карнавала. Они доставили подарки, посланные начальником острова Жуаном Кастаньедой, и сообщили, что тот хорошо знает адмирала и только из-за позднего ночного времени не явился с визитом, но непременно посетит корабль утром и привезет с собой свежую провизию.

Начальник предупреждал, что с ним придут трое [португальских] моряков, которые прибыли на остров и которых он не хотел отпустить, не желая лишить их удовольствия выслушать рассказ о плавании, совершенном адмиралом. Адмирал распорядился принять посланцев с почетом и отвести им места для ночлега, потому что было уже поздно, а селение на берегу находилось далеко от гавани.

Так как в минувший четверг, в разгар бури, адмирал и его люди дали обет, что на первой же земле, где окажется храм богоматери, все моряки в одних рубахах отправятся на поклонение к ней и т. п., то адмирал решил отправить половину своих людей к часовне, расположенной вблизи, на самом берегу моря, подобно скиту (*hermita*). Сам же он пожелал посетить эту часовню позже с остальными людьми.

Видя, что на острове ничто ему не угрожает, и доверяя заверениям начальника [острова] Кастаньеды, и зная, что Португалия находится в мире с Кастилией, адмирал попросил трех островитян, присланных к нему, отправиться в селение и пригласить местного священника отслужить мессу в часовне.

Но когда, выполняя данный обет, первая группа паломников направилась в одних рубахах к часовне, их внезапно окружили конные и пешие люди во главе с начальником острова и захватили всех в плен.

Адмирал, ничего не подозревая, ждал до одиннадцати часов утра возвращения паломников; но когда к этому времени они не вернулись, он стал беспокоиться, предполагая, что либо его люди задержаны на берегу, либо лодка, на которой они отплыли, разбилась о камни. Последнее же могло приключиться, так как весь остров окаймлен цепью подводных камней и очень высоких скал, берег же, на котором стояла часовня, не был виден с корабля, потому что он был скрыт выдающимся в море мысом. Поэтому адмирал приказал поднять паруса и, снявшись с якоря, пошел по направлению к часовне. Вскоре он заметил

группу всадников. На его глазах они спешились, с оружием в руках вошли в лодку и направились к каравеле, [видимо] желая захватить адмирала.

Начальник [острова], приблизившись к каравеле, поднялся в лодке во весь рост и потребовал, чтобы адмирал гарантировал его неприкосновенность. Адмирал говорит, что он дал ему такую гарантию, но осведомился, почему никого из его людей не было в лодке. Затем он пригласил начальника подняться на борт и заверил его, что на каравеле он может поступать, как ему будет угодно. Адмирал желал добрыми словами завлечь Кастаньеду на каравелу и взять его в плен как заложника. При этом он полагал, что подобным поступком не нарушает данного им заверения, потому что сам начальник, предложив мир и гарантии безопасности, первым отступился от своих обещаний. Но начальник, у которого были, по словам адмирала, недобрые намерения, не решился подняться на каравелу.

Адмирал, видя, что Кастаньеда не поднимается на корабль, спросил его, на каком основании он задержал на берегу его людей, и заявил, что будет жаловаться на начальника королю Португалии. При этом адмирал сказал, что во владениях королей Кастилии португальцев принимают с честью, и они чувствуют себя там в такой же безопасности, как в Лиссабоне.

Он заявил, что короли Кастилии дали ему, адмиралу, рекомендательные письма, обращенные ко всем государям и властителям и ко всем прочим людям, и что он может показать эти письма начальнику [острова], если тот пожелает подняться на корабль. И добавил, что он сам не кто иной, как адмирал моря-океана и вице-король Индий, которые ныне принадлежат их высочествам, и показал ему издали указы, скрепленные подписями и печатями короля и королевы.

Затем он сказал, что короли Кастилии находятся в мире и в дружбе с португальским королем и что они повелели ему оказывать все возможные почести встречным португальским кораблям. И он добавил, что, даже если начальник не пожелает вернуть его людей, он все равно отправится в Кастилию, потому что на каравеле осталось еще столько людей, что он может свободно дойти до Севильи. Если же начальник причинит какую-либо обиду взятым в плен людям, то он и все его присные будут примерно наказаны.

На это начальник и люди, бывшие с ним, ответили, что здесь никто не подчиняется королю и королеве Кастилии, и никто не признает их указов, и никто не боится кастильских государей. И тоном, в котором звучала угроза, начальник предупредил, что он даст всем людям адмирала почувствовать, что такое Португалия.

Выслушав это, адмирал чрезвычайно расстроился. Он говорит, что у него явилась мысль, будто между Кастилией и Португалией уже после выхода его в плавание возникли не-

лады, и он не мог настолько сдержаться, чтобы не ответить начальнику так, как в подобном случае следовало ответить.

Начальник снова встал во весь рост в лодке и потребовал, чтобы адмирал ввел каравелу в гавань. При этом он заявил, что поступал и поступает сейчас [с кастильцами] так, как повелел ему его король и повелитель.

Адмирал призвал всех людей на каравеле быть свидетелями сказанного начальником [острова], а затем прокричал Кастаньеде и его спутникам, что клянется не сходить с каравелы до тех пор, пока не захватит и не привезет в Кастилию ста португальцев и пока не разорит весь этот остров. И затем он вернулся в бухту, где ранее стоял на якоре, потому что погода и ветер были столь скверны, что не позволяли ему предпринять что-либо иное.

Среда, 20 февраля. Адмирал приказал подготовить корабль к плаванию и наполнить все порожние бочки морской водой для балласта, так как каравела стояла в дурном месте, и он опасался, что ее может сорвать с якоря. Затем он вышел в море и направился к острову Сан Мигель; ему было известно, что на Азорских островах нет ни одной гавани, в которой корабли могли бы себя чувствовать в безопасности в это время года, и поэтому не оставалось иного выхода, как бежать в открытое море.

Четверг, 21 февраля. Вчера адмирал покинул остров Санта Марию и направился к острову Сан Мигель, чтобы отыскать там гавань, где можно было бы переждать непогоду: все время дули сильные ветры, и море было беспокойно. До ночи он шел, не имея возможности увидеть землю из-за тумана и тьмы.

Адмирал говорит, что положение его было малоутешительно, так как на каравеле осталось только трое опытных моряков,— прочие же ничего не смыслили в морском деле. Всю ночь каравела лежала в дрейфе. Буря продолжалась, люди изнывали в трудах и опасностях. Правда, бог оказал адмиралу милость: волны набегали только с одной стороны; если бы они сталкивались, как в минувшие дни,— большое несчастье могло бы приключиться с кораблем.

После восхода солнца адмирал, не видя впереди берегов Сан Мигеля, решил возвратиться к острову Санта Мария, чтобы попытаться вызволить своих людей, отобрать захваченную лодку и поднять упущенные якоря.

Он говорит, что после Индий, где всю зиму он плавал, не становясь на якорь, где все время стояла хорошая погода, где ни на один час море не становилось столь бурным, чтобы невозможно было продолжать плавание, его крайне удивляла дурная погода, которая стояла в этой стороне, близ Азорских островов.

Именно в азорских водах разразилась эта страшная буря, и то же случилось и на пути к Канарским островам. Но когда

он прошел Канарские острова, плыл он все время при хорошей погоде и спокойном море.

И в заключение адмирал говорит: «Правду возвещали святые богословы (teologos) и мудрые философы,— рай земной находится на рубежах востока, потому что именно там лежит местность с мягчайшим климатом (lugar temperadissimo). Земли, ныне им открытые,— говорит он,— это предел востока»⁵².

Пятница, 22 февраля. Вчера адмирал бросил якорь у острова Санта Мария, в том месте, где каравела уже стояла на якоре при первом посещении острова, и тотчас же увидел человека, который, стоя на прибрежной скале и размахивая плащом, кричал, чтобы корабль не уходил из бухты. Затем прибыла лодка с пятью моряками, двумя священниками и нотариусом.

После того как адмирал дал этим людям слово, что не посягнет на их безопасность, все они поднялись на борт каравелы. Адмирал принял их с честью, и так как было уже поздно, они, не вступая в переговоры, отправились в отведенное им для сна помещение.

Утром эти люди потребовали, чтобы адмирал предъявил им полномочия от королей Кастилии, чтобы убедиться, что плавание это совершается с ведома испанской короны. Адмирал понял, что все это делается, дабы показать, будто они поступают справедливо и не имеют дурных намерений.

Но так они поступили только потому, что им не удалось овладеть особой адмирала, а они собирались захватить его, ибо прибыли на лодке вооруженные. Однако они увидели, что игра может кончиться не в их пользу, и устрашились угроз адмирала, каковые он имел намерение осуществить. Адмирал был уверен, что они отправились к нему с недобрыми намерениями.

В конце концов, желая вернуть людей, которых португальцы держали в плену, адмирал согласился показать открытое письмо королей Испании ко всем государям и повелителям, рекомендательное письмо и другие указы и грамоты. Ознакомившись с бумагами адмирала, португальцы отплыли на берег удовлетворенные и вскоре вернули всех людей и лодку. От бывших в плену моряков адмирал узнал, что, если бы португальцам удалось его захватить, они никогда не выпустили бы его на волю, ибо начальник острова говорил, что португальский король именно так велел ему поступить.

Суббота, 23 февраля. Вчера погода несколько улучшилась, и адмирал приказал поднять якоря и отправился на поиски удобной якорной стоянки, которая была ему необходима, чтобы запастись на берегу дровами и камнем для балласта. Однако до самого часа вечерни он не мог отыскать подходящего места для стоянки.

Воскресенье, 24 февраля. Вчера вечером корабль стал на якорь, ибо адмирал желал запастись дровами и камнем [для балласта], но на море было сильное волнение, и лодка не могла пристать к берегу.

В исходе первой ночной вахты подул ветер с запада и с юго-запада. Адмирал приказал поднять паруса, так как он понимал, насколько опасно оставаться у берегов этого острова на якоре, ожидая попутного ветра, и предполагал, что юго-западный ветер сменится южным. И видя, что погода была благоприятная для перехода в Кастилию, он решил отправиться в путь без дров и балласта.

Адмирал взял на восток и шел до восхода солнца в течение $6\frac{1}{2}$ часов со скоростью 7 миль, проплыв за ночь $45\frac{1}{2}$ миль. За 11 часов, от восхода до захода солнца, он прошел 66 миль. Таким образом, за ночь и день сделано было $111\frac{1}{2}$ миль, или, соответственно, 28 лиг.

Понедельник, 25 февраля. Вчера, после захода солнца, адмирал шел своим путем на восток со скоростью 5 миль в час. Ночью за тринадцать часов он проплыл 65 миль, или $16\frac{1}{4}$ лиг, а за день, от восхода до захода солнца, прошел еще $16\frac{1}{2}$ лиг, море же было, благодаря богу, спокойно. На каравелу залетела очень большая птица, похожая на орла.

Вторник, 26 февраля. При спокойном море адмирал вчера, после захода солнца, плыл своим путем к востоку и за ночь прошел 100 миль, или 25 лиг, делая в час по 8 миль. Утром при слабом ветре разразился ливень. В течение дня пройдено было 8 лиг к востоко-северо-востоку.

Среда, 27 февраля. Всю ночь и весь день адмирал шел, не придерживаясь взятого направления — из-за противных ветров и сильного волнения. Он находился в 125 лигах от мыса Сан Висенте, в 80 лигах от Мадейры и в 106 лигах от острова Санта Мария. Адмирал был очень опечален тем, что буря застигла его именно теперь, когда он был уже у ворот своего дома.

Четверг, 28 февраля. Так же, как и вчера, при разных ветрах адмирал шел то к югу, то к юго-востоку, то направляясь в одну сторону, то в другую, порой следуя и к северо-востоку и к востоко-северо-востоку, и так весь день.

Пятница, 1 марта. За ночь адмирал прошел на восток, четверть к северо-востоку, 12 лиг. Днем он плыл в том же направлении и прошел $23\frac{1}{2}$ лиги.

Суббота, 2 марта. За ночь и день, следуя своим путем на восток, четверть к северо-востоку, адмирал прошел 48 лиг.

Воскресенье, 3 марта. После захода солнца адмирал плыл своим путем на восток. Внезапный порыв ветра изодрал все паруса, и каравела оказалась в большой опасности, от которой, однако, бог пожелал избавить адмирала. Адмирал, чтобы определить, кто должен будет совершить в одной рубахе па-

ломничество к Санта Марии де ла Синта в Уэльве, бросил жребий, который пал на него самого. Все его люди дали обет провести в посте, на хлебе и воде, первый субботний день по возвращении в Кастилию. До того момента, когда изорваны были паруса, адмирал прошел 60 миль.

Затем шли с голыми мачтами при сильной буре и волнах, готовых с обеих сторон поглотить корабль. Заметны были признаки близости земли. Каравела находилась неподалеку от Лиссабона.

Понедельник, 4 марта. Ночью моряки испытали страшную бурю. Все думали, что ждет их гибель в волнах, которые обрушивались с обоих бортов на палубу корабля. Ветер же, казалось, поднимал каравелу на воздух. Вода взметалась к небу, молнии сверкали со всех сторон. Адмирал молил бога поддержать его в бедствии, и так, среди бури, шел он до наступления первой ночной вахты, когда господь наш указал ему землю и моряки увидели ее.

Тогда, чтобы не приближаться к незнакомому берегу, ибо неизвестно было, есть ли там бухта или иное какое-нибудь место, где можно было бы спастись от бури, адмирал, вынужденный идти дальше и не видевший другого выхода, приказал поднять малый нижний парус и отойти дальше от берега. И бог сохранил всех, и так плыли они до наступления дня, изнывая в великих трудах, одержимые страхом.

С наступлением дня адмирал узнал землю, к которой приблизилась каравела. Это была скала Синтра, что стоит у самого устья лиссабонской реки [Тежу], куда он и решил войти, потому что ничего иного сделать не мог. Буря была такая сильная, что, как говорит адмирал, жители селения Каска, в устье реки, все утро молили бога о спасении корабля. Когда адмирал вошел в устье, они пришли на каравелу, желая поглядеть на людей, чудом избежавших неминуемой гибели.

В час заутрени адмирал пришел к городу Растело на берегу лиссабонской реки, и там местные моряки сказали ему, что никогда еще не было в зимнюю пору таких бурь и что погибло 25 кораблей, шедших из Фландрии, и много других кораблей уже четыре месяца не могут выйти в море.

Адмирал написал королю Португалии, который находится в 9 лигах отсюда, что короли Кастилии велели ему не избегать портов его высочества, если явится необходимость приобрести за деньги что-либо необходимое [для плавания]. Адмирал просил короля разрешить ему дойти до города Лиссабона: он опасался, что в безлюдном месте ему причинят вред разбойники, которые могут подумать, что на корабле есть много золота, и желал, чтобы король узнал, что он пришел не из Гвинеи, а из Индий.

Вторник, 5 марта. Сегодня Бартоломе Диас⁵³, командир (рагон) большого корабля короля Португалии, также стояв-

шего на якоре в Растело (корабль же этот был так велик и так хорошо вооружен, что адмирал говорит, будто никогда еще он ничего подобного не видел на своем веку), подошел к «Нинье» на лодке, имея с собой вооруженных людей, и приказал адмиралу сесть в эту лодку и отправиться с отчетом к представителям короля и к капитану упомянутого корабля. На это Колумб ответил, что он адмирал королей Кастилии, и что он не намерен давать подробный отчет кому бы то ни было и не желает покидать корабль, где сейчас находится, и принудить его к этому можно только силой, так как он не в состоянии оказать вооруженное сопротивление.

Тогда Бартоломе Диас потребовал, чтобы адмирал направил капитана каравелы. Адмирал заявил, что никто, будь то капитан или иное лицо, не сойдет [с корабля] без применения силы: он полагал, что согласиться на такое требование равносильно тому, как если бы он сам подчинился ему и отправился с отчетом; и, кроме того, адмиралы Кастилии придерживаются правила — прежде умереть, чем выдать своего человека.

Бартоломе Диас несколько смягчился и ответил: пусть адмирал останется при своем решении и поступает, как хочет. Но он попросил адмирала показать ему письма (*cartas*) королей Кастилии, если таковыми адмирал обладает. Он убедил адмирала показать эти бумаги и тотчас же возвратился на корабль, где доложил обо всем капитану, который звался Алвару Даман. Капитан с большой торжественностью, при барабанах, литаврах и трубах (*anafilas*), явился к каравеле и после переговоров с адмиралом предоставил ему свободу действий.

Среда, 6 марта. Весть о том, что адмирал пришел из Индии, дошла до Лиссабона, и оттуда сегодня явилось столько народа, желавшего посмотреть на него и на индейцев, что подобное скопище людей изумило всех. И португальцы немало дивились всему, благословляя имя божье и говоря, что его небесное величество даровало эту [победу] королям Кастилии за их великую веру и пыл, с которыми они служат богу.

Четверг, 7 марта. Сегодня к каравеле явились неисчислимые толпы народа и много рыцарей (*caballeros*), и среди них были представители короля, и все славили бога за все, что он дал королям Кастилии и что столь содействует благу и славе христианского мира. И все считали, что дар этот заслужен, потому что их высочества немало положили трудов и немало проявили рвения в борьбе за распространение христовой веры.

Пятница, 8 марта. Сегодня адмирал получил через дону Мартина ди Норонья письмо от короля Португалии, в котором последний просил адмирала явиться в его резиденцию, ибо погода не позволяла королю лично прибыть на каравелу.

И адмирал отправился в путь, хоть ему это и не хотелось, чтобы рассеять подозрения короля, и на ночлег остановился

в Сокабене. Король приказал своим представителям безвозмездно дать адмиралу все то, в чем нуждался он сам и его люди, и исполнить все, что адмирал пожелает.

Суббота, 9 марта. Сегодня адмирал выехал из Сокабена и направился в место, где находился король — в Райскую долину (Valle del Paraiso), что в 9 лигах от Лиссабона. Из-за дождя он смог добраться до резиденции короля лишь к ночи.

Король велел знатым особам своего двора принять адмирала с большим почетом. Также с почетом принял адмирала и он сам. Король оказал адмиралу много милостей и разрешил ему сидеть в своем присутствии и говорил с ним весьма сердечно. Он заверил адмирала, что прикажет самым тщательнейшим образом выполнить все, что может быть полезно королям Кастилии и ему, адмиралу, и при этом сказал, что все это будет сделано за его собственный королевский счет.

Король, казалось, был доволен тем, что путешествие адмирала так хорошо окончилось. Но он полагал, что, по договору, заключенному им с королями Кастилии, земли, открытые адмиралом, должны относиться к его владениям⁵⁴. На это адмирал ответил, что он не видел этого договора и знает только, что короли ему повелевали не заходить ни в Мину, ни в иное место в Гвинее, и что это было объявлено публично во всех портах Андалусии, прежде чем он отправился в путь. Король весьма милостиво ответил, что нет нужды в этом деле прибегать к услугам третьих лиц. Затем он передал адмирала попечениям приора монастыря Св. Клары, наиболее почетной особы в кругу приближенных к королю лиц, и тот принял его с большим почетом и радушием.

Воскресенье, 10 марта. Сегодня, после мессы, король снова заверил адмирала, что предоставит ему все, в чем только последний испытывает нужду. Король долго беседовал с адмиралом о его путешествии и при этом приказал адмиралу сидеть в его присутствии и оказал гостю знаки внимания.

Понедельник, 11 марта. Сегодня адмирал попрощался с королем, и тот поручил ему кое-что передать от своего имени монархам Испании, проявляя, как и в прошлые дни, великую благосклонность к адмиралу.

Адмирал выехал после обеда, и король отправил с ним в качестве провожатого дона Мартина ди Норонья, и многие знатные рыцари сопутствовали ему некоторое время.

Адмирал прибыл в монастырь Св. Антония, что стоит над селением Виллафранка. В этом монастыре пребывала королева, и адмирал желал посетить ее, чтобы засвидетельствовать свое уважение и поцеловать ее руку. Незадолго до прибытия в [монастырь] Св. Антония он отправил к королеве гонца, уведомляя ее, что не покинет пределов страны, прежде чем ее не увидит. С королевой были герцог и маркиз, и принят адмирал

был с большим почетом. Вечером он выехал из монастыря и переночевал в Альандре.

Вторник, 12 марта. Сегодня, в тот момент, когда адмирал собирался выехать из Альандры к своей каравеле, прибыл королевский гонец и от имени короля заявил, что если адмирал пожелает направиться в Кастилию сушей, то он будет сопровождать его и заботиться о ночлеге, о вьючных животных и обо всем необходимом. Когда адмирал покидал его, гонец велел дать мулов адмиралу и его пилоту, который сопровождал Колумба, и адмирал отмечает, что этот человек приказал выдать пилоту 20 эспадин⁵⁵. Все это адмирал говорит, чтобы королям Испании было известно, что он делал [в Португалии]. Адмирал прибыл к каравеле ночью.

Среда, 13 марта. Сегодня в 8 часов, при большом приливе и северо-северо-западном ветре, адмирал поднял якорь и направился в Севилью.

Четверг, 14 марта. Вчера, после захода солнца, адмирал следовал своим путем на юг и перед заходом солнца находился близ мыса Сан Висенте, что в Португалии. Затем он направился на восток, чтобы пройти к Сальтесу, и при слабом ветре шел весь день и к вечеру находился близ Фару.

Пятница, 15 марта. Вчера, после захода солнца, адмирал плыл своим путем до наступления дня, при слабом ветре, и на восходе солнца был у Сальтеса, и в полдень при нарастающем приливе прошел мимо отмели Сальтес в бухту, откуда отплыл он 3 августа прошлого года. И он говорит, что теперь заканчивает свои писания и намерен итти морем в Барселону, так как ему сказали, что в этом городе находятся сейчас их высочества. А в Барселону он направится, чтобы дать им отчет о своем путешествии, которое господь наш позволил ему совершить, желая его прославить.

И верит он убежденно и безраздельно, не допуская никаких сомнений, и твердо знает: бог творит одно только благо, и все на земле, исключая греха, есть благо, и нельзя себе ни вообразить, ни помыслить что-либо без всевышней на то воли.

«Я узнал это во время своего плаванья,— говорит адмирал,— оно чудесным образом подтвердило подобное мое убеждение, как то можно усмотреть из этого описания по многим отмеченным мною чудесам, что свершились во время путешествия, а также и со мною [лично]. Ведь сколько времени нахожусь я при дворе ваших высочеств против воли и желания многих видных особ из вашего дома. И все они были против меня, и высмеивали мое дело, которое, я надеялся, послужит к величайшей славе христианства, и притом слава эта будет достигнута с неслыханной доселе легкостью».

Таковы заключительные слова адмирала, дона Христофора Колумба [в дневнике] его первого путешествия в Индии, совершенного для открытия их. И он был, безусловно, прав и го-

ворил как человек весьма предусмотрительный и обладающий почти пророческим даром, потому что скотоподобные люди не поняли, сколь великие блага мирские и духовные дал Испании бог. И не достойна оказалась Испания из-за своей заносчивости и жадности пользоваться благами духовными; только немногим рабам господним была оказана эта честь. Богу хвала.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в *Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, parte I, vol. I, p. 1—120, Roma, 1892*, и сверен по изданиям М. Ф. Navarrete, *Coleccion de los viajes y descubrimientos... v. I, p. 153—313, Madrid, 1858*. В процессе работы над переводом, помимо указанных версий, опубликованных на испанском языке, использовались также современные итальянские, французские и английские переводы «Дневника».]

КОММЕНТАРИИ К ДНЕВНИКУ ПЕРВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ

1. Документ, который публикуется на страницах этой книги, не является подлинной записью хода событий первого путешествия, дневником, написанным рукой Колумба.

Этот документ — конспект копии утраченного оригинала, составленный в середине XVI столетия Бартоломе Лас Касасом (1475—1566), крупнейшим испанским историком-летописцем того времени и неукротимым борцом за освобождение индейцев из кабалы и рабства.

О «Дневнике» писалось много, и десятки исследователей пытались разобраться в неясной истории этого документа — одного из важнейших исторических источников эпохи великих открытий. Не раз, когда речь шла о «Дневнике», высказывались сомнения в авторстве Колумба. В 30-х годах нынешнего столетия аргентинец Карбиа, ярый ненавистник замечательного гуманиста Лас Касаса, применил обычные для буржуазных историков приемы очернения своего противника и, не имея на то сколько-нибудь убедительных доказательств, объявил «Дневник» фальшивкой, вышедшей из-под пера Лас Касаса. Горячая полемика, начавшаяся после того, как Карбиа выступил со своими «разоблачениями», продолжалась несколько лет и в весьма малой степени способствовала разрешению спорных вопросов, связанных с происхождением копии «Дневника» Лас Касаса. Не вдаваясь в существо этого спора, необходимо, однако, отметить, что для оценки значимости публикуемого документа должно, прежде всего, выяснить, вел ли Колумб во время первого и последующих плаваний подробные дневники.

По свидетельству того же Лас Касаса, Колумб, уезжая весной 1493 г. из Барселоны в Севилью для подготовки своей второй экспедиции, оставил королевской чете книгу, в которой подробно описывались его плавание в «Индии» и открытия, совершенные в заморской стороне. Подтверждением этого свидетельства могут служить письма Фердинанда и Изабеллы к Колумбу. 1 июня 1493 г. король и королева отправили Колумбу письмо, в котором имеется следующее место: «...вы говорили, что вам нужна книга, которую вы оставили здесь [т. е. у королей], и что необходимо снять с нее копию и эту копию отправить вам. Так и будет сделано, согласно нашему предписанию дону Хуану де Фонсеке». В другом письме

от 5 сентября 1493 г. королева извещает адмирала о высылке ему этой копии, а еще в одном письме, датированном тем же числом, Фердинанд и Изабелла указывают: «...мы и никто иной, кроме нас, бегло просмотрели книгу, которую вы нам оставили. И чем больше мы говорим о ней, тем больше убеждаемся, как велико значение вашего предприятия, в подробностях которого вы осведомлены в большей степени, чем кто-либо иной из смертных. Да будет угодно богу, чтобы будущее соответствовало начатому. А чтобы лучше разобраться в вашей книге, нам необходимо знать градусы [т. е. координаты], на которых расположены острова и земли, которые вы должны будете открыть [речь идет о новом, втором путешествии], и градусы пути, каким вы будете следовать ради нашего блага...».

По всей вероятности, речь идет здесь о подробном описании первого путешествия, к которому, как это явствует из текста упомянутых писем и письма королевской четы от 18 августа 1493 г., Колумб не приложил, однако, карт с указанием своего маршрута.

В португальском архиве Торре ди Томбу хранится письмо видного португальского государственного деятеля Дуарти д'Алмейда королю Жуану III от 30 ноября 1554 г., в котором д'Алмейда сообщает, что у внука Христофора Колумба, Луиса, имеется книга, написанная самим адмиралом, о «Демаркации морей и океанов». Так как при переговорах 1494 г. в Тордесильясе кастильцы, намечая линию демаркации, опирались на данные новых открытий Колумба, то можно предположить, что книга, о которой упоминает д'Алмейда, была дневником первого путешествия. Об этом свидетельствует и другой, весьма любопытный документ — лицензия Карла V от 9 марта 1554 г.; согласно лицензии, дону Луису разрешалось выпустить в свет книгу, написанную в свое время Христофором Колумбом, в которой «рассказывается о весьма значительных вещах, достойных того, чтобы о них все знали; и дабы не было забыто столь прославленное начало такого события, каким было открытие всех Индий моря-океана, справедливым будет напечатать эту книгу».

В февралѣ 1502 г. сам Колумб в письме к папе Александру VI указывал: «Возрадуется и найдет успокоение моя душа, если я ныне смогу, наконец, явиться к вашему святейству с моим писанием (*my escriptura*), которое ведется мною в форме и на манер записок Цезаря; и я продолжаю вести его с первого дня и донныне, когда мне стало известно, что я должен во имя святой троицы совершить новое путешествие».

Фердинанд Колумб, младший сын знаменитого мореплавателя, в «Истории жизни адмирала» (необходимо, впрочем, отметить, что авторство Фердинанда Колумба вызывает сомнения и при этом небезосновательные), в том месте, где описывается выход флотилии из Палоса 3 августа 1492 г., пишет, что Колумб с момента отплытия «тщательнейшим образом, изо дня в день, описывал все, что происходило в путешествии, и особенно ветры, которые дули, когда он совершал плавание, и под какими парусами [шли корабли], и течения, и все, что он видел на своем пути: птиц, рыб и иное, достойное внимания. Он всегда имел обычай так поступать в [своих] четырех путешествиях, совершенных им из Кастилии в Индию».

И Лас Касас и Фердинанд Колумб дают подробное описание плавания Колумба с ссылкой на дневники, которые были в их распоряжении.

Таким образом, едва ли (даже если не принимать во внимание свидетельств Фердинанда Колумба — лица пристрастного — и Лас Касаса, мнения которого, как мы увидим дальше, нельзя считать вполне объективными) можно не сомневаться в том, что имелось описание первого путешествия, принадлежащее самому Колумбу.

Но в какой степени конспект копии Лас Касаса соответствует оригиналу? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо ознакомиться с характером деятельности «соавтора» «Дневника» — Лас Касаса, человека, в котором страстный темперамент бойца всегда подавлял стремление к объективному описанию тех или иных исторических событий.

Полвека Лас Касас провел в борьбе за освобождение индейцев из-под гнета испанских рабовладельцев. Каждая фраза его многочисленных памфлетов, написанных тяжелым и путаным языком, была подобна неотесанному камню, выпущенному из пращи по врагу. Этот неугомонный воитель тринадцать раз пересекал океан, то появляясь на берегах Эспаньолы или Мексики, то вновь и вновь возвращаясь в Кастилию, где он с неумолимой настойчивостью хлопотал о реализации своих проектов и планов. Его знал испанский двор и король-император Карл I (V). Его видели в канцеляриях Индийского Совета и в судебных присутствиях, и на университетских кафедрах, где он выступал с обличительными речами и вел страстные диспуты со своими многочисленными противниками. Испания еще не знала книг таких гневных и яростных, как знаменитый трактат Лас Касаса «Кратчайшая история разрушения Индий» (1542 г.), где шла речь о чудовищных жестокостях, совершенных испанскими конкистадорами в Новом Свете, где клеймилась гнусная система эксплуатации индейцев. Но Лас Касас даже в самых своих страстных памфлетах, сурово обличающих практику испанских открытий и завоеваний, всегда оставался покорным сыном церкви и ревнителем «истинной веры». Человек своей страны и своего века, он чтил освященную веками католическую догму и фанатично верил в католического бога. Религиозная экзальтация была ему свойственна в такой же степени, как и ненависть к истребителям и угнетателям индейцев, и он грозил божьим судом тем, кто «с крестом в руке и с ненасытной жадной золотом в сердце» во имя бога разорял и опустошал новооткрытые земли.

Понять отношение Лас Касаса к тому или иному событию недавнего прошлого можно, лишь оценив эти глубоко противоречивые особенности его мировоззрения. Кроме того, необходимо иметь в виду, что Лас Касас был тесно связан с семейством Колумба и считал, что в процессе, который наследники адмирала вели с испанской короной, моральные права были на стороне истцов — детей и внуков первого адмирала моря-океана.

К Колумбу Лас Касас всегда проявлял необыкновенный интерес. Фигура адмирала, открывателя новых земель, обиженного и отвергнутого королями, привлекала внимание Лас Касаса. И, прежде всего потому, что, придавая божественное значение замыслу и делу Колумба, рисуя его в одеждах небесного посланца, он мог, сопоставляя с адмиралом всех последующих деятелей конкисты, легко добиться нужного ему эффекта в своих памфлетах.

Колумб, по мнению Лас Касаса, был орудием провидения. Жадные искатели легкой наживы, устремившиеся в Новый Свет, куда открыл им дорогу Колумб, втоптали в грязь ветвь мира и крест, с которым адмирал якобы отправился открывать «Индии». Лас Касас при этом готов был забыть свойственные Колумбу черты заурядного рыцаря первоначального накопления, которые проявляются в каждой строке собственных писаний адмирала. Движимый желанием довести до логического конца эффективное противопоставление адмирала-«богоносца» и «скотоподобных» конкистадоров, Лас Касас работал над материалами Колумба в семейных архивах его потомков, и рука неукротимого «великого защитника индейцев» чувствуется во многих местах «Дневника».

Ярче всего это проявляется в прологе к «Дневнику» и особенно в той его части, где речь идет о великом хане.

Версия о великом хане приводится у Фердинанда Колумба, Бернальдеса и Мэртира. Весьма возможно, что при предварительных переговорах Колумба с королем и королевой упоминалось о землях и народах монгольских императоров «Катая» (в Западной Европе не знали, что уже более века прошло с того времени, когда монгольские великие ханы потеряли власть над Китаем). Но более чем сомнительно, чтобы Колумб, излагая историю этих переговоров, позволил себе язвительные намеки на равнодушные папского престола к делу обращения в христианство иноверных народов. И этот, чисто полемический, выпад и сама формулировка задач обращения в христианство подданных великого хана выдержаны в стиле памфлетов Лас Касаса.

В «колумбианской» литературе много споров вызвал вопрос о характере источников, из которых Колумб мог получить сведения о великом хане и его стране. Назывались письмо Тосканелли португальцу Мартинсу и сомнительное послание того же Тосканелли к самому Колумбу и произведения ряда других авторов XIII, XIV и XV столетий, в том числе «Книга Марко Поло». Но в прологе к «Дневнику» ничего не говорится ни о сказочных богатствах великого хана, ни о дивных городах и храмах в его землях, ни о золоте, драгоценных камнях и жемчуге «Катая» и «Индий». А между тем все эти авторы дают яркие соблазнительные картины «богатейших» стран Востока.

Все мировоззрение Колумба определялось неумной страстью к наживе. Каким неподдельным пафосом дышат те строки его письма к Сантанхелю и Санчесу, где описываются действительные и мнимые богатства новооткрытых земель. А в прологе ничего не говорится о реальных, осязаемых выгодах, сопряженных с успешным выполнением миссии к великому хану, хотя естественно, что в переговорах с Изабеллой и Фердинандом, у которых ни один грош не тратился понапрасну, соображения о грядущих барышах должны были играть не меньшую роль, чем фантастические проекты спасения языческих душ. Таким образом, маловероятно, чтобы пролог, который завершается кондовкой, выдержанной в манере и стиле Лас Касаса, написан был Колумбом.

В самом тексте «Дневника» имеются явные следы «целестремленной» работы его редактора. Это бросается в глаза, если сопоставить «Дневник» с другими источниками, где описывается первое плавание Колумба.

В «Дневнике» имеется много явных пропусков или вставок, бесспорно не принадлежащих Колумбу. Трудно, например, предположить, чтобы в оригинальный текст «Дневника» не была включена инструкция, которую Колумб дал при отправлении от Канарских островов капитанам кораблей. Фердинанд Колумб в «Истории жизни адмирала» и сам Лас Касас в «Истории Индий» упоминают об этой инструкции, причем Фердинанд Колумб пишет, что в инструкции указывалось, будто в 750 лигах к западу от Канарских островов флотилия должна встретить землю. В копии-конспекте, в записях, относящихся к концу сентября, началу октября и к февралю 1493 г., весьма глухо упоминается о настроениях судовых команд, хотя другие источники сообщают нам о серьезных волнениях на кораблях, а в материалах судебного процесса, который вели наследники Колумба с испанской короной, имеются свидетельские показания (в опросных листах королевских фискалов) о едва не разразившемся мятеже, якобы прекращенном Мартином Алонсо Пинсоном.

В характеристике коренного населения Кубы и Эспаньолы, данной в «Дневнике», усматривается сходство с аналогичными описаниями, которые дает в других своих работах Лас Касас. В «Дневнике» все время подчеркивается гуманное отношение Колумба к индейцам — черта, отнюдь не свойственная адмиралу. Порой стиль записей, ведущихся от первого лица (т. е. от лица Колумба), кажется подозрительно сходным со стилем самого Лас Касаса, хотя в большинстве случаев характерные особенности речи адмирала точно соответствуют языку других документов, приписываемых Колумбу.

В общем, необходимо отметить, что «Дневник» нельзя рассматривать как подлинную запись событий первого путешествия. Скорей его можно считать переработкой оригинального документа, в которой полностью сохранилась первоначальная канва. На ней богатое воображение Лас Касаса расшило узоры, не свойственные подлиннику.

«Дневник» впервые был опубликован испанским историком-архиварием Наваррете в его *Colección de los viajes y descubrimientos*, t. I и с тех пор не раз переиздавался на испанском языке и в переводах.

2. Альхамбра (по-арабски — келат-ал-хамраа — красный замок) — цитадель Гранады, в юго-восточной части города, построенная на скале в междуречье Дарро и Хениля. Стены Альхамбры, протяженностью около 3,5 км с высокими и грациозными сторожевыми башнями, окружают целый город дворцов и мечетей. Особенно красив построенный в XIII—XIV вв. дворец в северной части Альхамбры со своими знаменитыми галереями и внутренними дворами (*patio*). Львиный и миртовый дворы по праву считаются непревзойденными шедеврами поздней поры мавританского (испано-арабского) зодчества.

3. Гранада, последний оплот мавров на Пиренейском полуострове, была взята 2 января 1492 г. Захватом Гранады завершены были восьмивековые войны «реконксты» — обратного завоевания испанских земель от мавров. Эмир Гранады сдал город на условиях капитуляции, и Фердинанд и Изабелла скрепили своими подписями договор, гарантирующий маврам личную неприкосновенность и свободу отправления мусульманского культа.

Спустя девять лет договор был вероломно нарушен, и мавританское население города испытало на себе всю тяжесть десницы «католических» королей. Под страхом казни, пыток и изгнаний мавров стали принуждать к обращению в христианство. Но принявшие новую веру (мориски) продолжали подвергаться неслыханным притеснениям.

Церковь разжигала чувство религиозной и национальной вражды, желая любыми способами «очистить» Испанию от морисков и завладеть их землями и богатствами. Мориски не раз восставали против притеснения и гнета. Филипп II с невероятной жестокостью подавил альпухарское восстание морисков (1568—1571), а в 1609—1610 гг. все проживающие в Испании мориски были изгнаны из пределов страны, причем их имущество и земельные владения были захвачены испанской знатью, монастырями, духовными орденами и церковными магнатами.

4. Титул великих ханов носили потомки Чингиз-хана в колена одного из его внуков — Монке, к которому после долгих усобиц перешла власть над необъятными монгольскими владениями. Двор одного из великих ханов, Хубилая (1259—1294), посетил Марко Поло, из конца в конец прошедший все покоренные монголами земли Азии. В XIII веке и первой половине XIV века великие ханы правили гигантской территорией, которая простиралась от Желтого моря до Тигра. В XIV столетии царство великих ханов распалось на множество самостоятельных феодальных владений. Средняя Азия, в последней четверти этого века, явилась центром, откуда распространял свои завоевания удачливый полководец Тимур Ленг (Тамерлан) (1336—1405), империя которого оказалась, однако, весьма недолговечной.

Западная Европа ознакомилась со странами великих ханов по описаниям Плано Карпини, Рубрука и Марко Поло и по запискам авантюриста и литературного фальсификатора, кавалера Джона Мандевила, который, по материалам подлинных путешествий в страны восточной и южной Азии, создал увлекательную и полную небылиц книгу. Она пользовалась огромной популярностью в XIV и XV столетиях.

Кастилия в самом начале XV века попыталась вступить в непосредственные сношения с востоком. Посол короля Энрике III, Клавихо, направленный к Тимуру Ленгу, но добравшись до Самарканда, когда грозного завоевателя уже не было на свете. Клавихо оставил «Путеводитель», в котором описывалось его путешествие из Кастилии в Среднюю Азию.

5. Евреи были изгнаны из Испании указом Фердинанда и Изабеллы от 30 марта 1492 г. Таким образом, либо Лас Касас, либо Колумб допускают ошибку, когда говорят, что повеления королевской четы даны были в январе 1492 г., после того как евреи подверглись изгнанию. Переговоры Колумба с Фердинандом и Изабеллой завершились подписанием капитуляции [договора] 17 апреля. Очевидно, речь идет поэтому не о январе месяце, а об апреле.

6. Канарские острова, известные еще римлянам, были вторично открыты европейцами на рубеже XIII и XIV столетий. Интерес к этому небольшому архипелагу, лежащему в исходном пункте новых торговых путей, проявляли обе пиренейские державы. В самом начале XV века на одном из восточных островов архипелага — Лансароте — утвердился

нормандский авантюрист Бетенкур, объявивший себя ленником кастильского короля. В дальнейшем, на протяжении всего XV столетия, острова Лансароте, Гомера и Гран-Канария находились во власти кастильцев, которые со зверской жестокостью обрекли на истребление и вымирание коренное население островов — гуанчей. Западные острова Иерро и Тенериф завоеваны были Кастилией в период 1493—1512 гг. Канарские острова были яблоком раздора для двух держав-соперниц, Испании и Португалии. Португальцы, проложившие в первой половине XV века путь к Гвинее и заинтересованные в овладении всеми островами, что лежали у западных берегов Африки, не раз пытались захватить Канарский архипелаг. По кастильско-португальскому соглашению 1479 г., утвержденному папой Сикстом IV в 1481 г. (соглашение в Алькасовас и папская булла *Aeterni Regis*), Канарские острова оставались во владении Кастилии (см. комментарии к булле *Inter caetera* № 2). Значение их для осуществления предприятия, задуманного Колумбом, было весьма велико. То обстоятельство, что корабли его могли при отправлении в путь к берегам неведомых земель базироваться на эту далеко выдвинутую в Атлантику группу островов, в немалой степени способствовало успеху предприятия Колумба.

7. Отсчет румбов во времена Колумба велся по системе, в основу которой была положена роза ветров со следующими обозначениями: полные румбы именовались «ветрами», половинные и четвертные доли румбов носили соответственно названия «полуветров» и «четверть ветров» или просто «четвертей». Таким образом, на картушке компаса, которым пользовался Колумб, каждому «ветру» соответствовали 45° , «полуветру» — $22\frac{1}{2}^\circ$ и «четверти» — $11\frac{1}{4}^\circ$. Когда Колумб пишет, что он взял курс запад, четверть к юго-западу, то это значит, что он направил корабль на запад, четверть румба к юго-западу или, по принятому в русском флоте обозначению, на ЗтЮЗ.

Переход от Палоса к Канарским островам занял у Колумба шесть дней. Обычно испанские корабли покрывали расстояние 1050—1100 км, отделяющее андалусские порты от Гран-Канарии или Лансароте, за семь-девять дней. Часть Атлантического океана между берегами Испании и Канарскими островами в XV веке называлась Заливом кобыл (*Golfo de las Yeguas*), так как на кастильских кораблях, перевозивших на Канарские острова скот, много кобыл околевало в пути.

8. Легенды о таинственных островах в Атлантическом океане с глубокой древности волновали воображение европейцев. В XIII—XIV столетиях на картах мира появлялись в разных пунктах Атлантического океана, то близ экватора, то к западу от Азорских островов, то на параллели Ирландии, таинственные острова, о которых ходили всевозможные легенды. Наиболее живучими и стойкими были мифы о цветущем острове Антилье, острове Св. Брандана и архипелаге Семи городов. На глобусе Мартина Бегайма 1492 г. остров Св. Брандана показан близ экватора на 54 градусе западной долготы, Антилья же помещена чуть севернее тропика Рака, на полпути между Азорскими островами и областью, где на наших картах отмечены Малые Антильские острова. В XV в. испанцы и португальцы бороздили воды Атлантики вблизи Канарских островов, Азор-

ского архипелага и Мадейры в поисках этих легендарных островов. Они продолжали искать их долгое время спустя после открытия Америки в XVI, XVII и XVIII веках. Даже в наше время старые рыбаки на Гомере и Иерро верят в существование острова Св. Брандана, который то поднимается из океанских пучин на поверхность моря, то вновь погружается на дно. Крайне любопытны те места «Дневника», где упоминается о встрече Колумба с моряками, якобы плававшими к таинственным островам. Несомненно, Колумб в бытность свою в Лиссабоне встречался с португальскими моряками, которые совершали плавание в различных частях Атлантического океана. Отзвуки вестей об этих плаваниях Колумб мог услышать в Лиссабоне или на Азорских островах.

9. Трудно сказать, насколько был достоверен этот слух. Несомненно только, что король Жуан II пристально следил за всеми испанскими морскими экспедициями, опасаясь, что Фердинанд и Изабелла нарушат условия Алькасовасского соглашения, по которому воды Атлантики к югу от Канарских островов признавались доступными только для португальских кораблей. Возможно, что к Канарским островам была послана португальская эскадра, которой поручено было следить за Колумбом. Но португальцы применили бы к кастильским кораблям «санкции», вероятно, лишь в том случае, если бы последние направились к берегам Зеленого Мыса или Гвинеи.

10. Явления магнитного склонения были известны и в Европе и в странах Восточной Азии задолго до путешествия Колумба. Сохранились многочисленные свидетельства, относящиеся к XIII столетию, которые достаточно убедительно говорят об этом. Таким образом, нельзя приписывать Колумбу честь открытия магнитного склонения. Вероятно, однако, до первого плавания Колумба в Европе не было известно западное магнитное склонение. Везде, где до этого плавали европейские моряки, в те времена магнитное склонение было восточным. Любопытны замечания Колумба о Полярной звезде. Полярная звезда была для мореплавателей того времени единственной точкой, по которой они могли проверить правильность магнитной стрелки. Необычное явление — отклонение магнитной стрелки к западу — заставило Колумба усомниться в постоянстве поведения Полярной звезды. Именно поэтому адмирал и говорит, что ему кажется, будто не стрелка компаса, а Полярная звезда совершает движение.

11. 16 сентября Колумб вступил в пределы «Саргассова моря» — части Атлантического океана между Бермудскими островами, Антильским и Азорским архипелагами, получившей свое название от большого скопления здесь плавающих бурых саргассовых водорослей. Это — многолетние, длинные (до 4—6 и даже 10 м в длину) растения, часто имеющие сильно разветвленную форму. Их боковые ответвления листообразной формы напоминают отростки стеблей высших растений. «Саргассово море» занимает в Атлантическом океане огромную площадь. Воды его обладают большой соленостью и чистым голубым цветом. Это «море» заключено, в замкнутом кольце атлантических течений — Гольфстрима Канарского и Северного-экваториального. То, что Колумб принял за

плоды, на самом деле было не что иное, как наполненные воздухом пузыри, позволяющие водорослям удерживаться на поверхности.

12. Колумб и его спутники, одержимые желанием поскорее увидеть землю (а Колумб предполагал, что земля будет встречена на расстоянии 750 лиг от Канарских островов), склонны были считать любую приметку верным признаком близости суши. Частые упоминания об этих признаках свидетельствуют о волнении, которое испытывал адмирал. Однако ни чайки, ни фрегаты, ни киты, ни грозовые тучи не могут служить признаком близости суши. Как известно, киты и фрегаты встречаются в открытом море за сотни и тысячи километров от берега. Также не являлись признаком суши «травы», замеченные моряками в море за 26 дней до открытия первой земли в «Индиях». «Травы» эти были водорослями Саргассового моря. Подлинные признаки земли Колумб заметил лишь накануне открытия острова Гуанахані, 8—11 октября.

13. Оценка пройденных расстояний, приводимая в «Дневнике», издавна была камнем преткновения для всех исследователей. Прежде всего неясно, чему эквивалентна «лига» — единица измерения, принятая Колумбом. Сам Колумб часто отмечает, что лига равна 4 итальянским милям. В этом случае длина лиги должна была бы составить $1\,481 \times 4 = 5\,924$ м. Однако, если принять эту единицу в основу расчета расстояний, пройденных Колумбом в первом путешествии, то окажется, что дистанции, показанные в «Дневнике», по крайней мере на 8—10% превышают истинные. Некоторые исследователи предполагают, что у Колумба лига была равна не 4 итальянским милям, а меньшей величине, возможно 4 392 м. Разумеется, восстановить истинное значение мер длины, принятых Колумбом, не представляется возможным, а так как трасса пройденного Колумбом в первом плавании пути может быть намечена только приближенно, то не легко определить, насколько близкой к истине была оценка расстояния, покрытого флотилией на пути от Канарских островов к Эспаньоле.

14. О настроениях экипажей флотилий в «Дневнике» имеются лишь беглые и неясные замечания в этой записи и в записи от 14 февраля 1493 г., но в материалах тяжбы короны с наследниками Колумба имеются свидетельские показания участников первого плавания, данные королевскому фискалу, в которых тревожные события, имевшие место на флотилии, излагаются весьма подробно. Но ценность этих показаний ничтожна, поскольку корона, стремясь умалить заслуги Колумба и приписать Пинсону честь открытия новых земель, определенным образом «ориентировала» свидетелей. Материалы этой тяжбы создают версию о серьезных волнениях на кораблях, вызванных тем, что судовые команды были недовольны Колумбом и настаивали на возвращении в Кастилию. Открытый мятеж якобы предотвратил Пинсон, который убедил моряков, что искомая земля близка. Иная версия приводится у Лас Касаса в его «Истории Индии». Лас Касас пишет: «По мере того как бог давал им [морьякам] все больше и больше явных примет, указывающих на близость земли, все более и более возрастало нетерпение и непостоянство и все пуще возмущались [морьяки] против Христофора Колумба. И днем и ночью все, кто бодрствовал, не переставали ни на минуту роптать и все,

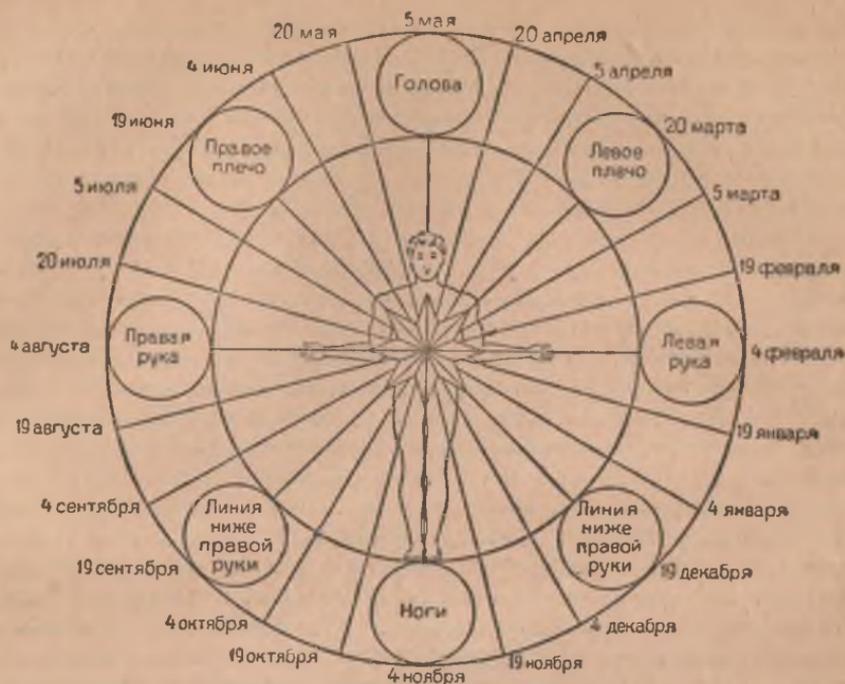
кто мог общаться друг с другом, соединялись, обсуждая, каким образом можно вернуться [в Кастилию]. При этом люди говорили, что было бы безумием и самоубийством. рисковать своей жизнью, чтобы следовать безумным замыслам какого-то чужеземца, который готов принять смерть, лишь бы только сделаться большим господином,— и [того ради] очутился в том бедственном положении, в котором и он и они все находятся ныне.

И что обманывал он множество людей, особенно когда, противоборствуя столь великим и ученым людям, ратовал за свое предприятие или, вернее говоря, за свои бредни, которые и оценивались как суета и безумство, и когда говорил он, что для их выполнения достаточно дойти до тех мест, куда доселе еще никто не доходил и не отваживался доплывать... некоторые заходили еще дальше, говоря, что лучше всего было бы сбросить его в море, если он будет упорствовать, настаивая на продвижении вперед, а затем объявить, что он упал в море, когда определял высоту Полярной звезды квадрантом или астролябией; ведь так как был он чужеземцем, мало найдется людей или совсем таковых не будет, кто потребовал бы к ответу содеявших подобное, но зато найдется бесчисленное множество таких, кто будет утверждать, что подобный конец уготован был ему богом по заслугам за дерзость. В таких и подобных им разговорах проводили время моряки. И так говорили они день и ночь напролет; и ко всему причастны были Пинсоны, капитаны и старейшины всего люда, ибо все прочие моряки были уроженцами и жителями Палоса и Могера, и к Пинсонам все обращались и с Пинсонами вместе все сетовали...». Далее Лас Касас отмечает, что Колумб, заметив настроение экипажа, вел себя с большой выдержкой и мужеством, настойчиво добиваясь осуществления своего замысла.

15. «Вилохвостка» (Rabiforcado) — фрегат — птица океанических побережий тропического пояса с коротким изогнутым клювом, длинными сильными крыльями и хвостом, раздвоенным в виде буквы V. Эти птицы отнюдь не являются признаком земли, так как они могут залетать за сотни километров от берега.

16. Стражницы (Guardas) — звезды α и β в созвездии Большой Медведицы. Эти звезды, вращаясь вокруг Полярной звезды, описывают за 24 часа полный круг. Во времена Колумба было известно, что эти звезды в течение одного года меняют свое положение относительно Полярной звезды таким образом, что в начале мая, в полночь, они стоят прямо над Полярной звездой; в начале февраля, в тот же час, располагаются на 90° к востоку, в начале ноября занимают позицию, противоположную майской, а в первые дни августа находятся на 90° к западу от своего положения в мае.

Таким образом, мореплаватели, зная наперед, в каком положении относительно Полярной звезды будут находиться в полночь любого дня звезды α и β , могли исчислять по ним время, приняв во внимание, что за 24 часа эти звезды описывают полную окружность, и что, следовательно, за один час они, подобно стрелке часов, описывают дугу в 15° . Существовала особая диаграмма, посредством которой определялось время.

Она имела вид круга с фигурой человека в центре. На груди фигуры, точно в геометрическом центре круга, было изображение Полярной звезды.

На окружности, через равные промежутки в 45° (промежуток этот назывался линией), нанесены были полночные положения Стражниц в различные времена года. От Полярной звезды к каждой из этих позиций шли радиальные лучи, которые пересекали голову, руки, плечи и ноги человеческой фигуры.

По частям тела, которые пересекались радиальными линиями, назывались и положения Стражниц в то или иное время года.

Пример определения времени по звездам α и β приводится в записи дневника от 30 сентября. В полночь 30 сентября эти звезды должны были находиться на линии (т. е. на 45°) ниже правой (западной) руки (см. диаграмму). Колумб отмечает, что вечером они находились у правой руки, а на рассвете одной линией ниже левой руки, и что за ночь прошли три линии. Следовательно, первое наблюдение Колумба относится к 9 час. вечера, второе к 6 час. утра, так как именно за этот промежуток времени звезды α и β могли переместиться на три линии, т. е. на 135° .

По Полярной звезде ночью и по солнечным часам днем мореплаватели могли определять местное время, а подобные определения были необходимы им в повседневной навигационной практике.

17. Остров Сипанго (Чипанго или Джипанго в итальянском произношении) впервые упоминается у Марко Поло. Марко Поло помещает

Сипанго на расстоянии 1500 ли (китайских миль) от берегов Китая. Сипанго — остров, с которым и у Марко Поло и у европейских картографов XIV и XV столетий связаны были представления о Японии, указывался на многих картах того времени. Этот остров нанесен был на ту таинственную карту, которую имел у себя Мартин Алонсо Пинсон. Колумб, подобно всем своим современникам, сильно преувеличивал расстояние (по сухопутью) между западными берегами Европы и восточными землями Азии и соответственно преуменьшал ширину «Западного» океана.

18. Эскривано (*escribano*). В равной степени под эскривано могут подразумеваться и писцы разных родов, и нотариусы. В буквальном переводе эскривано точно соответствует русскому слову «писец» (и в испанском и в русском языке слово это восходит к одному и тому же глаголу «*escribir*» — писать). Во флотилии Колумба эскривано был нотариусом и главное его назначение состояло в формальном засвидетельствовании актов на ввод во владение королей Испании новооткрытыми землями.

19. Здесь идет речь о коренных жителях Канарских островов — гуанчах. Гуанчи в XV веке населяли все крупные острова этой группы. Судя по скудным сообщениям европейцев, в то время посетивших Канарские острова, гуанчи говорили на разных наречиях, родственных современному берберским языкам северо-западной Африки. По облику они, однако, отличались от берберов, и антропологи склонны им приписывать скорее древнеевропейское, чем африканское происхождение. Гуанчам Гран-Канарии и Фуэнтевентуры был известен гончарный круг. Они обрабатывали землю мотыжным способом и разводили коз. На Гомере и Пальме гуанчи стояли на более низком уровне развития. Форма родового строя характерна была для всех племен, населявших Канарские острова. Кастильские хронисты свидетельствуют, что на восточных островах Канарской группы существовали «государства» с «королями» и сословным делением. Вероятнее всего эти «государства» были конфедерациями племен, управляемых советами родовых старейшин. Гуанчи оказали героическое сопротивление кастильским завоевателям. В течение столетий шла неравная борьба между гуанчами и вооруженными до зубов отрядами захватчиков. В результате большая часть жителей островов была истреблена. Колумб не раз упоминает о коренных жителях Канарских островов. В письме к Фердинанду и Изабелле, в котором он дает отчет о своем третьем путешествии, с гуанчами сравниваются индейцы острова Тринидад.

20. Фернандина — остров в группе Багамских островов. Современное название Лонг-Айленд (Долгий остров). Назван в честь короля Фердинанда.

21. По всей вероятности имеется в виду табак.

22. «Сети из хлопковой пряжи» — гамаки.

23. Ошибка в тексте дневника. Ни на одном из кораблей не было маэстре по имени Диего. Вероятно, имеется в виду Диего Лоренсо — контрамаэстре (корабельный мастер) «Ниньи».

24. Плиний (Плиний Старший) — Гай Плиний Секунд (24—79 гг. н. э.) — автор «Естественной Истории» — подлинной энциклопедии естественных

наук античной эпохи. В 36 книгах этого труда содержались сведения о животном и растительном мире, о народах, населяющих мир, географические описания, астрономические и космографические данные.

Колумб вряд ли знаком был с Плинием в оригинале. Он, однако, мог встретить выдержки из Плиния в «Зерцале мира» (*Imago Mundi*), Пьера д'Альи и в космографии Энея Сильвия Пикколомини (папы Пия II).

25. Это место в «Дневнике первого путешествия» вызывает интерес у биографов Колумба, поскольку Лас Касас приводит здесь слова адмирала, свидетельствующие, что он в свое время был на острове Хиосе, в Архипелаге. Однако прямых доказательств посещения Колумбом Хиоса нет.

26. Замечание о «едином языке» на всех островах Индии, разумеется, лишено оснований. Сам Колумб неоднократно опровергает его, когда говорит, что индейцы, захваченные им на Гуанahaní, не понимают языка обитателей Кубы. Индейцы Больших Антильских и Багамских островов говорили по крайней мере на семи или восьми языках. О планах работ торговли см. статью «Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения».

27. Имеются в виду различные виды ямса и бататов (см. комментарий 32).

28. Квадрант был простейшим инструментом для определения высоты стояния небесных светил над горизонтом.

Он имел вид деревянного сектора, соответствующего четверти правильного круга. Стороны *АВ* и *ВВ* были равны между собой и сходились в точке *В* под прямым углом. Дуга *АВ* разделена была на 90 частей (градусов).

В точке *В* прикреплялся на тонкой шелковой нити свинцовый грузик (отвес).

Для определения высоты стояния какого-либо небесного светила наблюдатель устанавливал квадрант таким образом, что сторона *АВ* находилась на линии, проведенной от глаза к наблюдаемому объекту. Угол *ВВГ* между стороной *ВВ* и нитью отвеса являлся в этом случае искомым.

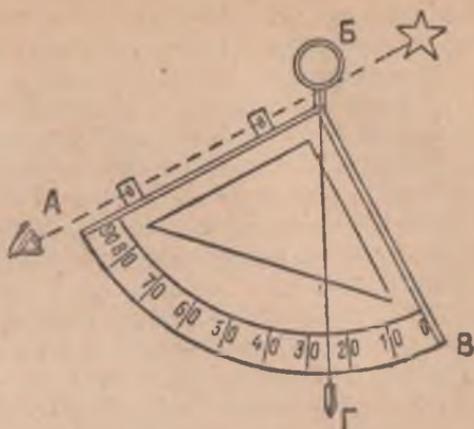
Разумеется, квадрант — инструмент весьма неточный. Пользование им становилось почти невозможным в открытом море, когда даже легкое волнение препятствовало правильной установке инструмента. А между тем именно в условиях дальних морских переходов особенно острой была нужда в определениях широт, которые, разумеется, были невозможны без угломерных инструментов.

Вряд ли данные определения широт по квадранту искажены переписчиком рукописи «Дневника», как это предполагает Лас Касас. По всей вероятности, квадрант, которым пользовался Колумб, был неисправен.

Колумб сам отмечает это обстоятельство в записи от 21 ноября, в которой он указывает, что не будет до тех пор пользоваться квадрантом, пока на берегу не исправит его.

Испанский историк Наваррете предполагал, что ошибка в исчислении широты была вызвана тем, что в квадранте Колумба цена одного деле-

ния была вдвое меньше нормальной. Если это предположение справедливо, то ошибка, допущенная Колумбом, становится незначительной, так как при двойной цене деления широта того пункта, где производил определения Колумб, оказывается равной не 42, а 21 градусу. Истинная широта пункта, где Колумб вел свои наблюдения, — 23°.

Таким образом, предположения Наваррете кажутся справедливыми. Однако мало вероятно, будто

Колумб, понимая, что показания квадранта получаются ошибочными, не принял во внимание особенности шкалы квадранта. Лас Касас, отмечая, что Колумб допустил ошибку и что остров Куба не может лежать под 42-м градусом, делает на полях «Дневника» примечание, в котором он указывает, что если это определение было бы справедливым, то Куба оказалась бы на широте «Флориды». Нас не должно удивлять это замечание, хотя ныне хорошо известно, что Флорида лежит между 24 и 31 градусом с. ш. В XVI веке Флоридой называлась у испанцев огромная территория, которая простиралась вдоль побережья Атлантического океана почти до рубежей Канады.

29. Весьма примечательное место в записях Колумба, позволяющее оценить «истинность» утверждений испанцев о людоедских наклонностях карайбов. Версия о каннибалах — пожирателях человеческого мяса — возникла на основе неправильно понятых объяснений индейцев, взятых в плен Колумбом на Гуанаханí.

Слухи о людоедах, населяющих некоторые острова «Индий», под воздействием на воображение всех кастильских мореплавателей, которые стали усиленно собирать «доказательства», подтверждающие предположения Колумба. А спустя несколько лет после открытия первых американских земель, под предлогом борьбы с индейцами-людоедами, кастильские колонисты стали совершать набеги на Малые Антильские и Багамские острова, уничтожая и обращая в рабство их жителей, под предлогом борьбы с «бесчеловечными обычаями». Сам Колумб, используя им же созданную легенду о каннибалах-людоедах, в 1494 г. разработал программу обращения в рабство индейцев, относимых к этой группе.

30. Исключительно ценное и важное наблюдение. Колумб (или Лас Касас, говорящий устами адмирала) отмечает, что у индейцев острова Кубы имел место родовой строй. Это соображение подкрепляется метким и верным указанием на то, что значительные группы индейцев, принадлежащих к одному роду, жили сообща в больших домах. Любопытно, что первые путешественники, посетившие Америку, отчетливее представ-

ляли себе истинную структуру общественного уклада индейских племен, чем те европейцы, которые посещали американские земли в XVII и XVIII столетиях.

Разумеется, Колумб и его современники «феодализировали» в своих записях социальный строй индейских племен. Но, как непосредственные наблюдатели, они порой улавливали специфические особенности, не свойственные европейскому укладу, и поэтому так ценны для этнографов материалы первооткрывателей, познакомившихся с коренным населением Америки в ту эпоху, когда она еще не испытывала на себе пагубного влияния «цивилизации».

31. Лас Касас в «Истории Индий» указывает, что он не понимает «почему подобное название было дано этому острову. И на Кубе и на Эспаньоле был один и тот же язык, но на этом языке остров [о котором идет речь] назывался Хаити́ (Haití) — последняя гласная в этом слове долгая и ударная. По непонятным причинам остров получил имя Бохио, которым у индейцев обозначались их дома, сооружаемые из соломы».

32. Речь идет о плодах ямса или ньяма (местное название — ахе). Ямс (*Dioscorea*) — растение тропического пояса, образующее мощные клубни, богатые крахмалом. Индейцы изготовляли из сушеных клубней ямса муку, а затем из этой муки пекли лепешки, которые назывались «касаби». Этот «хлеб» из «ньямов» был основной пищей коренных жителей Эспаньолы.

33. Счет времени на кораблях Колумба велся по «ампольетам» (*ampolletas*) — песочным часам. Работа этого примитивного механизма зависела от усердия и расторопности дежурного юнги, который был обязан через каждые полчаса перекидывать склянки. (Песок пересыпался из верхней склянки-ампольеты в нижнюю именно за этот промежуток времени.) Разумеется, пользование ампольетами сопряжено было с большими неудобствами. Для того, чтобы узнать время суток, приходилось пересчитывать число получасовых интервалов, которые протекли от момента наблюдения по солнечным часам или по созвездию Большой Медведицы (см. комментарий 16). В ясные дни эти определения были возможны, но в ненастье моряки вынуждены были полагаться на отметки дежурного, причем порой в течение нескольких дней нельзя было проверить и установить точное полуденное время.

За два-три дня при отчетах времени по «ампольетам» могли быть допущены грубые ошибки.

34. Тортуга, открытая Колумбом в декабре 1492 г., сравнительно небольшой остров у северного берега Эспаньолы (площадь его около 300 кв. км). Остров этот отделяется от Эспаньолы проливом шириной 10 км. В XVII веке остров Тортуга стал прибежищем пиратов, грабивших испанские корабли, которые перевозили из Америки в Европу различные ценности.

На Тортуге возникла своеобразная пиратская «республика», просуществовавшая более полу столетия.

35. Так называли индейцы на Эспаньоле своих вождей. Разумеется, «касики» не были «королями» новооткрытых земель. Сохраняя в переводе употребляемые испанскими авторами синонимы слова касик —

«король», «сеньор» и т. д., мы желаем обратить внимание читателей на то обстоятельство, что испанцы применяли термины испанской феодальной системы к элементам родового строя. Касики были старейшинами рода или племени, а не феодальными сеньорами.

Любопытно, что испанцы называли касиками вождей индейских племен на американском континенте, хотя языкам Мексики и Перу и не было известно это слово.

36. Святая Мария из О — святилище в горах Кастилии — неподалеку от Сеговии, названо так потому, что со всех сторон замкнуто цепями гор, образующими овальный контур в виде буквы О.

37. Это место представляет для биографов Колумба значительный интерес. Устами Лас Касаса Колумб сообщает, что он «ходит по морю 23 года». Если принять эту версию, то окажется, что уже в 1469 г. Колумб стал моряком. Между тем, по материалам генуэзских архивов удалось установить, что еще в 1471 г. Колумб жил в Генуе и занимался ткацким ремеслом.

38. Все эти сентенции о искренней любви Колумба к индейцам — плод измышлений Лас Касаса. Не только поступки, но и подлинные слова Колумба (см. его письмо Сантанхелю и Санчесу и «Мемориал», посланный королям в 1494 г.) свидетельствуют, что адмирал менее всего руководствовался соображениями гуманности в своей практической деятельности.

Лас Касас, однако, не скрывает, что испанцы — спутники Колумба — вели себя по отношению к индейцам как истинные грабители и мошенники. Лас Касас говорит — «но даже не давая ничего, они [испанцы] стремились взять и захватить все». В этих немногих словах выражена сокровенная сущность мировоззрения рыцарей первоначального накопления, мировоззрения, присущего Колумбу в той же степени, как и его спутникам.

39. Здесь Лас Касас или Колумб «феодализируют» общественный строй индейцев: «нитайво» — не гранды, а родовые старейшины. Разумеется, у индейцев Эспаньолы не было ни губернатора, ни судей, ни рыцарского сословия.

40. Лас Касас в «Истории Индий» пишет: «все бронзовые вещи индейцы ценили больше, чем что-либо другое. Поэтому за наконецник от агухеты давали они без труда все, что только было у них под руками. Бронза называлась у индейцев — «турей» — «небесная вещь».

41. Эспингарда — старинная пушка небольшого калибра. В Испании эспингардой называлась также очень длинная и тяжелая пищаль — излюбленное оружие мавров.

42. Юный индеец говорил не об островах, а о различных областях острова Эспаньолы, названия которых приведены в «Дневнике» неточно.

43. Здесь, как указывает Лас Касас, ошибка в тексте «Дневника». Имеется в виду не Родриго, а Хуан Перес, настоятель монастыря Рабида и один из наиболее энергичных покровителей Колумба.

44. Заповеди Колумба его спутникам, остающимся в Навидаде, выдержаны в стиле, который весьма мало свойственен адмиралу. Эта длинная проповедь вероятно от первого до последнего слова вставлена в копию-конспект «Дневника» Лас Касасом. Все изложение «восьми запо-

ведей» ведется ретроспективно. Лас Касасу превосходно была известна судьба 39 испанцев, оставленных в Навидаде. Зная об этом, он влагает в уста Колумба речь, в которой адмирал, с прозорливостью ясновидца, предостерегает своих сотоварищей и повелевает им не совершать как раз те проступки, которые явились причиной их гибели.

45. Речь идет, видимо, о реке Яки. Лас Касас в примечании на полях «Дневника» указывает, что в песках реки Яки действительно добывалось золото. Однако он отмечает, что «адмирал вероятно полагает, будто все, что блестит, золото» и принял за этот металл золотистые блестки «магазита» (по всей вероятности, так называл Лас Касас пирит).

46. Не совсем ясно, имеет ли в виду Колумб сирен или речь идет здесь о дельфинах. Испанское слово «serena» в одинаковой степени может быть отнесено и к мифическим сиренам и к вполне реальным дельфинам. В существование сирен верили моряки не только в XV веке, но и столетие спустя, в начале XVII века. Гудсон описывал внешний вид сирен, встретившихся ему в заморском плавании.

47. Основываясь на этой записи в «Дневнике», биографы Колумба полагают, что он прибыл в Кастилию в январе 1486 г., что подтверждается и иными, косвенными свидетельствами.

48. Франсиско Ролдан — спутник Колумба в первом плавании, впоследствии главный судья («судья-правитель») на острове Эспаньоле. Ролдан был зачинщиком мятежей и смут на острове и душой заговора кастильских поселенцев, направленного против Колумба. О Ролдане см. также статью «Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения» и комментарий к охранному письму Ролдану.

49. Корабль 6 февраля находился на 36° с. ш. и 41° з. д. Между тем Ролдан полагал, что «Нинья» зашла значительно дальше к востоку (примерно до 36° з. д.) и что она идет на широте Порту Санту, т. е. на 33° с. ш. Висенте Яньес Пинсон считал, что «Нинья» 6 февраля зашла еще дальше к востоку, чем это предполагал Ролдан (остров Файял лежит на $28^{\circ}40'$ з. д.). 7 февраля Пералонсо Ниньо определил положение «Ниньи» с еще большей погрешностью. По его расчетам, корабль находился на 26° з. д. и 34° с. ш., тогда как 7 февраля «Нинья», вероятно, пересекала только 38° з. д. и шла на 37° с. ш. Именно эти расчеты и привели 10 февраля всех пилотов к ошибочному заключению, будто «Нинья» вступила в воды Мадейры и Порту Санту, оставив позади себя Азорские острова. Если верить Лас Касасу, Колумб правильнее определил 10 февраля положение «Ниньи». Пересечение меридиана Файяла и широтной линии, проходящей через Нафе (близ нынешней Касабланки), даёт координаты — $28^{\circ}45'$ з. д. и $33^{\circ}30'$ с. ш. Фактически «Нинья» 10 февраля находилась на 33° з. д. и 36° с. ш. Таким образом, 10 февраля пилоты ошиблись в определении пункта, где находилась «Нинья», на 1 200 км, а адмирал — на 400 км.

50. Речь идет о двенадцатилетнем Диего и четырехлетнем Фернандо [Фердинанде] — сыновьях Колумба, оставленных им в Кордове.

51. В записи 10 февраля отмечается, что адмирал, возражая пилотам, утверждал, что «Нинья» находится на долготе Файяла и на широте Нафе (Касабланки). Во время шторма трудно было высчитать пройденное расстояние, и поэтому предположение Колумба о том, что 15 февраля «Нинья»

должна была находиться у Азорских островов (если только мнение это не внесено в «Дневник» Лас Касасом), свидетельствует, что он хорошо ориентируется на море; впрочем, едва ли можно поставить в вину его пилотам допущенные ими ошибки, если учесть признание адмирала, сделанное им в записи от 18 февраля, в которой он говорит, что намеренно вводил в заблуждение пилотов и моряков, желая «остаться господином дороги в Индии...».

52. Здесь Колумб впервые упоминает о «земном рае», лежащем у предела востока.

Впоследствии, совершая свое третье плавание, Колумб искал этот рай на открытых им берегах южноамериканского материка. Рассуждениями о местоположении «земного рая» заполнено его письмо королю и королеве о результатах третьего путешествия, которое помещено в этой книге.

53. Бартоломеу Диаш (в испанском произношении Бартоломе Диас) — знаменитый португальский мореплаватель, обогнувший в 1486—1487 гг. мыс Доброй Надежды.

54. Речь идет об алькасовасском соглашении 1479 г., по которому кастильским кораблям запрещался доступ в воды, омывающие западные берега Африки. Об алькасовасском соглашении см. комментарий к булле *Inter caetera* № 2.

55. Эспадин — старинная золотая монета, имевшая в XV веке хождение в Португалии.

Экипаж «Санта Марии», «Ниньи» и «Пинты»

Королевскими грамотами от 30 апреля 1492 г. «палосским людям» (*los de Palos*) предписывалось в десятидневный срок снарядить корабли для заморской экспедиции адмирала моря-океана — Кристобая Колона (Христофора Колумба). Одновременно было объявлено, что требуются матросы и иные сведущие в морском деле люди на корабли, которые скоро должны отправиться «в некую страну, что лежит в море-океане, для неких дел, выполняемых на нашей [т. е. королевской] службе».

Туманная и загадочная формулировка конечных целей экспедиции и ее маршрута и отсутствие в документах, датированных 1492 г., ссылок на «Индии», «Сипанго» (Японию), «Катай» и прочие восточноазиатские земли, побудила в свое время американца Виньо полностью отвергнуть традиционную трактовку предприятия Колумба как плавания к странам востока западным путем. Чернильные турниры, в которых немало перьев было сломано последователями Виньо и их яркими оппонентами, ведутся на Западе до сих пор, причем и та, и другая сторона строят всю свою аргументацию на произвольном толковании не менее произвольно подобранных документов, совершенно игнорируя реальную историческую обстановку, в которой велась подготовка экспедиции Колумба. Но каковы бы ни были подлинные цели экспедиции и причины, побудившие Фердинанда и Изабеллу излагать так неясно свои грамоты и указы, обращенные к широкой публике, необходимо отметить, что атмосфера тайны, окружавшая экспедицию, не содействовала успеху вербовки экипажей.

В материалах судебного процесса, который наследники Колумба вели

с испанской короной, имеются свидетельские показания участников первого плавания и жителей Пáлоса, Могера и Уэльвы, данные спустя 22 года после благополучного возвращения Колумба из первого путешествия. Почти все очевидцы памятных событий лета 1492 г. утверждают, что людьми овладел страх при мысли о плавании в неведомые воды.

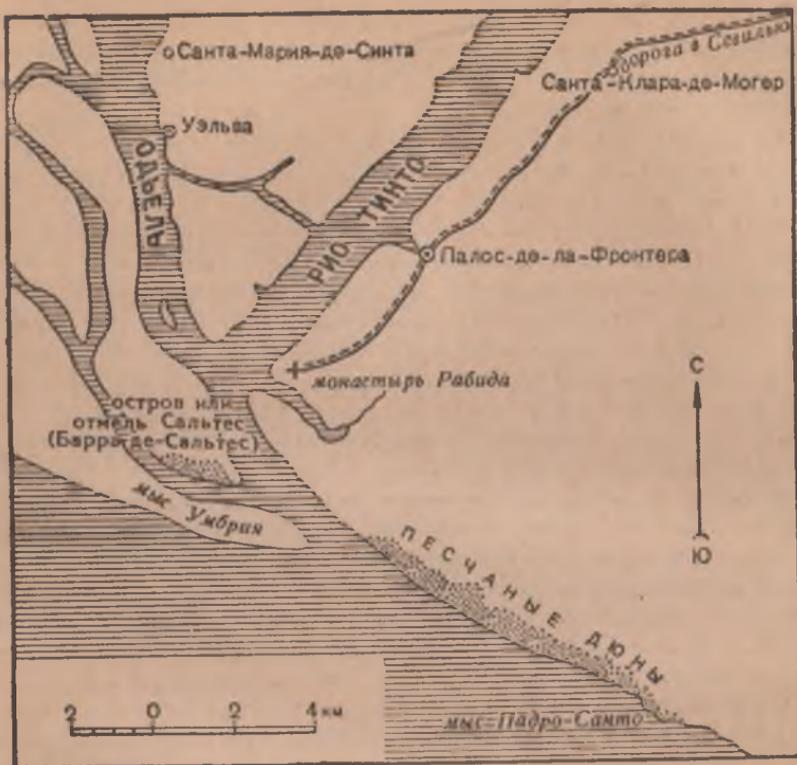
Сам Колумб в момент составления апрельских грамот отлично представлял себе, что набор экипажа окажется нелегким делом. Он убеждал короля и королеву, что необходимо предоставить льготы участникам экспедиции, чтобы более заманчивой казалась перспектива трудного плавания. По его настояниям, 30 апреля 1492 г. Фердинанд и Изабелла подписали указ об отсрочке разбора гражданских и уголовных дел, возбужденных против лиц, отправляющихся в плавание с Колумбом, вплоть до возвращения экспедиции в Кастилию. Этот указ дал повод некоторым исследователям, без других веских оснований, предположить, что корабельные команды в основном комплектовались преступниками, которые стремились подписать контракт, чтобы спастись от галер и виселицы. Между тем из всего экипажа флотилии завербовались на корабли, желая воспользоваться привилегией, данной королем и королевой, только приговоренный к смерти за убийство в драке Бартоломе де Торрес и трое его друзей, которых ожидала та же кара за то, что они помогли Торресу бежать из тюрьмы. Если к июлю комплектование экипажей и удалось закончить, то подобный успех должен быть в значительной мере отнесен на долю спутников адмирала в первом плавании, Мартина Алонсо Пинсо́на и Пералонсо Ниньо.

Вне зависимости от того, как складывались с самого начала и как сложились впоследствии отношения между Пинсо́ном и Колумбом, следует подчеркнуть, что Пинсо́н был заинтересован в экспедиции и прилагал все старания, чтобы быстрее завершить ее подготовку. Корабли снаряжались в Пáлосе. А Пáлос был в то время одним из самых оживленных портов Кастилии. Он лежал в низовье реки Рио-Тинто. На берегах этой реки рассеяны были и другие поселки и городки, жившие морем,— Ривера де Могер, где находились известные верфи Могер, Лепе.

Близ отмели Сальтес, слева от входа в устье Рио-Тинто, останавливались корабли, идущие из Португалии, Англии и Фландрии в столицу Андалусии — Севилью. Чуть дальше к западу, в низовье реки Одьель, имеющей общее устье с Рио-Тинто, лежит порт Уэльва. Рыбаки, матросы, мастерские верфей, грузчики, конопатчики, парусники, бондари, кузнецы — люди, наследственно связанные с морским делом, составляли население этих небольших городков на берегах Рио-Тинто и Одьеля.

Здесь не было известно имя генуэзца Колумба. Но в Пáласе все знали династию потомственных корабельщиков и мореходов Пинсо́нов. Мартин Алонсо Пинсо́н и его младший брат, Висенте Яньес, были заслуженные и опытные моряки, люди уважаемые и влиятельные. В Могере не меньшей славой пользовалась семья Ниньо. Братья Ниньо — старший Пералонсо и два младших, Хуан (владелец «Ниньи») и Франсиско, принимали наряду с Пинсо́нами активное участие в делах экспедиции.

Материалы судебного процесса против наследников Колумба — единственный (и весьма ненадежный) источник, который позволяет судить о

Район Палоса и Уэльвы в 1492 г.

характере деятельности Пинсонов накануне отплытия флотилии, свидетельствует, что Мартин Алонсо и его брат Висенте Яньес усиленно занимались вербовкой охотников. Остается неясным, показывали ли они при этом таинственную карту с островом Сипанго, которую Мартин Алонсо якобы приобрел в Риме, в папской библиотеке. Тенденциозным заявлениям сына Мартина Алонсо, Ариаса Переса, сделанным последним в 1515 г., вряд ли следует доверять; но так или иначе у братьев Пинсонов и у братьев Ниньо нашлись достаточно красноречивые и убедительные доводы, чтобы привлечь местных моряков и убедить их записаться в состав корабельных команд экспедиции.

В результате в округе Пáлоса, а также в Уэльве и Лепе удалось завербовать подавляющее большинство необходимых для флотилии людей.

Выходцы из других андалусских городов — Кадиса, Севильи, Кордовы, Хереса, Пуэрто де Santa Мария — составляли следующую, внушительную по численности группу. Далее шли десять северян (баски и галисийцы) и пять чужеземцев*.

* Сам Колумб, португалец Жуан Ариаш, генуэзец Джакомо Рико, калабриец Антонио Калабрес и венецианец Джовани Весано.

Всего отплыло на «Санта Марии», «Нинье» и «Пинте» 90 человек. Имена 87 из них установлены точно, благодаря тому, что сохранились платежные списки — ведомости, по которым выплачивалось жалование за контрактованным морякам.

Не следует думать, что на каравелах Колумба собралась бесшабашная, не знающая удержу вольница, человеческое отребье из портовых кабаков и притонов. На корабли шли главным образом коренные жители Палоса и других приморских городков. Далеко не все они были опытными моряками. Вспомним, что, когда наместник (начальник) португальского острова Санта Мария задержал на берегу десять человек из экипажа «Ниньи» (а на ней тогда было 40 человек), Колумб сильно обеспокоился, опасаясь, что с тем небольшим количеством сведущих моряков, которые остались на корабле, он не сможет совершить переход от Азорских островов к берегам Кастилии.

Но любой из уроженцев Палоса, Могера или Уэльвы имел профессию, в той или иной степени связанную с морским делом. В судовых экипажах людей, знающих разные виды ремесла, было немало. Поэтому Колумб мог, не лишая себя нужных для обратного плавания работников, оставить на Эспаньоле плотников, конопатчиков, бомбардиров и бондарей.

Но высокой дисциплиной все эти люди, однако, не отличались. Несомненно, в немалой степени расшатали дисциплину раздоры между Колумбом и Пинсонами, из-за которых команды кораблей разделились на два враждебных лагеря.

Особенностью экспедиции было обилие на кораблях людей, связанных узами кровного родства. Фамилии Пинсонов и Ниньо были представлены каждая тремя братьями. На «Нинье» служили отец и сын Арраесы; на «Пинте» дядя и племянник Пересы, братья Медели и братья Кинтеро. Все эти группы родичей либо блокировались между собой, либо люто враждовали, вспоминая давние обиды. Старые, начатые еще где-нибудь в Палосе или Могере, распри продолжались на море и волновали весь экипаж.

Постоянно также возникали ссоры между южанами и выходцами из северных провинций (во главе последних стоял владелец «Санта Марии» — Хуан де ла Коса — однофамилец и тезка известного пилота и картографа).

Несомненно, однако, что успех плавания был достигнут не только благодаря энергии и предприимчивости Колумба или Пинсонов, но и благодаря стойкости большинства простых матросов, людей, сроднившихся с морем, уроженцев тех областей Испании, которые дали стране тысячи прекрасных моряков.

Личный состав экспедиции

На кораблях Колумба весь личный состав может быть подразделен на четыре группы:

Командный состав.

Младший командный состав.

Матросы (*marineros* и *grumetes*).

Прочие участники экспедиции.

Командный состав

На каждом корабле, помимо капитана, функции которого, как мы это сейчас увидим, не вполне соответствовали кругу обязанностей современных капитанов,— были один «маэстре», один пилот и судовой лекарь.

Капитан являлся начальником и комендантом корабля. По смыслу «Морской инструкции» Диего Паласио 1587 г., он должен был прежде всего быть «добрым католиком». Затем ему полагалось обладать храбростью, благородством характера и твердостью, ревностно относиться к своим обязанностям и держать в подчинении команду. Если корабль подвергался нападению, то капитан единолично руководил боем.

Но «Инструкция» не требовала от него познаний в морском деле. Все непосредственное руководство службой на корабле возлагалось на маэстре, который был, в сущности, судовым шкипером. Несколько меньшими правами пользовался пилот (штурман). Пилот должен был ежедневно определять положение корабля, вести астрономические наблюдения и прокладывать на карте курс, пройденный кораблем. На этот пост назначались моряки, сведущие в астрономии и навигации, люди, имеющие большой и разносторонний опыт.

На кораблях Колумба должности капитанов, маэстре и пилотов занимали следующие лица:

	«Санта Марья»	«Нинья»	«Пинта»
Капитаны	Колумб	Висенте Яньес Пинсон	Мартин Алонсо Пинсон
Маэстре	Хуан де ла Коса	Хуан Ниньо	Франсиско Мартин Пинсон
Пилоты	Пералонсо Ниньо	Санчо Руис де Гама	Кристоваль Гарсия Сармьенто

Не говоря уже о Мартине Алонсо Пинсоне, знания и заслуги которого признавали все без исключения современники, все эти командиры были опытными моряками. С именами Пералонсо Ниньо, впоследствии главного пилота Кастилии, и особенно Висенте Яньеса Пинсона связаны важные открытия на берегах «материковой земли» — Южной Америки. Превосходными пилотами были де Гама и Сармьенто. Но Хуан де ла Коса, в отличие от своего знаменитого однофамильца, был заурядный моряк и пост маэстре, вероятно, получил только потому, что являлся владельцем корабля «Санта Мария». К командному составу можно с оговоркой отнести и т. н. контрмаэстре (*contra maestre*). Обязанности их были весьма многочисленны. Контрмаэстре были корабельными мастерами и ведали личным составом экипажей.

Коронные должностные лица и прочие участники экспедиции

К ним относятся:

1. полномочный инспектор короны (*veedor real*) Родриго Санчес де Сеговия;

2. нотариус флотилии (escribano de toda armada) Родриго де Эсковеда;

3. переводчик, крещеный еврей (converso) Луис де Торрес;

4. единственный «пассажир» флотилии, королевский постельничий (reposterero de estrados del rey) Педро (Перо) Гутьерес;

5. слуга адмирала Педро де Террерос и

6. паж адмирала Педро де Сальседо.

Инспектор короны назначен был на флотилию для надзора за всей финансовой частью экспедиции. Так как согласно тексту договора (капитуляции), заключенного с Колумбом, львиная доля будущих доходов в новооткрытых землях доставалась короне, то инспектор обязан был следить за тем, чтобы адмирал и его люди действовали в соответствии с условиями договора, без ущерба для королевской казны.

На нотариуса флотилии возлагалась обязанность, чрезвычайно существенная с точки зрения кастильских ревнителей закона. Он составлял и, как представитель короля и королевы, скреплял своей подписью акты о вводе новооткрытых земель во владение Кастилии.

Переводчик Луис де Торрес возможно оказал бы экспедиции пользу, если бы Колумб действительно достиг Восточной или Южной Азии, так как он знал, помимо испанского и древнееврейского, арабский язык. Но ни на Кубе, ни на Эспаньоле его лингвистические познания не нашли и не могли найти себе применения.

Младший командный состав

На корабле были боцманы, обязанности которых мало чем отличались от обязанностей боцманов на парусных кораблях XVI—XIX веков; лица, которые ведали хранением и выдачей провианта, вина, пресной воды и отвечали за исправность сигнальных фонарей и правильный отсчет времени по ампольтетам (песочным часам). Это были так называемые despensero.

К младшим командирам приравнивались, получая при этом жалование, положенное матросам высшей статьи, конопатчик (calafate), бочар (tonelero) и корабельный плотник (carpentero).

Матросы

Матросы делились на два разряда:

1. маринеро — обученные матросы, матросы высшей статьи и

2. груметы — палубные матросы. К разряду груметов относились также корабельные мальчики (юнги).

Маэстре и пилоты получали ежемесячно 2 000, маринеро — 1 000 и груметы — 666 мараведи.

Всему экипажу ежемесячно выплачивалось 250 180 мараведи.

Корабли первой флотилии Колумба

Корабли «Санта Мария», «Нинья» и «Пинта», на которых Колумб совершил свое первое плавание через Атлантический океан, относились к типу каравел. В эпоху великих географических открытий с понятием

«каравела» не был, однако, связан класс кораблей со строго определенными конструктивными особенностями. Скорее термин «каравела» был родовым названием, объединяющим различные виды небольших легких и быстроходных парусных судов, созданных португальцами на заре эпохи великих открытий

В 20-х и 30-х годах XV столетия португальские пионеры первоначального накопления открыли путь к западным берегам Африки. Из замка Сагреш принц Энрике (Генрих «Морепоплаватель»), великий магистр ордена Христа — конгрегации крестоносных искателей наживы, направлял флотилию за флотилией на поиски золота и черных рабов. Португальские корабли вышли на просторы Атлантики в «*Mar tenebroso*» (Мрачное море) древних легенд. Здесь, у берегов, которые простираются к югу от мыса Боядор в сторону Сенегала и Гвинеи, а также на пути от Португалии к Азорским островам, условия плавания были совсем не такие, как в Средиземном море, этой колыбели гребного и парусного флота.

Средиземноморские народы — венецианцы, генуэзцы, каталонцы, византийцы, арабы и турки, продолжая вековые традиции античной древности, создали немало самых разнообразных типов парусных кораблей. Корабли эти бороздили воды Средиземного моря задолго до того, как португальцы начали прокладывать новые пути в Атлантическом океане. Но все эти парусные суда — тариды, карамуссалы, паландры, бусии, коки, байлены и т. п. — рассчитаны были на плавание у издавна известных берегов Средиземного моря.

Быстрота хода и маневренность средневековых парусных кораблей были обратно пропорциональны их величине. Поэтому и для военных целей и для перевозки грузов на дальние расстояния флотоводцы, мореплаватели и купцы предпочитали пользоваться галерами — кораблями, покорными воле гребцов и плавающими по морю вне зависимости от направления ветра. Средиземноморских моряков вполне удовлетворяли гребные суда, вооруженные парусами. Подобная комбинация весел и парусов позволяла совершать переходы значительной дальности и при попутных и при противных ветрах в любом заданном направлении.

Но эти корабли-гибриды, с примитивным парусным вооружением и огромным экипажем, не могли найти применения в португальской морской практике. В самом деле, португальцам приходилось делать переходы в несколько тысяч километров, следуя вдоль пустынных, мало исследованных берегов. Для этого необходимо было запастись при выходе в море десятками тонн продовольствия и снаряжения. В Африке корабли принимали на борт рабов и тяжелые грузы. В этих условиях каждый кубический метр емкости судна расценивался очень высоко. Держать на корабле команду гребцов и необходимые для ее прокормления запасы провианта и пресной воды было невыгодно. Да и, кроме того, при передвижении на веслах плавание от берегов Португалии к Сенегалу или Зеленому мысу и обратно продолжалось бы не менее года, а в соответствии с этим приходилось бы брать колоссальное количество мертвого груза.

Таким образом, перед португальцами с самого начала их деятельности встала сложная и трудно разрешимая задача.

Необходимо было создать новый тип парусного корабля, который обладал бы большой быстроходностью, маневренностью, остойчивостью и емкостью, достаточной, чтобы принять в свои трюмы и многомесячные запасы провианта, и рабов, и другую добычу, награбленную на берегах африканского материка.

Именно такими кораблями и были каравелы. Создавая каравелу, португальцы не столько изобретали новый по конструкции тип судна или новые приемы оснастки, сколько совершенствовали зарекомендовавшие себя на практике части оснастки, рангоута и конструкций уже существующих кораблей.

Но при этом они, используя свой большой опыт и зорко приглядываясь к судам старого типа, отбирали, комбинировали и совершенствовали все детали, которые могли оказаться полезными для их цели, т. е. для создания корабля, отвечающего требованиям новой мореходной практики. И это им удалось осуществить с большим успехом. Венецианец Кадамосто, участник португальских плаваний в Африку, писал в 1456 г., что «каравела — это лучший корабль, когда-либо бороздивший моря».

Мореходные качества каравел были, по тем временам, действительно очень высокими. Они могли проходить в час 10, 12 или даже 15 итальянских морских миль, и скорость их, таким образом, достигала 22 км в час. Каравела, на которой плывал Кадамосто, при ветре с юго-запада следовала западно-северо-западным курсом, т. е. держалась всего лишь в шести румбах от ветра.

По свидетельству одного моряка XV столетия, — «каравелы отлично лавировали, поворачиваясь к ветру то одним, то другим бортом, как будто у них были весла». Всем этим качествам мог позавидовать парусный корабль тяжелого типа XIX века. Огромное значение имела легкость и маневренность каравел в условиях океанских плаваний у неизвестных или слабо обследованных берегов.

Первые, или, как их называют некоторые французские авторы, «классические каравелы», были легкими однопалубными кораблями водоизмещением в 50—70 тонн, с тремя или четырьмя мачтами и латинскими (треугольными) парусами, которые растягивались на слегка выгнутых гафелях, прикрепляемых к мачте под углом, наподобие перекладины «журавля». Таким образом, эти каравелы имели косые паруса (т. е. паруса, расположенные, когда корабль находится в покое, не поперек судна, а в его диаметральной плоскости).

Паруса такого же типа известны были уже тысячелетия. Они ставились на древнегреческих и римских рыбацких лодках, они применялись и в средние века. Но эффективность парусного вооружения каравел была несравненно выше, чем у кораблей XIII—XIV столетий. Это было достигнуто коренными изменениями в оснастке и введением новых парусов, которые позволяли кораблю идти по принятому курсу при боковых ветрах и лавировать, двигаясь зигзагами против ветра. Если старые парусные корабли несли паруса на двух мачтах и не знали бушприта, то каравелы получили при равной, а порой и меньшей, величине корпуса судна три мачты (фок-мачту, грот-мачту и бизань-мачту) и бушприт, к которому крепился небольшой треугольный парус — блинд.

Площадь парусов возросла почти вдвое, а благодаря строго продуманной системе управления ими это приращение было весьма умело использовано.

Удачно была решена и конструкция корпуса каравелы. При соотношении длины по килю к наибольшей ширине, равной 3 : 1 (у старых парусных кораблей это соотношение редко бывало больше 2,5 : 1), каравелы обладали остойчивостью — качеством чрезвычайно важным, если учесть, что им приходилось выдерживать свирепые атлантические штормы.

Но за четыре-пять десятилетий, которые протекли со времен первых африканских открытий португальцев до путешествий Бартоломеу Диаша и Колумба, первоначальный тип каравел значительно изменился. Появились каравелы с прямыми парусами — родные братья крупных и надежных в плавании «navios redondos» — «больших кораблей с прямыми парусами» — основного типа португальского корабля дальнего плавания второй половины XV века*.

Так же, как и косые паруса, прямые были известны с незапамятных времен. Они представляли собой квадратные или прямоугольные полотнища, растягиваемые не на наклонных гафелях, а на реях — поперечных бревнах, которые подвешивались к мачтам за середину. При прямом парусном вооружении все паруса при ветре, дующем прямо с кормы, располагались перпендикулярно диаметральной плоскости корабля. Они не позволяли кораблям держать так круто к ветру, как косые паруса, и были менее удобны при каботажных плаваниях. Но прямые паруса обладали одним неопределимым преимуществом при противных ветрах, когда корабли, чтобы передвигаться вперед, вынуждены были лавировать, поворачиваясь под острым углом к ветру то правым, то левым бортом: каждый поворот требует при косых парусах перенесения гафеля с парусом с одной стороны мачты на другую — операция не только очень сложная, но и опасная при сильных ветрах; гораздо проще в этом случае управляться с прямыми парусами. При парусах этого типа перемена их положения достигается брашпиком — т. е. поворотом рей в горизонтальном направлении с помощью особых снастей бегучего такелажа — брасов. Прямые паруса получили грот- и фок-мачты. На бизани остался закрепляемый на гафеле латинский парус, а на бушприте — треугольный блинд. Найден был способ увеличить площадь парусов, ставя их в два яруса. На каравелах это нововведение выразилось в появлении на грот-мачте верхнего паруса — марселя.

Большая нагрузка от парусов вызывала необходимость изменить конструкцию мачт. Грот-мачта, несущая нижний парус и марсель, стала делаться составной — к очень толстому и крепкому основанию, собственно мачте, прикрепляли съемную стенгу, на которой подвешивался марсель, тогда как нижний парус несло нижнее колено мачты.

Помимо этих основных парусов, каравелы получили еще добавочные косые паруса — лиселя или бинеты (в дневнике Колумба они носят название «bonetas»), в виде добавочных полос, пришнуровывавшихся снизу к гроту.

* Подобного же типа корабли строили и в других европейских странах. В Венеции они получили название «nave grande» — корабля с квадратными парусами.

Вся последующая эволюция парусного флота, которая привела в XVIII веке к появлению многомачтовых кораблей-гигантов с пятью или даже шестью ярусами парусов, связана с прямыми парусами, которые получили уже в эпоху Колумба всеобщее признание мореплавателей. «Санта Мария» и «Пинта» имели при выходе из Палоса прямые паруса. А «Нинья» была вооружена латинскими парусами и переоборудована на Гран-Канарии, где под непосредственным руководством Колумба и Мартина Алонсо Пинсона косое парусное вооружение было заменено прямым*.

К сожалению, до нас не дошли ни чертежи, ни рисунки каравел Колумба. Оценивая все ныне существующие модели «Санта Марии», «Пинты» и «Ниньи», можно поэтому сказать лишь одно: они воспроизводят подлинную конструкцию и оснастку этих кораблей с такой же точностью, с какой беглый карандашный эскиз, сделанный по памяти, может передать черты давно утраченного оригинала.

В своих кропотливых и нелегких изысканиях историки кораблестроения учитывают, во-первых, все замечания, касающиеся трех каравел, в документах, которые относятся к первому плаванию Колумба. К сожалению, у самого Колумба, в его дневнике, который сохранился, как известно, лишь в сокращенной копии Лас Касаса, отсутствует описание кораблей, принимавших участие в плавании. В дневнике рассеяны, однако, весьма ценные замечания, которые хоть и не позволяют восстановить полностью типы кораблей, но дают возможность исследователям составить некоторое представление о конструкции и важнейших деталях оснастки «Санта Марии», «Ниньи» и «Пинты».

Исключительную ценность имеет запись дневника от 24 октября 1492 г., где точно описывается парусное вооружение «Санта Марии»: «Я поставил все паруса корабля — грот с двумя лиселями, марсель, фок, блинд и бизань...»; во-вторых, указания современников Колумба о конструкции, деталях оснастки и верхних надстройках каравел «Санта Мария», «Нинья» и «Пинта»; в-третьих, данные, которые содержатся в самых разнообразных документах XV и XVI столетий о кораблях, сходных по типу с каравелами Колумба. В этой группе источников следует выделить «Instrucción náutica» — «Морскую инструкцию» Диего Паласио 1587 г., где приводятся типовые размеры испанских кораблей различных классов. Весьма интересны рисунки каравел испанского мореплавателя и картографа, спутника Колумба в его последующих плаваниях, Хуана де ла Коса, которые помещены на полях его карты, датированной 1500 г.

Основные сведения о «Санта Марии», «Нинье» и «Пинте» приводятся в следующей таблице**.

* В тексте дневника, переписанного рукою Лас Касаса, в том месте, где речь идет о перевооружении одной из каравел на Гран-Канарии, названа «Пинта». Лоллис в своем издании дневника Колумба (1892 г.), опираясь на свидетельство Фердинанда Колумба и ряд других данных, справедливо отметил, что Лас Касас спутал в этом случае названия кораблей. Перевооружению подверглась «Нинья».

** При составлении таблицы использованы следующие работы: A. Gould y Quincy — Nueva lista documentada da los tripulantes de Colón en 1492. Bol. de la Real Academia de la Historia, 1927—1928. П. Б. «Кара-

Название каравелы	Численность судовых команд	Размеры в метрах										Водонемещение в тоннах
		Длина по килю		Длина между перпендикулярами		Наибольшая ширина		Наибольшая глубина трюма		Наибольшая осадка		
		по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	по Ф. Дуро и Монлеону	по С. Э. Морисону	
Санта Мариа . . .	39	18,50	—	22,60	—	7,80	—	3,80	—	3,20	2,15	120—130
Нинья . . .	26	14,00	15,5	17,36	2,70	5,60	7,13	3,08	2,80	—	1,90	55—60
Пинта . . .	22	15,68	13,25	20,16	—	7,20	7,75	3,36	3,41	2,80	—	55—60

Наиболее обстоятельные работы, посвященные каравелам Колумба, принадлежат Фернандесу Дуро и Монлеону (1892—1893 г.), Альбертису (1892 г.) и Гильену (1927 г.). У всех этих авторов имеются, однако, существенные расхождения в оценке габаритов судов и деталей внутреннего устройства. Американец С. Э. Морисон, повторивший накануне второй мировой войны маршруты трех плаваний Колумба на корабле, построенном по образцу «Нинья», приводит данные о размерах каравел, близкие к расчетам Ф. Дуро и Монлеона (в работе *Admiral of Ocean Sea*). В таблице приводятся данные Ф. Дуро — Монлеона и С. Э. Морисона.

Все три каравелы были легкими однопалубными судами с низким бортом, но высокими надстройками на корме и на носу. На «Санта Марии» — на юте была двухъярусная надстройка. Ее нижний ярус, «тольда», использовался для хранения различного корабельного имущества (канаты, якоря, блоки и т. п.). Верхняя, меньшая по площади надстройка — «толдилья» — предназначалась для адмирала и была его рубкой.

Часть палубы между ютом и фок-мачтой («камбес») не имела никаких надстроек.

Здесь помещались баркасы каравелы, кухня и площадка, отведенная для компаса, который хранился в особом деревянном ящике — битакоре, колодец для деревянной трюмной помпы и брашпиль для якорного каната.

На баке, между фок-мачтой и носом, располагалась надстройка, где размещались матросы. В передней части перекрывающего эту надстройку настила, на самом носу, была наблюдательная площадка. Еще одна наблюдательная площадка — марс («габия» буквально клетка) была на грот-мачте.

Каравелы и необходимое для заморского плавания снаряжение Колумб получил в Палосе; через тринадцать дней после подписания договора (ка-

велы Колумба», Морской сборник № 10, 1892, Albertis — *Costruzioni navali. Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale commissione Colombiana*, t. IV. Roma, 1894. Morison S. E. *Admiral of Ocean Sea*, v. I, 1942.

питуляции) с ним, 30 апреля 1492 г., Фердинанд и Изабелла особыми указами на имя городских властей Палоса предписали им в десятидневный срок, не ожидая дополнительных указаний и разъяснений, обеспечить всем необходимым экспедицию, во главе которой стоял Колумб. Город предоставил два корабля — «Нинью» и «Пинту», «Санта Мария» была законтракована Колумбом непосредственно у ее владельца.

«Нинья» — официальное ее наименование было «Санта Клара» — принадлежала Хуану Ниньо из Могера. Возможно, что по созвучию с именем владельца, но, может быть, и как самое малое судно флотилии (*piña* — по-испански — детка), она и получила кличку, вошедшую в историю как ее подлинное имя. Она была построена на верфях ныне занесенной илом гавани Ривера де Могер в устье реки Рио-Тинто, т. е. той реки, на которой расположен был и Палос. Ни с одним из кораблей, участвовавших в первом путешествии Колумба, так тесно не связана история дальнейших атлантических открытий, как с «Ниньей». Она принимала участие во втором путешествии Колумба, и адмирал избрал именно ее (из флотилии в 17 кораблей) в качестве флагманского корабля при плавании у берегов Кубы, а затем стал ее совладельцем.

На «Нинье» Колумб возвратился в Испанию в 1495 г., затем, при переходе из Кадиса в Рим, каравела была захвачена сардинскими пиратами, отбита у них и после возвращения в Испанию была отправлена на Эспаньолу как передовой корабль флотилии Колумба, вышедшей в третье плавание. Известно, что в 1501 г. она совершала еще торговые рейсы к Жемчужному берегу. На этом история «Ниньи» обрывается — имя ее исчезает бесследно из летописей мореплавания.

Из всех каравел Колумба «Нинья» была несомненно наилучшей, и отзыв, данный ей адмиралом в дневнике, вполне заслужен.

«Пинта» построена была в Палосе и получила свое прозвище возможно по созвучию с именем давнишних ее владельцев (Пинто). В 1492 г. она принадлежала Кристовалу Кинтеро, который в качестве матроса сопровождал Колумба в первом путешествии. В «Дневнике» ясно указывается, что Кинтеро чинил козни, не желая, чтобы корабль принимал участие в плавании. То обстоятельство, что, подобно «Нинье», «Пинта» выдержала жестокие февральские штормы в Атлантике и благополучно возвратилась в Кастилию, можно приписать в одинаковой степени и ее мореходным качествам, и искусству ее капитана, Мартина Алонсо Пинсона.

Никаких сведений о дальнейшей судьбе «Пинты» не имеется.

Родиной «Санта Марии» в отличие от «Ниньи» и «Пинты» была Галисия, и в Палосе этот корабль известен был под кличкой «Гальега» (*Gallega*, по-испански — галисийка). Она была законтракована для Колумба у ее владельца Хуана де ла Коса* и стала флагманским кораблем флотилии не благодаря своим достоинствам, а вследствие того, что по величине она превосходила прочие корабли. «Санта Мария» села на мель в ночь на 25 декабря 1492 г. у берегов Эспаньолы и была расстреляна из ломбард

* Не следует смешивать его с пилотом Хуаном де ла Коса, спутником Колумба в последующих плаваниях.

во время смотра, который устроил Колумб для устрашения индейцев бухты Навидад. О «Санта Марии» имеется убийственный, но вряд ли вполне объективный отзыв самого Колумба (см. запись от 26 декабря в «Дневнике»). Многие отвергают эту характеристику, потому что она дана была в дни кораблекрушения, когда Колумб делал все возможное, чтобы утешить свое горе хотя бы ценой умаления тяжести понесенной потери.

Необходимо отчетливо представить себе, какие трудности и лишения приходилось испытывать морякам на каравелах Колумба. При постройке каравел никто не заботился о самых элементарных удобствах для людей, которым суждено было на этих судах жить месяцами. Спали вповалку, в невероятной тесноте, на ящиках, на бочках, на досках, в трюме и в палубных надстройках, подстилая под себя свое же собственное платье. Матросы, отстоявшие четырех- или пятчасовую вахту, в мокрой одежде занимали места, только что оставленные их товарищами.

Подвесные койки, прототипом которых был индийский гамак, появились на кораблях лишь в XVI столетии. Постели же были привилегией избранных. Во всей флотилии ими пользовались 10—12 человек — адмирал, капитаны, маэстре и пилоты кораблей, должностные лица, назначенные короной.

Пищу готовили на примитивном очаге, конструкция которого вряд ли могла бы вызвать у индейцев Багамских островов, Кубы, или Эспаньолы, уважение к испанской кухонной технике...

Тем не менее, глубоко ошибочно мнение (от которого до сих пор не избавились еще некоторые биографы Колумба), что каравелы, на которых было совершено великое плавание, являлись не более как утлыми скорлупками.

Не для красного словца Колумб в прологе к «Дневнику» писал, что его каравелы оказались «*Muy aptos por semejante fecho* — очень пригодными для подобного дела». По конструкции и по оснастке они вполне были приспособлены для грандиозных морских предприятий.

Длительные заокеанские плавания стали технически осуществимыми в конце XIV века, потому что пытливая мысль мореходов-практиков создала тип судна, отлично приспособленный для дальних морских переходов. Эти плавания были исторически обусловлены всем ходом развития Португалии и Испании — двух атлантических стран, которые в XV веке первые из европейских держав вступили на путь колониальных захватов.

БУЛЛА
«INTER CAETERA» № 2
4 мая 1493 г. *

реди прочих деяний, угодных всемогущему господу и желанных сердцу нашему, наибольшее значение в наше время имеет возвеличение католической веры и христианской религии и ее укрепление и распространение ради спасения душ и ради смирения и обращения в эту веру варварских народов. Потому мы, хоть того и были недостойны, призваны милостью божией на священный престол Св. Петра. Ведомо нам, что вы ныне суть истинные католические короли и правители и таковыми были и прежде и что о ваших великих деяниях известно уже всему свету, деяния же эти остались не только в помыслах ваших, но и были свершены вами ревностно и упорно; свершая их, вы не щадили ни сил, ни средств и не взирали на опасности и жертвовали кровью своей, будучи преданы делу своему всей душой и посвятив себя издавна его выполнению, чему свидетельство — освобождение королевства Гранады из сарацинской неволи, свершенное во славу имени божьего.

Поэтому, оценивая по достоинству содеянное, считаем мы долгом нашим пожаловать вам по собственной нашей воле и в вашу пользу то, что позволит вам с еще большим душевным пылом продолжать во славу божию ваше святое и достохваль-

* Булла начинается следующим обращением папы к Фердинанду и Изабелле: *Александр, епископ, раб рабов божьих, светлейшим государям, — нашему весьма возлюбленному во Христе сыну Фердинанду, королю, и нашей весьма возлюбленной во Христе дочери, Изабелле, королеве Кастилии, Леона, Арагона и Гранады — привет и апостольское благословение. — Прим. перев.*

ное дело, столь угодное нашему бессмертному господу. Нам известно, что вы уже давно воодушевлены желанием поисков и открытия неких островов и материков (*terras firmas*) далеких и неведомых, до сих пор еще не найденных, дабы их жителей и обитателей (*incolas et habitatores*) призвать к служению нашему искупителю и обратиться в католическую веру; и что будучи обременены освобождением названного королевства Гранады, вы не могли донныне довести до желанного конца это ваше святое и достохвальное намерение; и что в конце концов, после того, как вы приобрели по воле божией названное королевство, вы поручили для исполнения вашего намерения предпринять в море-океане усердные поиски этих далеких и неведомых материков и островов в местах, где доселе еще никто не совершал плаваний, нашему любезному сыну, Христофору Колумбу,— мужу весьма достойному, заслуживающему высокого уважения и на подобное дело способному, и дали ему корабли и нужных людей. Они [Колумб и его люди], с божьей помощью проявляя чрезвычайное усердие, нашли, плавая в море-океане, некие весьма далекие острова, а также материка, доселе еще не открытые никем другим; и там обитает множество мирных людей и ходят они, как то утверждают, нагие и не едят мяса.

И судя по сообщениям ваших посланцев, люди, обитающие на упомянутых островах и землях, верят в единого боготворца, сущего в небесах, и кажутся достаточно способными к обращению в католическую веру и к усвоению добрых обычаев, и имеется надежда, что если они будут наставлены в веру, то имя спасителя и господя нашего Иисуса Христа легко проникнет в пределы названных земель и островов. И упомянутый Христофор на одном из главных названных островов велел соорудить крепость, в которой оставил для охраны ее несколько христиан, своих спутников, которые должны искать другие острова и материка, далекие и неведомые; и на островах и землях, уже открытых, найдено было золото, пряности и много иных вещей различного рода и достоинства. Поэтому, досконально приняв во внимание все вышеуказанное, и особенно необходимость возвеличения и распространения католической веры, должны вы приступить, уповая на милость божью, к подчинению упомянутых островов и материков и их жителей и обитателей, как то подобает католическим королям и правителям, по примеру ваших предков, и обратиться их в католическую веру.

Мы же восхвалим пред господом это ваше святое и достойное намерение; и желая, чтобы оно было выполнено должным образом и чтобы самое имя нашего спасителя утвердилось в упомянутых странах, ревностно будем поощрять вас ради славы господней; благодаря святому крещению, которое вы получили, вы обязаны исполнять веления апостольские; и, при-

зывая все милосердие господа нашего Иисуса Христа, убедительно просим вас предпринимать с подлинным рвением к вере дело ваше и побуждать народы, которые живут на упомянутых островах и землях, к принятию христианской религии; и да не устрашат вас труды и опасности и да не оставит вас надежда и твердая уверенность в том, что всемогущий бог окажет вам помощь в ваших предприятиях.

И дабы вы могли приступить к столь великому делу с готовностью и пылом, мы после того, как будет вам оказана щедрая апостольская милость, по собственной воле, а не по вашей просьбе и не по просьбе лиц, действующих от вашего имени, и лишь в силу нашей щедрости, осведомленности и полноты нашей апостолической власти, даруем в вечное владение, уступаем и предоставляем вам и вашим потомкам все острова и материки, найденные и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты, к западу и к югу от линии, проведенной и установленной от арктического полюса, т. е. севера, до антарктического полюса, т. е. юга, невзирая на то, имеются ли в виду уже найденные материки и острова или те, что будут найдены по направлению к Индии, или по направлению к иной какой-либо стороне; названная линия должна отстоять на расстоянии ста лиг к западу и к югу от любого из островов, обычно называемых Азорскими и Зеленого мыса. Так что все острова и материки, найденные и те, которые будут найдены, открытые и те, которые будут открыты к западу и к югу от названной линии (если они только не были введены в действительное владение иного христианского короля и государя до дня рождества господа нашего Иисуса Христа, что минул в прошлом году, от которого начинается нынешний 1493 год, когда вашими посланцами и капитанами найдены были некоторые из указанных островов), мы властью всемогущего бога, предоставленной нам через святого Петра и как заместники Иисуса Христа на земле, даем, уступаем и предоставляем навечно вам и вашим потомкам, королям Кастилии и Леона [упомянутые земли] со всеми владениями, городами, замками, поселками и селениями, с правами, юрисдикцией и всем, что к ним относится.

И мы делаем, назначаем и полагаем вас и упомянутых ваших наследников и потомков владыками этих [земель] с полной, свободной и абсолютной властью, правом владения и юрисдикцией, предупреждая, что этим даром, уступкой и предоставлением прав не должны умяляться или нарушаться права, присвоенные любому христианскому государю, который имел в действительном владении эти острова и материки ранее упомянутого дня рождества господа нашего Иисуса Христа [25 декабря 1492 года].

И, кроме того, повелеваем вам по долгу послушания — и это вами обещано — и мы не сомневаемся, что вы свершите

нижеуказанное, ибо тому порукой ваша набожность и великодушие,— отправить на упомянутые острова и материи людей добрых, богобоязненных, сведущих, ученых и опытных, дабы они наставляли упомянутых обитателей и жителей в католической вере и обучали их добрым обычаям, прилагая при этом все необходимое для подобного дела усердие.

И любым особам, какого бы они ни были звания, пусть даже императорского и королевского, или любого иного положения, степени, достоинства или состояния, мы строжайшим образом запрещаем, под страхом отлучения (каковой каре такие лица подвергнутся в случае ослушания), ходить для приобретения товаров или по иной причине без специального на то разрешения, данного вами или вашими наследниками и потомками, к островам и материкам как уже найденным, так и тем, что будут найдены, и впредь будут открыты к западу и к югу от линии, проведенной и установленной от арктического до антарктического полюсов, найдут ли эти материи и острова в направлении Индии или другой какой-нибудь стороны. Линия же эта должна отстоять на сто лиг от любого из островов, обычно именуемых Азорскими и Зеленого мыса. Вы, совершая под водительством Божиим ваши деяния, вверяя себя господу и считая действительными любые апостольские установления, выполняя ваше святое и достохвальное предприятие, трудами и подвигами достигнете в скором времени полнейшего успеха—к славе и к счастью всего христианства.

И так как трудно будет доставить настоящее послание в каждое из тех мест, куда надлежит его доставить, то мы желаем и с присущими нам волей и знанием повелеваем, чтобы копии сего послания, подписанные рукой государственного нотариуса (*publici notarii*), для этой цели призванного, и скрепленные печатью лица духовного звания или духовной курии, принимались в присутственных местах с тем же почетом, что и подлинники; и копии эти надлежит вручать в тех случаях, когда потребуется предъявить и показать их.

Точно так же никому не дозволяется нарушать эту нашу рекомендацию, моление, требование, дарование, уступку, предписание, установление, вверение, повеление, приказание, запрещение и волю. А тому, кто осмелится поступить так, да будет ведомо, что навлечет он на себя гнев всемогущего господина и святых апостолов Петра и Павла.

Дано в Риме, в год от воплощения господина нашего тысяча четыреста девяносто третий, четвертого мая, в первый год нашего понтификата.

[Перевод выполнен по тексту документа, который приведен у F. G. Davenport, *European treaties bearing on the history of the United States and its dependencies*, v. I, p. 71—79, Washington, 1917.]

КОММЕНТАРИИ

К БУЛЛЕ «INTER CAETERA» № 2

Португало-кастильская борьба за право владения заморскими землями и за право свободного плавания в водах Атлантики началась в первой половине XV столетия и достигла максимального напряжения ко времени открытий Колумба.

Сложная и запутанная игра, в которой активное участие принимали как искусственные в дипломатических интригах царедворцы, так и организаторы заморских экспедиций, велась и в Лиссабоне, и в Риме, и в постоянно меняющихся резиденциях кастильских королей. В ее истории нашла отражение борьба португальских и кастильских рыцарей первоначального накопления за вновь открытые источники сказочной наживы, за торговые пути в земли Гвинеи и богатейшие страны Южной Азии.

В этой борьбе, вплоть до первого плавания Колумба, инициатива неизменно была в руках португальцев. В Португалии уже в исходе XIV столетия заложены были твердые основы абсолютной монархии: короли, опираясь на торговую буржуазию богатых приморских городов, используя в своей борьбе с феодальной знатью воинственное и многочисленное рыцарство, сломали ожесточенное сопротивление феодалов, разорили их родовые гнезда, объединили под своей властью всю Португалию, которая первая из пиренейских стран победоносно завершила многовековые войны реконкисты.

В конце XIV и в XV веке само географическое положение Португалии оказалось необыкновенно благоприятным для этой страны, которая до той поры была лишь отдаленным европейским захолустьем.

Благодаря росту экономической мощи стран Западной Европы, расположенных на берегах Атлантического океана (Англии и Франции), центр тяжести европейской торговли постепенно перемещался из средиземноморской области к западу и к северу.

На новых атлантических путях, соединяющих Лондон, Брюгге, Антверпен и северные порты Франции с средиземноморскими торговыми городами Испании, Прованса и Италии, оказались Порту, Лиссабон, Лагуш — ворота Португалии.

Одновременно турки-османы из Малой Азии перебросились на Балканский полуостров, заключили в железное кольцо Византию и прочно утвер-

дились на торговых путях восточного Средиземноморья, затруднив европейским купцам доступ в страны Леванта.

Необходимо было искать новые пути в Аравию, Персию, Индию и в полулегендарные земли великого хана (Китай), а проложить их можно было только через океанические воды, обогнув Африку.

Для подобных поисков в наиболее удобном положении оказалась Португалия, выдвинутая далеко в воды Атлантики, расположенная на крайнем юго-западе европейского материка и очень близко от северо-западного выступа Африки.

Утвердившись в 20-х и 30-х годах XV века на Мадейре и Азорских островах, португальцы принялись последовательно и упорно прокладывать «морскую дорогу» вдоль западных берегов Африки. Принц Энрике (Генрих) Мореплаватель, магистр ордена Христа, в котором на паевых началах принимали участие португальская корона, купцы и водители кораблей, разбогатевшие в заморских путешествиях, был организатором дальних морских предприятий. С 1433 по 1460 г. (дата смерти принца) португальцы прошли вдоль западного берега Африки от мыса Боядор до Гвинеи и островов Зеленого Мыса. Был освоен начальный отрезок нового пути в Индию, а земли Сенегала и Гвинеи стали для португальцев поистине обетованными. Отсюда вывозили они в Европу рабов, золото и слоновую кость. Здесь основали они свои фактории, которые вели торговлю с внутренними областями Африки.

Слабая, раздираемая феодальными усобицами Кастилия безуспешно пыталась соревноваться с Португалией в водах Атлантического океана. Кастильцам с большим трудом удалось удержать Канарские острова*, но всякий раз, когда андалузские купцы на свой страх и риск пытались проникнуть дальше на юг, они неизменно встречали стойкий и решительный отпор со стороны португальских мореплавателей. Эта борьба нашла отражение в дипломатических документах. Уже в 20-х годах XV столетия папа Мартин V предоставил принцу Энрике право владения всеми вновь открытыми землями Африки. Тогда кастильская корона в резкой форме заявила свои притязания на Канарские острова. Спор между Кастилией и Португалией был предметом обсуждения на Базельском соборе в 1435 г. В 1452—1454 гг., в связи с захватом португальцами кастильских кораблей, следующих в Гвинею, возник серьезный конфликт между обеими державами. Только смерть кастильского короля Хуана II предотвратила португало-кастильскую войну.

В период с 1452 по 1454 г. португальские представители в Риме добились от папы Николая V предоставления им исключительного права на открытие и завоевание новых земель в Африке и на обращение в рабство их населения.

Уместно в связи с этим поставить вопрос, на каком основании папа распорядился не принадлежащими ему морями и землями и какое значение могли иметь эти пожалования?

Предприимчивые португальские захватчики нуждались в «формальном» закреплении своих более чем сомнительных прав на африканские

* О завоевании Канарских островов кастильцами см. комментарий 6 к «Дневнику первого путешествия».

земли и на души и тела их обитателей лишь для того, чтобы в споре с кастильскими конкурентами приобрести веский аргумент в свою пользу.

В глазах западной части христианского мира папа — «наместник св. Петра» — был верховным владыкой на земле, владыкой, чья власть была выше власти королей и императоров. Имелись многочисленные прецеденты папских пожалований различных земель светским государям. Правда, еще более многочисленны были случаи, когда светские владыки нарушали папские веления и действовали вопреки желаниям «апостолических» наместников. Но формальный акт ввода во владение землями — пусть даже еще не открытыми, пусть даже населенными не христианами, а «язычниками» — все же был необходим португальцам, как щит, который мог защищать их от отравленных стрел кастильских казуистов, который мог придать их кровавым предприятиям облик не только законного, но и богоугодного дела. Папская булла превращала португальских пиратов в миссионеров, несущих имя Христа африканским «язычникам». Папские буллы санкционировали обращение в рабство всех язычников, отказывающихся принять христианство. Чего же еще можно было желать португальским работоторговцам!

Итак, буллами «*Dum diversas*» от 18 июня 1452 г. и «*Inter caetera*» от 8 января 1455 г. папа Николай V щедро даровал португальскому королю Альфонсу V права на африканские земли. При этом сфера владений Португалии не имела на юге пределов, а отсюда следовало, что любая вновьоткрытая территория в Африке должна была принадлежать португальцам.

Еще более расширил рубежи настоящих и будущих португальских владений папа Каликст III буллой «*Inter caetera*» от 13 марта 1456 г. Этой буллой королю Альфонсу V жаловались права верховной юрисдикции над всеми «островами, селениями, гаванями, землями, местами как приобретенными, так и теми, которые будут приобретены от мысов Боядор и Нан (*Não*) вплоть до всей Гвинеи и далее вдоль южного берега вплоть до Индии (*usque ad Indos*).

Таким образом, в 1456 г. португальцы постарались закрепить формальными пожалованиями свои исключительные права на плавание новым морским путем, который 42 года спустя привел их в Индию. Два десятилетия, истекшие с 1456 г., отмечены ослаблением португало-кастильской борьбы. В это время Кастилии было не до споров о заморских владениях. Страна находилась в состоянии непрерывной смуты, феодальные усобицы разрывали ее на части, к нулю была сведена власть слабоумного короля Энрике IV, жалкой марионетки в руках враждующих между собой группировок кастильской знати. Но уже в середине 70-х годов XV века положение Кастилии резко изменилось. Верховная власть в стране (в 1474 г.) перешла к сестре Энрике IV Изабелле, вступившей в брак с арагонским наследным принцем Фердинандом, который в 1479 г. стал королем Арагона. В фактически объединенной Испании короли Изабелла и Фердинанд, в союзе с городами, повели решительное наступление на своевольную и могущественную знать, обуздали ее и заложили основы крепкой абсолютной монархии. Старый спор с Португалией (с которой Кастилия в 70-х годах вела войну) вновь приобрел былую остроту. Вопрос о праве владения Канарскими островами и Гвинеей и об исключительном праве пла-

вания в атлантических водах у берегов Африки был предметом обсуждения во время кастильско-португальских мирных переговоров в Алькасовасе в 1479 г. По Алькасовасскому соглашению Португалия признала права Кастилии на Канарские острова, а Кастилия обязалась «не вести торговлю на путях (в Гвинею), ни на островах и землях Гвинеи как уже открытых, так и тех, которые будут открыты».

Кастилия и Португалия обязались в пределах, на которые распространяется юрисдикция их государей, запрещать торговую деятельность подданных иноземных держав.

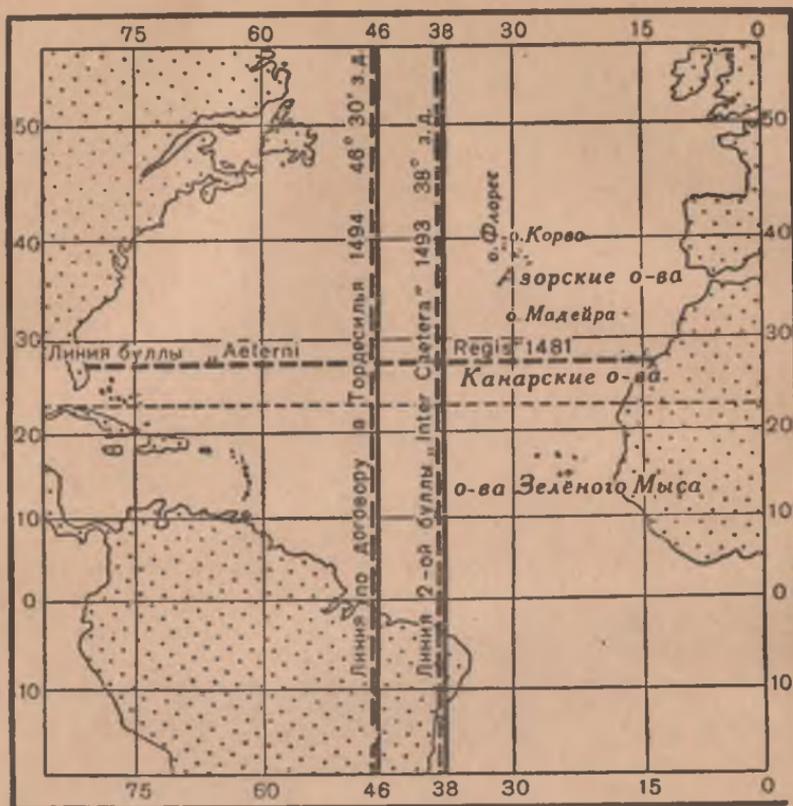
Алькасовасское соглашение следует расценивать как дипломатический успех Португалии, которая «закрыла» морской путь вдоль западных берегов Африки, обеспечив за собой исключительное право пользоваться им.

Этот успех закреплен был новой буллой «Aeterni regis», которую по настоянию Португалии папа Сикст IV дал 21 июня 1481 г. Сикст IV, ссылаясь на прежние буллы, подтвердил преимущественные права Португалии и признал Алькасовасское соглашение. Булла «Aeterni regis» разграничивала сферы деятельности держав-соперниц. Кастильцам не разрешалось вести торговлю, плавать и нарушать в какой бы то ни было степени интересы Португалии «по ту сторону Канарских островов», или, иными словами, к югу от параллели, проходящей через этот архипелаг. В сущности это была первая демаркационная линия, намеченная в «море-океане», и реальное соотношение морских сил (а их перевес в то время был на стороне Португалии) обеспечивало незыблемость этой линии еще в большей степени, чем папская булла.

80-е годы ознаменовались новыми успехами португальских мореплавателей. В 1486—1487 гг. Бартоломеу Диаш обогнул Африку и вступил в воды Индийского океана. Теперь португальцы открыли уже все западноафриканское побережье и вышли за мыс Доброй Надежды на юго-восточные берега Африки. Немного еще осталось португальцам, чтобы проникнуть в воды, которые часто посещались арабскими кораблями, ведущими торговлю с Индией, Персией и восточноафриканскими землями. Однако дальнейшее продвижение португальцев в Индийском океане по направлению к Индии приостановилось на десять лет, до экспедиции Васко да Гамы.

С другой стороны, Кастилия чувствовала себя крайне стесненной, так как не только пергаментный барьер буллы «Aeterni regis», но и внушительные флотилии португальских кораблей преграждали кастильским судам путь на юг. В этих условиях проект плавания в Индию западным путем был для кастильской короны естественным выходом из тупика. Только прыжок на запад мог вывести Кастилию из «Залива кобыл» (Golfo de las Yeguas), водного пространства между Кадисом и Канарскими островами — на просторы моря-океана, на пути, ведущие к вожделенным землям Азии.

Как только Колумб достиг «Индии», кастильская корона предприняла решительную дипломатическую атаку, пользуясь приемами, к которым в свое время прибегали короли Португалии. Так явились на свет знаменитые буллы папы Александра VI, которыми аннулированы были все преж-

Демаркационные линии 1481, 1493 и 1494 гг.

ние папские пожалования в пользу Португалии, буллы, вводившие кастильских королей во владение колоссальными водными пространствами и землями.

До сих пор еще принято считать, что Александр VI был посредником в кастильско-португальском споре и что он, желая примирить тяжущиеся стороны, «разделил мир» между обеими пиренейскими державами. Между тем папа в этом споре был не арбитром, не верховным судьей, велениям которого подчинялись короли-соперники, а лишь покорным исполнителем требований Изабеллы и Фердинанда. История четырех булл, данных папой в 1493 г., становится ясной, когда шаг за шагом исследователь распутывает нити, связывающие Рим с Барселоной — городом, где весной и летом 1493 г. находился двор Изабеллы и Фердинанда.

Родриго Борха, епископ Картахены, жестокий и вероломный честолюбец, интриган, готовый на любое преступление ради достижения своих целей, был избран в 1492 г. папой под давлением Испании. Фердинанд и Изабелла вели в это время дипломатическую игру, пытаясь захватить Италию и расстроить агрессивные планы французского короля, также стремившегося прибрать Италию к своим рукам. В этой игре покорный

папа должен был играть большую роль. Родриго Борха, или Борджиа, ставший папой под именем Александра VI, должен был, по мнению Фердинанда и Изабеллы, быть их верным слугой. Как оказалось впоследствии, Фердинанд и Изабелла жестоко ошиблись в своем выборе: Александр VI готов был ради собственных интересов предать кого угодно: уже в начале 1493 г. он был уличен в тайных переговорах с французской партией. Получив жестокую отповедь от Фердинанда и понимая, что время для открытого перехода в антииспанский стан еще не настало, Александр VI весной 1493 г. готов был на все, чтобы зарекомендовать себя ревностным охранителем интересов Кастилии. Как раз в это время возвратился из своего первого плавания Колумб, и Фердинанд и Изабелла потребовали от папы услуг, оказать которые он охотно согласился.

Колумб перед высадкой в Кастилии, 9 марта 1493 г., виделся с португальским королем Жуаном II. Последний дал ему понять, что земли, только что открытые далеко на западе, должны принадлежать не Кастилии, а Португалии. Между кастильским и португальским дворами завязались дипломатические переговоры, в которых кастильская сторона не была сильнейшей: ведь со времен Мартина V все папские буллы подтверждали преимущественные права Португалии в сфере открытий, «по направлению к Индиям», а доказать, что Эспаньола и Куба лежали к северу от запретной для кастильцев зоны, установленной буллой «Aeterni regis», было так же трудно, как обеспечить силой оружия преобладание Кастилии в Атлантике, 5 апреля 1493 г. в Барселону выехал португальский посол, а 22 апреля Изабелла и Фердинанд отправили к Жуану II своего представителя с письмом, в котором они извещали португальского короля об открытии островов и материка, расположенных «по направлению к Индиям». Вероятно еще раньше, в самом начале апреля из Барселоны были посланы инструкции испанскому послу в Риме. Именно в апреле, как это установлено по регистрам папской канцелярии, была составлена булла *Inter caetera* (в дальнейшем мы будем именовать ее I. С. № 1), официально датированная 3 маем 1493 г. Поскольку в то время прямые переговоры между Кастилией и Португалией еще не начинались и португальский посол еще не успел заявить своих требований, в этой булле нет ни малейшего намека на какие бы то ни было демаркационные линии. В булле шла речь об островах и землях, открытых Колумбом при его плавании к Индиям в западном направлении. Изабелле и Фердинанду жаловались права владения над всеми этими землями, а также над теми территориями, которые могли быть открыты в будущем. При этом папа, как на прецедент подобного пожалования, ссылался на бывшие дарения «апостолического престола» португальским королям.

Булла I. С. № 1 пришла в Барселону в то время, когда туда уже явился португальский посол и когда испанский двор получил представление о характере и объеме требований, предъявленных Жуаном II. Так как Жуан II утверждал, что земли, открытые Колумбом, должны принадлежать Португалии, то Изабелла и Фердинанд пришли к заключению, что булла I. С. № 1 должна быть дополнена новой буллой, в которой было бы проведено иное размежевание сфер государственных интересов Кастилии и Португалии в Атлантике, размежевание, выгодное для Кастилии

и способное повлиять на ход спора с Жуаном II. Перед тем, как потребовать от папы Александра VI новую буллу, Фердинанд и Изабелла запросили мнение Колумба. В грамоте от 28 мая 1493 г., которой подтверждалось дарование Колумбу ранее пожалованных ему прав и привилегий, Изабелла и Фердинанд указывали, что им принадлежит «море-океан» за линией, которая проходит от Азорских островов к островам Зеленого мыса, с севера на юг, от полюса к полюсу, так что все что находится «по ту сторону от указанной линии, к западу от нее, является нашим и нам принадлежит». Колумб, однако, полагал, что эта линия должна быть намечена несколько далее к западу, в ста лигах от Азорских островов и островов Зеленого мыса. При этом он считал, что богатые земли имеются не только в западной стороне, но и на юге, близ берегов южной Африки, между мысом Доброй Надежды и Гвинеей.

Неизвестно, в какой форме составлены были новые инструкции, которые в конце мая или в самом начале июня отправлены были из Барселоны в Рим, но результатом их явилась новая папская булла, составленная в июне 1493 г. и датированная задним числом — также 4 мая и под тем же названием *Inter caetera* (в дальнейшем мы будем называть ее I. С. № 2). В этой последней почти полностью воспроизводится текст I. С. № 1, но без ссылок на бывшие пожалования португальским королям. При этом в тексте I. С. № 2 впервые появляется термин «демаркационная линия» и намечается ее трасса. Как видно из текста буллы, эта линия была намечена в ста лигах к западу и к югу от Азорских островов и островов Зеленого мыса. Все, что было и будет открыто к западу и к югу от этой линии, намеченной от северного полюса к южному, будь то земли, лежащие на пути в Индии или в любом ином направлении, должно было отныне принадлежать Кастилии. Никакого намека на права Португалии на моря и земли, лежащие к востоку от линии, в булле не было. Географически бессмысленное указание буллы на пространства, лежащие к югу от линии, проведенной в меридиональном направлении, некоторые толкуют в том смысле, что кастильская корона получала права как раз на те таинственные земли у юго-западных берегов Африки, о которых Колумб писал Изабелле и Фердинанду.

Таким образом, Александр VI буллой I. С. № 2 удовлетворил новое требование Изабеллы и Фердинанда, весьма мало считаясь с интересами Португалии.

История третьей буллы Александра VI, данной им в связи с кастильскими претензиями на новооткрытые земли — буллы «*Eximiae devotionis*», составленной в июле 1493 г. и датированной задним числом — 3 мая, неясна. В этой булле, повторяющей I. С. № 1, содержится ссылка на права португальских королей относительно африканских земель.

Колумб получил копию буллы I. С. № 2 в письме, которое 4 августа 1493 г. отправили ему Изабелла и Фердинанд. В этом письме короли сообщали:

«Вы уже знаете, что мы послали в Рим за буллой относительно островов и земли, открытых вами, и теми, что будут еще открыты. Ныне эта булла прибыла, и мы отправляем вам ее копию».

До августа 1493 г. кастильско-португальские переговоры шли чрезвы-

чайно вяло. Кастильский двор пытался выиграть время, необходимое для снаряжения и отправки второй экспедиции Колумба, и уполномоченные, направленные из Барселоны в Лиссабон, отнюдь не собирались разрешить все спорные вопросы. Следующая фаза переговоров началась в середине августа, когда в Барселону прибыли новые португальские послы. Португальцы решительно возражали против демаркационной линии буллы I. С. № 2. У Фердинанда и Изабеллы явилась необходимость в новой булле, которая еще в более категорической форме подтверждала бы кастильские притязания. 5 сентября короли запросили Колумба, следует ли «улучшить» текст буллы I. С. № 2, учитывая, что за Кастилией необходимо закрепить права на земли, лежащие якобы на полпути между Гвинеей и мысом Доброй Надежды. Ответ Колумба неизвестен, но, вероятно, в это же самое время папе послано было требование изменить текст I. С. № 2 в благоприятном для Кастилии смысле, ибо 25 сентября папа подписал еще одну буллу «*Dudum sequidem*». Этой буллой Александр VI, подтверждая права кастильских королей на «все острова и материки, расположенные к западу и к югу» (от демаркационной линии), даровал Кастилии право на все земли, открытые или могущие быть открытыми в западном направлении, даже если эти земли лежали бы к востоку и к югу от Индии и относились бы к этой стране. Булла «*Dudum sequidem*» запрещала подданным любых держав плаванья и рыбную ловлю в водах, отведенных Кастилии, без специального на то разрешения кастильских королей, и отменяла права на открытые и открываемые земли, предоставленные ранее португальским королям.

Реальное соотношение сил не позволило, однако, Кастилии основываться на тексте буллы «*Dudum sequidem*» при дальнейших дипломатических переговорах с Португалией. Эти переговоры в следующем 1494 г. увенчались компромиссным Тордесильясским соглашением, условия которого были менее благоприятны для Кастилии, чем пожалования папских булл.

Дальнейшие взаимоотношения Испании и Португалии в сфере заморской политики основывались не на этих буллах, а на Тордесильясском (1494 г.) и Сарагосском (1529 г.) соглашениях, которыми намечены были рубежи испанских и португальских зон в Атлантике и Тихом океане. Однако буллы Александра VI сыграли известную роль в процессе колонизации Испанской Америки. Конкистадоры внушали коренным жителям Нового Света, что их земли — это вотчина Христа, которую наместник бога, римский папа, даровал своему «возлюбленному сыну» — кастильскому королю. Право завоевания, право на порабощение индейцев, право на физическое истребление всех, кто с оружием в руках боролся против захватчиков в течение трех столетий испанского господства, основывалось на буллах Александра VI Борджиа — одной из самых мрачных фигур в истории папства.

На тексте I. С. № 2 основывалось знаменитое «Рекеримьенто» — «требование», документ, который зачитывался в XVI веке конкистадорами при их вторжении на американские земли. В «Рекеримьенто» обосновывались права короля Кастилии и его подданных на земли и людей новооткрытых стран в духе папских булл 1493 г.

При этом индейцам предписывалось немедленное обращение в христианство; отказ от этого предложения расценивался как оскорбление бога, папы и короля и вызывал кровавые репрессии со стороны «миссионеров». Но «рекеримьенто» — лишь частный прием в богатой практике испанской конкисты. Колонизаторы выработали сложную систему фарисейских уловок, которые применялись ими при покорении новооткрытых земель.

Ханжески прикрываясь призывами к обращению индейцев в «истинную веру», испанские колонизаторы разрушили общественный строй коренного населения Америки, уничтожили древние культуры ацтеков, майя, муисков («чибчей») и кичуа-аймарских племен и обратили в рабство миллионы людей.

ИНСТРУКЦИЯ КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ ХРИСТОФОРУ КОЛУМБУ

29 мая 1493 г.

инструкция короля и королевы, наших повелителей, дону Христофору Колумбу, адмиралу их высочеств островов и материковой земли как уже открытых, так и тех, которые могут быть открыты в море-океане, в стороне Индии, и вице-королю и правителю их и сверх того капитан-генералу флотилии, которую ныне их высочества отправляют на эти острова и материк — о порядке, которого следует придерживаться в этом путешествии, совершаемом ныне по повелению их высочеств как при отправке, так и в пути следования, а затем и по прибытии в Индии, если того пожелает бог. И содержание этой инструкции таково:

Первое. Богу, нашему владыке, угодно было по своему высокому милосердию поступить так, чтобы трудами названного Христофора Колумба, адмирала, вице-короля и правителя их высочеств, открыты были острова и материк для короля и королевы, наших сеньоров. Поэтому Христофор Колумб составил отчет их высочествам о людях, которых нашел он в этих землях, и о том, что, по его мнению, они подготовлены для обращения в нашу святую католическую веру, ибо нет у них ни законов, ни верований. Сообщение об этом обрадовало и очень радует и ныне их высочества потому, что по самой своей сути такая готовность может рассматриваться как дело, угодное господу, нашему владыке, и возвеличивает нашу святую католическую веру.

Поэтому их высочества, желая, чтобы возвеличилась и распространилась наша святая вера, повелевают и обязывают упомянутого адмирала, вице-короля и правителя, чтобы всеми возможными путями и способами он добивался и стремился

привлечь обитателей указанных островов и материка к обращению в нашу святую католическую веру.

И, чтобы помочь ему в этом, посылают их высочества в те земли ученого монаха брата Буйля, а с ним и других духовных лиц, которых упомянутый адмирал должен взять с собой. Эти же духовные лица должны добиться через посредство индейцев, которые прибыли в Кастилию и достаточно хорошо знают наш язык, чтобы были изрядно наставлены в делах нашей святой веры жители упомянутых земель.

И надлежит им обучать святой вере наилучшим способом. А так как подобное дело легче всего осуществить в случае, если флотилия явится в упомянутые страны в добрый час, адмирал обязан добиться и сделать так, чтобы все, кто находится во флотилии, а также лица, которые впоследствии придут в Индию, обращались хорошо и дружественно с индейцами, не причиняя им никакой обиды, и чтобы те и другие [кастильцы и индейцы] поддерживали бы друг с другом тесное общение и вели частые беседы, совершая при этом возможно больше благих дел.

И точно так же должен упомянутый адмирал раздавать индейцам безвозмездно различные дары, употребляя для этого товары их высочеств, которые он везет с собой для менового торга. И надлежит ему относиться с уважением к индейцам. И если случится, что какой-нибудь или какие-нибудь лица будут обращаться дурно с индейцами, упомянутый адмирал должен, как вице-король и правитель их высочеств, вне зависимости от того, каким способом причинена была обида, примерно наказать виновных в силу тех полномочий их высочеств, которыми он на сей случай пользуется.

И так как нельзя долго блюсти порядок в делах духовных, не обращая внимания на мирское, их высочества повелевают упомянутому адмиралу и правителю в иных случаях придерживаться следующих правил:

Второе. Для своего плаванья адмирал должен подыскать наилучшие из имеющихся в Андалусии каравелы и подобрать моряков и пилотов, особенно хорошо сведущих в морском деле, и должны быть они людьми надежными. И в силу полномочий, которые даны их высочествами адмиралу и дону Хуану де Фонсеке для снаряжения этой флотилии, могут они брать любые корабли, какие только пожелают, а адмирал может выбирать суда по своему желанию, сообразуясь со своими нуждами.

Третье. Все люди, которые будут служить на кораблях флотилии, должны быть хорошо известны и надежны. И все они обязаны представиться упомянутому адмиралу островов как капитан-генералу упомянутой флотилии, и вышеуказанному Хуану де Фонсеке, и Хуану де Сорья, которого главные контадоры посылают в качестве своего заместителя на этой

флотилии. И ему [эти люди] должны представиться именно как заместителю главных контадоров *, и их он должен записать в свою книгу, а пагадору [кассиру] надлежит выплачивать им жалованье, которое должны они получать по соглашениям и договорам, подписанным ими с упомянутыми адмиралом, доном Хуаном де Фонсекой и Хуаном де Сорья, и расплата не может происходить иным способом.

Четвертое. Все соглашения, которые заключены с людьми капитанами, моряками и мастеровыми или с иными особами, которые отправляются с этой флотилией, а также все закупки, которые необходимо произвести как для обеспечения кораблей снаряжением, так и для других целей, а также контракты по найму кораблей заключаются и делаются упомянутыми адмиралом и доном Хуаном де Фонсекой или лицами, которые для этого будут назначены, в присутствии упомянутого Хуана де Сорья, как заместителя главных контадоров, и ему надлежит вести на сей предмет особую книгу. И, кроме того, еще одна книга должна вестись другим писцом или, если он того пожелает, самим адмиралом, и в ней записываются все покупки, совершенные в тех местах, которые посетит флотилия. И все закупки, которые необходимо будет совершить в этих местах, должны быть произведены лицами, которых отрядят для подобной цели упомянутые адмирал и дон Хуан де Фонсека, и засвидетельствованы коронным нотариусом.

И лица, которые будут выплачивать жалованье на кораблях флотилии, должны платить его по соглашениям и контрактам, скрепленным подписями адмирала, дон Хуана де Фонсеке и Хуана де Сорья, как контадора.

Пятое. Все оружие, снаряжение, боеприпасы и товары и другие предметы, которые будут закуплены, передаются лицам, назначаемым адмиралом, и надзор за этими лицами вменяется в обязанность Хуану де Сорья, который должен завести книгу и открыть счет на все закупки. Книгу надлежит сдать их высочествам, счета переслать контадору, который должен будет находиться на островах как заместитель главных контадоров.

Шестое. В то время, когда упомянутая флотилия должна будет, в добрый час, отправиться в плавание, все капитаны, пилоты, моряки, пешие и конные воины, мастеровые и другие особы, которые отправятся с этой флотилией, обязаны будут зарегистрироваться у адмирала и у дон Хуана де Фонсеки и у особ, которые будут назначены для этой цели, и у Хуана де Сорья, как заместителя контадора, с тем, чтобы известно было, что за люди отправляются в плавание, и каковы достоинства и профессия у каждого из них.

* Контадоры — должностные лица счетной палаты Кастилии — ведомства, которое вело учет налоговых поступлений короны. — *Прим. перев.*

И все они должны принести присягу и поклясться в верности королю и королеве, нашим сеньорам, дабы служить им верой и правдой в этом путешествии как на пути в Индии, так и на островах и материке, после прибытия туда и при возвращении в Кастилию. И как верные и преданные вассалы и подданные их высочеств обязаны они во всем, что бы ни представилось им свершать, словом, делом и советом охранять интересы короля и королевы и их казны и во всем, в чем они могут усмотреть пользу для своей службы, они должны способствовать успешному ее исполнению. А если замечено ими будет нечто неблагоприятное, они обязаны вмешаться в силу своих прав или поставить о том в известность их высочества, если дело идет о проступках против коронной службы, или известить об этом упомянутого адмирала и капитана-генерала, дабы принял он надлежащие меры. И точно так же решительно во всем они должны быть покорны упомянутому адмиралу, как адмиралу их высочеств на море и как вице-королю и губернатору их высочеств на суше, и, таким образом, должны ему подчиняться во всем, и да не осмелится никто поступить иным образом. Все это людям, идущим в плавание, повелевается исполнять настоящей инструкцией, и ее надлежит выполнять под страхом наказания, которому подвергаются все нарушающие обязательства, данные под присягой.

С е д ь м о е. Кроме того, их высочества повелевают, чтобы никто, ни одно лицо из числа находящихся во флотилии, каково бы ни было его звание и положение, не приносил и не смел провозить на кораблях флотилии какие бы то ни было товары, предназначенные для менового торга на упомянутых островах и материке, ибо никто не имеет права вести этот торг, за исключением их высочеств, как о том далее будет идти речь.

В о с ь м о е. Когда корабли придут, в добрый час, к островам и материке, где должна быть высадка, адмирал, как вице-король и правитель их высочеств на этих островах и материке, обязан отдать приказ капитанам немедленно собрать всех людей на кораблях и одновременно устроить осмотр оружия, боеприпасов и снаряжения и всего, что на судах привезено. И чтобы ни один человек не мог провезти никаких товаров, на которые окажется возможным выменять золото или иные ценности на упомянутых островах и материке, без разрешения на то их высочеств, как о том уже говорилось, повелевают их высочества следующее:

Если случится так, что кто-нибудь будет иметь больше того, что было им показано в момент отплытия из Кастилии и что было отмечено в то время в книге, которую должна вести особа, назначенная в качестве заместителя упомянутых главных контадоров, то теряют они, виновные, это имущество. И его пусть возьмет упомянутый адмирал и вице-король или

тот, кто на это имеет право, и передаст лицу, которое хранит товары, принадлежащие их высочествам; в присутствии упомянутого заместителя контадоров, ибо на обязанности последнего лежит надзор за всей торговлей.

Девятое. Далее. Любая меновая сделка должна производиться адмиралом или особой, которую он для этой цели назначит, и казначеем их высочеств, который должен будет находиться на островах, и только ими, а не иными лицами. И торг пусть ведется в присутствии упомянутого заместителя контадоров или должностного лица, им назначенного, ибо такова обязанность заместителя контадоров. И он должен отмечать все в книге, заведенной для регистрации упомянутых меновых сделок. И так как не исключена возможность, что торг будет производиться в разных местах и при этом в таких пунктах, куда не сможет попасть казначей, ему надлежит посылать в таких случаях лицо, его замещающее, совместно с особой, которую должен назначить адмирал, или вести меновые сделки в присутствии упомянутого заместителя контадоров или его уполномоченного, но только таким, а не иным образом.

Десятое. Упомянутый адмирал, вице-король и правитель по прибытии на острова, в силу имеющихся у него полномочий их высочеств, должен назначить алькальдов и альгвасилов на островах и землях, где он будет находиться и где находятся его люди, и на любых иных островах, где будут оставаться какие бы то ни было люди из числа прибывших с адмиралом на кораблях его флотилии. И эти алькальды и альгвасилы обязаны разбирать тяжбы, которые будут иметь место, как гражданские, так и уголовные. И назначаться указанные должностные лица будут согласно порядку, заведенному другими вице-королями и правителями, каковой соблюдается повсюду, где бы их высочества не имели упомянутых вице-королей и правителей.

И вышеупомянутый вице-король и правитель должен принимать и рассматривать апелляции или судебные дела, прошедшие через первую инстанцию, и решать их так, как он считает лучшим, и сообразно тому, как это обычно делают иные вице-короли и правители их высочеств.

Одиннадцатое. Далее. Если окажется необходимым назначить рехидоров, присяжных и иных должностных лиц для управления, может упомянутый адмирал, вице-король и правитель назначить трех лиц для исполнения любой из этих должностей, как то и подтверждено в соглашении с их высочествами, а из их числа их высочества выберут одного для каждой из упомянутых должностей, и должны они будут руководствоваться в своей деятельности особым предписанием. Однако, так как в этом путешествии нельзя провести назначение должностных лиц подобным способом, устанавливается,

только на сей раз, что назначаются они упомянутым адмиралом, вице-королем и правителем от имени их высочеств.

Двенадцатое. Далее. Каждый судья обязан при произнесении приговора делать следующее оглашение: «Приговор этот повелели вынести король и королева, наши повелители».

Тринадцатое. Далее. Все предписания, распоряжения, патенты, которые упомянутый адмирал, вице-король и губернатор должен будет дать, следуют от имени дона Фернандо и доньи Изабеллы, короля и королевы, и скрепляются подписью упомянутого дона Христофора Колумба, как вице-короля, и второй подписью нотариуса, который при нем будет, по форме, принятой у других нотариусов, подписывающих бумаги вице-королей. И запечатываются указанные предписания, распоряжения и патенты печатью их высочеств, как это водится у других вице-королей, назначенных их высочествами, и ставится печать на обратной стороне грамоты.

Четырнадцатое. Далее. Как только придет, если позелает того бог, упомянутый адмирал и вице-король на острова и материк, пусть распорядится он, чтобы сооружена была таможня, в которой должны быть сложены все товары их высочеств, как те, что привезены из Кастилии, так и те, что приобретены в Индиях и предназначены для отправки в Кастилию.

И во время разгрузки товаров должны находиться в таможне лица, которых для этой цели назначит упомянутый адмирал и вице-король и уполномоченный главных контадоров, и должностное лицо, назначаемое адмиралом, на обязанности которого будет лежать ведение двух книг, в которых записываются все товары. А за книги эти пусть отвечает казначей, которого их высочества отправляют для совершения меновых сделок, согласно порядку, установленному этой инструкцией. И если окажется какая-либо нехватка товаров, вывезенных из Кастилии, упомянутые лица обязаны будут оплатить стоимость недостающего.

Пятнадцатое. Далее. Всякий раз, когда упомянутый адмирал и вице-король сочтет это необходимым, он может созывать всех людей, которые находятся в той стороне, и они обязаны являться к нему и к особам, на то им уполномоченным, и к заместителю упомянутых главных контадоров, который будет там находиться. И когда будет выплачиваться жалованье людям, должно их созывать и производить оплату по соглашениям и контрактам с упомянутым адмиралом и вице-королем и контадором, но не иным способом.

Шестнадцатое. Далее. Если упомянутый адмирал по прибытии на острова убедится в необходимости послать корабли с людьми в какую-либо сторону для того, чтобы открыть то, что до сего времени не было еще открыто, или для менового торга, или отправить корабли в Кастилию, или по-

слать их в любое иное место, обязаны будут ему подчиняться и выполнять его распоряжения все капитаны и моряки, которым он прикажет выйти в плавание, под страхом наказания, каковое он может в таком случае определить, исходя из полномочий, данных ему, упомянутому адмиралу, вице-королю и правителю, их высочествами. При этом адмирал может не только карать виновных, но и распоряжаться по своему усмотрению их имуществом.

Семнадцатое. Далее. В Кадисе должно устроить таможню, где будут погружаться и разгружаться все товары, оружие, боеприпасы, снаряжение и все прочее, что необходимо для флотилии и для поселений на островах и материке, а также и все то, что будет привезено оттуда, а в иных местах погрузка и разгрузка товаров будут запрещены. Необходимо поэтому, чтобы лица, которых назначат их высочества и упомянутый Хуан де Сорья, как заместитель главных контадоров, записывали все, что в этой таможне погружается и разгружается, в особой книге, ведение которой должно быть на обязанности этих лиц. Если же упомянутый адмирал пожелает назначить в таможню иное должностное лицо для записи товаров, он может это сделать и пусть сделает.

Восемнадцатое. Далее. Их высочествам угодно, чтобы упомянутый адмирал имел восьмую часть от всего, что будет выручено за золото и другие ценности с указанных островов и материка. Адмирал же должен оплатить восьмую часть стоимости товаров, так как он участвует в меновом торге. Но предварительно он получает десятую часть выручки от торговых сделок, каковая доля ему приходится согласно договору [капитуляции], заключенному по приказанию их высочеств с упомянутым адмиралом.

Настоящим мы, король и королева, повелеваем вам, дону Христофору Колумбу, нашему адмиралу, вице-королю и правителю островов и материка, которые по нашему повелению были открыты в море-океане, в стороне Индий и капитан-генералу нашей флотилии, которую приказали мы снарядить для похода в те земли, соблюдать эту инструкцию и выполнять все, что в ней содержится, и не нарушать ее ни по существу, ни по форме и не следовать в Индии путями, не предуказанными нами.

Дана в городе Барселоне, 29 мая в год от рождества господина нашего Иисуса Христа 1493.

(Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в сборнике M. F. Navarrete, Colección de los viajes y descubrimientos que hicieron por mar los españoles desde el fin del siglo XV, t. II, p. 77—83, Madrid, 1859.

ПИСЬМО
ДОКТОРА ЧАНКИ
ВЛАСТЯМ ГОРОДА
СЕВИЛЬИ

лагороднейший сеньор! Поскольку содержание моих частных писем, адресованных различным лицам, не может стать в такой степени известным для всех, как текст этого послания, я решил сообщить все новости о здешней стороне и особо написать обо всем прочем, о чем надобно мне просить вашу милость.

Новости же эти таковы:

Флот, который католические короли, наши государи, отправили из Испании в Индии под командой своего адмирала моря-океана, Христофора Колумба, вышел по соизволению божьему из Кадиса 25 сентября [1493]*. Погода и ветры были благоприятны для нашего плавания. Такая погода удерживалась два дня, и за это время мы смогли пройти около 50 лиг. Затем погода изменилась, и в течение последующих двух дней мы прошли очень мало или, вернее, совсем не продвинулись вперед.

По милости господа, ниспославшего нам хорошую погоду, за два дня доплыли мы до Гран Канарии, где вошли в гавань, что было как раз кстати, так как нужно было поставить на ремонт судно, в котором открылась течь. Тут пробыли мы весь день, а на другой день отправились дальше, но из-за безветрия потратили четыре или пять дней на переход до Гóмеры. На Гóмере пришлось задержаться на некоторое время, чтобы запастись мясом, дровами и водой в возможно больших количествах на весь долгий путь, который предстояло совершить, не видя земли.

* Пропуск в тексте рукописи.— *Прим. перев.*

Стоянка на Гомере, а также безветрие, наступившее на следующий же день после того, как мы покинули этот остров, привели к тому, что мы лишь на девятнадцатый или двадцатый день прибыли на остров Иерро [Ферро]. Но когда мы миновали Иерро, по милости божьей наступила благоприятная погода, такая, которая никогда еще не сопутствовала кораблям в столь долгом плавании.

Так что, покинув Иерро 13 октября, мы уже спустя двадцать дней имели возможность увидеть землю, и мы бы заметили ее на тринадцатый или четырнадцатый день, если бы флагманское судно шло так же быстро, как и все прочие; ожидая его, [прочие] корабли не раз убавляли паруса и замедляли свой ход. Счастье сопутствовало нам в этом переходе и во всем путешествии: ни разу нас не застигала буря, если не считать шторма, который разразился в канун дня св. Симона, заставив нас в течение четырех часов пережить немало волнений.

ОТКРЫТИЕ МАЛЫХ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ И ПУЭРТО-РИКО

В первое воскресенье после дня всех святых, т. е. на третий день ноября, незадолго до рассвета кормчий флагманского судна возгласил: «Поздравляю всех! Видна земля!». Велика была радость, которую выражали все люди, и необычайны были их крики и возгласы. Радовались же моряки не напрасно, ибо их так утомила трудная жизнь и непрерывное выкачивание воды, что все они вздыхали по желанной земле.

Рассчитывая расстояние, пройденное от острова Иерро до этой земли, одни пилоты полагали, что оно составляет 800 лиг, другие же — что оно равно 780 лигам. Таким образом, разница в расчетах была невелика¹. Если прибавить к этому 300 лиг, пройденных от Кадиса до Иерро, то окажется, что всего мы проплыли 1 100 лиг. Немудрено, что все были по горло сыты видом морской воды!

Утром того же воскресного дня впереди показался остров², и одновременно справа открылись берега другого острова³. Первый остров был, — по крайней мере на обращенной к нам стороне, — весьма гористым, второй — низменным, и оба сплошь были покрыты густыми лесами. Днем то там, то здесь стали появляться все новые и новые острова. В течение дня мы в различных направлениях заметили шесть островов, и большинство были значительных размеров.

Мы направились к тому острову, который замечен был первым, чтобы осмотреть его, и, пройдя вдоль его берега больше лиги, не нашли бухты, в которой корабли могли бы стать на якорь. Часть острова, доступная взору, казалось гористой, красивой и зеленой, и самая вода радовала глаз. Ведь у нас в это время года зелени уже не бывает.

После безуспешных поисков гавани адмирал решил возвратиться к другому острову, что лежал от нас по правую руку на расстоянии четырех или пяти лиг. При этом он оставил у первого острова один корабль для поисков гавани на тот случай, если придется вернуться сюда; поиски продолжались весь день, и тут, действительно, удалось найти удобное для якорной стоянки место, а также дома и людей. Но к ночи этот корабль присоединился к флотилии, которая вошла уже к тому времени в бухту на втором острове. Адмирал высадился на берег с многими людьми и королевским знаменем в руках и по установленной законом форме вступил во владение новооткрытой землей от имени их высочеств.

На этом острове были удивительно густые леса, и столько росло деревьев доселе неведомых пород, что вид их у всех вызывал изумление. На одних деревьях росли плоды, другие были в цвету, и на всех без исключения была зеленая листва. Тут мы встретили дерево, листья которого испускали неведомый дотоле тончайший аромат гвоздики; оно похоже на лавр, но меньше величиной. Я так и полагаю, что оно из породы лавров. Было здесь много диких плодов различных видов. Некоторые, наименее искушенные из нас, пытались их отведать; но стоило им только для пробы взять на язык эти плоды, как лица их опухали и их охватывал жар, и одолевала боль, и, казалось, впадали они в бешенство; от этого лечат холодом ⁴.

На этом острове мы не видели людей и не [обнаружили] никаких следов их пребывания. Мы решили, что он необитаем. На нем мы пробыли только два часа, потому что, когда мы высадились, было уже поздно.

На другой день утром мы отправились к другому острову, который виднелся за этим островом в семи-восьми лигах от него и казался очень большим ⁵. Приблизившись к нему, мы очутились у подножья высокой горы, которая чуть ли не достигала неба; посреди нее возвышался пик, а со склонов его текли в разные стороны бесчисленные потоки; особенно много их было на той стороне, что была обращена к нам. На расстоянии трех лиг от пика мы заметили водопад; мощный, словно бык, он низвергался с такой высоты, что казалось, будто он падает с неба. Он был виден издали, и на кораблях многие бились об заклад: одни утверждали, что это белые скалы, другие, что это не скалы, а вода. Когда же подошли ближе, все убедились, что с высоты пика струится поток воды и никакое зрелище в мире не могло сравниться по красоте с этим водопадом, низвергавшимся с огромной высоты. А между тем на таком ничтожном пространстве скопилось столько воды, что образовался этот поток ⁶.

Приблизившись к острову, адмирал выслал вперед легкую каравелу для осмотра берега и поисков гавани. Опередив фло-

тилию, каравела подошла к берегу и обнаружила на нем жилища.

Капитан отправился туда на лодке и дошел до этих домов и застал в них людей, которые, однако, обратились в бегство, как только увидели наших [людей].

В домах все вещи оказались на месте — индейцы ничего с собой не унесли. Капитан взял двух попугаев, очень больших и непохожих на других птиц подобного рода, которых приходилось видеть раньше. Он нашел много хлопковой пряжи и хлопка, заготовленного для прядения, и различные съестные припасы и от всего этого взял малую толику. На корабль он принес четыре или пять человеческих рук и ног. Увидав это, мы сразу решили, что это острова Карибе, населенные людьми, которые едят человеческое мясо. Адмирал еще во время первого путешествия получил от индейцев других ранее открытых островов сведения о том, где расположены эти земли; поэтому он в нынешнем плавании и взял курс на них, желая открыть эти земли, ибо они расположены ближе к Испании и находятся на прямом пути к острову Эспаньоле, где он раньше оставил своих людей. Сюда-то, с помощью божьей и благодаря опытности адмирала, мы и пришли прямой дорогой, как будто путь этот был уже известен и исследован нами.

Остров этот очень велик, и с той стороны, откуда мы подошли к нему, нам казалось, что в длину он тянется на 25 лиг. Мы прошли вдоль его берега более двух лиг в поисках гавани. На этой стороне, вдоль которой мы шли, видны были очень высокие горы, а в местах, что мы оставляли позади, были обширные равнины.

На побережье расположены были маленькие селения, но их жители обращались в бегство, как только замечали паруса наших кораблей. Пройдя две лиги, мы нашли бухту, и было это в поздний час. Ночью адмирал решил отправить, как только рассветет, людей на берег, чтобы взять языка и разузнать, что за народ тут обитает, хотя мы уже заметили, что они убегают от нас и что все они наги, подобно людям, которых адмирал встречал в своем первом плавании.

Поутру на берег высадились капитаны нескольких кораблей. Некоторые из них вернулись к обеду и привели с собою юношу лет четырнадцати, от которого удалось потом узнать, что он принадлежит к числу пленников здешних людей.

Вторая партия, посланная на берег, разделилась. Одни, захватив по пути маленького мальчика (этого мальчика вел за руку мужчина, но последний обратился в бегство и бросил ребенка), отправили его [на корабль] с частью людей; оставшиеся на берегу захватили несколько женщин, обитательниц острова, а также женщин, находящихся здесь в плену и охотно ушедших с нашими людьми.

От этой группы отделился один капитан, а с ним шесть человек; они не знали, что уже взяты языки, и все они заблудились и потеряли дорогу. Только спустя четыре дня им удалось добраться до моря и, следуя берегом, выйти к кораблям.

Мы считали, что они уже погибли и съедены людьми, которых называют карибами, потому что никак не могли предположить, что потерялись они по другой причине: среди них были пилоты-моряки, которые по звездам могли бы дойти до самой Испании. Потому-то мы никак не представляли себе, что они могут заблудиться на таком небольшом пространстве. В этот день, впервые с тех пор, как мы здесь высадились на берегу, почти у самого моря, появилось много мужчин и женщин, которые смотрели на наш флот и удивлялись невиданной диковинке. Когда же наши люди подошли на лодке к берегу, чтобы переговорить с ними, они стали кричать: «Таино, таино», что значит «хорошо», и оставались на месте до тех пор, пока моряки были на воде, но с таким видом, как будто готовились они обратиться в бегство, как только в том явится необходимость. Словом, ни одного мужчины нельзя было захватить ни силой, ни уговорами. Все же удалось подстеречь двоих, хотя и были они очень осторожны, и силком притащить их на корабль. Было захвачено более 20 женщин из числа пленниц, и, кроме того, много обитателей острова явилось к нам добровольно, помимо тех, которые захвачены были силой. Несколько мальчиков сами пришли к нам, спасаясь от местных жителей, у которых они были в плену.

В этой бухте мы задержались восемь дней, вследствие пропажи упомянутого капитана, и за это время много раз высаживались на землю, осматривая жилища и селения, расположенные на берегу. В домах мы нашли множество человеческих костей и черепов, развешенных, точно посуда, для разных надобностей. Мужчин мы видели здесь немного: как нам объяснили женщины, большая часть их ушла на десяти каюе грабить другие острова.

Люди эти показались нам более развитыми, чем обитатели других островов, которых мы видели прежде. Хотя у них и соломенные жилища, но построены они добротнее, чем у других индейцев, и в них больше утвари, изготовленной в равной мере и мужчинами и женщинами, причем во всем проявляется изрядная сноровка. У них много хлопка как спрядённого, так и приготовленного для пряжи и немало покрывал из хлопчатой ткани, выработанных так хорошо, что они ничуть не уступают нашим кастильским.

У женщин-пленниц мы спросили, что за люди живут здесь, и они ответили, что страну населяют карибы. Когда же они узнали, что мы относимся к карибам с отвращением за их дурной обычай употреблять в пищу человеческое мясо, они

этому обрадовались. Если мы приводили мужчин или женщин — карибов, эти женщины-пленницы говорили нам по секрету, что люди [которых мы привели] — карибы, и они [пленницы] проявляли перед ними страх как люди, поработанные этим народом, несмотря на то, что карибы [взятые нами в плен] находились в нашей власти. Таким образом, мы знали, кто из наших пленниц принадлежит к числу карибов и кто нет. Женщины-карибки носят на каждой ноге по две ленты из хлопчатой ткани — одну у колена, другую у щиколотки. И поэтому икры у них делаются большими, туго-натуго перетянутыми, и это они делают, вероятно, ради красоты. По этому признаку можно было отличить одних женщин от других.

Нравы у этих карибов скотские. Они населяют три острова: этот, который называется Турукейра, другой, открытый нами ранее, что носит имя Сейре, и третий — Айай⁷. Все обитатели этих трех островов живут между собой в согласии, как если бы они принадлежали к одному роду (*si fuesen de un linage*) и друг другу не причиняют зла. Но они воюют со всеми соседними островами и на своих многочисленных каное заплывают на 150 лиг, совершая грабительские набеги.

Их каное — это небольшие фусты*, сооружаемые из цельных древесных стволов. Вместо оружия из железа у них стрелы, и так как железа они не знают, то одни из них делают наконечники стрел из обломков черепаховых панцирей, иные, с другого острова, из зазубренных рыбьих костей, похожие на острые пилы. Этими стрелами карибам нетрудно истреблять безоружных людей, — а индейцы на всех прочих островах безоружны, — и причинять им всяческий вред. Но людям нашего народа нечего бояться их оружия. Совершая набеги на другие острова, карибы увозят с собой женщин, сколько могут захватить, чтобы сожительствовать с ними, особенно молодых и красивых, или держать их в услужении. Женщин же этих так много, что в пятидесяти домах мы видели одних только индианок, а в числе рабынь было более двадцати девушек.

Женщины эти говорят, что карибы обращаются с ними так жестоко, что и поверить тому трудно: детей, рождающихся у этих женщин, они пожирают, а воспитывают только тех, кто прижит от жен-карибок. Пленных мужчин они увозят в свои селения и съедают их там и точно так же поступают они с убитыми.

Они говорят, что ничто в мире не может сравниться по вкусу с человеческим мясом, да так оно и кажется, судя по тому, что все человеческие кости, которые мы находили у них, оказывались обглоданными, и если и оставались куски мяса,

* Гребные корабли типа галер.— *Прим. перев.*

то самые жесткие, которые нельзя было разгрызть. Здесь же в одном из домов в сваренной похлебке найдена была человеческая шея.

Мальчикам, захваченным в плен, они отрубают детородный член и держат их в рабстве, пока они не возмужают, а затем, в праздник, убивают их и съедают, потому что, по мнению карибов, мясо мальчиков и женщин невкусно. Три таких мальчика с отрубленными детородными членами явились к нам.

По истечении четырех дней * явился, наконец, капитан, заблудившийся на острове. Мы уже перестали надеяться, что он вернется, потому что дважды отправляли на поиски людей, а в этот же самый день еще одна группа, посланная на берег, возвратилась, ничего не узнав о судьбе капитана и его спутников.

Мы так обрадовались приходу капитана, точно вновь обрели его. Он привел с собой десять душ — мальчиков и женщин. Ни сам капитан, ни люди, которые высылались на его поиски, не встречали мужчин-карибов либо потому, что они убежали в лес, либо, быть может, еще и потому, что как раз в эти дни карибы на десяти каное отправились разорять другие острова.

Капитан и его спутники вернулись в изодранных одеждах, исцарапанные и израненные до такой степени, что на них жалко было смотреть. Когда мы их спросили, каким образом они заблудились, они ответили, что леса на острове настолько густые, что сквозь деревья нельзя было разглядеть неба и что некоторые моряки взбирались на деревья, чтобы проверить направление по звездам, но так и не могли их увидеть, и что если бы случайно они не вышли к морю, никогда не удалось бы им возвратиться на корабли.

Мы покинули остров спустя восемь дней после прибытия, и на следующий день, в полдень, увидели другой остров, не очень большой, который находился в 12 лигах от острова, оставленного нами накануне⁸. Так как в первый день после отплытия ветер стих, мы подошли к берегу этого острова, но не высаживались, ибо индианки сообщили, что остров этот необитаем и безлюдным он стал после набегов карибов.

Вечером мы заметили еще один остров⁹, а ночью у берегов его обнаружили мели, и, опасаясь плыть дальше, стали на якорь, до наступления дня не отваживаясь тронуться в путь.

* Чанка впадает в противоречие, когда описывает эпизод с заблудившимися моряками. В одном месте он отмечает, что моряки отсутствовали четыре дня, в другом указывает, что флотилия ждала их возвращения восемь дней. Лас Касас в описании второго путешествия отмечает, что капитан Диего Маркес, заблудившийся на острове, высадился на берег во вторник 5 ноября и вернулся в пятницу 8 ноября. Таким образом, флотилия ждала возвращения моряков неполных четыре дня.— *Прим. перев.*

Утром показался еще один очень большой остров¹⁰. Но ни к одному из этих островов мы не приставали, чтобы скорее дойти до Эспаньолы и прибытием своим принести отраду оставленным там. Но отрады этой, как видно будет из дальнейшего, не пожелал дать господь.

На следующий день в час обеда мы подошли к одному острову¹¹, и он показался нам весьма привлекательным, ибо был густо населен, о чем можно было судить по многочисленным возделанным полям. Приблизившись к нему, мы нашли на его берегу удобную бухту, и адмирал велел тотчас же послать на остров лодку с вооруженными людьми, чтобы захватить языка и узнать, какой народ населяет этот остров, и раздобыть сведения о дальнейшем пути, хотя адмирал, который никогда еще не шел этим путем, все же вел корабли правильным курсом, что в конце концов и подтвердилось. Но так как в сомнительных случаях следует всегда производить наиболее точные изыскания, адмирал решил взять для этой цели языка.

Из лодки, отправленной к берегу, высадились несколько человек и направились к селению, жители которого уже успели, однако, скрыться. Там они захватили пять или шесть женщин и несколько мальчиков, и почти все они, по их словам, были пленниками карибов, как и на упомянутом выше острове.

Как раз в тот момент, когда наша лодка с добычей собиралась в обратный путь к кораблям, у берега показалось каное, в котором было четверо мужчин, две женщины и мальчик. Увидев флотилию, они, пораженные этим зрелищем, оцепенели от удивления и в течение долгого времени не в состоянии были сдвинуться с места, оставаясь от нее на расстоянии почти двух выстрелов из ломбарды. Тут-то их заметили из лодки и с кораблей. Тотчас же лодка направилась к ним, близко держась берега, а они все еще находились в оцепенении, глядя на корабли, удивляясь им и прикидывая в уме, что это за странная штука. Заметили же они лодку только тогда, когда она вплотную подошла к ним, и поэтому они уже не смогли уйти от преследования, хоть и пытались это сделать. Наши же кинулись на них так стремительно, что не дали им [возможности] уйти.

Видя, что бежать им не удастся, карибы с большой отвагой натянули свои луки, причем женщины не отставали от мужчин. Я говорю «с большой отвагой», потому что их было всего шестеро — четверо мужчин и две женщины — против двадцати пяти наших. Они ранили двух моряков, одного два раза в грудь, другого стрелой в бок. И они поразили бы своими стрелами большую часть наших людей, не будь у последних кожаных и деревянных щитов и не подходи наша лодка вплотную к каное и не опрокинь его. Но даже и после того, как каное опрокинулось, они пустились вплавь и

вброд — в этом месте было мелко — и пришлось немало потрудиться, чтобы захватить карибов, так как они продолжали стрелять из луков. Несмотря на все это, удалось взять только одного из них, смертельно ранив его ударом копья. Раненого доставили на корабль.

Различия между карибами и прочими индейцами состоят в том, что карибы носят очень длинные волосы, между тем как другие индейцы стригут их, и головы у них разрисованы на разные лады крестами и другими фигурами, причем каждый украшает себя по своему вкусу, и наносят они эти узоры на кожу заостренными тростинками.

Все местные жители, включая и карибов, безбороды, и люди с бородой кажутся им каким-то чудом. У карибов, которых мы здесь захватили, брови и глазницы вычернены, как мне показалось, красоты ради, и от этого вид их становится еще более устрашающим.

Один из них сказал, что на первом из обнаруженных нами островов, к которому мы не подходили близко, — остров же этот называется Кайре¹², — есть много золота. Карибы направляются туда с гвоздями и инструментами для постройки своих каное, а затем привозят на них столько золота, сколько им вздумается.

В тот же день мы покинули этот остров, пробыв у его берегов только 6—7 часов, и направились к другой земле, которая, как нам казалось, лежала на нашем пути¹³. Ночью мы приблизились к ней и утром следующего дня сошли на берег.

Это очень большая земля, хоть протяженность ее невелика, состоящая из сорока, а то и более островков¹⁴. Земля эта гористая и в большей своей части бесплодная, чего нам еще никогда не случалось встречать в этих местах.

Такая земля, казалось, должна была заключать в своих недрах металлы. Мы не подошли к ней на такое расстояние, чтобы можно было высадиться на берег; только одна каравела с латинскими парусами подошла к одному из островков, на котором оказалось несколько домов, принадлежащих рыбакам. Индианки, которые были с нами, утверждали, что земли эти не заселены. Вдоль их берегов мы шли большую часть этого дня и почти весь следующий день, и лишь вечером открылся нашим взорам другой остров — Борикен¹⁵. Вдоль берега этого острова мы шли весь день и рассчитали, что с этой стороны он простирается на 30 лиг.

Остров этот очень красивый и, как кажется, весьма плодородный. Сюда совершают походы карибы, которые увозят с собой множество народа. У местных жителей нет лодок и им неведомо искусство хождения по морю. Но, как говорили захваченные нами карибы, они вооружены луками и, если им удастся при этих набегах взять в плен кариба, то они съедают его точно так же, как [в этом случае] поступают с ними и сами

карибы. Два дня мы пробыли в бухте одного из этих островов, и много людей выходило на берег, но нам так и не удалось взять языка, так как они неизменно обращались в бегство, напуганные карибами.

Все эти острова открыты в нынешнее плавание, до того ни одного из них адмирал не видел в своем первом путешествии. Все они очень красивы, и земли их плодородны, но Борикен кажется лучшим из всех. Здесь почти заканчивается цепь островов, которая открыта была адмиралом на пути из Испании.

Впрочем, мы все твердо убеждены, что есть еще одна земля, которая расположена лиг на 40 ближе к Испании, чем все эти острова, потому что за два дня до того, как мы увидели первую землю, мы заметили птиц, которые зовутся вилохвостками (*gabiforcados*). Птицы же эти — морские хищники, которые не спят над водой и не садятся на нее. Каждый вечер они возвращаются на землю и поэтому не залетают в открытое море далее чем на 12 или 14 лиг от берега. Земля же, о которой я говорю, лежит по правую руку от пути, что ведет сюда из Испании. Из этого все заключили, что там имеется еще земля, но мы не предпринимали поисков ее, дабы не делать лишней крюк на том пути, которым следовали. Надеюсь, что в ближайших плаваниях эта земля отыщется.

[СОБЫТИЯ НА ЭСПАНЬОЛЕ]

От Борикена мы отплыли на рассвете и перед наступлением вечера увидели землю, которая была также неизвестна тем, кто участвовал в первом плавании. Но из слов индейцев, которых мы везли с собой, можно было догадаться, что это была Эспаньола. Между ней и Борикеном виден был вдали еще один остров, правда, не очень больших размеров. Та часть Эспаньолы, к которой мы подошли, была низменная и плоская, и у всех явилось сомнение, подлинно ли это Эспаньола, так как этой части острова ни адмирал, ни спутники его никогда еще не видели.

Эспаньола очень большой остров, и поэтому отдельные ее области несут свои особые названия. Часть, к которой мы подошли с самого начала, называется Гаити (*Haiti*)¹⁶, соседнюю с ней провинцию называют Хамана (*Hamana*), а еще другую, где мы ныне находимся, именуют Бохио. Итак, на этом острове имеется множество областей, ибо, согласно утверждениям тех, кто его видел, он очень велик; говорят, что он тянется в длину на 200 лиг. Мне же кажется, что длина его по меньшей мере 150 лиг. Какова же ширина этого острова — до сих пор никто [еще] не знает. Сорок дней назад в обход его отправилась каравела, но она до сих пор еще не возвратилась.

Земля эта редкостная — здесь бесчисленное множество больших рек, высокие горы и обширные долины; я полагаю, что травы здесь не высыхают круглый год. И я думаю, что ни здесь, ни на других островах не бывает зимы, потому что на рождество мы нашли много птичьих гнезд, в некоторых из них были птенцы, в других яйца.

Ни на этом острове, ни на другом я не встречал четвероногих, если не считать собак различных мастей, похожих на наших испанских¹⁷; хищных зверей тут нет. Тут водится зверек, который шкуркой и мастью похож на кролика, величиной он с молодого кролика, у него длинный хвост и крысиные лапки, он легко взбирается на деревья. Те, кто употребляет в пищу его мясо, говорят, что оно вкусно¹⁸.

Много здесь небольших змей. Есть также ящерицы, но они попадают не часто, так как для индейцев они такое же лакомство, как для нас фазаны. По величине они такие же, как и наши ящерицы, но по виду отличаются от испанских. Правда, на одном островке, что лежит недалеко от бухты, именуемой Монте Кристи, где мы пробыли много дней, мы однажды видели огромную ящерицу, толщиной с телянка и длиной с копье. Ее пытались пронзить копьём, нанесли много ударов, но благодаря плотной и толстой коже она спаслась и нырнула в море; поэтому так и не удалось встретиться с ней лицом к лицу¹⁹.

Есть на этом острове множество птиц — некоторые из них такие же, как наши, другие же не виданных доселе пород. Домашних птиц мы здесь не встретили. Впрочем, в Сурукиа²⁰ у индейцев имеются утки — большинство белые, как снег, но попадают и черные. Они больше наших уток, но меньше гусей.

Вдоль берега Эспаньолы мы прошли около ста лиг до места, где адмирал оставил своих людей, а расположено оно в средней части этого острова. Следуя вдоль берега области, которая называется Хамана, мы высадили одного индейца из числа увезенных адмиралом во время первого путешествия. Его отправили одетым и дали ему, по приказу адмирала, разные безделушки.

В этот день у нас умер один матрос-бискаец, раненный в стычке с теми самыми карибами, которые были захвачены нами в плен по своей оплошности. Так как мы шли невдалеке от берега, удалось выбрать подходящий момент, чтобы похоронить этого матроса на суше. Тело его отправили на берег в лодке, которую охраняли две каравелы.

К лодке вышло много индейцев, у некоторых в ушах и на шее были золотые украшения. Они хотели отправиться с моряками на корабли, но те не пожелали их взять без разрешения адмирала. Видя, что их не берут в лодку, индейцы сели в небольшое каное и подплыли к одной из каравел, сопровождавших лодку. Там их приняли весьма радушно и препро-

водили на корабль, где находился адмирал. Через толмача они сообщили адмиралу, что их послал некий король узнать, что мы за люди, и убедить нас посетить этот край, потому что у них много золота, и он обещал нам дать золото и всевозможные съестные припасы.

Адмирал велел дать им рубашки и колпаки и разные безделушки и сказал, что он спешит в места, где находится [король] Гуаканагарí *, и поэтому не может задержаться здесь, и что король сможет увидеть его в другое время. Получив этот ответ, индейцы вернулись на берег.

Нигде не останавливаясь, мы продолжали путь до бухты, названной Монте Кристи. Здесь задержались на два дня, чтобы лучше ознакомиться с особенностями этого острова, так как адмирал не считал место, где он оставил своих людей, подходящим для возведения крепости. С этой целью мы высадились на берег. Близ бухты протекала большая река с хорошей водой; берега ее затоплялись и были непригодны для заселения.

При осмотре реки и берегов моряки нашли в одном месте у самой реки два трупа. У одного на шее была петля, у другого были связаны ноги. Это случилось в первый день. На следующий день нашли несколько подальше еще два мертвых тела. Один труп был в таком состоянии, что можно было рассмотреть остатки густой бороды. Некоторые из наших людей сразу же заподозрили недоброе; и не без причины, потому что все индейцы безбороды, как я уже о том говорил. Бухта, в которой мы были, находилась в 12 лигах от того места, где были оставлены христиане. По истечении двух дней мы подняли паруса, чтобы итти к месту, где адмирал оставил людей в распоряжении короля этих индейцев по имени Гуаканагарí, который, как я думаю, является одним из знатнейших людей этого острова. В этот день мы остановились против этого места, но был уже поздний час, и из-за мелей, на которых в свое время адмирал лишился корабля, мы не решились войти в бухту до рассвета и стали дожидаться на расстоянии одной лиги от берега наступления утра, чтобы затем вступить в гавань без опасений, тщательно промерив дно.

Вечером показалось каноэ, которое шло откуда-то изда-лека в том же направлении, что и мы. В нем было пять или шесть индейцев, которые быстро пошли за нами. Адмирал решил, что безопаснее будет итти вперед на всех парусах и не дожидаться их приближения. Они же упорно следовали [за нами] и, приблизившись к кораблям на выстрел из ломбарды, остановились, чтобы осмотреться. Видя, однако, что мы не намерены дожидаться их, они повернули назад и пошли своей дорогой.

* В письме Чанки этот «король» именуется Гуакамарí.— Прим. перев.

После того, как в тот же вечер корабли стали на якорь, адмирал приказал выстрелить из двух ломбард, чтобы удостовериться, ответят ли ему христиане, оставленные с уже упомянутым Гуаканагарí, ведь они тоже имели ломбарды. Но ответа не было, и не зажглись сигнальные огни, и не видно было на берегу никаких признаков жилища. Все это весьма огорчило наших людей, и в их души закрались подозрения, которые подобный случай неизбежно должен был вызвать.

В таком удрученном состоянии провели мы четыре или пять ночных часов, а затем то же каное, что мы видели вечером, подошло к кораблям, и индейцы с громкими криками спросили у капитана каравелы, к которой подошли близко, где находится адмирал. Их направили на корабль адмирала, но на борт этого корабля они не захотели подняться, желая предварительно переговорить с адмиралом. Они попросили зажечь свет, чтобы опознать адмирала, и, только узнав его, поднялись на борт.

Один из них был двоюродным братом Гуаканагарí, сам Гуаканагарí направлял своих послов к адмиралу уже второй раз. Уже после того, как они вернулись из вечерней поездки, Гуаканагарí дал им для вручения адмиралу и одному из капитанов, участвовавшему в первом плавании, две золотые маски. Они беседовали с адмиралом в течение трех часов на глазах у всех. Выразив удовольствие от их прихода, адмирал спросил их о судьбе христиан, оставленных в этом месте. Родич Гуаканагарí ответил, что все они живут хорошо, хотя некоторые и умерли от болезней, а другие были убиты во время распри, которую они между собой затеяли. Сам же Гуаканагарí находится в другом месте и из-за раны на ноге не мог прибыть сюда. Однако он должен явиться на следующий день. На Гуаканагарí напали два других короля — Каонабò и Майрени и, придя в его земли, сожгли селение, в котором он находился.

В ту же ночь послы отправились в обратный путь, заверив адмирала, что завтра они вернутся вместе с Гуаканагарí. Таким образом, получив эти вести, мы провели остаток ночи успокоенные.

С наступлением дня мы все утро прождали прихода Гуаканагарí. Тем временем по приказу адмирала несколько человек отправились в то место, где они уже часто бывали. Они увидели, что укрепленная постройка с изгородью, где жили христиане, сожжена и разрушена, и той же участи подверглось и самое селение. Они нашли несколько плащей и кое-какую одежду, которые индейцы принесли и бросили в дом. Показавшиеся тут индейцы крались тайком и не только не решались приблизиться к христианам, но обращались в бегство. Все это были недобрые приметы; ведь адмирал говорил, что как только мы приблизимся к этим местам, навстречу

нам выйдет столько индейцев на каное, что их нельзя будет отогнать от кораблей (так оно и было во время первого путешествия). Ныне же мы заметили, что они относятся к нам с подозрительностью, и казалось это нам недобрый знаком.

Тем не менее мы обнадежили послов Гуаканагарí, которые снова прибыли к адмиралу и были доставлены на лодке к его кораблю; дали им четки и погремушки, а затем спросили об оставленных здесь христианах, на что они ответили, что все христиане умерли. То же самое мы уже знали со слов одного индейца из числа привезенных из Кастилии. Он успел перемолвиться с двумя индейцами, что побывали у корабля раньше послов и чье каное стояло у борта, но мы тогда не придали веры его словам.

Спрошен был родич Гуаканагарí: кем убиты наши люди? Он ответил, что это дело рук короля Каонабò и короля Майрени и что эти короли сожгли все в селении. Он сказал также, что много местных индейцев было ранено; сам же Гуаканагарí ранен в мышцу ноги и находится в другом месте. Сам он собирается направиться к раненому королю, чтобы призвать его сюда. Получив подарки, родич Гуаканагарí отправился к местопребыванию короля.

Весь день мы провели в ожидании, но так как никто не появлялся, то многие предположили, что индейцы, которые посетили нас, утонули на обратном пути: мы им подносили вино дважды или трижды, да и отправились они в маленьком каное, которое легко могло опрокинуться.

На следующий день адмирал и некоторые из наших людей сошли на берег и направились туда, где должно было находиться наше поселение. Мы увидели, что оно сожжено дотла, а одежда христиан разбросана по траве. Но мы не нашли ни одного трупа.

Было высказано много разных предположений. Одни полагали, что сам Гуаканагарí замешан в предательстве и умерщвлении христиан, другим это казалось невероятным, так как селение Гуаканагарí тоже было сожжено. Одним словом, все это дело казалось весьма подозрительным.

Адмирал велел перекопать всю землю в том месте, где были укрепления христиан, потому что он дал в свое время приказ зарыть в пределах крепости все золото, которое добудут оставленные здесь люди. Пока производились раскопки, адмирал пожелал отправиться в одно место, которое находилось на расстоянии лиги от сожженной крепости. Там, как нам показалось, можно было заложить укрепленный лагерь, что было делом весьма своевременным.

Оттуда мы направились осматривать морское побережье и шли до тех пор, пока не приблизились к одному селению, где было семь или восемь домов. Индейцы покинули дома, как только увидели нас, унеся с собой все, что смогли, осталь-

ное спрятали в траве, близ домов. Эти люди настолько отсталые, что им нехватает разума даже для того, чтобы выбрать место для поселения; что же касается индейцев, живущих на побережье, то прямо-таки удивительно, как дико построены их жилища: они покрыты травой так, что жилище не предохраняется от сырости; нельзя представить себе, как эти люди живут в подобных домах.

В этих домах мы нашли много вещей, принадлежавших христианам. Вещи эти, разумеется, не были приобретены индейцами при меновом торге: здесь обнаружены были очень дорогой мавританский бурнус, совершенно новый, ни разу не надетый с тех пор, как он взят был из Кастилии, куски и штуки тканей, якорь, который адмирал потерял здесь в первом путешествии, и другие предметы. Все это подтвердило наши подозрения.

И там же, продолжая поиски спрятанных индейцами вещей, мы нашли в корзинке, сплетенной очень красиво и тщательно, хорошо сохранившуюся человеческую голову. Мы решили, что это голова отца, матери или другой особы, чью память здесь очень чтут. Впоследствии я слышал, что таких голов находили великое множество, и потому считаю, что мы правильно судили об этом.

Из этого селения мы вернулись в городок и застали там толпу индейцев, которые к тому времени уже успокоились и явились с золотом для менового торга. Было приобретено золота на целую марку.

Индейцы показали нам место, где лежали одиннадцать мертвых христиан, тела которых уже поросли травой. Все индейцы в один голос утверждали, что христиан убили Каонабó и Майрени. В то же время они жаловались на христиан, говоря, что один из них взял себе трех жен, другой четырех. Отсюда мы заключили, что источником всего зла была ревность. Утром следующего дня адмирал решил послать каравелу на поиски места для сооружения крепости, ибо в этой стороне не было подходящего для этой цели участка. Сам же он вместе с оставшимися при нем людьми отправился в другую сторону, где мы обнаружили хорошо защищенную бухту и местность, чрезвычайно удобную для поселения; но так как эта бухта расположена была на большом расстоянии от того места, где нам хотелось бы укрепиться и где находились золотые рудники, то адмирал решил обосноваться не здесь, а в другом месте, более удобном, если оно окажется для этой цели подходящим.

Когда мы пришли в это место, то застали там каравелу, отправленную на поиски в другом направлении. На этой каравеле находился Мельчор Мальдонадо и трое или четверо знатных людей. Когда они шли вдоль берега, навстречу им попалося каноэ с двумя индейцами, и один из них был брат

Гуаканагарі, которого узнал кормчий этой каравелы. Этот индеец спросил, кто плывет на каравеле. Когда ему ответили, что там находятся знатные люди, он сказал, что Гуаканагарі просит их посетить землю, где находится его селение, насчитывающее до пятидесяти домов.

Упомянутые знатные особы отправились на лодке к Гуаканагарі и застали его в постели, страдающего от раны. Они беседовали с ними и расспрашивали его о судьбе христиан. Гуаканагарі ответил им в том же духе, как и другие индейцы, а именно, что христиан убили Каонабд и Майрени и что сам он был ранен в мышцу, и показал при этом перевязанную ногу. Всем, кто был там, показалось тогда, что Гуаканагарі говорит правду.

На прощанье он дал каждому из гостей по золотому украшению, и каждый получил то, что, по мнению Гуаканагарі, соответствовало его сану. Золото они обрабатывают в форме тонких листов, поскольку оно употребляется ими для масок, а чтобы сделать такую маску, они помещают золото в особый смолистый состав; в противном случае оно было бы непригодно для этой цели. Золотые изделия они изготавливают также для того, чтобы носить на голове или подвешивать к носу и ушам. А для этой цели требуется золото в тонких листах, ибо для них золото не сокровище, а средство украшения.

Гуаканагарі знаками и иными доступными способами объяснил, что он хотел бы повидать адмирала, ибо сам он из-за ранения не может явиться к нему. Все это передали адмиралу, как только он появился.

На другой день утром адмирал решил отправиться в то место, [где находился Гуаканагарі]. Мы могли притти туда за три часа, так как от бухты, где мы стояли, место это находилось менее чем в трех лигах, но так как время прибытия должно было совпасть с обеденным часом, то мы пообедали до высадки, и затем адмирал приказал всем капитанам отправиться на лодках к берегу. Этим утром, прежде чем мы вышли из бухты, где была наша стоянка, прибыл к адмиралу уже упомянутый родич Гуаканагарі — его двоюродный брат, торопя с выходом кораблей, дабы мы скорее попали к Гуаканагарі.

Адмирал, а с ним и все наши именитые люди направились к Гуаканагарі, наряженные так, что не зазорно было бы появиться им в таком виде в любом крупном городе. Адмирал захватил с собой различные вещи в подарок Гуаканагарі, потому что уже получил от него некоторое количество золота, и следовало отблагодарить его за проявленную им заботу и добрую волю. Гуаканагарі, в свою очередь, приготовил уже подарок адмиралу.

Приблизившись к месту, где находился Гуаканагарі, мы увидели его лежащим в постели. Постель же эта, или койка,

устроена была, как это принято у индейцев, из сетки, висящей в воздухе и сплетенной из хлопковой пряжи. Он не поднялся с постели но соорудил вежливую мину, казавшуюся ему наилучшей, и проявил много чувства, когда со слезами на глазах говорил о погибших христианах. При этом он в самом начале своей речи постарался возможно убедительнее заверить нас, что часть христиан умерла от болезни, другие же, отправившись на поиски золотого рудника в страну Каонабò, были там убиты, остальных перебили индейцы Каонабò в самом городке, где жили христиане. Судя по состоянию трупов, это должно было случиться менее чем за два месяца до нашего прихода сюда.

Тут же Гуаканагарí преподнес адмиралу золота на 8½ марок, и пять или шесть сотен округлых камешков различных цветов, и шапку, украшенную этими же камешками. А такие камни, как я думаю, имеются у них в изобилии. На шапке было драгоценное украшение, к которому Гуаканагарí, передавая дар, отнесся, как к весьма почитаемому предмету.

Как мне кажется, они имеют больше меди, чем золота.

При всем этом присутствовали я и лекарь флотилии. Адмирал сказал Гуаканагарí, что мы весьма сведущи во врачевании различных людских недугов, а потому Гуаканагарí следует показать нам рану, которую он получил. Тот ответил, что охотно даст осмотреть рану. Я же заметил, что для этого Гуаканагарí, если только он в состоянии это сделать, должен выйти из дома, потому что в помещении из-за множества находящихся там людей было так темно, что ничего нельзя было толком разглядеть. Он вышел с посторонней помощью, но поступил так скорее из страха, чем по доброй воле.

После того, как Гуаканагарí сел, к нему подошел лекарь и стал развязывать рану. Гуаканагарí сказал адмиралу, что рана эта панесена «сибой», т. е. камнем.

После того, как повязка была снята, мы осмотрели ногу. Разумеется, в перевязанной ноге Гуаканагарí испытывал боль не большую, чем в другой, здоровой, хоть и притворялся, что нога причиняет ему страдания. В этом деле трудно было, конечно, разобраться, не зная подлинных причин поведения Гуаканагарí. Однако некоторые обстоятельства явным образом указывали на враждебное отношение к нам со стороны этих людей. Поэтому адмирал не знал, как ему поступить, но и ему, как и многим другим, казалось более уместным не обнаруживать своих подозрений до той поры, пока не откроется правда, поскольку только после этого окажется возможным потребовать от Гуаканагарí надлежащее возмещение.

Перед вечером Гуаканагарí вместе с адмиралом направился к кораблям. Ему показали лошадей, и он немало дивился им, как чему-то неведомому и необыкновенному. Он поужинал на корабле, а затем вернулся к себе домой. Адми-

рал сказал ему, что желает поселиться здесь и построить дома. На это Гуаканагарí ответил, что его радует это решение, но что местность эта сырая и нездоровая. И так оно и было в действительности.

Беседа велась с помощью двух толмачей-индейцев, из числа тех, что побывали в Кастилии. Это были единственные оставшиеся в живых индейцы из той семерки, которую взяли при выходе из Кадиса. Пятеро умерли в пути, эти же двое еле избегли смерти. Весь следующий день мы стояли на якоре. Гуаканагарí пожелал узнать, когда адмирал покинет это место. Адмирал приказал передать ему, что он отправится в путь на следующий день. В этот же день на корабль пришел упомянутый брат Гуаканагарí, а с ним и другие индейцы, и принесли золота на обмен, так что в день отъезда мы приобрели немало золота путем мены.

На корабле находилось десять женщин из числа захваченных на островах Кариби, большинство с Борикена. Брат Гуаканагарí разговаривал с ними. Мы полагаем, что [именно он] и посоветовал им предпринять то, что ночью они и сделали: когда всех объял первый сон, они незаметно бросились в воду и уплыли на берег, а когда их хватились, они успели уже добраться до суши и нашим лодкам удалось выловить только четырех женщин, как раз в то время, когда они выходили из воды. Плыть же им пришлось более полулиги.

Утром следующего дня адмирал послал передать Гуаканагарí, чтобы он возвратил женщин, бежавших ночью, и принялся тотчас же за поиски их. Но когда наши люди вступили в селение, они убедились, что оно опустело: там не осталось ни живой души. Многие нашли в этом подтверждение своим подозрениям, другие же полагали, что индейцы, как это у них водится, просто перешли в другое селение.

Весь день мы простояли на месте — противные ветры мешали нашей отправке. На другой день противный ветер удерживался, и адмирал поутру решил отправиться на лодках вдоль берега обследовать бухту, лежащую выше, на расстоянии двух лиг, желая узнать, удобны ли ее берега для основания поселения. Туда мы направились на всех имеющихся во флотилии лодках, оставив корабли в бухте. Мы прошли вдоль всего берега и убедились, что и тут индейцы не доверяют нам. Из одного селения, куда мы зашли, бежали все жители. Осматривая это селение, мы обнаружили близ него спрятавшегося в лесу индейца, раненного палицей в спину, вследствие чего он не мог далеко убежать.

Жители этого острова сражаются при помощи заостренных палиц, кидая их из пращей, подобно тому, как это делают мальчишки в Кастилии, которые мечут маленькие палочки и при этом попадают в цель на большом расстоянии. Несомненно, этим оружием можно нанести достаточный урон людям без-

оружным. Индеец сказал нам, что он ранен Каонабб и его людьми, которые также сожгли дом Гуаканагарй. Таким образом, плохо понимая индейцев, мы все были настолько сбиты с толку их двусмысленными сообщениями, что до сих пор не в состоянии постичь подлинную причину гибели наших людей.

В бухте, куда мы заходили, не удалось найти достаточно здорового места для поселения. Адмирал решил возвратиться к тому берегу острова, к которому мы причалили, когда шли сюда из Кастилии, потому что, по слухам, именно там было золото.

Все время дули противные ветры, и поэтому нас гораздо больше измучил путь в тридцать лиг, который мы прошли в обратном направлении, чем переход от Кастилии к этому острову. Ведь целых три месяца мы затратили на этот переход при противных ветрах, прежде чем высадились вновь на берег. Богу угодно было, чтобы из-за противных ветров, которые не позволили нам плыть дальше, нам удалось найти место, лучшее по своему положению из всех, какие можно было только выбрать, где была и хорошая гавань, и богатая рыбная ловля, а в рыбе мы испытывали большую нужду из-за нехватки мяса. Рыба здесь особенная, более питательная, чем в Испании. Правда, здешний климат жаркий и влажный, не позволяющий хранить рыбу до второго дня; мясные и рыбные продукты здесь быстро портятся. Земля здесь очень богатая. Тут протекает большая река и вблизи нее другая, немалой величины, с превосходной водой. На берегу одной реки строится город Марта²¹. Часть города окружена водой, текущей в ущелье с обрывистыми берегами, так что для защиты его не требуется никаких укреплений, другая часть города окаймлена таким густым лесом, что вряд ли даже кролик сможет пробраться через него. Лес этот такой зеленый, что никакому огню не спалить его. Уже начаты работы по отводу канала. Наши мастера говорят, что проведут его через город и построят на нем водяные мельницы, лесопилки и все то, что может работать с помощью воды. Посеяли много всевозможных полезных растений, и истинная правда, что они прибавляются в росте за восемь дней больше, чем в Испании за двадцать.

Сюда постоянно приходят индейцы, а с ними и их касики, которые у них считаются начальниками, а также много индианок. Все они приходят нагруженные «ахе»; превосходный плод этот похож на нашу репу, и из него мы готовим здесь множество самых разнообразных блюд. Нас очень утешало это кушанье, и после стольких неслыханных лишений, которые мы претерпели, плавая по морям, оно оказалось тем более необходимым, что мы не знали, какая погода и какие ветры нас ожидают впереди и сколько времени господь задержит нас в пути. Мы поступили разумно, урезывая выдачу пищи,

потому что благодаря этому нам удалось в течение всего этого времени сохранить жизнь.

Золото и съестные припасы и всё, что приносят индейцы, они выменивают на наконечники поясов, четки, булавки, осколки разбитых чашек и блюдца. «Ахе» карибы называют «наби», а индейцы «хахе».

Все эти люди ходят (об этом уже говорилось раньше), в чем мать родила. Только женщины прикрывают стыд передниками, и у одних они состоят из куска хлопчатой ткани, связанного на бедрах, у других — из трав и древесных листьев. У мужчин и женщин нет лучшего украшения, чем яркая раскраска. Одни раскрашивают себя черной, другие белой или красной краской, и оттого у них такие рожи, что смех разбирает, когда глядишь на них. Головы у них в некоторых местах бритые, в других украшены такими замысловатыми пучками, что и описать невозможно. Одним словом, все, чем в нашей Испании могла бы быть украшена голова умалишенного, у этих людей в величайшей чести.

Мы находимся сейчас в местности, где много золотых рудников, и, судя по тому, что говорят индейцы, эти рудники лежат не дальше, чем в 20—25 лигах от нас. Одни говорят, что они расположены в Нити, где правит тот самый Каонабб, который убил христиан; другие же называют местность, которая находится в другой стороне и называется Сибоа. Эти рудники, если будет на то господня воля, мы найдем и осмотрим через несколько дней, так как теперь все мы только и заняты, что заготовкой припасов, да и то людей нехватает, ибо за три-четыре дня захворала третья часть их, и я думаю, что главные причины недуга — это напряженный труд и перемена местожительства. Но уповаю на бога и верю, что все недужные вновь обретут здоровье. Судя по всему, эти люди [индейцы] все обратятся в христианство, как только мы научимся понимать друг друга; они подражают нам во всем, и так же, как и мы, становятся на колени перед алтарем и повторяют слова «Ave Maria» и совершают церковные обряды, крестятся и твердят, что желают стать христианами, хотя теперь они настоящие идолопоклонники, потому что в своих домах хранят изображения самых различных видов. Когда я спросил их, что это за изображения, они отвечали мне, что то «турей», — турей же на их языке означает небо. Я сделал движение, как будто собирался бросить их идолов в огонь, но этим причинил им такое горе, что довел их до слез. Они думают, что все, что мы приносим им, имеет небесное происхождение, и поэтому называют наши вещи «турей», т. е. небо.

День, в который я первый раз ночевал на суше, был первым днем господа нашего. То малое время, что мы провели на этой земле, затрачено было скорее для приведения в порядок места для поселения и на поиски всего необходимого

для жизни, чем на ознакомление с богатствами здешней страны. Но хоть и немного пришлось нам увидеть, все же то, что мы нашли и встретили здесь, вызывает немалое удивление.

Мы видели деревья, которые дают шерсть и довольно толстую, так что сведущие в ткацком деле говорят, что из этой шерсти можно изготавливать хорошие ткани. И этих деревьев так много, что шерстью можно грузить каравелы, хотя нелегко собирать ее, потому что на этих деревьях много колючек; но можно найти средства для того, чтобы облегчить сбор шерсти. Здесь множество хлопка на вечнозеленых деревьях, высотой не уступающих персиковым.

Есть также деревья, дающие воск, и этот воск обладает приятным запахом и цветом и горит так же хорошо, как пчелиный, мало чем отличаясь от него. Немало имеется тут деревьев, дающих терпентин редкостного качества и очень чистый. Тут много смолы точно так же очень хорошего качества.

Есть деревья, которые, как я полагаю, в пору созревания плодов несут мускатные орехи. Сейчас они без плодов, но кора их обладает таким же запахом, как и кора мускатного дерева.

На шее у одного индейца я видел имбирный корень. Немало тут, кроме того, алоэ, и хотя здешние его породы отличаются от наших, я полагаю, что они относятся именно к тем видам, которыми мы, лекари, пользуемся при врачевании. Найдена также была корица. Правда, она не так хороша, как та, что у нас в Испании. Мы не знаем, чем объясняется подобное различие — быть может, она была собрана здесь не в должное время, быть может, она хуже из-за свойств почвы.

Найден был также плод желтого мирроносного дерева (Mirabolan). Он лежал под деревом, в сырости, ибо земля здесь очень сырая, и начал гнить. Плоды эти горьки на вкус, и, думаю я, потому, что они подгнили, но во всем остальном они таковы, как настоящие плоды мирроносного дерева. Есть здесь также благовонная смола²².

На этих островах все люди, которых нам приходилось встречать, до сих пор не имеют железа. Но у них много различных орудий [труда], например, топоры и секиры, сделанные из камня так тонко и умело, что приходится удивляться, как эти люди могут их изготавливать без железа.

Питаются они хлебом, приготовляемым из корней растения, которое является чем-то средним между травой и деревом, и из «ахе», о котором я уже говорил, что оно похоже на репу и представляет собою превосходную пищу. В качестве приправы и как пряность индейцы употребляют «ахи»²³ — растение, которое они едят с рыбой и птицей; птиц же здесь множество и самых разнообразных пород. Они также употребляют плоды, похожие на орехи, очень приятные на вкус.

Они едят змей, ящериц, пауков и любых червей, которых можно найти в земле. Именно поэтому мне кажется, что нахо-

дятся они в более диком состоянии, чем любое животное в мире.

После того как адмирал твердо решил отложить поиски золотых рудников до той поры, пока не будут отправлены корабли, предназначенные для возвращения в Кастилию (так как многие наши люди страдали от болезней), он послал вглубь страны две партии, во главе которых поставлены были капитаны: одна направилась в Сибао, другая — в Нити, где находился тот самый Каонабо, о котором я уже говорил. Одна из них вернулась в двадцатый день января, другая в двадцать первый день того же месяца.

Капитан, побывавший в Сибао, нашел золото в столь многих местах, что невозможно об этом передать человеческими словами. Золото было найдено более чем в пятидесяти ручьях и реках, немало нашли его и на суше. Во всей этой области, как говорил капитан, где захочешь, там и найдешь золото. Он принес много образцов, и были среди них извлеченные из речных песков и из ручьев, что текут на той земле. Можно думать, что, когда мы перекопаем землю так, как мы это умеем делать, то найдем еще большие куски золота. Индейцы же не знают, каким образом можно рыть землю на большую глубину; они только и могут, что вскопать ее не более чем на четверть вглубь.

Второй капитан, побывавший в Нити, принес вести, что в том краю много золота имеется в трех или четырех местах, и также принес образцы²⁴. Таким образом, нет сомнения в том, что короли, наши государи, отныне могут считать себя самыми богатыми владыками на свете, потому что до сих пор ничего подобного люди не видывали и об этом не читали.

И, разумеется, когда корабли во второй раз будут отправляться в Кастилию, они смогут забрать с собою такое количество золота, которое приведет в изумление всякого, кто об этом узнает.

На этом, мне кажется, будет уместно прервать мой рассказ. Полагаю, что тот, кто меня не знает, проведая обо всем том, что здесь написано, сочтет меня человеком многословным и склонным к преувеличениям. Но — бог свидетель — я ни на иоту не уклонился от истины.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в сборнике Hakluyt Society, v. 65, Select documents illustrating the four voyages of C. Columbus, v. I, p. 20—73, London, 1929.]

КОММЕНТАРИИ К «ПИСЬМУ ДОКТОРА ЧАНКА»

Лекарь второй экспедиции Колумба Диего Альварес Чанка в своем письме описал наиболее знаменательные события второго путешествия. Его письмо содержит существенные этнографические сведения об индейцах новооткрытых земель. Письмо впервые было опубликовано Наваррете в его *Colecti6n de los viajes...* Наваррете опубликовал копию этого документа (оригинал его утерян), обнаруженную в собрании документов середины XVI ст., составленном монахом Антонио де Аспой.

1. Остров Иерро находится на 18° з. д. Доминика, первая земля, замеченная спутниками Колумба во втором плавании, расположена на 61°20' з. д. Оценки расстояния, пройденного кораблями, близки к истине.

2. Остров Доминика. Назван так потому, что открыт был в воскресенье (по-испански *dominica* — воскресенье).

3. Остров Мария Галанте. Получил наименование по флагманскому кораблю экспедиции «Санта Мария Галанте». См. комментарий 3 к «Дневнику второго путешествия».

4. Речь идет о плодах манганилового дерева. Карибы ядовитым соком манганиловых плодов смачивали наконечники стрел.

5. Остров Гвадалупе.

6. Водонад на р. Карбет, истоки которой лежат на горе Ла Суффриер, на высоте 1484 м.

7. Турукайра — Гвадалупе, Сейре — Доминика, Айай—Мария Галанте.

8. В субботу 10 ноября. Остров, расположенный в 12 лигах от Гвадалупе, назван был Колумбом Монтсеррат — по имени горы в окрестностях Барселоны, на которой расположен известный монастырь.

9. Санта Мария де Редонда (Санта Мария Круглая) назван так потому, что имеет форму почти правильного круга.

10. Санта Мария де Антигуа.

11. Сан Мартин.

12. Кайре, или Сейре — местное название острова Доминика. Золота на острове этом нет.

13. Остров Санта Крус (открыт 14 ноября 1493 года).

14. Группу этих островов Колумб назвал островами Одиннадцати тысяч дев (Виргинские; по-испански дева — *virgen*).

15. Остров Пуэрто Рико. Назван Колумбом островом Сан Хуан.

16. Гаити (Хаити) — «Остров холмов» и Бохио — «Страна селений» — индейские обозначения всего острова Эспаньола. Лас Касас подразделяет остров на пять «королевств» — Марьен (Бохио д-ра Чанка), Магуа, Магуана, Харагуа и Игуей. Шамана, или Хамана, или Самана, упоминаемая в этом документе, была частью области Вега Реаль на севере Эспаньолы. Первая область Эспаньолы, до которой дошли в этом плавании корабли Колумба, был округ Игуей — самая восточная часть острова.

17. Овьедо в «Истории Индий» дает подробное описание «собак», которые водились на Эспаньоле в эпоху ее открытия. В отличие от своих европейских сородичей, они не умели лаять. Шерсть у этих «собак» была грубая, короткая, очень жесткая. Эти животные были приручены индейцами. С приходом испанцев началось систематическое уничтожение «собак». Уже в исходе первой четверти XVI столетия исчезли последние представители этого вида.

18. Имеются в виду агути (*Dasyprocta aguti*) — грызуны с длинной остроносой головой, маленькими округленными ушами, голым хвостиком и задними конечностями, значительно более длинными, чем передние. Агути водятся в Карибской Америке, Бразилии и Перу.

19. По всей вероятности это был аллигатор.

20. Неизвестно, какой пункт острова Эспаньолы фигурирует под названием Сурукиа, — вероятно, какая-то местность в округе Харагуа.

21. Место, выбранное для постройки города, находилось в 10 лигах к востоку от Монте Кристи в бухте Пуэрто де лас Грасиас. Город назван был не Мартой, как указывает Чанка, а Изабеллой, в честь кастильской королевы. Два года спустя резиденция Колумба была перенесена во вновь основанный город Санто-Доминго, которому суждено было стать на долгое время главным административным центром Эспаньолы.

22. Деревья, дающие шерсть, вероятно, *Seiba perandra*, «восковые деревья», — это так называемый «свечной мирт» — *Murica cerifera*, а терпентиновую смолу выделяют «терпентиновые деревья» *Bursera simaruba* Sarg. Видимо и «благовонные смолы» давали деревья этого вида. Алоэ на Эспаньоле не произрастало.

Должно быть, спутникам Колумба встретилась американская агава. Точно так же не было на Эспаньоле и мирроносных деревьев и деревьев, дающих мускатные орехи.

23. Ахи, или испанский перец (*Capsicum annuum* L., *C. baccatum* L.), единственный вид пряностей, который встречался в эпоху открытия Америки на Антильских островах. Разновидностью ахи является кайенский перец.

24. Колумб послал две партии на поиски золота. Во главе первой из упомянутых у доктора Чанки поставлен был Алонсо де Охеда, человек, имя которого часто встречается в летописях великих открытий и конкисты. Второй партией командовал Хинес де Горвалан, вернувшийся в 1494 г. в Испанию с кораблями Антонио де Торреса. Несомненно, сообщения Охеды о бесчисленных золотых россыпях внутри страны были преувеличены, что не помешало, однако, Колумбу, заинтересованному в активной поддержке своего предприятия короной, подтвердить эти сообщения в мемориале, отправленном через Торреса Изабелле и Фердинанду.

ОТРЫВОК * ИЗ «ИСТОРИИ
КАТОЛИЧЕСКИХ
КОРОЛЕЙ»¹

[ОТКРЫТИЕ ЮЖНОГО БЕРЕГА
КУБЫ И ЯМАЙКИ]

д м и р а л отправился открывать материковую землю Индий в двадцать четвертый день апреля месяца 1494 года и оставил в городе, в качестве правителей, своего брата² и монаха по имени Бениль³, распорядившись, что каждому из них надлежало делать.

Он вышел в трех каравелах с косыми парусами⁴ и, спустя короткое время, прибыл в исключительно удобную гавань Сан Николао, расположенную на том же острове Эспаньоле, неподалеку от мыса Альфы и Омеги, что на Хуане [Кубе]. Хуану адмирал считал островом, в действительности же она — материковая земля, край и предел Индий на востоке. Направившись к этому мысу, адмирал достиг его, но не проследовал вдоль северного берега [Хуаны], как это имело место в первом плавании, а пошел на запад, придерживаясь южного берега⁵.

И северный и южный берега простираются в западном направлении, причем южный берег постепенно отклоняется от северного полюса, а северный приближается к нему, ибо земля [Хуана], суживаясь на востоке, далее, к западу, расширяется и уходит на север.

Таким образом, адмирал, следуя с востока и оставив землю Хуаны по правую руку, двинулся в путь, предполагая обогнуть ее, а затем отправиться дальше, чтобы увидеть предмет своих желаний, а желал он отыскать область и город Катай. Он утверждал, что Катай — владение великого хана и что найти эту страну можно в той стороне, [куда он направился].

* Главы 123—131.

Это — богатейший край на свете, о чем можно прочесть у Хуана де Мандевиля⁶ и других, видевших эту страну; золото и серебро там имеются в величайшем изобилии, так же как и всяческие металлы и шелк. Но все жители Катая — язычники и чернокнижники, люди тонкого ума, сведущие во всех ремеслах, и рыцарственные. О них написано многое, достойное удивления, судя по рассказу благородного английского кавалера Хуана де Мандевиля, который поехал туда, видел великого хана и некоторое время пробыл в его владениях. А кто пожелает доподлинно узнать все это, пусть прочтет о том в его книге, в 85, 87 и 88-й главах, и он убедится, что город Катай очень богат и знаменит и что вся область называется так же. А город Катай и область Катай — это часть Азии, что лежит поблизости от земель пресвитера Иоанна Индийского⁷, в той стороне, которая господствует на севере и к северу обращена. И именно поэтому адмирал искал ее на севере.

Итак, потребовалось немало времени, чтобы найти эту страну, потому что великий хан в древности был властелином татар. А великая Татария находится на окраинах Руси и Бахии⁸, и мы можем сказать, что великая Татария начинается от Венгрии и что если смотреть из Андалузии, земли ее будут располагаться в том направлении, где восходит солнце в месяце с наиболее долгими днями в году, и таким путем (на восток) обычно ходят в ту землю купцы.

Я полагаю, что в том направлении, которым он следовал, адмирал не смог бы дойти до Катая, даже если бы он прошел еще 1 200 лиг разными морями и землями.

Я говорил ему, убеждая его в том еще в 1496 году, когда адмирал возвратился в Кастилию впервые после того, как он отправился открывать [новые земли]. И тогда, будучи моим гостем, он мне передал в присутствии сеньора дона Хуана де Фонсеки некоторые свои записи, из коих я извлек [эти сведения], сличив их с другими записями, сделанными рукой почтенного сеньора доктора Анка или Очанка⁹, и свидетельствами других знатных кавалеров, которые сопутствовали адмиралу в упомянутых уже плаваниях и описывали все, что видели. И я из всего этого почерпнул необходимые сведения и написал об Индиях, ибо чудесны и ни с чем несравнимы деяния, которыми господь бог прославил благословенное царствование короля дона Фердинанда и королевы Изабеллы, его первой супруги.

Итак, полагая, что Хуана — остров, адмирал прошел большое расстояние вдоль берега этой земли. Он расспрашивал индейцев, остров ли Хуана или материковая земля. Но будучи людьми дикими и считая, что весь мир — остров, и не зная также, что такое материк, и не имея ни письменности, ни древних преданий, не ведая никаких других удовольствий, кроме

пищи и женщин, они говорили адмиралу, что Хуана — остров, хотя находились и такие, которые утверждали, что хотя Хуана остров, но его и за сорок лун нельзя пройти из конца в конец. И по мере того как адмирал продвигался вдоль берега, все дальше и дальше к югу уводила его земля.

Сообразно с этим адмирал решил покинуть Хуану и направиться сперва на запад, а затем на север, где он думал найти знатный город и богатейший край Китая.

Поэтому необходимость заставила его направиться новым путем, который уводил его дальше от земли, и на этом пути он открыл остров Ямайку, после чего снова вернулся к Хуане. 70 дней он шел вдоль берега материковой земли до тех пор, пока не подошел на близкое расстояние к Золотому Херсонесу¹⁰.

Тут он повернул обратно, опасаясь изменения погоды, длительного плавания и нехватки припасов.

Адмиралу пришло на ум, что если бы счастье ему благоприятствовало, он бы попытался возвратиться в Испанию восточным путем, достигнув Ганга и оттуда проследовав через Аравийский залив в Эфиопию. Из Эфиопии уже сушей можно было пройти к Иерусалиму, из Иерусалима в Яффу, а в Яффе сесть на корабль и, перейдя Средиземное море, прибыть в Кадис. Этим путем можно было бы совершить подобное путешествие, но переход по суше чреват опасностями из-за мавров, которые населяют земли между Эфиопией и Иерусалимом.

Впрочем, адмирал мог бы идти и морем и от тех мест, где он находился, до Каликута — города, открытого португальцами, — и чтобы, не передвигаясь по суше, все время следовать водою, он должен был, в этом случае, возвратиться тем же морем-океаном, вокруг Ливии — земли негров, по пути, которым ходят португальцы с пряностями Каликута.

Достаточно сказать, однако, что адмирал, пройдя от мыса Альфы и Омеги в этом плавании 322 лиги, по 4 мили каждая, как то принято считать на море, возвратился тем же путем, которым он шел. На мысе Альфы и Омеги, что лежит в начале земли Хуаны, он водрузил кресты, приняв эту землю во владение от имени их высочеств¹¹. И так и следовало поступить, ибо то были последний мыс и последняя гавань на крайней оконечности материка. На западе же таким пунктом является мыс Сан Висенте, в Португалии, и между этими двумя мысами живет все население мира, так что всякий, кто отправится сушей от мыса Сан Висенте, может дойти до мыса Альфы и Омеги, нигде не пересекая моря-океана. И точно так же тот, кому поможет в его путешествии бог, доберется по материку, следуя в противоположном направлении от мыса Альфы и Омеги до Сан Висенте.

Возвращаясь к более подробному описанию островов, земель и морей, которые открыл адмирал в этом путешествии,

упомянем, что он шел морем, оставляя по правую руку материковую землю, вплоть до замечательнейшей гавани, которую он назвал «Большой Гаванью» (Puerto Grande).

В той стороне деревья и травы приносят плоды дважды в год. Это известно, и правдивость этого доказана, а тончайший аромат, который распространяют эти травы и деревья, разносится в море на большом расстоянии от берега.

На берегах этой бухты нет поселений, но когда в нее вошли, то увидели по правую руку много огней, совсем близко от берега, собаку и две постели. Людей, однако, здесь не было.

Высадившись на землю, нашли более четырех кинталов ¹² жареной рыбы, четырех кроликов и двух змей. Тут же поблизости много змей было найдено под деревьями, у самых корней. Змей же здесь множество, и ничего более отвратительного и безобразного человеческие глаза еще не видели. У этих змей узкие пасти, а цветом они напоминают сухое дерево. Кожа у них сморщенная, особенно на голове, и складками ниспадает на глаза. Они ядовитые и страшные и покрыты очень твердой чешуей, похожей на рыбу. От головы до кончика хвоста тянутся у них посреди спины острые, как грани алмаза, высокие и уродливые шипы — выступы чешуи.

Адмирал приказал наловить рыбы, чтобы люди получили свежую пищу. Затем, во время осмотра бухты, моряки увидели с лодки на вершине одного холма толпу нагих, по тамошнему обычаю, индейцев. Когда им дали знак приблизиться, подошел один человек, и с ним заговорил индеец из числа тех, что побывали с адмиралом в Кастилии. Адмирал держал его в качестве толмача, потому что он уже достаточно понимал кастильский язык. Чужой индеец говорил с вершины скалы. Он успокоился, как только понял, о чем говорил ему индеец-толмач, и позвал других, а было их около семидесяти. Они сказали, что охотились в этих местах по повелению своего касика, делая приготовления к празднику.

Адмирал приказал дать этим индейцам погремушки и другие безделушки и поручил передать им извинения за то, что он взял у них рыбу, добавив при этом, что, кроме рыбы, ничего больше не было взято.

Индейцы весьма обрадовались, узнав, что у них не были взяты змеи, и ответили, что потеря рыбы их не беспокоит, так как ночью они собираются рыбачить.

На следующий день адмирал еще до восхода солнца отправился из бухты и проследовал вдоль берега к западу. Видно было, что земля была густо населена и прекрасна. Жители ее, заметив столь необычные корабли, толпами выбегали на берег. Были среди них и малые дети, и взрослые индейцы, и приносили они с собой хлеб и разную пищу. Они показывали хлеб и тыквы с водой и кричали: «Ешьте, пейте это! О люди,

пришедшие с неба!» Индейцы просили моряков высадиться на берег и посетить их жилища, и с этой целью многие из них подошли на своих каное к кораблям.

Адмирал продолжал плавание, пока не дошел до одного залива, на берегу которого было множество селений. И такие были здесь земли и поля, что казались они прекраснейшим в мире садом. Страна же эта была высокая и гористая. Тут корабли стали на якорь, и тотчас же пришли люди из этой местности и принесли хлеб, воду и рыбу. На следующий же день на рассвете адмирал отправился дальше и, дойдя до одного мыса, решил переменить избранный им курс и покинуть берега этой земли, и корабли поплыли на юг в поисках острова Ямайки.

Прошло два дня и две ночи, и с добрым попутным ветром корабли приблизились к Ямайке и подошли к средней ее части. Была же Ямайка прекраснее всего, что человеческие очи до сих пор видели. Она не гориста, но кажется, будто земли ее поднимаются к небу; по величине она больше Сицилии¹³ и в окружности имеет 800 лиг — я имею в виду мили* — и много на этом острове долин, полей и равнин. Он в высшей степени удобен для обороны и населен сверх всякой меры: повсеместно вдоль берега и в глубине острова имеется множество поселений, и притом очень больших и расположенных на близком расстоянии одно от другого (не более 4 лиг).

У жителей Ямайки больше каное, чем у индейцев других островов, и при этом по величине они превосходят все каное, которые нашим людям приходилось видеть раньше. А делается каное, как уже говорилось, из цельного древесного ствола; каждый касик в той стороне имеет одно большое каное, и он хвалится им на манер нашего знатного кавальера, который гордится, имея большой и красивый корабль. Нос и корма каное украшены на диво изящными узорами и рисунками. Одно из больших каное, измеренных адмиралом, оказалось 96 футов в длину и 8 футов в ширину.

Когда адмирал приблизился к берегу Ямайки, навстречу ему вышло по крайней мере 70 каное, переполненных вооруженными людьми. Индейцы отделились от берега на расстояние одной лиги. Казалось, что они находятся в боевой готовности. Но адмирал со своими тремя каравелами и людьми, не обращая внимания на индейцев, продолжал продвигаться к берегу, и когда индейцы увидели это, они испугались и обратились в бегство. Адмирал же, с помощью своего толмача, вступил с индейцами в переговоры, и они выслали вперед одно каное, которое и подошло к кораблям. Он роздал индейцам

* Колумб при оценке расстояний, пройденных в пути, применял счет по лигам; однако в XV столетии в Испании под лигой подразумевались дистанции различной протяженности. Сухопутная лига равна была одной миле (1481 м), морская лига — 4 милям.— *Прим. перев.*

одежду и множество других вещей, которые у них необычайно высоко ценятся, и разрешил им уйти.

Затем он направился дальше и бросил якорь в месте, которое им названо было Санта Глория [Святая Слава], ибо в высшей степени прекрасна была эта славная земля; ни сады Валенсии, ни иные места не могут сравниться с ней по красоте. И такова вся эта страна. В этом месте провели ночь.

На другой день на рассвете отправились на поиски укрытой бухты для починки кораблей. Пройдя на запад четыре лиги, нашли замечательную бухту, и адмирал отправил для осмотра прохода в нее людей на лодке. Навстречу ей вышли два каное с индейцами, которые стали кидать в наших людей дротики. Но индейцы бежали, как только им было оказано сопротивление, причем далеко не так быстро, чтобы не быть наказанными.

Адмирал вошел в бухту и бросил там якорь. На берегах ее наши люди увидели столько индейцев, что, казалось, будто вся земля покрыта ими. Они раскрашены были в разные цвета, но большею частью в черный цвет, и все до одного нагие, по своему обычаю. На голове они носили султаны из перьев самого различного вида. Грудь и живот покрыты были пальмовыми листьями. Они оглашали воздух криками, подобных которым не услышать в целом свете, и кидали дротики, не долетавшие, однако, до кораблей.

На кораблях нуждались в воде и дровах. Да и, кроме того, необходимо было провести ремонтные работы. И поэтому адмирал решил, что было бы неразумно оставить безнаказанной дерзость, проявленную индейцами, чтобы на подобное в другой раз они не отважились. Он приказал снарядить в бой все три корабельные лодки, потому что каравелы из-за мелей не могли добраться до того места, где находились индейцы. Чтобы ознакомить этих индейцев с кастильским оружием, наши люди на лодках подошли вплотную к берегу и выстрелили в них из арбалетов. И когда им хорошенько задали, их обуял страх. А люди наши высадились, продолжая стрельбу, и индейцы, видя, каким языком говорят с ними кастильцы, обратились в бегство; бежали мужчины и женщины безостановочно, и вслед им выпустили с корабля собаку, которая кусала их и причиняла большой урон, ибо против индейцев один пес стоит десяти человек¹⁴.

На следующий день перед восходом солнца на берегу появились шесть индейцев из числа тех, что были вчера, и, вызвав адмирала, сказали ему, что все здешние касики просят его не уходить отсюда, ибо желают его видеть и принести хлеб, рыбу и плоды. Адмирал был очень обрадован этим посольством, они же заверяли его в своей дружбе и обещали, что он будет в полной безопасности. Затем прибыли касики, а с ними множество индейцев; они принесли разные съест-

ные припасы, которые явились желанным подспорьем для наших людей. Все время, пока корабли находились здесь, люди наши все имели в изобилии. Индейцы же остались довольны, получив от адмирала различные подарки. И после того как исправлены были корабли и люди отдохнули, адмирал отправился дальше.

Со своими тремя каравелами он оставил Ямайку и проплыл 34 лиги на запад от залива Хорошей погоды (Виен Тьеро). Но тут корабли настигли противные ветры, которые не давали возможности следовать дальше вдоль берега Ямайки. А к тому времени выяснилось окончательно, что на этом острове нет ни золота, ни иных металлов, хотя во всех прочих отношениях он казался раем и привлекал к себе людей даже больше, чем могло привлечь золото.

Используя в своих целях противные ветры, адмирал возвратился к материковой земле Хуане и проследовал вдоль ее берега, который в свое время он покинул, чтобы убедиться, на самом ли деле Хуана — материковая земля. И он прибыл в цветущий край, который называется «Макака», и бросил якорь у очень большого селения, касик которого уже знал адмирала и его каравелы по встречам в предыдущем путешествии.

Когда адмирал явился впервые на этих берегах, весть о нем дошла до всех касиков, а вся страна и острова были возбуждены столь необычной новостью и видом кораблей, и индейцы говорили, что к ним явились люди с неба. И эта весть разнеслась быстро и дошла до южного берега, несмотря на то, что адмирал шел вдоль северного.

Прибыв сюда, адмирал послал подарки упомянутому касику, отправив ему вещи, которые очень ценились в этих местах. В ответ на это касик послал ему провизию и передал, что здесь по слухам знают о наших людях и об адмирале, а также и об отце Симона, индейца, которого адмирал увез в Кастилию и подарил принцу дону Хуану.

Адмирал высадился на берег и стал расспрашивать этого касика и других местных индейцев, является ли эта страна островом или материковой землей. И касик, а с ним и все прочие ответили, что земля эта бесконечна и никто не видел предела ее, но что она все-таки остров.

Люди здесь очень мирные и лишены дурных помыслов, заметно большое различие между ними и жителями соседних островов. И птицы на Хуане иные, чем на прочих островах, и в других отношениях он отличается от них, хотя все эти земли хороши и приветливы.

На следующий день адмирал отправился отсюда на север, отклоняясь к северо-западу и следуя вдоль берега земли. В сумерках издали замечено было, что берег отходит к западу, и адмирал принял западный курс, оставив землю по правую руку, чтобы спрямить путь.

На следующий день на восходе солнца с вершины мачты увидели, что во всех направлениях море усеяно зелеными лесистыми островами, и ничего на свете не могло быть прекраснее их. Адмирал пожелал было пройти к югу, оставив их по правую руку, но вспомнил, что читал, будто все это море полно островов и что Хуан Мандевиль говорит о 5 000 островов в Индиях. И поэтому он решил идти дальше, не теряя из виду берега материковой земли Хуаны, чтобы доподлинно убедиться, остров ли она, или нет. И чем дальше он шел, тем больше открывал островов, и за день насчитал 164 острова.

Погода была все время, по милости божьей, благоприятна для плавания в проходах между этими островами, и казалось, что корабли не плывут, а летят по морю.

А в день Троицы 1494 года корабли подошли к берегу материковой земли в безлюдном месте. Безлюдным же оно было не по воле неба и не потому, что бесплодна была здесь почва. Росли здесь на самом берегу моря, в пальмовой роще, деревья, которые, казалось, достигали неба своими верхушками. А из земли под берегом били два ключа, и таких мощных, что в щели, из которых они выбивались, можно было бы вложить по большому апельсину. Вода же была в этих ключах с большой силой. Когда прилив нарастал, она становилась такой холодной и вкусной, как ни одна вода в мире, причем холод этот не был вредным для желудка, как это бывает у других источников, а поистине целебнейшим.

Все люди расположились на отдых в траве у этих источников, вдыхая аромат цветов, который казался чудесным. И так сладко пели бесчисленные птицы, и так величественны и прекрасны были пальмы, дававшие благодатную тень, что наслаждением было видеть все это. Здесь не видно было людей, хотя имелись следы их пребывания — срезанные ветви пальм.

Отсюда адмирал отправился на лодке осматривать реку, которая протекала к востоку от этого места на расстоянии лиги от него. Вода в этой реке оказалась настолько горячей, что обжигала руку. Адмирал прошел две лиги вверх по течению и не встретил нигде ни людей, ни жилищ. Земли же повсюду были прекрасны, а поля зелены, и росло здесь множество деревьев с плодами яркокрасного цвета. И повсеместно разносился аромат цветов, и слышалось нежное пение птиц, и так было на всех этих островах. И так как нельзя было каждому из них дать свое, особое имя¹⁵, адмирал дал им общее название — «Сад королевы» (*Jardin de la reina*).

На следующий день, когда адмирал сторал от желаний захватить языка, приблизилось каноэ, которое вышло на «охоту» за рыбой. Рыбную ловлю индейцы называют охотой, потому что охотятся они с помощью одних рыб за другими, а гончих рыб спускают в воду, привязывая к их хвостам

бечевки. Рыбы же эти величиной с угря, и пасть у них очень широкая с множеством присосков, как у каракатиц; они очень дерзкие, как наши хорьки. Когда их бросают в воду, они сразу же присасываются к любой рыбе, а затем уже не отпускают ее, и можно оторвать этих рыб от своей жертвы, только вытащив их из воды, а, будучи в воде, они выпускают добычу только мертвые. Рыба эта очень легкая, и ее, как только она присосется, тянут за бечевку, привязанную к ее хвосту, и вытаскивают на поверхность, отбирая здесь добычу¹⁶.

Охотники за рыбой шли в стороне от каравел, и адмирал направил лодки с вооруженными людьми им наперерез с тем, чтобы зайти между каное и берегом. Когда же наши люди приблизились к ним, эти охотники вступили с ними в переговоры и вели себя при этом, как ласковые ягнята, без малейшей хитрости, будто не раз уже видели пришельцев. Они задержались до прихода лодок, потому что одна из рыб, о которых уже шла речь, присосалась на дне моря к большой черепахе и оторвалась от нее только тогда, когда ее втащили в каное вместе с ее добычей. Наши люди захватили каное и нашли в нем четырех черепах, и каждая из них в длину имела три локтя. Этих черепах принесли адмиралу на корабль.

На корабле индейцы рассказали адмиралу об этой земле и островах и о своем касике, который находится неподалеку. Касик этот послал их на охоту. Индейцы просили адмирала отправиться в то место, где пребывал их касик, обещая устроить большое празднество. Они отдали адмиралу четырех черепах, он же подарил им множество разных вещей, чему индейцы эти были несказанно обрадованы. Он спросил у них, правда ли, что земля эта очень велика, и они ответили, что на западе нет ей предела и что везде на юге и в западной стороне рассеяно великое множество островов. Адмирал разрешил им уйти. В заключение индейцы попросили адмирала назвать свое имя и сказали, как зовут их касика. Покинув корабль, они вернулись к рыбной ловле.

Адмирал отправился в путь, следуя на запад удобными для плавания проходами между островами, не отклоняясь в сторону от материка, и, пройдя в хорошую погоду много лиг, открыл большой остров, а на оконечности его значительное селение¹⁷. И хотя погода была весьма благоприятна для дальнейшего плавания, он стал здесь на якорь, и наши люди высадились на берег. Однако здесь они никого не нашли, так как все местные жители покинули свое селение и бежали.

Адмирал полагал, что люди эти живут рыбной ловлей. Повсеместно находили на берегу бесчисленное множество черепах. В одном месте была встречена стая в сорок собак, и собаки эти были не очень велики и не слишком уродливы. Они не умели лаять и, по всей вероятности, кормились рыбой. Известно, что индейцы едят собак. Мясо же этих собак такое же

вкусное, как мясо кастильских козлят,— некоторые из наших людей пробовали его.

У индейцев этих были ручные цапли и много других птиц. Адмирал приказал ничего у них не отбирать.

Он отправился отсюда со своими кораблями и вскоре дошел до другого острова, большего, чем предыдущий. Он не осматривал его и проплыл дальше по направлению к очень высоким горам, которые видны были на материке в 14 лигах отсюда. Там он обнаружил большое поселение с касиком. Обитатели же этого поселения были весьма приветливы и обходительны и дали свежие припасы адмиралу и его людям, доставив хлеб, плоды и воду. Адмирал спросил, далеко ли тянется эта земля на запад, и старый касик ответил ему, и это подтвердили также и другие старики, что земля эта огромная и никто еще никогда не слыхивал, чтобы был ей предел, но что, в дальнейшем, адмирал узнает больше о людях земли Магон, расположенной поблизости.

На следующий день плыли на запад, следуя берегом земли, и прошли много лиг, все время встречая по пути крупные острова; впрочем, они попадались не так часто, как прежде.

И подошли к большой и высокой горной цепи, уходящей далеко вглубь страны, так что не видно было ей и конца. А у моря много селений, и из них прибыли к кораблям толпы людей. И они принесли хлеб, плоды и воду, хлопковую пряжу, кроликов, голубей и много иных диковинок, а также птиц, и притом таких, которых нет в Кастилии. И [индейцы] пели от радости, думая, что и корабли и люди наши явились с неба.

И хотя индеец-толмач, которого вез с собой адмирал, говорил им, что наши люди прибыли к ним из Кастилии, но они полагали, что Кастилия — это и есть небо и что король и королева — владыки наших кораблей — находятся на небе.

Край этот они называли «Орнотай»¹⁸. Туда адмирал прибыл вечером. Близ берега было очень мелко, и нельзя было найти достаточно глубокие места для якорей. Поэтому всю ночь кораблям пришлось лавировать в открытом море при ветре, который не позволял приблизиться к берегу. И ночь показалась нашим людям мгновением, ибо наслаждением было вдыхать тончайший аромат, доносившийся с земли, и слушать чудесное и усладительное пение птиц и индейцев.

Здесь сказали адмиралу, что далее лежит земля Магон, где у людей хвосты, как у зверей, и что по этой причине они ходят одетые, чего не делают здешние индейцы. Но, кажется, мнение это разделяли одни лишь простаки, а более смысленные индейцы не верили этим слухам и, вероятно, говорили они о хвостатых людях в шутку, насмехаясь над одетыми людьми. И Мандевиль в 74-й главе говорит, что нагие жители индийской области Море насмехаются таким же образом над людьми в одежде. И он говорит, что есть люди, которые не

верят, что бог создал наших праотцев Адама и Еву нагими, но полагают, будто не должно стыдиться того, что дано им природой. Потому-то индейцы областей Орнотай, которые ходят нагими, насмеваются над теми, кто, как довелось им слышать, носит одежду. И адмирал понял, что индейцы шутят; ведь и раньше уже так случилось, что люди, о которых говорили, будто они одеждой своей скрывают хвосты, оказывались бесхвостыми.

Адмиралу сказали также, что впереди имеется бесчисленное множество островов, расположенных в мелком море, и что настолько далеко лежит предел этой земли, что и за сорок лун нельзя дойти до него. Индейцы имели в виду передвижение на каное, которые ходят очень медленно. За день каравела может проплыть столько, сколько каное за семь дней.

На следующий день адмирал отправился из Орнотая с попутным ветром. Шли под всеми парусами и проплыли большой путь, после чего внезапно вступили в воды белого моря.

В него адмирал вошел, преодолев множество мелей. Вода же в этом море была белая, как молоко, и густая, как состав, которым кожевники дубят кожи. Вскоре после того как вошли в это море, оно стало очень мелко — глубина не превышала и двух локтей. Ветер дул в корму, а каравелы находились в очень опасном проходе, в котором нельзя было ни повернуть назад, ни стать на якорь, потому что корабли не могли держаться, лежа на якоре, носом к ветру. Глубина же в этом проходе была настолько незначительна, что корабли шли, цепляясь якорем за дно (*gastreando la ancla por el suelo*).

Так проплыли десять лиг, пока у одного острова не вышли на более глубокое место, где дно находилось на глубине двух с половиной локтей и где каравелы могли свободно двигаться. Здесь стали на якорь, и все были опечалены и думали, что предприятие придется оставить, хотя и возвращение к тому месту, откуда вышли корабли, сопряжено было с большими трудностями. Но господь наш, всегда оказывающий поддержку людям, преисполненным благими намерениями, пришел к нам на помощь и вдохнул в сердце адмирала желание продолжать путь.

На следующий день адмирал отправил маленькую каравелу к ближнему берегу, желая узнать, имеется ли пресная вода на материковой земле. В воде на кораблях все испытывали большую нужду. Возвратившись, люди с этой каравелы сообщили, что на самом берегу имеется глубокое болото, а за ним начинается лес, и такой густой, что через чашу его не пробиться и кошке. Островов же здесь было множество, пожалуй, не меньше, чем в упомянутом уже Саду королевы, а леса вдоль морского берега настолько густые, что казались сплошной зеленой стеной. За лесами поднимались высокие

горы, сплошь зеленые, и на их склонах виднелись дымки и огни.

Адмирал решил идти дальше и продолжать путь, следуя через проходы между этими островами, которые рассеяны были здесь гуще, чем в Саду королевы, до одного низменного мыса, который назван был адмиралом мысом Серафина. Здесь пришлось испытать все, что обычно выпадает на долю кораблей, попавших в мелководье.

От мыса Серафина к востоку местность понижалась. На севере же, вдалеке, виднелись очень высокие горы и каналы между ними, свободные от островов, которые все лежали на юге и на западе. Ветер был попутный, глубина моря до трех локтей, и адмирал решил направиться к горам [на севере]. К ним он подошел на следующий день и стал на якорь близ очень красивой пальмовой рощи. В этом месте открыты были ключи с превосходной пресной водой — верный признак присутствия людей.

И случилось, что в то время как на корабль грузили воду и дрова, один из наших лучников направился на охоту и на небольшом расстоянии от берега встретил группу индейцев — было их человек тридцать. Один из них одет был в белую тунику, которая доходила ему до пят. Так внезапно произошла эта встреча, что лучнику показалось, что перед ним монах-тринитарий, идущий в ближайшую деревню. Затем подошли еще двое индейцев в белых туниках, спускавшихся ниже колен, да и цветом кожи они были такие же белые, как кастильцы. Лучник испугался, завидя этих людей, и с криком бросился бежать к берегу. Индейцы остались на месте, и лишь тот из них, кого первым заметил лучник, последовал за ним, призывая его остановиться, на что, однако, наш воин не отважился.

Когда адмирал узнал об этом, он направил на берег людей, чтобы разузнать, что за индейцы живут в этих местах. Однако там уже никого не было — все они убежали; вероятно, человек в белой длинной тунике был их касиком.

На следующий день адмирал отправил 25 хорошо вооруженных людей, которые зашли вглубь страны на расстояние 8 или 10 лиг, прежде чем нашли людей. Пройдя еще четверть лиги, они вступили в долину, которая тянулась с запада на восток вдоль берега. Не видя дороги, наши люди попытались перейти эту долину, но не смогли этого сделать, потому что им не удалось пробиться через заросли густо переплетенной травы. И возвратились они столь усталыми, что казалось, будто им пришлось пройти не меньше 20 лиг, и сказали, что эта земля непроходима и нет на ней ни дорог, ни троп.

На следующий день другая партия наших людей, направившаяся вдоль берега, обнаружила следы огромных животных на пяти когтях — явление, внушавшее страх. Многие полагали, что животные эти — грифоны¹⁹, некоторые же думали, что

львы. И эта партия вернулась назад, не встретив людей. Но они нашли здесь виноградные лозы, очень крупные, обремененные плодами, которые так густо усеивали все кусты, что любо было смотреть на это.

Адмирал набрал целую корзину винограда и лозы и белую землю со дна моря, чтобы затем все это показать королю и королеве. Было там также множество ароматических плодов. Имелись в той стороне журавли вдвое больше наших, кастильских.

Адмирал, видя, что за мысом Серафина к востоку тянется полоса низких земель, от гор, поднимавшихся к северу от этого мыса, повернул на восток, следуя вдоль того же берега до тех пор, пока не убедился, что оба берега — северный и восточный — соединяются вместе, образуя единое целое. Затем он снова направился на запад, и хотя люди его устали и корабли поизносились, он решил плыть к западу к цепи гор, что виднелась на расстоянии 35 лиг. Там он запасся водой и, пройдя еще 9 лиг, достиг берега, на котором захватил местного касика. Касик же этот [как позднее выяснилось] был человеком нежестоким, да к тому же всю свою жизнь прожил в этих горах. Он сказал, что к северу море на много дней пути очень глубоко и доступно.

Подняты были якоря, и, отправившись в путь, все радовались, полагая, что будет все так, как говорил касик. Однако, пройдя несколько лиг, каравелы вступили в мелководные проходы между островами. Не удалось найти достаточно глубокого канала, по которому можно было бы проследовать дальше, и лишь по истечении полутора дней оказалось возможным провести корабль через очень узкий и мелкий проход, да и то лишь с помощью якорей и верпов, причем на протяжении добрых двух лиг глубина не превышала локтя, а далее увеличивалась до трех локтей.

В этих местах к кораблям приходило множество канос, и индейцы говорили, что люди, которые живут в горах, по слухам, населяют на диво и на редкость огромную державу, где имеется множество провинций и есть свой король. Король же этого они называют святым и говорят, что он носит белую тунику, волочашуюся за ним по земле.

Так шли тем же путем вдоль берега этого моря, при глубинах не свыше трех локтей, и проплыли четыре дня и миновали горы, которые остались далеко на востоке. Берега же все время были болотистые, поросшие такими густыми лесами, что нельзя было пробиться через них. И, войдя в залив, берега которого снова отклонялись к востоку, наши люди увидели очень высокие горы в той стороне, где берег кончался, на расстоянии 20 лиг от кораблей. Адмирал решил идти туда, поскольку море не было открыто к северу, и нашел, что глубина моря оказалась в этих местах огромной,

как и говорил касик. Касик указывал, что в том направлении, куда шел адмирал, нельзя и за 50 месяцев дойти до конца этой земли, говорил же он то, что слышал.

Адмирал плыл среди множества островов и, спустя два дня и две ночи, подошел к горам, которые он заметил ранее. И всем показалось, что цепь эта так же велика, как хребет Ауреа на острове Корсике. Обогнули ее, но нигде не могли найти проходов, следуя которыми можно было бы проникнуть вглубь страны, потому что эта земля была болотистая и поросла густыми лесами, как и те берега, о которых уже говорилось ранее. А в глубине страны видны были многочисленные и высокие столбы дыма.

Семь дней пробыли на этом берегу в поисках пресной воды, в которой испытывали нужду, и нашли ее в восточной части этой земли, среди больших и привлекательных пальмовых рощ. Здесь же нашли жемчужные раковины и огромнейшие жемчужины. Все полагали, что тут были бы отменные жемчужные ловли, если взяться за них как следует²⁰.

Пополнив запасы воды и дров, проплыли к югу, следуя вдоль берега земли, а затем на запад, все время придерживаясь материка, до тех пор, пока берег не отклонился к юго-западу. Казалось, что в этом направлении путь может продолжаться много дней. После того как отделились на значительное расстояние от места последней стоянки, увидели, что на юге море сплошь усеяно островами.

Корабли были в плохом состоянии, ибо часто днища их терлись о мели, снасти и канаты пришли в негодное состояние, большая часть провизии испортилась, особенно сухари, и виной тому была вода, которая просачивалась в трюмы кораблей. Люди же были очень утомлены и обеспокоены нехваткой припасов. Кроме того, они сомневались, не будут ли ветры, которые дуют в это время года, неблагоприятными для обратного плавания.

Пройдено было от мыса Альфы и Омеги до этих мест 1 288 миль, или 322 лиги, и на этом пути открыто, как уже о том говорилось, много островов и материковая земля.

Теперь адмирал решил отправиться обратно другим путем, не тем, которым он шел сюда, и возвратиться на остров Хайме [Ямайку], которому он дал имя Сантьяго, и завершить обход всей южной стороны, а она лежала на этом пути. И двинулись таким образом в обратный путь, намереваясь пройти между островами, которые находились в той стороне. Но прохода между ними никак не удавалось найти, и адмирал вынужден был плыть в обратном направлении от мыса Серафина до места в белом море, где впервые стал на якорь.

На обратном пути, после того как отплыли на расстояние дневного перехода от поселения упомянутого выше касика, увидели огромные стаи бакланов, которые летели над морем

со стороны суши. А на следующий день показалось столько бабочек, что затмилось небо, и так продолжалось до ночи, когда они были рассеяны сильным ливнем, сопровождавшимся громом.

И после того как адмирал покинул землю, где жил святой король, и направился в Теронесо — место, которое он назвал в честь святого Иоанна Евангелиста²¹, его люди встретили на своем пути множество черепашек, да притом очень больших. Их было много везде, но особенно часто они встречались на протяжении этих 20 лиг, — порой чудилось, будто море буквально кишит ими. Порой попадались такие крупные черепашки, что, казалось, кораблям угрожает опасность столкновения с ними, и так они и шли, окруженные ими со всех сторон.

У индейцев черепашки в большой цене. Для них это превосходный вид пищи, и они считают, что мясо черепашек очень полезно и вкусно.

Следуя дальше, адмирал прошел очень неглубоким рукавом белого моря, а такого цвета море там повсюду, и, проплыв немного лиг, дошел до места, где кончались многочисленные острова, где в свое время он стал на якорь, впервые попав в белое море. Удалось же добраться сюда только чудом, лишь по воле господ нашего, а не благодаря человеческому знанию и сноровке. А от этих мест они прошли к берегам провинции Орнотай, встречая на своем пути не меньше опасностей, чем прежде, и там бросили якорь в устье реки и запаслись водой и дровами, чтобы плыть к югу и не возвращаться уже пройденным путем. И, оставив по левую руку Сад королевы, они прошли туда и на пути не могли избежать опасностей плавания среди множества ранее еще не встречавшихся островов.

А та страна [Орнотай] — гористая и изобильная, и населяют ее люди чрезвычайно мирные. И много в той земле плодов и пищи, и от всего, что там имеется, дано было нашим людям немало. Плоды же эти нежнейшие на вкус и ароматные. Индейцы приносили много птиц, попугаев и очень больших голубей, и по вкусу эти голуби ничуть не уступают кастильским куропаткам.

Здесь адмирал велел отслужить мессу и водрузить крест из больших бревен, как это обычно делалось во всех пунктах, которые казались ему удобными для этой цели. Мессу отслужили в воскресенье, и в тот же день адмирал отправился на берег, где правил весьма почтенный касик, имеющий большую семью и много людей.

И когда адмирал, оставив лодку, сошел на берег, касик взял его за руку, а один восьмидесятилетний индеец за другую, выражая большую радость. У старого индейца на шее было ожерелье из камней, похожих на мрамор, очень ценных

здесь, а в руке он держал корзинку с яблоками. Эту корзинку он преподнес адмиралу, как только тот вышел из лодки. И касик, и старец, и все прочие ходили нагие, как новорожденные, не стыдясь своей наготы. И такими же нагими были все люди, населяющие эту часть земли, открытую адмиралом Колумбом. Так шли рука об руку адмирал и его спутники, а за ними и все прочие индейцы, до того места, куда адмирал проследовал, чтобы отслужить мессу.

А после того как адмирал кончил молиться, старый индеец, сохраняя благородную осанку и достоинство, обратился к нему с речью и сказал, что ведомо ему, что адмирал обошел и осмотрел все острова и материковую землю, которая лежит в этой стороне и на которой, как им, индейцам, известно, они живут. И старец сказал адмиралу, чтобы тот не тешил себя тщеславными мыслями, вызванными всеобщим страхом перед ним, ибо он, адмирал, так же смертен, как и все прочие люди. И словами, и знаками, показывая на себя, старый индеец принялся объяснять адмиралу, что все люди рождаются нагими и имеют бессмертную душу и что душа испытывает боль от страдания каждого члена человеческого тела и что люди испытывают скорбь в тот час, когда душа покидает тело. А после смерти люди отправляются либо к небесному царю, либо в земную бездну, смотря по тому, добро или зло делали они, живя на земле. И, видя, что адмиралу приятна эта речь, старец продолжал говорить и пояснял свои слова такими жестами, что адмирал понял все, что было им сказано.

И через толмача-индейца, который побывал в Кастилии и хорошо усвоил кастильский язык и прекрасно изъяснялся на нем и был человеком хорошим и смышленным, адмирал ответил ему, что он никому не сделал зла и явился сюда не причинять зло добрым людям, а карать людей дурных, и что он прежде всего готов вознаградить добрых и оказать им милости и великие почести. И именно так повелели поступить ему его повелители, король дон Фердинанд и королева донья Изабелла, великие короли Испании.

И немало удивленный старец-индеец спросил у толмача: «Как, да неужели адмирал имеет над собой повелителя и подчиняется ему?». Толмач ответил: «Адмирал служит королю и королеве Кастилии, величайшим государям на свете». А затем он рассказал касику, старому индейцу и всем собравшимся о том, что он видел в Кастилии, и о чудесах Испании, и о больших городах, крепостях, храмах, людях, лошадях, животных, и о великом благородстве и богатстве королей и больших сеньоров, и о кастильских видах пищи, и о празднествах и турнирах, которые он видел, и о боях быков. И поведал им также все, что известно ему было о войнах. Все это он растолковал очень хорошо и таким образом, что

старец и другие индейцы успокоились и ободрились и обо всем услышанном передавали другим.

Старый индеец сказал, что очень хотел бы отправиться в Кастилию, чтобы подивиться на тамошние чудеса, и если бы не сыновья и супруга, которые горько оплакивали бы его отъезд, он решился бы поехать туда с адмиралом. Из любви к своим детям, он не без печали отказался от своего намерения, и адмирал взял с собой в Кастилию юношу-индейца и беспрепятственно увез его, а вместе с ним еще одного местного касика. Этих индейцев адмирал, возвратившись на Эспаньолу, отправил к королю и королеве.

Все эти островитяне, а также и обитатели материковой земли, хотя и кажутся дикарями и ходят нагие, но обладают, по мнению адмирала и всех, кто сопровождал его в этом плавании, большой смышленостью и наделены от природы разумом. Они были очень обрадованы, когда узнали новости о Кастилии, и вели себя при этом так же, как обитатели нашей страны, желающие побольше узнать обо всем.

А это есть признак живости ума и изрядной сметливости.

Люди эти покорны и послушны своим касикам, королям и властителям. Касиков они почитают и уважают в высшей степени. Где бы ни появлялись каравелы, тотчас же индейцы, которые находились в этих местах или туда приходили, сообщали нашим людям имя местного касика и спрашивали, как зовут касика каравел, и повторяли названное им имя, чтобы не забыть его. Затем они спрашивали, как называются корабли и явились ли наши люди с неба или пришли из других мест. И хотя им и говорили, что люди наши прибыли из Кастилии, но они думали, что Кастилия — это и есть небо, ибо нет у них письменности и не ведают они ни законов, ни истории, не имеют представления о том, что такое чтение, не обладают ни преданиями, ни писанием, и потому-то все они так невежественны. Они же говорят, что обитатели провинции Магон носят одежды, потому что у них хвосты и они одеждой прикрывают свое уродство. А у здешних индейцев зазорным считается носить одежду, как об этом уже говорилось.

Земля тут настолько изобильна всем, что только известно в этих краях — и на островах и в морях, — что даже если бы населяло ее гораздо большее число людей, — пусть даже вдсаятеро против нынешнего числа ее обитателей, — пищи хватало бы с избытком на всех. Должно быть, в глубине страны имеются и другие формы правления и иные люди и диковинные вещи, не меньше, чем те, что уже встретились нашим людям, но все это не удалось увидеть и узнать в принятом путешествии.

Адмирал покинул Орнотай, распрощался с местным касиком и почтенным старым индейцем, приближенным и роди-

чем этого касика, самым дружественным образом и с многочисленными торжественными церемониями.

Адмирал отправился в путь от берегов реки, названной им рекой Мессы, в области Орнотай, и поплыл к югу, чтобы оставить в стороне по левую руку Сад королевы — скопление красивых зеленых островов; он опасался, что среди этих островов плавание будет столь же трудным, как и на том пути, которым он уже прошел, следуя с востока на запад.

Он вынужден был из-за противных ветров отклониться к берегам Макаки, где повсеместно наших людей встречали очень хорошо.

Дойдя до большого залива, названного адмиралом бухтой Хорошей погоды, корабли поплыли на запад, пока не достигли оконечности острова, а оттуда пошли к югу и следовали в этом направлении до тех пор, пока берег не отошел к востоку. И по истечении нескольких дней адмирал дошел до Хрустальной горы (Monte Cristalino), а оттуда направился к Фонарному мысу (Cabo de Farol)²² и к бухте, что расположена в 8 лигах к востоку от него, где находится предел этого острова.

Там простояли несколько дней из-за противных ветров.

Моряки считают, что каравелы должны обычно проходить в день 200 миль (мили же эти из тех, что по четыре содержатся в каждой лиге). Таким образом, в обычный день каравела проходит 50 лиг, а в долгий [летний] день — 72 лиги. Подобные расстояния адмиралу и его людям случалось проходить нередко, и такой расчет они давали, и был он записан адмиралом в книгу, которая велась для этой цели.

Нет ничего удивительного в том, что в плавании оказывается возможным точно следовать избранному пути. Это доказывается на деле. Много раз приходится возвращаться кораблю к острову, откуда он вышел, и притом в дурную погоду и при иных, противных ветрах. И вот тут-то проявляется искусство капитана, который находит способы управлять кораблем во время бурь. Нельзя считать хорошим капитаном или кормчим моряка, который, хотя бы ему и пришлось совершать длительный переход от одной земли к другой, не видя признаков какого бы то ни было берега, в расчете пройденного расстояния ошибается на 10 лиг, пусть даже при рейсе в 1 000 лиг, разве только буря лишит его возможности применить свои знания.

Итак, плывя в южную сторону, корабли адмирала бросили однажды вечером якорь в бухте, на берегах которой было множество поселений. К кораблям явился касик одного большого селения, расположенного на холме, и принес с собой свежие припасы. Адмирал дал касику и его людям различные подарки и отблагодарил индейцев.

Касик спросил, откуда прибыли корабли и как зовут адмирала. Адмирал ответил, что он вассал великих и весьма

почитаемых государей — короля и королевы Кастилии, своих повелителей, которые отправили его в этот край, чтобы открыть и узнать здешние земли, воздать должное добрым и послушным и уничтожить злых. И передал он все это через толмача-индейца, который и говорил с касиком. Касика все сказанное весьма обрадовало, и он попросил индейца-толмача рассказать ему обстоятельнее о Кастилии. Толмач поведал ему обо всем подробно, и касик, а с ним и другие индейцы были поражены и премного обрадованы этим рассказом. Они оставались на кораблях до наступления ночи, когда распрощались с адмиралом.

Уже в тот момент, когда корабли шли под парусами при слабом ветре, на трех каное подплыл касик и снова встретился с адмиралом. И появление касика было столь торжественно, что нельзя не описать его.

Одно каное было очень велико, величиной с крупную фусту, и разрисовано. На этом каное находились сам касик, его супруга и две дочери; одной, очень красивой и скромной и, по здешнему обычаю, совершенно нагой, было лет 18, другая была помоложе. Тут же были и два сына-подростка и пять братьев касика и прочие его приближенные. Все остальные были вассалами касика.

В каное касика находился человек, который был, видимо, знаменосцем. Он стоял особняком на носу каное в одеянии из красивых перьев, подобном парадной тунике, и голова его была украшена большим плюмажем. Он казался очень красивым и держал в руке белое знамя, на котором не было никакого изображения.

У двух или трех индейцев лица были разрисованы одинаковым образом, и головы их были увенчаны уборами из перьев, похожими на шлемы. На лбу же у них были прикреплены крупные пластинки величиной с блюдо, разукрашенные одинаковым образом и разрисованные в одни и те же цвета. И только в плюмажах были у этих людей некоторые различия. И у каждого из них было в руках «хугете»²³, на котором они играли.

Были еще два индейца, разрисованные так же, как и прочие, и у них были деревянные трубы, очень искусно сделанные, с изящными рисунками и изображениями птиц. Дерево же, из которого были изготовлены эти трубы, было очень красивое и совершенно черное. У этих индейцев головы были покрыты прелестными шляпами тонкой работы, сделанными из густых зеленых перьев.

У остальных шести индейцев головные уборы были из белых перьев. Все эти люди держались вместе, друг подле друга, охраняя касика и все ему принадлежащее.

У касика на шее висели медные украшения. Медь же эта была с одного острова, расположенного в том же крае, и но-

сит она название «гуани»²⁴. Эта медь настолько чиста, что похожа на восьмикаратное золото. Украшения же были в форме лилии, с блюдо величиной. И, кроме того, у него на шее было еще ожерелье из высокоценных здесь мраморных камней, а голова была украшена венцом из мелких камешков, красных и зеленых, расположенных в строгом порядке и разделенных белыми камнями большого размера, и все это выглядело очень красиво. Были украшения и на лбу у касика, а к его ушам были прикреплены две большие золотые пластинки с подвесками из очень мелких зеленых камешков. Хотя касик был наг и все тело его было совершенно обнажено, но чресла его украшал пояс в форме гирлянды.

И его супруга явилась изрядно разукрашенной, но она также была нага и ничем не прикрыта, если не считать крохотного, величиной с лист апельсинового дерева, лоскутка хлопчатой ткани на срамном месте. Ее руки у самых подмышек схвачены были полосами из хлопчатой ткани, которые напоминали рукава старинных французских камзолов. Такие же «рукава», но большей величины, стягивали ее ноги ниже колен.

Старшая и самая красивая дочь была совершенно обнажена. Только гирлянда из черных мелких камней опоясывала ее стан, а к этому поясу подвешено было на клочке хлопчатой ткани украшение из красных и зеленых камней, по форме подобное листу плюща.

Большое каное шло между двумя малыми, чуть опережая последние. Как только касик подплыл к кораблю, он сразу же принялся раздавать начальникам и прочим людям разные вещи из своих запасов. Было утро, и адмирал, занятый молитвой, не сразу узнал о подарках, привезенных касиком, и о цели его визита.

Касик поднялся на борт со всеми своими людьми, и когда адмирал вышел к нему, он уже успел отправить своих васалов на берег, причем они отошли на значительное расстояние от каравелы. Как только касик увидел адмирала, он с радостным лицом направился ему навстречу и сказал: «Друг, я твердо решил покинуть мою землю и отправиться с тобой, чтобы взглянуть на короля, королеву и принца, их сына, — величайших владык на свете, таких могущественных, что они не только подчинили себе множество земель в своей стороне с твоей помощью, мужа, покорного им, но и велели тебе покорить и этот мир. А узнали мы об этом от индейцев, которых ты везешь с собой. И повсюду люди очень напуганы тобой. А у карибов, храбрых людей, которым нет и числа, ты разрушил жилища и каное и взял у них женщин и детей и истребил всех, кто не успел спастись бегством. Я знаю — на всех островах этого края, необъятных землях с многочисленным населением, тебя боятся и испытывают

перед тобой страх, и ты можешь причинить всем много зла и вреда, если люди этой страны не покорятся королю Кастилии, твоему повелителю, ибо ты хорошо знаешь обитателей наших островов и ведома тебе их слабость и известна тебе эта земля. И вот я хочу, прежде чем ты возьмешь у меня мою землю и мое владение, отправиться со своим домом на твоих кораблях к великому королю и великой королеве, твоим повелителям, и посмотреть на самую богатую и обильную землю в мире, где они живут, и полюбоваться на кастильские диковинки, а чудес немало в твоих краях, судя по рассказам твоего индейца».

И адмирал, жалея касика, его дочь, сыновей и жену, воспротивился намерению индейца, ибо видел, как невинен и простодушен этот человек. И он сказал касику, что принимает его как вассала короля Испании и королевы и предложил касику остаться здесь, на этой земле, потому что ему, адмиралу, предстоит открыть еще много стран. А желание свое касик сможет осуществить в другое время, когда корабли снова появятся в этих местах. И они скрепили дружбу, и касик вынужден был остаться со всеми своими людьми и двором.

Адмирал отправился отсюда на юг и на восток, направляясь меж островов, населенных нагими людьми, как то явствует из его описаний, которые я позволю себе опустить, чтобы не удлинять своего рассказа²⁵. Достаточно уже того, что написано, так как все эти люди подобны тем, о которых уже шла речь. Когда же адмирал возвращался на Эспаньолу, откуда он в свое время отправился в путь, он прошел среди островов, населенных карибами, недалеко от тех мест, где уже плывал во время своего второго путешествия.

[Перевод выполнен по тексту документа напечатанного в сборнике Hakluyt Society, v. 65, Select document illustrating the four voyages of C. Columbus, v. 1, p. 114—168, London, 1929.]

КОММЕНТАРИИ
К ОТРЫВКУ ИЗ «ИСТОРИИ КАТОЛИЧЕСКИХ КОРОЛЕЙ»
АНДРЕСА БЕРНАЛЬДЕСА

(открытие Ямайки и южной Кубы)

1. Андрес Бернальдес (дата рождения не известна, умер около 1513 г.) с 1488 по 1513 г. был приходским священником в селении Лос Паласьос, близ Севильи. Одновременно он был капелланом великого инквизитора и архиепископа севильского, жестокого изувера Диего де Десы, ближайшего советника королевы Изабеллы.

Бернальдес, оставаясь скромным приходским священником, имел обширный круг знакомств, поскольку он был тесно связан с непосредственным окружением Диего де Десы, а от великого инквизитора тянулись нити и ко двору королей, и к шумной севильской гавани, и к университетским кафедрам.

Бернальдес лично знал Колумба, который посетил Лос Паласьос в 1496 г. Он был другом Хуана де Фонсеки и нередко принимал его у себя. Через руки Бернальдеса прошло множество всевозможных документов, имеющих прямое отношение к предприятиям Колумба.

Последние годы своей жизни Бернальдес занят был составлением «Истории католических королей» — летописи, доведенной им до 1513 г. 18 глав «Истории» посвящены плаваниям Колумба.

«История католических королей» Бернальдеса, очевидца событий, о которых идет речь в его книге, ценный исторический источник. Бернальдес — простодушный и пассивный летописец — был, однако, превосходным наблюдателем. Из массы фактов он обладал способностью отобрать все наиболее существенное и важное. К тому же в его «Истории» используются материалы, которые не были известны другим хронистам, а бывшие встречи с Колумбом и участниками его плаваний обогащают летопись красочными деталями, придающими всему повествованию большую живость.

В настоящем сборнике приводятся главы 122—131 «Истории католических королей», в которых излагается история плавания Колумба у берегов Кубы и Ямайки в 1494 г.

В приведенном выше письме Чанки хроника событий второго путешествия доведена лишь до начала 1494 г. Бернальдес восполняет пробел истории второго путешествия и, что особенно ценно, его описание основывается на сообщениях самого Колумба и спутников адмирала во втором плавании.

Публикуемый отрывок из «Истории католических королей» интересен также и потому, что он дает ясное представление о том, как воспринимали вести о великих открытиях их современники. У Бернальдеса открытия в «Индиях» ассоциируются с легендами о великом хане и пресвитере Иоанне. В его уме средневековые мифы и античные сказания причудливо переплетаются с былями нового времени — сообщениями о недавно обретенных заморских землях. Географические концепции Бернальдеса отражают любопытные особенности мировоззрения людей среднего уровня той эпохи со всеми заблуждениями, которые были им свойственны. Интересно, однако, что у Бернальдеса шарообразность земли не вызывает никаких сомнений.

2. Речь идет о младшем брате Христофора Колумба — Диего (1466—1515).

3. Бернальдес имеет в виду монаха Буйля. Управление Эспаньолой Колумб поручил совету из пяти членов и во главе этого совета поставил своего брата Диего. Членами совета были Буйль, Перо Эрнандес Коронель — главный альгвасил, Алоисо Санчес де Карвахаль и Хуан де Лухан.

4. Каравелы «Нинья» — известная по первому плаванию, «Сан Хуан» и «Кардера». «Нинья» в первом путешествии шла под прямыми парусами. Не вполне ясно, по каким причинам Колумб решил (если только сообщение Бернальдеса соответствует истине) выйти в плавание под косыми парусами. Очевидно, он предполагал держаться близ берега, не совершая больших переходов в открытом море. В этом случае удобнее было пользоваться косыми парусами.

5. Мыс Альфы и Омеги (начала и конца), крайняя восточная оконечность острова Куба, названная так Колумбом, который полагал, что именно здесь лежит предел землям Востока, ныне носит название мыса Манси. Об очертаниях Кубы у Бернальдеса, как и у всех его современников, имеются весьма превратные представления, — предполагая, что Куба часть азиатского материка, Бернальдес считает, что земля эта расширяется к северу.

6. Джон Мандевиль (умер в 1371 г.) — имя автора, выпустившего в 60-х годах XIV столетия пространное и полное небылиц описание своих путешествий в страны Востока. Мандевиль — беззастенчивый плагиатор и враль: он использовал оригинальные европейские источники — описания путешествий Одорика Порденоне, Плато Карпини и др. — но на этой канве создал совершенно фантастические изображения экзотических стран далекой Азии. Книга его была написана блестяще. В XV столетии она оставалась излюбленным чтением просвещенных людей Западной Европы, а так как сведения о землях Востока были в ту пору скудны и туманны, то вымыслам Мандевиля, даже его «сообщениям» о людях, которые носят за плечами свою собственную голову, долгое время верили безусловно. Бернальдес считает Мандевиля непререкаемым авторитетом и почтительно ссылается на него, когда совершает свои экскурсии в географию стран Востока.

7. Легенда о пресвитере (священнике) Иоанне, владыке восточного христианского царства, была весьма популярна в XV в. В основе ее

лежали предания о миссионерской деятельности в Персии и Азии последователей главы «сретической» секты Нестория. В VI—VII веках в этих странах было создано много несторианских общин, причем некоторые из них были основаны даже в Китае и северной Индии.

В эпоху крестовых походов возникает миф о священнике Иоанне, правителе великого христианского государства, которое европейские летописцы помещали то в Средней Азии, то в Эфиопии, то в Индии и Китае. Пресвитером Иоанном считали Чингис-хана; однако после того как Плауо Карпини и Рубруквис посетили монгольскую державу, эту версию легенды пришлось отвергнуть. Плауо Карпини полагал, что царство пресвитера Иоанна находится в Индии, а Рубруквис считал его государем разгромленных Чингис-ханом кара-киданей. Марко Поло обнаружил христиан несторианского толка среди монгольских племен, кочующих в Ордосе, в области Тянь-дэ. Эти сообщения возбудили всеобщий интерес к легендарной личности пресвитера Иоанна, однако поиски великого христианского царства на Востоке оказались безуспешными. В 1487 г. португальский король Жуан II отправил в Эфиопию Педру Ковильяна и Афонсо Пайву, преследуя двойную цель — во-первых, проверить истинность слухов о христианской державе в Восточной Африке и, во-вторых, собрать необходимые сведения о еще неведомом португальцам отрезке морского пути от мыса Доброй Надежды до Индии. Ковильян нашел в Абиссинии христианское царство, вести о котором возбудили воображение всех европейских искателей земель пресвитера Иоанна. Бернальдес искренне верит в существование мифического пресвитера и полагает, что владения его лежат неподалеку от Китая.

8. Здесь речь идет о монгольской державе, созданной в XIII веке Чингис-ханом и его потомками. Рушия — это Русь. Не известно, однако, какая страна носит у Бернальдеса имя «Бахия». Быть может, это Бактрия — область древней Персии, вошедшая в монархию Александра Македонского. Сведения о монголах у Бернальдеса явно устарели. В конце XV века от державы «великих ханов» не осталось уже камня на камне. До Венгрии же монголы доходили, но было это за 250 лет до того времени, когда Бернальдес писал свою «Историю».

9. Речь идет о докторе Чанки, сообщение которого о втором путешествии Бернальдес использовал в своей «Истории».

10. Золотой Херсонес — подразумевается Малаккский полуостров.

11. Вопрос о том, была ли Куба (Хуана) островом или материком, чрезвычайно волновал Колумба во время плавания 1494 г. Если бы Колумбу удалось твердо установить, что Куба является частью континента, — а, по воззрениям того времени, таким континентом могла быть только Азия, — все предприятие адмирала сразу же было бы оправдано в глазах «католических королей». Ведь тогда Кастилия получила бы доступ к сокровищам Китая, Золотого Херсонеса и Индии, и ее корабли стали бы совершать регулярные рейсы между Севильей и «Индиями» по кратчайшему из всех возможных путей. Именно поэтому Колумб, пройдя вдоль берега Кубы 322 лиги и не видя конца и края этой земле, склонен был признать ее частью материка.

Трудно сказать, насколько Колумб действительно был убежден в этом, но ради успеха своего предприятия он готов был убедить себя и других в том, что Куба — неотъемлемая часть Азии. И, приняв решение возвратиться на Эспаньолу, он велел нотариусу флотилии, Фернанду Пересу де Луне, взять у экипажей всех трех кораблей форменное свидетельство, в котором все спутники Колумба заверяли адмирала, что Куба не может быть островом.

12. Кинтал — 46 кг.

13. В оценке величины острова Ямайки Бернальдес — со слов Колумба — допускает значительное преувеличение. В действительности остров Сицилия по крайней мере в два раза больше Ямайки. С другой стороны, в этом месте Бернальдес пишет, что протяженность берегов Ямайки составляет восемьсот лиг, причем он особо оговаривает, что лига эта равна 1 миле. Между тем морская испанская лига содержит в себе 4 мили. И у Колумба, и у его современников при оценке сухопутных дистанций очень часто под лигой подразумевается мера длины, равная 1 миле, что вызывает порой серьезные недоразумения.

14. «Добрый христианин» Бернальдес, описывая травлю индейцев собаками, с удовлетворением пишет о том, что «против индейцев один пес стоит десяти человек». Это место в «Истории» Бернальдеса — первое по времени свидетельство об одном из наиболее гнусных приемов колонизаторской практики испанцев — применении собак в борьбе с индейцами.

Больших собак, специально обученных для травли людей, испанцы вывезли с Канарских островов, и на Эспаньоле, Кубе и Пуэрто Рико в особых питомниках продолжалось разведение собак этой породы. Их применяли при карательных экспедициях, при набегах на Багамские острова, откуда вывозились на Эспаньолу рабы для ловли жемчуга и для работ на золотых рудниках и плантациях. Были собаки-людоеды, имена которых знала вся испанская Америка. Лас Касас в «Истории Индий» рассказывает историю пса Бесерильо, который загрыз десятки индейцев. Не менее жуткую репутацию стяжал сын пса Бесерильо — Леониско, принадлежавший Бальбао, первому испанцу, достигшему «Южного моря» (Тихого океана).

15. Большая группа островков и рифов к югу от Кубы. Современное название — Кайас де лас Легуас.

16. Этот способ рыбной ловли широко применялся индейцами прибрежных областей Кубы, Ямайки и Эспаньолы. См. о ловле этим способом в «Описании второго путешествия», стр. 332.

17. Колумб назвал этот остров «Санта Мария». Это один из островов в группе «Сад королевы», скорее всего самый западный из них, — Кайо Ларго.

18. Современное название расположенной в южной части острова Кубы провинции Камагуэй.

19. Грифоны — легендарные животные, которые часто встречаются в описании стран Востока Мандевилля. Львов в Америке нет. В данном случае Бернальдес всецело находится под влиянием Мандевилля и населяет Антильские острова либо мифическими тварями, либо животными, которые водятся в Старом Свете.

20. Жемчужные ловли у берегов Кубы в первой половине XVI столетия приносили немалые доходы. Однако по значению своему они не могли сравниться с широко известными ловлями близ островов Кубагуа и Маргарита у карибских берегов Южноамериканского материка.

21. Речь идет об острове Сосен (Isla de los Pinos), расположенном близ берегов Кубы.

22. На обратном пути к Эспаньоле Колумб проследовал вдоль берегов Кубы на восток до мыса Святого Креста. Там из-за противных ветров он вынужден был направиться на юг, к Ямайке. Бухта Хорошей погоды на этом острове носит ныне название залива Монтегю, Хрустальная гора — по всей вероятности, Портленд Пойнт, а Фонарный мыс — Иелла Пойнт, или Морант Пойнт на юго-восточном берегу острова Ямайки.

23. Хугете — вид детского музыкального инструмента.

24. «Гуани» — с этим словом, повидимому, у индейцев Антильских островов и северной части Южноамериканского материка связывалось не только понятие о меди, но и о различных сплавах. У Бернальдеса слово «гуани» переводится как «медь, бронза». Овьедо указывает, что на берегах Амазонки «гуани» назывались украшения из низкосортного золота, которые носили в тех местах индейцы.

25. От Ямайки Колумб направился прямо к мысу Сан Мигель на острове Эспаньола и, следуя вдоль его южного берега, 29 сентября 1494 года прибыл в Изабеллу. «Меж островов, населенных нагими людьми», Колумб, совершая переход от Ямайки, не плавал.

Бартоломе Лас Касас

ОПИСАНИЕ ВТОРОГО ПУТЕШЕСТВИЯ*

[ПЕРЕХОД
ЧЕРЕЗ АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН]

В среду, в двадцать пятый день сентября 1493 года, перед восходом солнца, адмирал приказал поднять паруса, и все 17 кораблей вышли из Кадисской бухты¹.

Адмирал приказал направить корабли на юго-запад, к Канарским островам. В следующую среду, т. е. 2 октября, он бросил якорь у Гран Канарии, главным из всех семи островов Канарского архипелага. Но он не пожелал остаться здесь, и поэтому в полночь велел снова поднять паруса, и в субботу, 5 октября, пришел к острову Гомере, где пробыл два дня. Эти дни он использовал для того, чтобы возможно быстрее добыть для флотилии скот, который закупали люди, посланные на берег, и сам адмирал. Приобретали же они телят, коз и овец.

И люди его, кроме того, купили восемь свиней по цене в 70 мараведи за каждую... ** и это были те семена, которые дали начало всем кастильским культурам, что здесь ныне имеются, а также и огурцам, дыням, лимонам, апельсинам и прочим видам овощей и фруктов. На Гомере запаслись водой, дровами и свежей провизией для всей флотилии. Здесь же адмирал вручил всем пилотам запечатанные инструкции, в которых указаны были маршруты плавания к земле короля Гуаканагари, где в крепости, заложенной адмиралом, осталось 38 христиан.

Адмирал приказал пилотам ни при каких обстоятельствах не распечатывать инструкцию. Только в том случае, если из-за дурной погоды их корабли отстали бы от флотилии, пилоты

* Из «Истории Индии». — *Прим. перев.*

** Пропуск в тексте. — *Прим. перев.*

получали право распечатать инструкцию, чтобы узнать, каким путем следует им плыть дальше. Но при любых других обстоятельствах подобное не дозволялось, потому что адмирал не желал, чтобы кто-нибудь узнал об этом пути, опасаясь, как бы не проведал о том португальский король.

В понедельник, 6 октября, адмирал приказал всей флотилии поднять паруса. Он прошел мимо острова Иерро, который расположен близ Гомеры и является самым западным среди Канарских островов. Направившись оттуда своим путем, он отклонился к югу больше, чем во время первого путешествия², когда шел открывать [новые земли]. До 24 числа того же месяца адмирал, по его предположению, прошел 450 лиг.

Однажды на корабль залетел жаворонок (golondrina), и немного спустя [небо] стало покрываться тучами и начались ливни. Адмирал предположил, что подобное изменение [погоды] могло произойти только потому, что где-то вблизи есть земля. И поэтому он приказал убрать некоторые паруса, а всем, отбывающим вахту, быть в ночную пору особенно бдительными.

【ОТКРЫТИЕ МАЛЫХ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВОВ И ПУЭРТО-РИКО】

В воскресенье, 3 ноября, когда рассвело, вся флотилия увидела землю. И так велика была всеобщая радость, как будто перед моряками разверзлись небеса; земля эта была островом, который адмирал назвал Доминикой, потому что открыл он его в воскресный день*.

Затем сирова от Доминики замечен был еще один остров, и показалися во множестве и другие острова. Все³ возблагодарили бога и пропели «Salve Regina», затем...** стал доноситься с берега аромат цветов, которым все восхищались. Люди на кораблях видели бесчисленное множество зеленых попугаев, которые летали стаями, как дрозды, в определенное время года и, как обычно, попугаи оглашали воздух громкими криками.

Полагали, что от Гомеры до Доминики за 21 день пройдено было 750 лиг или лишь немногим больше***.

Казалось, что на восточном берегу Доминики не было удобной гавани, и поэтому адмирал направился к другому острову, второму по счету, которому он дал имя «Маригаланте», потому что так назывался корабль, на котором он плыл****. Адми-

* В переводе с испанского dominica — воскресенье.— *Прим. перев.*

** Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*

*** Бернальдес в «Истории католических королей» пишет: «В тот день одни пилоты оценивали расстояние, пройденное от острова Иерро до первой открытой земли, в 800 лиг, другие в 780 лиг.— *Прим. перев.*

**** У Бернальдеса это место изложено иначе: «Не найдя здесь гавани, адмирал решил направиться к другому острову, который показался по

рал высадился на берег и от имени королей Леона и Кастилии принял эти земли в формальное владение, скрепив акт подписью нотариуса *.

Адмирал отправился оттуда на следующий день, в понедельник, и увидел другой большой остров, которому дал имя Гвадалупе **. Корабли подошли к его берегам, и после того как была найдена удобная гавань, стали в ней на якорь.

Затем адмирал приказал отправить несколько лодок к берегу, чтобы осмотреть селеньице, которое виднелось неподалеку. Но моряки не нашли в нем никого, потому что все его обитатели бежали в лес, заметив корабли. Здесь впервые были встречены большие, словно петухи, попугаи, которые зовутся «гуакамайя». Они многоцветные (*de muchos colores*), но большей частью красные, реже голубые и белые. В одном из домов нашли доску с корабля, и все дивились ей и не могли представить себе, как она попала сюда. Ее занесли на этот остров течения с Канарских островов или с того берега Эспаньолы, у которого адмирал потерял свой корабль в первом плавании.

Во вторник, в пятый день ноября, адмирал приказал направить к берегу две лодки, чтобы попытаться захватить на острове местных жителей и выведать от них, что возможно, об этой земле и о людях, ее населяющих, и о том, как далеко она находится от Эспаньолы.

Адмиралу привели двух юношей, и они дали ему знаками понять, что живут не на этом острове, а на другом, который называется Борикен (*Boriquén*) †. Всеми способами, какие только возможны (руками, глазами и жестами, выражающими душевную горечь), они убеждали адмирала, что этот остров населен карибами (*caribes*), которые взяли их в плен и привезли с Борикена, чтобы, по своему обычаю, их съесть.

Вернулись другие лодки, и на них доставлены были шесть женщин, бежавших от карибов. Адмирал не поверил рассказам

правую руку, на расстоянии четырех или пяти лиг от этого острова. У берегов последнего он оставил один корабль, и весь день этот корабль провел в поисках гавани, дабы в случае необходимости можно было войти в нее. Удобная гавань была найдена, и на берегах ее видели дома и людей. Затем упомянутый корабль присоединился к флотилии, и было это ночью, в гавани другого острова, где адмирал высадился с большим количеством людей.— *Прим. перев.*

* Бернальдес отмечает: «Земля эта была безлюдная и росли на ней во множестве никому не ведомые деревья... все было зелено. Здесь нашли дерево, листва которого благоухала, источая тончайший аромат гвоздики, и было это невиданное дерево подобно лавру, хотя и меньшим по величине. Здесь было множество диких плодов различных видов, и плоды эти некоторые неискушенные люди пытались попробовать...» — *Прим. перев.*

** Петр Мартир указывает, что на языке индейцев этот остров назывался «Каракуериа». Бернальдес и Чанка приводят названия Тарукейра и Турукейра.— *Прим. перев.*

о жестокости карибов и, чтобы не отвращать от себя местных жителей, велел отвезти на берег четки, погремушки, заркальца и другие вещи, предназначенные для менового торга, и вернуть увезенных женщин. Карибы набросились на них и отобрали на глазах у моряков, отчаливших от берега, все подарки, которые этим женщинам вручил адмирал.

К лодкам, которые позже были посланы за водой, эти же женщины прибежали снова, захватив с собой двух мальчиков и одного юношу, и все они умоляли христиан, чтобы их доставили на корабли. Юноша сказал, что к югу от этого острова есть много других островов и большая земля, и каждый из этих островов назвал по имени. Адмирал спросил их, объясняясь знаками, где лежит остров Эспаньола... Они указали в ту сторону, где заходит солнце, и хотя адмирал знал по карте своего первого открытия, как пройти к Эспаньоле прямым путем, он с удовольствием выслушал их, желая знать, где находится их родная сторона.

Он хотел уже было поднять паруса, но ему сообщили, что веедо [инспектор] Диего Маркес, который был капитаном одного из кораблей флотилии, без разрешения высадился с восемью людьми, причем вел он себя весьма вызывающе. И, отправившись на берег перед рассветом, эти люди до сих пор не вернулись еще на корабли. Адмирал разгневался, и не без причины, и отправил отряд людей на поиски Диего Маркеса.

Однако, пробродив целый день, люди, высланные на поиски, никого не обнаружили в густой чаще лесов.

Адмирал решил обождать отставших в течение всего дня, опасаясь, что они могут заблудиться. Кроме того, если бы он и оставил им каравелу, люди эти все равно не смогли бы добраться до Эспаньолы.

Адмирал снова направил на берег несколько отрядов с барабанами, надеясь, что их бой услышат люди Диего Маркеса, и приказал стрелять из эспингард *. Но, затратив на поиски весь день и не обнаружив заблудившихся, они возвратились на корабли.

Для адмирала каждый час был годом, и поэтому он, хотя и с великой печалью, все же готов был оставить этих людей. Но так поступить он не пожелал, чтобы не покинуть их беззащитными, опасаясь, что всех их могут убить индейцы или на них обрушится какая-нибудь другая беда. Кроме того, он не хотел подвергать риску корабль, который должен был поджидать их в том случае, если бы люди эти остались здесь.

Адмирал приказал, чтобы все корабли пополнили запасы воды и дров, и разрешил морякам, которые желали прогуляться на берегу или постирать платье, отправиться на остров. Он решил направить Алонсо де Охеду ⁵, капитана одного из кораб-

* См. комментарий № 5 к «Описанию второго путешествия».

лей, с отрядом в 40 человек, на поиски и велел Охеде по пути примечать все, что только имеется на этой земле.

Охеда сообщил адмиралу, что он нашел благовонную смолу, камедь, ладан, воск, алоэ, сандаловое дерево и другие ароматические травы и деревья. Спутники Охеда говорили, что они видели соколов, а ястребов, голубей, гусей, соловьев, цапель и галок было много повсеместно. Встретили они также куропаток и заверяли, что им пришлось, пройдя всего лишь шесть лиг, пересечь 26 рек, и во многих вода доходила до пояса... В конце концов и Охеде не удалось найти Диго Маркеса и его людей.

А вернулись люди Диго Маркеса в пятницу, 8 ноября, и поднялись на корабль. Они сказали, что заблудились в больших и густых лесах и зарослях и не смогли найти дорогу к бухте. Адмирал приказал заключить Диго Маркеса под стражу и наказать его спутников.

Адмирал высадился на берег, желая осмотреть расположенные неподалеку дома, в которых найдено было много хлопковой пряжи и сырца и прялки нового вида.

В домах были подвешены человеческие головы и корзинки с людскими костями, а сами постройки были лучше, чем те, которые он видел во время первого путешествия. В домах было больше необходимой утвари и пищи.

В воскресенье, в десятый день ноября, адмирал приказал поднять якорь и поставить паруса, и вдоль берега острова Гвадалупе отправился на северо-запад на поиски Эспаньолы. И он дошел до очень высокого острова, который назван был им Монтсеррат, так как очертания его были похожи на контуры утесов этой горной цепи⁶.

И с берегов Монтсеррата он увидел красивый остров с обрывистыми берегами, и так круто они спускались к морю, что казалось, будто подняться на них можно лишь с помощью лестниц или веревок, заброшенных сверху. Он назвал этот остров «Санта Мария ла Редонда» (Св. Мария Круглая), а другому острову близ него дал он имя «Санта Мария Антигуа» (Св. Мария Древняя), и берега этого острова в длину тянулись на 15 или 20 лиг.

Оттуда можно было разглядеть на севере много других островов, очень высоких и поросших густым лесом. Близ берегов одного из них, названного «Сан Мартин», адмирал бросил якорь. Когда же якорь поднимали, на одной из его лап нашли, как показалось морякам, куски кораллов.

В четверг, 14 ноября, адмирал бросил якорь у другого острова, которому он дал имя «Санта Крус» (Святой Крест). Он приказал своим людям высадиться на берег и попытаться захватить языка из числа местных жителей.

Взяты были четыре женщины и два ребенка, а на обратном пути лодка встретила с каноэ, в котором сидели четверо

индейцев и одна индианка. Видя, что убежать им не удастся, они стали сопротивляться, причем индианка дралась наравне с мужчинами. Они стреляли из луков и ранили двух христиан, и женщина с такой силой пустила свою стрелу, что она насквозь пробила щит. Тогда христиане стремительно кинулись к каное, опрокинули его и схватили индейцев; один из них, плавая и не выпуская из рук лука, метал из него стрелы почти с такой же силой, как если бы он находился на земле. У одного из них был отрублен детородный орган (*instrumento generativo*), христиане решили, что это сделали карибы, желая раскормить его, как каплуна, и потом съесть.

Следуя от этого острова к Эспаньоле, адмирал встретил бесконечное множество островов, расположенных на близком расстоянии друг к другу. Наибольший из них он назвал «Санта Урсула», а всем им вместе дал имя «Одиннадцать тысяч дев». Оттуда он пришел к другому большому острову, который был назван им «Сан Хуан Баптиста». Выше мы говорили, что индейцы называют один остров «Борикен», и именно этот остров получил имя «Сан Хуан Баптиста». В одной из бухт на его западном берегу, где вся флотилия занималась рыбной ловлей и где было выловлено много разных сельдей-бешенок (*sabalos*) и большое количество бычков (*lizas*), группа христиан высадилась и направилась к домам, сооруженным с большим искусством, хотя все они были из соломы и дерева. Эти дома выходили на площадь, откуда к морю шла гладкая дорога, которая содержалась в хорошем состоянии и была подобна улице. Вдоль нее тянулись тростниковые плетни, сверху украшенные зеленью, как это делается в лимонных и апельсиновых садах Валенсии и Барселоны. У самого моря стоял прочный высокий и крепкий помост, на котором могло поместиться 10—12 человек. Это, должно быть, было место игрищ сеньора всего острова или данной части его.

Адмирал же говорит, что ему не удалось повидать здесь местных жителей. Вероятно, все они сбежали, как только увидели корабли.

[СОБЫТИЕ НА ЭСПАНЬОЛЕ]

В пятницу, 22 ноября, адмирал дошел до первой земли острова Эспаньолы, расположенной в северной стороне на расстоянии 15 лиг от острова Сан-Хуан⁷. Оттуда он послал одного индейца [из числа тех, которых вез с собой из Кастилии], поручив ему внушить всем индейцам страны (а страна эта была провинция Самана) чувство приязни к христианам и поведать им о величии королей Кастилии и знатных диковинках кастильских королевств.

Индеец этот вызвался исполнить поручение адмирала с большой охотой. Но затем никаких вестей о нем адмирал не имел. Видимо, этот посланец погиб.

Адмирал проследовал дальше своим путем, и, когда он дошел до мыса, которому в первом путешествии дал имя «мыс Ангела», навстречу кораблям вышли индейцы на каное со съестными припасами и другими вещами, желая вступить в меновой торг с христианами.

Направившись к горе Христа, адмирал послал к берегу лодку, имея в виду осмотреть устье реки, замеченной с кораблей. Здесь найдено было два мертвых тела. То были, как показалось людям адмирала, трупы старца и юноши. У старика горло было стянуто веревкой кастильской выделки, а руки и ноги были привязаны к бревну, имевшему форму креста. Но нельзя было установить, были ли мертвецы христиане или индейцы. У адмирала явилось подозрение, что все 38 христиан или часть их были убиты здесь.

Во вторник, 26 ноября, адмирал отправил в разные стороны гонцов, чтобы получить сведения о людях, оставленных в крепости [Навидад]. Приходили во множестве индейцы. Они вступали с христианами в беседы и держали себя свободно и без опаски, не проявляя ни малейшего страха. Приобретая куртки или рубахи, они называли эти предметы по-кастильски, давая понять, что им известно, как зовутся эти вещи на языке христиан. И эти слова и поведение индейцев несколько успокоили адмирала, и он пришел к заключению, что оставленные в крепости люди не были убиты индейцами.

В среду, 27 ноября, он вошел в бухту Навидад и бросил в ней якорь.

Около полуночи прибыло одно каное, переполненное индейцами. Каное подплыло к адмиральскому кораблю, и люди, которые сидели в нем, вызвали адмирала, громко повторяя по-кастильски его титул.

Индейцев пригласили подняться на борт корабля, но все они оставались в каное до тех пор, пока сам адмирал не вышел на палубу. Тогда двое из них вступили на корабль и с великими церемониями передали адмиралу от имени короля Гуаканагарí несколько золотых масок.

Адмирал спросил их о христианах, так как страдал, не зная ничего о судьбе оставленных здесь людей; и индейцы ответили ему, что некоторые из христиан умерли от болезней, другие же отправились со своими женами (и при этом со многими женами) вглубь страны.

Адмирал понял и понял ясно, что все христиане были перебиты, но на этот раз скрыл свои опасения и отпустил индейцев, дав им бронзовые чашки (их было у него всегда много в запасе) и другие безделушки, желая задобрить Гуаканагарí. Этим же индейцам в ту же ночь он вручил и иные вещи, и полученные подарки чрезвычайно обрадовали их.

В четверг, 28 ноября, вечером, адмирал со всем своим флотом вошел внутрь бухты Навидад и обнаружил, что селение

целиком сожжено. Вблизи в течение всего дня индейцы не появлялись.

На следующий день утром адмирал вышел на берег и был весьма опечален и удручен, видя, что крепость сожжена и нет здесь тех, которых он оставил в этом месте. Найдены были некоторые вещи, принадлежащие христианам,— обломки разбитых сундуков, куски материи и покрывал, которые зовутся «арамбель» и которыми крестьяне застилают столы. Не приметив ни одного человека, у которого можно было бы расспросить что-либо о христианах, адмирал взял несколько лодок и направился вверх по течению реки, впадавшей в море поблизости. Он распорядился очистить колодец, расположенный близ крепости, желая узнать, не спрятали ли в нем христиане золото. Но в колодце этом ничего не было найдено.

На берегах реки адмирал также не встретил никого, кто мог бы ему сообщить о судьбе оставленных в крепости людей. Однако обнаружены были здесь следы — лоскутья одежды христиан.

Неподалеку от крепости найдено было семь или восемь зарытых в землю тел, и тут же поблизости обнаружено было еще три трупа. Судя по тому, что мертвецы были одеты, следовало признать их христианами. Погибли же они, видимо, с месяц назад или немногим больше.

Следуя далее в поисках следов и примет, которые дали бы возможность узнать о том, что произошло здесь, адмирал встретил брата короля Гуаканагарй, которого сопровождало несколько индейцев; индейцы эти немного понимали наш язык и по именам называли всех оставленных в крепости христиан. С помощью индейцев, привезенных из Кастилии, они рассказали адмиралу о бедах, которые постигли этих христиан.

Они сообщили, что, как только адмирал покинул крепость, среди христиан начались раздоры, которые привели к дракам и поножовщине. Каждый из них стремился захватить как можно больше жен и приобрести побольше золота, и отделялись они друг от друга.

Перо Гутьерес и Эсковедо убили некоего Хакоме, а затем с другими десятью христианами, взяв с собой жен, ушли в земли одного сеньора, имя которого было Каонабб *. Сеньор же этот владел золотыми рудниками. Каонабб убил всех этих людей, а было их 10 или 14.

Далее, сказали индейцы, спустя много дней, явился Каонабб в крепость в сопровождении большого войска. В то время оставались в Навидаде только Диего де Арана, капитан и пятеро христиан, которые не желали с ним вместе охранять крепость. Все же остальные рассеялись по острову, Каонабб

* См. комментарий к «Мемориалу» и «Инструкции мосену Педро Маргариту». — *Прим. перев.*

нападал на крепость ночью, поджег ее стены и дома, где жили христиане. К счастью, последних в ту пору не было в крепости. Но, убегая от индейцев, все они погибли. Король Гуаканагарí, желая защитить христиан, вышел на бой с Каонабò и был тяжело ранен. От раны он не излечился до сих пор.

Рассказ этот совпал с сообщениями, которые принесли другие христиане, посланные адмиралом в иные места, чтобы дознаться о судьбе 39 оставленных в крепости людей. Эти христиане дошли до главного селения Гуаканагарí и там узнали, что король болен и страдает от ран, нанесенных ему в битве с Каонабò. По этой причине Гуаканагарí отказался встретиться с адмиралом и дать ему отчет во всем, что произошло после того, как адмирал отправился в Кастилию.

Гуаканагарí сообщил, что христиане погибли потому, что, как только адмирал покинул их, они стали ссориться между собой. У них возникли нелады, и эти люди принялись отбирать жен у их мужей, и каждый из них отправлялся добывать золото сам, и только для себя. Группа бискайцев соединилась против всех остальных христиан, а затем все они рассеялись по стране и там за свои провинности и дурные поступки были убиты.

Гуаканагарí через посетивших его христиан просил адмирала притти к нему. Он заявил, что не может выйти из своего дома из-за уже упомянутого недуга.

Адмирал отправился к Гуаканагарí. Последний с печальной миной рассказал адмиралу все, о чем уже сообщалось выше, показывая при этом свои раны и раны его людей, полученные при защите крепости. И было несомненно, что эти раны нанесены им были индейским оружием, камнями, кидаемыми из пращей, и дротиками с наконечниками из рыбьих костей.

По окончании беседы Гуаканагарí подарил адмиралу четки из 800 мелких камней, высоко ценимых индейцами (они называют эти камни «сиба»), и другие, золотые, четки, в которых было 100 бусинок, золотой венец и три тыквины, называемые здесь «ибуера», наполненные золотыми зернами. Золота же в этих тыквинках было более чем на 4 марки, т. е. на 200 золотых кастельяно, или песо.

Адмирал дал Гуаканагарí много всевозможных кастильских изделий: стеклянные четки, ножи, ножницы, иглы, погремушки, булавки, зеркальца. Все эти подарки стоили не более четырех-пяти реалов, но Гуаканагарí казалось, что он стал теперь очень богатым.

Гуаканагарí пожелал сопровождать адмирала до того места, где был разбит у христиан лагерь. В честь Гуаканагарí устроено было большое празднество. Король восхищен был при виде лошадей, и его привело в изумление искусство верховой езды.

Адмирал узнал, что один из 38 оставленных в крепости людей поносил в присутствии индейцев и самого Гуанакагарí свя- тую веру.

Адмирал считал необходимым наставить в вере Гуаканага- рí; он заставил Гуаканагарí надеть на шею серебряный обра- зок богоматери, каковой тот раньше не желал принимать.

Далее адмирал говорит, что отец Буйль * и все прочие же- лали захватить Гуаканагарí в полон. Но адмирал не хотел по- ступать таким образом, считая, что, поскольку христиане, остав- ленные в крепости, уже мертвы, захват короля Гуаканагарí все равно не позволит ни воскресить покойников, ни препрово- дить их в рай, если только они не попали туда прежде.

И, кроме того, адмирал полагал, что Гуаканагарí, как это ведется и в христианских странах, связан родственными узами с другими индейскими королями, которые будут оскорблены пленением своего родича. А между тем короли Кастилии немало понесли издержек, направив сюда людей для заселения земель, а война, в случае если она разразится, помешает основать в этой стране город. А главное, захват Гуаканагарí чрезвычайно вос- пренятствовал бы распространению христианской веры и обра- щению в нее индейцев,— тогда как именно в этом заключалась суть предприятия, ради которого короли послали сюда людей.

Если же все то, что говорил Гуаканагарí оказалось бы правдой, взятие его в плен явилось бы величайшей несправед- ливостью и внушило бы индейцам чувство ненависти и злобы к христианам, а сам адмирал слыл бы тогда в глазах местных жителей неблагодарным человеком, оплатившим злом за ра- душный прием, который Гуаканагарí оказал ему в первом пу- тешествии, и за выступление этого короля в защиту христиан, предприятие им с риском для жизни, как о том свидетель- ствовали его раны.

И, наконец, необходимо было, по мнению адмирала, сперва заселить землю, только тогда, когда это свершилось бы и соору- жение крепости было бы закончено, явилась бы возможность наказать виновных, в случае если правда откроется.

Адмирал, видя, что в провинции Марьен земли низкие и нет в ней строительного камня и других материалов для возведе- ния зданий, решил отправиться в поисках места, подходящего для основания поселения, далее вдоль берега на восток, хотя в этой округе воды были хороши и гавани удобны.

Приняв это решение, он вышел в путь со всем своим фло- том в субботу, 7 декабря, из бухты Навидад и в тот же вечер стал на якорь у островков, расположенных близ горы Христа ⁶.

На следующий день, в воскресенье, адмирал поднялся на гору и с ее высоты обозревал земли, желая выбрать место для основания поселения. Но он намеревался отправиться отсюда

* См. комментарии к «Мемориалу». — *Прим. перев.*

к Серебряной горе, так как полагал, что эта область находится неподалеку от провинции СибАО. А, судя по тому, что он узнал во время первого путешествия, в тех местах расположены были богатые золотые рудники, а самую провинцию СибАО он считал страной Сипанго.

Ветры с тех пор, как он вышел из бухты Горы Христа, были противные, и в течение многих дней пришлось трудиться в поте лица, причем вся флотилия ввергнута была в печаль и смуту. Люди и лошади устали чрезвычайно. По этой причине адмирал не мог выйти из бухты Благодати. При этом он находился всего лишь в пяти или шести лигах от Серебряной бухты (сам адмирал полагал, что находится от нее на расстоянии 11 лиг). Бухта эта, по словам адмирала, исключительная (*singularrissima*), и он поселился бы на ее берегах, если бы знал, что в нее впадает достаточно значительная река или что на берегах ее имеются источники и есть хорошие земли. В конце концов адмирал вынужден был возвратиться назад — туда, где на расстоянии трех лиг от этой бухты в море впадала большая река и имелась хорошая, хотя и открытая северо-западным ветрам, бухта. Там, у одного индейского селения, решил он высадиться на берег.

Он обнаружил выше по течению реки прелестнейшую долину и нашел, что воды этой реки легко можно отвести в оросительные каналы, которые в будущем могли быть проведены на территории поселения, и использовать для водяной мельницы и для различных приспособлений, необходимых при строительстве зданий.

Взвесив все это, адмирал решил «во имя святой Троицы» основать здесь поселение. И приказал он тотчас же высадиться на берег всем людям, а они были очень утомлены и измучены (точно так же, как и лошади), и выгрузить снаряжение и все прочие вещи.

Все выгруженное на берег он распорядился перенести на площадку, которая находилась близ скалы, вполне пригодной для постройки на ее склонах крепости. На этом месте он приступил к постройке селения или поселка (*pueblo ó villa*), первого на землях Индии; и пожелал он, чтобы это селение названо было Изабеллой, в честь королевы доньи Изабеллы, а ее адмирал особенно чтит и желал угодить ей и служить, как никому в целом свете*.

После того как заложен был городок, адмирал премного возблагодарил бога за удобное для поселения место, которое нашел в этой округе.

Все постройки возводились с величайшей быстротой, и прежде всего адмирал приложил немало стараний, чтобы со-

* О селении Изабелла см. комментарий 23 к письму доктора Чанки.—
Прим. перев.

орудить склад для снаряжения и различных припасов флотилии, церковь и госпиталь, а также укрепленный дом для него самого.

И было сделано все, что только оказалось возможным. Адмирал, распределяя участки для постройки (solares), наметил места улиц и площади и отвел места для заселения именитым особам, распорядившись, чтобы каждый строил дома так, как лучше ему покажется. Общественные здания строились из камня, прочие же из дерева и соломы и из иных материалов, сообразно возможностям.

Подобно многим своим спутникам, адмирал не избежал недуга, свалившего его в постель.

В то время как адмирал вел работы по постройке города Изабеллы (при этом он старался не терять времени и не расходовать впустую материалы), он получил некоторые новые сведения о землях острова и, в частности, о своем вожделенном Сипаго (Сибоа). Эти сведения принесли ему индейцы, что жили неподалеку от Изабеллы. Они утверждали, что Сибоа находится поблизости от этих мест. И адмирал решил отправить туда разведчиков (descubridores), которые дознались бы, где имеется то, к чему так настойчиво стремились все, т. е. золотые рудники, и для этой цели он выбрал Алонсо де Охеда.

Пока Охеда выполнял это поручение, адмирал намеревался отправить, не теряя времени, корабли в Кастилию. Для отправки намечены были 12 кораблей; 5 кораблей — два крупных судна и три каравелы — решено было оставить. Эти корабли адмирал выбрал из всей флотилии в 17 судов для различных нужд, которые могли бы иметь место в будущем, а также для совершения новых открытий, о чем ниже будет сказано.

Спустя немного дней Алонсо де Охеда возвратился и представил адмиралу отчет. Охеда отмечал, что в течение первых двух дней пути он испытал немало трудностей, продвигаясь через безлюдную местность. Но, спустившись к берегам одной бухты, он нашел там много селений, которые встречались ему на каждом шагу. Сеньоры этих селений и местные жители встречали [пришельцев] как ангелов; индейцы выходили им навстречу, предоставляли помещения и угощали так, словно пришельцы были их братьями. Охеда продолжал свой путь и через пять-шесть дней прибыл в провинцию Сибоа. Местные жители, которые встречались на берегах окрестных бухт, и индейцы, которых Охеда использовал в качестве проводников, в присутствии Охеды и христиан отобрали многочисленные пробы золота, достаточные, чтобы удостовериться и убедиться в том, что здесь есть много этого металла.

Новость эта обрадовала всех, но особое удовольствие она доставила адмиралу. Он решил после отправки кораблей в Кастилию выйти в поход на осмотр упомянутой провинции Сибоа,

чтобы все люди увидели своими глазами [золото]. В этом случае они могли бы, подобно святому Фоме, уверовать и воочию убедиться во всем.

Составив подробный отчет для католических королей о стране и о том состоянии, в котором она находилась, и о месте, избранном для поселения, приготовив для отправки в Кастилию пробы золота, данные Гуаканагары и Охедой, и поставив королей в известность обо всем, что он считал необходимым, адмирал отправил 12 кораблей. Капитаном флотилии он назначил Антонио де Торреса *, брата кормилицы (ауа) принца дона Хуана, и ему он вручил золото и депеши (despachos). Корабли пустились в обратный путь 2 февраля 1494 года.

Некоторые утверждали, будто адмирал отправил в Кастилию с этой флотилией одного капитана по имени Горвалан. Но это неверно, и все изложенное в таком виде, как о том выше говорилось, соответствует тексту письма, отправленного адмиралом королям: письмо это, писанное его рукой, я видел, и оно находится в моем распоряжении.

Когда корабли отплыли в Испанию, адмирал решил отправиться на осмотр страны; состояние здоровья его к тому времени улучшилось. Особенно желал он посетить провинцию Сибео.

В те дни, когда он был болен, некоторые недовольные люди, занятые на работах [в Изабелле], задумали похитить или захватить силой пять оставшихся кораблей или часть из них, желая возвратиться в Испанию. Говорят, что подстрекал их Берналь де Писа **, альгвасил королевского двора, которому короли оказали милость, назначив его контадором острова [Эспаньолы].

Ввиду этого адмирал, стремясь к тому, чтобы мятеж не разразился, арестовал Берналя де Пису и приказал заключить его на одном из кораблей, чтобы затем отправить в Кастилию на суд. Всех прочих [мятежников] он велел наказать. В связи с этим он приказал с четырех кораблей перенести все снаряжение, артиллерию (artilleria) и необходимые для мореплавания приспособления на флагманский (пао саритана) корабль, и на нем оставил людей, заслуживающих доверия. У Берналя де Писы нашли в толстой палке донос на адмирала.

Адмирал оставил надежную охрану на флагманском корабле и поручил управление [поселением] своему брату, дону Диего, и особам, которые должны были оказывать ему помощь и давать советы. Для себя же адмирал отобрал наиболее сильных и здоровых людей, пеших и конных, а также строителей, каменщиков и плотников и иных мастеров со всем инструментом и орудиями, необходимыми как при добыче золота, так и

* См. комментарий к «Мемориалу». — *Прим. перев.*

** Там же. — *Прим. перев.*

при постройке укрепленных мест, где бы христиане могли быть в безопасности в случае, если бы у индейцев явились дурные намерения, и вышел в путь из городка Изабеллы. С ним были христиане и индейцы из селения, расположенного неподалеку от Изабеллы. Совершилось же это 12 марта 1494 года.

Адмирал, желая повергнуть в страх страну и показать индейцам, что христиане достаточно могущественны, чтобы защитить себя и принести ущерб тем, кто на них нападет, распорядился выйти в путь в боевом порядке, с распушенными знаменами, под звуки труб, и дать салют из эспингард. Все это привело в величайшее изумление индейцев. И это адмирал повторял при входе и при выходе из селений, встречавшихся ему на пути.

За первый день прошли три лиги и остановились на ночлег на одном довольно унылом перевале. Местность там была пустынная. А так как индейские дороги не шире наших выючных троп (ведь у местных жителей нет ни ездовых животных, ни экипажей, и узость дорог не препятствует поэтому движению по ним), он отдал распоряжение группе людей, в которой были идальго и трудовой народ, следовать на два добрых выстрела из бельесты вперед вверх по склону хребта и лопатами и заступами расширять путь, срубая и выкорчевывая деревья. По этой причине он назвал перевал Идальгос.

На следующий день, в четверг 13 марта, поднявшись на перевал Идальгос, увидели обширную долину, длиной в 80 лиг и шириной от одного до другого края в 20 или 30 лиг. Была эта долина так зелена, светла, ярка и прекрасна, что тому, кто видел ее казалось, что перед ним один из уголков рая; и все преисполнились несказанным восторгом и великой радостью. Адмирал, восхвалив бога, назвал эту долину «Вега Реаль» (Vega Real) — королевской плодородной долиной, а затем весь отряд стал спускаться с горы, и спуск занял гораздо больше времени, чем подъем, хотя при этом люди радовались от всей души. Вступив в долину, прошли чудеснейшими полями пять лиг: такова была ширина этой долины в этом месте. Миновали много селений, и жители встречали христиан, как пришельцев с неба.

А затем дошли до большой и прелестной реки, которая была не менее полноводна, чем Эбро в Тортосе или Гвадалквивир в Кантильяне. Реке этой, которую индейцы называли Яки, адмирал дал имя Тростниковой (Rio de Cañas). На берегах ее, радостные и довольные, путники переночевали. Они с наслаждением купались в ее водах и с удовольствием любовались этой счастливой и прелестной землей, где воздух так нежен, особенно в это время года, т. е. в марте.

Когда отряд проходил через селения, индейцы, взятые в Изабелле, входили в дома и брали все, что им нравилось, и это радовало хозяев; так что казалось, будто все было здесь до-

стоянием всех. А жители селений, куда входили христиане, брали у них все, что им приходилось по вкусу, полагая, что такой обычай свойственен нам, кастильцам.

На следующий день, 14 марта, отряд перешел реку Яки. На каное и плотах перевезены были люди и имущество, лошади же переправились через реку вброд, хотя и было там глубоко, но не настолько, чтобы им приходилось переправляться вплавь (лишь при выходе из воды у самого берега были глубокие места). В полутора лигах от переправы отряд встретил другую большую реку, которую адмирал назвал Золотой (Rio del Oro), так как в ней было найдено при переправе несколько зерен золота.

После того как с немалыми трудностями переправились через реку, вступили в большое селение, из которого большинство жителей бежало в окрестные горы, как о том узнали христиане. Часть жителей осталась в селении. Индейцы, задержавшиеся в селении, укрылись в домах и по простоте душевной загородили двери тростником, полагая, что эти заграждения столь же надежны, как запоры крепостных стен. Они думали, что, увидев эти тростниковые заграждения, христиане решат, что хозяева не желают, чтобы в дома их входили посторонние лица, и не захотят поэтому войти в жилища. Адмирал приказал, чтобы никто не смел заходить в дома индейцев, и успокоил, насколько это возможно, оставшихся в селении жителей, потерявших голову от страха.

Мало-помалу они стали выходить из домов, чтобы поглядеть на христиан.

Адмирал вышел из этого селения и достиг берегов другой прекрасной реки, столь зеленых, что эту реку он назвал «Зеленой» (Rio Verde).

В русле реки и на ее берегах попадались округлые, или почти округлые, камни, подобные булыжнику, которые ярко блестели. Здесь отряд расположился на ночлег.

На следующий день, в субботу 15 марта, адмирал вступил в большое селение, и там все местные жители, за исключением отсутствующих, заперлись в домах, приперев палками двери, чтобы никто не вошел к ним, как это уже имело место в тех селениях, что встречались на пути раньше.

Вечером отряд достиг перевала, названного адмиралом «Проходом Сибao» (Puerto de Cibao), так как по ту сторону его начиналась провинция Сибao. Тут пришлось заночевать, потому что все люди очень устали. Место это было расположено в 11 лигах от спуска с высот перевала, который адмирал назвал в память трудного подъема перевалом Идальгос.

Прежде чем начать подъем этим перевалом, адмирал отправил людей прокладывать дорогу, распорядившись подготовить ее наилучшим образом с тем, чтобы могли пройти лошади. Отсюда он отправил часть вьючных животных в Изабеллу за

провиантом. Людей нельзя было прокормить в пути за счет местных припасов, поэтому израсходовано было много хлеба и вина, т. е. главных видов довольствия, и явилась необходимость в пополнении взятых на дорогу запасов.

В воскресенье, 16 марта, вступили в страну Сибоа, где земли тощие и гористые. Горы здесь были бесплодные, усеянные большими и малыми камнями. На холмах, не покрывая их сплошь, росла низкая трава.

В некоторых местах, правда, травы были более густые. Везде в этой провинции были бесчисленные реки и ручьи, и повсюду в них найдено было золото. Адмирал говорит, что провинция эта была величиной с Португалию⁹. В каждом ручье, который попадался на пути, находили мелкие зерна золота.

Так как прошло немного времени с тех пор, как здесь побывал Алонсо де Охеда, посланный в эти места адмиралом, индейцы были уже подготовлены к приходу христиан и знали, что к ним явится сам «гуамикина» христиан (гуамикина на их языке означает большой сеньор). Поэтому во всех селениях, которые проходил отряд, жители с большой радостью выходили навстречу адмиралу и христианам и приносили в дар пищу и все, что только у них имелось, в частности золото в зернах; оно было собрано уже после того, как они получили сведения о том, что именно этот металл был причиной прихода христиан. В этот день адмирал находился на расстоянии 18 лиг от Изабеллы. Он нашел здесь, как о том он пишет в письме к королям, много золотых рудников, медь, ляпис-лазурь, янтарь (ambar) и некоторые виды пряностей.

Так как по мере продвижения вглубь Сибоа земли становятся все более и более труднопроходимыми, особенно для лошадей, решено было... * построить в том месте, где находился адмирал, укрепление с тем, чтобы христиане могли получить здесь убежище и управлять этой страной золота. Адмирал выбрал отраднейшее место и велел соорудить из дерева и глины добрую крепость, которой он дал имя твердыни Св. Фомы.

Адмирала и его спутников чрезвычайно удивила одна находка, когда отрывали яму для фундамента (а грунт был твердый и местами приходилось дробить камень), люди обнаружили на глубине одного эстадо ** несколько сплетенных из соломы гнезд; и казалось, что заложены они совсем недавно. В гнездах этих найдены были три или четыре камня, круглых, словно апельсины, как бы специально обработанных наподобие ядер от ломбард.

В качестве капитана и альгвасила этой крепости адмирал оставил арагонского рыцаря дона Педро Маргарита — особу,

* Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*

** Эстадо — длина человеческого тела.— *Прим. перев.*

всеми уважаемую. Ему он дал 52 человека. Впоследствии адмирал послал ему новые партии воинов и мастеров, так что гарнизон крепости доведен был до 300 человек с тем, чтобы ее можно было быстрее достроить и успешно защищать.

Оставив [Маргариту] инструкцию* и отдав необходимые распоряжения, адмирал отправился в обратный путь, в Изабеллу, намереваясь возможно скорее выйти в путь для свершения дальнейших открытий.

И 21 марта, в пятницу, он отправился в дорогу и по пути встретил караван с продовольствием и разными припасами, который шел из Изабеллы; адмирал направил его в крепость.

Так как река разлилась из-за обильных дождей в горах, адмирал вынужден был задерживаться в индийских селениях дольше, чем он того желал, и его люди стали питаться «касаби», или хлебом из ахе, и другими местными припасами, которые индейцы весьма охотно приносили христианам. Адмирал велел давать индейцам взамен четки и другие малоценные безделушки, которые он взял с собой, отправляясь в Сивао.

В субботу, 29 марта, адмирал прибыл в Изабеллу, где застал людей в состоянии сильного утомления. Многие умерли, немало людей хворало, а те, которые были здоровы, ослабели от недоедания и опасались, что их постигнет еще более тяжкая участь. Тягостно и плачевно было их состояние; и скорбь и сострадание являлись при виде крайней нужды и мук, которые испытывало большинство жителей Изабеллы.

Увеличивалось число больных и умерших по мере того, как все более и более сокращались рационы и пища становилась скуднее. А запасы провианта уменьшались с каждым днем. К тому же еще при высадке было обнаружено, что много съестных припасов испорчено и сгнило.

Адмирал считал, что виновны в этом были капитаны кораблей, и в их небрежности видел главную причину зла. Те же продукты, которые остались, сохранились в целости, не теряя влаги благодаря тому, что на Эспаньоле жара была меньше, чем в Кастилии.

Так как сухари кончились, муки не было и оставалось только одно зерно, адмирал велел построить плотину на большой реке Изабелле, с тем чтобы поставить на ней водяную мельницу, но на добрую лигу в окружности нельзя было найти подходящего для этой цели места.

Большая часть рабочих людей и мастеров была больна, голодна и истомлена, и они мало что могли сделать, не имея сил. Поэтому было необходимо, чтобы этим людям оказали помощь идалго и дворцовые слуги (*hidalgos y gente del palacio ó de casa prieta*).

* См. инструкцию Колумба мосэну Педро Маргариту.— *Прим. перев.*

Впрочем, и они страдали от голода и лишений. И для тех, и для других труды при отсутствии пищи равносильны были смерти, и адмиралу пришлось применять власть и тяжело наказывать за ослушание и простых и благородных людей, чтобы могли осуществляться всевозможные общественные работы...

Из крепости Св. Фомы прибыл гонец, посланный капитаном Педро Маргаритом. Он сообщил адмиралу, что все местные индейцы бежали, покинув свои селения, и что сеньор некоей провинции, которого звали Каонабо, готовится к походу на крепость и намерен истребить засевших в ней христиан.

Получив эти вести, адмирал решил отправить в крепость Св. Фомы 60 наиболее здоровых людей и караван с снаряжением и оружием. 25 человек из числа отправляемых он предназначал для охраны каравана, остальные же люди должны были пополнить гарнизон крепости и по пути привести в порядок дорогу для каравана, очень уж трудна она была, в особенности вначале.

С этим отрядом адмирал решил отправить также всех людей, не страдающих от болезней и могущих ходить, причем в путь должны были выйти даже те, которые были и не вполне здоровы. В Изабелле он задержал только мастеров-ремесленников.

Во главе этой партии адмирал поставил Алонсо де Охеду, поручив ему доставить всех людей в крепость Св. Фомы и передать их упомянутому Педро Маргариту. Последнему же он приказал выйти в поход с новым подкреплением вглубь страны и опустошить все земли, чтобы показать индейцам, как сильны христиане, внушить им страх и положить начало их обучению искусству повиновения.

Этот поход надлежало главным образом совершить в Вега Реаль, где, по словам адмирала, жило неисчислимое множество людей и имелось немало королей и сеньоров. Кроме того, на пути следования христиане питались бы местными припасами. Все доставленное из Кастилии было уже съедено. Алькальдом крепости Св. Фомы должен был оставаться Охеда. В среду 9 апреля 1494 года Алонсо де Охеда с отрядом, численность которого превосходила 400 человек, вышел в поход и, переправившись на другой берег реки, которой адмирал дал имя Золотой, захватил касика и сеньора селения, что лежало в этих местах, а также брата и племянника этого касика. Как пленников, в цепях и оковах, отослал их Охеда в Изабеллу адмиралу. Более того, Охеда приказал схватить одного вассала упомянутого касика и отрубить ему уши, причем все это было проделано посреди селения.

Адмирал говорит, что подобное [наказание] совершено было вот почему: когда трое христиан отправились в путь из

крепости к Изабелле, касик, о котором идет речь, дал им пять индейцев. Эти индейцы должны были перенести вброд одежду христиан, но посреди реки они покинули их и возвратились с платьем в свое селение. Касик же не покарал этих индейцев и забрал себе одежды христиан.

Было на том же берегу реки другое селение. И местный касик и сеньор, узнав, что сосед его взят в плен и отправлен в Изабеллу со своими родичами — братом и племянником, пожелал отправиться с ними к адмиралу, чтобы упросить его не делать пленникам зла и заверить, что люди эти совершили немало добрых дел, когда их впервые посетил Охеда, и в то время, когда пребывал в этой местности адмирал. Он надеялся, что адмирал внемлет его просьбам.

Когда пленники, а с ними и этот касик, прибыли в Изабеллу, адмирал велел отвести пленных на площадь селения, с тем, чтобы им после оглашения приговора отрубили головы. Касик, который явился просить за своих земляков, видя, что ведут на смерть сеньора, его соседа, который, быть может, был его отцом, братом или родственником, обливаясь слезами, стал умолять адмирала не учинять казни, знаками заверяя (насколько можно было то понять), что никогда больше осужденные не будут совершать проступков во вред христианам.

Уступая его мольбам, адмирал сохранил пленникам жизнь.

В то время, когда все это происходило, прискакал из крепости Св. Фомы всадник и сообщил, что когда пятеро христиан проходили через селение пленного касика, они были внезапно окружены его вассалами, которые намеревались убить всех пятерых пришельцев. Но всадник этот рассеял индейцев, обратил в бегство толпу, в которой насчитывалось более 400 человек, и, преследуя беглецов, убил нескольких.

Адмирал, желая навести порядок в управлении Эспаньолой и в делах, касающихся индейцев, чтобы покорить их, учредил совет, в который вошли наиболее, по его мнению, разумные и авторитетные лица. Председателем этого совета он назначил своего брата Диего, а членами были уже упомянутый отец Буйль, который, как говорят, имел полномочия от папы и был его легатом, главный альгвасил Перо Эрнандес Коронель, рехидор города Баэсы Алонсо Санчес де Карвахаль и мадридский рыцарь, клиент королевского двора Хуан де Лухан. Этим пяти особам адмирал вручил управление Эспаньолой, а Педро Маргариту велел он со всем его отрядом в 400 человек выйти в поход и покорить весь остров. При этом и членам совета, и Педро Маргариту он вручил свои инструкции. Инструкции же эти, как о том говорит адмирал, составил он, имея в виду служение богу и интересы их высочеств.

Сам адмирал с одним большим кораблем и двумя каравелами (все эти суда были хорошо снаряжены) отплыл в четверг 24 апреля того же 1494 года в послеобеденный час на запад,

оставив в бухте селения Изабеллы два корабля для местных нужд. Вечером он прибыл в бухту у горы Христа и стал на якорь.

На следующий день адмирал вошел в бухту Навидад, где оставил когда-то на земле короля Гуаканагарí 38 христиан *. Гуаканагарí, опасаясь, что адмирал явился сюда, желая наказать его за умерщвление христиан (в чем, как это говорилось уже выше, он не был повинен), скрылся. При этом индейцы, прибывшие на своих каное к кораблям, в ответ на расспросы адмирала, утаивая истину, заявили, будто Гуаканагарí отправился в какой-то поход и скоро вернется обратно.

В конце концов адмирал, не желая больше ждать, приказал поднять паруса и в субботу отправился к острову Тортуга. Он прошел 6 лиг при затишьи и сильном волнении на море, шедшем с востока. Течения же, напротив, шли с запада. Поэтому всю ночь адмирал провел в тяжких трудах.

В воскресенье при противном ветре, вероятно северо-западном, и течениях, что шли от носа, следуя с запада (*que venían por la proa del occidente*), адмирал вынужден был стать на якорь за рекой, названной им в первом путешествии Гвадалкивиrom.

[ОТКРЫТИЕ ЯМАЙКИ И ЮЖНОЙ КУБЫ]

Адмирал пересек залив между Кубой и Эспаньолой, шириной как раз 18 лиг от мыса до мыса и от края до края, и поплыл вдоль южного берега острова Кубы. Он обнаружил обширный залив, который назвал Большой гаванью (*Puerto Grande*). Вход в него был очень глубок, а ширина доходила до 150 шагов.

Здесь он стал на якорь, и сюда прибыли на своих каное индейцы, которые привезли много рыбы и кроликов из той породы, что мы называем «гуаминикинахе».

1 мая, в воскресенье, адмирал поднял паруса и отправился дальше, следуя вдоль берега. Ежечасно открывались перед ним чудеснейшие бухты и высокие горы и реки, впадающие в море. А так как шел он совсем близко от берега, приходили к кораблям на каное индейцы без числа. Они думали, что явились пришельцы с неба, и приносили им свой хлеб — «касаби», воду, рыбу и все, чем они располагали. Все это индейцы предлагали христианам с великим радушием, ничего не требуя от них взамен, как будто полагали, что каждая принесенная в дар вещь спасет их душу. Но адмирал велел за все это платить, давая индейцам стеклянные четки, погремушки и другие безделушки. Они же оставались в полнейшем восторге, получая все это и думая, что уносят с собой небесные дары.

* Колумб оставил в Навидаде не 38, а 39 человек.— *Прим. перев.*

Так как индейцы, которых вез с собой адмирал, все время обращали его внимание на то, что неподалеку лежит остров Ямайка, где есть много золота, и указывали, в каком направлении находится этот остров, он решил отклониться к юго-востоку, чтобы затем пройти на юг.

В субботу, 3 мая, и на следующий день, в воскресенье, адмирал увидел берега Ямайки, а в понедельник подошел к острову и бросил якорь, но не в бухте, а в открытом море. Он говорит, что с того момента, как увидел этот остров, он показался ему самой прекрасной и благодатной землей из всех, что до сих пор были открыты. К кораблям приходило несчетное число больших и малых каное.

В понедельник адмирал принялся за поиски надежной гавани. Для этого он отправил в устья рек лодки, чтобы промерить дно.

Навстречу лодкам вышло множество каное с вооруженными людьми, готовыми защищать свою землю. Моряки, бывшие в лодках, видя, что индейцы бросаются из каное и плывут в их сторону, желая воспрепятствовать высадке, решили вернуться на корабли.

Затем адмирал подошел к гавани, названной им «Хорошей» (Puerto Bueno). Там индейцы также попытались помешать лодкам войти в бухту. Понимая, что, если христиане проявят страх перед индейцами, последние станут еще более дерзкими, адмирал решил дать им урок и приказал выстрелить из баллест. После того как шесть или семь индейцев было ранено, они сочли за благо прекратить сопротивление, и к кораблям из ближней округи явилось огромное число каное с индейцами, причем на этот раз они были покорны и тихи. Индейцы привезли съестные припасы и все прочее, чем они владели, и охотно давали привезенное с собой христианам за любую вещь, какая им только ни предлагалась.

В этой гавани адмирал устранил течь, открывшуюся в килевой части одного из кораблей. Бухта, в которой он бросил якорь, имела форму подковы. Острову [Ямайке] адмирал дал имя Сантьяго.

В пятницу, 9 мая, он вышел из бухты и отправился вдоль берега Ямайки далее на запад. Шел он так близко от берега, что многие каное следовали рядом с кораблями, и индейцы мирно и радостно вели с христианами меновой торг.

И так как дули противные ветры, адмирал не мог продвигаться вдоль берега острова и решил возвратиться к Кубе.

13 мая, во вторник он направился к Кубе, намереваясь пройти вдоль берега 500 или 600 лиг, чтобы убедиться, была ли эта страна материком или островом.

В день отплытия явился один юноша-индеец на корабль и знаками объяснил, что он желает отправиться с христианами. Вслед за ним пришли его многочисленные родичи и братья,

умоляя его не уходить с христианами. Но им не удалось убедить юношу, хотя эти люди пролили немало слез, уговаривая его остаться. Он же, чтобы не видели его слез, удалился в укромное место и в конце концов остался на корабле. Его родственники покинули корабль опечаленные и безутешные.

Итак, покинув со всеми кораблями Ямайку, адмирал достиг на острове Кубе одного мыса, который он назвал мысом Креста (Cabo de Cruz), в среду, 14 мая. В то время как он шел вдоль берега, лил сильный дождь с громом и молнией. Море было мелкое, и на каждом шагу кораблям грозила опасность нарваться на мель.

Ливень, а также мели — опасности, обрушившиеся на адмирала одновременно, ставили его в тяжелое положение, и в трудах и заботах боролся он с ними. Ведь средства, применяемые для борьбы с каждым этим злом, взаимно исключают друг друга, и поэтому, когда они одновременно одолевают корабль, спасти его можно только чудом. Происходит же так потому, что при столь неустойчивых ливнях, какие бывают в этой стороне, следует для устранения опасности убавлять паруса, тогда как для того, чтобы не посадить корабль на мель, необходимо поступать как раз наоборот.

Чем дальше шел адмирал, тем гуще становились бесчисленные мелкие и низкие островки. Одни из них были подобны песчаным отмелям, другие поросли кустарником, третьи настолько низко сидели в воде, что совсем не выдавались над ней. Чем ближе находились эти островки от берега Кубы, тем приветливее и зеленее казались они. Рассеяны они были в море на расстоянии одной, двух, трех или четырех лиг один от другого. В среду, 14 мая, адмирал видел множество островов, а на следующий день появились они еще в большем количестве и среди них попадались очень большие острова. Так как они были неисчислимы и каждому из них нельзя было дать свое особое название, адмирал назвал все эти острова «Садом королевы» (*jardin de la reina*) *. В этот день насчитали более 150 островов, расположенных и на севере, и на северо-западе, и на юго-западе. Между ними имелись проходы, через которые могли проследовать корабли, и глубина достигала там трех и более локтей.

На некоторых островах встречалась красная птица, подобная журавлю **, и множество очень крупных черепах, величиной с большое колесо и лишь немного уступавших по размерам адарге (кожаному щиту). Видели также журавлей, похожих на кастильских, ворон и других птиц, которые сладкозвучно пели, а с островов доносился нежнейший аромат, которым все наслаждались.

* О «Саде королевы» см. комментарии к «Истории католических королей» Бернальдеса.— *Прим. перев.*

** Вероятно, фламинго.— *Прим. перев.*

Близ одного из островов замечено было каное. Находящиеся в нем индейцы ловили рыбу. Увидев христиан, приближающихся к ним на лодке, они продолжали спокойно заниматься своим делом, как будто думали, что к ним едут их братья, и знаками просили людей, которые были в лодке, задержаться на некоторое время на месте. Христиане так и поступили и не подходили к индейцам до тех пор, пока они не прекратили ловли.

Индейцы выловили рыб, которые называются «ревесо» (reveso); рыбы эти чуть побольше наших сардин. На брюхе у них твердое утолщение, которым они могут присасываться к разным предметам и, раз присосавшись к нему, не отрываются, даже будучи истерзанными на куски. Индейцы привязывают к их хвосту тонкую нить и, прибыв в места, где водятся в воде черепахи, бросают этих рыб в море так, чтобы они присосались к панцирю черепахи. Затем они тянут к себе нить и вытаскивают вместе с рыбой и черепаху, которая порой весит 4—5 арроб. Точно так же ловят индейцы акул — свирепых тварей, охочих до мяса и пожирающих людей.

Индейцы, закончив рыбную ловлю, подошли к лодке. Христиане знаками предложили им следовать к кораблям, и они весьма охотно направились туда. Адмирал велел дать им разные безделушки и узнал от них о лежащих далее островках. Все, что было у них, эти индейцы щедро отдавали христианам, и покинули они корабли довольные и радостные.

Адмирал продолжал путь, следуя на запад, среди бесчисленных островов. Каждый вечер, вплоть до восхода луны, бушевала буря, и шел ливень с грозой. Опасности, о которых упоминалось уже прежде, подстерегали адмирала на каждом шагу, и ему пришлось испытать так много лишений и затратить столько труда, что об этом нелегко рассказать. Сам он и люди его бдительно дежурили день и ночь и особые наблюдатели сидели на дозорных площадках, укрепленных на мачтах. Не раз днище корабля, на котором шел адмирал, не только касалось дна, но и скребло его, и приходилось прилагать немало усилий, чтобы сдвинуть судно с мели, то направляя его назад, то двигаясь вперед.

Адмирал достиг одного острова, более крупного, чем все прочие, и назвал его Санта Марией. На этом острове было селение. Но ни один индеец из страха перед христианами не решился показаться на берегу. Тут обнаружено было много рыбы и встретились собаки, которые не умели лаять. Над всеми островами видели многочисленные стаи яркокрасных журавлей, попугаев и прочих птиц.

Так как на кораблях испытывался недостаток воды, адмирал решил идти дальше не через проходы между островками, а вдоль самого берега Кубы, и подошел к нему 3 июня. В этом месте росли очень густые леса.

Один матрос, вооруженный луком, вышел на берег на охоту за птицами и наткнулся на группу индейцев человек в 30. Они были вооружены копьями и дротиками. Дротики эти напоминали по форме мечи, причем от острия к рукоятке они расширялись, а концы их были не острые, а притупленные. Делались они из пальмового дерева. Здешние пальмы, в отличие от наших, не имеют бугров, древесина у них гладкая, тяжелая и твердая, как кость. Кажется, что даже сталь не может быть тверже ее. Эти дротики называют здесь «макана». Моряк рассказал, что он видел в группе этих индейцев человека в белой тунике, такой длинной, что она скрывала его ноги. Моряк поднял крик, призывая своих спутников, а индейцы, как только увидели, что кто-то бродит поблизости, обратились в бегство с такой стремительностью, как будто за ними гнались тысячи людей.

На другой день адмирал направил на берег несколько христиан, но им удалось проникнуть вглубь страны всего лишь на пол-лиги. Дальше продвигаться нельзя было из-за густых лесов и болот. Полоса болот, шириной, вероятно, почти в две лиги, тянулась до подножья горной цепи.

Адмирал проследовал далее и, пройдя со своими кораблями 10 лиг, увидел на берегу дома. В этом месте вышло навстречу флотилии много каное с индейцами. Индейцы привезли съестные припасы и немного тыквин, наполненных водой. За все это адмирал велел расплатиться с ними. Он задержал одного индейца и сказал ему, что отпустит его лишь, когда тот укажет путь и даст ответ на некоторые вопросы. Индеец заверил адмирала, что Куба земля, со всех сторон окруженная морем, и что король этого острова проживает далее к западу на том же берегу.

Продолжая путь, корабли вступили в полосу мелей. Глубина моря не превышала одного локтя, а песчаная банка, что встретилась здесь, в ширину была не меньше, чем в два корабельных корпуса. Пришлось затратить немало труда, чтобы провести корабли через глубокий канал, пересекающий эту отмель.

Видели несчетное число очень крупных черепах — казалось, что море кишело ими. Пролетела такая огромная стая морских ворон, что затмила она солнце. Вороны летели со стороны моря к берегу Кубы. Замечены были также голуби и чайки и много иных птиц. На следующий день над кораблями появились тучи бабочек, и казалось, будто от них густеет воздух. Бабочки пролетали до самого вечера. Ливень, разразившийся к ночи, рассеял их скопища.

Адмирал узнал от упомянутого выше индейца, что у берега Кубы тянется полоса бесчисленных островов и что плавание близ них связано с большим риском и чревато всевозможными опасностями, которые могут встретиться на каждом шагу.

Поэтому он решил возвратиться на Эспаньолу, в Изабеллу, поселение, которое он оставил в начале стройки. Это поселение было еще не закончено и требовало поэтому неусыпных забот с его стороны.

Чтобы запастись водой и съестными припасами, он отправился к острову, который имел в окружности не менее 30 лиг и назван был им островом Евангелиста (Isla del Evangelista). Адмирал указывает, что этот остров находился на расстоянии 700 лиг от Доминики.

Я думаю, что остров Евангелиста — это как раз тот остров, который затем прозвали и ныне называют островом Сосен (Isla de Pinos). Расположен он как раз напротив Гаваны и в длину имеет 20 лиг. Полагаю, что мнение мое справедливо, ибо нигде у берегов Кубы нет столь значительного острова. Таким образом немного оставалось проплыть адмиралу, чтобы открыть [западную] оконечность Кубы, — всего лишь каких-нибудь 35 или 36 лиг.

Это соображение подтверждается тем местом в посланном королям отчете адмирала об открытии Кубы, где говорится, что проплыл он и открыл вдоль ее берега 333 лиги и измерял дистанции пройденного пути по правилам астрономии*. Он добавляет, что от оконечности Кубы, которая видна с Эспаньолы и носит два названия — «Предел Востока» (Fin de Oriente) и «мыс Альфы и Омеги», — он плыл вдоль южного берега на запад до тех пор, пока не миновал пояса девятого часа земной сферы, так что он был в местах, где солнце заходит лишь на два часа позже того времени, когда оно восходит в Кадисе. И далее адмирал говорит, что в расчетах его не может быть ошибок, потому что 14 сентября (того же года) он делал ясной почью наблюдения во время лунного затмения и точно определил [долготу] своими инструментами¹⁰. Таковы подлинные слова адмирала.

В пятницу, 13 июня, адмирал отклонился к югу, чтобы выйти из полосы островов. Войдя в один из проходов между островами, который показался ему глубоким и лишенным мелей, адмирал медленно плыл его водами в течение всего дня. Но затем выяснилось, что проход этот замкнут, и корабли оказались окруженными со всех сторон сушей, как будто они попали внутрь сплошной изгороди. Все люди, ощущая столь большую опасность и зная, что продовольствия на кораблях мало, пали духом и утратили силы. Адмирал постарался успокоить их и вселить в их души надежду.

С немалым трудом вышли из прохода в том месте, где вступили в него накануне, и направились к острову Евангелиста, у берегов которого корабли стали на якорь, чтобы запастись водой.

* У Бернальдеса отмечается, что Колумб прошел вдоль берега Кубы 322 лиги.— *Прим. перев.*

В среду, 25 июня, адмирал от этого острова направился на северо-запад, желая осмотреть островки, которые виднелись на расстоянии 5 лиг от места стоянки. Немного спустя, вошли в воды моря, которое было покрыто белыми и зелеными пятнами, и поэтому мнилось всем, будто в этих местах должны быть мели. Но глубина тут превышала два локтя. А пройдя семь лиг, вступили в другие воды, совершенно белые, подобные молочной сыворотке. Затем еще через семь лиг пошла черная, как чернила, вода, а глубина была здесь 5 локтей. Этим морем адмирал шел до тех пор, пока не приблизился к Кубе. Все эти изменения в цвете воды повергали моряков в ужас — ничего подобного не приходилось им ранее видеть и испытывать, и поэтому каждый из них чувствовал страх, опасаясь гибели.

От берегов Кубы адмирал при слабом ветре отплыл в восточном направлении и шел проходами, где были рассеяны многочисленные мели, описывая, как это он обычно всегда делал, все случившееся в плаваньи. 30 июня он посадил свой корабль на мель и не мог снять его с этой мели при помощи якорей, заброшенных с кормы. Только закинув якоря со стороны носа, он вывел корабль в море, причем от ударов о песчаное дно судно получило значительные повреждения.

Затем адмирал шел, не придерживаясь строго установленного маршрута (помехой служили ему мели, да и ветер не давал возможности плыть в избранном направлении), водами белого моря, испытывая ежедневно различные неприятности. При этом особенно досаждали ему ливни, которые обрушивались на корабли каждый вечер. Адмирал был всем этим огорчен и опечален.

Когда приблизились к тем берегам Кубы, от которых отплыли корабли, следуя на восток, донесся с суши нежнейший аромат.

7 июля адмирал высадился на берег, желая отслужить мессу. Услышав мессу, явился в то место, где находился адмирал, один касик, или престарелый сеньор. Он, казалось, был повелителем всей этой страны, или провинции. Он наблюдал за всеми действиями и церемониями, которые совершал священнослужитель, и видел, как христиане выражали во время молитвы чувства восторга, смирения и умиления. Судя по тому, как проявил он свои мирные намерения и с каким почтением относились к нему люди, служившие ему, адмирал решил, что этот касик — лицо, которому все прочие индейцы подчиняются. Касик вручил адмиралу тыквину той породы, которая на этих островах носит имя «ибуэра» (такие тыквины служат здесь как чаши). Она была наполнена различными местными плодами. Затем касик сел на корточки рядом с адмиралом (таким образом индейцы сидят в тех случаях, когда у них нет малень-

ких скамеечек, которые носят название «дуг») и обратился к нему со следующей речью:

«Ты явился облеченный большой властью в эти земли, никогда раньше тобой невиданные, и с твоим приходом повергнуты были все селения и жители этих стран в великий страх. Знай же, что сообразно тому, как мы верим, есть в иной жизни два места, куда устремляются души, покинувшие тело: одно дурное и пребывающее во мраке, предназначенное для тех, кто причиняет зло и терзает род людской; другое — радостное и светлое, куда следуют души людей, уважающих в этой жизни мир и покой. И поэтому, если ты чувствуешь, что приближаешься к смерти и желаешь получить в той жизни награду, не должен ты причинять ни зла, ни ущерба тем, кто тебе не причиняет того же самого.

А то, что ты совершал здесь, дело доброе, потому что мне кажется, что поступки твои угодны богу».

Все это адмирал уразумел со слов индейцев, которых он вез с собой, и особенно из объяснений Диего Колона — индейца, крещенного в свое время в Кастилии и ныне сопровождающего адмирала. Удивленный столь мудрой речью старого индейца, пораженный тем, что произнесена она была язычником, не верующим ни во что и вместе с тем сведущим в философской науке, адмирал ответил ему, что издревле хорошо известно людям все то, о чем говорил касик; ведомо, что душа живет вечно и что злым людям уготовано дурное место, именуемое адом, а добрые, напротив, попадают в прекрасную обитель, которую христиане называют раем. Далее адмирал сказал, что он обрадован, убедившись, сколь хорошо известно это людям, населяющим эти земли.

Адмирал заявил, что он послан великими, богатыми и могущественными королями, его повелителями — владыками кастильских королевств — на поиски этих земель и для ознакомления с ними. При этом он отправлен сюда лишь с единственной целью — узнать, есть ли здесь люди, причиняющие зло другим, ибо он слышал, что имеются в этих морях некие люди, именуемые «канибами» или «карибами», которые причиняют зло соседям, и прибыл он сюда, чтобы в этом им воспрепятствовать и защитить и оказать покровительство добрым людям. Он сказал, что стремится к тому, чтобы все жили в мире, не причиняя друг другу вреда. Мудрый старец выслушал эти слова, весь в слезах, и душа его была полна восторга; и он сказал, что, если бы не было у него жены и детей, он отправился бы с адмиралом в Кастилию. Принимая от адмирала в дар безделушки, он преклонил колена, знаками выражая свое восхищение, и многократно вопрошал, на земле или на небе рождаются люди, подобные христианам.

Все это я извлек из писаний Фернандо Колумба, сына первого адмирала, и из «Декад» Педро Мартира. Последний сооб-

щает об этой встрече подробнее, нежели дон Фернандо, ибо в то время дон Фернандо был еще ребенком, а Педро Мартир мог обо всем получить сведения от самого адмирала. Этот автор знал хорошо то, о чем писал, потому что жил при дворе и был в фаворе у королей.

Казалось, что после того как адмирал покинул те места, где держал перед ним речь старый индеец, ветры и воды сговорились между собой, желая извести адмирала и нагромоздить беды на беды, несчастья на несчастья, муки на муки, ибо не оставалось ни единого часа для отдыха. В довершение всего ужасный ливень внезапно застиг адмирала, и он вынужден был так поставить корабль, что тот бортом своим стал погружаться в воду. Лишь с огромным трудом — и видел он в том десницу божью — смог адмирал, убавив паруса и одновременно закинув наиболее тяжелые якоря, стать на якорь. Большое количество воды проникло в трюм, что еще пуще усугубляло опасность. Моряки едва смогли справиться с водой с помощью насосов, потому что все они были истомлены непрерывными трудами и недоеданием. Только и получали они, что фунт прелых сухарей да глоток вина, и лишь иногда попадалась им при удачной ловле рыба.

Велики были лишения, которые испытывали они все и особенно адмирал, несший тяготы и за себя и за других.

Сам адмирал в своем описании этого плавания, предназначенном для королей, говорит: «Я разделял участь всех. Я молил бога, чтобы все совершалось так, как то ему было бы угодно. Что же касается меня, то нельзя было испытывать больших лишений и подвергаться большим опасностям, чем те, что выпала на мою долю, ибо не было такого дня, когда бы мы все не находились на краю гибели».

В борьбе с этими опасностями и непрерывными бедствиями адмирал дошел 18 июля до мыса, который был назван им раньше мысом Христа.

Индейцы встретили его очень приветливо и тотчас же принесли хлеб — «касаби», — рыбу и плоды, причем давали они все это с большой радостью и удовольствием. Здесь отдыхали два или три дня.

Во вторник, 22 июля, адмирал, вынужденный к тому непрерывными ветрами, которые не давали ему возможности идти прямо к Эспаньоле, направился к острову Ямайке. Он следовал вдоль ее берега в западном направлении, вознося хвалу господу при виде этой зеленой, прекрасной и счастливой земли.

Везде на берегу видны были селения, и на каждом шагу встречались бухты, одна другой лучше.

За кораблями следовали бесчисленные каное, и индейцы служили христианам, давая им еду, словно пришельцы были их родными отцами. Адмирал говорит, что его люди отмечали,

будто никогда еще не доводилось им видеть лучших припасов, чем те, что приносили им эти индейцы. Однако каждый вечер бури и ливни донимали команды кораблей.

Адмирал видел причину, вызывающую ливни, в обилии лесов, и в том не может быть сомнения. Он говорит, что некогда большие дожди случались на Канарских островах, Мадере и Азорских островах, но затем, по мере того как леса сводились и высыхала влага земная, уменьшались и становились реже дожди.

Адмирал пылко восхвалял красоту и изобилие острова, плоды и все прочие местные яства, приносимые индейцами, а также обилие селений на Ямайке. Он говорит, что сравниться с Ямайкой не может ни одна земля, из числа ранее ему встречавшихся...

Он желал еще многое открыть и узреть, ибо прекрасным казалось все на этом острове, но адмирал не мог отважиться на подобное из-за недостатка провианта; кроме того, в корпусах всех кораблей открылась течь.

Установилась хорошая погода, и адмирал 19 августа направился к востоку, к острову Эспаньоле. Последний клочок земли, что видел он на острове Ямайке, он назвал Фонарным мысом (Cabo de Farol).

[ПОКОРЕНИЕ ЭСПАНЬОЛЫ]

В среду, 20 августа, адмирал увидел западную оконечность острова Эспаньолы, которой он дал имя «мыс Св. Михаила». От восточной оконечности Ямайки мыс этот находился на расстоянии 25 или 30 лиг.

В субботу, 23 августа, прибыл к кораблям сеньор, или касик, этой земли и вызвал адмирала, по-кастильски повторяя его титул и другие слова, по которым адмирал пришел к заключению, что земля эта, названная им мысом Св. Михаила, была частью острова Эспаньолы. Раньше адмирал этого не знал.

В конце августа флотилия стала на якорь у одного высокого острова, который с моря казался подобным парусу. Адмирал поэтому назвал его островом Высокого Паруса (Isla de Alto Velo). От островка, у берега которого корабли стали на якорь (адмирал назвал его Беатой), остров Высокого Паруса был расположен на расстоянии 12 лиг.

Адмирал велел нескольким морякам подняться на вершину горы, ибо он желал высмотреть в море два остальных корабля, которые накануне потерял из вида. Возвращаясь к лодкам, моряки убили 8 морских волков, беззаботно дремавших на песке, и много птиц. Птицы не улетали от людей, так как земля эта была незаселенная, и словно ждали, пока их схватят или убьют.

Адмирал поджидал здесь два отставших корабля, которые прибыли спустя шесть дней. Все три корабля направились к острову Беате, а затем, следуя вдоль Эспаньолы, дошли до великоленной долины, настолько густо усеянной селениями, что казалось, будто все они составляют одно целое.

К кораблям прибыли на своих каное индейцы. Они сообщили, что посланы сюда христианами из города Изабеллы, и заверили, что все жители этого селения здоровы. Весть эта обрадовала и утешила адмирала.

Дойдя до округи реки Айны, адмирал отправил 9 человек в Изабеллу, находившуюся на этом берегу, желая известить, что он и его спутники вернулись благополучно из плавания.

Оттуда адмирал направился дальше, следуя все в том же направлении, т. е. на восток. На берегу он заметил большое селение, к которому направил лодки, желая заpastись в этих местах водой, но навстречу вышли против христиан на своих канае индейцы, вооруженные луками и стрелами, отравленными ядовитой травой. У них были с собой веревки, и жестами они давали понять, что желают ими связать христиан. Но когда лодки достигли берега, индейцы бросили свое оружие, а затем мирно явились к месту высадки с водой и хлебом, распришивая, прибыл ли сюда адмирал. И когда узнали, что адмирал находится здесь со своими людьми, они стали выказывать знаки дружбы и мира.

Адмирал отправился дальше, следуя на восток. Встретившись на пути, как о том он говорит, чудесная рыба, размером с кита средней величины. На шее был у нее отросток, подобный панцирю черепахи, а как уже известно, черепахи здесь по величине чуть поменьше адарги. Голова у этой рыбы была безобразна и размером лишь немногим уступала винной бочке. По бокам у нее были два больших плавника, хвост же она имела длинный и похожий на тунцовый. Приняв во внимание появление этой рыбы и разные небесные знамения, адмирал решил, что погода должна скоро измениться. Поэтому он приложил старания в поисках хорошей гавани, где корабли могли бы укрыться и стать на якорь, в случае если разразится буря.

И угодно было богу, чтобы адмирал бросил якорь у одного островка, который индейцы называли Адаманой. Случилось это 15 сентября, и застала его там сильная буря. Два других корабля не смогли войти в бухту и поэтому испытали немало бед. В эту ночь адмирал наблюдал затмение луны. Он утверждает, что разница во времени между этим местом и Кадисом составляет 5 часов 23 минуты. В этой гавани пробыл он семь или восемь дней, по истечении которых в нее вступили два других корабля.

24 сентября все корабли вышли из бухты и дошли до мыса на острове Эспаньоле, который ныне носит название «мыс Об-

мана» (Cabo de Engaño). Оттуда направились к островку, что лежал на расстоянии десяти лиг от мыса и в восьми лигах от острова Сан Хуан, который индейцы, как я полагаю, называют Мона.

Адмирал в одном письме, адресованном королям, говорит, что имел намерение посетить острова Каннибалов с тем, чтобы разорить их. Но велики были бесперывные труды и лишения и устали люди, ни на один час не имевшие отдыха и вынужденные бодрствовать днем и ночью, на пути, совершенном при открытии Кубы и Ямайки и во время плавания у берегов Эспаньолы, вплоть до прибытия на островок Мона. Особенно большие трудности испытывали люди, когда корабли шли между многочисленными островами и мелями, рассеянными у берегов Кубы, тех самых, что адмирал назвал «Садом королевы». В тех местах он шел 32 дня без сна и без отдыха.

Когда адмирал вышел в дальнейший путь, покинув островок Мона, и подошел к острову Сан Хуан, он внезапно заболел злокачественной лихорадкой, которая полностью лишила его способности что бы то ни было чувствовать. Силы покинули его, и был он близок к смерти. Никто не думал, что сможет он прожить хотя бы один день. По этой причине моряки, проявив должное рвение и рачительность, отклонились от пути, которым шел и которым желал идти в дальнейшем адмирал. Все три корабля направились в Изабеллу, куда и прибыли 29 сентября того же 1494 года.

Адмирал по прибытии в Изабеллу прохворал пять месяцев. Два происшествия, вести о которых дошли до него, вызвали в душе его различные отклики: во-первых он узнал, что на Эспаньолу прибыл его брат дон Бартоломе Колумб, которого он принял с большой радостью; во-вторых, ему стало известно, что вся страна находилась в состоянии брожения и смуты и царили в ней ужас и ненависть. Индейцы вооружились против христиан, вынужденные к тому притеснениями, насилием и грабежами, которые чинили им [христиане] в течение всего времени, что прошло с момента отплытия адмирала к берегам Кубы и Ямайки. Таким образом, весть об этой смуте в значительной степени умалила радость, которую испытал адмирал, принимая у себя возлюбленного брата Бартоломё.

За время отсутствия адмирала случилось следующее: адмирал, как о том уже говорилось выше, назначил для управления островом совет, сделал Педро Маргарита капитан-генералом отряда в 400 человек, поручив ему отправиться в поход и подчинить обитателей острова и войти в Вега Реаль, местность, расположенную на расстоянии двух малых дневных переходов от Изабеллы, или, иными словами, в 10 лигах от нее.

Вега Реаль населена была бесчисленным множеством людей, и была здесь тьма селений и великих сеньоров. Земля же эта была изобильна и благодатна, люди, жившие на ней, ору-

жня не имели и нравом были покорны и мягки. Вели они образ жизни, свойственный праздным людям, и все было у них в изобилии, искушениям же, что сулят плотские радости, они сопротивления не оказывали...

Педро Маргарит с самого начала проявил гонор и вступил в борьбу с советом, назначенным адмиралом, то ли не желая считать себя лицом подчиненным, то ли опасаясь, что совет будет попрекать его за все, учиненное им против индейцев, то ли потому, что, вопреки данной ему адмиралом инструкции, он не выступал в поход для овладения островом. И так как он поносил в своих письмах членов совета, управляющих островом, он воспользовался прибытием из Кастилии кораблей, чтобы не дожидаться прибытия адмирала, и, покинув своих людей, — а было их 400, — отправился в Изабеллу, чтобы сесть на корабль. С ним решил уехать отец Буйль и многие другие, в том числе некоторые духовные лица.

Оставшись без капитана, люди Педро Маргарита рассеялись по всей земле группами по два-три человека и стали притеснять, обижать и оскорблять индейцев. Так же относились они к индейцам в то время, когда еще не разъединились.

Индейцы, видя, что множатся причиняемые им обиды и несправедливые поступки и нарастает наносимый христианами ущерб, и понимая, что нет у них средства, которое позволило бы им устранить все это зло, начали мстить христианам. Короли и касики, каждый в своей округе, стали творить суд и расправу над обидчиками...

Один касик, по имени Гуатигуана, приказал убить десять христиан, которых удалось ему захватить, и дал своим людям тайный наказ поджечь соломенный дом, где находилось несколько больных христиан.

В других частях острова по приказу касиков убито было шесть или семь христиан, которые уничтожены были, ибо они учиняли грабежи и насилия.

Вести о излишествах, допущенных [христианами] вопреки естественному и человеческому праву, распространились по всем королевствам, провинциям, поселкам (*lugares*) и округам острова. Эти ужасные, наводящие страх вести о суровости, черствости, жестокости, беспокойном нраве и несправедливости вновь прибывших людей, именуемых христианами, повергали в трепет всех без исключения простых людей. Еще не видя христиан, они относились к ним с омерзением, и не желали индейцы видеть и слышать пришельцев. Особенно желали изгнать христиан из страны и мертвыми вышвырнуть их из этого мира четыре короля — Гуарионех, Каонабò, Веечио и Игуанама, которым подчинялось великое множество меньших королей и сеньоров.

Только Гуаканагарй, король Марьена, той округи, у берегов которой погиб адмиральский корабль в первом плавании

и где адмирал оставил крепость-поселение, названное им Навидад, не причинил христианам никакого зла; напротив, все время он содержал на своей земле сто христиан и заботился о них, словно люди эти были его сыновьями, а сам он их отцом.

Когда адмирал оправился от тяжелой болезни и премного утешился прибытием своего брата дона Бартоломё Колумба, он решил как вице-король (и казалось ему, что он на это имеет право) сделать дона Бартоломё аделантадо [наместником] Индий и ввести его в эту должность и облечь связанным с ней достоинством.

Во время болезни адмирала, спустя немного дней после того как он вернулся из плавания к Кубе и Ямайке, явился к нему в гости король Марьена Гуаканагарí. Он выразил адмиралу сочувствие в связи с его болезнью и перенесенными лишениями и, оправдывая себя, утверждал, что он не виновен ни в гибели 38 христиан, умерщвленных другими королями и сеньорами, ни в сборищах индейцев, что имели место в Вега Реаль и в других местах, ни в открывшихся военных действиях. Он заявил, что доказательством его доброго расположения и любви к адмиралу и христианам может служить его обращение с пришельцами, живущими в Марьене, и добрые услуги, которые оказывают сотне христиан все его вассалы. Христиане, которые находятся в Марьене, обеспечены всем необходимым, и индейцы относятся к ним, как к своим собственным сыновьям. И именно поэтому он так ненавистен всем королям, сеньорам и обитателям этого острова, и они считают своим врагом и его самого и вассалов, ему подчиненных, и как врагов преследуют всех его подданных.

А в связи с тем причинен ему был большой ущерб.

Касаясь же судьбы 38 христиан, оставленных в крепости, когда адмирал с вестями о своих открытиях отправился в Кастилию, Гуаканагарí стал оплакивать их так, будто все эти люди были его сыновьями, снимая с себя вину за их гибель. Он винил себя лишь в том, что, к несчастью своему, не мог оказать христианам помощь, пока они были живы. Адмирал принял его объяснения и по отношению к нему поступил так, как казалось лучше всего следовало поступить, и не сомневался в том, что все или по крайней мере главное из того, что было сказано Гуаканагарí, — сущая правда.

И так как адмирал решил выступить в поход с большей частью боеспособных христиан, чтобы разгромить сплотившихся [против пришельцев] людей и покорить всю страну, Гуаканагарí заявил, что он отправится в этот поход совместно с адмиралом и возьмет с собой в помощь христианам всех людей, которых только окажется возможным взять. Это обещание он исполнил.

Адмирал... всеми мерами стремился ускорить выступление в поход, чтобы разгромить индейцев и силой оружия покорить

всех обитателей острова, как о том мы уже говорили. Для этой цели он отобрал до 200 наиболее здоровых пеших воинов-испанцев (потому что многие были больны и слабы) и двадцать всадников и дал им много бальест, эспингард, копий, мечей и другое еще более сильное и устрашающее оружие, которое внушало индейцам почти такой же ужас, как лошади,— то были 20 собак...

Когда все необходимые приготовления к войне были закончены и люди снаряжены надлежащим образом, адмирал 24 марта 1495 г. выступил из Изабеллы в поход, взяв с собой своего брата Бартоломё Колумба и короля Гуаканагарí. Совершив два коротких дневных перехода, он вступил в Вегу, где скопилось множество индейцев (как говорят, было их тут свыше ста тысяч).

Вступили в бой люди, которых вел брат адмирала — аделантано [Бартоломе Колумб], и устремились они на индейцев с двух сторон. Стреляя из бальест и эскопет, натравливая на индейцев бравых псов, с неудержимой силой набросилась на них коньеносная конница и пехота, вооруженная шпагами. И индейцы были разбиты и рассеяны, как стая птиц, и понесли они не меньший ущерб, чем стадо овец, застигнутое врасплох в своем загоне.

Адмирал прошел большую часть острова, ведя в течение 9 или 10 месяцев жестокую войну со всеми королями и народами, которые не желали ему подчиниться, как о том он сам сообщает в различных письмах, адресованных королям и другим особам.

За это время произошли чудовищные избиения индейцев, и целые области совершенно обезлюдели, особенно в королевстве Каонабò, потому что [сам Каонабò] и братья его были отважны [и оказывали сопротивление христианам].

Так произошло потому, что индейцы прилагали все свои силы, чтобы попытаться выбросить из своей страны таких жестоких и свирепых людей. Они видели, что без малейшего на то повода, без всякого вызова с их стороны их лишают родины, земли, свободы, жен и детей и самой жизни и ежедневно истребляют жестоко и бесчеловечно. При этом христиане легко достигали своей цели, ибо бросались на индейцев на лошадях, разили их копьями, рубили мечами, рассекая людей надвое, травили их собаками, которые терзали и пожирали индейцев, сжигали их живьем и подвергали на разный манер иным немилосердным и безбожным пыткам.

И жители многих провинций, особенно обитатели Вега Реаль, где правили Гуарионех и Магуаны, где царил Каонабò, решили терпеть свою несчастную долю и отдались в руки своих врагов, которые делали с ними все, что хотели. Но овладеть всеми индейцами христианам не удалось, ибо множество людей из разных провинций и округов острова бежало в горы; да,

кроме того, остались еще места, куда христиане не имели времени еще дойти, чтобы покорить местных обитателей.

Таким образом, как о том пишет сам адмирал королям, усмирено было население острова, по его словам, неисчисли-мое, и силой и хитростью от имени их высочества приведены были к покорности все народы. Адмирал же, как их вице-король, обязал каждого касика или короля платить подати за землю, которой они владели, продуктами этой земли и стал эту подать собирать с 1496 года. Таковы собственные слова адми-рала.

Адмирал велел всем жителям провинций Сибао и Вега Ре-аль и всем, живущим поблизости от золотых копей индейцам, которым было более 14 лет, каждые три месяца приносить пол-ный фландрский каскавель (бубенчик) золота. Только один ко-роль Маникаотех должен был давать ежемесячно полтыквины золота, весом в три марки, что соответствует 150 золотым песо, или кастельяно. Все же остальные люди, не живущие вблизи копей, обязаны были приносить по одной арробе хлопка.

Затем адмирал приказал сделать из меди или бронзы бирки, на которых выбивался особый знак. Эти бирки выдавались каж-дому индейцу при взносе подати, с тем чтобы плательщики по-датеи носили их на шее и можно было бы таким образом узнать, кто уплатил подать и кто не внес ее. А те, кто не платил ее, должны были подвергаться наказанию, хотя адмирал и го-ворит, что наказание за неуплату податей было умеренное. Не удалось, однако, обязать всех индейцев носить эти бирки; смуты и мятежи охватили всю страну.

Из-за побоищ, учиненных в войнах, из-за голода, болезней, лишений и гнета, что пришлось затем испытать индейцам, из-за нищеты и особенно из-за неутешной скорби, печали и тоски, ставших уделом обитателей этого острова, из всего населения, каким было оно в 1494 г., осталась в 1496 г., как полагали, только одна треть.

[Перевод выполнен по тексту документа, напеча-танному в *Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, parte I, vol. I, pp. 139—269, Roma, 1892.*]

КОММЕНТАРИИ
К «ОПИСАНИЮ ВТОРОГО ПУТЕШЕСТВИЯ»
ИЗ «ИСТОРИИ ИНДИИ»
БАРТОЛОМЕ ЛАС КАСАСА

1. Во второе плавание вышло семнадцать кораблей, и в этой флотилии были три крупных корабля (naos). Самым большим судном был флагманский корабль «Санта Мария», носивший кличку «Мария Галанте». Его тоннаж был около двухсот тонн, и, таким образом, по размерам и вместимости флагман флотилии превосходил одноименный корабль который погиб в первом плавании.

Из четырнадцати каравел двенадцать были оснащены прямыми парусами. При этом Колумб, учитывая, что плавание в изобилующих мелкими водами Эспаньолы и Кубы сопряжено с опасностями, отобрал очень небольшие и легкие каравелы с незначительной осадкой.

Платежные списки экипажей утеряны, и полностью восстановить состав экипажей невозможно. Известно, что на кораблях снова вышли в путь братья Ниньо, известный пилот Хуан де ла Коса, будущий открыватель Флориды Хуан Понсе де Леон, Диего Веласкес, впоследствии стяжавший себе дурную славу на острове Кубе.

Вооруженными силами флотилии командовал Франсиско де Пеньялоса, дядя Лас Касаса, чей отец также вышел в плавание на одном из кораблей.

Флотилия перевезла на Эспаньолу 1500 человек. То были знатные и незначительные искатели наживы и приключений, воображение которых распадено было слухами о несметных богатствах новооткрытых земель. Придворные, разорившиеся рыцари — идалго, готовые идти на край света в поисках золота и драгоценных камней, писцы из королевских канцелярий, моряки, солдаты, проходимцы, бегущие за океан от кредиторов и королевских альгвасилов, — весь этот пестрый сброд посажен был в Кадисе на корабли, которые 25 сентября 1493 г. вышли в путь.

Флотилия везла в «Индии» скот, вьючных животных, семена различных сельскохозяйственных культур — проса, пшеницы, ячменя, сахарного тростника, огурцов, дынь, лимонов, апельсинов и различные сельскохозяйственные орудия. На Канарских островах взяты были свиньи, а также собаки, которых касильские завоеватели специально тренировали для охоты за дьявлами, гуанчами. Эти собаки впоследствии были использованы на Антильских островах и американском материке для травли индейцев.

В то время, когда снаряжалась флотилия, крайне напряженными были испано-португальские отношения. Папские буллы, которые даровали Испании земли и моря к западу от «демаркационной линии», намеченной в 100 лигах к западу от островов Зеленого мыса, не были признаны португальским королем.

Фердинанд и Изабелла опасались (и не без основания), что португальцы захватят земли, открытые Колумбом. Переговоры между Испанией и Португалией о разграничении только еще начинались, и неизвестно было, чем они закончатся. Именно поэтому королевская чета так торопила Колумба со снаряжением экспедиции, а сам Колумб, отправляясь из Кадиса, стремился держаться как можно дальше от португальских берегов.

2. Колумб, отправляясь от Канарских островов к Эспаньоле, решил следовать курсом, который наметил им был к югу от маршрута первого плавания. Бернальдес в «Истории католических королей» указывает, что путь этот избрал Колумб потому, что в первом путешествии он получил у индейцев сведения об островах, лежащих к юго-востоку от Эспаньолы и расположенных ближе к Испании. Вероятно, адмирал принял решение держаться более южных широт еще и для того, чтобы избежать нежелательных встреч с португальскими кораблями. Трасса пути, избранного во втором плавании от Канарских островов к Карибскому морю, оказалась удивительно удачной. Это не только кратчайший путь в «Индии», но и наиболее удобный, так как корабли под этими широтами пересекают Атлантику, пользуясь попутными северо-восточными пассатами. Этот маршрут (Кадис — Иерро — Доминика — Эспаньола) был принят затем всеми испанскими кораблями, идущими к берегам Нового Света.

3. Остров, замеченный Колумбом справа от Доминики, был назван по имени флагманского корабля — Мария Галанте. К северу от Марии Галанте расположены острова Гвадалупе и мелкие островки, которые рассеяны между Гвадалупе, Монтсерратом и Марией Галанте.

4. Остров Борикен (современное название Пуэрто Рико) назван был Колумбом островом Сан Хуан.

5. Алонсо де Охеда (около 1470—1520) — кастильский авантюрист, отважный, алчный и предприимчивый искатель приключений. Был капитаном одного из кораблей во втором путешествии Колумба и вошел в доверие адмирала, который по прибытии на Эспаньолу сперва поставил Охеду во главе одной из партий, посланных им на поиски золота, а затем поручил ему командование отрядом, направленным в крепость Св. Фомы. Охеда «прославился» вероломным захватом касика Каонабо. В 1499—1500 гг. Охеда предпринял путешествие к берегам открытого за год до того южноамериканского материка, а в 1508 г. получил (совместно с Диего де Никузой) наместничество, охватывающее территорию Панамского перешейка и карибского побережья Южной Америки, от мыса Грасьяс а Дьос до мыса Вела (предприятие это окончилось крайне неудачно для Охеды).

Охеда занимался и на Эспаньоле и во время своих последующих путешествий разбоем и грабежами и выделялся, даже среди отнюдь не добродетельных кастильских завоевателей «Индий», изощренной жестокостью, алчностью и вероломством.

6. Остров Монтсеррат назван так Колумбом по имени горы с почитаемым католиками монастырем близ Барселоны.

7. «Первая земля острова Эспаньолы» — была область Игуей в восточной части Эспаньолы. Колумб шел вдоль северного берега Пуэрто Рико, а затем вдоль северного берега Эспаньолы. К западу от области Игуей лежала область Самана (или Хамана), занимающая среднюю часть северного берега Эспаньолы.

8. Гора Христа (Monte Christi) расположена на западных рубежах области Самана, между Изабеллой и Навидадом.

9. По площади провинция Сибео — внутренняя часть Эспаньолы — значительно меньше Португалии. Португалия превосходит по размерам весь остров.

10. Лас Касас в этом месте допускает ошибку. Если основываться на его сообщении, нетрудно прийти к выводу, что долгота, определенная Колумбом по данным лунного затмения, кажется равной 135° з. д. (от Кадиса). Между тем на стр. 344 Лас Касас отмечает, что Колумб, по данным лунного затмения, 15 сентября 1494 г., установил, что разница во времени между бухтой у островка Адамана (на Эспаньоле) и Кадисом составляет 6 часов 23 минуты. Следовательно, в этом случае долгота пункта, где наблюдалось затмение, будет равной $80^{\circ}45'$ (от Кадиса) или $87^{\circ}10'$ (от Гринвича). Фактически же долгота этого пункта 71° (от Гринвича). Следовательно, Колумб допустил ошибку всего лишь в $9^{\circ}45'$.

МЕМОРИАЛ КОЛУМБА ИЗАБЕЛЛЕ И ФЕРДИНАНДУ

Ме м о р и а л (памятка) ¹ о том, что вы, Антонио де Торрес ², капитан корабля «Мария Галанте» и алькальд города Изабеллы, будете говорить и о чем должны бы просить от моего имени короля и королеву, наших государей, просьбы же эти таковы.

Первое, вручив мои верительные грамоты их высочествам, облобызайте от моего лица их королевские стопы и длани и препоручите меня королю и королеве, как моим естественным владыкам, в служении которым я желаю закончить свои дни, и все это можете изложить им подробнейшим образом, основываясь на том, что вы знаете обо мне и что вы видели сами.

//Эту службу их высочества принимают во внимание// *.

Далее, хотя из моих писем к их высочествам, а также из писем отца Буйля ³ и казначея ⁴, их высочества могут представить себе все, что произошло здесь после нашего прибытия, и притом по описаниям, подробным и обстоятельным, вы все же заявите от моего имени их высочествам, что богу угодно было оказать мне столько милости в служении королю и королеве, что до сих пор мне немало удастся и удавалось найти из того, о чем я уже писал, говорил и заверял в минувшие дни их высочества.

Более того, я надеюсь, что все это обнаружится с большей ясностью и в скором времени из самих дел, ибо если иметь в виду пряности, то на одном только морском берегу, не говоря

* Знаком // выделены написанные курсивом реплики королевской четы.— *Прим. перев.*

уже о местах в глубине страны, имеется столько признаков и следов таковых, что есть основание ожидать еще больших успехов. То же самое можно сказать и о залежах золота, ибо, судя по тому, что двоим из моих капитанов удалось открыть в различных местах (причем они не могли задерживаться дольше из-за малого числа людей, бывших с ними), там обнаружено было много рек и в них оказалось столько золота, что те из них, которые все это видели и собственными руками отбирали образцы, вернулись обрадованные и так пространно рассказывали о великом изобилии золота, что я не решаюсь даже передать их слова вашим высочествам. Но так как один из открывателей, Горвалан, отправляется в Кастилию, то он передает их высочествам обо всем, что сам видел; здесь же останется другой, по имени Охеда⁵, вассал герцога Мединасели, весьма смысленный и разумный молодой человек, который несомненно открыл гораздо больше золота, чем можно заключить по описанию рек, которое он принес с собой. И, судя по его словам, в каждой из рек невероятное количество золота, так что за все это их величества могут возблагодарить бога, который благоприятствует им во всех их начинаниях.

// Их величества премного благодарят за то бога и считают достойными внимания заслуги адмирала во всем, что он совершил и совершает ныне, ибо им ведомо, что после бога они только ему обязаны всем, что в этом [предприятии] уже обретоно и обретоно будет в дальнейшем, о чем они подробно напишут адмиралу в послании, которое ему будет вручено//.

Далее, скажите их высочествам, что, как уже писалось, я намеревался отправить с этой флотилией гораздо больше золота и я надеялся было здесь собрать его, но внезапно большая часть людей моих была поражена недугом. Однако нельзя было дольше задерживать флотилию как по причине значительных издержек, так и потому, что как раз наступила благоприятная пора для плавания, пользуясь которой суда могли бы отправиться в путь и вскоре вернуться и доставить сюда все то, в чем здесь испытывается большая нужда; задержка же отправки привела бы к тому, что те суда, которым надлежало вернуться сюда, не могли бы этого сделать до мая. Помимо же этого, если я даже и пожелал со всеми оставшимися тут здоровыми людьми предпринять сейчас поход к золотым копям или к рекам, подобное дело сопряжено было бы с большими трудностями и даже опасностями. Ведь надо было пройти 23—24 лиги, переправляясь при этом через реки и заводы, а для столь долгого пути и для того, чтобы оставаться в тех местах в течение всего времени, необходимого для сбора золота, потребовалось бы много провианта; груз же этот нельзя было бы перенести на собственных спинах, а выючных животных здесь нет, и дороги

и проходы еще недостаточно приспособлены [для долгих переходов], хотя уже начаты работы по их улучшению. Да и было бы весьма неудобно оставлять здесь под открытым небом и в хижинах больных и все запасы снаряжения и продовольствия, которые имеются в этой стороне. Хотя, правда, индейцы и ранее и теперь ведут себя как люди простые и бесхитростные, но тем не менее, принимая во внимание, что они приходят сюда ежедневно и находятся среди нас, не представлялось бы разумным обречь наших людей и все запасы на волю случая, а может быть, даже и на гибель, которую может навлечь любой индеец, запалив горящей головней хижины; ведь они бродят здесь беспрестанно, днем и ночью. По этой причине приходится держать стражу в лагере, в то время как само поселение остается без защиты.

//Адмирал поступил правильно//.

Кроме того, так как мы уже убедились на опыте тех, которые отправлялись вглубь страны для исследований, что большая часть людей заболевает после возвращения (некоторые вынуждены даже возвращаться с полдороги), то было основание опасаться, что подобная участь постигнет и тех, которые пока еще здоровы. В походах же вглубь страны людей подстерегают две опасности: первая — захворать на месте работ, где нет жилища и где нельзя ждать поддержки от местного касика, по имени Каонабò⁶, который, судя по всем рассказам, человек весьма дурной и еще в большей мере дерзкий. Когда же он увидит там нас больных и потерявших силы, может он решиться на такое, на что никогда бы не отважился, будь мы здоровы. С этим связана и другая трудность, а именно, доставить сюда все добытое золото. Мы были бы вынуждены либо переносить золото [в гавань] небольшими партиями и совершать в этом случае частые переходы туда и обратно, подвергая себя опасности заболеваний, либо отправлять помногу людей сразу (с большим количеством золота), равным образом рискуя их жизнью.

//Адмирал поступил правильно//.

Итак, скажите их высочествам, что таковы причины, которые не позволяют больше задерживать флотилию и вынуждают отправить только образцы золота.

Однакоже, уповая на милосердие господя нашего, который всегда направлял нас во всем до сей поры, мы будем надеяться, что люди наши в скором времени поправятся, как это уже бывало раньше, ибо их болезни вызваны тем, что эта земля некоторое время испытывает их здоровье, а потом они уже становятся на ноги.

Совершенно ясно, что будь здесь свежее мясо для поправления их здоровья, все они скоро, с божьей помощью, были бы на ногах и большая часть их в настоящее время уже выздоровела бы, тогда как сейчас они только-только оправляются от болезни.

С немногими здоровыми людьми ежедневно ведутся работы по огораживанию поселения и приведению его в такое состояние, при котором оно находилось бы под некоторой защитой и в безопасности могли бы оказаться запасы.

Все это скоро закончится, потому что поселение ограждается лишь альбаррадой *. Индейцы же такой народ, что даже если бы они и решились что-нибудь предпринять против нас, то в том только случае, если застали бы нас спящими. Так они и поступили с теми людьми, что оставались здесь, потому только, что последние были беззаботны **. Ибо, как бы они ни были малочисленны и сколько бы они ни давали поводов индейцам поступить так, как они поступили, никогда эти индейцы не отважились бы причинить им вред, если бы видели их в состоянии боевой готовности.

По окончании всех работ в поселении будет предпринят поход к упомянутым рекам либо сушей, для чего придется изыскать надлежащие переправы, либо морем вокруг острова, вплоть до той его части, откуда, как говорят, не должно быть более 6 или 7 лиг до упомянутых рек †. Чтобы золото можно было добывать и надежно хранить его, следует в тех местах построить крепость или башню и в ней держать все, что будет добыто, пока не возвратятся сюда две каравелы, дабы затем при первой же возможности отправить его в полной сохранности.

//Хорошо сделано, и так и надлежит поступать//.

Далее, скажите их высочествам, что, как уже упоминалось, причина болезней, поражающих всех без исключения, — это перемена воды и воздуха, потому что, как мы убедились, поражают они всех, но в опасности оказываются немногие. Вот почему, чтобы сохранить здоровье людей, необходимо, помимо упования на господина, обеспечить их такой пищей, к которой они привыкли в Испании, ибо никакой пользы не будет их высочествам от людей, ныне здесь пребывающих, или от тех, которые вновь придут сюда, если они будут хворы.

А съестные припасы должны доставляться сюда до тех пор, пока их не станут получать здесь от того, что будет на этой

* Альбаррада — стена, сложенная из камней, не скрепленных между собой известью или другим цементирующим раствором.— *Прим. перев.*

** Речь идет о 39 поселенцах, оставленных Колумбом в Навидаде во время первого путешествия. Как уже указывалось, Лас Касас приводит в «Истории Индий» неверную цифру (38 человек).— *Прим. перев.*

земле посеяно и посажено. Речь идет о пшенице, ячмене и виноградных лозах, каковые в этом году были посажены в небольшом количестве, потому что на первых порах нельзя было выбрать места для посевов; вскоре же после того как оно было намечено, захворали те немногие землепашцы, которые тут имелись. Но будь они даже здоровы, им бы все равно не много удалось сделать, поскольку здесь очень мало скота, да и тот, который есть, слабосильный и отощальный.

При всем этом кое-что все же было посеяно, больше, правда, с целью испытать землю, которая оказалась чудесной, так что от нее можно в дальнейшем ждать облегчения наших нужд. Мы вполне уверены и убеждаемся в том ежечасно, что на этой земле будет родиться одинаково хорошо как хлеб, так и виноград. Но надо выждать, когда будут плоды; и если они станут созревать здесь с такой же быстротой, с какой растет пшеница и развиваются немногие высаженные здесь виноградные лозы, то можно быть уверенным, что этот край не будет нуждаться во всем, что дают Андалусия и Сицилия, равно как и в сахарном тростнике⁸; последний же, будучи посажен здесь в небольшом количестве, принялся хорошо. Поистине столь прекрасна земля этих островов и лесов, и гор, и вод, и долин, где текут полноводные реки, что никакая другая земля под солнцем не может быть лучше и краше для взора.

//Если земля эта такова, то надо добиваться, чтобы сеялось на ней как можно больше всего, что только возможно. Дону Хуану де Фонсеке⁹ надлежит без промедления отправить все, что для этого потребуется//.

Далее, скажите их высочествам, что наибольшую нужду мы испытываем теперь и будем испытывать и впредь в вине, и получилось так по той причине, что в пути вытекло много вина, и виной тому, по мнению очень многих,— плохая работа севильских бочаров. И хотя мы имеем еще достаточно сухарей и зерна, все же необходимо отправить сюда из Кастилии в достаточном количестве и то и другое, потому что путь сюда долог и невозможно ежедневно пополнять запасы продовольствия.

Также надлежит отправить из Кастилии мясо — ветчину и прочую солонину, и чтобы оно было лучше качеством, чем взятое с собой в этом путешествии.

Следует отправить живых ягнят, и лучше совсем молоденьких,— самок предпочтительней, чем самцов, а также телят обоего пола. С каждой каравелой следует посылать ослов и ослиц и кобыл для перевозки грузов и для полевых работ. Ведь здесь нет животных, которые могли бы оказать человеку помощь и послужить ему на пользу.

Так как я опасюсь, что не удастся застать в Севилье ни их высочеств, ни королевских должностных лиц или уполномо-

ченных (а без особого распоряжения нельзя будет обеспечить все необходимое для доставки при ближайшей поездке сюда, в запросах же и ответах пройдет весь благоприятный для отправления кораблей сезон, а между тем все сюда следует доставить в мае), то передайте их высочествам, что я поручил и дал вам распоряжение заложить или вручить на хранение какому-нибудь севильскому купцу золото, которое вы туда доставите; купец же этот возьмет на себя расходы и снабдит деньгами, необходимыми, дабы обеспечить погрузку двух каравел вином, зерном и другими товарами, упомянутыми в мемориале. Пусть этот купец привезет или отправит золото их высочествам, чтобы они его увидели, получили и приказали оплатить все, что он израсходовал и истратил для отправки и погрузки упомянутых двух каравел. И ради утешения и ободрения оставшихся здесь людей пусть сделано будет все возможное, дабы эти каравелы могли прибыть сюда в мае с таким расчетом, чтобы наши люди могли еще до наступления лета получить свежие припасы, столь необходимые для больных. Особенно большой недостаток испытываем мы здесь в изюме, сахаре, миндале, меде и рисе, каковые должны были быть отправлены в большом количестве, а в действительности их взято было немного, то же, что прибыло, уже израсходовано и потреблено, равно как и большая часть лекарств, которые были привезены сюда; ведь больных здесь очень много. Мою памятную записку обо всех этих товарах, необходимых как для здоровых, так и для больных, вы везете с собой. Если хватит денег, отправьте немедленно все полностью или, по крайней мере, самое необходимое, с расчетом, чтобы все было тут же погружено на упомянутые две каравелы, то же, что не будет отправлено, вы должны при поддержке их высочества отослать на других судах в невозможно короткий срок.

//Их высочества приказали Хуану де Фонсеке немедленно доложить о тех, кто виновен в этой мошеннической проделке с бочками, и за их счет восполнить ущерб, вызванный утечкой вина, а также издержки. Проследить, чтобы отправляемая соломка была хорошего качества и чтобы все прочие товары, о которых здесь говорится, были доставлены в краткий срок. Уже решен вопрос о двух каравелах, что выйдут первыми//.

Далее, скажите их высочествам, что так как нет здесь толмачей, с помощью которых этих людей [индейцев] можно было бы наставить в нашей святой вере, как того желают их высочества, а также и все пребывающие здесь, хотя все, что можно было сделать, сделано для этой цели, то с этими кораблями отсылаются несколько каннибалов — мужчин и женщин, мальчиков и девочек. Их высочества могут поручить их таким лицам, которые, используя их в услужении, обучили бы их наилучшим

образом языку, и соответственно этому, проявляя о них больше заботы, чем о других рабах, добились бы, чтобы одни учились у других. Если они не будут разговаривать друг с другом и не будут общаться между собою некоторое время, они гораздо скорее научатся языку, чем будучи здесь, и станут хорошими толмачами; впрочем, и тут делалось все возможное для этой цели. Дело в том, что так как жители разных островов мало общаются друг с другом, то и в языке их имеются различия, в зависимости от того, насколько далек один остров от другого. А так как острова, где живут каннибалы, наибольшей протяженности и обильнее населены, то здесь считают самым правильным брать именно жителей этих островов и отправлять их в Кастилию, ибо таким образом, освободившись от этого бесчеловечного обычая пожирать людей и обучившись в Кастилии языку, они скорее смогут принять крещение и обеспечить спасение своих душ. Более того, мы приобретем таким способом великое доверие других племен, которые не придерживаются этих обычаев; они увидят, что мы берем в плен людей, причиняющих им вред, людей, при одном только упоминании о коих они приходят в содрогание.

Заверьте их высочества, что приход в этот край нашего флота, столь слаженного и красивого, придаст бы нам великий авторитет и обеспечит бы наши грядущие начинания. Когда все население этого столь большого острова и иных островов убедится в том, как хорошо обращаются с добрыми и как карают злых, оно быстро придет в повиновение, и этими людьми можно будет распоряжаться как вассалами их высочеств. Уже сейчас везде, где мы находим местных жителей, они не только охотно делают то, что требуют от них, но и по своей воле предпринимают все возможное ради того, чтобы доставить нам удовольствие. Их высочества могут быть уверены в том, что и там [в Европе] прибытие этого флота всячески возвысит их во мнении христианских властителей, и это обстоятельство их высочества в состоянии лучше понять и осмыслить, чем то я могу изложить.

//Сообщить ему, как здесь поступили с каннибалами, которые прибыли сюда. Все это очень хорошо, и так и следует поступить. Однако пусть там [на Эспаньоле] постараются предпринять все возможное, дабы обратить их в нашу святую католическую веру, и пусть равным образом поступят с населением других островов//.

Далее, передайте их высочествам, что забота о благе для душ каннибалов и жителей Эспаньолы привела к мысли, что чем больше их доставят в Кастилию, тем лучше будет для них. А людьми этими их высочества могут располагать следующим образом: видя, сколь необходим здесь рогатый и выучный скот

для содержания тех, кто будет здесь селиться, и для блага всех этих островов, их высочества соблаговолит дать разрешение и право достаточному числу каравел приходить сюда ежегодно и привозить скот, продовольствие и все прочее, необходимое для заселения края и обработки полей, и все это по умеренным ценам, за счет тех, кто будет доставлять эти товары.

Оплату же всего этого можно производить рабами из числа канибалов, людей жестоких и вполне подходящих для этой цели, хорошо сложенных и весьма смысленных. Мы уверены, что стоит только вывести их из этого состояния бесчеловечности, и они могут стать наилучшими рабами, перестанут же они быть бесчеловечными, как только окажутся вне пределов своей страны*. Многих из этих людей можно будет использовать на гребных фустах**, которые намечено здесь построить. Следует, однако, позаботиться, чтобы на каждой из каравел, которая явится от их высочеств, назначен был достойный доверия человек, который не допускал бы, чтобы упомянутые каравелы причаливали к иным землям и островам, а прибывали только сюда, и здесь должна происходить погрузка и разгрузка всех товаров. А с груза рабов, который они затем увезут с собою, их высочества могут взимать сборы***. Вы должны привезти или прислать ответ [на эти предложения], чтобы можно было сделать необходимые приготовления, если их высочествам благоугодно будет с этим согласиться.

//Рассмотрение этого отложено до тех пор, пока не придет отсюда следующая флотилия. Пусть адмирал напишет, что он думает по этому поводу//.

Далее, скажите также их высочествам, что выгоднее и сопряжено с меньшими расходами фрахтовать корабли, как то делают фламандские купцы, в соответствии с емкостью (por toneladas) судов, а не иным способом, и я вменяю вам в обязанность именно таким образом зафрахтовать те две каравелы, которые вы должны будете снарядить тотчас же по прибытии. И так же точно следует поступать по отношению ко всем другим каравелам, которые будут снаряжаться по распоряжению их высочеств, если только они одобряют это предложение. Но я не думаю, что так должно поступать с теми каравелами, которые будут снаряжаться по разрешениям их высочеств для торговли рабами.

//Их высочества прикажут дону Хуану де Фонсеке придерживаться этой формы, если это только возможно//.

* См. послесловие, «Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения». — *Прим. перев.*

** См. комментарий к письму Сантанхелю и Санчесу. — *Прим. перев.*

*** См. послесловие, «Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения». — *Прим. перев.*

Далее, скажите их высочествам, что, желая избежать значительных издержек, я приобрел каравелы, на которых вы отправляетесь в путь для вручения мемориала, чтобы [затем] задержать их здесь вместе с двумя другими каравелами, а именно «Гальегой» и флагманским кораблем. И подобным же образом я приобрел три восьмых доли от пая маэстре по цене, которая указана в документах, приложенных к мемориалу и скрепленных моей подписью.

Все эти корабли не только придадут большой вес и внушат уверенность людям, которые должны будут находиться здесь, не только будут содействовать успехам переговоров с индейцами о добыче золота, но пригодятся и в тех случаях, когда возникнет опасность нападения со стороны чужеземцев. Кроме того, каравелы необходимы для плаваний с целью открытия материка и других островов, расположенных между Кастилией и Эспаньолой. Обратитесь поэтому с ходатайством к их высочествам, чтобы они приказали уплатить стоимость этих кораблей в обусловленные сроки, ибо я полагаю, уповая на милосердие господне, что эти корабли, без сомнения, окупят расходы.

//Адмирал поступил правильно. Передайте ему, что здесь уплачено тому, кто продал корабль, и приказано дону Хуану де Фонсеке оплатить стоимость каравел, купленных адмиралом//.

Далее, скажите их высочествам и с величайшим смирением от моего имени попросите их обратить сугубое внимание на то, что изложено более подробно в письмах и других документах и что касается мира, согласия и покоя среди людей, находящихся здесь.

Пусть для предприятий, связанных со службой их высочествам, изберут они таких лиц, которые не вызывали бы подозрения и которые заботились больше о деле, ради какового они сюда посланы, а не о личных интересах. И относительно всего этого скажите всю правду их высочествам и что вы думаете сами на этот счет, поскольку все это видели вы и знаете¹⁰.

И проследите за тем, чтобы указ об этом их высочеств был отправлен, если это только окажется возможным, с первыми же кораблями, дабы здесь не возникали непорядки в столь важном для их высочеств деле.

//Их высочества об этом достаточно осведомлены и распорядятся сделать, как тому надлежит быть//.

Далее, расскажите их высочествам о месте, избранном для этого города [Изабеллы], сообразно тому, что вы видели сами, и о красоте всей округи, и о том, что я назначил вас алькальдом этого города, по праву, предоставленному мне их высочествами.

И я смиренно прошу их высочества, ради частичного воздаяния ваших заслуг, отнестись благосклонно к этому назначению, на что я твердо уповаю.

//Их высочествам угодно, чтобы вы [Торрес] были алькальдом//.

Далее, так как мосен Педро Маргарит¹¹, вассал их высочеств, служил верой и правдой, и я полагаю, что будет он надлежащим образом и впредь выполнять все, что ему поручат, то я с удовлетворением отмечаю, что он остался здесь; то же относится и к Гаспару и Бельтрану, и я намерен им, как добрым слугам их высочеств, поручить дела доверительного характера.

Просите их высочества проявить особую заботу об упомянутом мосене Педро, человеке женатом и имеющем детей, и дать ему какую-нибудь энкомьенду в ордене Сантьяго*, в коем он состоит, дабы его супруга и дети имели источники дохода.

Точно так же поставьте в известность их высочества о Хуане Агуадо¹², вассале их высочеств, скажите, что служит он ревностно и выполняет все, что ему поручается, и просите, чтобы их высочества считали заслуживающим вознаграждения и его и упомянутых выше лиц.

//Их высочества приказывают пожаловать мосену Педро Маргариту 30 000 мараведи ежегодной ренты, а Гаспару и Бельтрану по 15 000 мараведи каждому с 15 августа 1494 г. Адмирал должен выплатить им все, что причитается за службу [на Эспаньоле], а дон Хуан де Фонсека — то, что они должны получить в Кастилии. Что касается Хуана Агуадо, их высочества будут помнить об этом//.

Поведайте далее их высочествам о трудностях, выпавших на долю доктора Чанки, ибо больных здесь много, лекарств же и съестных припасов нехватает. Несмотря на все это, он проявляет в своей работе великое рвение и милосердие.

Их высочества передали на мое рассмотрение вопрос о жаловании, которое должен получать здесь доктор Чанка, а жалование ему необходимо платить, ибо, находясь в этой стороне, он не имеет и не может иметь никаких приработков и не в состоянии получать никаких доходов от своей профессии, которые у него были и могли бы быть, находись он в Касти-

* В кастильском феодальном праве под энкомьендой подразумевалось долгосрочное пожалование (должности, земельных угодий, доходных статей). Такие пожалования давались королем или магистрами духовно-рыцарских орденов своим вассалам и лицам, причастным к деятельности ордена. В восьмидесятых годах XV столетия король Фердинанд стал великим магистром всех трех крупных рыцарских орденов Испании.— *Прим. перев.*

лии, где он жил в покое и довольстве и совсем не так, как живет здесь. Но хотя он утверждает, что то, что он получал в Кастилии, больше, чем их высочества ему могут положить, я все же не желаю платить ему более 50 000 мараведи в год за работу, которую он выполняет в течение всего времени, пока он находится здесь. Я прошу их высочества дать распоряжение о выплате жалования, которое он получит тут, хотя он и заявляет и утверждает, будто все лекари ваших высочеств, которые работают в походной обстановке или в обстановке, подобной здешней, обычно получают ежегодно от всех людей однодневное жалование. Я же навел справки, и мне сказали, что, хотя бы это даже и было так, обычно лекарям выдают сумму, определенную решением и соизволением их высочеств, взамен упомянутого однодневного жалования. Ходатайствую перед их высочествами, чтобы они повелели разрешить вопрос о жаловании, которое должно выплачиваться по обычаю таким образом, чтобы доктор имел основание быть удовлетворенным.

//Их высочествам нравится все, что сообщено о докторе Чанке. Пусть выплачивается ему то, что адмирал назначил; выплата эта должна производиться сверх положенного ему жалования. А что касается однодневного жалования для лекарей, то таковой обычай водится лишь тогда, когда сам король, наш государь, находится в походе//.

Расскажите, далее, их высочествам о Коронеле¹³. На королевской службе человек этот полезен во многих отношениях и до сей поры делал он все самое необходимое. Ныне, после того как он заболел, мы живо ощущаем его утрату. За столь усердную свою службу он должен, разумеется, получить вознаграждение и не только милостями, которые будут даны ему в будущем, но и жалованием, которое назначат ему теперь. Это важно еще и потому, что тогда все, кто находится здесь, будут чувствовать, что им воздают по заслугам, принимая в расчет усилия, которые должны быть здесь приложены для добычи золота. Нельзя недооценивать труд людей, которые проявляют столь большое усердие.

За проявленное Коронелем рвение я дал ему должность главного альгвасила Индий, но в грамоте, подтверждающей назначение, я оставил незаполненным пункт, в котором указывается размер его жалования. Прошу поэтому их высочества отдать повеление заполнить этот пробел с учетом его заслуг и утвердить данное мной назначение.

//Их высочества повелевают назначить ему [Коронелю] 15 000 мараведи сверх годовичного жалования и выдавать ему эту сумму одновременно с жалованием//.

Точно так же скажите их высочествам, что сюда прибыл в качестве главного алькальда бакалавр Хиль Гарсиа¹⁴, которому не определено и не утверждено жалование. Он человек хороший, старательный и сведущий в науках и здесь крайне нужен. Поэтому прошу их высочества определить и назначить ему жалование, которого хватило бы ему на жизнь и которое выплачивалось бы из денег, предназначенных для выдачи вознаграждения здешним людям.

//Их высочества повелевают назначить [Хилью Гарсиа] 20 000 мараведи ежегодно в течение всего времени его пребывания [на Эспаньоле], сверх жалования, и выплачивать эти деньги одновременно с оным//.

Далее, скажите их высочествам (хотя об этом я писал им особо), что я полагаю невозможным продолжать открытия в этом году до тех пор, пока не будут исследованы реки, в которых найдено золото к вящей выгоде их высочеств. Это можно с большим успехом осуществить позже, поскольку подобное предприятие не может быть осуществлено без моего личного участия, и таким образом, чтобы это соответствовало моим желаниям и интересам их высочеств. Ведь как бы хорошо ни делалось дело, сомнительно, чтобы оно шло успешнее без человека, который лично наблюдает за всем.

//Пусть примет меры, чтобы... об этом золоте получить наиболее точные сведения//.*

Далее, скажите их высочествам, что конные эскудеро¹⁵, которые прибыли из Гранады, на смотре, проведенном в Севилье, показали добрых коней. Когда затем они грузились на корабли, я не видел их коней, потому что в то время был немного нездоров. Они же погрузили на суда таких лошадей, что вряд ли лучшая из них стоит 2 000 мараведи; они продали своих коней и купили худших. Таким же точно образом поступили и с многими людьми, которых я видел на смотре в Севилье и которые показались мне подходящими. Очевидно, Хуан де Сорья¹⁶, после того как получил деньги, предназначенные для выплаты жалования, заменил корысти ради тех людей, которых я надеялся здесь встретить, другими, никогда мною не виданными. Тут был совершен недобросовестный поступок, и я не знаю, обвинять ли мне в нем одного только Сорью. На этих эскудеро, помимо жалования, израсходованы значительные суммы на перевоз их сюда, а также и на доставку их лошадей. Расходы эти производятся и в настоящее время и тем не менее эти люди, когда они бывают больны или когда им это неудобно, не разрешают другим пользоваться их лошадьми. Точно так же они отказываются от участия наравне с другими

* Пропуск в тексте мемориала.— Прим. перев.

в любом деле, если только совершить его им нельзя верхом на своих конях, а в настоящее время это нам не требуется. Лучше выкупить у них коней, тем более что они стоят немного, и не вступать с ними каждый день в пререканья. Пусть соблаговолят их высочества решить это дело сообразно с королевской выгодой.

//Их высочества повелевают дону Хуану де Фонсеке сообщить все, что касается этих коней. И если окажется, что действительно имели место подобные мошеннические проделки, следует препроводить виновных к их высочествам, дабы они распорядились покарать их. Равным образом они повелевают сообщить все по делу о замене одних людей другими и материалы расследования представить их высочествам. Что же касается эскудеро, то их высочества повелевают им оставаться там [на Эспаньоле] и отбывать службу, потому что набраны они из числа телохранителей и слуг их высочеств. И приказывают им их высочества предоставлять лошадей в тех случаях, когда это окажется необходимым и когда подобное распоряжение даст адмирал. Если же другими лицами, которые будут пользоваться лошадьми, будет причинен последним ущерб, их высочества через адмирала прикажут возместить убытки. Их высочества не желают, чтобы лошади были куплены [у эскудеро], и требуют, чтобы использовались они, как указано выше//.

Далее, скажите их высочествам, что сюда прибыло более двухсот человек без жалования, и некоторые из них служат исправно, а другие, следуя их примеру, стремятся к тому же.

В течение первых трех лет было бы великим благом, если бы здесь находилась тысяча людей, необходимых для заселения острова, его обороны и работы на золотоносных реках. Если бы в их числе находилось сто конников, то это было бы не плохо; более того, сии люди оказались бы весьма полезными. Что касается эскудеро, то до тех пор, пока не будет послано золото, вопрос этот можно оставить открытым. А о тех двухстах, которые прибыли без жалования, следовало бы их высочествам указать, нужно ли им платить наравне с другими, исправно служащими, ибо сии люди необходимы, как я уже говорил, чтобы положить начало [нашему предприятию].

//Относительно этих двухсот человек, прибывших без жалования, их высочества повелевают, чтобы они назначались на работы, на которых нехватает людей или где имеется недостаточно людей, получающих жалование. В том случае, если они будут прилежны и адмирал будет доволен ими, их высочества прикажут контадору занести в платежные списки имена этих людей вместо тех, кто выбыл, сообразно указаниям адмирала ¹⁷//.

Далее, так как издержки на содержание этих людей могут быть частично сокращены мероприятиями и способами, к которым обычно прибегают государи в иных случаях, то большей части трат можно было бы избежать. Для этого разумно было бы распорядиться, чтобы на прибывающих сюда кораблях привозились и продавались по умеренным ценам, помимо товаров, предназначенных для общего пользования, и лекарств, обувь и кожи для ее изготовления, рубахи, кафтаны, льняные ткани, штаны, ткани для пошивки одежды и иные товары и, в частности, сухие фрукты, которые будут получать люди сверх рациона для сохранения здоровья. Все это здесь будет принято охотно и оплачено из жалования и, если в Кастилии дело это будет поручено верным людям, которым дороги интересы их высочеств, можно будет сберечь изрядные суммы. Поэтому постарайтесь узнать, каково будет мнение их высочеств по этому поводу, и если им покажется, что все сказанное может оказаться полезным, тотчас же надо будет подобное осуществить.

//При снаряжении этой флотилии не поступать [так, как предлагается в мемориале]. Подождать, пока адмирал не напишет об этом подробнее, и тогда приказать Хуану де Фонсеке и Химено де Бривьеске¹⁸ подготовить все необходимое для осуществления этого предложения//.

Далее, скажите также их высочествам, что на смотре, который был проведен вчера, выяснилось, что у многих людей нет оружия. Я думаю, что частично это можно объяснить подменой людей, которая произошла в Севилье или в порту, когда оставлены были имеющие оружие и взяты те люди, которые уплатили кое-что лицам, учинившим подмену. Поэтому было бы хорошо, если бы их высочества приказали отправить 200 кирас, 100 эспингард, 100 бальест и большое количество военного снаряжения. Во всем этом мы испытываем нужду, и все полученное оружие необходимо раздать не имеющим его.

//Написать дону Хуану де Фонсеке, чтобы отправил оружие//.

Далее, так как некоторые мастеровые, прибывшие сюда, а именно, каменщики и люди иных ремесел,— женаты и имеют детей в Кастилии и желают, чтобы все заработанное ими выплачивалось женам или лицам, которым они могли бы высылать деньги для закупок предметов, в которых люди эти испытывают нужду, прошу их высочества положить им жалование за их труды, поскольку служба их такова, что они должны быть обеспечены всем здесь.

//Их высочества приказали Хуану де Фонсеке позаботиться об этом//.

Далее, кроме товаров, перечисленных в мемориалах, которые вы везете с собой и которые скреплены моей подписью, требуется как для здоровых, так и для больных приобрести на острове Мадере 50 бочек патоки, ибо патока — наилучшая и весьма полезная пища, а каждая бочка не должна стоить более двух дукатов, не считая тары. Поэтому было бы хорошо, если бы их высочества приказали, чтобы одна из каравел захватила на пути к Эспаньоле патоку, а также десять ящиков сахара, в котором здесь большая нужда. А период между тем месяцем, когда пишется мемориал, и апрелем — наиболее подходящее время для закупки патоки и сахара по сходным ценам, и лучше будет, чтобы их высочества отдали приказ о закупке с таким расчетом, чтобы в Кастилии не знали, для чего товар предназначается.

//Пусть дон Хуан де Фонсека позаботится об этом//.

Далее, скажите их высочествам, что, хотя по рассказам очевидцев в реках содержится много золота, верно то, что рождается оно не в реках, а в земле, а вода, проникая в места, где есть золото, переносит его вместе с песком. В числе открытых рек имеются большие и наряду с ними очень маленькие, более похожие на ключи, чем на реки, и воды в них всего на два пальца. Место, где рождается золото, может быть легко открыто. И в соответствии с этим потребуются люди не только для промывки золота в песках, но и для того, чтобы извлекать его из земли, где оно более высокого качества и имеется в большем изобилии. Поэтому будет хорошо, если их высочества отправят сюда работников из числа тех, которые работали в Альмадене¹⁹, в ртутных рудниках, так, чтобы можно было добывать золото и тем и другим способом. И хотя от здешних людей много мы не ожидаем, все же мы надеемся, с помощью божьей, как только они оправятся от болезней, получить добрую толику золота для отправки с первыми каравалами, которые отсюда уйдут [в Кастилию].

//Необходимо позаботиться, чтобы все это было сделано ко времени отправки флотилии. Поэтому их высочества повелевают Хуану де Фонсеке тотчас же отправить рудокопов, которых можно будет заполучить для этой цели. Необходимо написать в Альмаден, чтобы там взяли наиболее искусных рудокопов и отправили их [к адмиралу]//.

Далее, ходатайствуйте смиреннейшим образом от моего имени перед их высочествами, чтобы им угодно было отнестись с благосклонностью к Вильякорте, который, как их высочества уже знают, оказал им большие услуги в этом предприятии и притом с большой охотой. Насколько я знаю, он человек усердный и преданный службе их высочеств. Я буду считать,

что мне оказали милость, если ему поручат дело, требующее доверия, а он способен подобное дело исполнить, проявляя при этом рвение и желание усердно служить.

Добивайтесь этого и притом так, чтобы Вильякорта знал, что его труды, в которых я нуждаюсь и которые делаются для меня, вознаграждаются не без выгоды для него.

//Так будет сделано//.

Далее, упомянутые мосен Педро, Гаспар, Бельтран и другие, что остались здесь, прибыли как капитаны каравел, а каравелы эти ныне возвращаются обратно, и лица эти не получают жалования. Но так как все они особы, которым поручаются дела важные и требующие особого доверия, не следует назначать им такое жалование, как прочим лицам. От моего имени попросите их высочества определить, сколько надлежит платить упомянутым особам ежегодно или помесечно так, чтобы они служили их высочествам с наибольшей пользой.

//Ответ был уже дан выше. Но так как в том разделе, где шла речь об этом, говорилось, что они жалование получают, их высочества повелевают, чтобы оно начислялось с того времени, когда они оставили свою капитанскую службу//.

Подписано в городе Изабелле в 30-й день января 1494 г.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанному в *Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, parte I, vol. I, p. 270—284, Roma, 1892* и сверен по тексту, приведенному в сборнике *Hakluyt Society, v. 65 — Select documents illustrating the four voyages of C. Columbus, London, 1929.*]

КОММЕНТАРИИ
К МЕМОРИАЛУ, ПОСЛАННОМУ ФЕРДИНАНДУ
И ИЗАБЕЛЛЕ КОЛУМБОМ
ЧЕРЕЗ АНТОНИО ДЕ ТОРРЕСА

1. Мемориал (памятная записка) Колумба был написан им для Антонио де Торреса, командира флотилии, которая отправилась из Изабеллы в Кастилию в феврале 1494 г. На основании этого документа Торрес должен был дать отчет королевской чете обо всем, что произошло на Эспаньоле с октября 1493 г. по конец января 1494 г., и просить королей разрешить ряд вопросов, касающихся управления островом Эспаньолой и снабжения поселенцев необходимыми кастильскими товарами. Единственная копия мемориала с чрезвычайно интересными пометками на полях — репликами королей — хранится в Архиве Индий в Севилье. Документ неоднократно печатался в сборниках, посвященных путешествиям Колумба.

Мемориал — ценнейший источник, который помогает воссоздать историческую обстановку в новооткрытых землях в первые годы их освоения.

2. Антонио де Торрес, брат кормилицы наследного принца Хуана, которой Колумб адресовал в 1500 г. (сразу же после того как он был по приказу Бобадильи доставлен в Кастилию) скорбное письмо. Торрес поставлен был Колумбом во главе флотилии из 12 кораблей, которая в феврале 1494 г. отправилась из Изабеллы в Испанию.

3. Буйль — католонский монах, назначенный, по согласованию с папой, «апостолическим викарием» новооткрытых земель.

4. Казначей — Педро де Вильякорта.

5. Горвалан и Охеда — см. комментарий 5 к «Дневнику второго путешествия».

6. Каонабó — «король» области Сибао. Ему приписывали нападение на селение Навидад и истребление 39 оставленных там испанцев, а также попытку нападения на форт Св. Фомы. Как явствует из «Дневника второго путешествия», автором которого является Лас Касас, и из письма доктора Чанки, оставленные в Навидаде люди сами явились зачинщиками распри с окрестными индейцами. Каонабó вынужден был, обороняясь от кастильских захватчиков, применить против них силу. Это был один из первых касиков на Эспаньоле, который стал жертвой вероломства испанских рыцарей наживы. Колумб, отправляясь в плавание к берегам Кубы, оставил своему заместителю в крепости Св. Фомы, Педро Маргариту, подробную инструкцию (см. стр. 368), в которой по-

следнему предписывалось хитростью заманить в ловушку Каонабó и заключить его под стражу. Руководствуясь этой инструкцией, Алонсо де Охеда, нарушив закон гостеприимства, захватил в плен Каонабó и привез его в Изабеллу. Колумб решил отправить пленного касика в Кастилию. Дальнейшая судьба Каонабó не известна. Лас Касас указывает, что по дороге в Кастилию Каонабó утонул во время бури. Петр Мартир пишет, что он умер от скорби во время плавания.

7. Имеются в виду реки Яки (Золотая река) и Нейбла, на берегах которых найдено было золото.

8. За счет собранной на Эспаньоле жатвы поселенцы смогли несколько облегчить крайне напряженное продовольственное положение. Европейские культуры действительно вызревали на Эспаньоле с необыкновенной быстротой. Пшеницу, посеянную в январе, жали уже в марте.

9. Хуан де Фонсека (1470—1524 гг.) — один из создателей системы управления новооткрытыми землями, человек, чье имя неразрывно связано с историей великих открытий в Новом Свете. Последовательно занимая епископские кафедры в Бадахосе, Кордове, Валенсии и Бургосе, он менее всего занимался духовными делами. Недаром Лас Касас писал о нем, что «сеньор-епископ больше знает толк в экипировке флота, чем в мессах».

Свою карьеру Хуан де Фонсека, племянник архиепископа севильского и ученик блестящего испанского филолога Антонио де Лебрихи, начал в качестве архидиакона севильского. Он завоевал доверие королевской четы и в 1493 г. получил задание организовать вторую экспедицию в «Индии» и снарядить флотилию из 17 кораблей. Летом 1493 г. Фонсека, будучи в Севилье, развил поистине лихорадочную деятельность и в короткий срок снарядил флотилию в путь. «Индийское предприятие» после выхода в плавание этой флотилии продолжало существовать и развиваться. Созданный Фонсекой центр по снабжению «Индий» стал ядром и зародышем сложной и разветвленной системы управления новооткрытыми землями, которая сформировалась в первую четверть XVI в. Когда в 1511 г. учредили Совет по делам Индий, Фонсека был назначен его президентом. Он ведал экипировкой второй, третьей и четвертой экспедиций Колумба и снаряжением флотилии Магеллана. Фактически уже со времени второго плавания Колумба Фонсека являлся главным организатором огромного и быстро развивавшегося предприятия и в большей степени, чем Колумб, определял пути заморской политики короны. В деятельности Фонсеки нашли отражение общие тенденции колониальной политики испанской абсолютной монархии. Пути мелочной регламентации, которыми он по рукам и ногам связал всех открывателей и конкистадоров (завоевателей), устремившихся за океан, приводили в бешенство зачинателя индийского предприятия — Колумба. Колумб видел, и не без основания, в лице Фонсеки главного своего врага, и почти все историки с удивительным единодушием утверждают, что так же относился к Колумбу Фонсека, питавший личную антипатию к адмиралу. Но, разумеется, дело не только в их личной вражде. Испанская корона заинтересована была в том, чтобы все источники доходов в Индиях монопольно и безраздельно принадлежали ей одной. Делить настоящие и

будущие барыши с открывателями новых земель, даже в том случае, если такой дележ был обусловлен договором, было невыгодно. Еще в меньшей степени корона склонна была поступаться своими правами на управление заокеанскими территориями. Но для осуществления заморских предприятий короли Испании, молодой и еще не прочно ставшей на ноги державы, не обладали достаточными материальными средствами. Волей-неволей короне пришлось предоставить инициативу в сфере открытий частным лицам. В этой сложной обстановке Фонсека предпринимал все, чтобы отстоять интересы короны. Колумб в качестве полунезависимого вице-короля Индий ни в какой степени не отвечал планам и намерениям королевской власти и ее верного цепного пса — Фонсеки. Несомненно, что в катастрофе, постигшей Колумба в самый разгар его деятельности, Фонсека играл весьма существенную роль.

10. Колумб имеет в виду неблагоприятную по отношению к нему деятельность ряда его именитых спутников. В частности, уже к февралю 1494 г. крайне обострились отношения Колумба с группой коронных должностных лиц, в особенности же с контадором Берналем де Писой. В письме Колумбу от 13 апреля 1494 г. Фердинанд и Изабелла предписали адмиралу отправить Пису в Кастилию. К весне 1494 г. у Колумба испортились отношения с Буйлем, «апостолическим викарием» — папским представителем в Индиях.

11. Мосен («мосен» — титул католонских дворян, равнозначный кастильскому титулу «кавалеро»). Педро Маргарит — знатный каталонский рыцарь. Маргарит одно время был альгвасилом инквизиции в Сарагоссе. Он принял участие во втором путешествии, и Колумб поручил ему командование в крепости Св. Фомы и покорение Эспаньола (см. инструкцию Колумба Маргариту). После отплытия Колумба к берегам Кубы Маргарит, не включенный в состав совета пяти, которому поручено было управление Эспаньолой, вступил с этим советом в пререкания, отказался от командования оставленным ему вооруженным отрядом и вместе с Буйлем самовольно покинул Эспаньолу и вернулся в Кастилию. Там он подверг жестокой критике порядки, введенные Колумбом на Эспаньоле, обвиняя адмирала в том, что он морил голодом своих спутников и изнурял их непосильными работами.

12. Хуан Агуадо — агент королевы Изабеллы, которая специальным письмом от 30 июня 1493 г. рекомендовала его Колумбу. Он сопровождал Колумба во втором путешествии, вскоре (вероятно, вместе с Антонио де Торресом) возвратился в Кастилию и в 1495 г. послан был на Эспаньолу для разбора обвинений, предъявляемых адмиралу его соратниками. Заключение Агуадо было крайне неблагоприятно для Колумба и побудило последнего отправиться в Кастилию, где ему удалось оправдаться.

13. Перо Эрнандес Коронель — один из членов совета пяти, которому Колумб поручил управление Эспаньолой на время своего отсутствия. В 1494 г. был доверенным лицом адмирала и его верным сподвижником. В 1498 г. Бартоломе Колумб поручил ему переговоры с главарем антиколумбийской партии Ролданом. Миссия эта Коронелю не удалась.

14. Имя Хиля Гарсиа не встречается ни в документах, ни в хрониках, современных открытию Америки.

15. Эскудеро — копейщики святой Эрмандады — ополчения союза кастильских городов.

16. Хуан де Сорья — секретарь наследного принца, которому поручено было утверждать все денежные выдачи, связанные с подготовкой второго плавания, и принимать товары, поступающие из Индии. Обвинения Колумба против Сорьи не лишены основания. Хуан Фонсека и королевская чета выразили ему суровое порицание за недобросовестное ведение дел.

17. Испанская корона не располагала достаточными средствами для оплаты всех поселенцев, отправляющихся в новооткрытые земли. Великодержавная политика Фердинанда и Изабеллы, боровшихся за утверждение испанской гегемонии в западной части Средиземного моря и в Италии, требовала огромных сумм на содержание армии и флота, на прокормление большого количества оккупационных войск и множества явных и тайных агентов. Ресурсы же короны были крайне ограничены и каждый грош был на счету у королевской четы.

От «Индий» корона ждала быстрых барышей при минимальных затратах. Для заселения Эспаньолы требовалось 2 000 человек, но оплачивать королевская казна могла только 200 переселенцев. Необходимость соблюдать мелочную экономию ставила корону в очень тяжелое положение: «своекоштные» поселенцы, на свой страх и риск совершавшие переезд в Новый Свет, менее всего склонны были считаться с интересами королей. Избавиться от этой необузданной вольницы было так же невозможно, как и заселить новооткрытые острова служилыми людьми, зависимыми от короны. О крохоборчестве казны наглядное представление дает резолюция Фердинанда и Изабеллы о выплате содержания двумстам колонистам, прибывшим без жалования на Эспаньолу. Короли приказали оплачивать их за счет умерших поселенцев.

18. Химено де Бривьеско — лицо, которое ведало снабжением второй экспедиции Колумба.

19. Альмаден — знаменитый ртутный рудник в Кастилии, в провинции Сьюдад Реаль, на северном склоне Сьерры-Морены.

ИНСТРУКЦИЯ КОЛУМБА МОСЕНУ ПЕДРО МАРГАРИТУ

опия, добросовестно и точно снятая с писанной на бумаге инструкции, которую весьма могущественный сеньор дон Христофор Колумб, главный адмирал моря-океана, вице-король и бессменный правитель острова Сан-Сальвадор и всех прочих островов и материка Индий, как уже открытых, так и тех, что предстоит еще открыть, именем короля и королевы, наших государей, капитан-генерал моря, дал мосену* Педро Маргариту¹. Содержание же этой инструкции таково:

Во-первых, как только будут вам переданы Охедой упомянутые люди, примите их в таком состоянии, в каком привел их Охеда. И приняв, распорядитесь подготовкой к бою таким образом, как вы сочтете необходимым, сообразно с положением в стране. Препоручите людей лицам, которые поведут их [в бой] и которых вы изберете и назначите капитанами. Лица же эти пусть служат королю и королеве, нашим государям, и подчиняются вам и исполняют все то, что вы им от имени их высочеств и от моего имени (в силу полномочий, что я имею от их высочеств) прикажете.

Далее, учтя опыт, который имеется у тех, кто ходил этой землей, и ради нее следует здесь указать некоторые меры, которые необходимо предпринять во что бы то ни стало: хотя вы и посетите другие провинции или местности, отличные от тех, которые стали уже известны, но обычаи и поведение здешних обитателей везде едины. Вам же я вмещаю в обязанность держиваться всего, что ниже изложено, и в случае необходи-

* Мосен — см. комментарий 11, стр. 366. — *Прим. перев.*

мости вносить добавления сообразно тому, как вы сочтете нужным по условиям времени и места.

Первейшая же задача, о которой здесь пишется, заключается в следующем: вы должны со всеми вашими людьми обойти остров и разузнать о его областях, людях и землях и о том, что имеется в этих землях, и особенно в области Сибоа, потому что необходимо обо всем этом самым обстоятельным образом известить короля и королеву — наших государей, и вы должны послать этих людей отсюда, из этого города², обеспечив их всем необходимым.

Во-первых, отсюда отправьте 16 всадников и 250 пеших воинов, вооруженных мечами и луками, 100 воинов с эспингардами и 20 мастеровых. Этих людей разделите на 3 отряда: один оставьте для себя, два других передайте лицам, которые, по вашему мнению, будут в наибольшей степени соответствовать возлагаемой на них обязанности. Каждому из них выделите такое количество людей, какое вы считаете нужным.

Главное, что вы должны помнить: оберегайте индейцев и старайтесь не причинять им зла и ущерба и не брать у них ничего против их желания. Более того — пусть принимают индейцев с почетом и пусть будут они уверены в своей безопасности, и подобное поведение должно быть неизменным.

И так как на пути, которым я шел в Сибоа, случалось, что индейцы похищали у нас кое-что (и я наказывал их), должны и вы, если окажется, что один из них что-либо украдет, покарать провинившегося, отрубив ему нос и уши, потому что именно эти части тела невозможно скрыть. Таким образом можно будет обезопасить меновой торг со всеми обитателями этого острова, другие же индейцы поймут, что подобное наказание ждет всякого, кто что-либо похитит, и что к добрым людям приказано относиться хорошо, а дурных людей — наказывать³.

Так как ныне люди не смогут взять с собой количество кастильских припасов, каковое необходимо иметь с собой на все время похода, с ними должны пойти *... которые возьмут с собой товары для меня: четки, погремушки и другие вещи; и в силу этой инструкции надлежит этими товарами оплачивать хлеб и провизию, которую удастся купить. При этом надлежит установить день и место, куда индейцы будут приносить съестные припасы, а весь меновой торг должен вестись в присутствии лица, исполняющего обязанности представителя главных контадоров, с тем чтобы ведомы были мера и счет всему.

Кроме того, вы должны дать 25 человек Риаге⁴, если только я не выделю ему этих людей до своего отъезда, и ему

* Пропуск в тексте.— Прим. перев.

поручается выйти в поход вместе со всеми тремя [отрядами], чтобы обеспечивать продовольствием все войско, дабы никто, какой бы он ни занимал пост и каково бы ни было его положение, не смел вступать в меновой торг с индейцами и причинять им две тысячи обид. А подобный поступок противен воле и интересам короля и королевы — наших государей, потому что их высочества больше всего пекутся о спасении этих людей и о том, чтобы стали они христианами и чтобы получали [короли] все богатства, которые отсюда можно извлечь. И для этого предусматриваются все перечисленные меры, и вы должны поступать так, чтобы удовлетворить каждого индейца, согласно приказаниям их высочеств, и платить за все, что приобретается в пищу и за прочие товары, как вы сочтете необходимым.

А если случайно не удастся найти съестные припасы за плату, которую вы, мосен Педро, установите, отбирайте у индейцев необходимую провизию наидостойнейшим образом так, чтобы они оставались довольны.

Что касается Каонабò⁵, то весьма желательно со всем тщанием позаботиться о способах, какими можно будет захватить его в наши руки. А для этого вы должны вести себя по отношению к нему согласно моей воле и отправить к Каонабò посла в сопровождении 10 наиболее расторопных человек, какие только найдутся, с подарками, которые доставят ему эти люди. А они должны также принести Каонабò товары для мены, порадовать его и показать, что им доставляет удовольствие дружба с ним. Им надлежит сказать, что Каонабò будут отправлены и другие вещи и что он должен послать нам золото. При этом следует ему напомнить, что вы находитесь поблизости с большим отрядом и имеете в распоряжении множество людей и что каждый день прибывает к вам пополнение и что я всегда буду давать Каонабò все, что привозится из Кастилии. И так следует соблазнять его на словах с тем, чтобы установить с ним дружбу и легче овладеть им. И вы не должны выступать против Каонабò со всеми своими людьми, а сперва отправить к нему Контрераса⁶ с десятью спутниками.

А когда эти люди явятся туда, где вы будете находиться, и вы их опросите, тогда можно будет отправить к Каонабò новые партии людей, чтобы он уверился в христианах, не питал подозрений и не думал, что они собираются причинить ему зло.

А затем уж надо будет найти наилучший способ для захвата Каонабò — такой, какой покажется вам наиболее удобным, использовав при этом его мнимую дружбу с Контрерасом. Контрерасу вы поручите исполнить все, ему порученное, присвокупив к этому, чтобы он не нарушал ваших инструкций.

Способ, который следует применить, чтобы захватить Каонабó, должен быть таков. Пусть упомянутый Контрерас постарается побольше общаться с Каонабó и использует случай, когда Каонабó отправится на переговоры с вами, ибо таким образом легче будет захватить его в плен. А так как он ходит нагой и в таком виде задержать его трудно (ведь стоит ему только вырваться и пуститься в бегство и нельзя будет ни увидеть, ни поймать его, потому что принаровится он к местности), то подарите ему рубаху и головной убор и заставьте его надеть то и другое, а также дайте ему капюшон, пояс и тогу, и тогда сможете вы поймать его, и он не убежит от вас. Вы должны также захватить его братьев, которые выйдут вместе с ним. Если же случится так, что Каонабó не в состоянии будет отправиться к вам и быть с вами, примените иной способ. Пойдите к нему сами, но сперва вышлите вперед Контрераса с тем, чтобы он повидался с Каонабó до вашего прибытия и успокоил его, заверив, что вы идете к нему, желая закрепить с ним дружбу. Ибо, видя, что вы идете с большим количеством людей, Каонабó может заподозрить недоброе и постарается укрыться в горах. Все это я предоставляю, однако, на ваше усмотрение, и вы должны поступать так, как покажется вам лучше. Далее, вы должны премного заботиться о том, чтобы все подчинялись вашим решениям и чтобы нарушивший ваши приказания был примерно наказан, потому что, если поведется иначе, люди могут выйти из повиновения, и тогда рассеется все войско, и вы не сможете пользоваться им, и будет причиняться ущерб индейцам.

А индейцы, видя что [люди ваши] столь распушены и непокорны, воспользуются этим, и хотя они и трусливы, но не пощадят никого из чистого страха и, нападая на группы в два-три человека, наберутся, пожалуй, достаточной смелости, чтобы истреблять ваших людей.

И поэтому, а также и по другим причинам, вы должны во всем быть послушным мне и требовать, чтобы выполняли все, что вы прикажете, и чтобы никто не смел ослушаться ваших распоряжений. Предупреждайте всех, что трусливые люди — самые дурные, так как они никогда не щадят чужьей жизни. Поэтому, если встретят индейцы двух или трех отбившихся от рук христиан, не удивительно будет, если они убьют их.

Далее, вы должны с помощью божьей обойти много земель. Хорошо будет повсеместно, где бы вы ни появлялись, на всех дорогах и тропах устанавливать высокие кресты и столбы, а также воздвигать кресты на деревьях и в иных местах, которые вы сочтете для этой цели удобными, и так, чтобы они не могли свалиться. Делать же это следует непременно, так как, хвала богу, земля принадлежит христианам, и вы должны поступать так, чтобы память о том сохранилась

навечно. Прикажите также вырезать на высоких и больших деревьях имена их высочеств...*

Дана в городе Изабелле, на острове Изабелла, в Индиях, 9 апреля, года от рождества нашего спасителя Иисуса Христа 1494.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в *Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana*, p. I, v. I, Roma 1892.]

* Опущены последние абзацы инструкции, где речь идет о маршруте похода, который должен был предпринять Маргарит, и заключение ее, где Колумб предписывает всем подчиненным Маргарита безусловно подчиняться распоряжениям последнего.— *Прим. перев.*

КОММЕНТАРИИ
К «ИНСТРУКЦИИ КОЛУМБА
МОСЕНУ ПЕДРО МАРГАРИТУ»

1. Маргарит, Педро — см. комментарий к «Мемориалу Колумба Изабелле и Фердинанду».

2. Имеется в виду город Изабелла, заложенный Колумбом в конце 1493 года на северном берегу Эспаньолы.

3. Призывы к гуманному обращению с индейцами не должны вводить в заблуждение читателей. Колумб больше всего заботился об извлечении доходов из новооткрытых земель, и ради этой цели все средства были для него хороши. Чуть ниже он совершенно недвусмысленно пишет, что причинять обиды индейцам не следует, ибо короли заинтересованы в богатствах, которые можно получить в новооткрытых землях путем «нормального» менового торга. При этом он дает Маргариту распоряжение отбирать у индейцев силой все необходимые припасы, если они откажутся вступать в торговые сношения с кастильцами. См. статью «Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения».

4. Ри а ге — спутник Колумба во втором путешествии, один из военачальников отряда Маргарита.

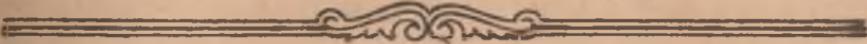
5. Ка о н а б ó — см. комментарий к «Мемориалу Колумба Изабелле и Фердинанду».

6. Вероломный захват в плен Каонабó — одно из позорнейших «деяний» кастильских хищников на Эспаньоле. Осуществил его не Контеррас, а Алонсо де Охеда (о нем см. комментарий 5 к «Дневнику второго путешествия»). С десятью спутниками Охеда выехал из Изабеллы в селение Магуану — резиденцию Каонабó, захватив с собой цепи и наручники. Через гонцов он известил Каонабó, что идет к нему с миром, желая принести в дар колокол.

Слух о звонком колоколе, призывающем пришельцев на молитву, распространился по всему острову, и Каонабó, как на то и рассчитывал Охеда, страстно пожелал обладать этой «драгоценностью». Каонабó принял Охеда очень радушно. Во время беседы Охеда показал Каонабó цепи и заметил при этом, что в Кастилии именитые и знатные люди надевают на себя по-

добные украшения в торжественных случаях. Касик сам наложил на себя цепи и надел наручники. Затем Охеда посадил Каонабб верхом на коня, позади себя, и пустился вскачь. Когда Каонабб попытался вырваться, Охеда привязал его к седлу и пригрозил заколоть, если он только вздумает кричать.

Охеда привез Каонабб в Изабеллу, где несчастного пленника прико-
вали к стене в подвале адмиральского дома.

ТОРДЕСИЛЬЯССКИЙ ДОГОВОР МЕЖДУ КОРОЛЯМИ ИСПАНИИ И ПОРТУГАЛИИ О РАЗДЕЛЕ МИРА *

7 июня 1494 г.

Высокие договаривающиеся стороны через вышепоименованных представителей условились и согласились во избежание сомнений и споров относительно островов и земель, уже открытых, или тех, которые бу-

Вдут открыты в море-океане, чтобы была проведена прямая линия от полюса до полюса, т. е. от полюса арктического до полюса антарктического с севера на юг, в 370 лигах к западу от островов Зеленого мыса, на расстоянии, определенном в градусах или иными способами, каковые будут признаны наиболее приемлемыми и удобными, и измеренном без излишка или недохватки, и чтобы все, что уже открыто или будет открыто королем Португалии или его кораблями, будь то острова или материки к востоку от этой линии и внутри ее на севере и на юге, принадлежало названному сеньору — королю Португалии и его преемникам на веки вечные и чтобы все острова и материки как открытые, так и те, что будут открыты королем и королевой Кастилии и Арагона или их кораблями к западу от названной линии, на севере и на юге, принадлежали означенным сеньорам — королю и королеве и их преемникам на веки вечные.

Далее: для того чтобы названная разделительная линия была проведена правильно и в наивозможно короткий срок в 370 лигах к западу от островов Зеленого мыса, высокие договаривающиеся стороны прикажут в течение 10 месяцев, следующих за подписанием этого договора и соглашения,

* Договор дается в извлечении; опущены преамбула и пункты, не относящиеся к делам демаркации.

снарядить 2 или 4 каравелы по одной или по две от каждой из сторон, каковые каравелы по истечении указанного срока должны прибыть на остров Гран Канарию с пилотами, астрологами и иными лицами, назначенными в равном числе португальским королем на корабли португальские и кастильским королем на корабли кастильские, и выйти в море, дабы установить румбы, ветры и градусы юга и севера и наметить названные 370 лиг, следуя от островов Зеленого мыса на запад, вплоть до пересечения с искомой линией, и все время отсчитывать лиги, измеряя оные, согласно способу, который означенные лица установят без ущерба для высоких договаривающихся сторон и, прибыв к месту, где названная линия должна проходить, оные лица должны отметить пункты, через которые проходит линия, либо в градусах юга и севера, либо безградусно, в лигах, в зависимости от того, как будет лучше, и составить обо всем акт и скрепить его своими подписями.

Если же, по счастью, таковая линия пересечет остров или материк, да будет установлен столб или знак, и да будет он разделять ту часть, что принадлежит Португалии, от той, что отведена Кастилии.

Далее: высокие договаривающиеся стороны заверяют через своих представителей, что отныне и впредь не будут они отправлять никаких кораблей — названные король и королева Кастилии и Арагона — в моря, что находятся к востоку от названной линии и принадлежащие королю Португалии, а король Португалии — в моря по другую сторону линии к западу от нее, которые считаются принадлежащими королю и королеве Кастилии.

Также ни одна из сторон не будет совершать открытий и завоеваний и не будет вести торговлю за разделительной линией, намеченной согласно вышесказанному. И если случайно корабли короля Португалии окажутся в порту, принадлежащем королю Кастилии, то таковые корабли должны быть немедленно переданы королю Португалии, и так же да будет поступлено последним по отношению к королю Кастилии.

Далее: поскольку корабли короля Кастилии, что следуют в земли, лежащие за названной линией, по необходимости должны проходить через моря, находящиеся по сию сторону линии и принадлежащие Португалии, договорились оба государя, что названные корабли могут плавать свободно и без помех в этих морях в течение всего времени, которое потребно для перехода, и могут следовать они для открытий и завоеваний в места, принадлежащие Кастилии, но если при этом открытая земля окажется в части, отведенной для Португалии, будет она считаться владением короля Португалии.

И так как может случиться, что корабли короля и королевы Кастилии и Арагона откроют до 20-го числа текущего месяца острова и материки по сию сторону названной линии, что

должна быть проведена в 370 лигах к западу от островов Зеленого мыса, условились высокие договаривающиеся стороны через своих представителей, что, во избежание сомнений, все, что будет открыто к 20 июня кораблями и людьми кастильскими в пространстве, лежащем на 250 лиг к западу от островов Зеленого мыса, будет принадлежать королю Португалии, а земли, что находятся далее к западу внутри полосы, простирающейся на 125 лиг к востоку от названной разделительной линии, будут принадлежать королю и королеве Кастилии, хотя оные 120 лиг и составляют часть дистанции в 370 лиг, в пределах коей все моря и земли являются владениями короля Португалии.

Если же до 20 июня ничего не будет открыто кораблями короля и королевы Кастилии внутри оных 120 лиг, все, что откроют кастильские корабли, впредь в этих местах да считается владениями короля Португалии.

[Перевод выполнен по тексту документа, приведенного у Santarem Quadro Elementar, и сверен по тексту F. G. Davenport, *European treaties bearing on the history of the United States and its dependencies*, v. I, p. 84—100, Washington, 1917.]

КОММЕНТАРИИ К «ТОРДЕСИЛЬЯССКОМУ ДОГОВОРУ»

Соглашение в Тордесильясе было заключено год спустя после выхода булл о разделе мира между Испанией и Португалией папы Александра VI (см. комментарий к булле *Inter Caetera* № 2).

В этих буллах демаркационная линия, разделяющая испанские и португальские сферы заморской экспансии, намечена была в 100 лигах к западу от островов Зеленого мыса. Таким образом Португалия добилась в Тордесильясе переноса границы на 270 лиг к западу. После этого португальская зона включала почти всю Атлантику и значительную часть (до 50° западной долготы от Гринвича) Бразилии (которая была 6 лет спустя открыта португальским мореплавателем Кабралом).

В момент заключения договора Колумб совершал свое второе плавание и находился у берегов Кубы и Ямайки. Кастильские представители предполагали, что во время этого путешествия могут быть открыты новые земли в восточной части Атлантического океана, и добились включения в текст соглашения специальной статьи об открытиях, которые могут быть сделаны до 20 июня 1494 г.

Пункт договора об отправке специальной экспедиции для демаркации линии раздела не был выполнен, и эксперты не покинули пределов полуострова, хотя в мае 1495 г. десятимесячный срок отправки кораблей был продлен на неопределенное время.

В Тордесильяском договоре было дано однозначное решение проблемы раздела мира. Демаркационная линия была проведена лишь через Атлантику. Иначе и не могло быть, так как лишь два десятилетия спустя моря и земли Дальнего Востока и Дальнего Запада стали известны европейцам.

Неминуемое и непредусмотренное в Тордесильясе столкновение испанских и португальских интересов на Тихом океане последовало в период знаменитого путешествия Магеллана (1519—1522 гг.). Вопрос о второй демаркационной линии был решен лишь после шестилетних переговоров Сарагосским договором 1529 г.

Тордесильяский договор, подобно буллам Александра VI, является дипломатическим документом большого исторического значения. Договором были заложены основы колониальной политики пиренейских держав

и отчетливо сформулированы принципы доктрины «закрытого моря» и исключительных прав Испании и Португалии на владение всем внеевропейским миром.

Статьи Тордесильяского договора сохраняли реальную силу до тех пор, пока преобладание Испании и Португалии в Новом Свете, Азии и Африке оставалось бесспорным.

Уже в XVII столетии, когда инициатива колониальной экспансии переходит к Англии, Франции и Голландии, а Испания и Португалия теряют в непосильной борьбе значительную часть своих вест-индских и ост-индских владений, пункты договора в Тордесильясе звучат как анахронизм. Однако до конца XVIII века Тордесильяский договор сохранял юридическую силу при разрешении пограничных споров в южноамериканских владениях Испании и Португалии.

**ПИСЬМО КОЛУМБА
ФЕРДИНАНДУ И ИЗABELЛЕ
О РЕЗУЛЬТАТАХ
ТРЕТЬЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ¹**

[ОТКРЫТИЕ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ]

ветлейшие, высочайшие и всемогущие владыки, король и королева, наши государи.

Святая троица подвигла ваши высочества на это предприятие в Индиях и по своей бесконечной милости сподобила меня стать посланцем своим, и я явился пред королевские очи, к их высочествам, как к высочайшим христианским повелителям, столь усердным в делах веры и ее распространения.

Люди, которым надлежало заниматься этим, считали сие дело невозможным и выше всего ценили блага фортуны, возлагая на них свои упования. Я же провел шесть или семь лет² в великих заботах, доказывая любыми способами, какую великую пользу можно принести государю нашему этим предприятием, распространив святое имя его среди стольких народов. Оно же послужило бы к упрочению величия, доброй славы и памяти могучих государей. Должно было также говорить и о преходящих благах мирских, предвозвещенных в сочинениях столь многих мудрецов, заслуживающих веры и сложивших истории, в коих говорится о том, какие великие богатства имеются в тех краях³.

Точно так же должно было привести слова и мнения тех, кто описывал Землю. В конце концов, ваши высочества решили, что предприятие это должно быть осуществлено. Тем самым они проявили величие своего сердца, какое обычно для них во всяком крупном деле; меж тем как все те, кто были прикосновенны к этому и слушали мои рассуждения, единодушно поднимали меня насмех, исключая двух монахов, которые неизменно меня поддерживали⁴. И хотя испытывал

я чувство досады, все же был уверен я в том, что дело это к чему-нибудь приведет, и в подобной уверенности я продолжаю оставаться и поныне, ибо, воистину, все быстротечно, кроме слова господнего, и исполнится, реченное им. А он ясно говорит в различных местах писания, что Испания будет спешествовать прославлению его святого имени ⁵.

И я пустился в путь во имя святой троицы и возвратился весьма скоро, имея на руках свидетельство истинности того, о чем я говорил ранее. Ваши высочества вновь отправили меня в путь. И за короткое время, я говорю не... [пропуск в тексте письма]... по милосердию господнему я открыл 333 лиги побережья материка, предел востока и 700 крупных островов ⁶, не считая тех, что уже были открыты в первом плавании.

Я обошел кругом остров Эспаньолу, который по величине превосходит Испанию; на острове же этом людей без числа, и все они будут платить подати.

Тогда-то и зародилась клеветническая молва и стремление умалить это предприятие по той причине, что я сразу же не отправил груженных золотом кораблей, но при этом не хотели считаться с краткостью времени и с многочисленными помехами, мною уже упомянутыми. И то ли за грехи мои, то ли ради грядущего спасения моего, от меня отвратились и чинили мне прегяствения во всем, что бы я ни сказал и о чем бы я ни просил ⁷.

По этой причине решил я возвратиться к вашим высочествам, чтобы выразить свое недоумение по поводу всего этого и доказать разумность всего совершенного мною.

И я поведал вашим высочествам о народах, которые я видел, и о том, как много душ могут обрести спасение. И я привез с собой обязательства жителей Эспаньолы, согласно коим они должны платить подати и считать вас своими королями и повелителями *. Привез я вашим высочествам достаточно доказательств наличия залежей золота, в частности большие самородки и зерна золота, а также образцы меди, и доставил я столь великое множество различных сортов пряностей, что описание их отняло бы слишком много времени.

Я поведал вашим высочествам также о красящем дереве, которое растет в той стороне, и о бесчисленном множестве иных вещей. Все это, однако, оказалось бесполезным и не удержало тех, которые возымели желание и в действительности стали возводить хулу на это предприятие ⁸. Не помогло также и то, что я говорил о служении господа богу в деле спасения стольких душ и о том, что это послужит такому возвышению вашего величия, какого никогда еще не достигал ни

* См. статью «Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения». — *Прим. перев.*

один государь, ибо и труд и затраты направлены как на мирские, так и на духовные нужды, и что по истечении времени Испания неизбежно извлечет из сего большую для себя выгоду. Убедительные свидетельства имеются о том во всем написанном об этих краях, а стало быть, и все прочее осуществится в дальнейшем. Тщетны были также мои указания на деяния великих государей, клонившиеся к увеличению их славы, как, например, Соломона, отправившего людей на восток, дабы они увидели гору Сопору, около которой соломоновы суда стояли три года, гора же эта ныне находится во владении ваших высочеств на Эспаньоле; или Александра, который отправил послов на остров Тапробану⁹, в Индиях, желая узнать о тамошнем способе правления; или цезаря Нерона, который желал исследовать истоки Нила и дознаться, почему полноводна эта река летом, когда реки обычно мелеют; и на другие многочисленные подвиги, которые совершали государи, коим дано было их свершить. Бесполезно было также говорить им о том, что я никогда не читал, будто государи Кастилии приобретали земли вне ее пределов; эта же земля совсем не тот мир, в котором с большими трудностями подвизались римляне, Александр и греки, стремясь завладеть им, а совсем другой; что в наше время короли Португалии проявили столько отваги, что проникли в Гвинею, обследовали всю страну и истратили при этом так много золота и потеряли столько людей, что, если счесть все население королевства, окажется, что около половины его погибло в Гвинее, и тем не менее они будут продолжать это дело, пока не добьются того, на что рассчитывали. И все это они начали в давние времена, и сперва [предприятие их] мало что им давало; они точно так же отважились совершить завоевания в Африке и продолжают свои походы на Сеуту, Танжер, Арсилью и Алькасар и непрерывно воюют с маврами.

Все это было сопряжено с великими издержками и предпринималось лишь ради того, чтобы возвеличить дело государей, послужить богу и расширить пределы своих владений¹⁰.

Чем больше я говорил, тем сильнее опорочивали сказанное мною и отвращались от меня, невзирая на то, каким благом оно [мое предприятие] являлось в глазах всего света и с какой благожелательностью судят о ваших высочествах все христиане, за то, что вы предприняли это дело, и нет такого человека, будь он стар или млад, который не желал бы получить вести о нем.

Ваши высочества внушили мне бодрость, сказав, чтобы я не беспокоился напрасно, ибо не придавали они ни значения, ни веры тем, кто поносил мое предприятие.

И пустился я в путь во имя святейшей троицы в среду, 30 мая, из города Сан Лукар¹¹, крайне утомленный путешест-

вием, ибо, когда я покидал Индии, я надеялся на отдых, а меж тем заботы мои удвоились. Я направился к острову Мадейре не обычным путем, дабы избежать неприятностей, которые могли произойти при встрече с французской флотилией, подстерегавшей меня у мыса Сан Висенте. От Мадейры я пошел к Канарским островам, а оттуда отправился с одним кораблем и двумя каравелами¹². Остальные корабли я послал прямым путем в Индию, к острову Эспаньоле, а сам направился к югу, намереваясь достичь линии экватора и далее следовать к западу до тех пор, пока остров Эспаньола не останется к северу от меня. Прибыв на острова Зеленого мыса¹³ (название это ложное, ибо я не увидел на них ни клочка зелени, все же обитатели этих островов были больны, так что я решил не задерживаться здесь), я поплыл к юго-западу и прошел 480 миль, или 120 лиг, до того места, где с наступлением ночи Полярная звезда была в 5 градусах. Здесь ветер стих и начался такой великий зной, что мне казалось — сгорят и корабли и люди на них. Все сразу впали в такое смутное состояние, что не нашлось человека, который решился бы спуститься под палубу, чтобы взять посуду для воды или пищу. Жара эта стояла восемь дней. В первый день было ясно, а в течение семи последующих дней лил дождь и небо было покрыто тучами. И все же облегчение наступило. Уверен, что если бы и в эти дни светило солнце так же, как и в первый день, уж наверняка мы все не избежали бы гибели. Вспоминаю, что всякий раз, когда, плавая к Индиям, я отходил на сто лиг к западу от Азорских островов, замечал я перемену температуры, и так на всем пути от севера к югу. И я решил, в случае если господу богу угодно будет даровать мне ветер и добрую погоду, чтобы можно было покинуть места, где я находился, не отклоняться более к югу и не возвращаться назад, а плыть на запад до тех пор, пока я не достигну мест с той же температурой, какая была во время моего плаванья на параллели Канарских островов. И если бы действительно так и случилось, то тогда я мог бы идти дальше к югу. Богу угодно было по истечении этих восьми дней послать мне благоприятный восточный ветер; я проследовал на запад, но не решился отклониться вниз к югу, потому что заметил огромнейшие перемены в небе и в звездах, температура же оставалась прежняя¹⁴. Тогда я принял решение следовать все время прямо на запад на линии Сьерра Леоне*, намереваясь не менять избранного направления до тех мест, где, как я думал, будет обнаружена земля, и там исправить повреждения на кораблях и пополнить, если окажется возможным, запасы провизии и взять воду, которой у нас не было.

* Т. е. на широте Сьерра-Леоне (страна в Западной Африке у Гвинейского залива). — *Прим. перев.*

По прошествии же 17 дней, в течение которых, благодаря господу, ветер был благоприятным для плавания, во вторник, 31 июня, в полдень показалась земля. Я же ожидал встретить ее накануне, в понедельник, и к ней держал путь, но на восходе солнца, из-за недостатка воды, которая вся вышла, решил идти к островам Каннибалов и принял это направление. И так как его божественное величество всегда проявляло свое милосердие ко мне, случилось и на этот раз, что один из матросов, поднявшись на габию, увидел на западе три горы, одна около другой. Мы возгласили *Salve Regina* и совершили другие моления и премного благодарностей вознесли нашему господу. После этого я свернул с пути, которым шел к северу, и направился к земле, к которой подошел в час вечерни у мыса, названного мною «Галеа»; острову же я дал имя Тринидад¹⁵. Там оказалась гавань, которая была бы очень хорошей, если бы оказалась она глубокой, находились дома и люди и прелестные на вид земли, столь же красивые и зеленые, как сады Валенсии в марте. Я был огорчен тем, что мне не удалось войти в бухту, и пошел вдоль берега этой земли к западу. Пройдя пять лиг, я нашел место, где было глубоко, и бросил там якорь. На другой день я отправился тем же путем в поисках гавани, где можно было бы исправить повреждения на кораблях, взять воду и пополнить запасы зерна и продовольствия. Здесь я взял бочку воды и затем прошел до одного мыса, где нашел убежище, защищенное от восточных ветров, и нужную глубину. Я приказал бросить якорь, привести в порядок бочки и заготовить воду и дрова. Людям разрешено было сойти на берег и отдохнуть, ибо они утомлены были за время долгого пути... Мыс этот назвал я Песчаным («Arenal») ¹⁶. Я обнаружил, что весь берег тут был истоптан животными, которые оставляли следы, подобные козьим. И хотя этих животных, повидимому, было тут много, обнаружено было только одно, уже околешшее.

На следующий день с востока прибыло большое каное, в котором было 24 человека, все юноши, хорошо вооруженные луками, стрелами и деревянными щитами. Как я уже говорил, они были молоды и хорошо сложены, кожей не черны, белее всех, кого я видел в Индиях, стройны и телом красивы. Волосы у них длинные и мягкие, остриженные по кастильскому обычаю, а головы повязаны платками из хорошо обработанной разноцветной (пестрой) хлопчатой пряжи. Думаю, что это были мавританские шарфы (альмайсары) *. Некоторые были опоясаны этими платками и прикрывались ими вместо штанов. Люди на каное заговорили с нами, когда находились еще на далеком расстоянии от кораблей. Никто — ни я,

* Прозрачная вуаль, которую носили мавры в Испании.— *Прим. перев.*

ни мои спутники, не могли понять их, и единственно, что я сделал,— это приказал им знаками приблизиться к нам. На это ушло более двух часов; то они приближались к нам, то отклонялись в сторону. Я приказал показать им тазы и другие блестящие вещи, чтобы возбудить их любопытство и заставить подойти к кораблям; по прошествии довольно значительного времени они подплыли на расстояние более близкое, чем на котором держались до сих пор. Мне не терпелось вступить с ними в переговоры, и у меня не было ничего, что можно было бы показать им и побудить их подойти к кораблям. Поэтому я распорядился вынести на кормовую башенку тамбурины и приказал молодым матросам плясать, полагая, что люди в каное пожелают посмотреть вблизи на празднество. Но, как только они услышали музыку и увидели танцующих, все они оставили весла, взяли в руки луки и стали их натягивать, и затем, прикрываясь щитами, принялись осыпать нас стрелами. Музыка и танцы прекратились, и я приказал разрядить по ним арбалеты. Они отплыли, направившись быстрым ходом к другой каравеле, и внезапно появились под ее кормой. Пилот этой каравелы сблизился с каное, дал шапку и куртку одному из находившихся в каное людей, как казалось ему — старейшине, и договорился, что будет вести с ними переговоры на берегу, куда они и направились на каное, ожидая его приезда. Но пилот не желал высаживаться на берег без моего разрешения; они же, увидев, что он направляется на лодке к моему судну, вновь сели в каное и ушли прочь. Больше мы не видели ни этих людей, ни других с этого острова.

Когда же я подошел к Песчаному мысу, то убедился, что остров Тринидад отделяется от земли Грасин (Благодати) проливом шириной в две лиги, который тянется с запада на восток; и для того, чтобы пройти к северу, необходимо было войти в этот пролив. Там были явные признаки течений, и оттуда доносился до нас сильный рев¹⁷.

Я решил, что здесь находится полоса отмелей и подводных камней, вследствие чего нельзя будет проникнуть в пролив.

А за этой линией была вторая и третья, и доносился оттуда шум, подобный рокоту морской воды, разбивающейся о скалы.

Я стал на якорь у Песчаного мыса, вне этого пролива, и увидел, что вода течет в нем с востока на запад с такой же скоростью, как и в Гвадалкивире во время половодья, и так днем и ночью, ввиду чего я решил, что невозможно из-за течения возвратиться этим проливом назад, ни пройти им вперед из-за мелей. Поздно ночью, находясь на борту корабля, я услышал ужасный рокот, доносившийся с юга. Продолжая наблюдать, я увидел, как с запада на восток море поднимается наподобие холма высотой с корабль и все более и более приближается ко мне.

Поверху же по направлению к кораблю с шумом и роко-
том шла волна с такой же буйной стремительностью и яростью,
с какой шли в проливе другие течения, и я был весь охвачен
страхом, опасаясь, как бы она не опрокинула корабль, когда
обрушится на него. Но она прошла мимо и достигла входа в
пролив, где долго удерживалось волнение.

На следующий день я отправил лодки, чтобы измерить глу-
бину, и обнаружил, что в самом мелком месте пролив имел
глубину в 6 или 7 локтей; постоянные течения шли в этом
проливе в обе стороны к входу и выходу из него. Господу
нашему угодно было послать мне попутный ветер. Я вступил
вглубь пролива, где обнаружил спокойные воды. Случайно
зачерпнув воду, я нашел, что она пресная. Я плыл на север,
пока не дошел до высокой горы, что расположена на расстоя-
нии 20 лиг от Песчаного мыса.

Там имеются два высоких мыса: один — в восточной ча-
сти — относится к острову Тринидад, и другой — на западе —
к земле, которую я назвал «Грасия» (Благодать). Там пролив
сделался очень узким, значительно уже, чем у Песчаного мыса,
и течение также шло в двух направлениях, и вода бурлила с
такой же силой, как и у берегов этого мыса. И точно так же
вода в море была пресная*. До сих пор я не имел еще бесед
ни с одним из обитателей этих земель, чего я желал очень
сильно. Ради этого я направился вдоль берега этой земли к за-
паду; и чем дальше я продвигался, тем все более пресной и
вкусной становилась вода.

Пройдя большое расстояние, я вступил в местность, где
земли, как мне показалось, были возделаны, и, став на якорь,
отправил на берег лодки. Обнаружив, что местные жители
лишь недавно ушли отсюда и что вся гора кишела обезьянами,
мои люди вернулись на судно.

Так как эта местность была гористая, то мне показалось,
что далее к западу находится низменность, и поэтому там
могли находиться люди. Я приказал поднять якорь и напри-
вился вдоль берега и оконечности горы и там в устье одной
реки стал на якорь. Тотчас же явилось множество людей, они
сказали мне, что земля эта называется «Пария» и что далее
к западу она населена гуще. Я захватил с собою четырех ту-
земцев и направился к западу. Пройдя в этом направлении
еще 8 лиг, близ мыса, которому я дал название мыса Иглы
(Punta de Aguja), нашел я прекраснейшие на свете и густо на-
селенные земли. Я прибыл туда в час заутрени и, видя, как
зелена и хороша эта местность, решил стать здесь на якорь

* См. комментарий 17. Пролив, который увидел Колумб, был Пастью
Дракона — северным проходом, ведущим из Китового залива в Караибское
море. Мысы, расположенные по сторонам этого пролива, Тупой мыс (ныне
Моно) на острове Тринидад и мыс Раковины (Cabo de Lara) на восточной
оконечности полуострова Пария.— *Прим. пер.*

и свести знакомство с туземцами, которые тотчас же приплыли к кораблю на каное и от имени своего короля попросили меня высадиться на берег. Когда же они увидели, что я отношусь к ним безучастно, они стали подходить к кораблям на бесчисленном множестве каное, и у многих висели на груди большие куски золота, а у некоторых к рукам привязаны были жемчужины. Я очень обрадовался, увидев эти предметы, и приложил немало стараний, чтобы дознаться, где они их добывают. Они сказали мне, что жемчуг добывается здесь, именно в северной части этой земли¹⁸.

Я хотел задержаться в этих местах, но съестные припасы, которые я вез с собой,— хлеб, вино и мясо — все то, что предназначено было для моих людей и что я собрал с таким большим трудом, могли притти в негодность; поэтому я стремился только к тому, чтобы поскорее найти для них сохранное место, и ничто, следовательно, не могло бы меня задержать. Я попытался добыть жемчуг и послал для этой цели на берег лодки.

Народа здесь много, все хороши на вид, цвет кожи у них такой же, как у людей, которые встречались ранее, и они весьма общительны. Наши люди, отправившиеся на берег, нашли, что они очень расположены к нам. Они приняли моих людей с большим радушием.

Как только наши лодки подошли к берегу, явилось двое старейшин со всем народом. Вероятно, один из них был отец, а другой его сын. Гостей провели к большому дому, с двускатной крышей, причем этот дом не был круглым, наподобие лагерной палатки, как другие дома. В доме было множество сидений, на которых усадили гостей, на других уселись хозяева. Принесли хлеб и различные плоды и вино разных сортов — белое и красное, но не виноградное, а плодое, из плодов двух видов¹⁹, а один сорт вина приготавливался, видимо, из маиса, растения, что дает колос, подобный пшеничному, и которое я привез в Кастилию. Теперь в Кастилии много маиса. Повидимому, маисовое вино считается наилучшим, и так оно здесь и расценивается. Все мужчины собрались вместе, в одном углу, тогда как женщины находились в другом. Хозяева и гости испытывали большое огорчение оттого, что не понимали друг друга: они не могли спросить нас о нашей родине, наши же люди не могли ничего узнать об их земле. После того, как попотчевали их в доме самого старого индейца, молодой проводил гостей в свой дом, где приготовлено было такое же угощение.

Затем наши люди сели в лодки и вернулись на корабль, а я тотчас же поднял якорь, ибо спешил спасти запасы продовольствия, которые подвергались порче и которые собрал с таким большим трудом; беспокоился я также и о собственном здоровье, ибо от бессонницы я стал слаб глазами. Хотя на протяжении длительного путешествия, во время которого я открыл

материк, я провел без сна тридцать три дня, мое зрение все же не пострадало так сильно и не наполнялись мои глаза кровью и не испытывал я таких мук, как ныне *.

Туземцы, как я уже говорил, красиво сложены, высокого роста, изящны в движениях, волосы у них длинные и мягкие, а головы повязаны красивыми шарфами, которые, как я уже упоминал, издали похожи на шелковые альмайсары. Иные подпоясываются этими шарфами и прикрываются ими вместо штанов — как мужчины, так и женщины. Цветом кожи люди эти белее всех ранее встречавшихся мне обитателей Индии. У всех, по обычаю этой страны, на груди и на руках украшения, а у некоторых подвешены на груди куски золота. Их каменные очень большие и сооружены лучше, чем те, которые встречаются в других местах, и легче в ходу. На каждом из них посредине — помещение, вроде комнаты, в котором я видел именитых людей с их женами. Я назвал эту местность «Сады» (Los Jardines), ибо она вполне соответствует этому имени. Я пытался узнать, где добывается здесь золото, и все указывали на соседнюю землю, лежащую неподалеку к западу, на возвышенности. Но все уговаривали меня не ходить в ту сторону, ибо там поедали людей, я понял, что в тех местах живут каннибалы, такие же, как и прочие людоеды. Впоследствии я пришел к выводу, что туземцы говорили так потому, что в том краю водились хищные звери. Я спросил их также, где они добывают жемчуг, и они указали мне на запад и на север, за пределы той страны, в которой они проживают. Я не стал проверять эти указания, ибо одолевали меня заботы о продовольствии и болен я был глазами; к тому же мой большой корабль не был приспособлен для подобного плавания.

А так как времени было мало, я использовал его для расспросов; затем все вернулся на корабль, так как наступил уже час вечерни. Я приказал поднять якорь и направился на запад.

В том же направлении я шел и на следующий день, будучи уверен, что, пока я не дошел до места, где глубина была больше трех локтей, я иду вдоль берега острова и что так можно притти к северу. Поэтому я направил вперед легкую каравелу, желая убедиться, имеется ли выход в море, или он чем-либо загражден. Так я прошел значительный путь, пока не добрался до очень большого залива, в котором, как оказалось, были четыре бухты средней величины, и в одну из них впадала огромнейшая река **. Глубина [в реке] везде была пять локтей, вода пресная, и текла она в огромном количестве. Никогда еще не пил я воды, подобной этой.

* Колумб упоминает здесь о плавании, которое он совершил у берегов Кубы и Ямайки в 1494 г.— *Прим. перев.*

** См. комментарий 17. Большая река — это Rio Grande.

Я был крайне огорчен, потому что видел, что нельзя выйти из залива, следуя в северном, южном или западном направлениях,— со всех сторон меня окружала земля. Поэтому я поднял якорь и повернул назад, чтобы выйти на север через проход, о котором я говорил выше *, но я не мог возвратиться к селению, где ранее останавливался, из-за течений, которые заставляли меня отклоняться от намеченного пути.

И у каждого мыса я находил пресную и светлую воду, которая относила меня стремительно к востоку, к двум проходам, о которых я уже упоминал. И тут я догадался, что сталкивающиеся между собой высокие волны, которые врывались с таким сильным ревом в эти проходы, вызывались борьбой соленой и пресной воды. Пресная выталкивала соленую, не давая ей войти, а соленая не позволяла выйти пресной.

И я предположил, что там, где ныне расположены эти два прохода, некогда была сплошная суша, соединявшая остров Тринидад с землей Грасия, как то могут усмотреть ваши высочества из рисунка, который я вам посылаю с этой запиской. Я вышел из северного прохода и обнаружил при этом, что пресная вода всегда побеждала, а когда, благодаря силе ветра, я проходил в море, то, попав на высокую волну, я убедился, что внутри течения были струи пресной воды, а по краям его шла вода соленая.

Во время плавания из Испании в Индии я обнаружил, что сразу же после того, как пройдено было 100 лиг к западу от Азорских островов, наступили величайшие перемены в небе, в звездах, в температуре воздуха и морской воды. Я приложил много стараний, чтобы проверить это наблюдение. Оказалось, что тотчас же после того, как пройдены были 100 лиг от упомянутых островов, стрелки компаса, которые до того отклонялись к северо-востоку, стали отклоняться на целую четверть к северо-западу, так что, достигая этой линии, совершаешь переход, подобный переходу через горную гряду. Точно так же обнаружил я, что в море здесь было много травы, похожей на веточки сосны и обремененной плодами, напоминающими чечевицу. И трава эта настолько густая, что во время плавания я подумал было, что вступил в полосу мелей и что корабли сядут на мель. До того же как была достигнута эта линия, я нигде не встречал ни одной травинки. Я установил также, что за упомянутой линией море было спокойно, и даже при сильных ветрах никогда не волновалось. И я нашел, что за этой линией, в западном направлении, температура воздуха становится умеренной и не изменяется ни зимой ни летом. Находясь там, я заметил, что Полярная звезда описывает окружность в 5 градусов по диаметру. Когда Стражницы (Las Guardas) находятся по правую руку, Полярная звезда занимает

* Т. е. через Пасть Дракона.

самое низкое положение и постепенно поднимается по мере того, как достигает левой руки; и тогда находится в 5 градусах, а затем снова понижается, пока не возвращается к правой руке.

Теперь я прошел от Испании к острову Мадейре, а оттуда к Канарским островам, а от них к островам Зеленого мыса, откуда я направился к югу, чтобы достичь линии экватора, как я уже о том говорил. Когда же я дошел до места, которое находилось прямо на параллели Сьерра Леоне в Гвинее, меня застиг такой сильный зной, и солнечные лучи стали жечь с такой силой, что, казалось, будто они спалят нас, и, несмотря на дождь и пасмурное небо, я чувствовал, что изнемогаю; наконец, господу богу угодно было послать попутный ветер, и я возрадовался и поплыл к западу в надежде найти перемену в температуре после того, как доберусь до линии, о которой я уже говорил. Как только я подошел непосредственно к этой линии, я обнаружил, что температура воздуха стала весьма умеренной и мягкость воздуха возрастала по мере того, как я продвигался все дальше и дальше вперед. Однако положение звезд не соответствовало этой перемене. Я заметил, что с наступлением ночи Полярная звезда находилась на высоте 5 градусов, а Стражницы прямо над головой, в полночь Полярная звезда была на высоте 10 градусов, на рассвете же, когда Стражницы находились в ногах, она была на высоте 15 градусов. Подобно воздуху, изменилось также и море, которое стало спокойным, но в нем появились травы. Перемена в положении Полярной звезды вызвала во мне немалое удивление, и поэтому в течение многих ночей я с большим рвением определял квадрантом ее высоту, и каждый раз убеждался, что свинец и нить падают в одну точку.

Я считаю это явление чем-то небывалым (*cosa pueva*), но возможно, случается и так, что небо может за короткое время подвергаться значительным переменам*.

Я не раз читал, что мир — суша и вода — имеет форму шара, и авторитетные мнения и опыты Птолемея и других, писавших об этом, подтверждают и доказывают подобное. И о том же свидетельствуют и лунные затмения и другие небесные явления от запада к востоку, а также восхождение Полярной звезды от севера к югу.

Теперь же, как я уже о том сказал, наблюдались столь великие несоответствия, что я вынужден заключить, что Земля не круглая и не имеет той формы, которая ей приписывается, а похожа на грушу совершенно округлую, за исключением того места, откуда отходит черенок: здесь Земля имеет возвышение, и похожа она на совершенно круглый мяч, на котором в одном месте наложено нечто вроде соска женской груди.

* См. комментарий 14.— *Прим. перев.*

Эта часть подобна поверхности груши близ черенка и наиболее возвышенна и наиболее близка к небу, и располагается она ниже линии экватора в океаническом море, у предела востока (я называю пределом востока место, где кончаются все земли и острова). В подтверждение же этого можно привести все доводы, о которых речь шла выше, когда описывалась линия, проходящая с севера на юг в 100 лигах к западу от Азорских островов. При переходе через нее корабли, идущие на запад, постепенно поднимаются к небу, и тогда температура становится умереннее, и по этой причине изменяется также положение стрелки компаса на целую четверть ветра. По мере продвижения вперед и подъема, стрелки все более отклоняются к северо-западу, и этот подъем вызывает нарушения в круговом ходе Полярной звезды и Стражниц. Чем ближе я подходил к экватору, тем выше они поднимались и тем больше изменений наблюдалось в положении звезд и кругов, что они описывают.

Птолемей и другие описавшие этот мир ученые полагали, что он шарообразен, и считали, что это полушарие так же округло, как и то, на котором они находились. Центр же последнего они помещали на острове Арин, который расположен ниже линии экватора, между Аравийским и Персидским заливами, и круг проводили через мыс Сан Висенте в Португалии и далее к западу, к востоку же через Кангару и Серес²⁰. Я не спорю против того, что это полушарие, как утверждают ученые, шаровидно, но я заявляю, что другое полушарие, как я уже отмечал, представляет собой половинку круглой груши, у черенка которой имеется возвышение, подобное соску женской груди, наложенного на поверхность мяча.

Об этой же половине ни Птолемей, ни прочие, кто описывал мир, не знали ничего, и была она им совершенно неизвестна.

Они основывали свои суждения на знакомстве с тем полушарием, на котором они жили, считая его, как я уже это говорил, шаровидным.

Ныне же, когда ваши высочества повелели совершать плаванья и вести поиски и открытия, все это выявилось наин่าгляднейшим образом; ибо, находясь в этом плаваньи, в 20 градусах к северу от линии экватора, я был на параллели Аргина²¹ и тех земель, где люди черны и земля весьма опаленная. А когда я пришел к острову Зеленого мыса, нашел я там людей еще более черных, и заметно, что чем далее спускаешься к югу, тем более черной становится кожа у местных жителей; а на линии Сьерра Леоне, где я побывал и где Полярная звезда стояла надо мной на высоте 5 градусов, люди черны до последней степени, и чем далее я плыл к западу, тем сильнее и сильнее становился зной. Лишь пройдя линию, о которой я говорил, я обнаружил изменение температуры и притом столь

значительное, что когда я достиг острова Тринидад, над которым с наступлением ночи Полярная звезда также стоит на высоте 5 градусов, то и на этом острове и на земле Грасия стояла мягчайшая погода, а земля и деревья были такие же прекрасные и зеленые, как в садах Валенсии в апреле. И люди там хорошего сложения и цветом кожи блее, чем все, которые встречались мне до сих пор в Индиях, и волосы у них более длинные и гладкие. Они и умнее и способнее всех других обитателей Индий и притом не трусливы. Солнце тогда стояло в созвездии Девы, прямо над нашими и их головами. Все же это происходит оттого, что здесь господствует мягчайший климат, а этот климат, в свою очередь, вызывается тем, что места эти наивысочайшие в мире и наиболее близки к небу.

Итак, я утверждаю, что Земля не шарообразна, но что она имеет особую форму, которую я описал выше и которой отличается именно это полушарие, куда входят Индия и море-океан, и оконечность ее выпуклости расположена ниже линии экватора. Это положение объясняется тем, что когда господь бог наш сотворил Солнце, оно находилось на краю востока, так что первый свет появился с востока, оттуда, где Земля достигает наибольшей высоты.

И хотя Аристотель полагает, что антарктический полюс или земли, ниже лежащие, самые высокие в мире и наиболее близки к небу, другие мудрецы оспаривают это утверждение, заявляя, что такие земли находятся у арктического полюса.

А из их рассуждений вытекает, что одна из частей этого мира должна быть более величественной и находится ближе к небу, чем другая, однако же они не считают, что эти места лежат ниже линии экватора в соответствии с тем, как я говорил, и в этом я не вижу ничего удивительного, ибо о южном полушарии у них не имелось достоверных сведений, а лишь смутное представление и одни догадки. Ибо доньше никто еще не ходил и не был отправляем туда на поиски, и только теперь ваши высочества повелели приступить к исследованию и открытию морей и земель.

Я обнаружил, что два прохода, которые, как я уже отмечал, расположены друг против друга на одной линии, идущей с севера на юг, находятся на расстоянии 26 лиг один от другого; я при этом не допустил никакой ошибки, так как измерения производились с помощью квадранта²².

А от двух проходов до залива, о котором я упоминал и который назвал «Жемчужным»*, — 68 лиг, считая в каждой лиге по 4 мили, как то принято в морском деле, и от залива этого беспрерывно текут воды мощным потоком к востоку, и по этой причине и происходит в обоих проходах борьба с соленой водой. В южном проходе, который я назвал «Змеиной

* См. комментарий 17.— *Прим. перев.*

Пастью»* (Voca de Sierpe), я заметил с наступлением ночи, что Полярная звезда стояла на высоте около 5 градусов, а в северном проходе — его я назвал Пастью Дракона (Voca de Dragon) — на высоте около 6 градусов. И я установил, что упомянутый Жемчужный залив находится на западе от... ** Птолемея почти 3 900 миль, или около 70 экваториальных градусов, считая в каждом градусе $56\frac{2}{3}$ мили.

Священное писание свидетельствует, что господь наш сотворил земной рай и водрузил в нем древо жизни и из него вышли воды ключа, давшие начало четырем главным рекам мира — Гангу в Индии, Тигру и Евфрату... [пропуск в тексте письма]... которые пересекают горную цепь, образуют Месопотамию и текут в Персию и к Нилу, истоки которого лежат в Эфиопии и который впадает в море близ Александрии²³. Я не нашел и не могу найти в сочинениях римлян и греков сколько-нибудь определенных указаний на местоположение в этом мире земного рая. Не приходилось видеть его также ни на одной карте мира, составленной на основе авторитетных данных. Некоторые помещают его у истоков Нила в Эфиопии, однако посетившие эти земли не нашли там такого места, которое по климату и по высоте соответствовало бы земному раю, т. е. признаков, которые позволяют заключить, что он находится именно тут, ибо нет в тех краях места, куда бы не доходили воды всемирного потопа, поднявшиеся вверх, и т. д. Некоторые язычники желали доказать путем допущений, что земной рай находится на Счастливых островах, которые ныне называются Канарскими, и т. п. Исидор, Беда, Страбон, магистр схоластической истории Амвросий, Скотт и все ученые-богословы полагают, что рай земной находится на востоке²⁴.

Я уже высказывал свое мнение об этом полушарии и об его форме. И я полагаю, что если бы я прошел ниже экваториальной линии, то, добравшись тут до наиболее высокого пункта, я обнаружил бы еще более мягкий климат и перемены в расположении звезд, а также и другие виды. Но я не направляюсь туда не потому, что невозможно было бы добраться до наиболее возвышенного места на земле, не потому, что здесь непроходимы моря, а поскольку я верю — именно там находится рай²⁵ земной, и никому не дано попасть туда без божьего соизволения.

Я убежден, что эта земля, которую ныне повелели открыть ваши высочества, — величайших размеров и что на юге имеется еще много иных земель, о которых нет никаких сведений. Я не считаю, что земной рай имеет форму отвесной горы, как это многими описывается; я думаю, что он лежит на

* См. комментарий 17.— *Прим. перев.*

** Пропуск в тексте.— *Прим. перев.*

вершине, в той части земли, которая имеет вид выступа, подобного выпуклости у черенка груши; и, направляясь туда, уже издали начинаешь постепенное восхождение на эту вершину. Я полагаю, что никто не может достичь этой вершины, а оттуда, вероятно, исходят воды, которые, следуя издали, текут в места, где я нахожусь, и образуют это озеро²⁶.

Это весьма важные признаки земного рая, ибо такое местоположение соответствует взглядам святых и мудрых богословов, а тому есть весьма убедительные приметы: ведь мне еще никогда не приходилось ни читать, ни слышать, чтобы такие огромные потоки пресной воды находились в соленой воде и текли вместе с ней. Равно и мягчайший климат подкрепляет мои соображения. Если же не из рая вытекает эта пресная вода, то это представляется мне еще большим чудом, ибо я не думаю, чтобы на земле знали о существовании такой большой и глубокой реки.

После того, как я вышел из Пасти Дракона, того из упомянутых проходов, что расположен на севере и которому я дал такое название, на следующий день, а это был день нашей владычицы, который празднуется в августе*, я обнаружил, по направлению к западу, такое сильное течение, что с момента, как я в час обедни пустился в путь, прошел я до часа вечерни 65 лиг, по 4 мили каждая, и при ветре скорее слабом, чем сильном. И в этом я нашел подтверждение своим предположениям, что путь к югу — это путь в гору; идя же на север, спускаешься все ниже и ниже.

Я считаю весьма вероятным, что воды моря текут с востока на запад по ходу небесных светил, а здесь, в этой стороне, их движения становятся особенно быстрыми; по этой причине съедают они часть земли, и поэтому здесь так много островов, и сами эти острова — наглядное свидетельство в пользу сказанного, ибо все острова, которые простираются с запада на восток и с северо-запада на юго-восток, велики и гористы, а те, которые тянутся с севера на юг и с северо-востока на юго-запад, напротив, очень узки, так как противостоят восточным ветрам.

И на всех этих островах имеются бесценные произведения природы, что объясняется мягкостью климата, который исходит от небес, поскольку эти острова расположены в самом величественном пункте мира. Правда, в некоторых местах воды текут как будто в иных направлениях, но происходит это от того, что они встречаются на своем пути препятствия, и по этой причине кажется, что изменяется путь их следования.

Плиний пишет, что земля и море вместе образуют шар, и утверждает, что море-океан — величайшее скопление вод на свете, лежащее вблизи неба, и что земля находится под ним и

* 15 августа, усупение.— *Прим. перев.*

поддерживает его, и что одно относится к другому так же, как ядро ореха к толстой скорлупе, в которой оно заключено. Магистр схоластической истории, говоря о книге Бытия, отмечает, что вод на земле очень немного; хотя при сотворении мира они покрывали всю поверхность земли, но они тогда отличались испаряемостью и были подобны облакам, а после того, как они сгустились и собрались вместе, заняли они очень небольшое пространство. С этим согласен и Николай де Лира²⁷. Аристотель утверждает, что мир мал и вод немного и что не трудно переплыть из Испании в Индии²⁸. Это подтверждает и Абенруис²⁹ и на то же ссылается кардинал Педро де Альяко*. Он поддерживает это мнение, а также и мнение Сенеки³⁰, соглашаясь с ними и полагая, что Аристотель мог узнать много важных тайн благодаря Александру Великому, а Сенека — благодаря цезарю Нерону, Плиний же обязан был многим римлянам, которые тратили немало денег и людей и прилагали старания, чтобы познать земные тайны и сделать их известными народам.

Упомянутый кардинал придает больше значения утверждениям Аристотеля, Сенеки и Плиния, чем Птолемею и другим грекам и арабам; и в подтверждение того, что вод мало и они покрывают лишь небольшую часть земли, кардинал, в противоположность тем, кто ссылается на авторитет Птолемея и его последователей, утверждая, что вода покрывает большое пространство на земле, ссылается на третью книгу Эздры, где говорится, что из семи частей света шесть не покрыты водой и только одна занята морями. И это подтверждается святыми мужами — Августином³¹ и Амвросием³², которые придают значение третьей и четвертой книгам Эздры. Св. Амвросий в своем «Гексамероне» говорит: «Здесь придет мой сын Иисус и умрет мой сын Христос». Они заявляют, что Эзра был пророком и пророком был также Захарий, отец святого Иоанна, и блаженный Симон. На все эти авторитеты ссылается также Франсиско де Майронес³³.

Что касается безводности земли, то опыт показал, что она гораздо значительнее, чем это представляют себе люди непросвещенные. И в том нет ничего удивительного, ибо чем больше делаешь, тем больше познаешь.

Возвращаясь к тому, что я говорил о земле Грасии³⁴, о реке и озере, которые я здесь открыл, отмечу, что озеро это так велико, что его скорее можно назвать морем; ведь озеро — это большоеместилище воды, а если оно велико, то и называется морем, подобно тому, как мы говорим о Галилейском и Мертвом морях. И если эта река не вытекает из земного рая, то я утверждаю, что она исходит из обширной земли,

* Испанская форма имени автора «Зеркала мира», Пьера д'Альи.—
Прим. перев.

расположенной на юге и оставшейся до сих пор никому не известной. Однако в глубине души я вполне убежден, что именно в тех местах находится земной рай, и я опираюсь при этом на доводы авторитетных мужей, имена которых я перечислил выше.

Да будет угодно господу нашему даровать многие лета, здоровье и покой вашим высочествам, дабы вы могли продолжать это столь благородное предприятие, которое, как мне кажется, сослужит большую службу господу нашему и еще больше возвеличит Испанию, а всем христианам принесет много утешения и радости, ибо в этих краях распространится имя божие. И во всех землях, куда приходят корабли ваших высочеств, и на каждом мысе я приказываю воздвигать величественные кресты, и всех людей, которых я тут нахожу, я осведомляю о державе ваших высочеств и о вашей резиденции в Испании. Я говорю им все, что могу, о нашей святой вере и о вероучении нашей святой матери-церкви, которая имеет приверженцев своих во всем мире. Я говорю им также о поведении и благородстве всех христиан и о вере в святую троицу. И я молю господа простить всех, кто противился и противится осуществлению столь блистательного предприятия, кто препятствовал и препятствует тому, чтобы оно проводилось в дальнейшем, пренебрегая тем величием и той славой, которые обретает во всем мире царственная держава ваших высочеств.

Не зная, как очернить и чем помешать всему этому, они [клеветники] не могли придумать ничего иного, как навет на мое предприятие, утверждая, что оно сопряжено с расходами и что не были отправлены обратно корабли с золотом. При этом они не считались с краткостью времени и многочисленными трудностями, которые пришлось испытать во время плавания. Не посчитались они и с тем, что из самой Кастилии, вотчины ваших высочеств, ежегодно отправляются в Индию люди, каждый из которых благодаря своему положению получает доходы, на много превышающие издержки, необходимые на путешествие в те края. Они забывают, что еще ни один из испанских государей никогда не приобретал земель вне пределов своей страны, и только ныне ваши высочества владеют другим миром, который приведет к возвеличению нашей святой веры, и откуда можно будет извлечь столько выгод, что хотя и не отправлены были до сих пор суда, груженные золотом, однако же достаточно убедительные свидетельства указывают, что в скором времени выгоды эти скажутся в еще большей мере. Они также не приняли в расчет великого держания королей Португалии, которые в течение столь долгого времени осуществляли свои начинания в Гвинее, равно как и в Африке, и извели в них половину населения своего королевства; и ныне король исполнен больше, чем когда бы то ни было, решимости продолжать это дело.

Да провидит все это господь бог, как я уже это говорил, и да внушит им [клеветникам и недругам] желание сообразоваться со всеми доводами, которые я привел, а это лишь тысячная доля всего, что я мог сказать о деяниях государей, которые стремились познавать новое, завоевывать и укреплять завоеванное. Все это я сказал не потому, что полагаю, будто ваши высочества имеют в мыслях нечто иное, противное вашим желаниям продолжать это дело, доколе вы живы, и я твердо держу в памяти ответ ваших высочеств на мои слова, обращенные к вам по этому поводу; и не потому, что усмотрел какую-либо перемену в поведении ваших высочеств, но в силу того, что я испытываю страх перед ними [клеветниками], ибо известно, что капля долбит камень.

И ваши высочества с великодушием, известным всему свету, ответили мне и сказали, чтобы я не тревожился: ибо ваша воля такова — продолжать и поддерживать это предприятие, хотя бы при этом ничего не было приобретено, кроме камней и скал, и что вы не намерены считаться с издержками. На другие не столь великие начинания вы потратили значительно больше, а то, что вам уже довелось израсходовать, так же, как предстоящие в будущем траты, вы считаете вполне оправданными, ибо сознаете, что тем самым возвеличивается наша святая вера и расширяются ваши королевские владения; те же, кто поносит это предприятие,— недруги вашей царственной державы.

И ныне, когда дойдут до вас вести о вновь открытых землях, где, по моему глубокому убеждению, находится земной рай, в эти места направится аделантадо с тремя хорошо снаряженными для плавания кораблями, чтобы пройти еще дальше и открыть все, что только возможно в этой стране ³⁵.

Тем временем я посылаю вашим высочествам сию записку вместе с картой этих земель ³⁶; соблаговолите принять решение о том, что надлежит делать с моим сообщением, и отдать мне нужные приказания, каковые с помощью божией будут исполняться с величайшим усердием, дабы послужило это на благо вашим высочествам и доставило вам отраду. Хвала господу.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в *Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, parte I, vol. II, p. 1—16, Roma, 1894*, и сверен с текстом, приведенным в сборнике *Hakluyt Society, v. 670. Select documents illustrating the four voyages of C. Columbus, London, 1929—1930.*]

КОММЕНТАРИИ
К «ПИСЬМУ КОЛУМБА ФЕРДИНАНДУ И ИЗАБЕЛЛЕ
О РЕЗУЛЬТАТАХ ТРЕТЬЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ»

[Открытие Южной Америки]

1. Оригинал письма Колумба «католическим» королям, в котором описывается его третье путешествие, утерян. Копия хранится в Национальной библиотеке в Мадриде, и текст ее не раз печатался в собраниях документов, относящихся к плаваниям Колумба. Восстановить со всеми подробностями маршрут третьего путешествия по этому письму трудно. В этом смысле больший интерес представляют публикуемые в настоящей книге отрывки из «Истории Индии» Лас Касаса, который пользовался дневниками Колумба. Но письмо Колумба позволяет исследователю составить представление о крайне запутанных и полных внутренних противоречий космографических воззрений адмирала. Колумб был смелым открывателем новых земель, и вся его деятельность была фактическим отрицанием географических идей средневековья. Но наряду с этим он верил (или делал вид, что верит) древним и средневековым авторитетам и очень неудачно стремился примирить их теории с результатами своих открытий. Действительная или показная вера в авторитеты сочеталась у него с подчеркнуто почтительным отношением к библейским легендам. В письме о третьем путешествии географические концепции Колумба находят яркое и полное отражение.

2. Речь идет о шестилетних мытарствах Колумба в Кастилии (1486—1492 гг.) в период, когда он настойчиво боролся за осуществление своего проекта заморского плавания.

3. Трудно сказать, какие именно «мудрецы» имеются здесь в виду. В последние годы жизни Колумбу была достаточно хорошо известна книга книг средневековой космографии «Зерцало мира» Пьера д'Альи и «Книга Марко Поло». Вероятно, он читал и Мандевилля и был знаком по выдержкам в книгах д'Альи и Пия II с трудами древних географов — Страбона, Птолемея, Плиния и др. Однако мы не знаем, каковы были географические познания Колумба и степень его эрудиции в тот период, когда обсуждался проект первого путешествия.

4. Намек на участие, проявленное к Колумбу монахами монастыря Ла Рабида Хуаном Пересом и Антонио де Мораченой.

5. Вероятно, имеется в виду книга пророка Исаии, гл. XVIII, стих 2: «Идите, быстрые послы, к народу, разброзанному и раздетому догола»,

к народу страшному.., чьи земли разрезают реки». У Исаии речь идет об эфиопах.

6. «333 лиги побережья материка» — речь идет о южных берегах Кубы, которые Колумб обследовал в 1494 г. «700 островов», вероятно, группа «Сада королевы» близ южных берегов Кубы.

7. Колумб очень глухо говорит в этом месте о серьезных неприятностях, которые пришлось ему претерпеть в первые годы управления Эспаньолой. Изабелла и Фердинанд, посылая «вице-короля Индий» во второе путешествие, сделали все возможное для того, чтобы ограничить его власть и его привилегии. В сущности все заморское предприятие Колумба было поставлено в зависимость от созданного в Севилье центра по снабжению и финансированию экспедиции, во главе которого был поставлен бургосский епископ (в 1493 г. бывший севильским архидиаконом) Хуан де Фонсека, неприязненно относившийся к адмиралу.

8. Колумб имеет здесь в виду Фирмина Седо, Буйля, Маргарита и Хуана де Фонсеку (см. комментарии к «Мемориалу»).

9. Гора Сопора (правильнее Софора), по представлениям средневековых космографов, находилась в легендарной стране Офир, откуда царь Соломон получал золото. Тапробана — остров Цейлон.

10. Колумб, желая побудить Фердинанда и Изабеллу к отпуску больших средств, прибегает здесь к самым разнообразным риторическим приемам. Он ссылается и на заморские предприятия великих государей древности, и на пример португальских королей. В последнем случае он верен своей обычной манере: гиперболы ради вящей убедительности нагромождаются на гиперболы. Фердинанду и Изабелле очень хорошо было известно, что не так уж велики были затраты португальских королей на их африканские предприятия. Число же людей, погибших в XV веке при завоевании африканских земель (а тем более в связи с гвинейскими экспедициями, которые вряд ли можно называть «завоеваниями»), было невелико и измеряется сотнями, в крайнем случае тысячами, но никак не многими сотнями тысяч («половиной населения королевства»).

Сеута была взята португальцами в 1415 г., Танжер (в первый раз) в 1437 г., вторично в 1471 г., Арсилья в 1471 г. и Алькасар в 1458 г.

Все эти города расположены были на крайнем северо-западе Марокко. Но огромные доходы португальцы извлекали не из завоеванных опорных пунктов в Марокко («Заморское Алгарви»), а из Гвинеи. При этом на берегу Гвинейского залива португальцы имели лишь несколько баз (главной из них была Сан Жоржи да Мина), опираясь на которые они вели торговлю слоновой костью и рабами, доставляемыми из внутренних областей Западной Африки.

11. Сан Лукар де Баррамеда в устье Гвадалкивира, морской порт Севильи. Из этой гавани вышел в 1519 г. в первое кругосветное плавание Магеллан.

12. У острова Гомеры Колумб встретил французские корсарские корабли. Об этой встрече см. в описании третьего путешествия Лас Касаса. Здесь же он послал три корабля в Эспаньолу и поручил командование ими Педро де Аране, Алонсо Санчесу де Карвахалю и генуэзцу Джовани

Антонни Колумбо (об этом смотри у Лас Касаса в его описании третьего путешествия).

13. Острова Зеленого мыса — группа из 14 вулканических островов в Атлантическом океане между $16^{\circ}45'$ и $15^{\circ}15'$ с. ш. и $20^{\circ}40'$ и $25^{\circ}25'$ з. д. в 570 км к западу от сенегальского берега Африки. Открыты португальцами в 1456 г.

14. В тексте этого письма Колумб не раз повторяет, что демаркационная линия, установленная папскими буллами 1493 г., делит мир на две резко отличные друг от друга части. Море, земля, небо и люди в краю, который лежит к западу от демаркационной линии, иные, чем в той части мира, которая лежит к востоку от этой линии. На западе иным оказывается положение Полярной звезды; совсем не так, как на востоке, ведет себя магнитная стрелка, отклоняющаяся к западу; умереннее становится климат, благодатнее земли. Наконец, вместо чернокожих людей с курчавыми волосами — жителей Гвинеи, появляются к западу от линии светлокожие индейцы. Подобное противопоставление двух сфер необходимо Колумбу для того, чтобы лишний раз подчеркнуть, сколь прекрасны земли и воды к западу от демаркационной линии, т. е. в пределах той области, которую он присоединил к владениям испанской короны. Именно поэтому так сгущены краски при описании невероятной жары в водах восточной части Атлантики. Так поступает Колумб для того, чтобы читатели его письма — король и королева — ощутили, насколько разителен контраст между водной пустыней, простирающейся к востоку от демаркационной линии, и «земным раем» к западу от нее.

15. Мыс Галеа (Галера) — крайняя юго-восточная точка острова Тринидад (Троицы).

16. Песчаный мыс (ныне носит название коса Икакос) — крайняя юго-западная оконечность острова Тринидад. От мыса Галеа к Песчаному мысу Колумб шел вдоль южного берега острова.

17. Земля Грасия (Благодать) — берег южноамериканского материка (теперь территория Венесуэлы). Часть этого берега, расположенная против острова Тринидад, — огромная низина, изрезанная бесчисленными протоками дельты Ориноко. Пролив между Песчаным мысом и Землей Грасия (материком), названный Колумбом Змеиной Пастью, ведет в залив Пария (Китовый залив Колумба). В северной части этого залива имеется второй пролив, отделяющий узкий полуостров Пария (названный Колумбом «островом» Трасия) от северо-западной оконечности Тринидада — мыса Моно (Тупой мыс — у Колумба). Этот пролив Колумб назвал Пастью Дракона. В залив Пария вливаются воды могучей реки Ориноко. Поэтому вода в нем почти совершенно пресная. Течения, о которых пишет Колумб, действительно имеют место в обоих проливах, ведущих из Караибского моря в залив Пария. Потоки пресной воды, поступающей из Ориноко, сталкиваются с морскими течениями, и в результате образуются гигантские водовороты, которые так изумили Колумба и его спутников.

18. На этот раз Колумб был близок к открытию «золотого дна». Жемчужные ловли у северных берегов Парии были очень богатыми, в особенности близ островов Кубагуа и Маргариты. В XVI столетии жем-

чуг с берегов Парии стяжал в Европе такую же славу, как золото и серебро Мексики и Перу. Однако в «Жемчужном заливе» жемчуга нет.

19. Вероятно, Колумба угощали «кокисой» — напитком, который готовится из листьев агавы. Маисовый напиток называется в Южной Америке «гига». Это тяжелая, белая, сладковатая жидкость, излюбленный алкогольный напиток в странах карибской Америки. Смотри у Лас Касаса в описании третьего путешествия, где описываются два вида «вина» — красного и белого, изготовляемого из маиса.

20. Все географические названия, приводимые здесь Колумбом, заимствованы им у Пьера д'Альи. Кангара — Китай, Аргин и Сере — географические названия, приводимые Пьером д'Альи в «Зерцале мира» (Imago Mundi).

21. Остров Аргин (Аргуин) расположен в 40 км к юго-востоку от мыса Бланко, в 13 км от африканского берега.

22. Колумб ошибся более чем вдвое в оценке протяженности залива Пария. Длина его с севера на юг не 26, а 11,5 лиги.

23. Средневековые космографы отождествляли четыре реки Эдема (библейского рая) — Писон, Гихон, Хиддегель и Евфрат с Гангом, Нилом, Тигром и Евфратом. Колумб, читая Пьера д'Альи, отметил в его книге место, где идет речь о четырех райских реках Эдема.

24. Исидор Севильский — испанский богослов и географ VII века. Беда [Беда Достопочтенный (637—735)] — английский историк церкви и богослов, комментатор Ветхого и Нового Завета. Страбон — один из крупнейших античных географов, автор знаменитой «Географии». Магистр схоластической истории — средневековый комментатор библии — Петр Коместор. Амвросий (около 340—397) — архиепископ миланский, один из «отцов церкви». Его книга «Гексамерон» (Шестоднев), на которую ниже ссылается Колумб, — аллегорическое изложение истории сотворения мира. Скотт [Дунс Скотт (1260—1308)] — английский философ и богослов.

Колумб почти без изменений переписал ссылку на эти авторитеты, приводимую в V главе «Зерцала мира» д'Альи.

25. Вопрос о местонахождении земного рая чрезвычайно занимал средневековых ученых. Утверждая ниже, что Эдем находится на востоке, Колумб ссылается на авторитет столпов средневековой науки: св. Исидора Севильского, Беду Достопочтенного, Петра Коместора («Магистр схоластической истории»), св. Амвросия, Дунса Скотта, Винсента де Бове и Пьера д'Альи. На картах XV столетия земной рай нередко помещался на крайнем востоке.

В свою очередь, все эти мудрецы, утверждая, что земной рай находится на востоке, строили свою аргументацию на произвольном толковании одного места в латинском переводе библии. Предполагая, что рай — самая высокая точка земли, они во что бы то ни стало пытались согласовать мнение Аристотеля, утверждавшего, что восточные страны выше западных, с этим толкованием библейского текста. Колумб верит (или делает вид, что верит) во все эти мудрствования и выражает твердую уверенность, что где-то у берегов Тринидада находится земной рай. Этот «рай» рисуется Колумбу — пионеру первоначального накопления — как обетованная земля для искателей наживы. При этом Пьер д'Альи или Беда Досто-

почтенный для него такие же непререкаемые авторитеты, как Аристотель для средневековых схоластов. Рассуждая о местоположении рая, он дословно цитирует целые отрывки из «Зеркала мира» (без ссылки на источник). Все доводы, которые приводит Колумб в защиту своей смехотворной «гипотезы», свидетельствуют, что веяния нового времени не оказали на мировоззрение адмирала «море-океана» никакого влияния. Колумб проявляет себя в сфере «чистой мысли» как робкий ученик тех самых мудрых мужей, чьи схоластические концепции были опровергнуты итогом всей его деятельности.

26. В этом месте Колумб отваживается вступить в спор с Пьером д'Альи, который считал, что рай земной находится на отвесной скале. Однако рассуждения Колумба о том, что рай располагается на вершине выступа, подобного выпуклости на поверхности груши у самого ее черенка, несмотря на их «оригинальность», вряд ли могут быть признаны свидетельством смелости и глубины творческой мысли адмирала.

27. Николай де Лира — средневековый комментатор Библии.

28. Колумб ознакомился с высказываниями Аристотеля по «Зеркалу мира» Пьера д'Альи, который, в свою очередь, приводит ссылки на Аристотеля из вторых рук. Аристотель действительно утверждал, что между Индией и берегами, лежащими за Геркулесовыми столбами (т. е. за Гибралтарским проливом), в жарком поясе может легко оказаться материк, так как земной шар, по его мнению, был невелик.

Но у Альи это неопределенное замечание приобретает иной характер. Альи пишет, что океан, отделяющий Испанию и Африку от Индии, не широк и что при благоприятных попутных ветрах можно, следуя в западном направлении, легко достичь берегов Индии за несколько дней. (*Nam secundum philosophos et Plinium oceanus qui extenditur inter finem Hispaniae Ulterioris, id est Africe a parte occidentalis, et inter principium Indie a parte orientis non est magnae latitudinis. Nam expertum est quod hoc mare novi habile est paucissimis diebus si ventus sit conveniens, et ideo illud principium Indie in oriente non potest multum distare a fine Africe (Imago Mundi, cap. XIX).*)

В другом месте Альи прямо ссылается на Аристотеля, утверждая, что море между Испанией и Индией имеет незначительное протяжение (*Imago Mundi, cap. VII*). Однако тщетно искать у Аристотеля место, о котором идет речь у Альи. Автор «Зеркала мира», не заглядывая в труды Аристотеля, слово в слово списал эту ссылку из «*Opus Majus*» Рожера Бэкона, выдающегося английского философа XIII ст., который, в свою очередь, в вольном стиле интерпретировал высказывания греческих философов.

29. Абенруис — Аверроес или ибн-Сина (1126—1198) — испано-арабский философ, переводчик и комментатор Платона и Аристотеля. Через Аверроеса Западная Европа в XIII столетии ознакомилась с произведениями древнегреческих философов.

30. Сенека — римский философ I века н. э., на которого часто ссылается Пьер д'Альи. У Сенеки действительно имеется указание, что при благоприятных ветрах от крайней оконечности Испании к Индии можно доплыть за короткое время.

31. Блаженный Августин (V век н. э.) — один из отцов церкви, автор богословского труда «О граде божьем». Космогонические представления Блаженного Августина были восприняты многими средневековыми богословами.

32. Ссылка на его «Гексамерон» неверна. В этой книге ничего не говорится о распределении суши и воды на земном шаре.

33. Франсиско де Майронес (Франсуа Майрон) — французский богослов (умер в 1327 г.) — комментатор Блаженного Августина.

34. Лас Касас в своем описании третьего путешествия неоднократно подчеркивает, будто Колумб был уверен, что открытая им к югу и западу от Тринидада страна Грасия являлась островом. Между тем сам Колумб в письме к королям называет Грасию не островом, а «землей», т. е. частью материка. Место, в котором он высказывает предположение, что река, впадающая в Китовый залив, «исходит из обширной земли», свидетельствует, что Колумб правильно оценивал наблюдаемые им у берегов Грасии явления.

35. Брат адмирала Бартоломе Колумб. Экспедиция эта не была осуществлена, так как Колумб, прибыв на Эспаньолу, откуда он должен был послать корабли под командой своего брата, застал колонию на этом острове в состоянии смут и волнений.

36. Карты, присланные Колумбом в Кастилию, видел у Хуана де Фонсеки Алонсо де Охеда. Охеда, воспользовавшись материалами Колумба, совершил в 1499 г. с разрешения королевской четы плавание к берегам Парии. Колумб считал, что Фердинанд и Изабелла, заключив с Охедой договор о совершении новых открытий на Жемчужном берегу, нарушили условия договора от 17 апреля 1492 г., согласно которому только адмиралу предоставлялось право открытий в море-океане.

Бартоломе Лас Касас

ОПИСАНИЕ
ТРЕТЬЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ¹
ИЗ «ИСТОРИИ ИНДИИ»

И так, наш первый адмирал вышел «во имя святой троицы» (как он говорит и как говорил он всегда) из гавани Сан Лукар де Баррамеда в среду, 30 мая 1498 года, с намерением открыть новую землю,

доныне еще не открытую, имея шесть кораблей, достаточно утомленный своим [прежним] путешествием, ибо «когда я отправился из Индии, — говорит он, — моя кручина возросла вдвое», а так как в то время разразилась война с Францией², то ведомо было, что французская флотилия подстерегает у мыса Сан Висенте адмирала, желая захватить его в плен. Поэтому, желая избежать опасности, он сделал крюк и направился прямо к острову Мадейре.

7 июня он прибыл на остров Пуэрто Санто³, где задержался, чтобы взять воду, дрова и припасы, и там отслужил мессу. Остров застал он охваченным тревогой. Все было поднято на ноги, вывозилось имущество, угонялся скот — жители опасались прихода французов.

В ту же ночь он отправился к острову Мадейре и прибыл к его берегам в следующее воскресенье, 10 июня. В городе оказан был ему хороший прием, и встреча оказалась радушной, ибо здесь адмирала знали прекрасно — ведь он был некоторое время жителем этого города.

Тут адмирал пробыл 6 дней, пополняя запасы дров и воды и всего необходимого для путешествия.

В субботу, 16 июня, покинул он остров Мадейру и в следующий вторник прибыл на остров Гомеру. Здесь застал он французский корсарский корабль, который сопровождало еще

одно французское судно и два корабля, захваченные у кастильцев.

Когда французский корсар заметил, что к нему приближаются 6 кораблей адмирала, он снялся с якоря и, оставив одно из захваченных в плен судов, обратился в бегство, уводя с собой второй кастильский корабль. За оставленным судном корсар выслал корабль, а затем, когда увидел, что шесть испанских кораблей идут к полоненному судну, чтобы отбить его, он призвал на помощь 6 французских кораблей, которые стояли на страже, и, силой загнав экипаж кастильского судна в трюм, увел этот корабль с собой.

Здесь, на острове Гомере, адмирал решил отправить три корабля прямо к острову Эспаньоле. Поступил он так, чтобы, в случае если бы ему пришлось задержаться в пути, эти корабли дошли до острова с вестями о нем и обрадовали и утешили христиан свежими припасами. Главным же образом он хотел обрадовать своих братьев-аделантадо⁴ и дона Диего, которые очень беспокоились о судьбе адмирала.

На один из кораблей назначил он капитаном некоего Педро де Арану, уроженца Кордовы, человека весьма уважаемого и разумного, брата матери Эрнандо Колумба, второго сына адмирала и двоюродного брата того самого Араны, который остался с 38 христианами* в крепости [Навидад]. Людей же этих адмирал нашел по возвращении своем [на Эспаньолу] убитыми.

На другом корабле капитан звался Алонсо Санчес де Карвахаль. Был он рехидором⁵ города Басы, достойным рыцарем.

На третьем корабле капитаном был Хуан Антонио Колombo⁶, генуэзец, родственник адмирала, человек опытный, прозорливый и авторитетный, с которым я не раз беседовал.

Адмирал дал им надлежащие инструкции и в этих инструкциях указывал, что каждый из капитанов сменяет друг друга на посту капитан-генерала⁷ флотилии из трех кораблей по истечении недели.

В части навигационной требовал он, чтобы ночью зажигались сигнальные фонари — лампы, которые помещаются на корме корабля и дают возможность другим судам флотилии следовать за своим флагманом в направлении, в котором он ведет эскадру.

Адмирал приказал капитанам трех кораблей следовать курсом на запад, четверть к юго-западу, 850 лиг вплоть до острова Доминики. А от Доминики плыть к западо-северо-западу, к острову Сан-Хуан, и достичь южного его берега, ибо таков был прямой путь к Новой Изабелле, ныне называемой Санто Доминго. Пройдя остров Сан Хуан, следовало оставить к

* В Навидаде было оставлено не 38, а 39 человек.— *Прим. перев.*

северу остров Мону и направиться к тому пункту Эспаньолы, что носил название «Сан Рафаэль» и который ныне называется «мысом Обмана». Оттуда же надлежало идти к Саоне, бухте, о которой адмирал отзывался как о хорошей гавани, лежащей между Сан Рафаэлем и Новой Изабеллой. В семи лигах далее находится еще один остров, от которого Новая Изабелла расположена в 25 лигах и который теперь называется «Санта Катерина».

Адмирал приказал капитанам кораблей в любом месте, куда бы они ни пришли и где бы они ни высаживались, запастись свежей провизией и путем обмена добывать все, в чем явится необходимость. Ведь как бы мало ни давали они индейцам, пусть даже каннибалам, которые, как говорят, едят человеческое мясо, они тогда имели бы возможность получить все, чего только они пожелали бы, и индейцы давали бы им все, чем они владеют. Однако, если бы испанцы применили силу, индейцы постарались бы спрятать свое достояние и настроились бы на враждебный лад.

Далее указывалось в инструкции, что сам адмирал идет к островам Зеленого мыса, которые в старину одни называли «Горгодами», а другие «Гесперидами», с именем святой троицы на устах и с намерением плыть далее к югу вплоть до линии экватора, а оттуда следовать на запад в поисках новых островов и земель до тех пор, пока не останется на северо-западе остров Эспаньола.

«Господь наш,— говорит адмирал,— да ведет меня и да позволит мне выполнить то, что угодно ему и королю с королевой, нашим сеньорам, и что направлено к славе христиан; ибо верю я, что никто еще не ходил никогда этим путем, и море это совсем неведомое».

Так заканчивает адмирал свою инструкцию.

Итак, взяв воду, дрова и провизию, в частности сыр, а сыра на Гомере много и отличного на вкус, адмирал приказал поднять паруса и со своими шестью кораблями вышел в путь в четверг 21 июня, по направлению к острову Иерро, который находится примерно в 15 лигах от Гомеры и является самым западным из всех семи островов Канарской группы. Пройдя остров Иерро, адмирал с одним кораблем и двумя каравелами отправился дальше своим путем и во имя святой троицы отослал другие три корабля. На заходе солнца корабли разлучились, и три судна взяли курс на остров Эспаньолу. В этом месте дневника адмирал напоминает королям о договоре, заключенном с королем Португалии, в котором говорится, что португальцы не должны заходить к западу от Азорских островов и островов Зеленого мыса, а также о том, как призвали его, адмирала, короли для того, чтобы он участвовал в работах по демаркации; он не мог, однако, приехать из-за тяжелого недуга, которым заболел, открывая материковую землю Ин-

дий, т. е. Кубу, которую он всегда считал материком, ибо не мог он обойти ее вокруг, и добавляет, что в то же самое время умер король дон Жуан II и кончина его произошла прежде чем оказалось возможным осуществить работы по декаркации⁹.

Следуя своим путем, адмирал дошел до островов Зеленого мыса, которые, по его мнению, названы так ошибочно, — он не видел здесь ни одной травинки — сухи и бесплодны эти земли.

Первым замечен был остров Саль, и было это в четверг, 27 июня. Остров этот мал. Оттуда адмирал направился к другому острову, который известен под именем Буэнависта, бесплодному из бесплоднейших островов. Здесь стали корабли в якорь в заливе, за крохотным островком. На остров Буэнависту привозят для лечения всех португальских прокаженных. Всего же на нем шесть или семь домов. Адмирал приказал послать к берегу лодки и запастись солью и мясом. Мяса здесь много, так как на острове имеется множество коз. Прибыл на корабли мажордом, в чьем владении состоит остров, Родриго Алонсо, эскривано асьенды короля Португалии¹⁰.

Он предложил адмиралу все, чем располагал и что могло потребоваться гостю. Адмирал поблагодарил мажордома и пригласил его отведать кастильские яства, и португалец был этим очень обрадован.

Родриго Алонсо рассказал, почему прибывают сюда на лечение прокаженные. На острове множество черепах, и они обычно бывают величиной с большой щит. От черепашьего мяса и многократных омовений кровью этих тварей больные излечиваются от проказы. В течение трех месяцев в году — в июне, июле и августе — на остров приходит бесчисленное множество черепах с берегов материка, т. е. из Эфиопии. Черепахи откладывают яйца в песке, вырывая лапами ямки. В эти ямки откладывают они по 15 и более яиц, величиной с куриные. Но черепаший яйца не имеют твердой скорлупы. У них есть лишь мягкая пленка, подобная той, что облекает желток куриного яйца. Яйца, отложенные в ямку, черепахи присыпают песком, и высидивает их солнце. Молодые черепашки, как только рождаются на свет, сразу же бегут к морю и ищут воду, как будто прежде жили они в воде и вышли из нее, а не из песка. Ловят здесь черепах таким образом. Ночью выходят на берег с факелами и отыскивают по следам крупных черепах. Когда же находят спящую черепаху, быстро хватают ее, переворачивают с брюха на спину и оставляют ее в таком состоянии, в твердой уверенности, что она не сможет сама перевернуться, а затем продолжают поиски.

Здоровые люди, живущие на этом острове, ведут жизнь, полную лишений — даже пресной воды они не имеют здесь и вынуждены пользоваться соленой из колодцев. На острове всего шесть или семь обитателей, и основное их занятие — охота

на коз и выделка козых шкур. Шкуры вывозятся отсюда в Португалию на каравелах, которые приходят на остров специально для этой цели. При этом охотникам иногда удается забить столько коз и отправить такое количество шкур, что доход их оценивается мажордомом, в чьем ведении находится остров, в 2 000 дукатов. Все эти стада — потомство, выведенное от завезенных на остров восьми коз. Случается, что люди, которые здесь живут, в течение четырех или пяти месяцев не видят хлеба и вина и питаются только козлятиной, рыбой и черепахами. Все это рассказали адмиралу.

Адмирал вышел отсюда вечером в субботу, 30 июня, и направился к острову Сантьяго, куда прибыл в воскресенье вечером, что и понятно, так как остров Сантьяго лежит всего лишь в 28 лигах от Буэнависты. Сантьяго — главный остров в архипелаге Зеленого мыса. Здесь адмирал намерен был взять рогатый скот, чтобы завезти его на Эспаньола, потому что так приказали король и королева. Для этого он пробыл на острове 8 дней, но скот ему все же приобрести не удалось. А так как местность здесь нездоровая и люди на острове погибают от жары и заболеть стали многие из спутников адмирала, он решил отправиться в путь.

Адмирал снова говорит здесь, что он желает итти к югу, потому что надеется с помощью святой троицы открыть острова и земли на радость богу и на пользу их высочествам и всему христианскому миру.

Кроме того, он желает знать, каковы были намерения короля Жуана португальского, который говорил, что на юге должен находиться материк, и в связи с этим адмирал отмечает, что имеются разногласия у короля Португалии с королями Кастилии, и в заключение указывает он, что границы владений португальского короля проходят в 370 лигах к западу от островов Зеленого мыса и следуют с севера на юг от полюса до полюса; и что король дон Жуан был уверен, что в пределах его владений можно открыть изумительные земли¹¹.

Адмирала посетили знатные люди с острова Сантьяго и сказали ему, что к юго-западу от острова Уего*, одного из островов Зеленого мыса, расположенного в 12 лигах от Сантьяго, видели некий остров. Они сообщили также, что король дон Жуан весьма склонялся к тому, чтобы послать в юго-западную сторону экспедицию для открытия новых земель и что были обнаружены каное, которые плавали от берегов Гвинеи к западу с различными товарами.

Здесь снова адмирал начинает говорить так, как будто обращается к королям: «Тот, кто имеет три ипостаси, да поведет меня, будучи милосердным и кротким, по пути, на котором я послужу ему и вашим высочествам к вашей великой радости

* Имеется в виду остров Фогу.— *Прим. перев.*

и на пользу всему христианскому миру, подобно тому, как это было при открытии Индий, весть о котором прозвучала на весь мир».

В среду, 4 июля, адмирал приказал поднять якорь и отправился в путь, покинув остров Сантьяго, над которым, как он говорит, с тех пор как пришли сюда корабли, люди ни разу не видели солнца и звезд: небо было все время покрыто столь густыми тучами, что казалось, будто их можно резать ножом. А жара стояла изнурительная. Адмирал приказал следовать на юго-запад, т. е. в том направлении, которым от этих островов можно пройти к югу.

Он говорит, что принял это решение во имя святой троицы, ибо находился в тот момент к западу от земель Сьерра Леоне и мыса Санта Анны, что в Гвинее, лежащих на экваторе, т. е. на той параллели, где находится больше всего золота и ценностей.

Затем, уповая на бога, плыл он к западу и оттуда прошел к Эспаньоле. Следуя этим путем, он видел, как подтверждается упомянутое выше мнение короля дона Жуана. Он желал проверить рассказы индейцев Эспаньолы, которые говорили, будто на их остров приходят с юга и юго-востока черные люди. Они принесли ему обломок асегая из металла, который назывался «гуанин». В этом обломке, посланном королю и королеве, как показало испытание, из 32 частей 18 приходилось на золото, 6 на серебро и 8 на медь¹².

Следуя своим путем к юго-западу, адмирал встретил в море травы, подобные тем, что попадались ему, когда он шел в Индии прямым путем. И он говорит, что, когда прошел 480 миль, или 120 лиг, и с наступлением темноты стал определять высоту стояния Полярной звезды, то обнаружил, что она стоит на высоте пяти градусов, но мне кажется, что он должен был пройти больше 200 лиг и что цифра эта ошибочная, ибо большее расстояние отделяет от островов Зеленого мыса и Сантьяго тот пункт, в котором он определил высоту стояния звезды, равную 5 градусам от экватора. В этом любой моряк может убедиться по карте и по тому же определению высоты Полярной звезды.

И он отмечает, что здесь, во вторник, 13 июля, ветер стих, и жара и зной стали настолько нестерпимы, что он опасался, не будут ли спалены его корабли и не погибнут ли люди.

И так внезапно стих ветер, и так быстро наступила невероятная и ни с чем несообразная жара, что не было на корабле человека, который решился бы спуститься в подпалубное пространство и привести в порядок бочки, где хранилось вино и вода. А бочки лопались и разрывали стягивающие их обручи. Зерно накалилось, как огонь. Мясо и ветчина тухли и гнили. Жара удерживалась 8 дней.

В первый день небо было ясное, и нестерпимо палило солнце. Но бог озаботился, чтобы причинен был меньший

ущерб, ибо в течение последующих 7 дней шел дождь и небо было затянуто тучами.

Но при всем этом люди не могли найти средства, которое вселило бы в них надежду, что не погибнут они, спаленные зноем. И если не случилось это в первый день, когда небо было ясное, то такая участь постигла бы людей на протяжении семи последующих дней, не будь дождей. И адмирал говорит, что было бы невозможно сохранить жизнь людей и чудесным образом были все спасены, когда разразились ливни и небо открылось на несколько дней тучами.

Адмирал решил, если бы дал ему бог попутный ветер, чтобы выйти из этой маяты, направиться на запад и плыть так до тех пор, пока не изменилась бы к лучшему погода, после чего он снова повернул бы к югу, ибо путь на юг был именно тот, которого он желал придерживаться. «Да ведет меня господь наш,— говорит адмирал,— и да окажет он мне милость, чтобы я мог ему быть полезен своей службой и принести радостные вести вашим высочествам».

Адмирал, находясь в этих жарких местах, припомнил, что всегда, когда в былых плаваниях он ходил в Индии, он наблюдал, пройдя 100 лиг, на широте Азорских островов изменение температуры, как это бывает, когда с севера продвигаешься к югу. Поэтому и желал он итти к западу, чтобы попасть в места, лежащие на этих широтах¹³.

Адмирал говорит, что в субботу, 14 июля, когда Стражницы были по правую руку, Полярная звезда стояла на высоте 6 градусов. Видел он черных и белых ворон, птиц, которые не удаляются на значительное расстояние от земли, и счел это признаком близости берега.

Он захворал в этом путешествии подагрой и страдал от бессонницы, но, несмотря на болезнь, продолжал бодрствовать и трудился прилежно и рачительно.

В воскресенье и в понедельник видели тех же птиц. Замечены были также жаворонки. В море появились рыбы, которые носят название «*botos*» («тупые»). Они чуть поменьше крупных телят и имеют тупорылые головы. Адмирал попутно отмечает, что Азорские острова, в древности известные как «Касситериды», расположены у предела зоны пятого климата.

В четверг, 19 июля, стояла такая нестерпимая и всеопалюющая жара, что казалось, будто она сожжет корабли и людей. Но так как наш господь в противовес горьким испытаниям, которые он посылает нам, обычно стремится и облегчить их, то в милосердии своем он пришел на помощь и по истечении семи или восьми дней послал адмиралу добрую погоду, которая позволила выбраться из этого пекла. И при попутном ветре адмирал шел к западу 17 дней, все время намереваясь повернуть на юг и попасть в область, относительно которой Эспаньола осталась бы на севере. Он надеялся найти землю, не доходя до

этих мест, или далее к западу от них и на берегах этой земли отремонтировать корабли, которые из-за жары стали давать течь, и пополнить запасы провианта. У него было много припасов, ибо необходимо было доставить часть их на Эспаньолу, несмотря на то, что вывоз их из Кастилии был связан с большими издержками; но почти все они подверглись порче и гибели в пути.

В воскресенье, 22 июля, вечером, когда установилась уже хорошая погода, видели неисчислимые стаи птиц, которые с западо-юго-запада летели к северо-востоку. Адмирал говорит, что то была верная примета близости земли.

То же самое замечено было в понедельник и в последующие дни, когда однажды на адмиральский корабль залетел глупыш.

Появились также птицы, которые называются «вилохвостками». Адмирал, судя по таким признакам, как появление птиц, предполагал увидеть землю на 17-й день плавания при хорошей погоде.

Но так как в понедельник земля не показалась, он решил на следующий день, во вторник, 31 июля, когда стал ощущаться недостаток пресной воды, изменить западный курс, которым он шел, и, приняв вправо, направиться к острову Доминике или к одному из островов, населенных каннибалами. Поэтому он приказал взять на север, четверть к северо-востоку, и шел в этом направлении до полудня.

«Но,— говорит он,— так как его небесное величество всегда относилось ко мне милосердно, случилось так, что на мою удачу и по воле случая один моряк из Уэльвы, мой приближенный по имени Алонсо Перес, поднялся на габию [марс] и увидел он, было похоже на три скирды или три холма». Таковы его слова. Землю эту он назвал островом Тринидад¹⁵, так как еще до этого он принял решение назвать так первую землю, которую доведется ему открыть. «И угодно было господу нашему,— говорит он,— что по его державной воле сразу же замечены были стоящие рядом три стога или три горы, обозримые одним взглядом. Всемогущий бог по кротости своей да ведет меня так, чтобы я принес ему наибольшую пользу, а вашим высочествам доставил бы много радости. Ибо воистину было чудом открыть в этой стороне землю, таким же чудом, каким было открытие, совершенное в первом путешествии».

По своему обычаю он вознес хвалу богу. И все восхваляли доброту всевышнего и с радостью и восторгом пропели «*Salve Regina*» и другие молитвы и божественные тексты, содержащие хвалу богу и нашей владычнице, как то водится у моряков, по крайней мере, наших, испанских, повторяющих эти молитвы и в горе и в радости.

Здесь адмирал делает отступление и говорит о всем, что совершено было им для короля и королевы и о своем постоян-

ном стремлении служить им — и «не так, как о том говорят из зависти злые языки и лжесвидетели».

Он вспоминает о жаре, которую ему пришлось перенести, и говорит о том, что теперь он шел на той же параллели, чтобы приблизиться к земле, к которой он наметил путь, приняв курс на запад, потому что суша сама по себе несет свежесть. На ней зарождаются источники и реки, которые вызывают мягкость воздуха и умеряют его температуру. И именно по этой причине, как говорит адмирал, португальцы могут плавать в водах Гвинеи под самым экватором: ведь они, как всем известно, в своих плаваниях держатся вдоль берега. Далее он говорит, что находится на той же параллели, где расположены места, откуда приносят золото королю Португалии. И поэтому адмирал полагает, что тот, кто обследует эти моря, найдет там много ценного. И он признается, что нет человека на свете, которому бог оказал бы столько милостей, как ему, и просит господ послать ему нечто такое, от чего возрадовались бы их высочества и весь христианский мир. И он добавляет, что даже если бы ничего сулящего выгоду не было бы найдено в этой стороне, следовало бы премного ценить ее за одну только красоту здешних земель — зеленых, лесистых, поросших пальмами — и столь же привлекательных, как сады Валенсии в мае. Он говорит, что считает чудом, что так близко от экватора, всего лишь в 6 градусах от него, короли Кастилии будут иметь земли; ведь Изабелла отстоит от экватора на 24 градуса ¹⁴.

После того, как, к великому утешению для всех, замечена была земля, адмирал отказался идти путем, которым он собирался следовать в поисках одного из кашибальских островов, чтобы запастись там водой, а в ней ощущалась острая нужда, и направился к этой земле. Он проследовал к мысу, который показался на западе. Этот мыс он назвал мысом Галеры, потому что на нем возвышалась скала, издали похожая на идущую под парусами галеру.

К этому мысу он подошел в час вечерни. У берегов его обнаружена была хорошая, но не глубокая бухта, и адмирал был очень огорчен тем, что в эту бухту не могли войти корабли. Он продолжал путь по направлению к выступу берега, что виднелся лигах в семи от мыса, но гавани не нашел. Везде на берегу леса доходили до самого моря, зрелище прекраснее всего, что видели до сих пор человеческие глаза. Он говорит, что остров этот должен быть очень большим. Показались люди, видели вдалеке каное с людьми, которые, повидимому, ловили рыбу. Эти люди бежали к берегу, к домам, что виднелись в той стороне, куда они устремились. Земля была хорошо возделана, гориста, прекрасна на вид.

В среду, 1 августа, адмирал спустился вдоль берега к западу на 5 лиг и дошел до мыса, близ которого все три корабля

стали на якорь. Здесь взяли воду из ручьев и источников. Обнаружены были следы людей, орудие для ловли рыбы, остатки съеденных коз.

Адмирал говорит, что тут было найдено алоэ и что он видел обширные пальмовые рощи и много очень красивых мест. «За все это должна быть вознесена безграничная благодарность святой троице». Таковы его слова.

Вдоль берега он видел много возделанных полей и селений. Вдали, на юге, замечен был другой остров, до которого оставалось более 20 лиг. Этот остров адмирал назвал Святым (Isla Sancta).

Он говорит, что, не желая возбуждать местных жителей, не захватил на этой земле индейцев. От мыса Галеры до выступа берега, где была взята вода, и который, вероятно, адмирал назвал «мысом Пляжа» (Punta de la Playa), вела большая дорога в направлении с востока на запад. Гаваней на побережье вдоль дороги не было, но земля повсеместно была возделана, населена и многоводна и покрыта густыми лесами. Местность эта прекраснейшая на свете, а леса доходили здесь до самого моря. Остров же, что оставался к югу, казался, как говорит адмирал, очень большим; открывая его, нашел адмирал материк, но полагал он, что [это] не более как остров.

Адмирал говорит, что в четверг, 2 августа он отправился вдоль берега острова Тринидад на поиски гавани и дошел до крайней оконечности острова, т. е. до мыса, расположенного в западной части Тринидада. Мыс этот он назвал Песчаным (Punta de Arenal). И он вошел в залив, который получил имя Китового (Golfo de la Ballena).

Здесь адмирал испытал великий страх и едва не потерял все свои корабли. Он отмечает, что остров Тринидад весьма велик, так как от мыса Галеры до Песчаного мыса насчитывается 35 лиг. Адмирал приказал своим людям высадиться на берегах Песчаного мыса, крайней западной оконечности острова, желая дать им отдых, так как все они чувствовали себя усталыми и истомленными.

На берегу обнаружены были многочисленные олени следы. Спутники адмирала думали, однако, что следы эти оставили козы.

В тот же четверг, 2 августа, с востока пришло каное, в котором было 25 человек. Приблизившись к кораблям на расстояние выстрела из ломбарды, индейцы перестали грести и принялись выкрикивать какие-то слова. Адмирал подумал, что они спрашивают, что за люди пришельцы, как это водится у других индейцев; и отвечено им было не на словах — им показали бронзовые вещицы и иные блестящие предметы, чтобы они приблизились к кораблю. К этому побуждали их также знаками. Индейцы несколько приблизились, но затем снова отошли назад. И так как они не желали подойти к кораблям,

адмирал приказал вынести на кормовую площадку тамбурин и заставил двух юношей плясать, думая этим привлечь индейцев. Но они поняли все иначе и решили, что музыкой и танцами подается сигнал к битве. Не доверяя пришельцам, индейцы оставили весла и взялись за луки. Прикрывшись щитами, они стали стрелять из луков и осыпали корабли тучей стрел.

Видя это, адмирал приказал прекратить игру на тамбурине и пляску и установить на палубе бальесты. Две бальесты были разряжены по индейцам, но с тем, чтобы только устроить их. Индейцы же, выпустив стрелы, тотчас же, не испытывая ни малейшего страха, подошли к одной из каравел и завели каное под ее корму. Пилот этой каравелы не менее бесстрашно спустился в каное, взяв с собой различные вещицы, которые тут же раздал индейцам. Индейцу, который показался ему самым старшим, он дал куртку и колпак. Индейцы, как бы в благодарность за подарки, знаками дали понять пилоту, что если он высадится на берег, они принесут ему все, что только у них имеется. Он решил отправиться на берег. Сперва к берегу поплыли индейцы, а затем пилот взял лодку и отправился просить у адмирала разрешение. Индейцы же, видя, что он не следует за ними, не стали его ждать и уплыли; и больше адмиралу не доводилось уже встречать ни этих индейцев, ни иных жителей острова. Судя по тому, как взволнованы и раздражены были индейцы игрой на тамбурине и пляской, можно предположить, что они рассматривали и то и другое как военный сигнал.

Адмирал говорил, что все прибывшие в каное индейцы были молоды и хорошо сложены и разукрашены. Явились они вооруженные луками, стрелами и щитами. Они не были столь темны, как прочие индейцы: напротив того, кожа их была белее, чем у других обитателей Индии. Они отличались приятными манерами и красотой тела, а волосы их, длинные и мягкие, подстрижены были на кастильский лад. Головы покрыты у них были цветными и искусно выделанными кусками хлопчатой ткани, и адмирал полагал, что эти покрывала подобны мавританским альмайсарам *. Адмирал говорил, что из этих же тканей у них были сделаны пояса и что ею же они прикрывали срамные места. В этом случае они носили нечто подобное коротким штанам. Адмирал отмечает, что люди эти не черны кожей, хотя живут близ экватора, и по цвету таковы же, как и другие индейцы, которых он встречал до сих пор. Телосложение у них изящное, ходят они нагие, нравом воинственны, волосы же носят длинные, как женщины в Кастилии, и вооружены луками и стрелами ¹⁵. Стрелы украшены перьями. В ка-

* См. комментарии к письму Колумба королю и королеве о результатах третьего путешествия.— *Прим. перев.*

честве наконечников употребляются острые кости с шипом, напоминающие рыболовный крючок. Имеются у них щиты; до сих пор этот род вооружения в Индиях еще не встречался. Судя по их жестам и знакам, можно было понять, что эти индейцы предполагали, будто адмирал прибыл с юга. Это давало повод думать, что на юге находятся обширные земли. По мнению адмирала, климат этой страны мягкий, и он доказывает это, ссылаясь на цвет кожи индейцев и их волосы, прямые и длинные, а также и на обилие в этих местах густых лесов. Он говорит и не раз это повторяет, что не вызывает сомнений следующее явление: в ста лигах к западу от Азорских островов наблюдаются при плавании на запад изменения в расположении небесных светил, в состоянии моря и климата. И это, говорит он, не подлежит сомнению, потому что в той стороне, где он ныне находится, несмотря на близость ее к экватору бывают холодные утренники и солнце такое же, как в Леоне. Течение стремится здесь к западу и несет больше вод, чем река, на которой лежит Севилья, а вода в море прибывает и убывает, подымаясь и опускаясь на 65 шагов, и приливы здесь сильнее, чем в Баррамедде. А сила течения объясняется тем, что оно зажато между двумя островами — Тринидадом и Святым островом, тем самым, который впоследствии адмирал назвал островом Грасия. Обнаружены были здесь плоды, подобные уже известным на Эспаньоле, и множество различных пород дерева и плодородные земли, климат же в этих местах мягкий.

Найдено было здесь много огромных улиток, и встречались тут попугай величиной с кур. Рыбы же в этих водах бесчисленное множество.

Находясь на Песчаном мысе, который является оконечностью острова Тринидад, адмирал заметил на севере, четверть к северо-востоку, на расстоянии 15 лиг, мыс или косу на берегу материка. Думая, что эта земля — остров, не связанный с материком, адмирал назвал его островом Грасия (Благодати). Он говорит, что лежит этот остров на западе и есть на нем высочайшие горы.

В субботу, 4 августа, адмирал решил направиться к острову Грасия, чтобы осмотреть его; он приказал поднять якоря и отправиться в путь от берегов Песчаного мыса, где ранее была его якорная стоянка.

В проходе, через который он вошел в Китовый залив, ширина была не более 2 лиг, так как он сжат был с одной стороны островом Тринидад, а с другой материком. Вследствие узости этого прохода ток пресной воды в нем был стремительным. От Песчаного мыса острова Тринидад, с его южной стороны, шло чрезвычайно сильное течение, и рокот его был так силен, что все пришли в ужас, не надеясь избежать гибели. Навстречу этому течению шло противное течение, вызванное сопротивлением моря, и воды в месте столкновения двух по-

токов вздымались наподобие очень высокого холма. Один корабль был вскинут на его вершину,— зрелище еще доселе невиданное, другой же корабль был сорван с якоря и отброшен в сторону. Этот корабль на парусах маневрировал до тех пор, пока не оставил позади упомянутый водяной холм. «Господу угодно было,— говорит здесь адмирал,— чтобы кораблям не был причинен ущерб».

Описывая это происшествие в послании к королям, он указывает: «До сих пор от страха пробегают по телу мурашки, когда я вспоминаю, что корабль едва не опрокинулся, подойдя к этому холму». Этому проходу, в память о перенесенной опасности, он присвоил имя «Змеиной Пасти» (*Boca de Sierpe*).

Дойдя до материка, берег которого он заметил в этой стороне, и полагая, что перед ним остров, адмирал увидел между ним и Тринидадом еще один проход, посреди которого лежали два островка. Мысу, который выдавался в этот проход со стороны материка, он дал имя мыса Раковины (*Cabo de Lara*), а мыс, расположенный на берегу Трипидада, он назвал Тупым (*Cabo Voto*) из-за его грубых очертаний. Один же островок он назвал Улиткой (*Caracol*), другой Дельфином (*Delfin*).

Он шел вдоль берега материковой земли Пария (*Paria*), думая, что земля эта — остров, и дал ей имя остров Грасия. А путь он держал на запад в поисках гавани. От Песчаного мыса — оконечности острова Тринидад — до Тупого мыса на том же острове расстояние, по словам адмирала, не превышает 26 больших лиг, между этими двумя мысами остров Тринидад имеет наибольшую ширину; а расположены они — один прямо на север от другого. В проходе имеются два течения противоположных направлений.

Шли сильные ливни, ибо было это время дождей, как уже о том упоминалось выше. Адмирал говорил, что остров Грасия очень высок и весь покрыт лесами, которые спускаются к самому морю. Объясняется же это тем, что залив, в него вдающийся, со всех сторон окружен сушей, и берега его не разрушаются от ударов волн и от прибоя, как то бывает, когда они омываются открытым морем.

Адмирал указывает, что, находясь на оконечности этой земли, он видел на северо-востоке еще один высочайший остров на расстоянии 26 лиг. Назвал он его островом Красивых очертаний (*Bellaforma*), так как издали он таким казался.

Однако все эти острова были частью материка. Передвигаясь на кораблях с одного места на другое в пределах залива, окруженного сушей, адмирал видел разрывы в линии берега и участки между этими разрывами принимал за острова и считал их таковыми.

В воскресенье, 5 августа, адмирал отошел на 5 лиг от мыса Раковины, восточной оконечности острова Грасия. Он видел

много превосходных гаваней, расположенных одна подле другой. Он говорит, что почти вся эта часть моря кажется гаванью, так как она замкнута грядой островов, и поэтому за этим барьером ни одна волна не возмущает спокойствия моря. Он называл островами части материка, а между тем в тех местах только и было земли, что материк да остров Тринидад, которые окаймляли залив, о котором он говорил, как о море.

На берег отправлены были лодки. Обнаружены были следы людей, погасший костер, выловленная рыба и найден большой дом. Отплыв оттуда, прошли 8 лиг до места, где очень высокие горы прорезаны многочисленными долинами и «все они должны быть обитаемыми», так как во многих местах видны возделанные поля. Рек тут очень много — в каждой долине протекает своя река, а долины эти следуют одна за другой через каждую лигу. Найдены были здесь различные плоды и виноград, подобный настоящему винограду, — очень приятный на вкус и некоторые плоды похожи были на яблоки, другие же напоминали апельсины, причем сердцевина была у них такая же, как у фиг. Здесь обнаружено было множество обезьян. Воды же в этих местах, как говорит адмирал, лучшие из всех, какие когда-либо он видел.

Он пишет: «Этот остров изобилует гаванями, море тут пресное, хотя, впрочем, и не в совершенной степени. Скорее можно сказать, что вода в нем солоноватая, как в море близ Картахены». Ниже он говорит, что вода в море пресная, словно в реке у Севильи, и его замечание о солоноватом вкусе воды объясняется тем, что он встречал струи идущего из открытого моря течения, которое делало соленым речную воду.

6 августа, в понедельник, пройдя 5 лиг, адмирал вошел в небольшую бухту и увидел на берегу людей.

Тотчас же, после того как он вступил в бухту, к одной из каравел, наиболее приблизившейся к берегу, подошло каное, в котором сидело четверо индейцев. Пилот каравелы окликнул индейцев и сказал им, что желает вместе с ними направиться к берегу. Затем он настиг это каное и захватил его, а также индейцев, которые пытались вплавь добраться до берега, и доставил их адмиралу. Адмирал говорит, что цвет кожи у них такой же, как и у прочих жителей Индии. Одни из них носят очень длинные волосы, у других же волосы не длиннее, чем у нас. Нет среди них стриженных, а индейцы на Эспаньоле и в других землях стригут волосы. Телосложение у них красивое, рост очень высокий. Детородный член у них перевязан и прикрыт. Женщины ходят нагие, в чем мать родила. «Этим индейцам, — говорит адмирал, — как только они появились у нас, я дал погремушки, четки, сахар, а затем отправил их на берег, где скопилось огромное толпа индейцев. Как только индейцы узнали, что обращаются с ними хорошо, все они пожелали притти на корабли. Явилось их множество — все,

кто имел каное, и все они были приняты хорошо. С ними беседовали ласково, давая им вещи, которые им нравились». Адмирал пытался расспрашивать их, они отвечали, но никто не понимал этих людей. Индейцы принесли хлеб и воду, а также напиток, подобный молодому вину. Все они были вооружены луками, стрелами и щитами, причем к стрелам были прикреплены пучки травы.

Во вторник, 7 августа, прибыло множество индейцев со стороны суши и моря, и все они приносили хлеб, маис и различные съестные припасы, а также сосуды (cántaras) с напитком то молочно-белым, вкусом, как молодое вино, то зеленым, крепким, как старое вино. Адмирал полагает, что напиток этот изготавливается из плодов. У всех к самому острию наконечников стрел прикреплены были пучки травы. За четки они не давали ничего, но все, что имелось у них, предлагали в обмен на погремущки. Все прочие товары спроса не имели, хотя бронзой они очень интересовались.

Адмирал отмечает, что, получив любую кастильскую вещь, они тотчас же принимались обнюхивать ее. Они принесли попугаев двух или трех видов и, в частности, той породы, что встречается на острове Гвадалупе,— речь идет о больших попугаях с длинным хвостом. Приносили они превосходно вытканые хлопчатые ткани, по окраске и выделке подобные тканям, которые привозят из Гвинеи, из области Сьерра-Леоне. Разницы не было никакой, хотя, как говорит адмирал, жители этих мест не должны сообщаться с жителями Гвинеи, так как от того места, где он находится, до Гвинеи более 800 лиг. Ниже адмирал говорит, что ткани эти похожи на альмайсары. Адмирал хотел захватить с собой полдюжины индейцев, но не смог этого сделать, так как, прежде чем стемнело, все индейцы покинули корабли. Но на следующий день, в среду, 8 августа, подошло к каравеле каное, в котором было 12 индейцев. Всех их захватили в плен и доставили на адмиральский корабль. Адмирал отобрал 6 человек, а остальных отпустил на берег. Затем он отправился в путь к мысу, который назван был им мысом Иглы (Punta de Aguja). Причем он не указывает, когда именно наименовал таким образом этот мыс. А отправившись оттуда, он открыл самые прекраснейшие и самые населенные земли из всех, что видел ранее, и, прибыв в местность, которую он в знак ее красоты назвал «Садами» (Los Jardines), обнаружил там множество домов и людей без числа. Индейцы, которых он только что взял в плен, сказали адмиралу, что люди в этих местах носят одежду, и поэтому адмирал решил стать здесь на якорь. А как только он бросил якорь, к кораблям подошло великое множество каное. Таковы слова адмирала. Адмирал говорит, что каждый индеец носил покрывала из хорошо выделанной ткани, похожие на альмайсары. Одним из них повязана была голова, другое же покрывало тело.

Некоторые из прибывших на корабль людей носили на шее кусочки золота, и один из индейцев сказал, что в этой стране очень много золота, а из золота делают здесь большие зеркала.

Адмирал говорит «зеркала», ибо когда раздавал он им зеркальца, один индеец знаками дал понять ему, что такие вещи здесь делают из золота. Слово же это осталось для индейцев непонятным.

При этом он показал, как собирают золото. Адмирал говорит, что не задержался в этих местах надолго, потому что вынужден был идти очень спешно из-за того, что гибло продовольствие, которое добыл он ценой стольких лишений, а до острова Эспаньолы оставалось еще более трехсот лиг.

Между тем он очень хотел пробить здесь подольше, чтобы открыть еще больше земель. Адмирал отмечает, что везде в этой стороне множество островов и притом прекрасных и густонаселенных,—земли же здесь очень высокие, и среди гор есть много очень больших долин и низин. Люди же здесь более обходительные, чем жители Эспаньолы. Они воинственны, а дома у них красивые. Прибыв к мысу Иглы, адмирал увидел на юге другой, очень большой и высокий остров, расположенный в 15 лигах от этого мыса и простирающийся с юго-востока на северо-запад. Он назвал его «Сабета». Вечером адмирал заметил на западе очень высокую землю. Адмирал стал на якорь в той местности, что названа им была Садами, и тотчас же явилось множество больших и малых каное, переполненных людьми.

Затем вечером сошлась к кораблям буквально вся округа, и у многих индейцев на шее висели золотые украшения, величиной с подкову. Казалось, что золота у них много. Все, что было у них, они отдавали за погремушки. Судя по их знакам, они пытались объяснить, что в этой стороне есть острова, где имеется много золота, но на этих островах живут каннибалы. Адмирал говорит, что они считали всех обитателей тех островов каннибалами, потому что относились к ним враждебно. Хотя, быть может, называли они людей, населяющих эти острова, каннибалами потому, что не хотели, чтобы христиане отправились в ту сторону, ибо желали, чтобы пришельцы остались в их собственной стране на всю жизнь.

У одного индейца христиане видели кусок золота величиной с яблоко. Прибыло бесчисленное множество каное с людьми, и все приносили золото и кораллы и четки различного вида. Головы индейцев повязаны были покрывалами, волосы у них были аккуратно подстрижены, и казались эти люди красивыми. Затем пошел дождь, и индейцы уж больше не появлялись. Приходили женщины, у которых на руках были запястья из бус, и некоторые бусинки оказались чистейшими жемчужинами, при этом были эти жемчужины не красного цвета, по-

добно тем, что находят на островах Бавуэка. Несколько жемчужин было приобретено, и адмирал говорит, что он направит их королям.

Адмирал спросил у индейцев, где вылавливают и находят эти жемчужины. Они показали ему раковины, в которых родится жемчуг, и знаками ясно пояснили, что собирается и родится жемчуг к западу от этого острова у мыса Раковины, мыса Пария и берегов материковой земли, которую адмирал считал островом.

Адмирал направил на берег лодки, чтобы узнать, имеются ли в этой стране дотоле еще невиданные христианами диковинки. Местные жители, которые встретились на берегу, были столь общительны, что хотя моряки не шли к берегу, но к ним явились на каное двое именитых индейцев, сопровождаемые обитателями всего селения, и заставили их высадиться. Затем индейцы повели их в большой дом, не с круглой крышей, как у шатра, какие бывают в домах, строящихся на островах, а с двускатной кровлей. Приняты моряки были очень хорошо. В честь их устроено было празднество, и им дали ужин: хлеб и плоды различных видов, а пили белый напиток, который здесь высоко ценится. Из него готовят красный напиток (tinto), и одно питье лучше другого, а они вкусом, как наше вино. Все мужчины находились в одной стороне дома, а женщины в другой. После того как моряки поужинали в доме старейшего индейца, самый молодой индеец проводил их в другой дом, где они были приняты точно так же. Вероятно, первый из индейцев был касиком и сеньором, второй его сыном. Затем моряки отправились к лодкам и возвратились на корабли, весьма довольные этими людьми. Таковы слова адмирала. Он прибавляет далее: «у них [индейцев] красивое телосложение, и все они как один высокого роста». Адмирал полагает, что цветом кожи они блее всех прочих обитателей Индии и что многие из них так же белы, как кастильцы. Волосы у них отличные и ладно стриженные, а речь очень красивая. «Нет в целом свете земель более красивых и зеленых, чем эти. Климат же здесь такой, что в течение всего времени, пока я находился на этом острове, утренние часы были прохладны, хотя и расположена эта земля близ линии экватора. Море здесь пресное. Остров этот назвал я Пария». Так говорит адмирал.

В пятницу, 10 августа, адмирал приказал поднять паруса и отправиться на запад в том направлении, где, как он думал, лежит остров. Адмирал прошел 5 лиг и затем стал на якорь. Опасаясь, что ему не удастся найти достаточно глубокие места, он шел в поисках прохода, которым можно было бы выйти из этого залива, замкнутого цепью островов и материком, который адмирал, однако же, не считал таковым. Он утверждает, что несомненно земля эта [материк] является островом, потому

что так говорили ему индейцы. Видимо, адмирал не понял их. Затем адмирал увидел на юге другой остров, который он назвал «Изабетой» (Isabeta), и простирался этот остров с юго-востока на северо-запад; а спустя некоторое время он заметил еще один остров и назвал его «Трамонтана» *. Этот остров был высок и красив и, как кажется, берега его шли с севера на юг, и был он значительных размеров. Все это было материком.

Насколько можно было понять, индейцы, которых он захватил в плен, говорили ему, что люди, живущие в той стороне,— каннибалы, и что там имеется или рождается золото. Жемчуг, подобный тому, что был дан адмиралу, вылавливают на северном берегу Парии. Морская вода в той стороне пресная и мутная, как в реке у Севильи.

Адмирал желал направиться к этим островам только затем, чтобы не возвращаться назад, так как он опасался, что погибнут все припасы, которые он вез для христиан на Эспаньоле, а эти припасы он добыл ценой огромных усилий, хлопот и забот. И он часто говорит об этих припасах, потому что тревога за них причиняла ему боль. Адмирал указывает, что, по его мнению, на этих островах должно быть много ценного, потому что все они велики, высоки, изобилуют долинами, равнинами, реками, густо населены и хорошо возделаны, а люди здесь, как об этом свидетельствуют их жесты, весьма разумны, и речь у них красивая.

Таковы слова адмирала. И он говорит, что если жемчуг рождается от росы, попадающей в раковины, когда открыты их створки, как о том пишет Плиний, то есть основание предполагать, что здесь будет найдено много жемчуга, ибо росы в этих местах обильны, а жемчужных раковин, и при этом больших, встречается очень много. К тому же море в этих местах спокойно, и бурь тут не бывает, чему свидетельство— леса, что спускаются к самому морю. А подобного никогда не случается там, где море бурное. А на ветвях и на корнях деревьев, что растут у самого моря (корни таких деревьев, на языке жителей Эспаньолы, носят название «манглес») ¹⁶, имеется много раковин, прикрепленных к коре. Так что, срывая ветку, видишь, что вся она усеяна раковинами. Раковины эти изнутри белые, и внутренность их очень вкусная, совсем не соленая, так что в пищу их надо употреблять с солью. И он говорит, что не знает, рождаются ли они в перламутре. Где бы ни родился здесь жемчуг, но одно несомненно, жемчужины здесь чистейшие и высверленные внутри, как те, что [вылавливаются] в Венеции ¹⁷.

В этом месте адмирал перечисляет многие мысы и острова, которым он дал наименования, причем, судя по этим назва-

* Tramontana — буквально загорный, загорная.— *Прим. перев.*

ниям, упоминаемым в его Itinerarios (Путевых записях), кажется, что его родным языком был не кастильский, потому что не всегда ясны для него значения кастильских слов и манера кастильской речи. Он приводит названия — Сухая коса (Punta Seca), остров Изабета (Isla Isabeta), остров Трамонтана (Isla Tramontana), Ровная коса (Punta Llana), коса Сара (Punta Sara), но при этом решительно ничего не говорит об этих пунктах или хотя бы о некоторых из них. Отмечает он, что все море в этой стороне пресное и не представляет себе, чем подобное явление вызвано, потому что, судя по всему, нет в этой местности больших рек, да и в том случае, если таковые и имелись бы, подобное явление казалось бы чудом.

Желая выйти из Китового залива, окруженного, как уже говорилось, материковой землей и островом Тринидад, адмирал шел к западу вдоль берега материка, который назван им был [островом] Грасия и дошел до Сухой косы (Punta Seca); где же находится эта коса, он не указывает. Здесь глубина моря не превышала двух локтей.

Адмирал послал вперед маленькую каравелу, чтобы дознаться, есть ли выход из бухты на севере, потому что между материком и другой землей, которую он назвал Изабетой, показался на западе очень высокий и красивый остров. Каравела возвратилась к адмиралу, и было сказано, что найден большой залив и в нем четыре значительных разрыва в линии берега, которые кажутся маленькими заливами, и в каждый из них впадает река. Этот залив он назвал «Жемчужным» (Golfo de las Perlas). Видимо, залив этот — часть того большого залива, водами которого шел адмирал между материком и островом Тринидад. А четыре разрыва в линии берега, по мнению адмирала, не что иное, как четыре острова; и он думает, что имеются признаки, указывающие на то, что залив этот образован одной рекой, ибо на протяжении 40 лиг вода в море везде пресная. Однако моряки утверждали, что замеченные ими разрывы были устьями рек. Адмирал весьма желал узнать подлинную суть таинственного явления: какова была причина того, что вода в этом заливе, который имел в длину 40 лиг и в ширину 26 лиг, была пресной. И он говорит, что подобное зрелище вызывало у него удивление.

Он также хотел раскрыть тайны этих земель, ибо не мог предполагать, что нет здесь ничего ценного или что ценностей нет в Индии. Ведь тут он обнаружил признаки золота и жемчуга, и до него дошли вести о них. Да, кроме того, открыто было столько земель и столько встретилось людей на этих землях, что не трудно было бы дознаться о богатствах, которые тут имеются. Но так как портились добытые с большим трудом съестные припасы, которые он вез на Эспаньолу для людей, добывающих золото в рудниках, адмирал не мог позволить себе дальнейшую задержку. Он говорит, что если бы у

него была надежда добыть в скором времени другие припасы, он отложил бы все для того, чтобы открыть больше новых земель и разузнать их тайны.

И, в конце концов, он решил следовать наиболее верным путем и идти к Эспаньоле, а оттуда отправить в Кастилию деньги для закупки провианта и найма людей. Он решил также возможно скорее отправить для продолжения своих открытий и для того, чтобы совершить великие деяния (а он на это надеялся), своего брата — аделантадо, чтобы обрести великие богатства и послужить тем самым богу и королям. И говорит он так: «Господь наш вел меня по милости своей и угодовал мне то, чем был он убоготворен и от чего ваши величества обрели немалую радость. И воистину вы должны были обрести эту радость, ибо здесь вы обрели нынче нечто значительное и достойное столь великих государей. И глубоко заблуждаются говорящие дурно об этом предприятии, досаждающие государям, потому что нет владыки, которому столько бы милости оказал наш господь, и нет большей победы в деле, столь значительном и славном для великих королевств и державы ваших высочеств. И от этого предприятия сможет предвечный господь иметь много благ, а испанцы — прибежище и выгоды. Ибо ясно, что здесь имеется множество ценностей, и хотя ныне это не признается еще, но придет время, когда сочтут все это дело великим, к посрамлению тех, кто вашим величествам наговаривает против [моего предприятия]. И хотя кое-что издержано в нем, но было это совершено для дела достойнейшего и значительнейшего из всех, какие доньше принимали государи: и вы не устарились от него с черствостью, а, напротив, оказали мне помощь и расположение свое. Короли Португалии истратили и имели мужество истратить в Гвинее в первые четыре или пять лет много денег, не получая выгод, а затем господь сподобил их барышами и золотом. И, по правде говоря, если счесть, сколько португальцев погибло в этом гвинейском предприятии, то окажется, что число это превысит половину населения королевства. Несомненно, величайшим подвигом было сократить доходы в Испании ради этого предприятия, и ничто не стяжает в деятельности ваших высочеств более светлой памяти. Воззрите на содеянное, ведь ни об одном кастильском государе не говорится (и я подобное не мог отыскать ни в книгах, ни в речениях людских), что когда-нибудь удавалось ему обрести землю вне пределов Испании. А ваши высочества обрели такие земли, и их столько, что это иной мир, каковой всему христианскому люду принесет радость, а вере нашей возвеличение. Все это я говорю, движимый чистейшими намерениями, желая, чтобы стали ваши высочества величайшими владыками на свете, иными словами, повелителями всего мира. И да будет сие на благо и на удовлетворение святой троицы, и да обретут ваши высочества»

чества к исходу дней своих райскую славу; а что же касается меня, то я надеюсь, вверяя себя богу, что ваши высочества скоро убедятся, сколь справедливы мои слова и какова моя алчность».

Итак, чтобы выйти из этого залива, находясь в котором адмирал со всех сторон окружен был сушей, а выбраться из него было необходимо, чтобы доставить на Эспаньолу съестные припасы, которые подвергались порче, адмирал в субботу, 11 августа, с восходом луны, приказал поднять якоря, поставить паруса и отплыть к востоку, т. е. в ту сторону, где восходит солнце, чтобы выйти в море через проход между выступом материка, который он назвал мысом Раковины (материку он дал название остров Грасия), и между Тупым мысом острова Тринидад.

12 августа, в воскресенье, адмирал достиг очень хорошей гавани, которую назвал Кошачьей (Puerto de las Gatos).

Гавань эта расположена была против островков Улитки и Дельфина, между мысом Раковины и Тупым мысом. Он стал на якорь близ этой бухты, имея в виду на следующее утро отправить в путь и выйти из упомянутого прохода [в открытое море]. Поблизости он обнаружил еще одну гавань и направил туда лодку. Гавань эта была очень красива, и на берегах ее стояло несколько домов, принадлежащих рыбакам. Вода же в гавани была пресная. Эту гавань он назвал Гаванью хижин (Puerto de las Cabañas).

Здесь, близ самого моря, найдено было множество устриц, прикрепленных к древесным ветвям, спускавшимся в воду. Створки их были открыты, чтобы принять росу, а от капель росы, попадающих внутрь раковины, зарождается жемчуг, как о том свидетельствует Плиний и словарь «Католикон».

В понедельник, 13 августа, когда взошла луна, адмирал приказал поднять якоря и отправиться к мысу Раковины, что расположен на берегу Парии, желая выйти северным путем из прохода, названного им «Пастью Дракона» (Boca del Drago), из-за опасностей, которым здесь приходится подвергаться. Пасть Дракона, по его словам, это пролив между мысом Раковины, оконечностью земли Грасия и...*. Он говорит, что расстояние между обоими мысами составляет 3½ лиги. Вступив в воды этого прохода в час заутрени, адмирал увидел, как борются между собой пресные воды, стремящиеся вступить в море, и соленые воды, которые рвутся в проход, ведущий вглубь залива. Столкновение этих вод настолько сильно, что на поверхности моря вздымается большой холм, подобный высокой горе, и грозный шум и рокот, вызванный схваткой двух вод, разносится далеко к западу.

* Пропуск в тексте.— Прим. перев.

В Пасти Дракона борются между собой четыре струи воды. Подобно тому, как это уже было в проходе Змеиной Пасти у Песчаного мыса, которым корабли вошли в залив, все опасались, что и здесь, в Пасти Дракона, ждет их гибель. Опасность удвоилась, когда корабли были в Пасти Дракона, еще и потому, что ветер в это время стих и нельзя было выйти из вод пролива. На якорь нельзя было стать, так как в этом месте не удалось обнаружить дно — море здесь было очень глубоко. Поэтому все опасались, как бы борющиеся между собой течения пресных и соленых вод не выбросили корабли на скалы, что могло случиться при таком безветрии. Тогда не было бы надежды на спасение. Говорят (хоть я и не нашел этого в бумагах, писанных рукой адмирала, где я встретил, однако, все, о чем здесь идет речь), будто адмирал заявил, что если удастся избежать здесь гибели, то можно тогда считать, что все вырвались из Пасти Дракона; и именно поэтому, и не без основания, [проход] получил подобное имя.

По воле божьей удалось, однако, выйти из этого прохода невредимыми, и случилось так потому, что поток пресной воды, победив соленую воду, изверг корабли наружу, не повредив их.

Таким образом, пришло спасение, а спаслись они потому, что если бог желает кому-нибудь, будь то один человек или многие, сохранить жизнь, то и воду он делает лекарством. Вышли же из упомянутого залива через опасный проход Пасть Дракона в понедельник, 13 августа.

Адмирал говорит, что между первой землей острова Тринидад и заливом, открытым моряками [в то время], когда он послал вперед каравелу, расстояние было равно 48 лигам. Речь идет о том самом заливе, в который впадают реки (чему адмирал не верил) и который составляет уголок всего большого залива, окруженного сушей и названного Китовым, водами которого шел адмирал столько дней.

Выйдя из залива Пасти Дракона и избежав опасности, адмирал решил направиться на запад, следуя вдоль берега материка, — который он, однако, считал островом Грасия, — чтобы обойти эту землю вдоль ее северного берега, сравнить этот берег с берегом Жемчужного залива и убедиться, действительно ли поступает столь большое количество пресной воды из рек, как то утверждают моряки. Сам он не верил этому, ибо слышал, что даже Ганг, Евфрат и Нил не несут столько пресной воды. К подобным выводам он пришел еще и потому, что не случалось ему видеть столь большие земли, в которых могли рождаться такие великие реки. «Разве только, — говорит он, — если земля эта — материк»*. Таковы его собственные слова. Итак, направляясь в путь в поисках упомянутого Жем-

* См. комментарии к письму Колумба королю и королеве о результатах третьего путешествия. — *Прим. перев.*

чужного залива, куда впадают упомянутые реки, он полагал, что найдет их, обойдя землю (остров Грасия), ибо он желал убедиться, подлинно ли эта земля — остров и нет ли прохода, отделяющего ее от [другой земли] на юге. Если бы этот проход не был найден, адмирал пришел бы тогда (как он сам об этом говорит) к заключению, что [в залив впадает] река, хотя и то и другое полагал бы он великим дивом.

До захода солнца адмирал шел вдоль берега. Везде видел он хорошие гавани и высочайшие земли. На севере, близ берега, он заметил много островов, а на самом берегу материка он открыл немало мысов, которым дал названия: мыс Раковин (Cabo de Conchas), Долгий мыс (Cabo Luengo), мыс Уздечки (Cabo de Sabor), Богатый мыс (Cabo Rico).

Земля же эта была высока и очень красива. Адмирал говорит, что на этом пути он встретил множество гаваней и очень крупных заливов, берега которых должны быть обитаемы. По мере того как он удалялся на запад, берег становился все ниже и казался более красивым. При выходе из Пасти Дракона, он заметил на расстоянии 26 лиг к северу от корабля остров, который он назвал островом Успения (Asumpción), и другой остров, названный им островом Зачатия (Concepción), и еще три расположенных друг подле друга островка, которым он дал имя Свидетели (Testigos).

Далее лежал остров Паломника (Romero) и маленькие островки, названные Стражей (Guardias). Затем адмирал подошел к острову Маргарите и назвал его этим именем*, а другому, соседнему с ним острову, дал он имя Мартинет (Martinet).

Остров же этот расположен в 9 лигах к северу от острова Маргариты. Идя в этих местах, адмирал страдал глазами от того, что совсем не приходилось ему спать, — путь между всеми этими островами чреват был постоянными опасностями, а в таких случаях обычаем его было бодрствовать. Так должен поступать всякий, кто отвечает за корабли, особенно же пилоты. Адмирал говорит, что здесь он чувствовал себя более усталым, чем когда открывал другой материк, т. е. Кубу, потому что глаза его застилались кровью. Таковы были его ни с чем несравнимые труды на море.

Из-за боли в глазах эту ночь он провел в постели, а поутру обнаружил, что корабли находятся дальше в открытом море, чем это было бы, если бы вел он их сам. Таким образом, не должен надеяться и полагаться на моряков усердный, опытный пилот, потому что на его совести и на его ответственности лежит все, что делают люди, находящиеся на корабле. А самое важное и необходимое, что должен он помнить и что связано с его службой, это — бодрствовать и не спать в течение всего периода времени, пока длится плавание.

* Маргарита по-испански — жемчужина. — *Прим. перев.*

Видимо, в понедельник и вторник адмирал прошел, выйдя из Пасти Дракона, 30 или 40 лиг. Об этом он не упоминает, так как жалуется, что не может описать все, что должен был у себя отметить, из-за своего недуга. И адмирал, видя, что земля далеко протягивается на запад и все время становится все более низкой и прекрасной и что Жемчужный залив, который он открыл в задней части залива или пресного моря, не имеет выхода, тогда как ранее он полагал, что выход этот должен был быть, и, считая этот материк островом, пришел к заключению, что столь большая земля — не остров, и обращаясь к королям, писал так [далее с некоторыми отступлениями от оригинала приводятся замечания о «пресном море» и о расстоянии между Испанией и Индиями, которые содержатся в письме Колумба королю и королеве о результатах третьего путешествия].

Следуя дальше, адмирал намерен был направиться к Эспаньоле, так как к этому принуждали его обстоятельства, которые во многом ему препятствовали. Во-первых, он шел полный тревоги и подозрений, так как не имел в течение столь долгого времени никаких известий о том, что делается на этом острове. Во-вторых, адмирал беспокоился о своем брате — аделанто, которого он отправил для совершения дальнейших открытий на материке, начатых им. В-третьих, он спешил на Эспаньолу, опасаясь, что окончательно испортятся и сгниют продукты, предназначенные для тех, кто находится на Эспаньоле. В этих же продуктах была там большая нужда, и, кроме того, адмирал готов был рыдать, когда вспоминал, с каким трудом они ему достались. Он говорит, что в случае утраты провианта он не имел бы возможности получить другую провизию из-за неладов, которые всегда у него были с теми, кто давал советы королям¹⁸. «Они, — говорит адмирал, — вовсе не друзья их высочеств, заботящиеся о чести их высокого титула. Да и издержки отнюдь не таковы, чтобы нельзя было их допустить, по тем соображениям, что не скоро будет получена прибыль, которая их покроет, потому что величайшим благом является дело, совершаемое ради нашего господина — дело распространения его святого имени в неведомых землях. И дело это достойно быть в великой чести у государя, ибо оно духовное и мирское в одно и то же время». И далее адмирал говорит: «Для этого следовало бы израсходовать ренту хорошего епископства или архиепископства, — и прибавляет, — лучшего во всей Испании, где есть столько рент и нет ни одного прелата, который желал бы прибыть сюда, даже зная, что в этой стране живет бесчисленное множество народов (pueblos), и что решено послать особ ученых и разумных и друзей Христа, чтобы попытаться обратить эти народы в христианство или положить тому начало. Уверен, что сумма, необходимая для по-

крытия издержек, очень скоро будет извлечена отсюда и поступит в Кастилию». Таковы его слова.

Четвертая причина, побудившая адмирала следовать к Эспаньоле, не задерживаясь для дальнейших открытий,— а он очень хотел продолжать плавание,— заключалась, по его словам, в том, что он не был достаточно обеспечен опытными моряками, так как перед уходом из Кастилии не решался открыто сказать, что направляется в путь для совершения открытий. Адмирал опасался, что, скажи он так, ему будут чинить препятствия, чтобы он не просил денег, которых у него не было.

Кроме того, адмирал говорит, что люди очень устали в пути¹⁹.

В-пятых, корабли, на которых он шел, были чересчур велики для плаванья с целью открытий. Один был в 100 тоннах, в другом более 70 тоннах*. А для таких плаваний нужны меньшие корабли. И именно потому, что велик был корабль, на котором он шел в первом путешествии, он его потерял в гавани Навидад, в королевстве короля Гуаканагары²⁰.

Шестая причина, которая во многом укрепляла его намерение оставить мысль о дальнейших открытиях и направиться на Эспаньолу, была болезнь глаз, вызванная бессонницей. А не спал он из-за непрерывных бдений и из-за необходимости зорко следить за всем.

В этом месте адмирал говорит: «Молил я господу нашего вернуть мне очи, ибо он хорошо знал, что я выношу эти труды не из желания обогатиться или найти сокровища для себя (я прекрасно понимаю, что подобное — не что иное, как суета), но потому, что сознаю, что мои труды угодны богу и направлены к чести его и не предприняты для приумножения богатств и тщеславия ради, ни к обретению многих иных благ, которыми мы пользуемся в этом мире и к которым мы более склонны, чем к тому, что сулит нам спасение». Таковы слова адмирала.

Итак, приняв решение как можно скорее добраться до острова Эспаньолы, адмирал 15 августа, в день успенья нашей владычицы, приказал после восхода солнца поднять якоря на стоянке, расположенной в проходе, отделяющем остров Маргариту и прочие мелкие острова от материка, и направился к Эспаньоле. Следуя избранным путем, он хорошо осмотрел берега Маргариты и иных островков. По мере того, как он удалялся, открывались его взору все более и более высокие земли на материке. И за день от восхода до захода солнца он прошел 63 лиги, причем сильные течения помогали на этом пути попутному ветру.

На следующий день, 16 августа, адмирал шел на северо-запад, четверть к северу, и сделал, следуя «с помощью божьей», как в таких случаях он обычно говорит, тихим морем

* Тоннада — $\frac{5}{6}$ метрической тонны.— *Прим. перев.*

26 лиг. Он отмечает в этом месте одно чудесное явление: когда он шел от Канарских островов к Эспаньоле и отдалился к западу на 300 лиг, тотчас же стали отклоняться на одну четверть к северо-западу иглы компаса, а Полярная звезда не поднялась выше, чем на 5 градусов.

Ныне же в этом плавании иглы отклонялись на северо-запад только в ночное время, но при этом более чем на $1\frac{1}{2}$ четверти, а некоторые стрелки отклонялись на северо-запад на полветра, т. е. на две четверти. И так случалось всегда внезапно, в ночное время ²¹.

Адмирал говорит, что все ночи напролет он дивился переменам, которые наступили в небесах и в климате, когда он открыл земли на таком незначительном расстоянии от экватора. Было это, когда солнце находилось в созвездии Льва, а на земле этой по утрам дули свежие ветры, и жители ее были белее прочих обитателей Индий.

Адмирал обнаружил также, что в тех местах, куда он ныне прибыл, Полярная звезда стояла на высоте четырнадцати градусов, после того, как Стражницы проходили от головы промежутков в $2\frac{1}{2}$ часа *.

Он пытается побудить королей продолжать начатое предприятие, убеждает их, что можно получить в этих землях золота, ибо видел здесь несчетное число залежей золота. Следует только приложить к тому смекалку и труд, так как без всего этого нельзя добыть даже железо, в каком бы изобилии оно ни было.

И адмирал взял для королей кусок золота весом в двадцать унций и много других образцов. А должно полагать, что в местах, где попадают такие куски, должно быть много золота. Он захватил также для их высочеств кусок меди весом в 6 арроб **, ляпис-лазурь, амбру, хлопок, перец, корицу, много красящего дерева (brasil), эбенового дерева, сандалового дерева, лимонное дерево, лен, алоэ, имбирь, мирт, тончайший белый жемчуг, красный жемчуг, о котором Марко Поло говорит, что он ценится дороже белого. «Много, бесконечно много я видел здесь, и имеется тут столько пряностей, что я не решаюсь перечислить все их разновидности, чтобы не впасть в многословие». Таковы слова адмирала.

В пятницу, 17 августа, адмирал прошел тихим морем 37 лиг. Он говорит, что то обстоятельство, что не обнаруживается больше островов, свидетельствует, что земля, откуда он идет, должна быть великим материком или местом, где находится рай земной. «Потому что все говорят, — указывает он, — что земля эта — предел востока, и сие верно».

* См. комментарий 16 «К дневнику первого путешествия». — Прим. перев.

** Арроба — 11,5 кг. — Прим. перев.

В субботу, 18 августа, за день и ночь прошли 39 лиг. В воскресенье, 19 августа, прошел адмирал за день и ночь 33 лиги и достиг земли. И был это крохотный островок, который он назвал Мадам Беата (Madama Beata). Близ него лежал один еще меньший островок, на котором возвышалась высокая гора, похожая на парус. Этот островок адмирал назвал поэтому островом Высокого паруса (Isla del Alto Velo). Я думаю, что Беата была тем местом, которое адмирал назвал островом Св. Катерины, когда плывал вдоль южного берега острова Кубы. От этого острова до гавани Санто Доминго 25 лиг, так что последняя лежит от него на близком расстоянии. Адмирал сетует на свою усталость и говорит, что никто не должен дивиться его состоянию, потому что все ночи он проводит на ногах: кораблям в этих водах, где так много мелей и островков, приходится все время лавировать.

Кроме того, здесь опасны очень сильные течения, которые идут от материка и с западной стороны и могут незаметно увлечь за собой корабли.

20 августа, в понедельник, адмирал стал на якорь в проливе между островками Беаты и Высокого паруса, а ширина этого пролива была две лиги. Он отправил на берег лодки, чтобы призвать индейцев (на этом берегу были селения) и через них передать аделантадо весть о своем прибытии. На корабли дважды являлись 6 индейцев, и один из них принес с собой бальесту с тетивой. Этот индеец сказал: «Богом клянусь, что все это досталось мне не от убитого». А так как из Санто Доминго видели, что прошли три корабля, и люди там решили, что это идет адмирал, ибо прибытия его ожидали со дня на день, то аделантадо вышел навстречу на каравеле, встретился здесь с адмиралом, и оба были чрезвычайно обрадованы встречей.

Когда адмирал спросил аделантадо о состоянии страны, последний рассказал ему о том, как восстал с 80 сообщниками Франсиско Ролдан*, и о том, что произошло на острове с тех пор, как адмирал покинул Эспаньолу.

22 августа, в среду, адмирал вышел в путь и в конце концов, преодолевая многочисленные противные течения и ветры, которые тут всегда длительны, прибыл в гавань Санто Доминго в пятницу, в последний день августа того же 1498 года, а так как отправился он из Эспаньолы в Кастилию в четверг 10 марта 1496 года, то пробыл в отсутствии, не видя этот остров, 2¹/₂ года без девяти дней.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, parte I, vol. II, p. 26—41, Roma, 1894.]

* См. охранное письмо Колумба Франсиско Ролдану.— *Прим. перев.*

КОММЕНТАРИИ
К ОПИСАНИЮ ТРЕТЬЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ
ИЗ «ИСТОРИИ ИНДИЙ»
БАРТОЛОМЕ ЛАС КАСАСА

1. Описание третьего путешествия, которое дается в настоящем сборнике, принадлежит Лас Касасу и приведено им в 130, 132, 139, 147 и 149 главах книги 1-й его «Истории Индии». Лас Касас, как об этом свидетельствует текст его описания, пользовался утраченным дневником третьего путешествия, который вел Колумб. Во многих местах он цитирует отрывки этого дневника, а также дает выдержки из письма адмирала Фердинанду и Изабелле (помещенного в этом сборнике). Описание Лас Касаса — ценный источник, позволяющий восстановить маршрут третьего плавания.

2. Война с Францией из-за итальянских земель шла в царствование Изабеллы и Фердинанда в течение многих лет. В 1497—1498 годах она достигла наивысшего напряжения. В связи с войной Колумбу пришлось испытать немало трудностей, связанных со снаряжением третьей экспедиции, так как стесненная в деньгах королевская казна почти вдвое урезала средства, необходимые для экипировки кораблей и для снабжения судовых команд и населения Эспаньолы.

3. Пуэрто Санто (по-португальски Порту Санту) — небольшой (44 кв. км) остров, расположенный в Атлантическом океане в 50 км к северо-востоку от Мадейры. Со времени открытия принадлежит Португалии.

Генерал-капитанами этого острова были тесть и шурина Колумба по первому браку (Бартоломе Перестрелло старший и Бартоломе Перестрелло младший). Колумб посещал этот остров в конце 70-х годов.

4. Аделантадо — брат Христофора Колумба — Бартоломе.

5. Рехидор — выборный член городского управления (ayuntamiento) в Кастилии. Должность эту обычно занимали горожане с солидным достатком.

6. Речь идет о моряке Джовани Антонио Коломбо, уроженце Генуи, дальнем родственнике или однофамильце Христофора Колумба.

7. Генерал-капитан — командующий сухопутной армией или флотилией. Титул этот давался также правителям провинций.

8. Лас Касас ошибается, когда говорит о том, что островам Зеленого мыса в древности были присвоены определенные наименования.

Античным мореплавателям и географам эти острова были неизвестны. «Гесперидами», т. е. западными островами, некогда называли Канарскую группу. Острова Зеленого мыса были открыты в 1456 г. португальцами.

9. Имеется в виду Тордесильяский договор 1494 г. между Испанией и Португалией.

10. Асьенда (*acienda*, в современном испанском языке *hacienda*) — ведомство по управлению королевскими финансами и имуществом. Эскривано асьенды — должностное лицо этого ведомства, примерно соответствующее по рангу дьяку из приказа допетровских времен.

11. Речь идет здесь, видимо, об Африке, хотя не исключена возможность, что у португальцев незадолго до открытия Кабралом Бразилии имелись некоторые сведения о восточной оконечности южноамериканского материка. Крайне смутные намеки на это имеются в письмах Кабрала. Вопрос о времени открытия берегов Бразилии до сих пор еще не может считаться окончательно решенным. Восточная оконечность Бразилии находится к востоку от демаркационной линии, намечаемой Тордесильяским соглашением 1494 г., т. е. в португальской сфере.

12. Легенда о посещении гвинейскими неграми земель Нового Света до открытия их европейцами имела широкое распространение как в Португалии, так и в Испании в самом начале XVI столетия. Как и многие географические мифы той эпохи, она основывалась на досужих домыслах, лишенных каких бы то ни было оснований.

13. «Касситериды», или «Острова олова». У древнегреческих географов такое наименование получили не Азорские, а, повидимому, Британские острова.

14. Остров Тринидад лежит на 10—11 градусах северной широты, а Эспаньола на 18—20 градусах северной широты.

15. Здесь у Лас Касаса явное противоречие. Чуть выше он говорит что индейцы носили покрывала и пояса и стригли волосы на кастильский лад.

16. Имеются в виду мангровые деревья (*Rhizophora Mangle L.*, *Avicennia nitida Jack.*), растущие в прибрежных лесах тропического пояса. Эти деревья выпускают из стволов многочисленные воздушные корни, которые укрепляются в почве, образуя вокруг деревьев непроходимый живой частокол. У деревьев, растущих на берегах водоемов, корни эти опускаются до самой воды. В мангровых лесах, покрывающих болотистые низины, водится множество разнообразных животных.

17. Во времена Колумба господствовали naive представления о происхождении жемчуга, которые появились в сознании людей с незапамятных времен. На самом деле жемчуг — это отложение перламутрового вещества в раковинах различных морских и пресноводных моллюсков. Эти отложения возникают и накапливаются вокруг посторонних тел (песчинки, обломки раковин, панцирей диатомовых водорослей). Жемчужины состоят из концентрических слоев органического вещества, пропитанного минеральными солями. Лучшие жемчужины — белого цвета, но нередко встречается бурый, розовый, черный жемчуг.

18. Колумб имел в виду не только «советников королей», но и королевскую чету. В 1497—1498 гг. наметился резкий перелом к худшему во

взаимоотношениях адмирала с Изабеллой и Фердинандом. Короли, желая ограничить права Колумба на управление новооткрытыми землями, пользовались любым предлогом для того, чтобы урезать полномочия адмирала. А кастильские поселенцы на Эспаньоле, недовольные правлением Колумба, давали королям достаточно поводов для вмешательства в «индийские дела». С другой стороны, Фонсека, ведавший снабжением Эспаньолы и организовавший заморские экспедиции, фактически лишил Колумба возможности распоряжаться по своему усмотрению в этой важной сфере деятельности. Отправляясь в третье путешествие, Колумб ясно сознавал, что его положение как единоличного правителя Индиями подорвано и что Изабелла и Фердинанд предпримут все возможное, чтобы еще больше ограничить его права и привилегии.

Крайне любопытно замечание о прелатах, не желающих отправляться за океан. Вероятно, однако, оно принадлежит Лас Касасу, который на протяжении многих десятилетий неустанно бичевал своих собственных коллег — монахов и священников, обличая их алчность, леность, невежество и лицемерие.

19. Колумб действительно был крайне стеснен в средствах во время подготовки третьей экспедиции. Официально он выходил в путь не для совершения новых открытий, а для доставки товаров на Эспаньолу. Но и для этой цели отпущенные короной 2 миллиона мараведи были недостаточны, так как необходимо было закупить в Кастилии много продовольствия для жителей Эспаньолы.

20. Замечание это вполне обоснованно. Плаванье у карибских берегов в неведомых водах, изобилующих мелями, было сопряжено с большими опасностями. На легких каравелах типа «Нинья», быстрых на ходу, маневренных и имеющих небольшую осадку, успешнее можно было осуществлять переходы в коварных морях, омывающих Антильские острова и северный берег южноамериканского материка.

21. Колумб отмечает здесь явление западного магнитного склонения, которое, по его наблюдениям, доходило до $22\frac{1}{2}^{\circ}$.

ИЗ ПИСЬМА КОЛУМБА КОРОЛЯМ

[ПЛАНЫ РАБОТОРГОВЛИ]

О тсюда можно во имя святой троицы отправлять всех рабов, которых окажется возможным продать, и красящее дерево (brasil). И если сведения, которыми я располагаю, справедливы, то, как говорят, можно продать 4 000 рабов и выручить по меньшей мере 20 куэнто, а также продать на ту же сумму 4 000 кинталов красящего дерева (brasil). Все же издержки могут составить 6 куэнто. Таким образом, на первый раз, если подобное удастся, можно будет получить добрых 40 куэнто выручки. И это весьма возможно и подтверждается следующими соображениями. В Кастилии, Португалии, Арагоне, Италии и Сицилии, на островах, принадлежавших Португалии и Арагону, и на Канарских островах велик спрос на рабов; и я думаю, что они поступают в недостаточном количестве из Гвинеи. А рабы из этих земель, если их привезут [в упомянутые страны], будут стоить втрое дороже гвинейских, как то наблюдается. Я, будучи недавно на островах Зеленого мыса, жители которого ведут большой торг рабами и постоянно посылают корабли для закупки рабов, видел в гаванях эти корабли и убедился, что за самого дряхлого раба там просили 8 000 мараведи. На красящее же дерево, как говорят, велик спрос в Кастилии, Арагоне, Генуе, Венеции, а также во Франции, Фландрии и Англии.

Таким образом, из обеих этих статей, по всей видимости, можно будет извлечь эти сорок куэнто, если только хватит кораблей, что должны для этой цели притти сюда.

Итак, есть здесь рабы и красящее дерево, которое кажется вещью доходной, и, кроме того, золото... Ныне маэстре и моряки все богаты и у всех намерение скоро возвратиться [в Кастилию] с грузом рабов, а за перевозку они берут по 1 500 мараведи с головы, не считая издержек на питание.

А плата за перевозку взимается из первых же денег, вырученных от продажи рабов. И пусть даже умирают рабы в пути — все же не всем им грозит такая участь...

18 октября 1498 г.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в *Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, parte 1, vol. II, p. 42, Roma, 1894.*]

ОХРАННОЕ ПИСЬМО КОЛУМБА РОЛДАНУ.

дон Христофор Колумб, адмирал, вице-король и бессменный губернатор островов и материка Индий и их капитан-генерал и член королевского совета.

В мое отсутствие между аделантадо, моим братом, и алькальдом Франсиско Ролданом и его приближенными возникли некоторые разногласия, произошли же они, когда я был в Кастилии. Поэтому необходимо, ради того, чтобы уладить все таким образом, чтобы не страдали интересы их высочеств, упомянутому алькальду явиться ко мне и отдать мне отчет во всем, что произошло. Кое о чем я извещу названного аделантадо, и так как алькальд состоит на подозрении у означенного аделантадо, моего брата, настоящим даю заверение от имени их высочеств как самому алькальду, так и тем лицам, которые придут с ним сюда, в Санто Доминго, где я нахожусь, что не будет ни в чем чиниться ущерба ни особе алькальда, ни тем, кто явится с ним в течение всего времени, потребного для прихода из Бонао (где находится ныне алькальд) и возвращения туда. Все это обещаю я исполнить и обещанное заверяю моей честью и словом рыцаря, по обычаям Испании, и я подтверждаю, что верен буду данному слову, как о том уже было сказано... И для крепости скрепляю этот документ подписью.

Санто Доминго, 26 октября 1498 г.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в *Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, parte I, vol. 11, p. 52, Roma, 1894.*]

КОММЕНТАРИИ К ОХРАННОМУ ПИСЬМУ КОЛУМБА РОЛДАНУ

Покидая Эспаньолу в марте 1496 г., Колумб поручил управление островом своему брату Бартоломе и назначил главным судьей Эспаньолы андалузца Франсиско Ролдана, старого своего приближенного. Ролдан был участником первого и второго путешествий Колумба, и адмирал считал его своим преданным соратником.

В июле 1496 г. Бартоломе Колумб на кораблях отправился из Изабеллы на южный берег Эспаньолы и, заложив там город Санто Доминго («Святое воскресенье»), посетил область Харагуа. В это время в Вега Реаль вспыхнуло восстание индейцев, доведенных до отчаяния притеснениями кастильских пришельцев. Возвратившись в Изабеллу, Бартоломе выступил в поход, подавил восстание в Вега Реаль и снова отправился в Харагуа. Между тем осенью 1496 г. в Изабелле, столице Эспаньолы, обстановка была удручающей. Лихорадка косила кастильских поселенцев; продовольствие, привезенное из Испании, было на исходе. Бартоломе и его брат Диего, желая облегчить положение колонии, прибегали к мерам, которые раздражали своевольных и недисциплинированных идалго, к тому же недовольных тем, что ими правят безвестные чужеземцы. Ролдан стал душой заговора, направленного против братьев Колумбов. Открытый мятеж разразился, когда Диего Колумб, опасаясь побега недовольных в Кастилию, велел завезти на берег единственную каравелу, стоящую в гавани Изабеллы. Мятежники разгромили склады и арсенал, перебили племенной скот и двинулись в Вега Реаль, желая утвердиться в крепости Консепсьон, незадолго до того построенной в этой местности. Потерпев неудачу при попытке захватить крепость, Ролдан в сопровождении своих сообщников отправился в Харагуа. Там Ролдан и его присные творили чудовищные дела. Они разоряли селения, как саранча опустошали цветущие земли, уводили к себе женщин-индианок, жгли на кострах местных касников, изнуряли непосильной работой индейцев, которых они превратили в своих рабов.

Лас Касас отмечает, что люди из банды Ролдана упражнялись в стрельбе из луков по живым мишеням — индейцам.

В июле 1498 г., когда к берегам Харагуа подошли три корабля, которые Колумб от Канарских островов послал к Эспаньоле, к мятежникам присоединились еще 30 человек из числа вновь прибывших на Эспаньолу.

Бартоломе Колумб не мог справиться с мятежниками, и адмирал, прибыв в Изабеллу 31 августа 1498 г., застал остров в состоянии величайшей смуты. Колумб, не располагая достаточными силами для подавления смуты, вынужден был встать на путь компромиссов. Прежде всего он предоставил всем желающим возможность покинуть остров и возвратиться в Кастилию на пяти кораблях, которые отправлялись из Санто Доминго. С Ролданом, который не хотел покидать Эспаньолу, Колумб вступил в переговоры.

17 октября Ролдан и его ближайшие сторонники Адриан де Мухика, Педро де Гамес, Диего де Эскобар отправили адмиралу письмо, в котором заявили, что покидают службу и не желают подчиняться аделантадо, т. е. Бартоломе Колумбу. Колумб предпринял попытку к примирению и дал обязательство, обеспечивающее Ролдану неприкосновенность на время мирных переговоров. Это обязательство приводится здесь текстуально. Ролдан прибыл в Санто Доминго как уполномоченный мятежников и заключил соглашение, которое не одобрили его товарищи. Снова завязались переговоры, и 17 ноября представитель адмирала Санчо Алонсо Карвахаль заключил с Ролданом новое соглашение. Мятежники выразили желание отправиться в Кастилию, и Колумб в 50-дневный срок обязался прислать в Харагуа корабли. Однако корабли эти вышли из Санто Доминго лишь в январе 1499 г. и по дороге были рассеяны бурей. Тогда Ролдан объявил, что договор утратил силу. Мятеж продолжался, и доведенный до крайности адмирал вынужден был подписать в августе 1499 г. в селении Асуа соглашение с Ролданом (оно было торжественно опубликовано 28 сентября), по которому за Ролданом сохранялась должность главного судьи, а 102 участника мятежа получали земельные наделы, которые давались им вместе с прикрепленными к земле индейцами.

(См. также послесловие — Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения.)

ПИСЬМО КОЛУМБА «НЕИЗВЕСТНЫМ СЕНЬОРАМ»

Сеньоры! Прошло уже 17 лет с тех пор, как я прибыл к этим государям, чтобы служить им в индийском предприятии. 8 лет прошло в спорах, и в конце концов мой замысел стал объектом для издевки.

Но я с любовью продолжал вести [дело], начатое мною, а Франции, Англии и Португалии ответил, что эти земли и владения предназначены для короля и королевы, моих государей. Обещания [мои] не были ничтожными и пустыми. Сюда наш искупитель указал мне путь. И в этой стороне я ввел королей во владение большими земельными пространствами, чем имеется их в Африке и Европе, и дал им свыше 1 700 островов, не считая Эспаньолы, которая в окружности больше Испании. Думалось, что будет процветать и возвеличиваться в тех землях святая церковь, а из мирских благ можно было ожидать там приобретения всего, на что надеялся простой народ. За семь лет я осуществил, с помощью божьей, завоевание [этих земель]. И в то время, когда, как я полагаю, мне будут оказаны милости и я обрету покой, я был внезапно схвачен и, на мой позор, привезен [в Кастилию] закованным в железо, причем подобное учинилось не на пользу их высочествам и явилось плодом интриг.

Виною всему были должностные лица, которые, возмутившись, хотели овладеть страной. И этому человеку [Бобадилье], который прибыл сюда [для расследования], поручено было остаться правителем в том случае, если против меня выдвинут тяжкие обвинения. Кто и когда мог бы счесть это справедли-

вым? Я в этом предприятии утратил здоровье и часть доходов, которые причитаются мне от него, и связанные с подобным делом почести.

Но не только в Кастилии будут оцениваться мои дела; и меня будут считать капитаном, который завоевал [страны] от Испании до самых Индий и притом такие, где не было управляемых городов, местечек, селений. Приходилось подчинять их высочествам диких и воинственных людей, живущих в лесах и горах. Умоляю ваши милости, которым столь доверяют их высочества, с рвением, присущим вернейшим христианам, просмотреть все мои писания [где сказано], что издали явился я на службу этим государям, оставив жену и детей, которые постоянно были в разлуке со мной, а также и о том, что ныне, на склоне дней своих, я был без причины лишен имущества и чести. И совершено это было бесчеловечно и несправедливо, и не причастны к этому их высочества, потому что неповинны они в том, что произошло.

Конец 1500 г.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в *Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, parte I, vol. II, Roma, 1894.*]

КОММЕНТАРИИ К ПИСЬМУ КОЛУМБА «НЕИЗВЕСТНЫМ СЕНЬОРАМ»

Это письмо, копия которого хранится в архиве герцога Верагуа, было написано Колумбом в конце 1500 года, немного времени спустя после того; как автор его был привезен в Кастилию по приказу Бобадильи. Письмо адресовано знатным покровителям Колумба, имена которых остаются неизвестными. По своему тону, гневному и скорбному, оно гармонирует с более обширным посланием, адресованным адмиралом в конце того же года знатной даме — кормилице наследного принца Хуана (см. стр. 442—451). Недоумение биографа Колумба вызывает ссылка на восьмилетние мытарства, которые адмирал испытал в Кастилии, защищая свой проект. В письме к кормилице он определяет этот срок семью годами, а из дневника первого путешествия явствует, что адмирал прибыл в Кастилию за шесть лет до принятия его проекта, в январе 1486 г. Последняя дата признается ныне наиболее приемлемой. Вероятно, в этом письме Колумб увеличил на два года период своих кастильских терзаний.

Колумб, желая произвести выгодное впечатление, подчеркивает, что в новооткрытых землях на долю его выпала трудная задача — усмирять и покорять «диких и воинственных людей». Между тем во всех своих письмах и дневниках он неоднократно отмечал ранее, что индейцы Эспаньолы обладают мирным нравом и что покорить их можно без труда и ценой ничтожных жертв.

Разумеется, Колумб не упоминает о том, что войны с индейцами были вызваны кастильскими пришельцами.

В письме, в обычной манере Колумба, порицается поведение его недругов, находящихся как в Кастилии, так и на Эспаньоле. При этом адмирал весьма недвусмысленно упрекает Фердинанда и Изабеллу в неблагодарности.

Последняя фраза письма, в которой Колумб снимает с королевской четы ответственность за все свои невзгоды, не более как дипломатическая уловка.

ПИСЬМО
ХРИСТОФОРА КОЛУМБА
КОРМИЛИЦЕ
ДОНА ХУАНА
КАСТИЛЬСКОГО¹

о стойнейшая сеньора!² Если новы мои жалобы на мир, зато исстари знаком мне обычай людей поносить других. Тысячу сражений дал я этим людям и устоял во всех битвах, ныне же — мне не помогают ни оружие, ни советы.

С жестокостью был я ввергнут в бездну; надежда на того, кто всех сотворил, поддерживает меня. Его помощь всегда была своевременна. Как-то раз и не так давно, когда я пал в бездну, он поднял меня своей десницей, возгласив: — «Встань, о малoverный, это я, не бойся ничего».

С какой горячей любовью я стал служить [кастильским] государям и служил им в деле, невиданном и неслыханном! Господь сделал меня посланцем нового неба и новой земли, им созданных, тех самых, о которых писал в Апокалипсисе святой Иоанн³, после того, как возвещено было о них устами Исаии⁴, и туда господь указал мне путь. Все относились ко мне с недоверием, но бог дал королеве, моей сеньоре, великую силу и ясный дух и сделал ее своей наследницей, точно она была его дорогой и нежно любимой дочерью. Во владение всем этим вступил я от ее королевского имени. Все желали утаить свое невежество, пытаюсь болтовней о трудностях и издержках [связанных с моим предприятием] скрыть собственную неосведомленность.

Ее высочество, напротив того, одобрила мое предприятие и поддерживала его сколь могла. Семь лет прошли в спорах, восьмой был годом свершения⁵. За это время произошли значительные и достопамятные события, о коих нет нужды здесь

упоминать. А ныне нет человека, который не поносил бы меня. Добродетелью должно быть сочтено всякое несогласие с этими клеветниками. Мне не могли бы выказывать в Испании большую вражду, даже если бы я захватил Индии или земли, где ныне распространилась молва об алтаре святого Петра, и отдал бы их маврам. Кто мог бы поверить, что подобное возможно в стране, в которой всегда было столько благородных людей. Я бы весьма охотно отказался от всего предприятия, но полагал я, что было бы это недостойно по отношению к моей королеве. Поддержка господина и ее высочества заставила меня вести дальше это дело, а чтобы хоть в какой-нибудь степени умерить душевную боль, причиненную ей кончиной [наследного принца Хуана]*, я предпринял новое путешествие к новому небу и миру (al nuevo cielo y mundo), до той поры никому неведомым. И если земли эти ныне не в почете, точно так же, как и другие земли в Индиях, то мне это не кажется дивом, потому что они стали известны благодаря моей предприимчивости.

Святой дух вдохновлял святого Петра, а с ним и других апостолов. И все они вели тяжелую борьбу, испытывая трудности и лишения, но в конце концов все они добились победы.

Я думал, что мое путешествие в Парию несколько успокоит всех, так как я нашел там жемчуг, а также открыл золото на Эспаньоле. Я приказал людям собирать и вылавливать жемчуг и заключил с ними соглашение, что я возвращусь за ними, и, по моему мнению, они должны были собрать фанегу** жемчуга⁶. Если я не писал об этом их высочествам, то только потому, что хотел раньше завершить дело с золотом. И это мое намерение повернулось против меня, как и многие другие. Я не потерял бы ни жемчуга, ни своей чести, если бы заботился только о собственном благе, и либо утратил бы Эспаньолу, либо заботился бы о соблюдении моих привилегий и прав. То же самое я говорю и о золоте, собранном мною сейчас, а удалось мне это совершить ценой больших трудов и многих смертей.

Когда я вернулся из Парии, я застал на Эспаньоле мятеж, в котором участвовала почти половина населения⁷. Вплоть до последнего времени они воевали против меня, словно я был мавром; кроме того, велась еще тяжелая война с индейцами. В это же время прибыл Охеда и попытался вмешаться в дело, заявив, что его послали их высочества с обещанием даров, вольностей и жалования тем, кто пойдет с ним⁸. К Охеде стеклось множество людей, а на Эспаньоле осталось очень мало поселенцев — разве что одни бродяги, да женщины и дети. Этот Охеда причинял мне много забот⁹, я вынужден был

* Принц Хуан умер в 1497 г.— *Прим. перев.*

** Фанега — 25 килограммов.— *Прим. перев.*

изгнать его, и он уехал, заявив, что скоро вернется с множеством кораблей и людей и что он покинул Испанию, когда королева, наша сеньора, находилась на смертном одре. Вскоре явился с четырьмя каравелами Висенте Яньес [Пинсон]¹⁰. Он не причинил мне ущерба, но вызвал смуту и тревогу.

Индейцы говорили о многих других [каравелах], которые появились у Каннибальских [островов] (à los Canibes) и в Парии, а затем пришла весть о шести каравелах¹¹, которые вел брат алькальда¹², но то был неверный слух, распространенный из хитрости. И настало время, когда почти совсем рухнули мои надежды на то, что их высочества пришлют мне в Индию корабль, и я уже перестал ждать корабли, тем более, что в народе шли слухи о том, что ее высочество скончалась.

Некто Адриан¹³ сделал в это время попытку снова восстать, но господь наш не пожелал, чтобы его дурные замыслы осуществились. Я дал себе зарок не трогать ни одного волоска на чьей-либо голове, но из-за неблагодарности этого человека я был вынужден нарушить свой зарок. Не меньше досталось бы моему родному брату, если бы ему вздумалось погубить и разграбить владения, охрану которых доверили мне король и королева. Этот Адриан, как выяснилось потом, послал дону Фернандо¹⁴ в Харагуа с целью собрать там некоторых своих сообщников, и там возникли разногласия с алькальдом, которые привели к стычкам, но цели своей дон Фернандо не достиг. Алькальд схватил его и задержал часть его шайки и, если бы я не вмешался, он покарал бы смутьянов. Они были заключены под стражу в ожидании каравелы, на которой предстояло их отправить [в Кастилию]. Но вести об Охеде, как я уже говорил, заставили меня потерять надежду на приход каравелы.

Шесть месяцев пребывал я в готовности явиться к их высочествам с добрыми вестями о золоте и намерением отказаться от управления распущенными людьми, которые не боятся ни бога, ни короля, ни королевы, людьми хитрыми и разпутданными. Для этой цели я располагал четырьмя куэнто десятины¹⁵ и, сверх того, еще кое-чем, не считая третьей части добытого золота. До своего отъезда я не раз просил их высочества отправить сюда, на Эспаньолу, за мой собственный счет лицо, облеченное судейскими полномочиями. А после того как алькальд поднял бунт, я вновь обратился с просьбой к ним прислать судью и разных людей, или, по крайней мере, отрядить какое-нибудь доверенное лицо, которое явилось бы сюда с полномочиями от их высочеств: потому что обо мне идет такая молва, что если я воздвигал церкви и госпитали, их все равно называли бы логовищем воров. В конце концов я получил инструкции, но они были совсем не такие, как того требовали обстоятельства. Что ж, пусть будет так, если такова их воля.

Я пробыл здесь два года и не мог добиться ни одного милостивого указа ни для меня, ни для тех, кто сюда прибыл, а этот

[Франсиско Бобадилья]¹⁶ привез полный короб указов, хотя одному богу известно, были ли они полезны. Начать с того, что даны были льготы (franquezas) на срок в двадцать лет, что представляет собой возраст [возмужалого] человека, а между тем золото собирают так, что один человек может добыть его на пять марок за четыре часа. (Ya, por comienço, ay franquezas de XX anos, que es la hedad de un ombre, y se coje el oro, que ovo persona de cinco marcas en quatro oras).

Об этом я скажу подробнее ниже. Делом милосердия было бы, если их высочества посрамили бы чернь, которая, зная о моих тяготах, клеветой своей причиняла мне величайший вред, ибо ни моя усердная служба королям, ни сбережение и охрана их достояния и владений не шли мне на пользу. Честь моя была бы тогда восстановлена, и об этом заговорили бы повсюду, ибо мое предприятие таково, что с каждым днем должна все громче и громче разноситься о нем молва и шириться его слава.

В то время, когда прибыл на Санто Доминго командор Бобадилья, я находился в Веге, а аделантадо * в Харагуа, где раньше сеял смуту уже упомянутый Адриан, но все уже было спокойно, земля богата и царил на ней мир. На второй день после прибытия он [Бобадилья] провозгласил себя правителем, назначил должностных лиц, привел в исполнение разные решения и обнародовал указы о льготах по золоту и десятине и вообще по всем другим статьям, сроком на 20 лет, т. е., как я уже говорил, на человеческий возраст. Он объявил также, что намерен расплатиться со всеми, даже с теми, кто до сих пор не служил должным образом, и добавил, что меня и моих братьев надлежит в оковах отправить в Испанию, как то и было сделано, и что никогда я уже больше не вернусь сюда и не явится на Эспаньолу ни один из отпрысков моего рода. При этом он говорил обо мне тысячу бесстыдных и поносных слов. Все это случилось, как я уже говорил, на второй день после его приезда, я же находился в отсутствии, далеко, и ничего не знал ни о нем, ни о его прибытии. Несколько писем от их высочеств с бланковыми подписями (а он привез таких бланков немало) он заполнил и отправил алькальду и его шайке, жалую им милости и энкомьенды. Ко мне же он не послал ни письма, ни гонца и ничего не вручил вплоть до нынешнего дня.

Вообразите же, ваша милость, что должен был подумать тот, кто оказался бы в моем положении! Как воздавать честь и покровительствовать человеку, который пытался отнять у их высочеств владения и который причинил им столько зла и такой ущерб, и повергать в прах того, кто, невзирая на столь большие опасности, эти владения оберегал? Когда я услышал об этом, то подумал, что все это дело рук Охеды или одного

* Бартоломе Колумб.— *Прим. перев.*

из людей, ему подобных. Я сдержал себя, узнав от монахов, что Бобадилья доподлинно послан их высочествами.

Я написал им, что он прибыл во-время, так как в ту пору я готовился к выезду ко двору и назначил к продаже все, чем я владел, и написал монахам, что не следует спешить со льготами и что все дела, относящиеся к управлению, я передам ему [Бобадилье], ибо они чисты и ясны, как ладонь. Ни он, ни монахи не ответили мне; он сеял вражду, заставляя всех, кто к нему приходил, присягать ему как правителю, причем, как мне говорили, присяга эта давалась сроком на двадцать лет¹⁷.

Как только я узнал о привилегиях, я решил исправить эту крупную ошибку, чтобы он [Бобадилья] остался при этом удовлетворенным; ведь льготы даны были без нужды и такая великая милость пожалована была без всяких на то оснований разному сброду. Подобная милость казалась бы чрезмерной даже, если бы она дана была людям, которые привезли сюда жен и детей.

И устно и в письмах я объявил, что он не вправе пользоваться своими указами, потому что мои [инструкции] имеют большую силу, и предъявил полномочие, которое привез мне Хуан Агуадо. Все это я сделал, чтобы выиграть время, желая дать их высочествам возможность узнать о положении вещей в стране и дать мне необходимые указания, клонящиеся к их пользе.

Объявлять такие привилегии в Индиях нельзя. Люди, которые приобрели права поселения (*vezinidad*), добились своего, потому что им были даны лучшие земли и за ничтожную цену, между тем как эти земельные участки через четыре года, когда закончится срок, необходимый для приобретения прав поселенцев, будут стоить двести тысяч мараведи каждый, даже если земля эта не будет тронута заступом. Я не стал бы говорить подобное, если бы речь шла о поселенцах семейных, но среди них не найдется и полдюжины таких, которые не стремились бы нахватать как можно больше и поскорей убраться домой. Было бы хорошо, если бы сюда из Кастилии прибывали поселенцы, о которых известно, кто они, и страна заселялась бы людьми достойными.

Я договорился с этими поселенцами, что они будут уплачивать треть добытого золота и десятину, причем таково было их собственное желание, и решение это они приняли как великую милость их высочеств. Я упрекал их, когда проведал, что они отступились от обещанного, и полагал, что то же сделает и командор, но случилось как раз наоборот: он восстановил их против меня, утверждая, что я домогался отнять у них то, что давали их высочества, и прилагал усилия, дабы побудить поселенцев к враждебным действиям против меня. Он добился своего, так как они написали их высочествам, чтобы меня не на-

значали снова на прежний пост, о чем я прошу и сам как ради себя, так и для всех, кто со мной связан, поскольку там нет никого иного.

И он [Бобадилья] распорядился начать расследование моих неправильных действий, а представил он их в таком виде, что даже ад не знает подобного. Но на небе есть господь бог, который спас Данила и трех отроков с такой мудростью и мощью и так, как было ему угодно, ради вящей его славы.

Я сумел бы уладить все, о чем шла здесь речь, да и многое другое, что произошло за то время, пока я находился в Индиях, если бы я дал себе волю заботиться о собственном благе и если бы я считал это достойным. Но именно потому, что я стоял на страже справедливости и способствовал приращению владений ее высочества, как раз сейчас, когда найдено столько золота, я потерпел крушение.

Разные мнения высказываются о возможности получения больших доходов: либо извлекать их грабежом, либо разработкой рудников.

За женщину здесь платят сто кастельяно, словно за возделанное поле, таков тут обычай, многие купцы рыщут тут в поисках девушек. В цене сейчас девяти- и десятилетние. Впрочем немало можно заработать на женщине любого возраста.

Я утверждаю, что яростные поношения разнуданных людей причинили мне больше вреда, чем моя служба — пользы, а это дурной пример на нынешние и грядущие времена.

Клятвенно заверяю, что в Индии явилось много людей, которые не заслуживают в глазах бога и всего мира воды святого крещения, ныне они прибывают сюда, и он [Бобадилья] это допускает. Я утверждаю, что когда я заявил командору [Бобадилье], что он не имеет права давать льготы, я сделал то, что он желал (*hise yo lo qu'él deseava*), хотя я ему говорил, что поступал так, чтобы оттянуть время, желая, чтобы их высочества узнали, что происходит в стране, и отдали бы новые распоряжения относительно всего, что надлежало бы сделать для их пользы.

Он [Бобадилья] возбудил всеобщую вражду ко мне, и по всему его поведению было видно, что он уже прибыл сюда, достаточно возбужденный против меня, потому, может быть, что он, как говорят, затратил немало средств, чтобы добиться этой должности. Впрочем, об этом я сужу только по слухам.

Я никогда еще не слышал, чтобы лицо, ведущее расследование, сговаривалось с мятежниками и привлекало их, а также и других особ, недостойных доверия и вероломных, в качестве свидетелей против того, кто управляет ими.

Если их высочества отдадут приказ учинить здесь всеобщее расследование, уверяю вас, что они сочтут величайшим чудом, что остров этот [Эспаньола] не был поглощен морем.

Ваша милость, я думаю, вспомнит, что когда буря, лишив мой корабль парусов, забросила меня в Лиссабон, я был облыжно обвинен в том, что я явился к португальскому королю, дабы передать ему Индии. Впоследствии их высочества узнали, что совсем иными были мои намерения и что наветы на меня были вызваны злобой.

Пусть у меня и мало знаний но я все же не представляю себе, кто может счесть меня настолько глупым, чтобы предположить, будто я, даже если бы считал Индии своими владениями, мог надеяться удержат их без помощи государя. А если это так, от кого же я мог бы ожидать помощи и уверенности в том, что не изгонят меня из Индий, как не от короля и королевы, наших владык, ни за что оказавших мне столь великие почести, а ведь это величайшие государи как на суше, так и на море! Они же оценили мою службу и охраняли мои привилегии и пожалования, а если кто и нарушил их, то их высочества возместят мне ущерб с лихвой, как это было в деле Хуана Агуадо¹⁸, и повелят оказать мне великие почести. И, как я уже говорил, они оценили мою службу, и дети мои стали их слугами, этого же не могло быть ни у какого другого государя, ибо там, где нет любви, и ничего другого нет.

Все это я ныне говорю против злословия, а также противно моему желанию: дело же мое таково, что даже во сне я не хотел бы вспоминать о нем. Поступки и поведение Бобадильи обличают его хитроумные намерения, но я выведу его на свежую воду и легко докажу, что они вызваны его невежеством, великой трусостью и необузданной жадностью.

Я уже говорил, что писал ему и монахам; затем я отправился [в Санто Доминго] совершенно один, потому что все люди оставались с аделантадо, да и кроме того, я не желал вызывать у Бобадильи подозрений¹⁹. Но как только Бобадилья узнал это, он схватил дона Диго и в кандалах отправил его на каравелу, а когда я прибыл, он так же точно поступил и со мной, а потом и с аделантадо, когда тот явился [в Санто Доминго]. Я больше не говорил с Бобадильей, а он не допустил, чтобы кто бы то ни было перемолвился со мной. Клянусь, что не могу понять, по какой причине я был им арестован.

Первой заботой Бобадильи было захватить золото, и взял он его без веса и меры; в мое отсутствие он утверждал, что намерен расплатиться с людьми (я же слышал, что он забрал себе большую часть), и назначил новых лиц для наблюдения за обменными сделками.

У меня имелись отобранные и особо хранившиеся образцы золота в крупных зернах, величиной с утиное и куриное яйцо, и в кусках иной формы. Золото это было собрано некоторыми лицами за короткое время с тем, чтобы порадовать их высочества. Желал я также, чтобы они представили себе, какие выгоды сулят большие камни, содержащие много золота. За-

хват образцов золота был первым черным делом Бобадильи, а поступил он так, желая, чтобы их высочества ни во что не ставили мое предприятие, пока он сам не набьет себе карманы, в чем он проявил большую прыть. Золото, предназначенное для плавки, стало после этого менее полновесным, а цепей, которые весили около двадцати марок, никто уже больше не увидел. Я был удручен этой операцией с золотом гораздо более, чем историей с жемчугом, которого я не привез их высочествам. Командор [Бобадилья] сделал без малейшего промедления все, что, по его мнению, могло принести мне ущерб. Я говорил уже, что шестисот тысяч мараведи достаточно было для того, чтобы расплатиться со всеми, никого не разоряя, и что имелось десятины на целых четыре куэнто и альгвасильские сборы, так что не было необходимости трогать золото.

Бобадилья сделал несколько смехотворных пожалований, хотя, я думаю, он наградил в первую очередь себя. Все это узнают их высочества, когда прикажут ему отдать отчет, особенно, если при этом присутствовать буду я. Он же говорит то и дело, что я задолжал большую сумму, но это подтверждаю и я, хотя долг не так велик, как считает Бобадилья.

Особенно удручен я был тем, что ко мне для ведения расследования направлено было лицо, отлично разбиравшееся в том, что если выводы этого расследования окажутся для меня невыгодными, то правителем останется он.

Если бы угодно было богу, чтобы их высочества отправили Бобадилью или кого-нибудь другого двумя годами ранее, то я убежден, что был бы сейчас избавлен от поношения и бесчестия. Моя честь оказалась бы непопранной и не было бы утрачено многое. Бог справедлив, и по его милости станет известно, кем и ради чего именно все это творится.

В Кастилии меня судят так, как если бы я был правителем Сицилии или города, или поселения с установившимся способом правления (*puesto en regimiento*), где полностью могут соблюдаться законы, без боязни потерять все; мне же причинили глубокую обиду. Меня должно судить как военачальника, прибывшего из Испании в Индии для покорения воинственных и многочисленных народов, с обычаями и верованиями, весьма отличными от наших народов, живущих в лесах и горах, без постоянных мест поселения. Здесь я, по воле божьей, передал во владение короля и королевы, наших владык, другой мир, в силу чего Испания, которая вчера еще слыла бедной, ныне стала самой богатой [страной на свете].

Меня должно судить как военачальника, который с давнего времени и донныне носит оружие, не снимая его ни на один час, и судить меня должны рыцари шпаги и люди действия, а не буквоеды, если только это не греки и не римляне, или в наше время подобные им мужи из числа столь многочисленных и столь благородных мужей Испании. Всякий иной суд

причинит мне великую обиду, ибо в Индиях нет ни городов, ни поселений.

Ныне открыты ворота золоту и жемчугу, и можно с уверенностью ожидать притока драгоценных камней и пряностей и тысячи других вещей. И не постигни меня это великое несчастье, я мог бы совершить именем бога большое путешествие, мог бы завязать сношения со всей Счастливой Аравией, вплоть до Мекки, как я о том писал их высочествам с Антонио де Торресом, отвечая на [запрос] о разделении моря и земли с Португалией, после чего я мог бы дойти до Каликута, как я о том говорил в монастыре Мехорада.

Что касается золота, которое я должен был дать их высочествам, то весть о нем пришла ко мне в день рождества, когда я был весьма угнетен борьбой с дурными христианами и с индейцами и готов был все бросить, дабы спасти свою жизнь. Тогда чудесным образом утешил меня господь и сказал мне: «Мужайся! Не падай духом, не бойся; я предвидел все, семь лет срока, положенного для обретения золота, еще не прошли, и в этом и во всем ты будешь вознагражден». В этот день я узнал, что открыто 80 лиг земли и повсюду в ней имеются залежи; ныне же выяснилось, что вся та земля — сплошной рудник: некоторые за один день собрали золота на 70 кастельяно, другие на 120, дошло до того, что собирали в день на 250 кастельяно. Сбор на сумму в 50—60 кастельяно (а у некоторых от 15 до 50 кастельяно) считается хорошей дневной добычей, и многие продолжают столько же собирать; в среднем его добывают на сумму от 6 до 12 кастельяно, а те, кто собирает меньше, недовольны. Все уверены, что явись сюда даже вся Кастилия, каждый, будь то даже самый неопытный человек, сможет собирать здесь ежедневно золота не менее, чем на 1 или 2 кастельяно. И сейчас положение остается таким же. Правда, каждый из них имеет при себе индейца, однакож все предприятие держится на христианах.

Теперь убедитесь, сколь разумен был Бобадилья, раздав все даром, в том числе десятину на сумму в одно куэнто; при этом никто не требовал у него этих раздач, он же не поставил об этом в известность даже их высочества. Но не только в этом ущерб, им причиненный.

Я знаю, что ошибки совершены были мной не по злому умыслу, и надеюсь, что их высочества поверят тому, что я говорю. Я вижу и знаю, что они отнесутся милосердно к тому, кто проiscaми [врагов] был устранен от служения королям. Я полагаю, и в том совершенно уверен, что их высочества отнесутся ко мне лучше и проявят больше снисходительности, зная, что ошибки я совершил по неведению или по принуждению, а так они и поступят, когда узнают обо всем впоследствии. Ведь я их смиренный слуга, они сами оценят мои труды и выгоды, которые принес им каждый день моей службы. Все они

взвешают, как тому нас учит священное писание, где говорится, что в день страшного суда будет сопоставлено и благо и зло.

Если они все же прикажут другим судить меня, чего я не ожидаю, и распорядятся произвести расследование в Индиях, умоляю их смиреннейшим образом направить туда за мой счет двух достойных доверия и уважаемых особ, и они, я уверен, с легкостью установят, что ныне собирается на Эспаньоле пять марок золота за 4 часа. Как бы то ни было, необходимо, чтобы истина была установлена.

Прибыв в Санто Доминго, командор поселился в моем доме и присвоил себе все, что там нашел. Что ж, в добрый час! Быть может, у него была нужда в этом. Пират никогда так не поступил бы с купцом. Особенно жаль мне моих бумаг: из них не удалось мне обратно получить ни одной, а те бумаги, которые мне нужнее всего для оправдания, он припрятал подальше.

Вот какой справедливый и достойный следователь! Все, что он ни делал, было, как все мне говорят, нарушением закона и проявлением деспотизма. Владыка наш всесильный и всезнающий всегда карает зло, особенно же неблагодарность и бесчинства.

[Перевод выполнен по тексту, напечатанному в сборнике *Haluut Society*, v. 70, *Select documents illustrating the four voyages of C. Columbus*, London, 1933, и сверен с текстом этого документа, приведенного в *Raccolta*, parte I, v. II, p. 64—74.]

КОММЕНТАРИИ
К ПИСЬМУ ХРИСТОФОРА КОЛУМБА
КОРМИЛИЦЕ ДОНА ХУАНА КАСТИЛЬСКОГО

1. Письмо кормилице наследного принца, донье Хуане де ла Торрес (сестре Антонио де Торреса, через которого Колумб передал в 1494 г. свой мемориал Фердинанду и Изабелле), было написано адмиралом в конце 1500 г., сразу же после того как он прибыл в Кастилию закованным в кандалы.

Так же как и послание неизвестным сеньорам, которое включено в настоящий сборник, это письмо было написано Колумбом в то время, когда он еще не оправился от удара, нанесенного ему Бобадильей, и находился в состоянии крайнего раздражения и тревоги. Сбивчиво и неясно Колумб излагает историю своих злоключений.

Горькие жалобы на свою судьбу сменяются язвительными и гневными нападка на Бобадилью. Отчетливо представляя себе, что Бобадилья был лишь исполнителем воли королевской четы, Колумб жалуется на Фердинанда и Изабеллу, но при этом он не обвиняет их прямо в неблагодарности и, все еще надеясь на благосклонность «их высочеств», взывает к их мягкосердечию, расточая им льстивые и неуклюжие комплименты. Письмо это производит крайне тяжелое впечатление. В каждой его строке чувствуется, что написано оно человеком надломленным, опустошенным, потерявшим точку опоры.

Места, где речь идет об открытии нового неба и нового света и другого мира, ни в коем случае нельзя трактовать в прямом смысле. Упомянув о новом и другом мире, им открытом, Колумб имеет в виду не неведомый доньше материк Америки, а Азию,— земли «Катая» и «Индий». Весьма любопытны указания Колумба на некогда разработанные им проекты установления связей с Счастливой Аравией и путешествия в Каликут. Скорее всего Колумб имел в виду не переход из Кастилии в Индию морем, вокруг Африки — этот путь был закрыт для испанских кораблей, а иной маршрут: новую сухопутную трассу Александрия — Мекка — Персидский залив — Каликут. Этот путь, тогда еще не известный европейцам, которые проникали в Индию через Сирию и Персию, имел в глазах Колумба неопределимые преимущества перед старой дорогой в Индию, так как проходил он через земли, в то время еще не завоеванные турками (Египет был завоеван ими в 1514 г., а в Аравию они проникли еще

позже). У Бернальдеса в «Истории католических королей» аравийский маршрут упоминается как раз в связи с планом новых путешествий Колумба.

«Аравийский проект» Колумб предложил в 1494 г., в период, когда шли кастильско-португальские переговоры о разделе мира, за четыре года до того, как Васко да Гама прошел из Португалии в Каликут, обогнув Африку.

Оригинал этого письма неизвестен. Имеются четыре копии, восходящие к началу XVI столетия.

Письмо это написано чрезвычайно неясно и сумбурно, местами с трудом поддается переводу.

2. Хуана де ла Торрес (умерла в 1503 г.) — кормилица наследного принца Хуана (1478—1497), была знатной придворной дамой и пользовалась расположением королевы Изабеллы. Вероятно, Колумб связан был с ней через ее брата Антонио де Торреса. Адресуя письмо Хуане де ла Торрес, Колумб надеялся, что жалобы его на Бобадилью будут доведены до Изабеллы лицом, настроенным к нему благожелательно.

3. Апокалипсис, гл. XXI, ст. 1.

4. Библия, книга Исаии, гл. XV, ст. 17; гл. XV, ст. 22.

5. См. комментарий к письму неизвестным сеньорам.

6. Известно, о каком соглашении с ловцами жемчуга идет здесь речь.

7. См. комментарий к охранному письму Ролдану.

8. Охеда прибыл на Эспаньолу в феврале 1500 г. и, высадившись на берегах Харагуа, области, которая была очагом ролдановской смуты, сделал попытку завербовать к себе бывших сторонников Ролдана. Изабелла (умерла в 1504 г.) не была в то время больна. Слух о ее болезни и близкой кончине был ложным.

9. Упомянув о бродягах, Колумб имеет в виду преступников, высланных на Эспаньолу для ее заселения в 1497 г., и всевозможное человеческое отребье, которое осело на острове в течение первых лет его колонизации. Лас Касас в «Истории Индии» в весьма резких тонах отзываясь о ленивом и распущенном сброде, жадных и жестоких искателей наживы, хлынувших из Кастилии в Индию.

10. Висенте Яньес Пинсон (см. о нем в материалах первого путешествия) по договору с короной снарядил в 1499 г. четыре корабля и в декабре этого же года вышел из Палоса к берегам открытых Колумбом в третьем путешествии земель.

Открыв берег Бразилии близ устья Амазонки, Пинсон направился на северо-восток, посетил Парию, где он собрал большое количество жемчуга, и 23 июня 1500 г. прибыл на Эспаньолу, откуда отправился в Кастилию. Колумб считал, что Пинсон нарушил его права, совершая плавание в Парию.

11. Вероятно, речь идет о каравелах Пералонсо Ниньо и Кристо́вала Герры, лицах, заключавших с короной в 1499 г. договор на «совершенные открытия». Ниньо и Герра прошли тем же путем, что и Висенте Яньес Пинсон, но проникли дальше его на запад, следуя вдоль берега Венесуэлы.

12. Имеется в виду Франсиско Ролдан.

13. Адриан — Адриан де Мохика, или Мухика — один из наиболее активных приспешников Ролдана. Мохика был душой заговора, разработанного им совместно с Фернандо де Гевара. После того как одним из участников заговор этот был раскрыт, Колумб арестовал Мохику и приказал его повесить. Когда Мохика, пытаясь избежать казни, отказался от предсмертной исповеди, Колумб велел сбросить его со стен крепости Консепсьон.

14. Фернандо де Гевара — сторонник Ролдана. У Гевары произошел с Ролданом конфликт на романтической почве, и эта ссора привела к той «тяжкой смуте», о которой упоминает Колумб.

15. Десятина — десятая доля доходов, получаемых в «Индиях» Колумбом (см. договор-капитуляцию от 17.IV. 1492 г.). Третья доля золота — часть добычи золота, поступавшая короне.

16. Франсиско Бобадилья, командир ордена Алькантары, 21 мая 1499 г. назначен был «судьей-правителем» (juez-gobernador) на Эспаньоле и прибыл туда 23 августа 1500 г. Бобадилья, исполнитель воли королей Испании, явился на Эспаньолу с тем, чтобы реорганизовать систему управления островом. Он привез указы о различных льготах поселенцам и, в частности, королевскую грамоту о раздаче земельных наделов.

Всю деятельность Бобадильи на Эспаньоле следует рассматривать в тесной связи с политикой короны, которая стремилась отстранить Колумба от управления Эспаньолой и прибрать к своим рукам новооткрытые земли.

Однако, посылая в «Индии» Бобадилью, корона сделала не вполне удачный выбор. Новый наместник, лишенный дипломатического такта, чересчур грубо расправился с адмиралом и не смог найти общий язык с влиятельными поселенцами на острове, которые не оказали ему должной поддержки.

Два года спустя Бобадилья был отозван, и на его место назначен был Николас Овандо. На обратном пути в Кастилию Бобадилья утонул во время урагана, погубившего всю флотилию, которая шла из Санто Доминго в Кадис.

17. Лас Касас приводит иную версию предварительных переговоров Колумба с Бобадильей. Бобадилья не отправлял письма Колумбу, но сразу же после своего прибытия известил об этом адмирала. Почти одновременно подробное письмо о первых шагах, предпринятых Бобадильей в Санто Доминго, Колумб получил от своего брата Диего, а вслед за этим монахи-францисканцы передали адмиралу письмо от королей, привезенное Бобадильей.

18. Бернальдес в «Истории католических королей» отмечает, что Колумба подозревали в том, что он присваивает себе золото, добываемое на Эспаньоле. Когда же он задержал отправку золота в Кастилию, королям послан был донос, в котором, кроме обвинений в утайке золота, сообщалось еще, что адмирал намерен завладеть Эспаньолой. Ходили слухи, что Колумб собирается передать остров генуэзцам.

19. О Хуане Агуадо см. комментарий 12 к «Мемориалу».

20. Лас Касас пишет, что Колумба подозревали в том, что он намерен вооружить против Бобадилья индейцев.

21. Бобадилья разрешил свободную добычу золота, при условии взноса одиннадцатой доли добытого металла в казну.

22. Фердинанд и Изабелла, когда до них дошла весть о прибытии Колумба в Кадис, немедленно велели освободить его и вручить адмиралу 2000 дукатов. 17 декабря 1500 г. Колумб прибыл ко двору, в Гранаду, где милостиво был принят королевской четой. Изабелла заявила Колумбу, что Бобадилья, арестовывая его, действовал на свой риск и страх. Поступая так, король и королева проявили безмерное фарисейство. Характеристика Бобадильи, даваемая Колумбом, пристрастна. Бобадилья был недалеким и ревностным чиновником. Но от многих должностных лиц короны он отличался личной честностью и относительно мягким нравом. Лас Касас отзываясь о нем благожелательно, хотя и не одобряет поведения Бобадильи по отношению к Колумбу.

ИНСТРУКЦИЯ
КОРОЛЯ И КОРОЛЕВЫ
ХРИСТОФОРУ КОЛУМБУ
[ОРГАНИЗАЦИЯ
ЧЕТВЕРТОГО ПУТЕШЕСТВИЯ]

Король и королева [Вам] дону Христофору Колумбу, нашему адмиралу островов и материка, которые лежат в море-океане в стороне Индий, сообщаем: то, что вы должны совершить, во имя божие, в путешествии, в которое вы отправляетесь по нашему велению, состоит в нижеследующем:

Прежде всего, вы должны возможно скорее подготовить корабли к плаванию, так как все, что необходимо было заготовить для вашей отправки, уже заготовлено, и получили жалованье люди, которые с вами выйдут в путь, а время ныне самое благоприятное для плавания, и столь длительное путешествие, в которое вы должны выйти, необходимо начать прежде, чем придет зима.

Вы должны следовать в вашем плавании прямым путем, если только вам не помешают противные ветры, с тем, чтобы открыть острова и материк, что лежат в Индиях, в той части, которая входит в наши владения. И если угодно будет богу, чтобы вы совершили открытие или обрели указанные острова, то вам надлежит стать близ них на якорь и вступить на берега этих островов и материка, по возможности обеспечив безопасность пребывания там для вас и для людей, которых вы с собой берете.

И вы должны для нас и от нашего имени принять во владение эти острова и материк, которые вы откроете, и сообщить нам, как велики указанные острова, и составить памятную записку о них и о людях, их населяющих, и о том, каковы они, с тем, чтобы обо всем мы могли иметь полный отчет.

На островах и материке, которые будут вами открыты, вы должны узнать все о золоте, серебре, жемчуге, драгоценных камнях и пряностях и других ценностях, которые там имеются, и установить, в каком количестве они есть и каково их происхождение. И обо всем вы должны составить отчет, скрепленный подписью нашего нотариуса и должностного лица, которому мы повелеваем идти с вами в путь с той целью, чтобы мы могли проведать про все, что имеется на этих островах и материке.

Вы должны от нашего имени приказать, чтобы никто не смел выменивать на какие бы то ни было травы или иные вещи золото, серебро, жемчуг, пряности и пр[очие] ценности, какого бы рода они ни были, за исключением тех предметов, которые вы лично укажете и наметите в присутствии нашего нотариуса и должностного лица, которому надлежит записывать имена всех, кто участвует в торге, и обзывать их четко и добросовестно предъявлять вам и указанному нотариусу все, что они приобретают, и так, чтобы ничто не было при этом скрыто. И пусть будет всем ведомо, что за каждую припрятанную вещь постигнет виновных наказание и они будут лишены всего своего достояния и наших милостей.

Все, что будет добыто и приобретено на этих островах и материке — будь то золото, серебро, жемчуг, драгоценные камни и пряности или иные ценности,— надлежит сдавать Франсиско де Поррас в вашем присутствии и в присутствии нашего нотариуса и должностного лица, которого мы посылаем и который должен завести книгу для записи всего сдаваемого. И в книге этой будете расписываться вы и наш нотариус и особа, которая принимает ценности, с тем, чтобы ведение этой книги и составление отчета лежало на обязанности вышеупомянутого Франсиско де Поррас и чтобы знали мы, сколько всего сдается ему.

Из числа людей, которых вы берете с собой, вы должны оставить на островах, которые будут вами открыты, тех, кого вы сочтете нужным выделить для этой цели. И вам надлежит позаботиться о том, чтобы они были наилучшим образом обеспечены всем необходимым и чтобы они оставались в безопасности.

Все капитаны, маэстре, моряки, пилоты, воины, которые находятся на кораблях, идущих с вами в путь, обязаны подчиняться вашим распоряжениям и выполнять их так, как будто даны были эти распоряжения нами. Вы же должны относиться к этим людям, как к особам, состоящим на нашей службе, и со дня прибытия вам надлежит разрешать все дела, гражданские и уголовные, касающиеся указанных людей. Им же повелеваем мы подчиняться вам сообразно тому, как о том было сказано. Кроме того, если бог того пожелает и доведется вам возвратиться, вы обязаны прибыть совместно с упомянутым нашим нотариусом и должностным лицом и вы должны представить

нам самый полный и подробный отчет обо всем, что вы откроете, и о народах, населяющих острова и материк, которые вы обнаружите. И вы не должны привозить рабов; но если кто-либо добровольно пожелает отправиться в Кастилию в качестве толмача, с тем, чтобы затем вернуться, вы можете взять его с собой.

Точно так же, принимая во внимание, что ничто не должно быть сокрыто людьми, которые находятся на кораблях, необходимо, чтобы перед отплытием вы обязали каждого показать все то, что он принес на корабль. И надлежит нашему нотариусу и должностному лицу составить опись имущества, которую следует скрепить подписями вам и ему: благодаря этому, когда вы, если бог того пожелает, высадитесь [в Кастилии], можно будет установить, имеется ли у людей на кораблях больше имущества, чем ими было ранее указано. А все, что [тайным] образом они привезут, будет у них отнято и поступит в нашу казну, и сверх того их постигнет кара, о которой упоминалось выше.

Все, о чем говорится здесь, приказываем вам выполнять и совершать, согласно этой инструкции, не отступая от нее ни в чем. А если понадобится ради пополнения нашей казны совершить что-нибудь сверх того, о чем выше шла речь, необходимо выполнить это так, чтобы наилучше соблюдалась наша выгода, ибо на подобное мы даем вам полномочия нашей инструкцией.

И повелеваем мы упомянутым капитанам, маэстре, морякам, пилотам и воинам выполнять все, что вы от нашего имени прикажете им, сообразно с этой нашей инструкцией, под страхом наказаний, которые вы определите и назначите им от нашего имени. И даем мы вам полномочие применять это право как к ним лично, так и к их имуществу.

Дана в Валенсии де ла Торре, 14 марта 1502 года.

Я, король;

Я, королева.

По приказу короля и королевы

— Мигель Перес де Гусман.

[Перевод выполнен по тексту документа, напечатанного в *Collección de los documentos inéditos... de Indias.*]

ПИСЬМО КОЛУМБА КОРОЛЮ И КОРОЛЕВЕ С ОСТРОВА ЯМАЙКА *

ветлейшие, высочайшие и всемогущие государи, король и королева, наши сеньоры. Из Кадиса я дошел до Канарии за четыре дня, а оттуда в Индии за 16 дней². Из Индий я отписал, что намерен ускорить плавание, пока мои корабли в хорошем состоянии и имеются люди и снаряжение, и что мой путь лежит к острову Ямайке.

Писал же я это на острове Доминике³. До того, как я прибыл на Доминику, погода не оставляла желать ничего лучшего. Но в ночь, когда я прибыл туда, разразилась буря и притом большой силы, и с той поры непогода преследует меня постоянно.

Прибыв на Эспаньолу, я отправил письма и просил, чтобы оказали мне милость и за мой счет дали мне новый корабль, ибо один из моих кораблей стал непригодным для плавания и не мог нести паруса.

Письма эти были отправлены, и ваши высочества узнают обо всем, если упомянутые послания передадут в ваши руки.

Мне было приказано, от имени местных властей, не приближаться к берегу и не высаживаться на землю⁴. Люди, которые были со мной, пали духом, ибо они опасались, что я увлеку их дальше. Они говорили, что если их постигнет опасность, никто

* Копия письма, которое написал дон Христофор Колумб, вице-король и адмирал Индий, христианнейшим и всемогущим королю и королеве Испании, нашим повелителям, и в котором он уведомляет их о том, что произошло во время его путешествия, и рассказывает о землях, областях, городах, реках и других диковинках и о том, где имеются залежи золота в большом количестве, и о других сокровищах и ценностях¹.

не сможет оказать им помощь; более того — с ними дурно поступят⁵. Каждый из них утверждал, что командор⁶ [Овандо] желает удержать земли, которые мною будут открыты.

Буря была ужасная, и в ту ночь она разметала все мои корабли⁷. Люди дошли до крайности, потеряв всякую надежду на спасение, и ждали гибели. На каждом из кораблей думали, что все другие корабли погибли. Разве на моем месте любой смертный, будь он даже Иовом, не впал бы в отчаяние, видя, что в час, когда дело шло о моем спасении и о спасении моего сына, брата, друзей, запрещено мне было приближаться к земле, к гаваням, которые я промыслом божием приобрел для Испании в кровавом поту!?

Итак, скажу о кораблях, которые буря увела от меня, оставив меня в одиночестве. Господу угодно было возратить их мне.

Упомянутый выше «небезупречный» корабль⁸ отнесен был в море, и это оказалось для него спасением от гибели. У самого острова «Гальега» потеряла лодку, а все корабли — большую часть имевшихся на них запасов. Судно, на котором я находился, хотя его и швыряло во все стороны, господь спас, и оно не потерпело никакого ущерба. На негодном для плавания корабле находился мой брат, и после бога ему принадлежала честь спасения судна.

В эту бурю я с большим трудом добрался до Ямайки. Тут буря стихла, море успокоилось, и сильное течение увлекло меня к Саду королевы, причем земля не попадалась по пути. Оттуда, при первой же возможности, я направился к материку, где встретились противные ветры и сильные течения. Я боролся с ними 60 дней и все же прошел не более 70 лиг.

За все эти дни я ни разу не входил в гавани и не мог в них вступить, и буря не прекращалась, дождь, гром и молния продолжались непрерывно, так что казалось, будто наступило светопреставление.

Я достиг мыса Грасьяс а Дьос [Благодарение богу], и тут господь мне послал благоприятные ветры и течения. Было это 12 сентября.

В течение 88 дней не прекращалась ужасная буря — такой силы, что от взора были скрыты и солнце и звезды.

Корабли дали течь, паруса изодрались, такелаж и якоря были растеряны, погибли лодки, канаты и много снаряжения. Люди поражены были недугами и удручены, многие обратились к религии, и не оставалось никого, кто не дал бы какого-либо обета или не обязался совершить паломничество. Часто люди исповедывались друг другу в грехах. Им нередко приходилось видеть бури, но не столь затяжные и жестокие. Многие из тех, кто казался сильным духом, впали в уныние, и так было в продолжение всего этого времени.

Болезнь сына, который находился со мной, терзала мою душу, и тем горше было мне сознавать, что в цезнем

тринадцатилетнем возрасте ему пришлось претерпеть в течение столь долгого времени большие невзгоды. Но бог дал ему такую силу, что он воодушевлял всех прочих и вел себя так, как будто провел в плаваниях 80 лет. Он утешал и меня, а я тяжело захворал и не раз был близок к смерти. Из небольшой надстройки, которую я приказал соорудить на палубе, я направлял ход корабля.

Брат мой находился на корабле, которому угрожала большая опасность. Велика была моя скорбь, и испытывал я ее с особенной остротой, ибо взял я его с собой против его воли.

Такова уж моя доля — мало пользы принесли мне двадцать лет службы, проведенных в трудах и опасностях, ибо ныне я не имею в Кастилии кровя над головой, и пищу мне негде обрести, разве только в корчме или в таверне, и зачастую не имею я ни гроша, чтобы заплатить по счету.

Другое горе разрывало мое сердце — это забота о сыне моем доне Диего, которого я оставил в Испании сиротой, лишенного чести и достояния, отнятых у меня, хоть я и уверен, что справедливые и благодарные государи все возместят ему с лихвой⁹.

Я достиг земли Кариай¹⁰, где задержался, чтобы исправить повреждения на кораблях, пополнить запасы продовольствия и дать людям отдых, ибо истомлены они были болезнями.

Сам я, как уже говорил раньше, не раз был близок к смерти. Здесь я узнал о золотых рудниках области Сиамба¹¹, которую я разыскивал. Двое индейцев проводили меня в Карамбару¹², где люди были нагие и носили на шее золотые зеркала, не желая ни продавать, ни обменивать их. Мне называли много мест на побережье, где, как говорят, имеется золото и есть рудники. Последним из этих мест была Верагуа, лежащая приблизительно в 25 лигах от моей стоянки. Я отправился в путь, намереваясь тщательно исследовать все эти места, но не прошел и половины дороги, как узнал, что на расстоянии двух дневных переходов отсюда находятся золотые рудники. Я решил послать туда людей для ознакомления. В канун дня св. Симона и Иуды, когда они должны были отправиться в поход, поднялось такое волнение на море, что я вынужден был плыть по воле ветра. Индеец, который должен был указывать дорогу к рудникам, все время был со мной.

Во всех местах, которые я посещал, я убеждался в правильности того, что приходилось мне слышать. Это утверждало меня во мнении, что есть область Сигуаре, которая, судя по описаниям индейцев, лежит на западе, в девяти днях нашего пути. Они утверждают, что там золота без счета и люди в тех местах носят большие коралловые браслеты на руках и на ногах и покрывают мозаикой из кораллов столы, стулья и шкапулки. Они говорили также, что женщины в тех местах носят

коралловые ожерелья, которые свешиваются у них с головы на плечи. Относительно всего, что здесь сказано, люди в этих местах были единого мнения и наговорили мне столько, что меня могла бы удовлетворить десятая доля сего сказанного ими.

Всем им знаком перец. В Сигуаре в обычае ярмарки и рынки. Об этом говорили мне здешние люди и показывали, каким способом там ведется меновой торг. Они говорили также, что на кораблях в той стороне имеются ломбарды, стрелы и луки, мечи и кирасы, и что люди там ходят одетые и владеют красивыми домами, и что там есть лошади, и этими лошадьми они пользуются во время войны, и что многие из них носят богатые одеяния. Они передавали, что море омывает Сигуаре и что в десяти днях пути от нее протекает река Гауг. Как кажется, Сигуаре находится по отношению к Верагуа в таком же положении, как Тортоса к Фуэнтеррабыи или Пиза к Венеции¹³.

Когда я отправился из Корамбару и прибыл в те места, о которых идет речь, я обнаружил у здешних людей те же обычаи. Но золотые зеркала они отдавали за три погремушки, хотя по весу эти зеркала равны были 10—15 дукатам. Обычай у этих людей такие же, как у жителей Эспаньолы. Они собирают золото различными способами, хотя все эти способы ничто по сравнению с теми, что применяются христианами.

Все, что я говорю здесь я слышал своими ушами. Я знаю, что в 1494 г. проплыл на линии 24-го градуса на запад к пределу девяти часов и не мог совершить ошибку, потому что наблюдал затмения¹⁴. Солнце было в созвездии Весов, Луна в созвездии Овна. Все, что я слышал из уст людских, я узнал подробнее из книг. Птолемей полагал, что он правильно поступил, исправив Марию, а ныне утверждения последнего считают более близкими к истине. Птолемей помещает Катигару в 12 линиях от своего запада, который, по его мнению, расположен в 2 $\frac{1}{3}$ градуса от мыса Сан Висенте в Португалии. Мария же включил Землю и ее пределы в интервал 15 линий. Мария полагал, что Эфиопия простирается за линию экватора на 24 градуса, и ныне, когда португальцы стали плавать в тех местах, мнение его подтвердилось полностью. Птолемей говорит, что самая южная земля должна находиться на 15 $\frac{1}{3}$ градуса ниже. Мир мал. Из семи частей его — шесть заняты сушей, и только седьмая покрыта водой. Все это доказано теперь на опыте, и я об этом написал в других письмах со ссылками на священное писание и авторитеты святой церкви касательно местоположения рая земного*. И я говорю, что мир невелик, вопреки мнениям людей несведущих, и что

* См. письмо королю и королеве о результатах третьего путешествия.—
Прим. перев.

в одном градусе экваториальной линии содержится $56\frac{2}{3}$ мили. Это может быть очень легко доказано. Однако я оставляю это, ибо в мои намерения не входят рассуждения на подобные темы; я желаю лишь одного: дать отчет о моем тяжком и полном превратностей плавании, оказавшемся в то же время благороднейшим предприятием, сулящим огромные выгоды¹⁵.

Итак, в канун дня Симона и Иуды понесло меня по воле ветра, и я не в силах был противиться ему. В одной из гаваней я укрывался десять дней, спасаясь от ярости моря и неба. Там я решил не возвращаться к золотым рудникам, считая, что они в сущности уже найдены. Когда я двинулся дальше, шли дожди. Я прибыл в гавань Продовольствия (Puerto de los Bastimentos)¹⁶ и вошел туда не по своей воле — к тому вынудили меня буря и сильное течение, и они удерживали меня здесь 14 дней. Затем я отправился дальше, но погода попрежнему была плохая. Не успел я пройти и 15 лиг, как ветер и течение с яростью стали гнать меня назад. Возвращаясь в гавань, откуда я только недавно вышел, я открыл по пути бухту Ретрете¹⁷, в которую вступил, когда мне угрожала большая опасность и когда я был в сильной тревоге; и я и люди мои крайне устали, да и суда были изрядно потрепаны.

Здесь я пробыл 15 дней, к чему меня принудила жестокая непогода; когда мне показалось, что буре приходит конец, она разыгралась с новой силой. Тут я изменил своему первоначальному намерению — возвратиться к золотым рудникам — и принял решение ничего не предпринимать до тех пор, пока погода не станет благоприятной для дальнейшего плавания.

Когда я, вновь пустившись в море, отошел на 4 лиги от бухты, разразилась буря, и она так истомила меня, что я не знал уже, что предпринять. Моя рана снова открылась¹⁸. Девять дней я был словно потерянный, утратив надежду на то, что мне удастся выжить.

Никому еще не приходилось никогда видеть такое море — бурное, грозное, вздымающееся, покрытое пеной. Ветер не позволял ни итти вперед, ни пристать к какому-нибудь выступу суши. Здесь, в море цвета крови, кипевшем, словно вода в котле на большом огне, я задержался на некоторое время.

Никогда я еще не видел столь грозного неба. День и ночь пылало оно, как горы, и молнии извергали пламя с такой силой, что я не раз удивлялся, как могли при этом уцелеть мачты и паруса. Молнии сверкали так ярко и были так ужасны, что все думали — вот-вот корабли пойдут ко дну. И все это время небеса непрерывно источали воду, и казалось, что это не дождь, а истинный потоп. И так истомлены были люди, что грезили о смерти, желая избавиться от подобных мучений. Дважды теряли корабли лодки, якоря, канаты, и были они оголены, ибо лишились парусов.

С божьего соизволения я вернулся в бухту Гордо, где, как мог, исправил повреждения на кораблях¹⁹. Затем снова пошел в сторону земли Верагуа.

В этом плавании, хотя я и решился на все, до крайности досаждали мне противные ветры и течения. Я добрался уже было до тех самых мест, где побывал раньше, но тут снова мне помешали противные ветры и течения. Я вынужден был опять возвратиться в гавань, поскольку я не осмеливался больше дожидаться противостояния Сатурна и Марса — уж и так нас сильно потрепало у этого чреватого опасностями побережья. Противостояние же упомянутых планет, в большинстве случаев, влечет за собой бурю и непогоду.

В день рождества, в час обедни, я вновь возвратился в то место, откуда недавно выбрался с таким трудом. Когда же миновал новый год, я возобновил борьбу. И хотя к тому времени погода стала хорошей, корабли не в состоянии были продолжать плавание, много людей погибло, другие же лежали больные. В день крещения я прибыл в Верагуа совершенно бездыханный. Там господь послал мне реку и надежную гавань²⁰; впрочем, у входа в нее глубина была не более десяти пядей. Я вошел с большим трудом, но уж на следующий день снова началась буря. Если бы буря застала меня за бухтой, я не мог бы войти в нее из-за мели. Дождь шел без перерыва до февраля, так что не было возможности ни высадиться, ни пополнить запасы. И вот, когда я чувствовал себя уже в безопасности, 24 января внезапно вода бурно поднялась в реке. Разорваны были якорные канаты, разрушены места закрепления, и буря разметала корабли во все стороны: они никогда еще не находились в столь большой опасности.

Помог мне господь, как он это делал всегда. Не знаю я, сыщется ли на свете человек, который претерпел бы большие муки. 6 февраля в дождь я послал 70 человек вглубь страны, и в пяти лигах от берега они обнаружили много золота. Индейцы, которые шли с ними, провели их на высокий холм, и там, указывая на окружающую местность, сказали, что золото есть повсюду и что золотые рудники лежат на западе, на расстоянии двадцати дневных переходов, и перечислили названия всех городов и селений, и в какой стороне их много и в какой мало. Затем я узнал, что Кибан, который дал этих индейцев, распорядился показывать нам только далекие рудники, принадлежащие его противнику, меж тем как в его же собственном селении любой человек мог при желании собрать за десять дней такое количество золота, которое едва ли был в силах унести ребенок. Я везу с собой индейцев, его подчиненных, свидетелей всего этого. Наши лодки дошли до места, где находилось селение. Брат мой возвратился с индейцами и с людьми, которых я послал на берег, и все они принесли золото, а собрали они его за четыре часа пребывания в этом

селении. Количество было очень, очень большое, особенно если учесть, что никто из них [людей, посланных за золотом] не видел раньше не только золотых залежей, но и золота. Большинство были моряки, и все они служили на кораблях как груметы²¹.

У меня имелось много материалов для построек и немало припасов. Я основал здесь поселение и щедро одарил Кибiana — так назывался властитель этих мест. Впрочем, я сознавал, что согласие между индейцами и моими людьми будет недолгим. Индейцы — дикари, наши люди — дерзкие, а я заложил поселение во владениях Кибiana. Когда он увидел, что мы построили дома и ведем оживленную торговлю, он решил сжечь поселение и всех нас истребить. Однако дело обернулось совсем не так, как ему хотелось, — он сам попал в плен, а с ним вместе и его жены, сыновья и слуги. Кибiana, правда, недолго находился в заключении. Ему и его сыновьям удалось бежать, хотя он был поставлен под надзор человека, достойного доверия, а сыновья его поручены были особым заботам корабельного маэстре²². В январе устье реки стало непроходимым из-за ила, а в апреле мы обнаружили, что обшивка кораблей оказалась настолько источенной червями, что суда уже не могли держаться на воде. В это время в устье реки открылся проход, через который с большим трудом удалось провести в море три корабля без всякого груза. Затем по реке возвратились лодки, чтобы запастись солью и пресной водой. На море же поднялось волнение, и стало море бурным, не давая возможности лодкам выйти из реки. Индейцы во множестве сбежались к тому месту, где находились лодки, и, напав на наших людей, перебили их. Мой брат, а с ним и часть наших моряков, находился на корабле, который остался на реке.

Только я один оставался на опасном берегу, мучимый жестокой лихорадкой, в состоянии полного изнеможения, потеряв всякую надежду избежать гибели.

Я взобрался на самое высокое место на корабле и, обливаясь слезами, дрожащим от волнения голосом, обращаясь во все стороны света, воззвал о помощи к военачальникам ваших высочеств. Но никто мне не ответил.

Стеная, заснул я и услышал полный сострадания глас, говорящий: «О, глупец, не скорый в делах веры и в служении твоему господу, владыке всего сущего! Свершил ли господь больше для Моисея или для слуги своего Давида? С самого рождения твоего не оставлял он тебя своими заботами. Когда же ты вырос и возмужал, что доставило ему удовлетворение, он сделал так, что имя твое стало звучать чудесным образом на Земле. Индии — богатейшие части света — он отдал тебе во владение. Ты разделил их так, как тебе было угодно, и он дал тебе для этого полномочия,

Он дал тебе ключи от заставы Океана, скрепленной мощными цепями, и подчинил тебе столько земель, а среди христиан ты приобрел почет и славу. Разве он больше сделал для народа Израиля, когда вывел его из Египта, или для Давида, когда превратил его из пастуха в царя иудейского? Обратись к нему, и ты поймешь, в чем состоит твое заблуждение. Безгранично его милосердие, старость твоя не помешает тебе совершить великие дела.

Аврааму было сто лет, когда он зачал Исаака, но ведь и Сара не была юной девушкой. Ты в неверии взываешь о помощи. Отвечай же, кто причинил тебе столько горестей — бог или свет? Бог никогда не нарушает своих обетов и не отнимает даров своих. И не говорит он, после того как ему отслужена служба, что иными были его намерения и что по-иному он разумет их ныне. И не заставляет он терпеть муки, чтобы проявить свою мощь. Ни одно слово его не пропадет даром — а все им обещанное выполняется с лихвой. Таков его обычай. Вот что совершил твой создатель для тебя и что он делает для всех. Ныне он указывает тебе, каково воздаяние за труды и опасности, которые ты перенес на службе другим»²³.

Точно в забытьи, внимал я всему этому, но не мог найти слов, чтобы ответить на столь правдивую речь и только оплакивал свои прегрешения. И тот, кто так говорил со мной, закончил свою речь, взывая — «откинь страх, верь: все эти невзгоды записаны на мраморе и имеют свою причину».

Я встал, когда оказался на то способным, и на исходе девяти дней наступила хорошая погода, хоть и не такая, которая позволила бы вывести корабли из реки. Я собрал всех людей, которые были на суше, и всех остальных, кого только мог собрать, ибо было их недостаточно, чтобы, продолжая плавание, оставить часть их на месте. Сам я остался бы со своими людьми, чтобы удержать за собой основанное здесь поселение, если бы можно было дать об этом знать вашим высочествам. Но я не мог отважиться на это из боязни, что корабли могут сюда не прийти, а также и из тех соображений, что помощь, в которой мы будем нуждаться, понадобится решительно во всем. Я отправился в путь с именем святой троицы в пасхальную ночь на прогнивших, сплошь дырявых и изъеденных червями кораблях. В Белене я оставил один корабль и много снаряжения. Так же точно поступил я и в Бельпуэрто²⁴.

У меня осталось только два судна, да притом в таком же состоянии, что и те, которые были брошены, — без лодок, без снаряжения, а предстояло либо пройти морем семь тысяч миль²⁵, либо погибнуть в пути с сыном, братом и большим числом людей.

Пусть же теперь те, кто пятнали и поносили меня, задают мне вопросы, находясь в безопасности в Испании, — «а почему вы поступили именно так, а не иначе»? Хотел бы я, чтобы они

сопутствовали мне в этом плавании. Я твердо убежден, что им предстоит путешествие совсем иного рода — или вера наша бесполезна. 13 мая я прибыл в область Маго, граничащую с землями Катая²⁶, и оттуда направился к Эспаньоле. Два дня плыл я в хорошую погоду, но затем погода переменилась.

Я избирал путь в обход многочисленных островов, дабы избежать трудностей у прибрежных мелей. Плаванию препятствовало бурное море, и меня погнало назад без парусов. Я стал на якорь у одного из островов, где внезапно потерял три якоря, а в полночь, когда, казалось, весь мир распадается на части, лопнули якорные канаты на другом судне, и оно налетело на мой корабль — только каким-то чудом он не разбился в щепы. Единственный якорь, на котором удерживался корабль, явился, если не считать, разумеется, бога, причиной нашего спасения.

По прошествии шести дней, когда погода улучшилась, я снова пустился в путь, утратив все снасти на кораблях, изъеденных червями и похожих на пчелиные соты, и с людьми, утратившими мужество и павшими духом. Я прошел чуть дальше того места, куда доходил раньше, когда буря заставила меня повернуть назад, и на том же острове нашел довольно надежную гавань. Спустя восемь дней, я вновь пустился в путь, и в конце июня прибыл на Ямайку, причем ветры все время были противные, а суда находились в еще худшем состоянии. Тремя насосами, горшками и котелками нельзя было даже с помощью всех людей справиться с водой, которая просачивалась внутрь корабля, а устранить зло, причиняемое червями, не было никакой возможности.

Я взял курс; который позволил мне как можно ближе подойти к Эспаньоле (от нее мы были на расстоянии 28 лиг), но лучше бы мне было не начинать этот переход. Другой корабль, почти затонувший, отправился на поиски гавани. Я же упорно пытался держаться на море, невзирая на бурю. Корабль мой затонул, и бог чудесным образом доставил меня на сушу.

Кто поверит тому, что я здесь пишу? А между тем в этом письме я не рассказал и сотой доли случившегося, и люди, которые были с адмиралом, это могут засвидетельствовать. Если вашим высочествам угодно будет оказать мне милость и прислать на помощь корабль водоизмещением около 64 тонна с двумястами кинталами²⁷ сухарей и некоторыми другими припасами, этой помощи было бы достаточно, чтобы доставить меня и моих людей в Испанию. От Эспаньолы до Ямайки, как я уже говорил о том, не более 28 лиг, но на Эспаньолу я не отправился бы, даже если состояние кораблей позволило бы совершить этот переход; я ведь уже говорил, что мне было приказано от имени ваших высочеств не подходить к Эспаньоле²⁸. Бог знает, какую пользу принес этот приказ. Это письмо я отправляю через индейцев; великим чудом будет, если оно дойдет по назначению²⁹. Касаясь моего путешествия, скажу,

что со мной вышли 150 человек, и среди них было много способных пилотов и славных моряков. Ни один из них не может отдать себе отчет, куда я направлялся и в какие места пришел. А причина тому простая: я отправился из пункта, находящегося выше гавани Бразиль, что на острове Эспаньоле. Буря не дала мне возможности следовать тем путем, каким я желал идти, и я вынужден был плыть по воле ветра. Как раз в это время меня одолел недуг. Никто еще не плывал в этих местах: когда же море успокоилось и спустя несколько дней буря сменилась затишьем, течения были очень сильные. Я пристал к берегу острова, который назвал островом Колодцев, а оттуда совершил переход к материку. Никто не мог бы составить себе отчетливое представление об этом пути, потому что я шел много дней, повинаясь течению и не видя земли. Затем я следовал вдоль берега материка, — тут я прибегал к помощи компаса и своих знаний мореходного дела. Не было на кораблях никого, кто мог бы сказать, под какой частью неба мы находились; и когда я от материка направился к Эспаньоле, пилоты думали, что мы у берегов острова Сан Хуан, а между тем это была земля Манго, расположенная в 400 лигах дальше к западу, чем они полагали³⁰. Пусть скажут, известно ли им, где находится Верагуа. Вот я и говорю, что они только и могут сказать о ней, что это земля, где много золота, и подтвердить сие. Но им неведом путь, следуя которым, можно вновь пройти к берегам Верагуа. Чтобы снова достичь берегов Верагуа, необходимо вторично открыть эту землю так, как если бы она была впервые открыта. Для этого нужен точный расчет и знание астрологии. И кому ведома астрология, тому больше ничего и не требуется. Все это подобно пророческому откровению³¹.

Если корабли в Индиях не могут плавать иначе как при ветре в корму, то объясняется это не тем, что построены они плохо или тяжелы на ходу. Сильные течения, которые имеются здесь, точно так же, как и ветры, не позволяют кораблям следовать по курсу на булине. За день они теряют то, что проходят за семь дней. Это относится даже к каравелам с латинскими парусами. Именно поэтому они ходят не иначе, как при ветре в корму и, дожидаясь такого ветра, простаивают в гаванях порой шесть или восемь месяцев. И это не диво — такие же случаи часто бывают в Испании.

Здесь были встречены люди, которые, судя по некоторым приметам, похожи на тех, которые описываются у папы Пия II³², но лошади с седлами и уздечками из золота в этих местах не обнаружены. И в этом нет ничего удивительного, ибо на берегу моря живут одни только рыболовы, да и, кроме того, страну эту я осмотрел мельком, так как шел с большой скоростью. В Кариае и в окрестных землях имеются великие волшебники, внушающие сильный страх. Говорю это с чужих слов, ибо я не задерживался здесь ни на один час.

Когда я прибыл сюда, тотчас же ко мне прислали двух девочек, ярко разодетых. Старшей, по виду, не было и одиннадцати лет, младшей лет семь, и обе держались так вольно, что казались непотребными девками. У них был с собой колдовской порошок, и эти девочки скрывали его от нас. Когда они пришли, я приказал дать им некоторые наши украшения и тотчас же отправил их на берег³³.

Здесь я видел гробницу, расположенную на горе, большую, как дом, и разукрашенную. В ней покоился набальзамированный труп. Говорили мне и о других, еще более великолепных произведениях искусства. Здесь немало различных зверей, крупных и мелких, весьма отличающихся от наших.

Я получил в дар двух свиней, с которыми не отважился бы померяться силами ирландский пес. Один лучник подстрелил тварь, очень похожую на обезьяну, но большую, нежели это животное; морда ее подобна была человеческому лицу. Стрела пронзила ее насквозь от шеи до хвоста, и, так как тварь эта была очень свирепая, пришлось отрубить ей переднюю и заднюю лапы. Свинья при виде этого животного ошетинулась и обратилась в бегство. Увидя это, я приказал подбросить «бегаре» (так называют здесь подобных тварей) к свинье. Когда «бегаре» очутилась около свиньи, она, несмотря на то, что находилась уже при смерти, со стрелой, вонзенной в тело, крепко обвила хвостом морду свиньи и уцелевшей лапой стала бить ее по холке, как будто перед ней был враг. Это удивительное зрелище и заставило меня дать ее описание³⁴.

Местные жители имели много домашних животных, но все они в то время, когда мы находились здесь, околели от «барра»³⁵.

Видел я немало очень больших кур с перьями, подобными шерсти, а также львов, оленей, ланей и разных птиц.

Когда, испытывая лишения, мы плавали в этих морях, некоторым моим спутникам пришла в голову еретическая мысль, будто мы околдованы; и доньше многие из них в этом убеждены. Я обнаружил также людей, которые едят человеческое мясо — об этом свидетельствует их безобразная внешность³⁶.

Говорят, что здесь много медных рудников — из меди делают здесь топоры и другие вещи, обрабатывая, куя и расплавляя этот металл. Здесь есть кузницы со всеми инструментами и горны.

Ходят тут люди одетые. И я видел в этом краю хлопчатые ткани, одни тонко и изящно выделаны, другие искуснейшим образом разрисованы кистью в разные цвета.

Говорят, будто в глубине страны, в землях, лежащих на пути к Катаю, имеются золототканые материи. Ознакомьтесь со всеми этими землями и с тем, что имеется в этой стране, с надлежащей быстротой нельзя было, так как у нас отсут-

ствовал толмач. В каждом селении, несмотря на то, что они расположены очень густо, говорят на языках, настолько отличающихся один от другого, что одни индейцы так же плохо понимают других, как мы — жителей Аравии. Думаю, что это свойственно лишь дикарям, населяющим морское побережье, но не обитателям внутренних частей страны.

Когда я открыл Индии, я утверждал, что это богатейшие из всех, существующих на земле, владений. Я говорил о золоте, жемчуге, драгоценных камнях, пряностях, о ярмарках и рынках. А когда все это не могло быть открыто незамедлительно, то меня сочли обманщиком. И, памятуя сие, вынужден я теперь говорить только то, что я слышал от уроженцев этих земель. Об одном только осмеливаюсь писать утвердительно, потому что имею множество свидетелей, а именно, что в Верагуа я увидел в первые два дня больше признаков золота, чем за четыре года на Эспаньоле, и что не может быть ничего прекрасней земель этого края и полей, возделанных лучше, и людей более робких, чем местные жители. Здесь и превосходная гавань, и великолепная река, и все возможности защитить открытые земли против всего света.

Все это — залог безопасности для христиан, свидетельство прочности владения, все это направлено к грядущей славе и возвеличению христианской веры.

Путь же туда столь же короток, как и к Эспаньоле, ибо в ту сторону можно идти по ветру. И ваши высочества — такие же владыки этой страны, как и земель Херёса или Толедо, а корабли ваши могут приходить к этим берегам, как к себе домой. Отсюда будут вывозить золото; между тем, дабы стать хозяевами в других землях, необходимо овладеть ими или корабли будут возвращаться порожняком, а внутри страны придется доверяться дикарям.

Обо всем прочем я не желаю говорить ничего, и выше я объяснил, почему вынужден поступать таким образом. Вот почему я не упоминаю и шестой доли того, что когда-либо говорил и писал, и не осмеливаюсь утверждать, что я нахожусь у первоисточника. Генуэзцы, венецианцы и все, кто обладает жемчугом, драгоценными камнями и иными драгоценностями, готовы доставлять их на край света в обмен на золото. Золото — это совершенство. Золото создает сокровища, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай.

Когда в области Верагуа умирают владельцы этих земель, то вместе с их телами закапывают и золото. Так здесь говорят.

Соломону принесли однажды из одного путешествия 166 кинталов золота, помимо того количества, которое доставили купцы и моряки, и того, что было получено в Аравии. Из этого золота он велел изготовить 200 копий и 300 щитов и покрыть массивным золотом спинку трона и украсить его драго-

ценными камнями. Приказал он также сделать много иных золотых вещей и отлить немало больших ваз, украшенных драгоценными камнями. Об этом пишет Иосиф в своей хронике *De Antiquitatibus* [о древностях]; о том же говорится и в книге царей и в Паралипоменоне. Иосиф считает, что золото это было добыто в Аурее³⁷. Если это так, то я утверждаю, что золотые рудники Ауреи — те же самые, что рудники Верагуа, которые, как я уже говорил выше, лежат в 20 днях пути к западу и находятся на равном расстоянии как от полюса, так и от экватора. Соломон скупил все это золото, драгоценные камни и серебро, и вы можете, когда пожелаете, дать приказ собрать его.

Давид отказал по своему завещанию три тысячи кинталов золота из Индий Соломону для постройки храма, и, по словам Иосифа, это золото было именно из этих самых земель. Иерусалим и гора Сион должны быть восстановлены рукой христианина. А кто должен быть этот христианин, о том бог говорит устами пророка в 14 псалме.

Аббат Хоакин полагает, что человек этот будет родом из Испании³⁸. Святой Иероним указал путь к этому святой женщине.

Император Катая в недалеком прошлом повелел мудрецам наставить его в христианской вере. Кто же отдастся этому делу? Если господь приведет меня в Испанию, я обязуюсь именем бога доставить их [мудрецов] туда в сохранности. Люди, сопутствовавшие мне, испытали невероятные опасности и лишения. Умоляю ваши высочества, соблаговолите тотчас же уплатить каждому из них причитающееся, ибо они бедны, и оказать им милости, сообразно их достоинствам; заверяю вас, что, по моему мнению, они принесут вам лучшие из всех когда-либо доходивших до Испании вестей.

Хотя Кибан в Верагуа, а также и другие индейцы в этой области, судя по полученным сведениям, владеют большим количеством золота, мне казалось, что было бы дурно взять это золото путем грабежа, и что подобное не послужило бы на пользу вашим высочествам. Мирные отношения позволили бы избежать неприятностей и дурной славы и привели бы к тому, что все золото до последнего зерна поступило бы в казну.

При хорошей погоде я закончу свое плавание в один месяц. Из-за недостатка кораблей я не могу надеяться на то, что удастся возобновить плавание, во всем же, что касается службы вашим высочествам, я полагаюсь на того, кто меня создал, если только я буду в добром здравии. Я полагаю, что ваши высочества припомянут, что я желал соорудить корабли новым способом. Краткость времени не позволила мне сделать это, хотя я предвидел все, что в действительности произошло.

Я считаю, что торговля в этих краях и рудный промысел имеют гораздо большее значение, чем все, что до сих пор было сделано в Индиях. Край этот не следует уподоблять

сыну, отдаваемому на воспитание мачехе. Об Эспаньоле, Парии и других землях я не могу вспомнить без слез. Я думал, что их пример пойдет на пользу другим, а между тем эти земли ныне пребывают в запустении, и хоть и не настал час гибели их, но недуги, которые они испытывают, неизлечимы или весьма длительны.

Пусть же тот, кто довел их до такого состояния, и найдет средства для излечения, если он может это сделать и знает к этому пути. Разрушать же — каждый большой мастер. Благодарность и возмещение обычно всегда достаются на долю людям, подвергающим себя опасностям. Несправедливо поэтому, чтобы всеми благами пользовался тот, кто столь упорно противодействовал моему предпринятию, и его сыновья.

Люди, покинувшие Индии и сбежавшие от работы, поосившие и новооткрытую страну и меня, возвращались обратно, получив должности.

То же самое происходит и в Верагуа — дурной пример, вредный для дела и несообразный со справедливостью.

Страх перед этим злом, а также веские соображения, ясные для меня, побудили меня просить ваши высочества до того еще, как я отправился открывать эти острова и материк, оставить за мной управление ими от вашего королевского имени. Вам это было угодно, и мне были даны эти привилегии и договор, скрепленный печатью, и вы пожаловали мне титул вице-короля и адмирала и главного правителя всех земель и отметили их границы по линии, которая проходит от полюса к полюсу в ста лигах к западу от Азорских островов и островов Зеленого мыса, и предоставили мне обширные полномочия по отношению ко всему, что будет открыто в дальнейшем. Весьма подробно об этом говорится в документе³⁹.

Другое, еще более важное дело, громко возглашает о себе и остается мне непонятным до сих пор. Семь лет я пробыл при королевском дворе, и с кем я ни говорил о своем предприятии, все считали это шуткой, а ныне даже портные — и те просят допустить их к открытиям.

Не иначе как они направляются туда только для грабежей, и если им дают на это право, то лишь в ущерб моей чести и во вред делу. Богу — богово, а кесарю — кесарево. Это правильное и справедливое изречение.

Земли, что здесь подчинены вашим высочествам, богаты и обширнее всех других христианских стран. После того как по божьему соизволению я передал эти земли в ваше высочшее владение и готов был к сбору огромнейших доходов, как раз в ту пору, когда я, радостный и полный уверенности, ждал кораблей, чтобы прибыть к высоким владыкам с победой и с великими вестями о золоте, я был внезапно, без суда и следствия схвачен и брошен на корабль нагой, с двумя моими братьями, и нас заковали в кандалы, и обращались с нами дурно.

Кто мог бы поверить, что бедный чужеземец мог восстать в тех краях против ваших высочеств, без всяких поводов к тому и без поддержки другого государя, один среди ваших вассалов и туземцев, зная, что его дети остались при вашем королевском дворе? В 28-летнем возрасте я вступил в службу, и ныне волосы мои уже седы, тело измождено болезнями и силы иссякли; а все, что у меня осталось от этой службы, было у меня, равно как и у моих братьев, взято и продано, вплоть до последней рубашки, без моего ведома и в мое отсутствие, к моему великому бесчестью. Должно полагать, что это не было сделано по вашему королевскому приказу.

Восстановление моей чести, возмещение понесенного ущерба и наказание тех, кто это совершил, повлечет за собой повсеместное прославление вашего благородного королевского имени. Должен понести наказание тот, кто похитил у меня жемчуг, и тот, кто нанес ущерб моим правам адмирала⁴⁰.

Беспримерна будет слава ваша, когда вы поступите так, и в Испании останется блестящая память о ваших высочествах, как о государях благодарных и справедливых.

Бескорыстная преданность, которую я всегда проявлял на службе ваших высочеств и незаслуженная обида, причиненная мне, не позволяют мне хранить молчание, как бы я того ни желал. Умоляю ваши высочества простить меня. Я сокрушен вконец — о том уже я говорил. До сих пор я проливал слезы за других, ныне же пусть небо явит милосердие и земля оплачет меня. Утратил я мирские блага, и у меня не осталось ни гроша, чтобы воздать за блага духовные.

Одинокий, больной, томимый печалью, каждый день ожидая смерти, окруженный множеством дикарей, наших врагов, преисполненных жестокости, и настолько отрешенный от святых таинств церкви, что если покинет моя душа телесную оболочку, будет предана она забвению, я пребываю здесь, в Индиях. Пусть же восплачет обо мне всякий, кто отличается справедливостью, милосердием и любовью к правде. Я не ради почестей и прибылей отправился в это плавание. Это ясно, ибо надежда на то и на другое уже умерла во мне. Я пришел к вашим высочествам с чувством преданности и истинным рвением и не лгу вам. Смиренно прошу ваши высочества, в том случае, если угодно будет богу извлечь меня из этих мест, сообразованно разрешить мне направиться в Рим и совершить другие паломничества. И да сохранит и продлит святая троица жизнь и высокое положение ваших высочеств.

*В Индиях на острове Ямайке
7 июля 1503 года.*

[Перевод выполнен по тексту, напечатанному в сборнике Hakluyt Society, v. 70, Select documents illustrating the four voyages of C. Columbus, p. 72—111, London, 1933.]

КОММЕНТАРИИ

К ПИСЬМУ КОЛУМБА КОРОЛЮ И КОРОЛЕВЕ С ОСТРОВА ЯМАЙКИ

1. Письмо Колумба королям Испании, в котором излагается история его четвертого путешествия, было написано на острове Ямайке 7 июля 1503 г. В 1505 г. в Венеции появился итальянский перевод под названием «Редчайшее письмо» (*Lettera rarissima*). Впервые испанский текст этого письма был опубликован Наваррете в его *Colección de los viajes y descubrimientos*, t. I. Наваррете (так же, как и составители последующих сборников документов, относящихся к Колумбу) пользовался копией, которая хранится в Национальной библиотеке Мадрида. Письмо это было написано Колумбом в то время, когда он, завершив трудное и долгое плавание у берегов Центральной Америки, прибыл на Ямайку и вынужден был остаться на этом острове, так как корабли его не могли уже больше продолжать путь. Больной, истомленный долгим переходом адмирал в это время уже не был правителем открытых им земель. Три года назад он утратил пост вице-короля и правителя Индий и остался лишь обладателем громких титулов, с которыми уже не были связаны реальные статьи дохода и реальные права на управление «островами и материком в море-океане». Письмо это свидетельствует о том, что географические концепции Колумба оставались неизменными и в период его четвертого плавания. Так же, как десять лет назад, он продолжает утверждать будто новооткрытые им земли — это юго-восточные берега Азии. В Верагуа, т. е. в нынешней Панаме, он ищет копи царя Соломона, а Кубу попрежнему называет землей Манги, или Маго, т. е. южной провинцией «Катая». Попрежнему, как и в былые времена, Колумб грезит о золоте новооткрытых земель. Неподдельным пафосом дышат те строки его письма, где он воспеваает золото: «Золото — это совершенство. Золото создает сокровища, и тот, кто владеет им, может совершить все, что пожелает, и способен даже вводить человеческие души в рай». Здесь Колумб выступает перед нами как певец «идиллической» эпохи первоначального накопления, той эпохи, когда в лихорадочной погоне за золотом банды конквистадоров разорили и потопили в крови земли Нового Света.

Горечь пережитых невзгод и уязвленное самолюбие определяют маперу и стиль этого письма. Упреки по адресу бесчисленных врагов, прозрачные намеки на неблагодарность короля и королевы сменяются сбивчивыми описаниями пройденного пути и ссылками на библейские тексты.

Порой кажется, что разум отказывается служить Колумбу. Его речь становится бессвязной, подобно лепету юрдового. Более полное представление о четвертом плавании дают следующие источники: «История жизни адмирала» Фердинанда Колумба, сопровождавшего в этом плавании отца, отчет нотариуса флотилии Колумба — Диего де Порраса, завещание участника этого путешествия Диего Мендеса (которое мы помещаем в этой книге), «История Индий» Лас Касаса и «Декады о Новом Свете» Петра Мартира. Все эти авторы — современники событий этих великих открытий.

2. Колумб вышел из Кадиса 9 мая 1502 г. Его флотилия состояла из четырех кораблей: флагманского — «Капитаны» (капитан Диего Тристан, впоследствии убитый в стычке с индейцами), «Сантьяго де Палос» (капитан Франсиско де Поррас), «Гальеги» (капитан Педро де Террерос) и «Вискайны» (капитан генуэзец Бартоломео Фреско, или Фьеши). Флотилия прибыла на Гран Канарию 20 мая и достигла Индий 15 июня.

3. Неизвестно, посетил ли Колумб остров Доминику в этом плавании. Ни один из участников этого путешествия, оставивших записи о нем, не упоминает о Доминике. Некоторые из них указывают, что Колумб проследовал от Канарских островов к Мартинике, другие же полагают, что первым островом в Индиях, к которому подошла флотилия, был Гвадалупе.

4. Незадолго до выхода в последнее плавание Колумб просил у Фердинанда и Изабеллы разрешение на переезд в Эспаньолу. Король и королева отказали ему в этой просьбе и предписали губернатору острова не допускать высадки Колумба на берега Эспаньолы. Местные власти на Эспаньоле так и поступили, и Колумб лишен был возможности вновь посетить открытый им остров.

5. Нотариус флотилии Диего де Поррас указывает, что трое моряков из команды «Гальеги» бежали с корабля и укрылись на острове.

6. Николас Овандо, командор Ларес, духовного ордена Алькантары с апреля 1502 и до 1509 г. — губернатор «Индий». Жестокий и неразборчивый в средствах правитель, ценой истребления и порабощения индейцев утвердивший испанское владычество на Эспаньоле. Подробнее о его деятельности см. послесловие «Открытие Америки и зарождение системы эксплуатации ее коренного населения».

7. Это был ураган невиданной силы, уничтоживший в Антильских водах флотилию, которая шла в Испанию под командой Антонио де Торреса. Во время этого урагана погибли на кораблях флотилии Торреса заклятые враги Колумба — Бобадилья и Ролдан. Колумб счел их гибель «карой господней».

8. «Небезупречный корабль» — вероятно каравела «Сантьяго де Палос».

9. Диего Колумб был в то время пажем при королевском дворе. Как и в иных местах, где Колумб сетует на свою бедность и обездоленность, он и здесь допускает преувеличения, когда говорит, что старший его сын остался бесприютным сиротой.

10. Колумб говорит о «земле Кариай» (tierra de Cariay), и подобным же образом упоминается о ней у Диего де Порраса. Однако другие источники — современники Колумба — указывают, что так называлась индей-

ская деревня на берегу материка, близ острова Кивири. Область или селение Кариай расположена была на Москитном берегу в нынешнем Гондурасе.

11. О стране Сиамба имеется чрезвычайно интересное замечание у Петра Мартира, который говорит, что эта провинция делилась на две области — Тайя и Майя. Здесь впервые упоминается слово «Майя» — название народа, населявшего полуостров Юкатан и часть нынешней республики Гватемалы, культура которого вызывает изумление археологов. Колумб не был в Сиамбе, и он сам отмечает, что лишь слышал о ее золотых копях от индейцев прибрежной местности. Само название Сиамба отнюдь не индейское. Во времена Колумба так именовалась часть восточной Азии к западу от Сипанго.

12. Карамбару (у Диего де Порраса и в материалах тяжбы Колумба — Сереваро) — местность на атлантическом берегу республики Панама, вероятнее всего лагуна Чирики.

13. Верагуа — область в восточной части нынешней республики Коста Рика и в западной части республики Панама, расположенная на берегу Атлантического океана. Названа так по имени одной из местных рек. Название это индейского происхождения, хотя в испанской передаче оно, по всей вероятности, звучит совсем иначе, чем на языке ее коренных обитателей. В описании страны Сигуаре чувствуются отзвуки дошедших до Колумба вестей о землях народа майя. Название это не поддается объяснению, хотя и были попытки доказать, что Колумб использовал географическую номенклатуру Марко Поло. Несомненно, однако, что, описывая эту страну, Колумб уверен был, что она расположена в Азии («в десяти днях пути от нее течет река Ганг»). Крайне любопытно, что Колумб, говоря о стране Сигуаре, отмечает, что с запада она омывается морем. Сопоставление ее противоположных берегов с относительным местоположением Тортосы и Фуэнтэррабы, и Пизы и Венеции свидетельствует о том, что вновь открытые земли Колумб считал полуостровом юго-восточной Азии, вдающимся в Великий Залив (Sinus Magnus) Индийского океана.

14. Смысл этого абзаца таков: находясь на параллели 24° с. ш., Колумб достиг 135° з. д. от пункта отплытия; разница во времени, равная девяти часам, как раз соответствует 135° . Разумеется, Колумб ошибается в расчетах. В 1494 г., во время плавания у берегов Эспаньолы, он находился всего лишь на расстоянии $70-71^{\circ}$ от Кадиса, и разница во времени между этим пунктом и местом, где находились его корабли, не превышала пяти часов. Впрочем, в описании второго путешествия Лас Касас отмечает, что Колумб во время лунного затмения, в сентябре 1494 г., определил разницу во времени между Кадисом и пунктом, где он вел наблюдения, в 5 часов 23 минуты.

Далее речь идет здесь о градусных расстояниях, приводимых античными географами Марином Тирским и Птолемеем. Единица измерения — «линия» — соответствует дистанции, в пределах которой имеется часовая разница во времени. Следовательно, при нормальной градусной сетке «линия» соответствует 15° ($360 : 24$). Марин предполагал, что протяженность (с запада на восток) земной суши равна 225° , или 15 линиям, а Пто-

лемей, сокращая это расстояние до 180° , сводил его к 12 линиям. Весьма спорной представляется вторая часть фразы, там, где говорится об Эфиопии, так как в различных изданиях этого документа имеются разночтения.

15. Суть этого абзаца сводится к тому, что Колумб определяет протяженность Эфиопии (Африки), следуя с севера на юг, в $39\frac{1}{3}^\circ$ (24° к северу от экватора и $15\frac{1}{3}^\circ$ к югу от экватора). Выше он приводит оценки широтной протяженности известного тогда европейцам мира (по Марину 225° , по Птолемею 180°) и делает любопытный вывод — «мир мал»... Место это чрезвычайно существенно. В этом утверждении вся суть географической концепции Колумба, символ его веры, ради которого он иногда сознательно, а иногда бессознательно приносит в жертву полученные им на практике географические данные. В самом деле, если протяженность суши 225° , то ширина океана не превышает 135° . Следовательно, расстояние от Кадиса до восточного берега Азии, пройденное в западном направлении водою, не должно быть более 135° . Но, по мнению Колумба, Куба и Верагуа — части Азии. Стало быть, ни та, ни другая земля не может (ибо не могут ошибиться столпы античной географии!) находиться на расстоянии $70\text{--}80^\circ$ от Испании. И хотя, наблюдая в сентябре 1494 г. затмение близ Эспаньолы, Колумб установил, что разница во времени между Кадисом и этим островом равна 5 часам 23 минутам, но в этом письме он, дабы не подрывать авторитета Марина Тирского, исчисляет разницу во времени в девять часов. В прокрустово ложе древней концепции он, таким образом, безжалостно втискивает факты, искажая их по своему произволу.

Может быть инстинктивно Колумб чувствует, что своими собственными плаваниями он нанес сокрушительный удар всей системе средневековых географических представлений, что вся его практическая деятельность является отрицанием уже отживших свой век космографических гипотез более чем тысячелетней давности. И поэтому он прибегает для защиты Птолемея и Марина Тирского к авторитету «святой церкви» и ссылкой на библейские тексты пытается обезвредить и истолковать в традиционной манере итоги своих собственных открытий. Крайне любопытно, что длину «градуса экваториальной линии» Колумб считает равной всего лишь 84 км ($56\frac{2}{3}$ итал. мили). Между тем еще со времен Эратосфена известно было, что эта величина равна 110 км (повидимому, эта величина градуса у Эратосфена получилась случайно, т. к. при его технике измерения такой точности быть не могло). Не только греческие, но и арабские ученые в своих оценках длины градусного расстояния были близки к выводам Эратосфена.

16. Вероятно та самая бухта, на берегах которой был впоследствии основан город Нобре де Дьос — важнейший порт испанской Америки и перевалочный пункт, откуда кастильские товары вьюком перевозились к тихоокеанским берегам Панамского перешейка и далее направлялись в Перу и Чили. Адмирал покинул эту бухту 23 ноября 1503 г. и 26 ноября вошел в бухту Ретрете.

17. Бухта Ретрете (буквально — «Отхожее место») расположена к востоку от Нобре де Дьос. Повидимому, это та бухта, что ныне носит название гавани Эскриванос (гавань Писцов). В нее ведет проход глу-

биной в 3—4 м, усеянный подводными камнями. Ширина его колеблется в пределах от 30 до 100 м.

18. Лас Касас отмечает, что Колумб страдал от подагры. Трудно сказать, действительно ли раной была вызвана болезнь Колумба, поскольку ни сам адмирал в своих прежних письмах, ни его современники не упоминают о ранах и увечьях. Быть может, слово «рана» употребляется здесь фигурально.

19. Бухта Гордо — залив в устье одной из рек, впадающих в море на северном берегу Панамского перешейка

20. Колумб вошел 6 января 1504 г. в бухту, лежащую в устье реки Гикуре, или Иебра (Лас Касас называет эту реку Иебра, Фердинанд Колумб — Гикуре, Диего де Поррас — Иребра). Ныне она носит название Белен (Вифлеем).

21. О груметах см. комментарий «Корабли «Санта Мария», «Нинья» и «Пинта».

22. Подробнее о пленении Кибiana сообщается в завещании Диего Мендеса. Колумб признает, что виноваты в столкновении с индейцами были его спутники, но оправдывает вероломный захват Кибiana испанцами.

23. Колумб в этом месте совершенно недвусмысленно упрекает Фердинанда и Изабеллу в черной неблагодарности. Чтобы придать большую убедительность своим жалобам, он измышляет беседу с богом, которого адмирал считает вдохновителем всех доходных заморских предприятий.

24. Повидимому, еще раньше, в бухте Гордо, Колумб оставил «небезупречный» корабль «Сантьяго де Палос». В Белене, где он стоял с 6 января по 16 апреля, он оставил «Гальегу». Третий корабль «Вискайну» адмирал оставил в Пуэрто Бельо. Впрочем, трудно установить время и место выбытия из флотилии этих кораблей. Бельпуэрто, о котором здесь упоминается, — гавань Пуэрто Бельо (Красивая гавань), в которой возник одноименный портовый город, ставший наряду с Номбре де Дьос крупнейшим портом Испанской Америки.

25. «...пройти морем 7 000 миль...» — здесь Колумб, в свойственной ему манере, преувеличивает расстояние, отделяющее его от Испании. 7 000 миль (итальянских) составляют 11 360 км, тогда как от берегов Панамского перешейка до Кадиса не более 6 000 км.

26. «Маго» («Манги») — это область Макака (ныне Орьенте) в восточной части острова Кубы. Так как Колумб продолжал считать Кубу оконечностью азиатского материка, то он присвоил области Макака наименование «Маго», сходное с тем, которым у Марко Поло обозначалась страна, сопредельная с «Катаем».

27. Кинтал = 46 кг.

28. Это утверждение Колумба противоречит тому, что он говорил чуть выше, утверждая, будто он любой ценой хотел добраться до Эспаньолы. По всей вероятности, Колумб сперва действительно намеревался, при возвращении в Кастилию, миновать Эспаньолу где ему запрещено было высаживаться, но затем крайняя необходимость заставила его искать пристанища на этом острове.

29. Вероятно, именно это письмо Колумб передал через Диего Мендеса, которого он послал на Эспаньолу.

30. «Материк», вдоль которого шел Колумб,— остров Куба. Положение «острова Колодцев» точно установить трудно. Вероятнее всего, это какой-нибудь островок в группе «Сад королевы» у южного берега Кубы. На картах первых десятилетий XVI века он показан близ острова Сан Хуан (Пуэрто Рико). О Манги — см. комментарий 26.

31. Колумб не упоминает в письме о том, что он велел отобрать у своих спутников решительно все карты, чтобы лишить их возможности ориентироваться в незнакомых морях. Разумеется, в таких условиях путь к золотоносной стране Верагуа должен был остаться монополией адмирала.

32. Имеется в виду «Космография» Энея Сильвия Пикколомини, итальянского поэта, ученого и политического деятеля, в последний период своей жизни (1458—1462 гг.) занимавшего под именем Пия II папский престол. Разумеется, Пий II не мог описывать страны Нового Света. Но Колумб в поисках авторитетных свидетельств, подтверждающих идентичность Кубы и азиатских земель, охотно прибегает к ссылке на книгу, написанную папой.

33. Фердинанд Колумб, сопровождавший отца в четвертом путешествии, указывает, что это событие произошло на берегах страны Кариай. Он не упоминает ни о «колдовском порошке», ни о развязном поведении девочек-индианок.

34. Колумб описывает под именем «свиньи» одну из разновидностей кабанов, которые водятся в Центральной Америке. Вряд ли это вид, называемый пекари, так как пекари по размерам своим значительно меньше особи, о которой упоминается в письме. Что касается «бегаре», то описание этого животного у Колумба крайне неясно и сбивчиво и не поддается точному переводу.

35. Неизвестно, какая болезнь имеется здесь в виду, но ясно только одно — домашних животных индейцы на Антильских островах не имели. Следовательно, и болезнь не могла скопиться животных, которых не существовало в природе.

36. Весьма убедительное доказательство каннибальских наклонностей! Следует иметь, однако, в виду, что версии об индейцах-людоедах почти всегда основывались на подобных «наблюдениях».

37. Имеется в виду иудейский историк Иосиф Флавий (I в. н. э.). Ауреа — Золотой Херсонес — Малаккский полуостров.

38. А б б а т Х о а к и н — Иоахим Флорский — историк-хронист и ученый, живший в Южной Италии в XIII веке. Разумеется, у Иоахима Флорского не упоминаются грядущие плавания в Новый Свет и ничего не говорится об открывателе, который «выйдет из Испании».

39. Имеется в виду «капитуляция» в Санта Фе от 17 апреля 1492 года.

40. Речь идет о мореплавателях, совершивших по договору с кастильской короной экспедиции к берегам открытого Колумбом южноамериканского материка (в 1499—1502 гг.). Колумб считал, что только ему предоставлено право на открытия и исследования в морях и землях «Индий».

ОТРЫВОК ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ ДИЕГО МЕНДЕСА¹

Диего Мендес, житель города Санто Доминго на острове Эспаньола, находясь в городе Вальядолиде, где в это время пребывал двор их величеств, в шестой день июня месяца 1536 года составил в присутствии Фернана Переса, писца и нотариуса их величеств при королевском дворе и при всех королевствах и владениях их, при свидетелях — Диего де Аране, Хуане Дьес, Миранде де ля Куадра, Мартине де Ордуња, Лукасе Фернандесе, Алонсо де Ангуло, Франсиско де Инохосы, Диего де Агиляр — все же они вассалы сеньоры вице-королевы Индий — завещание.

И среди прочих разделов упомянутого завещания имеется один, который буквально гласит так:

Пункт завещания. Далее: Светлейшие сеньоры славной памяти адмирал дон Христофор Колумб и его сын адмирал дон Диего Колумб и его внук адмирал дон Луис², которому да ниспошлет господь долгие годы жизни, и через них вице-королева³, моя сеньора, как их опекун и душеприказчик, обязаны мне за многие дела и великие услуги, которые я оказал им и в совершении коих прошла и истрачена была лучшая часть моей жизни вплоть до того времени, когда служба моя у них закончилась. И в особенности много служил я великому адмиралу дону Христофору, когда я ходил с его сеньорией* открывать острова и материк, подвергаясь при этом

* Его сеньория — форма обращения к грандам Испании.— *Прим. перера.*

смертельным опасностям, дабы спасти свою жизнь и жизнь тех, кто сопутствовал ему и бывал с ним. Особенно велика была опасность, когда мы оказались запертыми в гавани реки Белен, или Иебра⁴, куда мы укрылись от ярости моря и ветров, которые нанесли столько песку в устье реки, что замкнули вход в гавань. И когда его сеньория находился там и был в очень удрученном состоянии, собралась большая толпа индейцев под предлогом, как они заявили, похода против других индейцев области Кобрава и Аурира, с которыми они вели войну, на самом же деле с целью сжечь наши корабли и перебить всех нас.

И хотя многие из них приходили в гавань, где находились наши корабли, никто во всей флотилии, за исключением меня, не подозревал, каковы их подлинные намерения. Я же явился к адмиралу и сказал ему: «Сеньор, эти люди, которые собираются здесь в боевой готовности, говорят, будто они идут на соединение с индейцами из Верагуа, чтобы направиться против индейцев Кобравы и Ауриры. Я же не верю им и думаю, что намерения у них иные и что они собрались для того, чтобы сжечь корабли и перебить нас всех», как оно на самом деле и случилось. Когда же адмирал спросил меня, каким образом можно предотвратить опасность, я ответил его сеньории, что выйду на лодке и направлюсь вдоль берега до Верагуа к тому месту, где индейцы разбили свой лагерь. И не прошел я пол-лиги, как встретил не менее тысячи вооруженных людей, и было у них много продовольствия и припасов, и я высадился на берег среди них один, оставив лодку на воде.

Я вступил с ними в беседу и вел ее, поскольку было возможно понять их речи, и предложил им выступить в поход совместно, предлагая лодку с оружием. Но они резко отвергли мое предложение, заявив, что не имеют в этом нужды. И так как я возвратился в лодку и оставался на глазах у индейцев близ берега всю ночь, они поняли, что им не удастся напасть на корабли, не обнаружив при этом своих намерений, и сжечь и разрушить их, а поэтому они изменили свой план. В ту же ночь все они ушли в Верагуа, а я вернулся на корабли и сообщил обо всем его сеньории, и он не счел мои вести мало важными. Когда мы стали обсуждать, как наилучшим образом разузнать намерения этих людей, я предложил отправиться к ним с одним только спутником, и так я и поступил, хотя был при этом уверен, что не жизнь, а смерть принесет мне эта вылазка. Я отправился вдоль берега моря, чтобы дойти до реки Верагуа, и встретил два каное с индейцами-чужестранцами; они рассказывали мне подробно, что здешние жители собирались в поход, чтобы сжечь корабли и перебить всех нас, и что отказались они от этого только потому, что им помешала моя лодка, и что они обсуждали после этого

план нападения и решили повторить набег в течение двух ближайших дней.

Я попросил их взять меня на каное и за плату перевезти вверх по течению реки. Но индейцы стали уклоняться от этого, говоря, что ни в коем случае мне не следует ездить вверх по течению, так как не может быть ни малейшего сомнения в том, что меня и моего спутника убьют, как только мы дойдем до селения. Вопреки их советам, я все же добился, чтобы они взяли меня на каное, и отправился вверх по течению до самых индейских поселений, жителей которых мы застали в состоянии боевой готовности. Мне позволили пройти к главной резиденции касика. Тогда я сделал вид, что явился сюда как лекарь, чтобы излечить касика от раны, которая была у него на ноге. Благодаря подаркам, которые я роздал, мне разрешили пройти к королевской резиденции, что находилась на вершине холма, близ большой площади, вокруг которой выставлено было 300 человеческих голов: это были головы убитых в одном из сражений. Когда я пересек площадь и находился уже у самого королевского дома, произошло сильное волнение среди женщин и детей, собравшихся у ворот. Они вошли во дворец с громкими криками. Из дворца вышел один из сыновей касика: очень разгневанный, он говорил что-то очень резко на своем языке. Затем он схватил меня и сильным толчком отбросил от себя прочь. Чтобы смягчить его гнев, я сказал ему, что пришел сюда, чтобы вылечить ногу его отца, и показал принесенную для этого случая мазь. Он мне ответил, что ни в коем случае мне нельзя войти туда, где находится его отец. Видя, что таким способом не удастся задобрить индейца, я извлек гребень, ножницы и зеркало и попросил своего спутника Эскобара причесать меня и остричь мне волосы.

При виде этого сын касика и другие индейцы были очень удивлены. Тогда я приказал Эскобару проделать то же самое с волосами знатного индейца, а затем подарил ему гребень и зеркало, и этим ублагодарил его. Я попросил дать нам что-нибудь поесть и тотчас же принесли еду, и мы откушали и выпили в мире и согласии с индейцами и расстались с ними друзьями. Я распрощался с сыном касика и возвратился к кораблям, отдав отчет адмиралу, моему сеньору, обо всем, что произошло, и он выразил большое удовлетворение, выслушав мой рассказ.

Он приказал принять меры предосторожности на кораблях и в соломенных хижинах, сооруженных на берегу; я должен был оставаться там с частью наших людей, дабы разузнать и выведать тайны этой страны.

На следующий день утром его сеньория призвал меня, чтобы узнать мое мнение относительно всего, что надлежит теперь делать. Я считал, что нам следует захватить касика и

всех его военачальников, потому что как только они будут заключены под стражу, мелкий люд покорится нам.

Адмирал был того же мнения. Я изложил план боевой операции и способ, каким надлежало ее осуществить, и он приказал сеньору аделантадо, брату своему, и мне вместе с ним выступить с отрядом в 80 человек в поход и привести в исполнение задуманное. Мы отправились в путь, и такую удачу уготовил нам наш господь, что нам удалось взять в плен касика, большинство его военачальников, жен, детей и внуков со всей знатью его рода.

Мы отправили их на суда, но касик бежал из-под надзора человека, который его не уберег, будучи недостаточно бдительным, каковое обстоятельство причинило нам в дальнейшем немало хлопот⁵. В это время богу угодно было послать сильный дождь, и от притока воды открылся выход из гавани, и адмирал провел корабли в море, намереваясь возвратиться в Кастилию, оставив меня в этой стране в качестве контадора их высочеств с отрядом в 70 человек. Мне он оставил большую часть корабельных запасов сухарей, вина, масла и уксуса.

Как только адмирал вышел в море (я остался на берегу с отрядом в двадцать человек, остальные же отправились провожать адмирала), внезапно поблизости появилось множество индейцев (было их более 400), вооруженных палицами, луками и пращами. Они растянулись цепочкой на склоне горы и издали клич, затем другой и потом третий. Благодарение богу! — именно эти возгласы позволили мне подготовиться к бою и к обороне. Мы стояли на берегу у хижин, которые были здесь построены. Они же выстроились на горе, на расстоянии брошенного дротика. Индейцы принялись пускать в нас стрелы и дротики, словно собирались напасть на быка; и стрелы и камни, пущенные из пращей, сыпались на нас, как град. Часть индейцев отделилась от своего отряда, чтобы обрушиться на нас с дубинками. Никто из них не вернулся, однако, назад, и на поле боя остались их руки и ноги, отсеченные нашими мечами, и одни лишь трупы. И до того были они напуганы, что отступили; мы потеряли убитыми из двадцати человек семь, а индейцы девятнадцать, и притом были это самые отчаянные из них. Битва продолжалась три часа слишком, и господь даровал нам победу, которая казалась чудом, так как нас было мало, индейцев же великое множество. Когда битве наступил конец, прибыл с кораблей капитан Диего Тристан⁶ с лодками, чтобы, поднявшись вверх по реке, запастись пресной водой.

Несмотря на то, что я советовал ему и убеждал его не подниматься вверх по реке, он не поверил мне и против моей воли с двумя лодками и отрядом в 12 человек направился вверх по течению. Там на него напали индейцы, и завязался

бой, в котором они перебили всех спутников Диего Тристана и умертвили его самого. Только одному из них удалось спастись, и он вплавь добрался до моего лагеря и принес это известие. От всего этого мы пришли в большое уныние: ведь адмирал остался в открытом море со своими кораблями, мы же лишились лодок и не имели поэтому возможности присоединиться к нему. Вдобавок к этому индейцы не прекращали своих набегов. Они часто совершали нападения, выступая под звуки боевых рогов и барабанов; при этом они испускали вопли, полагая, что мы уже побеждены ими. Средствами защиты нам служили два очень хороших бронзовых фальконета; пороху и ядер у нас было много. Всем этим мы навели такой страх на индейцев, что они не решались приблизиться к нам. Так продолжалось четыре дня. За это время были сшиты мешки из парусов корабля, что оставались у нас, и в эти мешки были уложены все имеющиеся у нас сухари. Я взял два каное, соединил их жердями, положенными поперек, и погрузил на каное сухари и бочки с вином, маслом и уксусом, укрепив их веревками; а затем, при тихой погоде, подтаскивая каное на бечеве, мы доставили к кораблям все грузы, а также и людей. Я с пятью спутниками оставался до конца на суше, а ночью с последней лодкой переправился к кораблям.

Адмирал был высокого мнения обо всем, что было совершено мною и не ограничился тем, что обнял и расцеловал меня за большую помощь, которую я ему оказал, а предложил мне принять на себя командование флагманским кораблем и управление всеми людьми и руководство в путешествии, на что я согласился с тем, чтобы в столь многотрудном деле, каковым оно в действительности и было, сослужить ему службу.

В последний день апреля 1503 года мы на трех кораблях вышли из Верагуа, предполагая совершить обратный переход в Кастилию. И так как корабли были в дырах и изъедены червями, они не могли держаться на воде. Пройдя 30 лиг, мы бросили один корабль. Но оставшиеся два были еще в худшем состоянии, и всех людей, которые находились на этих кораблях, было недостаточно для того, чтобы вычерпывать насосами, ведрами и посудой воду, протекавшую через отверстия, просверленные червями. Таким-то образом, не без величайших трудов и опасностей, думая, что возвращаемся мы в Кастилию, проплыли 35 дней, по истечении коих прибыли на остров Кубу, к ее наиболее низкому месту в области Омо, где ныне расположен город Тринидад, и вышло так, что мы оказались на триста лиг дальше от Кастилии, чем в тот день, когда отплыли от берегов Верагуа. И вдобавок к этому, как я уже сказал, корабли были в плохом состоянии и не могли продолжать плавание, и все наши припасы пришли к концу.

И все же богу угодно было дать нам возможность добраться до острова Ямайки, где мы втащили на сушу два корабля и превратили их в крытые соломой дома. В этих домах мы жили не без опасения, ожидая, что на нас нападут жители этого острова, которые не были еще завоеваны и покорены. Они могли ночью поджечь наш лагерь, и это им удалось бы сделать без труда, если бы мы бдительно не охраняли себя.

Тут я выдал последние порции сухарей и вина и, взяв шпагу, в сопровождении трех человек отправился вглубь острова: никто другой не отважился идти на поиски пищи для адмирала и тех, кто оставался с ним. И богу угодно было, чтобы мы встретили на своем пути столь кротких людей, что они не причинили нам зла, а, напротив, приняли нас дружелюбно и с большой охотой накормили.

В одном из селений, которое называлось Агуакадиба, я договорился с индейцами и касиком, чтобы они испекли хлеб — «касабе» и отправились для нас на охоту и рыбную ловлю и чтобы они ежедневно доставляли адмиралу съестные припасы. Эти припасы они должны были приносить на корабли, и там уполномоченное на то лицо обязано было оплачивать все доставленное, выдавая индейцам четки из синего стекла, гребни, ножи, погремушки, колечки и другие безделушки, привезенные нами для менового торга. Заключив это соглашение, я отправил одного из христиан, бывших со мною, к адмиралу, чтобы он выделил человека, на обязанности которого лежала бы оплата и доставка съестных припасов.

Оттуда я отправился в другое селение, лежащее в трех лигах к востоку, и заключил подобный же договор с местными индейцами и их касиком. Затем я направил второго моего спутника к адмиралу с просьбой послать в это селение человека для закупки и доставки припасов.

Отсюда я направился дальше и пришел к одному великому касику, которого звали Уарео, в местность, что ныне носит название Мелилья, находившуюся на расстоянии 13 лиг от места стоянки кораблей.

Этот касик принял меня очень хорошо, отлично накормил и приказал своим вассалам доставить в течение трех дней большое количество провизии, которую я должен был оплатить так, чтобы улагодворить индейцев.

Я условился, что, когда они доставят припасы, их будет здесь уже ожидать человек, который оплатит все принесенное; и третьего своего спутника я отправил с припасами, которые нам здесь дали для адмирала. Я попросил касика дать мне двух индейцев, которые сопровождали бы меня до края острова; один из них должен был нести гамак, в котором я спал, другой — пищу. Таким образом я дошел до края острова,

к восточному его пределу, и прибыл к касику, который носил имя Амейро, и вступил с ним в дружественные и братские сношения, обменявшись с ним именами, а это почитается тут как знак великого побратимства. Я купил у этого касика очень хорошее каное и дал ему за него добрый бронзовый шлем, что был у меня в сумке, рубашку, а было у меня их только две, и куртку.

Я сел в это каное и вышел в море на поиски тех мест, что недавно покинул. Меня сопровождали шесть индейцев, которых касик отпустил со мною, чтобы они мне оказывали помощь во время плавания. Когда я добрался до пункта, где заготавливалась провизия, я нашел там христиан, посланных адмиралом. Поручив им взять все, что я добыл, я отправился к адмиралу. Он встретил меня очень радушно и не мог наглядеться на меня, обнимая и расспрашивая меня обо всем, приключившемся в пути, благодаря господу за то, что он уберег меня от дикарей и целым и невредимым доставил к сородичам. И так как в то время, когда я вернулся к кораблям, у наших людей не было уже ни крошки хлеба, все очень обрадовались моему приходу: ведь я покончил с голодом как раз в ту пору, когда нужда в пище дошла до крайности. Каждый день приходили к кораблям индейцы, доставляя съестные припасы, и приносили они их из мест, где я заключил соглашения. Припасов же этих было достаточно для 230 человек, которые были при адмирале.

Спустя 10 дней, адмирал вызвал меня для беседы с глазу на глаз и, сказав, что находится в великой опасности, обратился ко мне со следующими словами: «Диего Мендес, сын мой, никто из тех, кто находится здесь со мною, кроме меня и вас, не подозревает о большой опасности, которая нам угрожает. Нас очень мало, а этих дикарей-индейцев великое множество, и все они весьма непостоянны и своевольны, и в любой час им может взбрести на ум притти сюда, и без особого труда спалят они нас в этих двух кораблях, превращенных в дома с соломенной кровлей. Что стоит им с берега метнуть огонь на корабли и сжечь нас всех? И может случиться, что если сегодня они охотно доставляют съестные припасы, соблюдая договор, заключенный с вами, то завтра это соглашение окажется им в тягость, и они не принесут нам ничего; мы же слишком малочисленны, чтобы взять у них силой то, чего они не пожелают отдать добровольно. Я придумал выход из положения, предлагаю его на ваше усмотрение: на купленном вами каное попытаться дойти до Эспаньолы и приобрести там корабль, который и поможет нам избежать большой опасности, в какой мы здесь ныне находимся. Каково ваше мнение?»

Я ответил ему: «Сеньор, я сознаю, что опасность, которая нам грозит, даже более значительна, чем это кажется

на первый взгляд. Совершить же переход от этого острова до Эспаньолы в такой ничтожной посудине, как это каное, я считаю делом не только трудным, но и невозможным: пересечь залив в 40 лиг шириной, следуя между островами по морю, чаще бурному, чем спокойному, — мало кто отважится на это и решится подвергнуть себя столь значительной опасности».

Его сеньория не согласился со мной. Он настойчиво заверял меня, что я именно тот человек, который может совершить подобное, на что я ему ответил: «Сеньор, много раз рисковал я своей жизнью ради спасения вашей жизни и всех тех, кто с вами здесь находится, и господь наш чудом сохранял мне жизнь. Тем не менее, немало имеется шептунов, которые твердят, что ваша сеньория оказывает мне всяческие почести в ущерб другим, которые могли бы все делать так же хорошо, как и я. Вот почему мне казалось бы правильным, если бы ваша сеньория созвал бы всех этих шептунов и предложил им осуществить это предприятие, чтобы убедиться, имеется ли среди них кто-нибудь, кто пожелал бы подобное совершить, в чем я сомневаюсь. И если все прочие отстранятся, я отдам свою жизнь, не щадя ее, ради вашего дела, как уж неоднократно это делал раньше».

На следующий день его сеньория [адмирал] приказал созвать всех людей к себе и изложил им сущность дела таким же образом, как и мне. Когда он кончил, все замолкли, некоторые же утверждали, что бесполезно обсуждать подобные планы, ибо невозможно на такой крошечной посудине пересечь бурный и опасный залив в 40 лиг шириной, что между Ямайкой и Эспаньолой погибло много очень крепких кораблей, на которых ходили в море и совершали открытия, так как им было не под силу преодолеть или пересилить ярость и бурный напор течений.

Тогда я встал и сказал: «Сеньор, у меня не больше одной жизни, и я желаю рискнуть ею ради вашей сеньории и блага всех присутствующих здесь, ибо возлагаю надежду на господа бога, который, зная побуждения, каковыми руководюсь я при этом, спасет меня от гибели так же, как уже спасал не раз». Выслушав мои слова, адмирал встал, обнял меня, поцеловал в щеку и сказал: «Я хорошо знаю, что здесь нет никого, кроме вас, кто отважился бы на такое предприятие».

Надеюсь, что с помощью господа бога нашего вы выполните это дело так же успешно, как и все, что предпринимали раньше».

На следующий день я втащил мое каное на берег, приделал к нему киль, законопатил корпус, смазал его жиром и прибил на корме и на носу доски, чтобы вода не могла заливать каное, что случилось бы, если бы борта его остались низкими. Я установил мачту, прикрепил к ней парус и погрузил в каное съестные припасы, необходимые для меня, моего

спутника-христианина и 6 индейцев. Всего нас было 8 человек — большее число не могло бы поместиться в каное.

Затем я простился с его сеньорией и со всеми остальными и отправился вдоль берега острова Ямайки, где мы находились, а от места, где стояли наши корабли, до края острова было 35 лиг. Это расстояние я прошел с великим трудом и подвергаясь не малым опасностям, так как по пути я попал в плен к индейцам, морским разбойникам; однако бог чудесным образом вызволил меня.

Когда же я дошел до края острова и стал выжидать, пока море успокоится, чтобы продолжать плавание, на берегу собралось много индейцев, которые решили убить меня и захватить каное со всем его содержимым.

Они принялись метать жребий, чтобы решить, на чью долю выпадет осуществление задуманного ими предприятия. Узнав об этом, я скрытным образом вернулся к своему каное, которое находилось в трех лигах от этого места, и, подняв паруса, пошел к стоянке адмирала. И случилось это спустя пятнадцать дней после того как бог чудесным образом вызволил меня из рук дикарей.

Его сеньория обрадовался мне и спросил, желаю ли я повторить путешествие. Я ответил, что выйду в плавание, если смогу взять с собой несколько человек, которые останутся со мной на краю острова до тех пор, пока я не отплыву в море. Его сеньория дал мне 70 человек (в их числе был и его брат — аделантадо), и они отправились в путь и оставались со мной, пока я не вышел в море, и сверх того еще три дня. Таким образом я вернулся на край острова, где пробыл четыре дня. Видя, что море успокоилось, я распрощался со своими спутниками, и они со мной, проливая при этом слезы.

Препоручив себя богу и нашей владычице из Антигуа, плыл я пять дней и четыре ночи, ни на миг не выпуская весла из рук и управляя каное, в то время как спутники мои гребли.

Господу богу, нашему владыке, угодно было, чтобы по истечении пяти дней я дошел до острова Эспаньолы, к мысу Сан Мигель⁷. Последние два дня мы не ели и не пили, потому что у нас уже не было ни пищи, ни воды. Я пристал на своем каное к прекрасному берегу, куда вскоре явилось много людей, живущих в этой стране, и принесли они с собой немало съестных припасов. Тут я пробыл два дня на отдыхе.

Я взял шесть индейцев из здешних мест, оставив тех, которых привез с собой, и пустился в плавание вдоль берега острова Эспаньолы. Мне пришлось пройти 130 лиг до города Санто Доминго, ибо там находился правитель командор де Ларес [Овандо].

И пройдя не без трудов и опасностей восемьдесят лиг, — остров в то время был еще не завоеван и не усмирен, — я доплыл до области Асуа⁸, которая находится в 24 лигах, не до-

ходя до Санто Доминго; там я узнал от командора Гальего, что правитель отправился в область Харагуа, чтобы усмирить ее. Область эта находилась в 50 лигах оттуда. Узнав это, я оставил мое каное и направился в область Харагуа, где нашел правителя. Он задержал меня здесь на шесть месяцев, пока не сжег и не повесил 84 касика, властителей, имеющих в своем распоряжении вассалов, в том числе Накаону, главную властительницу острова, которой все подчинялись и служили⁹. Когда все это было окончено, я дошел пешком до Санто Доминго, расположенного в 70 лигах от Харагуа, и там стал ждать прибытия кораблей из Кастилии, которых ожидали уже свыше года. Богу угодно было, чтобы как раз в это время прибыли три корабля. Один из них я купил и погрузил на него съестные припасы: хлеб, вино, мясо, свиней, телят и фрукты. Отправил я этот корабль туда, где находился адмирал, с тем, чтобы он и все его люди смогли добраться до Санто Доминго и оттуда направиться в Кастилию. Я же с двумя другими кораблями вышел в Кастилию раньше, чтобы отдать отчет королю и королеве обо всем, что произошло в этом путешествии.

Мне кажется, что было бы хорошо сообщить кое-что о том, что случилось с адмиралом и его спутниками в тот год, когда они жили покинутые на острове Ямайке. А произошло там следующее. Спустя немного после моего отъезда, индейцы взбунтовались и не пожелали доставлять адмиралу припасы, как то делали они раньше. Адмирал заставил их вызвать всех касиков и сказал им, что удивлен тем, что ему не доставляют, как обычно, пищу, зная к тому же, что он, адмирал, прибыл сюда по повелению бога, о чем он им уже заявлял, и что бог недоволен их поступками и что недовольство это он докажет им в ту же ночь небесными знаменами. В эту ночь было затмение луны, и диск ее затемнился почти полностью, и он сказал им, что это совершил бог в гневе на индейцев за то, что они не доставляли ему пищи. Касики поверили этому и были очень испуганы и обещали впредь доставлять пищу, что они в действительности и выполнили. И так все шло вплоть до прибытия корабля с припасами, снаряженного мною. Кораблю же этому адмирал и все, кто с ним находились, были немало обрадованы. Впоследствии в Кастилии адмирал говорил мне, что за всю свою жизнь не выпадал на его долю столь радостный день: ведь он думал, что никогда не удастся ему выбраться отсюда живым. На этом корабле адмирал прибыл в Санто Доминго, а оттуда переправился в Кастилию.

Я хотел здесь кратко изложить историю моих испытаний и поведать о крупных и отменных услугах, какие когда-либо оказывал или окажет человек своему сеньору. Я поступил так ради того, чтобы ведомо это было моим детям и дабы вооду-

шевляло их это к служению, а его сеньория не преминул бы оказать им соответствующие милости.

Когда адмирал прибыл ко двору и лежал в Саламанке, страдая от подагры, явился к нему я — единственный, кто был осведомлен о всех делах, касающихся восстановления его положения и прав сына его дона Диего на управление, и сказал ему следующее: Сеньор, ваша сеньория уже достаточно хорошо знает, как я служил вам и сколько трудов денно и ночью положил ради успеха ваших предприятий. Умоляю вашу сеньорию указать, какова будет награда в воздаяние за эти труды.

И он с радостным видом ответил мне, что исполнит все, что я ни попрошу, ибо для того имеются достаточные основания.

Тогда я стал просить и умолять его сеньорию пожаловать мне должность главного альгвасила острова Эспаньолы пожизненно. Он сказал, что сделает это весьма охотно и что подобное воздаяние незначительно в сравнении с большими заслугами, которыми я отличился перед ним. И приказал он мне сказать обо всем том также и его сыну дону Диего, который был очень обрадован пожалованием мне упомянутой должности. И дон Диего мне заявил, что если отец его дал ее мне одной рукой, то он готов дать то же обеими руками. И все это чистая правда, в чем клянусь загробной жизнью.

Когда я закончил, не без больших трудов, хлопоты по восстановлению дона Диего, моего сеньора, в правах управления Индиями, — а было это после кончины его отца, — я попросил у него патент на эту должность. Его сеньория ответил мне, что должность альгвасила уже отдана аделантадо, его дяде, но что он пожалует мне нечто иное и равнозначное. На это я возразил, что это последнее пусть будет дано его дяде, мне же надлежит дать то, что обещал отец его и он сам. Однако дон Диего не выполнил обещанного.

Так я, обремененный служебными обязанностями, не получил никакого вознаграждения, а сеньор аделантадо, не отбывая никакой службы, присвоил мою должность, а с нею и воздаяние за все мои труды. Когда его сеньория прибыл в город Санто Доминго в качестве правителя (*gobernador*) и приступил к исполнению своих обязанностей, он передал эту должность Франсиско де Гараю, приближенному сеньора аделантадо, с тем чтобы Франсиско де Гарай служил альгвасилом.

Было это 10 июня 1510 года, и тогда должность альгвасила приносила по меньшей мере одно конто дохода *, какую сумму вице-королева, моя сеньора, как опекун и душеприказчик вице-короля, обязана мне выплатить. И мне ее

* Конто (точнее куэнто) — миллион мараведи.— *Прим. перев.*

должны по праву и по совести, потому что мне была эта должность пожалована. И я лишен ее с того самого времени, как эту должность получил аделантадо, и вплоть до последних дней моей жизни. Если бы мне ее дали, я стал бы самым богатым и уважаемым человеком на всем острове. А поскольку я не получил ее, я остался беднейшим из всех его обитателей, настолько обездоленным, что не имею собственного дома и вынужден нанимать для себя помещение.

Если же возмещение мне всего, что приносила бы мне моя должность, сопряжено с большими трудностями, то я хочу предложить другое средство, которое состоит вот в чем.

Его сеньория [дон Луис] должен пожаловать пожизненно пост альгвасила Санто Доминго одному из моих сыновей, другому же передать обязанности наместника адмирала в этом городе. Пожалованием двух указанных должностей моим сыновьям с тем, чтобы препоручены они были заботам другого лица вплоть до их совершеннолетия, его сеньория [дон Луис] облегчил бы совесть адмирала, своего отца, я же был бы удовлетворен, получив плату, которая причитается мне за службу. Об этом я не скажу больше ничего, доверяя решение вопроса совести их сеньорий. И да поступят они так, как им покажется лучше... *

[Перевод выполнен по тексту, напечатанному в сборнике Hakluyt Society, v. 70, Select documents illustrating the four voyages of C. Columbus, p. 112—144, London, 1933.]

* Опущенные пункты завещания, не относящиеся непосредственно к четвертому путешествию.

КОММЕНТАРИИ

К «ОТРЫВКУ ИЗ ЗАВЕЩАНИЯ ДИЕГО МЕНДЕСА»

1. Публикуемый документ — отрывок из завещания участника четвертого путешествия Колумба Диего Мендеса де Сегуры, составленного в июне 1536 г., непосредственно касающийся событий этого плавания. Оригинал завещания хранится в архиве герцогов Верагуа в Мадриде. Впервые этот отрывок был напечатан Наваррете, в *Colección de los viajes y descubrimientos*. Диего Мендес, если судить по материалам тяжбы Колумба, был в течение многих лет теснейшим образом связан с домом Колумба и лично заинтересован в благоприятном исходе процесса, который вели потомки адмирала с испанской короной. Судя по приводимому здесь сообщению Мендеса о четвертом плавании, роль его в этом трудном и опасном путешествии была весьма значительна. Однако нет данных, подтверждающих активное участие Мендеса в событиях этого плавания.

2. Луис Колумб — сын Диего Колумба и Марии де Толедо (1521—1572 гг.), третий адмирал Индий.

3. Мария де Толедо-и-Рохас — вдова старшего сына Колумба — Диего, второго адмирала Индий. После смерти мужа (1526) была опекуншей сына Луиса, третьего адмирала Индий, и настойчиво и энергично вела тяжбу с короной, отстаивая права рода Колумбов.

4. Название этой реки передается по-разному у авторов XVI столетия. Фердинанд Колумб именует ее «Гикуре», Лас Касас — «Иебра», Диего де Поррас — «Иребра».

5. У Фердинанда Колумба и Лас Касаса приводятся иные версии истории вероломного захвата касика. Имя касика — Кибан, поручен он был надзору главного пилота флотилии, Хуана Санчеса де Кадис.

6. Диего Тристан был капитаном флагманского корабля «Капитаны».

7. В своем завещании Диего Мендес приписывает исключительно себе успех, выпавший ему на долю в плавании от Ямайки к Эспаньоле. Лас Касас и Фердинанд Колумб отмечают, что важную роль в осуществлении этого предприятия сыграл генуэзец Бартоломео Фреско, капитан «Вискайны», сопровождавший Мендеса. На каное было шесть испанцев и десять индейцев-гребцов. Сам Мендес после встречи с правителем Эспань-

олы Николасом Овандо направился в Испанию, а Фреско возвратился на Ямайку.

8. А с у а — поселение, основанное на южном берегу Эспаньолы, на месте одноименной индейской деревни командором Гальего, о котором ниже упоминает Мендес. Здесь было подписано в 1499 г. соглашение между Колумбом и Ролданом.

9. Речь идет о кровавой карательной экспедиции, предпринятой в 1504 г. правителем Эспаньолы Николасом Овандо против индейцев области Харагуа. Во время этой экспедиции истреблено было несколько тысяч индейцев, и вся область была опустошена дотла. Испанцы расправлялись с местным населением свирепо и беспощадно: людей сжигали живьем, закапывали в землю, травили собаками.

Диего Мендес указывает, что сожжено было 84 касика, и цифра эта близка к истине (Лас Касас говорит о 80 сожженных касиках, Гомара о 40). Накаона (правильнее Анакаона) была верховной правительницей в Харагуа и вдовой касика Каонабó, с которым испанцы жестоко расправились в 1494 г. Решительно все хронисты XVI века отмечают ее выдающиеся достоинства — энергию, ум, мужество.

Переводчик выражает искреннюю признательность В. С. Узину за просмотр текста перевода и за ценные замечания.

Я. Свет.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ И ЗАРОЖДЕНИЕ СИСТЕМЫ ЭКСПЛУАТАЦИИ ЕЕ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ

Открытие золотых и серебряных приисков в Америке, искоренение, порабощение и погребение заживо туземного населения в рудниках, первые шаги к завоеванию и разграблению Ост-Индии, превращение Африки в заповедное поле охоты на чернокожих — такова была утренняя заря капиталистической эры производства. Эти идиллические процессы составляют главные моменты первоначального накопления.

Маркс и Энгельс, Соч., т. XVII, стр. 821.

Письма и дневники Колумба — это летопись бурной эпохи первоначального накопления, писанная тяжелой кастильской прозой и звучащая истинно библейским пафосом, когда речь идет о золоте, когда описываются богатства новооткрытых земель. Именно в этом неумном стремлении к золоту проявляются черты, типичные для всех современников Колумба — участники дальних океанских предприятий.

И в Кастилии, и в Португалии к концу XV столетия королевская власть, действуя рука об руку с городами, сломила мощь феодалов. И в той и в другой стране сложились абсолютные монархии с крепкой централизованной властью. Понадобились новые мощные источники богатств и прежде всего золото, ибо деньги стали крупной общественной силой.

Легенды о дивных странах, где золота так же много, как песка на берегах Тахо и Гвадалкивира, где голые и «коснеющие» в язычестве люди украшают себя ожерельями из драгоценных камней, где под жгучим южным солнцем созревают перец, мускатный орех и гвоздика, — слагались летописцами португальских открытий XV века Азурарой, Кадамосто и другими. Это были легенды, поведенные миру расчетливыми купцами, трезвыми искателями наживы. С бухгалтерской точностью эти певцы чистогана повествуют о добыче, захваченной в африканских экспедициях.

Под 1442 г. Азурара отмечает, что в Лиссабон впервые были привезены с африканского берега черные рабы. В 50-х и 60-х годах XV века торговля гвинейскими рабами расцветает. Невольничьи рынки Лиссабона и Лагуша приобретают всеевропейскую известность, а компании пиратов-рабовладельцев, в которых на паевых началах участвуют богатые купцы, принцы королевского дома и сам король, получают баснословные доходы и все больше расширяют круг своей коммерческой (и одновременно разбойничьей) деятельности.

Португальские пионеры первоначального накопления не основывают своих поселений на берегах новооткрытых стран, не стремятся проникнуть вглубь Африки, не предпринимают долгих и изнурительных завоевательных походов. Португальские искатели наживы — это полукупцы, полупираты, живущие больше на своих прочных и легких кораблях, чем на суше. У них устанавливаются крепкие торговые связи со многими вождями крупных и мелких африканских племен. Африканские «царьки» получают от португальцев стеклянные четки, ленты, грошовые ножи, куски дрянных тканей, бочки с разбавленной «огненной водой» и в обмен дают белым пришельцам рабов, золото, слоновую кость. За рабами снаряжаются охотничьи экспедиции вглубь страны. В этих экспедициях сами португальцы участвуют сравнительно редко. Вожди негритянских племен настолько заинтересованы в торговле с португальцами, что по своей инициативе предпринимают походы за рабами.

В 70-х и 80-х годах, по мере того как португальские мореплаватели все дальше и дальше продвигаются вдоль западных берегов Африки к югу, возникают в Гвинее опорные пункты и фактории. В 1482 г. закладывается в районе золотых рудников на северном берегу Гвинейского залива (теперь Золотой Берег) крепость Сан Жоржи да Мина, которая позднее становится важной промежуточной базой на великом морском пути из Лиссабона в Индийские моря (до Индии португальцы дошли в 1498 г.). Но попрежнему португальская колониальная система основывалась на работорговле и пиратских промыслах. Колумб также проявил себя как работорговец. Но испанские колонизаторы, которым Колумб проложил путь к берегам Америки, действовали уже иными методами, создавая более сложную систему эксплуатации коренного населения американских земель.

* *

14 октября 1492 г., т. е. на третий день своего пребывания на новооткрытой американской земле, Колумб в своем дневнике отметил:

«Впрочем, вашим высочествам, быть может, угодно будет повелеть отправить всех индейцев в Кастилию или оставить их

на этом острове пленниками, ибо достаточно пятидесяти человек, чтобы держать их всех в покорности и заставить делать все, что угодно» *.

А возвращаясь из первого плавания, он писал: «Таким образом из одного лишь того, что было выполнено во время этого столь недолгого путешествия, их высочества могут убедиться, что я дам им столько золота, сколько им нужно, если их высочества окажут мне самую малую помощь; кроме того, пряности и хлопка — сколько соизволят их высочества повелеть, равно, как благовонную смолу, сколько они прикажут отправить.., я дам также алоэ и рабов, сколько будет угодно и сколько мне повелят отправить, и будут эти рабы из числа язычников» **.

Колумб явился в Америку как пионер кастильской колониальной экспансии. Золото, драгоценные камни, пряности и рабы — таковы были подлинные цели, ради которых предприимчивый генуэзец был послан за океан. На Гуаныхани, Кубе и Эспаньоле рыцари первоначального накопления столкнулись с народами, стоявшими на низшей ступени варварства, с мирными индейцами, которым чужды были представления и понятия феодальной Кастилии конца XV века.

Очень характерно описание этой встречи у Колумба в его послании к Сантанхелю и Санчесу.

Колумб пишет: «За новую мелкую разменную монетку отдавали они все, что имели, будь то золото весом в два-три кастильяно или одна-две арробы хлопковой пряжи.. Даже за обломки лопнувших обручей от винных бочек они, как дикари.. отдавали все, что у них было» ***.

Выменивая на разноцветные стекляшки и грошовые наконечники агухет золото, Колумб поступал как истинный пионер европейской колонизации. При первой встрече с индейцами он намечал планы подчинения этих людей — доверчивых и мягких нравом, людей, о которых он сам говорит, что все, что есть у них, «они предлагают с таким радушием, что кажется, будто они дарят свои сердца».

Как опытный оценщик, Колумб описывает землю, леса и народы Эспаньолы. Золотые россыпи и корабельный лес интересуют его не в меньшей степени, чем телосложение индейцев, которым он заранее уже уготовил роль рабов кастильских господ.

Маркс отмечает, что донесения Колумба характеризуют его самого как пирата и что работорговля была основой его деятельности ****.

* Дневник первого путешествия.

** Письмо Колумба Сантанхелю и Санчесу.

*** Там же.

**** Архив Маркса и Энгельса, т. VII, стр. 100, Госполитиздат, 1940.

В первом путешествии Колумб не ограничился только предварительным ознакомлением с нравами и обычаями индейцев и меновым торгом с ними.

Он оставляет на острове Гаити (Эспаньоле) в области касика Гуаканагары 39 человек в укрепленном лагере Навидад и поручает им не только поиски золота, но и подготовку к будущим операциям по закабалению страны. Подобные операции не кажутся Колумбу хлопотливыми — ведь у индейцев нет никакого оружия, кроме заостренных палок.

Судьба гарнизона, оставленного в Навидаде, нам известна. Все 39 человек сложили буйные головы на Эспаньоле, причем надо было действительно довести до последней крайности терпеливых и боязливых индейцев, чтобы вызвать их на вооруженную борьбу с пришельцами.

Сам Колумб возвращается в Кастилию, и вести об открытии богатых земель в море-океане мгновенно распространяются по всей стране, возбуждая толки и пересуды, до глубины души волнуя искателей наживы, разжигая в их воображении соблазнительные картины заокеанского «рая», где живут на золотых реках смиренные, как ягнята, индейцы, не ведающие ни железа, ни пороха, ни денег.

Король и королева немедленно принимают меры для организации второй экспедиции. Из Барселоны, где временно находился двор, в апреле, мае, июне, июле и августе 1493 г. во все концы Испании направляются указы, письма и распоряжения. В Кадисе и Севилье создается специальный административный аппарат во главе с севильским архидиаконом Хуаном де Фонсекой, которому поручается не только снарядить экспедицию, но и отобрать людей для отправки за океан. Фонсека разрабатывает систему мероприятий по жесткой регламентации всей политической и хозяйственной деятельности колонии, учреждаемой на Эспаньоле.

Об этой системе и о планах короны можно составить представление, читая инструкцию королевской четы Колумбу от 29 мая 1493 г. Но уже в ходе подготовки второй экспедиции выяснилось, насколько нереальны были надежды Изабеллы и Фердинанда.

Ни Колумб, ни кастильская корона, которая стремилась создать на новоприобретенных землях выгодную для казны систему эксплуатации коренного населения, не учли и не могли учесть, что эти земли сразу же после того, как весть об их открытии дойдет до Европы, будут вовлечены в кипучий водоворот, что безудержная стихия первоначального накопления сама по себе определит черты испанской колониальной системы, не предусмотренные проектами короны. Эта система окончательно сложится лишь полстолетия спустя как система компромисса между короной, выразившей интересы парази-

тической верхушки феодальной знати, с одной стороны, и военно-феодальной «конкистадорской вольницей» — с другой. Жертвами этой компромиссной системы окажутся, разумеется, коренные жители американского континента — индейцы.

На Антильских же островах — первой американской земле, приобщенной к «благам» европейской и христианской «цивилизации», коренное население будет истреблено за эти полвека начисто.

Когда Колумб открыл Багамские и Антильские острова, он застал там многочисленное коренное население. Вероятно, не менее двух миллионов жителей насчитывалось в 1492 г. только на Больших Антильских островах — Эспаньоле, Кубе, Пуэрто Рико и Ямайке. Стоящие на более высоком уровне таинские, или арауканские, племена населяли Эспаньолу и Пуэрто Рико и большую часть Кубы, мирно уживаясь с менее культурными индейцами сибонейской группы.

Таинские племена находились на низшей ступени варварства. Это были оседлые индейцы, которые уже издавна умели возделывать землю и культивировать маис, бататы, хлопчатник и некоторые другие полезные растения. Земледелие в большей степени, охота и рыбная ловля в значительно меньшей — были их основными занятиями. Они не знали железа, не имели домашнего скота. Земля обрабатывалась ими с помощью каменных и деревянных мотыг и заступов, порой превосходной выделки. У них были вместительные и быстроходные каноэ, на которых совершались относительно далекие путешествия. Хлопчатобумажные ткани жителей Гаити вызвали удивление европейцев. Наиболее распространенным типом жилища у таинских племен были так называемые бохио — круглые вместительные шатры с двускатной кровлей.

Вторжение испанцев застало таинские племена на стадии разложения родового строя. В расселении, а также в пользовании землей особенности родового уклада сохранились достаточно отчетливо. Поля обрабатывались сообща группой индейцев одного рода. Родовой коллектив распределял среди своих членов урожай. Однако уже обособилась группа родовых старейшин — касиков, у которых, повидимому, были особые земельные наделы, и родовая аристократия, окружавшая касиков, — «нитайно». Известно, что при полевых работах использовался труд военнопленных, которых, однако, ни один испанский летописец XVI столетия не решается назвать рабами в собственном смысле этого слова.

Лас Касас указывает, что на Эспаньоле было в период ее завоевания пять «королевств». По всей вероятности, то были области расселения отдельных племен, причем во главе каждого из них стоял свой касик, которому подчинялись касики низшего ранга — старейшины родов.

Сибонейские племена, археологические остатки которых чаще всего встречаются в западной части острова Кубы, занимались главным образом рыболовством и охотой, и хотя земледелие им было известно, но в этой области они значительно отстали от индейцев таинской группы.

Сибонейские орудия труда были гораздо грубее таинских. Сибоней жили в пещерах или в расселинах скал.

На Малых Антильских островах обитали карибы, или карибы, наиболее развитые индейские племена Вест-Индского архипелага. Только карибам — воинственному племени — были известны лук и стрелы. У всех прочих индейцев оружие было крайне примитивно, на что указывает и Колумб в своем письме Сантанхелю и Санчесу и в Дневнике первого путешествия.

Трагическая история первых пятидесяти лет колонизации новооткрытых земель — это история зарождения и формирования испанской колониальной системы, и с самым ранним этапом этой эпохи знакомят нас летописи открытий Колумба.

Чтобы понять, что произошло на новооткрытых землях в 90-х годах XV столетия, необходимо прежде всего составить представление о движущих силах кастильской заокеанской экспансии и о существовании острых социальных противоречий, перенесенных из метрополии на земли Нового Света.

Во вводной статье речь шла о предпосылках кастильских открытий. В ней отмечалось, что весь ход исторического развития Испании второй половины XV века обусловил необходимость поисков новых земель, что в приобретении новых источников богатств были кровно заинтересованы и корона, и молодая буржуазия торговых городов, и феодальная знать, потерпевшая временное поражение в социальных битвах 70—80-х годов, и мелкопоместное дворянство, для которого завершение войн реконквисты сулило печальные перспективы оскудения, и католическая церковь с ее духовными орденами — алчная корпорация, которой за океаном открывалось непочатое поле деятельности.

Церковь, выдвинув программу «христианизации коснеющих в язычестве» обитателей новых земель, была прежде всего заинтересована в приобретении многомиллионной паствы. Вековой опыт давал возможность «добрым пастырям» успешно стричь стада христовых овец. Князья церкви и духовные ордена не в меньшей мере желали завладеть землями и золотом в заокеанских странах.

Планы «христианизации» корона поддерживала с энтузиазмом, ибо в монахах и попах, овладевающих душами индейцев, король и королева видели своих верных помощников. Миссионер в рясе стоил солдата в латах. Кстати сказать, служители католического бога нередко сменяли четки на шпагу и убеж-

дали язычников в «превосходстве истинной веры» не только словом, но и мечом, а богатые церковники нередко выступали в роли банкиров, финансировавших некоторые экспедиции.

Города, особенно андалузские, стремились захватить в свои руки инициативу в заморских предприятиях. Используя покровительство короны, они пытались всемерно увеличить долю своего участия в прибылях.

Так как королевская власть в финансовом и материальном отношении зависела от своих богатых союзников — купцов и банкиров — и на свой счет не могла организовать ни экспедиции за океан, ни планомерной эксплуатации открываемых территорий, она, естественно, была вынуждена прибегать к услугам частных лиц.

Корабли снаряжались андалузскими судовладельцами и купцами. С ними же или с предприимчивыми рыцарями наживы король и королева заключали договоры на новые открытия. Поэтому волей-неволей корона должна была поступаться своими интересами, пытаясь лишь установить систему регламентации и контроля над деятельностью этих предпринимателей.

Так возникла система договоров (капитуляций), особенно характерная для первой половины XVI столетия. Организаторы заморских предприятий — частные лица — заключали договоры и соглашения с короной и, получая титулы наместников (аделантадо) в открываемых ими землях, обязывались уделять короне определенную часть барышей.

Можно было, если не ограничить, то хоть в известной степени подвергнуть контролю деятельность купцов, судовладельцев, банкиров и их агентов. Но никакими силами нельзя было ввести в русло буйную военно-феодальную вольницу, неудержимым потоком хлынувшую за океан.

После завершения испанской реконкисты многочисленное и воинственное кастильское рыцарство оказалось в крайне тяжелом положении.

Кастильские идалго не имели ни крупных земельных владений, ни доходных синекур. Эту массу паразитов, гнушавшихся труда, кормили вплоть до конца XV века войны реконкисты и междоусобные распри крупных феодалов.

События последней четверти века ни в какой мере не могли быть на пользу рыцарству. Прекращение феодальных раздоров, взятие Гранады — последнего оплота мавров на полуострове — повергли в уныние и смятение идалго.

Перед короной стал вопрос, в какое русло направить кипучую энергию этой драчливой и хищной феодальной вольницы.

Частично унять эту опасную энергию могли затяжные войны, которые вела кастильско-арагонская держава на итальян-

янской территории. Новый предохранительный клапан был обретен с момента открытия Америки. Презиравшие труд, спесивые и надменные рыцари, очертя голову, бросились за океан, привлеченные слухами о золоте. Эти люди не умели ни пахать, ни сеять, ни корчевать лес, ни добывать золото, и занятия подобного рода казались им заторными. Эти рыцари легкой наживы не желали таскать каштаны из огня ни для королей, ни для их наместника Колумба. Для них открылись заманчивые перспективы дальних походов и эпических грабежей. Спустя четверть века эстремадурский идалго Эрнандо Кортес с несколькими сотнями других искателей наживы завоюет Мексику, а еще через 15 лет другой эстремадурец Франсиско Писарро, участник разбойничьих походов в Центральной Америке, покорит в Южной Америке государство инков. Разумеется, будущие конкистадоры не желали и не могли быть покорными подданными кастильской короны и в поте лица добывать хлеб насущный на девственных землях Эспаньолы. В хрониках современников Колумба — Бернальдеса, Лас Касаса, Петра Мартира — описываются «подвиги» этой алчной вольницы. Подобно саранче кинулся этот сброд на индейские селения. За шесть лет (с 1494 по 1500 г.) был разорен и разграблен дотла весь остров, истреблена половина его населения. Индейцев жгли на кострах, травили собаками, загоняли в лесные чащи и в горы, возделанные поля превращались в пустыню. Предав огню и мечу Эспаньолу, кастильские конкистадоры перебрались на Ямайку, Кубу, Пуэрто Рико, на открытые в 1498—1499 гг. берега Южной Америки.

Глубокие противоречия, определившие существенные черты колониальной системы, которая зарождалась в новооткрытых землях, отчетливо проявлялись в ходе подготовки и осуществления второй экспедиции Колумба.

Для снаряжения флотилии в 17 кораблей корона вынуждена была прибегнуть к помощи кастильских и иностранных купцов и банкиров.

23 мая 1493 г. Изабелла и Фердинанд предписывают алькальдам, коррехидорам и прочим представителям власти в торговых городах Андалузии оказать посильную поддержку Колумбу и Хуану Фонсеке *. Своего агента в Севилье, генуэзского банкира Франческо Пинелли (в испанском произношении Франсиско Пинело), король и королева обязывают бесперебойно финансировать снаряжавшуюся флотилию **. Необходимые денежные суммы Пинело брал в долг у севильских банкиров и купцов, под залог текущих и ожидаемых налоговых поступлений.

* Указ королей от 23 мая 1493 г. Colección de documentos inéditos de Indias, t. XXXVIII, pp. 143—144.

** Указы от 23 мая 1493 г. Colección de documentos inéditos de Indias, t. XXXVIII, pp. 145—160.

И при снаряжении второй экспедиции и в последующих заморских предприятиях активное участие принимали судовладельцы и купцы в Палосе, Севилье, Хересе, Уэльве, Кадисе и Эсике. От Хуана Фонсеки тянулись незримые нити к торговым домам Барселоны и бискайских городов. Итальянцы Пинелли, Берарди, Панталеоне, Чентурионе финансировали всю службу снабжения Индий, созданную в 1493 г. короной*. Вероятно, по соглашению с андалузскими торговыми фирмами король и королева запретили снаряжение и отправку каких бы то ни было кораблей в Индию без специального на то разрешения** и определили, что единственным портом страны, из которого могут отправляться в новооткрытые земли корабли и куда суда должны прибывать из заморских плаваний, отныне должен быть Кадис***.

Таким образом корона, зависящая от своих кредиторов, заранее поступалась в их пользу частью ожидаемых доходов.

Когда корабли второй экспедиции покинули Кадис, на их борту было свыше 1 500 человек. Земледельцы, ремесленники, мастера горного промысла, пушкари, строители насчитывались во флотилии единицами. Зато много было «благородных» идальго, ветеранов феодальных смут и гражданской войны, слуг и клиентов кастильских магнатов и всевозможных проходимцев с дворянским гербом или без него.

Уже первые месяцы пребывания на Эспаньоле принесли и Колумбу, и его буйным спутникам немало неожиданностей.

Идальго считали ниже своего достоинства в поте лица добывать хлеб насущный и пачкать руки на работах по постройке укрепленного городка Изабеллы, заложенного на северном берегу острова. Продовольствие иссякало, болезни косили непривычных к тропическому климату людей, и единственным утешением для всех были вести о находке золотых россыпей в глубине страны, принесенные начальниками разведывательных отрядов Алонсо де Охедой и Горваланом.

Король с королевой и стоящие за их спиной кредиторы отнюдь не желали удовлетворяться сообщениями о грядущих барышах и патетическими описаниями красот Эспаньолы. Им нужно было золото, а Колумб со своими отрядами воинственных бездельников этого золота добыть не мог по трем причинам: во-первых, слухи о богатых россыпях оказались весьма

* Разные указы от 1493, 1495 и 1497 гг. Colección de documentos inéditos de Indias, t. XXXVIII, pp. 261, 320, 323, 394.

** Открытое письмо от 23 мая 1493 г. Colección de documentos inéditos de Indias, t. XXXVIII, pp. 161—165.

*** Инструкция короля и королевы Колумбу от 29 мая 1493 г.

и весьма преувеличенными; во-вторых, его спутники желали, чтобы золото добывалось для них, а не для государей Кастилии и Арагона; в-третьих, добывать золото своими руками эти рыцари легкой наживы считали делом хлопотливым и ззорным.

Между тем, не давая доходов, колония пожирала огромные средства; достаточно сказать, что фрахт корабля вместимостью в 100 тоннах (80—85 тонн) обходился в 200 000 мараведи*. Между тем ежегодно приходилось посылать в Индии 12—16 кораблей.

В соглашении от 23 апреля 1497 г. королей с Колумбом о средствах, необходимых для содержания 300 человек в течение 6 месяцев, нужная сумма была определена в 4 100 800 мараведи**.

Снабжение провиантом 1 500 человек связано было с огромными затратами, которые истощали и без того скудные ресурсы короны.

В этих условиях и возник проект организованной работорговли, первый набросок которого Колумб дал в мемориале, отправленном 2 февраля 1494 г. в Кастилию с флотилией Антонио Торреса (см. «Мемориал, посланный королю и королеве через Антонио Торреса». Речь идет здесь, правда, не о коренных жителях Эспаньолы, а о карибах, населяющих Малые Антильские острова)***.

Как мы увидим дальше, начиная с 1495 г. в Кастилию стали отправляться партии рабов, состоящие исключительно из жителей острова Эспаньолы, захваченных в бесчисленных карательных экспедициях и в завоевательных походах.

В том же 1494 г. после провала предпринятой Колумбом экспедиции в область Сибао, где кастильцы надеялись добыть

* Договор короны с Хуаното Берарди, Colección de documentos inéditos de Indias, t. XXXVIII, p. 324.

** Соглашение от 23 апреля 1497 г. короны с Колумбом, Colección de documentos inéditos de Indias, t. XXXVIII, pp. 364—370.

*** Карибы, или канибы,— жители Малых Антильских островов. Однако так Колумб и его спутники называли всех свободолюбивых и отважных индейцев (вне зависимости от места их обитания), которые оказывали стойкое сопротивление кастильским захватчикам. Заметим мимоходом, что и в дальнейшем конкистадоры, вторгаясь на территорию южноамериканского материка, давали обитателям разоряемых ими земель кличку карибов (хотя ничего общего с карибами жители этих стран не имели). Называя мирных индейцев карибами, а с этим понятием связаны были представления о непокорных и воинственных племенах, живущих на Малых Антильских островах, конкистадоры находили в этом оправдание творимых ими жестокостей. Относительно обычаев людоедства, якобы существовавших у карибов, сам Колумб высказывался весьма неуверенно.

Несомненно, что, создавая легенду о карибах — пожирателей человеческого мяса, конкистадоры, обратившие Малые Антильские острова в заповедник для ловли рабов, пытались придать себе видимость работорговцев «цивилизации».

много золота, началось покорение Эспаньолы — истребительные войны, в которых на разграбление обрекались одна за другой все части острова.

В этих войнах нашли ярчайшее выражение «идиллические процессы» первоначального накопления и выработались методы массового уничтожения и грабежа незащищенного населения новооткрытых земель.

В апреле 1494 г. Колумб отправился в плавание к берегам Кубы, назначив для управления островом совет из пяти членов. Каталонцу Педро Маргариту поручено было с отрядом в 500 человек предпринять поход в область Сибано, где энергичный касик Каонабо выступил против кастильцев, которые своими притеснениями довели до отчаяния индейцев этой области*.

Маргарит, однако, сбежал в Испанию, как только в Изабеллу пришли корабли, на которых прибыл на Эспаньолу брат адмирала Бартоломе. С ним бежал и монах Буйль, которому поручено было обращение индейцев в христианство. Лишенные руководства воины отряда Маргарита рассеялись по стране, огнем и мечом опустошая индейские селения.

В октябре 1494 г., когда Колумб вернулся из плавания на Эспаньолу, всеобщее возмущение охватило остров. Испанский историк XVIII столетия Муньос указывает, что «обиды приумножились настолько, что стали нестерпимыми для обитателей Веги (т. е. области Вега Реаль). Солдаты, лишенные командиров, способных держать их в руках, рассеялись в разные стороны, предаваясь своим страстям в меру своих потребностей, темперамента и прихоти. Потеряв терпение, несчастные индейцы утратили страх и пришли в состояние отчаянной решимости»**.

Это возмущение, главным очагом которого была область Вега Реаль, было подавлено свирепейшим образом. В январе — феврале 1495 г. капитан Луис Арьяга разорил область Макарис, где против испанцев выступил касик Гуатигуасия; несколько тысяч индейцев было перебито, около 500 пленников — взрослых мужчин и женщин — Колумб отправил в Севилью на четырех кораблях для продажи на невольничьем рынке.

24 марта 1495 г. 200 испанских пехотинцев и 20 конников, взяв с собой собак-людоедов, специально вымуштрованных для травли людей, вступили в Вега Реаль и дали бой индейскому ополчению. Вооруженные тростниковыми дротиками, индейцы были разбиты. В боях индейцы понесли небольшие потери, но много тысяч мирных жителей обоего пола погибло от пуль и ножей карателей или было растерзано собаками. Наиболее здо-

* Инструкция Колумба Педро Маргариту.

** J. S a c o. Historia de la esclavitud de los indios, t. I, pp. 101—102.

вали матерей с младенцами спиной к спине и притом всех, которых находили на своем пути... Воздвигали длинные виселицы так, чтобы ноги [повешенных] почти касались земли и, вешая по тринадцать [индейцев] на каждой, во славу и честь нашего искупителя и двенадцати апостолов, разжигали костры и сжигали [индейцев] живьем. Иных [индейцев] обертывали сухой соломой, привязывая ее к телу, а затем, подпалив солому, сжигали их. Другим — и всем тем, кому желали сохранить жизнь, — отсекали обе руки, и руки эти подвешивали к телу, говоря этим индейцам: «Идите с этими письмами, распространяйте вести среди беглецов, укрывшихся в лесах...»

...И так как все, что мог сбежать, укрывались в лесах или горах, спасаясь от людей, столь бесчеловечных и безжалостных, таких жестоких скотов, истребителей и смертных врагов рода человеческого, то были обучены и вымуштрованы отчаяннейшие псы, которые, завидя индейца, в мгновение ока разрывали его на куски. А бросались они на людей и пожирали их охотнее, чем свиней. Эти псы творили великие опустошения и душегубства.

А так как иногда — и при этом мало, и редко, и по справедливой причине — индейцы убивали кого-нибудь из христиан, то последние сговорились между собой, что за одного христианина, которого убьют индейцы, христиане должны убивать сто индейцев...» *.

Вести о разбойничьих подвигах первых «завоевателей» Эспаньолы, проникая в Кастилию, возбудили аппетиты легко подвижной и падкой на всевозможные авантюры феодальной вольницы. Стремясь удовлетворить эти желания и одновременно соблюсти свои собственные выгоды, Изабелла и Фердинанд особыми грамотами от 10 апреля и 30 мая 1495 г. определили правила, которые должны были соблюдать все желающие «итти и обосноваться в «Индиях» и все, кто отправлялся на поиски новых земель» **.

За море могли отправляться подданные испанской короны, получившие на то специальное разрешение. При этом выезжать в Индии можно было только из Кадиса, где все имущество уходящих в плавание подвергалось строжайшему осмотру.

Поощрялся выезд лиц, которые отправлялись в новооткрытые земли за свой счет. Им ставились условия: отдавать в казну две трети всего золота, добытого в Индиях, и десятую часть иных доходов, будь то прибыли торговых предприятий

* L a s C a s a s. Brevissima Relacion de la destruyccion de las Indias occidentales. Isla Española, Venecia, 1618.

** Инструкция о порядке заселения Индий. М. F. N a v a r r e t e. Coleccion de los viajes y descubrimientos, t. II, pp. 186—189; Coleccion de documentos inéditos de Indias, t. XXX, pp. 317—324; Coleccion de documentos inéditos de Ultramar, t. V, pp. 9—18.

или выручка от продажи ценностей, приобретенных на острове.

В дальнейшем доля золота, которую корона взыскивала, или, точнее говоря, пыталась взыскать с испанских поселенцев, была снижена сперва до одной трети, а затем и до одной пятой. Была даже предпринята попытка почти совершенно освободить поселенцев от этого налога (в 1500 г. во время правления на Эспаньоле Бобадильи). Но как ни маневрировали коронные казначеи, все равно им не удавалось ни пополнить дефицит короны, ни обеспечить эффективное исполнение многочисленных распоряжений и инструкций.

Король и королева ясно ощущали это уже в том же 1495 г. и ответственность за провал своих финансовых планов они возложили на Колумба.

Прибывший на Эспаньолу уполномоченный короны Хуан Агуадо возбудил крайнее недовольство адмирала своим прямым и косвенным вмешательством в дела управления.

В систему уже вошли вывоз рабов в Кастилию (хотя вскоре этот промысел прекратился из-за быстрой убыли коренного населения на Эспаньоле) и использование на месте рабского труда. Одновременно появляется и новая форма эксплуатации индейского труда в тех областях, где еще сохранилось на своих старых местах коренное население.

Испанские хронисты XVI и XVII столетий отмечают, что в 1495 г. Колумб обложил индейцев областей Сибоа и Веги Реаль, а также обитателей всех районов острова, где имелось золото, податью в золотом песке. Раз в три месяца каждый индеец старше 14 лет обязан был принести полный каскавель (небольшой колокольчик-погремушку) золота. Каждый индеец других областей обязан был в те же сроки сдавать не менее одной арробы (11,5 кг) хлопка.

Колумб полагал, что каждый трехмесячный взнос будет приносить ему не менее 20 000 песо чистого сбора. Оказалось, однако, что за первые девять месяцев было внесено золота всего лишь на ...200 песо, что составляло ничтожную долю затрат на содержание колонии.

Всем индейцам, обложенным податью, велено было носить подвешенную на шею бронзовую или медную дощечку, на которой отмечались их взносы. Король и королева в инструкции адмиралу от 23 апреля 1497 г. обязали его следить за тем, чтобы индейцы постоянно носили эти бирки*. Но индейцы, даже искренне желая удовлетворить алчность кастильских правителей, не могли бы собрать столько золота, имея смутное понятие о способах добывания этого металла. К тому же золота на Эспаньоле было куда больше в пламенном воображении

* Инструкция короля и королевы Колумбу от 23/IV—1497 г. М. Ф. Navarrete. Colección de los viajes y descubrimientos, t. II, p. 207.

Колумба и его соратников, чем в действительности. Известно, что богатейшие месторождения золота и серебра, разработки которых вызвали огромный прилив этих драгоценных металлов в Европу и революцию цен второй половины XVI и XVII столетий были открыты только после завоевания Мексики, Перу и северных андских стран в период 1520—1550 гг. *. Опыт первых же месяцев показал, что на золотую подать от Эспаньолы рассчитывать не приходится.

О причинах и последствиях мероприятий Колумба испанский историк XVII столетия Эррера пишет так: «Так как адмирал был чужестранцем и не пользовался расположением приближенных католических королей и так как он считал, что сокровища, которые следует отправлять [в Кастилию], есть главное, что надлежит собирать, то больше всего он заботился о золоте; во всем же остальном он был христианином из христиан и человеком богобоязненным, и поэтому он смягчил подать, видя, что [индейцы] не могут ее внести, и некоторые из них бегут в леса, другие же скитаются из одной области в другую, словно бродяги» **.

Это «смягчение» во много раз ухудшило и без того тяжелое положение индейцев.

Дело в том, что Колумб заменил подать в золоте принудительной трудовой повинностью индейцев. С весны 1496 г. индейцы обязаны были безвозмездно возделывать поля кастильцев и работать на золотых рудниках. При этом группы индейских селений во главе с их касиками прикреплялись к близлежащим земельным угодьям, отведенным кастильцам.

Прекрасно информированный испанский историк начала XVII столетия Леон Пинело утверждает, что именно к этому времени (т. е. к 1495—1496 гг.) относится возникновение системы «репартимьенто», т. е. раздач кастильским поселенцам земли и индейцев («репартимьенто» буквально значит «раздел») ***. Индейцы, приписанные к землям кастильских поселенцев, обязаны были отбывать барщину на полях владельца земли и безотлучно находиться в своих селениях. Бегство каралось смертью или обращением в рабство. В последнем случае положение учинившего побег не слишком даже ухудшалось: работа закрепощенных индейцев была так же тяжела, как труд рабов.

Первые «репартимьенто» возникли не по прихоти Колумба. Земель и прикрепленных к ним индейцев требовали все ка-

* В 1493—1520 гг. было добыто в испанской Америке 800 кг золота, а в период с 1545 по 1580 г. добыча золота составила 9 250 кг и добыча серебра 494 200 кг.

** Herrera. Historia general de los heshos castellanos... en las Indias; década I, libro II, cap. XVII, Madrid, 1601.

*** Leon P i n e l o. Tratado de las confirmaciones reales, p. 4.

стильские поселенцы. Интерес к заморской земле проявляли и феодальные магнаты в Кастилии и Арагоне и та прослойка служилого дворянства, которая приобрела особое влияние и значение при дворе абсолютных монархов Испании — Изабеллы и Фердинанда. Плодородными землями Индий интересовались духовные ордена — доминиканцы, францисканцы, иеремиты, которые утверждаются на Эспаньоле несколько позднее, в 1501—1520 гг.

Интерес к «земельной проблеме» возрастает в последние годы XV столетия, когда выяснилось, что золота на Антильских островах вовсе не так уж много, и когда кастильцы на Эспаньоле с горечью начинают сетовать на то, что с дочиста ограбленных индейцев ничего, кроме их рабочих рук, взять уже больше нельзя.

Удовлетворяя петиции поселенцев Эспаньолы, Изабелла и Фердинанд открытым письмом от 22 июля 1497 г. * предоставили Колумбу право раздачи земель на Эспаньоле. Желая обеспечить за собой монопольные возможности добычи драгоценных металлов и эксплуатации ценных пород леса, король и королева отметили: «Мы оставляем за собой красящее дерево (brazil), золото в любом виде, серебро и другие металлы, каковые на этих (т. е. розданных поселенцам) землях будут обнаружены...». Об индейцах в этом документе не говорится ни слова. Корона, которая в это время предпринимала попытки разрешить индейский вопрос в удобном для нее плане, оставила за собой возможности дальнейшего маневрирования.

С марта 1496 г. по сентябрь 1498 г. Колумб отсутствовал на Эспаньоле, готовя и осуществляя свою третью экспедицию.

Будучи в Кастилии, Колумб обратил внимание короля, королевы и высших чиновников по делам «Индий» на трудности, связанные с заселением колонии. Так как попрежнему доходы, поступающие с Эспаньолы, были невелики, число желающих переселиться на Эспаньолу стало уменьшаться. Изабелла и Фердинанд распорядились отправить с третьей экспедицией Колумба уголовных преступников. При этом все отправляемые на Эспаньолу преступники получали, вне зависимости от совершенных ими злодеяний, помилование. Смертники обязаны были за свой счет прожить в «Индиях» два года, прочие же преступники, включая и тех, которые были наказаны отсечением одной из конечностей, — один год. Милость эта, однако, не распространялась на «еретиков». Зато воры, грабители и убийцы призваны были помочь адмиралу «способствовать» обращению индейцев в христианство и заселению острова Эспаньолы и Ин-

* Письмо короля и королевы Колумбу от 22/VII—1497 г. M. F. Navarrete. Coleccion de los viajes y descubrimientos, t. II.

дий моря-океана, ибо сие будет угодно господу нашему владыке и возвеличит его святую веру, и расширит предел наших королевств и владений» *.

Но еще до прибытия этого нового пополнения «цивилизаторов» Эспаньола была ввергнута в смуту раздорами между властями, назначенными Колумбом, и кастильскими поселенцами.

На острове вспыхнул мятеж, возглавляемый главным судьей Эспаньолы Франсиско Ролданом.

Положение колонии было чрезвычайно тяжелым, когда Колумб 31 августа 1498 г. прибыл на Эспаньолу. Кипучие страсти рыцарей наживы никакими мерами нельзя уже было сдерживать, и Колумб вынужден был отказаться от подавления мятежа и вступить в переговоры с Ролданом.

Корона требовала от Колумба золота, кастильские поселенцы захватывали землю и рабов; продолжая уничтожать и грабить индейцев, они не считались ни с королем, ни с его губернатором.

Снова, как утопающий за соломинку, Колумб хватается за планы работорговли.

18 октября 1498 г. он пишет королю и королеве: «Отсюда можно, во имя святой троицы, отправлять всех рабов, которых окажется возможным продать, и красящее дерево. И если сведения, которыми я располагаю, справедливы, то, как говорят, можно продать 4 000 рабов и выручить по меньшей мере 20 куэнто... Ныне маэстре и моряки все богаты, и у всех намерение скоро возвратиться [в Кастилию] с грузом рабов... А плата за провоз взимается из первых же денег, вырученных от продажи рабов. И пусть даже умирают рабы в пути — все же не всем им грозит такая участь...» **.

Но план этот уже не мог быть осуществлен. Вдвое сократилось население Эспаньолы за пять лет кастильского господства.

Не о вывозе, а о ввозе рабов помышляли уже в ту пору испанские плантаторы. Участились пиратские экспедиции на Лукайские (Багамские) и Малые Антильские острова. Ловля обитателей этих островов и вывоз их на Эспаньолу стали доходнейшими промыслами. Цены на рабов росли с каждым днем. Спустя три года на Эспаньоле уже появились негры-рабы, вывезенные из Гвинеи.

Соглашением в Асуа между Колумбом и Ролданом, заключенном осенью 1499 г., практика репартимьенто, т. е. раздела земельных наделов с прикреплением к ним индейцев, была закреплена официальным актом.

* Амнистия, объявленная королем и королевой 22/XI—1497. Colección de documentos inéditos de Indias, t. XXXVIII, pp. 386—391.

** Письмо Колумба королю и королеве от 18 октября 1498 г.

Сто два соратника Ролдана получили земли в различных областях Эспаньолы и каждому из них были выделены в соответствующих округах индейцы.

Эррера указывает: «[Адмирал], не желая дать им [сторонникам Ролдана] разрешения на то, чтобы все они поселились в одном месте, ибо он боялся нового мятежа, поселил одних в Банао, откуда распространилась смута, других — в средней части Веги, или на берегах реки, которую называли Зеленой, третьих — в 6 лигах оттуда, в Сантьяго, в той же долине к северу, по прямому направлению; и адмирал давал и раздавал им владения и пашни с 20 000 монтонами — кому больше, кому меньше; а монтон в той стороне — это словно виноградная лоза [в Кастилии], с той только разницей, что лозы живут долго, а монтоны, которые дают хлеб, не более чем один — три года. И отсюда пошло начало репартимьенто и энкомьендам во всех Индиях, ибо адмирал давал им это по своим указам, говоря, что с таким-то касиком дает он столько-то тысяч мат (или монтон, что одно и то же) и что тот касик или его люди должны обрабатывать земли для того, кому они даны»*.

Под терминами мата, или монтон подразумевались грядки конусообразной формы, на которых возделывалась индейцами культура маниока (*Iatropa Manihot*).

16 ноября 1499 г. Колумб предоставил тем участникам мятежа Ролдана, которые желали вернуться в Испанию, возможность получить некоторое количество рабов. Всем мятежникам разрешалось пребывание на острове, причем им предоставлялось право состоять на коронной службе и владеть рабами и землями на острове.

Раздача земель и индейцев, произведенная в 1499 г., была по масштабам своим гораздо более значительной, чем прежние репартимьенто. Овьедо утверждает, будто все индейцы были розданы в 1499 г. Колумбом. Но, очевидно, известная часть индейцев еще в то время не подверглась распределению. Об этом свидетельствуют многочисленные пожалования, которые давались поселенцам в 1500—1514 гг.

Выше уже указывалось, что в 1497 г., резервируя за собой недра новооткрытых земель и ценные сорта леса, корона обошла молчанием вопрос об индейцах.

Между тем индейцы интересовали корону не в меньшей степени, так как, присвоив право исключительного использования их труда, испанский абсолютизм получил бы тем самым неограниченные возможности экспроприации заморских богатств. Королева-ханжа Изабелла приступила уже в 1495 г., совместно с богословами и юристами, к разрешению индейского вопроса в удобном ей плане, не проявляя, впрочем, при этом особой поспешности.

* Herrera. Historia general de los hechos castellanos en las Indias, t. 1, pp. 199—200, Madrid, 1601.

Когда в марте 1495 г. в Севилью прибыла партия рабов, — 500 индейцев обоего пола, захваченных Луисом Арьягой в его карательной экспедиции, Изабелла сперва отдала Фонсеке распоряжение продать их на рынках Андалузии наивыгоднейшим образом. Однако четыре дня спустя, 16 апреля 1495 г., королева приказала Фонсеке, не приостанавливая переговоров о продаже, воздержаться от получения денег от покупателей, пока не будут ей доставлены привезенные от Колумба письма, где изложены причины обращения индейцев в рабство. Изабелла указывала, что после того как она получит эти письма, вопрос о возможности продажи рабов будет передан для разрешения «ученым богословам и канонистам» *.

Между тем часть рабов была продана, а в январе 1496 г. Фонсека передал 50 самых здоровых индейцев капитану королевского флота Хуану Лескано для работы на галерах с условием, что если будет объявлено, что индейцы свободны, Лескано отпустит на волю тех, кто к тому времени останется в живых.

В 1496 г. прибыла из Эспаньолы и была продана Фонсекой первая партия индейцев в 300 человек. Рабы продолжали поступать в Кастилию и в следующие годы, и продажа их не вызывала у королевы ни возмущения, ни гнева. Богословы же и законники продолжали начатую ими в 1495 г. работу.

Плоды ее созрели пять лет спустя, когда выяснилось, что, в ущерб своекорыстным интересам короны, ее предприимчивые подданные стали владельцами подавляющего большинства индейцев Эспаньолы. Королевская чета и чиновники по ведомству Индий были, разумеется, в курсе событий 1498—1499 годов и прекрасно отдавали себе отчет в том, что никаким Колумбам не под силу справиться с заморскими добытчиками, что, не согласись адмирал своей подписью скрепить акт о пожаловании новых репартимьенто, Ролдан и другие колонисты захватили бы и земли, и индейцев явочным порядком.

Однако, когда в начале 1500 г. 15 сторонников Ролдана со своими рабами прибыли в Кастилию, Изабелла велела немедленно освободить рабов, демонстративно заявив при этом: «Кто дал право Колумбу раздавать моих вассалов кому бы то ни было!» **

Королевским указом, данным в Гранаде, предписывалось всем, получившим рабов от Колумба, немедленно отправить их обратно на Эспаньолу ***.

* Письмо короля и королевы Хуану де Фонсеке от 16 апреля 1495 г. *Coleccion de documentos inéditos de Indias*, t. XXXVIII, pp. 342—343.

** Так передают слова Изабеллы историки XVI столетия. Ни в одном документе эта фраза королевы не зафиксирована.

*** Бобадилья вывез из Кастилии обратно в Эспаньолу только 17 освобожденных рабов. Вероятно, большая часть индейцев, привезенных сторонниками Ролдана, либо осталась у своих владельцев, либо вымерла к моменту отправки флотилии Бобадильи.

Речь шла о рабах, приобретенных в силу репартименто 1499 г. Индейцы же, ранее привезенные в Испанию, освобождению не подлежали, так как королеве было известно, что «они взяты в справедливых войнах». Этим фарисейским актом королева-ханжа объявляла индейцев «свободными» кастильскими подданными и ее прямыми вассалами; при этом ссылаясь на прецеденты, упомянутые в указе, подтверждала, что этих «свободных» людей можно обращать в рабство в «справедливых войнах». Разумеется, все войны, в которых кастильские хищники завоевали новооткрытые территории, считались справедливыми, поскольку они велись под флагом распространения «истинной веры» и утверждения власти «католических» королей.

Таким образом Изабелла гранадским указом сразу пыталась убить трех зайцев.

1. Она стремилась резервировать за собой право распоряжаться судьбой индейцев: отсюда провозглашение индейцев «свободными» (читай — закрепощенными!) подданными и вассалами испанских монархов.

2. Бросалась лакомая приманка конкистадорам — ограничивая их права на захват индейцев в уже покоренных областях, корона предоставляла им возможность поработать обитателей вновь открываемых земель и территорий, которые еще предстояло завоевать или усмирить.

3. До всеобщего сведения доводилось, что «их высочества» собираются вышвырнуть вон вице-короля, губернатора и адмирала Индий, поведением которого они совершенно недвусмысленно выражали монаршее недовольство.

Буржуазные историки создали легенду о гуманных тенденциях «католических» королей, которые якобы проявили себя как покровители индейцев. Миф об Изабелле и Фердинанде — мудрых законодателях, провозгласивших индейцев «свободными людьми» и пытавшихся спасти их от гибели, получил признание в работах большинства современных западноевропейских и американских исследователей.

Однако лицемерная фразеология законодательных актов «католических» королей была направлена к одной лишь цели — обеспечить интересы испанской короны и тех общественных сил, на которые она опиралась.

Первое десятилетие XVI века вошло в историю испанской колониальной системы как период дальнейшего формирования ее главных институтов — рабства и эксплуатации труда закрепощенных индейцев.

Именно в эти годы появляется и приобретает широкое распространение институт энкомьенды — гнуснейшая форма использования крепостного труда.

Репартименто 1495—1499 гг. — это энкомьенда в ее зачаточной форме, энкомьенда, лишенная той фарисейской

оболочки, с помощью которой корона и церковь пытались скрыть ее крепостнический характер и обеспечить себе преимущественное право на эксплуатацию труда коренного населения.

Мы уже видели, что именно этими стремлениями были продиктованы акты, провозглашавшие индейцев «свободными» подданными.

Но сами авторы указов и грамот подобного рода отлично понимали, что заклинаниями и декларациями нельзя унять аппетиты заморских добытчиков и наполнить пустующую королевскую казну.

Репартименто раздавались и после гранадского указа временным правителем «Индий» Бобадильей, сменившим Колумба. Не раздавать их нельзя было, ибо иначе кастильские поселенцы взяли бы сами то, что от них пытались уберечь коронные чиновники. Поэтому в данных условиях корона и те классы, интересами которых она руководствовалась в своей колониальной политике, стремились — применительно к уже установившейся социальной практике конкисты — создать такую систему, которая обеспечила бы их интересы хотя бы в такой же степени, как интересы рыцарей первоначального накопления.

По своей идее подобной системой и должна была стать энкомьенда, начало применения которой падает на 1501—1510 гг.

Назначая в сентябре 1501 г. Николаса Овандо правителем Эспаньолы, король и королева дают ему пространные инструкции, в которых указывается, что индейцев следует обращать в христианскую веру, оберегать от злоупотреблений как «свободных» вассалов короны и использовать их в «наших интересах», для чего следует взимать с них подать и удерживать десятину и эксплуатировать их труд на разработках золота и на казенных плантациях*.

Такого рода программа заранее была обречена на неуспех, и Овандо, прибыв на Эспаньолу в 1502 г., сразу же убедился в том, что кастильские поселенцы менее всего расположены были поступаться в пользу своих монархов уже приобретенными выгодами.

Тем не менее эту же программу король и королева продолжали отстаивать в инструкциях, данных Овандо в марте 1503 г., где предписывалось принудительное размещение индейцев во вновь основанных селениях, что окончательно разрушало и без того уже расшатанный общественный уклад индейцев. Ведь таким путем разрывались внутренние связи, которые скрепляли все родовые и племенные сообщества.

* Инструкция короля и королевы Николасу Овандо, Colección de documentos inéditos de Indias, t. XXXI, pp. 13—15.

Истинные цели этого мероприятия объясняются секретной инструкцией Овандо от 29 марта 1503 г., в которой предписывается закладывать новые селения вблизи золотых рудников, чтобы применять при добыче золота труд индейцев*.

Этими инструкциями намечался широкий план христианизации индейцев.

Овандо ясно дал понять короне, что реальная обстановка, сложившаяся на острове, не позволяет провести в жизнь указания короны, стремившейся овладеть источником рабочей силы — индейцами.

20 декабря 1503 г. смертельно больная королева-ханжа подписывает в Медина дель Кампо следующий указ:

«Мы желаем, чтобы упомянутые индейцы были обращены в нашу святую католическую веру и былиставляемы в ней, а для этого необходимо установить более тесные связи между индейцами и христианами, которые живут на этом острове, чтобы они могли общаться друг с другом и друг другу оказывать помощь, дабы остров этот возделывался и заселялся и было на нем всего в изобилии и собиралось бы золото, каковое имеется на нем к выгоде моих кастильских королевств и их обитателей. И повелеваю я дать по этим причинам настоящий указ, каковым поручаю вам, упомянутому нашему правителю, чтобы вы тотчас же, как только получите этот указ, и в дальнейшем добивались и принуждали упомянутых индейцев общаться с христианами этого острова и работать в их домах и собирать и добывать золото и другие металлы и трудиться для возделывания полей и для прокормления христиан — обитателей и поселенцев упомянутого острова»**.

Лицемерными заботами о спасении душ индейцев королева прикрывала хитроумный замысел: «свободные» подданные, оставаясь людьми, принадлежащими короне, передаются кастильским поселенцам на правах краткосрочного и долгосрочного пожалования. Сама форма пожалования называлась энкомьендой («патронат», «вверение»). Удостоенный монаршей милости кастилец — «энкомендеро» — получал право эксплуатации труда закрепощенных за ним индейцев. При этом, передавая эти права своим кастильским подданным, королева другим указом, подписанным в тот же день, обязала поселенцев-христиан выплачивать короне четвертую часть от всего дохода, который они получают, эксплуатируя труд индейцев. Таким образом «католическая» королева с бухгалтерской точностью фиксировала свою долю в этом «богоугодном» предприятии.

* Секретная инструкция короля и королевы Николасу Овандо. Colección de documentos inéditos de Indias, t. XXXI, p. 26.

** Указ королевы Изабеллы от 20 декабря 1503 г. Colección de documentos inéditos de Ultramar, t. V.

Энкомьенда как форма феодальных пожалований существовала в Кастилии уже давно. Чаще всего феодальный сеньор получал в энкомьенду города и селения. Он обязывался защищать жителей и пользовался там правом сбора в свою пользу определенных податей.

Создавая институт энкомьенды в Америке, корона воспользовалась старыми формами. Но на новооткрытых землях, в иной социальной обстановке за этими формами скрывалось иное содержание.

В Америке с энкомьендой с самого же начала связаны были безмерно тяжелые формы феодальной эксплуатации. Этот отвратительный в своем лицемерии «патронат» волков над овцами давал энкомендеро права на жизнь, труд и совесть индейцев.

Испанский правовед начала XVII столетия, Хуан Солорсано-и-Перейра, в своем труде «Индийская политика» прямо говорит о целях, которые преследовали короли Испании, оперируя терминами «свобода» и устанавливая энкомьенду. Солорсано позволяет себе не считаться с христианской демагогией, которой дышит все законодательство об индейцах. Он склонен называть вещи своими именами и поэтому отмечает, что свободные люди и по духу феодального права не могут быть отчуждены без соизволения на то своего сеньора. Провозглашая короля непосредственным сеньором индейцев (а подобный акт вытекает из статуса «свободы» последних), законы дают королю, и только ему, исключительное право распоряжаться судьбами своих вассалов. А отсюда следует, что и поселенцы-конкистадоры не могут приобретать индейцев в личное, безраздельное и вечное владение. Им предоставлено лишь временное пользование индейцами на началах ограниченного дарственного акта, причем король-сюзерен волен устанавливать условия подобных держаний. Солорсано, сам потомок конкистадоров и крупный перуанский землевладелец, указывает, что, пытаясь поставить завоевателей и поселенцев в зависимое положение, короли вовсе не стремились к защите интересов индейцев; они желали лишь ограничить влияние и мощь социальной группы, которая выдвинулась на первый план в завоевательных войнах.

Казуистическое рукоделие коронных юристов и наемных богословов постоянно расплзалось по швам, потому что в период испанского владычества в Америке сперва конкистадоры и первые поселенцы, а затем их потомки и массы новых искателей легкой наживы были могучей и вполне реальной силой.

Корона не раз предпринимала попытки ограничить аппетиты завоевателей новооткрытых земель.

Так, в 1542 г. Карл V утвердил так называемые «Новые Законы» (*Leyes Nuevas*), согласно которым индейцев надле-

жало изъять у владельцев энкомьенд и передать в непосредственное ведение короны.

Весть о «Новых Законах» вызвала смуту за океаном. Решения Карла V опротестовали испанские колонисты в Мексике. В Перу конкистадоры подняли бунт, который едва не привел к отпадению этой только что завоеванной колонии от метрополии (1544 г.). Карл V вынужден был отменить большую часть установленных «Новых Законов». В 40-х годах XVI в. система энкомьенды утвердилась окончательно и на долгое время (до начала XVIII в.). Следует отметить, что подлинные цели короны, поскольку они касались индейского населения, абсолютно ничем не отличались от целей, которые ставили перед собой конкистадоры. Рабство и крепостная зависимость и различные промежуточные формы эксплуатации индейцев — такова была доля «свободных вассалов» короны и тогда, когда они отбывали барщину на казенных землях и рудниках, и в том случае, когда их использовали на своих плантациях и предприятиях испанские поселенцы.

Об этом свидетельствуют и сами законодательные акты, и исторические документы, запечатлевшие разбойничьи приемы колонизации новооткрытых земель.

Положение индейцев после указов 1503 г. еще более ухудшилось. Овандо стал направо и налево раздавать энкомьенды, а «энкомендеро» и коронные чиновники загнали тысячи индейцев в рудники.

В 1504 г. индейцы центральных областей острова, доведенные до последней крайности, восстали. Овандо отправился в многомесячную карательную экспедицию, разорил и опустошил область Харагуа. О его деятельности кастильский чиновник, проживший долгое время на Эспаньоле, пишет: «...[Овандо] отправил своих людей в область Игуей, где перебил руками своего наместника Хуана Эскивеля *, уроженца Севильи, семь или восемь тысяч индейцев под предлогом, будто, по слухам, эта область собиралась возмутиться; а населяющие ее наги, и один христианин с мечом может справиться с двумястами индейцев».

Другое величайшее побоище и жестокое дело он [Овандо] учинил в области Харагуа, где за один прием захватил великую индейскую сеньору, по имени Анакаона, со всеми главными касиками тех мест. Он раздавал индейцев и отнимал их у многих [христиан] и передавал их своим приближенным и всяким иным лицам и от этого погибло бесчисленное множество [индейцев]**.

После расправ, учиненных Овандо, на острове осталось немногим больше 10 000 индейцев. Всеобщее репартимьенто

* Впоследствии отличившегося зверскими расправами с индейцами Ямайки.

** Colección de documentos inéditos de Indias, t. I.

1514 г. фактически было последним разделом индейцев среди кастильских поселенцев. В 20-х годах XVI века на плантациях и в рудниках острова работали уже негры, заменившие коренных обитателей Эспаньолы.

Этот остров оказался таким образом своеобразным опытным полем кастильской колонизации. Рабство и энкомьенда, возникшие на его землях, распространились в ходе дальнейших открытий и завоеваний на все необъятное пространство Испанской Америки.

Я. Свет

ЛИТЕРАТУРА

Краткая библиографическая справка должна дать читателю, желающему ознакомиться с документальными материалами эпохи Колумба, сведения об основных источниках, имеющихся в библиотеках Советского Союза.

Список этих источников не претендует на исчерпывающую полноту. В него не включены, в частности, специальные сборники документов, относящиеся к позднему этапу испанских открытий и завоеваний в Америке, и многочисленные собрания материалов путешествий.

Необходимо отметить, что решительно все сборники документов, данные о которых приведены ниже, составлялись и редактировались буржуазными учеными, которые, подбирая документальный материал, замалчивали свидетельства, идущие вразрез с традиционными концепциями; порой смысл документа искажался, чтобы смягчить и затушевать истинную картину деятельности творцов и ратоборцев гнусной системы колониальной эксплуатации.

Так, составители *Colección de documentos inéditos de Indias* откровенно заявляли, что, подготавливая к изданию документы по истории испанских заморских владений, они прежде всего руководствовались соображениями престижа и величия Испании. Видимо, заботами о реабилитации чести испанских конкистадоров и объясняется то обстоятельство, что в 42-томную серию не включен был ни один документ об индейских восстаниях XVI столетия, о гражданских войнах 40-х годов этого же века или о зверствах католических «миссионеров».

Узко шовинистическими соображениями руководствовались также издатели итальянской *Raccolta*, желавшие во что бы то ни стало доказать, что в открытии Америки первенствующая роль принадлежала итальянцам.

Тенденциозен подбор документов и в португальском сборнике *Alguns documentos* и у М. Наваррете.

Тысячи ценнейших документов, о существовании которых было известно еще в XVI и XVII столетиях, до сих пор еще покоятся на полках испанских и латино-американских архивов.

Буржуазные исследователи не включают их в свои сборники документальных материалов...

Однако деяния рыцарей чистогана, разоривших земли Нового Света, настолько вопиющи, что даже в самых «невинных» документах проявляется

подлинная сущность процессов зарождения и формирования испанской колониальной системы. Внимательное изучение этих документов дает историку-марксисту материал значительной познавательной ценности.

Следует подчеркнуть также, что почти все издания (исключая *Racolta* и отчасти *Select documents*) стоят, в смысле научной редакции публикуемых текстов, на весьма низком уровне. При составлении сборников, как правило, не считались различные варианты того или иного документа, не производился элементарный текстологический анализ отбираемых для издания материалов. Крайней небрежностью отличаются испанские публикации, в которых не соблюдаются простейшие правила издания исторических документов.

Мы помещаем наряду с перечнем основных сборников документальных материалов краткий список работ историков XVI столетия. Эти работы представляют значительный интерес не только потому, что они принадлежат очевидцам бурных событий века открытий и конкисты. В хрониках, посвященных истории «Индий», нашла свое отражение ожесточенная классовая борьба в метрополии и колониях, вызвавшая к жизни гневные обличительные произведения, которые порой содержат более ценные материалы для характеристики эпохи, чем современные издания тенденциозно подобранных документов.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Alguns documentos do arquivo nacional da Torre do Tombo acerca das navegações, e conquistas portuguesas publicados por ordem do governo da S. M. F. ao celebrar-se a comemoração 400 do descobrimento da America-Lisboa, 1892. Сборник документов о португальской заморской экспансии XV столетия. Составлен крайне тенденциозно и не включает многих важных документов. Сборник имеется в Гос. публ. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Berwick y Albá. Autógrafos de C. Colón, Madrid, 1892.

Nuevos autógrafos de Colón, Madrid, 1902.

Blake J. W. European beginnings in West Africa, v. I—II. London, 1942. Документы о португальской и кастильской экспансии в Африке и португало-кастильской борьбе за торговые пути в Атлантике (XV и первая половина XVI столетий). Имеется во многих библиотеках Москвы и Ленинграда.

Calvo Carlos. Colección historica completa de tratados, convenios y otras actas, v. I—XI, 1862—1869. В томе I тексты буллы 1493 г. и Тордесильяского договора; в томе XI ряд документов эпохи Колумба. Имеется в Гос. публ. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Colección de documentos inéditos para la historia de España, v. 1—112, Madrid, 1842—1895. Томы 63 и 64 посвящены Колумбу. Том 65 — материалы репартименто на острове Куба. Томы 66, 67, 70, 71 — работы Лас Касаса (*Apologetica historia de las Indias y Brevisima Relación*). Серия эта имеется (полностью) в Гос. публ. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Colección de documentos inéditos, relativos al descubrimiento, conquista y colonización de las posesiones españolas en América y Oceania, sacados

en su mayor parte del Real archivo de Indias bairno la direcci3n de Joaqui Pacheco etc. t. 1—42, Madrid, 1864—1884. (Сокр. назв. Colecci3n de documentos de Indias, или С. D. I.). Различные документы, относящиеся к эпохе Колумба (королевские инструкции и указы, переписка Колумба с испанской короной и ведомством, организованным в Севилье для управления «Индиями», договоры Колумба с короной, донесения чиновников, посылаемые на Эспаньолу, различные документы, касающиеся снаряжения экспедиций Колумба и управления новооткрытыми землями, материалы первых репартиментов), содержатся в томах I, XVI, XVII, XXI, XXIV, XXX, XXXI, XXXIV, XXXVIII и XXXIX; особенно много их в XXX, XXXI, XXVIII и XXXIX томах. Документы изданы без критического аппарата, крайне небрежно, подбор весьма тенденциозен. Серия С. D. I. имеется во Всесоюзной биб-ке им. В. И. Ленина и в Гос. публ. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Colecci3n de documentos in3ditos relativos al descubrimiento, conquista y organizaci3n de las antiguas posesiones espanolas de Ultramar — 2-da seria, t. 1—25, Madrid, 1885—1932. (Сокращенное название Colecci3n de documentos de Ultramar или С. D. U. Эта серия является продолжением серии С. D. I.). В серии С. D. U. документы, относящиеся к путешествиям Колумба и раннему этапу испанской колонизации Америки, содержатся в томах I, IV, VI (остров Куба), V, IX, X (законодательные акты), VII и VIII (процесс Колумба). Полная серия С. D. U. имеется во Всес. биб-ке им. В. И. Ленина. Томы I—XIII имеются в Гос. публ. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Da v e n p o r t F. G. European treaties bearing on the history of the United States and its dependencies, t. I—III, Washington, 1917. В I томе (период 1420—1648 гг.) — тексты папских булл (Евгения IV, Николая V, Каликста III, Сикста IV, Александра VI и Льва X) о заморских землях Португалии и Кастилии; приведены все буллы 1493 г., договоры в Тордесильясе и Сарагосе (на языке оригинала и в переводе на английский яз.). Сборник имеется во Всес. биб-ке им. В. И. Ленина.

C o l o m b o Cristoforo. Documenti e prove della sua appartenenza a Genova. Изд. Citt3 de Genova, Bergamo, 1931. Сборник документов, подтверждающих генуэзское происхождение Колумба. Имеется во Всес. биб-ке им. В. И. Ленина.

Наkluyt Society — 1 и 2 серия. В сериях Nacluyt Society с 1849 по 1949 год вышло несколько томов, посвященных Колумбу и его путешествиям. Наибольший интерес представляет публикация Select documents illustrating the four voyages of С. Columbus, v. I и II (65 и 70, второй серии). Этот сборник имеется во многих библиотеках Москвы и Ленинграда. Помимо вступительных статей к каждому тому и примечаний, выпуск содержит следующие документы:

1. Письмо Колумба Сантанхелю и Санчесу.
2. Письмо доктора Чанки.
3. Отрывок из «Истории католических королей» Бернальдеса.
4. Мемориал Колумба Фердинанду и Изабелле (1494 г.).
5. Письмо Колумба о результатах 3-го путешествия.
6. Письмо Колумба кормилице наследного принца.

7. Письмо Колумба о результатах 4-го путешествия.

8. Отрывок из завещания Диего Мендеса.

Все документы приводятся на языке оригинала и в английском переводе. Издание не свободно от ошибок и по полноте и точности значительно уступает итальянской *Raccolta* (см. ниже).

Navarrete M. F. *Colocción de los viajes y descubrimientos que hicieron por mar los españoles desde el fin del siglo XV*, t. I—V, 1-е издание 1825—1837, 2-е издание 1858—1859. Первые два тома — документы эпохи Колумба. Наваррете впервые опубликовал «Дневник первого путешествия» и новый вариант письма Колумба Сантанхелю и Санчесу. Особенно интересен т. II — «Дипломатические документы», в котором помещены тексты договора с Колумбом от 17 апреля 1492 г., ряд официальных документов, относящихся к снаряжению всех экспедиций Колумба и управлению Эспаньолой, тексты папской буллы 1493 г. и различные документы, относящиеся к португальско-испанским переговорам о демаркационных рубежах в Атлантике. Изданы документы небрежно, научная редакция их оставляет желать лучшего. В значительной степени это издание перекрыто позднейшими публикациями (*Raccolta*, C. D. I., C. D. U.). Сборник имеется во Всес. биб-ке им. В. И. Ленина и в Гос. публ. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Navarrete M. F. *Relations des quatres voyages entrepris pour dé couverte de Nouveau Monde*, Paris, 1828. Параллельное *Colección* издание на французском языке, в основу которого положена, однако, несколько иная программа. В *Relations* даны материалы путешествия Колумба и содержится лишь незначительное число дипломатических документов и материалов, относящихся к управлению новооткрытыми землями. Сборник имеется во многих библиотеках Москвы и Ленинграда.

Raccolta di documenti e studi pubblicati dalla Reale Commissione Colombiana, pel quarto centenario dalla scoperta dell'America, parte I—VI. Ministero della publica istruzione, Roma, 1892—1896.

Parte I (редактор Лоллис Ч.), *Scritti di Cristoforo Colombo*, v. I (период с 1492 по 1498 г.), v. II (период с 1498 по 1506 г.). В I и II томах помещено 79 документов, в том числе важнейшие письма Колумба (как подлинные, так и приписываемые Колумбу), дневник первого путешествия, инструкции и мемориалы Колумба, отрывки из *Historie della vita... dell'Amiraglio Фердинанда Колумба*, фрагменты из *Historia de las Indias Лас Касаса*, посвященные второму и третьему путешествиям, завещание Колумба (в ранней и более поздних редакциях), заметки Колумба на полях принадлежавших ему книг (подлинность этих заметок до сих пор не доказана). Преимущественно даются документы, относящиеся к путешествиям Колумба. Значительно слабее представлены материалы, на основании которых можно было бы судить о характере колонизации новооткрытых земель. Все документы напечатаны на языке оригинала (кастильском) после тщательного сличения с подлинниками и снабжены обширными комментариями текстологического характера. Реальный комментарий, как правило, не дается. Недостатки этой части издания искупаются его относительной полнотой, прекрасным техническим оформлением и строго научной редакцией текста.

Parte II, v. I. Belgrano L. T. e Staglieno M. Documenti relativi a Cristoforo Colombo e a alla sua famiglia, 1896. (Эта публикация не включает обнаруженных позднее в геновских архивах документов, помещенных в сборнике *Cristoforo Colombo..*, Bergamo, 1931), v. II. Codice dei privilegi di Cristoforo Colombo, 1894, v. III. Desimoni C. Quistione Colombiane; Salvagini A. C. Colombo e corsari Colombo; Neri A. I retratti di Colombo; Rossi, U. Le medaglie di C. Colombo.

Parte III, v. I и II. Fonti italiane par la storia della scoperta del Nuovo Mondo, 1893.

Parte IV, v. I. Albertis E. A. d'; Le construzioni navali e l'arte della navigazione al tempo di Cristoforo Colombo, 1893, v. II. Bertelli T. La declinazione magnetica e la sua variazione nello spazio scoperte la Cristoforo Colombo; Bellio V. Notizia delle più antiche carte geografiche che si trovano in Italia riguardanti e'America, 1892.

Parte V, v. I. Uzielli C. La vita i tempi di Paolo dal Pozzo Toscanelli, 1894, v. II. Pennesie G. Pietro Martire d'Anghiera; Hugues L. Amerigo Vespucci, Giovanni Verrazano, Juan Bautista Genovese; Bellemo V. Giovanni Caboto; Perogallo P. Leone Pancaldo, 1894, v. III. Mosto A. da. Il primo viaggio intorno al globo di Antonio Pigafetta e la sua «Regole sull'arte del navigare». Allegrì M. Girolamo Benzoni e la sua «Historia del Mondo Nuovo», 1894

Parte VI. Fumagalli G. Bibliografia degli scritti italiani ostampati in Italia sopra Cristoforo Colombo, la scoperta del Nuovo Mondo e i viaggi degli italiani in America, 1893.

Сборник *Raccolta* имеется во Всес. биб-ке им. В. И. Ленина и в Гос. публ. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Ramusio I. B. Delle navigationi et viaggi raccolta, v. I—III, Venecia, 1563—1606, v. I. Плавания португальцев в Африку и в Индию; v. II. Путешествия в страны Востока (Марко Поло и др.); v. III. Плавания Колумба. Редкое издание; имеется во Всес. биб-ке им. В. И. Ленина и в Гос. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Voyages, relations et mémoires originaux pour servir à l'histoire de la découverte de l'Amérique (publ.) par Henri Ternaux Compans, v. I—XX, Paris 1837—1841. Все документы даны в переводе на франц. яз. Колумбу и его путешествиям отведено незначительное место. Подбор документов случайный. Имеются, однако, чрезвычайно ценные материалы, относящиеся к колонизации южноамериканского материка, Центральной Америки и к испанским открытиям XVI ст. Сборник имеется в биб-ке им. Горького МГУ и в Гос. публ. биб-ке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

РАБОТЫ О НОВООТКРЫТЫХ ЗЕМЛЯХ ИСТОРИКОВ XVI в.

A costa Jose de. Historia natural y moral de las Indias, 1-е издания: Sevilla, 1590; London, 1604; позднейшие — London, 1880, v. I—II; новейшие — Mexico, 1940.

Anghiera, Pietro Martire (Martir Petrus), *De orbe Novo decades*, Compluti, 1530.

Anghiera, Pietro Martire, De rebus oceanicis et Novo Orbe decades Basiliae, 1533.

— Opus epistolarum, Venezia, 1516.

В а р г о с, Ж о а о. Da Asia. Venezia, 1574 и ряд последующих изданий.

B e n z o n i, G i r o l a m o. Historia del Mondo Nuovo, Venezia, 1565.

B e r n a l d e s, A n d r e s. Historia de los reyes catolicos D. Fernando y Da Isabel. Cronica inédita del siglo XV, v. I—II, Granada, 1856.

C o l o m b o, F e r d i n a n d (?). Historie della vitae de'fatti dell. Amiraglio D. Christoforo Colombo. Первое издание—Venice, 1571 (на итальянском яз.). Современное, наиболее известное и далеко не безупречное издание под редакцией R. Caddeo вышло в Милане в 1930 г.

H e r r e r a y T o r d e s i l l a s, A n t o n i o d e. Historia general de los hechos de los castellanos en las islas y tierras firmas del mar-oceano, v. I—IV, Madrid, 1601—1615. Позднейшие издания: Barcia, Madrid, 1729—1730. Новейшее (Acad. de la Hist. de Esp.) — Madrid, 1934.

L a s C a s a s, B a r t o l o m é d e. Historia de las Indias. Madrid, 1875—1878 (1-е изд.), Madrid, 1926—1927 (2-е изд.).

— Apologética historia de las Indias, Nueva Biblioteca de autores espanoles, editada por M. Serrano y Sanz t. XIII, Madrid, 1909.

— Brevissima relación de la destruycción de las Indias, Sevilla, 1552 (первое изд.).

L o p e z d e G ó m a r a, F r a n c i s c o. La historia de las Indias y conquista de Mexico. 1-е издание (сожженное по распоряжению инквизиции) — Saragosa, 1552. Имеется много последующих изданий; самораспространен в Biblioteca de autores espanoles, t. XXII, 1877. Новейшее издание вышло в Мексико в 40-х годах.

M a r t i r P e t r u s (см. Anghiera).

O v i e d o y V a l d e s, G o n z a l o F e r n a n d e z. Histori general y natural de las Indias, islas, y tierras firmas del mar-oceano (отдельные части вышли в 1535 г. в Севилье и в 1552 г. в Вальядолиде. Первое полное издание Amador de los Rios, Madrid, 1851—1855, t. I—IV. Новейшее издание в 11 томах, Asunción, 1944—1945).

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Колумб и его открытия.— <i>И. Магидович</i>	3
Договор в Санта-Фе (<i>Capitulación</i>)	55
Комментарии	58
Свидетельство о пожаловании титула Христофору Колумбу	60
Комментарии	63
Письмо Сантанхелю и Санчесу	64
Комментарии	71
Дневник первого путешествия	76
Комментарии	210
Булла <i>Inter caetera</i> № 2	240
Комментарии	244
Инструкция короля и королевы Христофору Колумбу	253
Письмо доктора Чанки властям города Севилья	260
Комментарии	282
Адрес Бернальдес. Отрывок из «Истории католических королей»	284
Комментарии	305
Бартоломе Лас Касас. Описание второго путешествия... (из «Истории Индии»)	310
Комментарии	345
Мемориал Колумба Изабелле и Фердинанду	348
Комментарии	364
Инструкция Колумба мосену Педро Маргариту	368
Комментарии	373
Тордесильясский договор между королями Испании и Португалии о разделе мира	375
Комментарии	378
Письмо Колумба Фердинанду и Изабелле о результатах третьего путешествия	380
Комментарии	398
Бартоломе Лас Касас. Описание третьего путешествия (из «Истории Индии»)	404
Комментарии	431
Из письма Колумба королям	434

Охранное письмо Колумба Ролдану	436
Комментарий	437
Письмо Колумба «неизвестным сеньорам»	439
Комментарий	441
Письмо Христофора Колумба кормилице дона Хуана Кастильского	442
Комментарии	452
Инструкция короля и королевы Христофору Колумбу	456
Письмо Колумба королю и королеве с острова Ямайка	459
Комментарии	474
Отрывок из завещания Диего Мендеса	480
Комментарии	492
Послесловие — Открытие Америки и зарождение системы эксплуата- ции ее коренного населения.— <i>Я. М. Свет</i>	494
Литература	519

ПУТЕШЕСТВИЯ
ХРИСТОФОРА КОЛУМБА

Редактор *С. Н. Кумкес*
Переплет и титульный лист художника *Б. В. Шварца*
Рисунки художника *Ю. Г. Макарова*
Портрет гравюра художника *А. Н. Павлова*
Художеств. редактор *В. Г. Петухов*
Технический редактор *Н. И. Ногина*
Редактор карт *А. В. Голицын*
Корректоры *В. И. Попова* и *З. Г. Гейзе*

Т-00077. Сдано в производство 31/XII 1955 г. Подписано
в печать 1/III 1956 г. Формат 60 × 92¹/₁₆. Физических ли-
стов 34,12. Печатных листов вкл. 33 + 1,12 вкл. Издатель-
ских листов 33,6. Тираж 100 000. Цена 12 руб.
Переплет 1 р. 50 к. Заказ 1107.

Географгиз, Москва, В-71, Б. Калужская, 15.
Набрано в 3-й типографии «Красный пролетарий».
Отпечатано в Первой Образцовой типографии
имени А. А. Жданова Главполиграфпрома Министерства
культуры СССР.
Москва, Ж-54, Валовая, 28. Заказ № 1506.

12р. (в переплете)

Географиз